

ISSN: 2074-1944

ВОЕННОЕ ПРАВО

<http://www.voennoepravo.ru/>

№ 4 (68) 2021

Редакционный совет

1. **Бут Надежда Дмитриевна**, доктор юридических наук, заведующий отделом проблем прокурорского надзора и укрепления законности в социально-экономической сфере НИИ Университета прокуратуры Российской Федерации

2. **Воронов Александр Федорович**, доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист Российской Федерации, профессор кафедры гражданского и арбитражного процесса юридического факультета Московского государственного университета

3. **Ермолович Ярослав Николаевич**, доктор юридических наук, профессор кафедры уголовного права и криминологии Московской академии Следственного комитета Российской Федерации

4. **Корякин Виктор Михайлович**, доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры военной администрации, административного и финансового права Военного университета, заведующий кафедрой ФГАОУ ВО «Российский университет транспорта»

5. **Маликов Сергей Владимирович**, доктор юридических наук, профессор, председатель диссертационного совета по специальности 20.02.03 — Военное право, военные проблемы международного права, профессор кафедры криминологии Военного университета

6. **Свинных Евгений Анатольевич**, доктор юридических наук, доцент

7. **Сморчкова Лариса Николаевна**, доктор юридических наук, доцент, ведущий научный сотрудник Института государства и права РАН

8. **Старцун Виктор Николаевич**, доктор юридических наук, профессор

9. **Субанова Наталья Викторовна**, доктор юридических наук, доцент, проректор Университета прокуратуры Российской Федерации

10. **Туганов Юрий Николаевич**, доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист Российской Федерации, профессор Российской таможенной академии

11. **Холиков Иван Владимирович**, доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры международного и европейского права Института законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации

Издается с 2001 г.
Научные направления
периодического издания:
— Военные науки
— Право

Свидетельство о регистрации
средства массовой информации
Эл 77-4305 от 16.01.2001 г.
Номер ISSN: 2074-1944

Издание включено в систему
Российского индекса научного цитирования (РИНЦ)

Решением президиума Высшей аттестационной комиссии при Минобрнауки России от 26 апреля 2019 г. издание включено в **Перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, ученой степени доктора наук** по группе научных специальностей 20.00.00 — Военные науки (№ 742 Перечня с 7 мая 2019 г.)

В период с 18 октября 2016 г. по 26 марта 2019 г. издание было включено в указанный Перечень по группе научных специальностей 12.00.00 — Юриспруденция

Главный редактор —
КОРЯКИН
Виктор Михайлович,
доктор юридических наук (20.02.03)
профессор (12.00.03)
e-mail: Korjakinmiit@rambler.ru

Ведущий редактор —
ГУСЕЙНОВА
Альбина Джабаровна

Адрес в интернете
<http://www.voennopravo.ru/>

СОДЕРЖАНИЕ

Указатель сокращений	6
Памяти Олега Валерьевича Дамаскина	9

Правовое обеспечение национальной безопасности

1. Дамаскин О. В. Россия в современном мире: уроки истории и перспективы современности в четвертой промышленной революции	10
2. Ирошников Д. В. Эволюция категории «безопасность» и производных от нее понятий в отечественном законодательстве периода российской империи	21
3. Шнякина Т. С. Оборона страны и безопасность государства как правовые термины, понятия и концепты	33

Теория и история военного права

4. Беляев Н. Н. Об исторических уроках реформирования государственной охраны Российской Империи и предвоенной Советской республики	45
5. Корякин В. М. Военное право и правосознание военнослужащих	49
6. Луценко В. В., Семёнова И. В. Режим контртеррористической операции как особый комплексный правовой институт	56
7. Петухов Н. А., Туганов А. Ю. Роль председателя военного трибунала в судебном управлении в Великую Отечественную войну: преемственность опыта военного времени	61
8. Тарадонов С. В. Некоторые аспекты развития военного строительства и российского военного права в допетровский период (X в. — 1700 г.)	70
9. Шамаров В. М. Политическая система общества: понятие, институциональные основы, классификация категории	81

Военно-административное право

10. Бударин Я. С., Никонович С. Л., Щелаков П. В. Группировка войск как полноценная военно-административная единица Вооруженных Сил Российской Федерации	92
11. Захаров П. А. Понятие деятельности должностных лиц пограничных органов по проведению административного расследования по делам об административных правонарушениях	100
12. Овчаров А. В. Антимонопольный комплаенс как средство предупреждения коррупции в сфере осуществления государственных и муниципальных закупок	110
13. Редкоус В. М., Дуванов Н. Ю. Понятие и характерные черты производства по делам об административных правонарушениях, осуществляемого пограничными органами в отношении юридических лиц	117

14. Решетников В. Н., Григорьев С. А.	
Актуальные проблемы правового регулирования внесения представлений об устранении причин и условий, способствовавших совершению административных правонарушений в сфере защиты Государственной границы	131
15. Семенова И. В., Шобонов С. А., Дорогин Р. В.	
Отдельные проблемные вопросы хранения и отчуждения изъятого оружия	137
16. Сердюков С. В.	
Необходимость внесения изменений в КоАП РФ в части, касающейся индивидуализации назначения наказания военнослужащим за совершенные ими административные правонарушения	141
17. Телешев П. Б.	
Полномочия органов государственной власти по вопросам рассмотрения административных правонарушений в области защиты государственной тайны, совершаемых в Вооруженных Силах Российской Федерации	147
18. Фаисханов Р. Р., Шеншин В. М.	
Дисциплинарная ответственность военнослужащих за совершение административных правонарушений	159
Военная служба. Социальные гарантии военнослужащих	
19. Зайков Д. Е.	
Взыскание с военнослужащих и лиц, уволенных с военной службы, необоснованно выплаченных им денежных средств	166
20. Кутузов О. В.	
Вакцинация от Covid-19: право или обязанность военнослужащих?	171
Правовое обеспечение профессиональной подготовки военнослужащих	
21. Акилов М. А.	
Понятие правового регулирования профессиональной подготовки младших специалистов пограничных органов федеральной службы безопасности	183
22. Калашников В.В.	
95 лет военной подготовке на базе гражданской высшей школы: вопросы совершенствования правового регулирования	187
Правовое регулирование трудовых отношений в военных организациях	
23. Ломакина Т. В.	
Актуальные вопросы организации охраны труда гражданского персонала Вооруженных сил Российской Федерации	194
24. Харитонов В. С.	
К вопросу о свободе труда и свободе трудовых отношений	200
Судебная и прокурорская деятельность	
25. Авдонкин В. С.	
Организация апелляционного производства в Апелляционном военном суде и окружном (флотском) военном суде	204
26. Аулов В. К., Петухов Н. А., Туганов Ю. Н.	
Формирование и развитие судебного управления в России на рубеже 60—90-х гг. XX века	218
27. Леонтьев В. Н.	
Актуальные вопросы деятельности военных судов в период вооруженных конфликтов	228

28. Махьянова Р. М.	
Развитие теоретических исследований о сущности и содержании надзорной деятельности органов прокуратуры	232
29. Харитонов С. С., Шарапов С. Н.	
О возмещении судебных (процессуальных) издержек: практика военных судов	242
Уголовное право, криминология, уголовный процесс и криминалистика	
30. Баркалова Е. В.	
Уголовно-процессуальные и криминалистические аспекты допроса обвиняемого	248
31. Бондаренко Л. К.	
Экспертиза антикварного холодного оружия	255
32. Борисов А. В.	
О некоторых аспектах объекта мошенничества.....	264
33. Воеводина А. И.	
Актуальные проблемы противодействия нарушению установленного порядка организации либо проведения собрания, митинга, демонстрации, шествия или пикетирования	270
34. Гирько С. И., Харченко С. В.	
Некоторые аспекты использования результатов оперативно-розыскной деятельности	277
35. Октысюк А. В.	
Способы совершения преступлений организованными преступными группами	282
36. Харитонов С. С., Смирнов Д. В.	
О рассмотрения военными судами гражданского иска по уголовному делу (на примерах судебной практики)	287
37. Шумилин В. А.	
К вопросу об основаниях и условиях освобождения военнослужащего от уголовной ответственности за уклонение от военной службы	292
Военные проблемы международного права. Зарубежное военное законодательство	
38. Синяева Н. А., Федулкина И. А.	
Основные направления совершенствования международно-правового регулирования применения средств противодействия геноциду в ходе вооруженных конфликтов	301
39. Холиков И. В.	
Политико-правовые аспекты китайской космической программы	310
40. Чернявский А. Г.	
Гуманитарное вмешательство в международные отношения и его международно-правовая легитимность	315

Указатель сокращений

- абз.** — абзац
- БК РФ** — Бюджетный кодекс Российской Федерации
- БПЛА** — беспилотный летательный аппарат
- ВВП** — валовой внутренний продукт
- ВВС** — Военно-воздушные силы
- ВМС** — военно-морские силы
- ВОЗ** — Всемирная организация здравоохранения
- Врио** — временно исполняющий обязанности
- ВЧК** — Всероссийская чрезвычайная комиссия
- ГК РФ** — Гражданский кодекс Российской Федерации
- ГПК РФ** — Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации
- ГПС** — Государственная противопожарная служба
- гл.** — глава
- ГОСТ** — государственный стандарт
- ГРУ** — Главное разведывательное управление
- ГУ МВД** — Главное управление Министерства внутренних дел
- дис.** — диссертация
- ДОСААФ** — Добровольное общество содействия армии, авиации и флоту
- ДТП** — дорожно-транспортное происшествие
- ДУ ВС РФ** — Дисциплинарный устав Вооруженных Сил Российской Федерации
- ЕСПЧ** — Европейский Суд по правам человека
- ИГП РАН** — Институт государства и права Российской академии наук
- ИЗиСП** — Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации
- КАС РФ** — Кодекс административного судопроизводства Российской Федерации
- КНР** — Китайская Народная Республика
- КоАП РФ** — Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях
- КПСС** — Коммунистическая партия Советского Союза
- МВД России** — Министерство внутренних дел Российской Федерации
- МВФ** — Международный валютный фонд
- МГП** — международное гуманитарное право
- МИД России** — Министерство иностранных дел Российской Федерации
- Минздрав России** — Министерство здравоохранения Российской Федерации
- Минобороны России** — Министерство обороны Российской Федерации

Минобрнауки России — Министерство науки и высшего образования Российской Федерации

Минтруд России — Министерство труда и социальной защиты Российской Федерации

Минюст России — Министерство юстиции Российской Федерации

МКС — международная космическая станция

млн. — миллион

млрд — миллиард

МОТ — Международная организация труда

МЧС России — Министерство Российской Федерации по делам гражданской обороны, чрезвычайным ситуациям и ликвидации последствий стихийных бедствий

НАТО — Организация Североатлантического Договора (англ. North Atlantic Treaty Organization, NATO)

НДС — налог на добавленную стоимость

НИИ — научно-исследовательский институт

НИОКР — научно-исследовательские и опытно-конструкторские работы

НКВД — Народный комиссариат внутренних дел

НКГБ — Народный комиссариат государственной безопасности

ОГПУ — Особое государственное правовое управление

ООН — Организация Объединенных Наций

ООО — общество с ограниченной ответственностью

ОРД — оперативно-розыскная деятельность

п. — пункт

ПВО — противовоздушная оборона

подп. — подпункт

прим. — примечание

ПСЗ — Полное Собрание Законодательства Российской Империи

РАЕН — Российская академия естественных наук

РАН — Российская академия наук

Росгвардия — Федеральная служба войск национальной гвардии Российской Федерации

Росреестр — Федеральная служба государственной регистрации, кадастра и картографии

Росстандарт — Федеральное агентство по техническому регулированию и метрологии

РСФСР — Российская Советская Федеративная Социалистическая Республика

руб. — рубль, рублей

СВР России — Служба внешней разведки Российской Федерации

- СК России** — Следственный комитет Российской Федерации
- СМИ** — средства массовой информации
- СНГ** — Содружество Независимых Государств
- СССР** — Союз Советских Социалистических Республик
- ст.** — статья
- США** — Соединенные Штаты Америки
- ТК РФ** — Трудовой кодекс Российской Федерации
- тыс.** — тысяча
- УВС ВС РФ** — Устав внутренней службы Вооруженных Сил Российской Федерации
- УК РФ** — Уголовный кодекс Российской Федерации
- УПК РФ** — Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации
- ФАС России** — Федеральная антимонопольная служба
- ФГКУ** — федеральное государственное казенное учреждение
- ФСБ России** — Федеральная служба безопасности Российской Федерации
- ФСИН России** — Федеральная служба исполнения наказаний
- ФСО России** — Федеральная служба охраны Российской Федерации
- ФСТЭК России** — Федеральная служба по техническому и экспортному контролю
- ЦИК** — Центральный исполнительный комитет
- ЦК КПСС** — Центральный комитет Коммунистической партии Советского Союза
- ч.** — часть

Памяти Олега Валерьевича Дамаскина

4 июня 2021 г. на 82-м году ушел из жизни полковник юстиции в отставке, доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист Российской Федерации, государственный советник юстиции Российской Федерации 2 класса Дамаскин Олег Валерьевич.

Олег Валерьевич родился в 1939 г. в пос. Завидово Тверской области, прожил интересную и насыщенную жизнь, которую посвятил службе Родине.

Был в составе первых выпусков инженеров и военных лётчиков, которые создали ядерный щит РВСН и предотвратили атомную бомбардировку советских городов. Выполнял боевые задачи во время Кубинского ядерного кризиса.

Готовил офицеров-ракетчиков в Серпуховском высшем военном училище.

После окончания в 1971 г. юридического факультета Военно-политической Академии занялся обучением военных юристов. Внёс значительный вклад в становление и развитие правовой работы в Вооружённых Силах СССР.

Профессиональные навыки и опыт Олега Валерьевича были востребованы на самых ответственных направлениях: в

Администрации Президента (1991—1992 гг. помощник Вице-президента России), Федеральном Собрании Российской Федерации (1994—2000 гг. заместитель руководителя аппарата Комитета Государственной Думы по экономической политике), органах прокуратуры (2000—2014).

Наряду с активной государственной деятельностью занимался общественной работой в Научно-методическом совете при Центральной избирательной комиссии и Общественной палате Российской Федерации по тематике военного строительства, защиты прав военнослужащих, противодействия коррупции.

Блестящий Учёный и Наставник. Автор более 200 научных работ, в том числе более десятка монографий по актуальным проблемам национальной безопасности и криминологии. Несколько десятилетий посвятил подготовке сотрудников правоохранительных органов и учёных-юристов в Военном университете Министерства обороны Российской Федерации, Университете прокуратуры Российской Федерации, Московском пограничном институте ФСБ России, Пограничной академии ФСБ России.

Под его научным руководством защищены 14 кандидатских и 8 докторских диссертаций по проблемам военного и административного права, криминологии, криминалистики, борьбы с преступностью.

С 2017 и до конца своей жизни возглавлял сектор уголовного права, уголовного процесса и криминологии Института государства и права РАН. Организовывал фундаментальные и прикладные научные исследования по приоритетным направлениям работы Института.

Ушёл наш старший Товарищ и Друг, постоянный автор нашего журнала, общения с которым нам будет очень не хватать.

Искренние и глубокие соболезнования родным и близким.

Вечная память.

Правовое обеспечение национальной безопасности

Россия в современном мире: уроки истории и перспективы современности в четвертой промышленной революции

© **Дамаскин Олег Валерьевич**

доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист Российской Федерации, главный научный сотрудник Института государства и права РАН

Аннотация. Рассматриваются актуальные аспекты положения России в современном мире, СССР в истории человечества, реставрация капитализма в России, кризис мировой цивилизации и перспективы России, потребности и возможности учета уроков истории и обоснования перспектив современности в четвертой промышленной революции.

Ключевые слова: мировая цивилизация, глобализация, Россия, СССР, РСФСР, социализм, капитализм, экономика, элита, кризис, четвертая промышленная революция, перспективы России.

Russia in the Modern World: History Lessons and Prospects of Modernity in the Fourth Industrial Revolution

© **Damaskin O. V.**,

Doctor of Law, Professor, Honored Lawyer of the Russian Federation, Chief Researcher of the Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences

Annotation. The article deals with the current aspects of the situation of Russia in the modern world, the USSR in the history of mankind, the restoration of capitalism in Russia, the crisis of world civilization and the prospects of Russia, the needs and possibilities of taking into account the lessons of history and substantiating the prospects of modernity in the fourth industrial revolution.

Keywords: world civilization, globalization, Russia, USSR, RSFSR, socialism, capitalism, economy, elite, crisis, fourth industrial revolution, prospects of Russia.

За свою многовековую историю Россия прошла сложный, уникальный исторический путь. Она неоднократно переживала переломные этапы, определявшие не только её судьбу, но и развитие мировой цивилизации. Её самобытность, культура, огромный природный, интеллектуальный и духовный потенциал, уникальное геополитическое положение предопределили особое место России в ряду великих мировых держав¹.

¹ Карамзин Н. М. История государства Российского / Комментар. Т. I—IX. Калуга: Золотая аллея, 1993; Российское законодательство X—XX веков. В девяти томах. М.: Юрид. лит., 1985.

Глобальный цивилизационный кризис, трансформация государства и права² актуализирует потребности исследования положения России в современном мире на основе уроков истории и возможности определения перспектив современности в интересах государственного суверенитета³ и национальной безопасности России⁴.

² Савенков А. Н. Государство и право в период кризиса современной цивилизации : монография. М.: Проспект, 2020.

³ Красинский В. В. Защита государственного суверенитета : монография. М.: Норма, 2017.

⁴ Дамаскин О. В. Преступность в XXI веке: проблемы и перспективы : монография. М.: Юрлитинформ, 2020.

1. СССР в истории человечества. В

1917 г. был осуществлен переход государственной власти от монархии к Российской Советской Социалистической Республике (РСФСР). За годы своего существования до 1991 г. к РСФСР присоединился ряд советских республик, образовав Союз Советских Социалистических Республик (СССР). Октябрьская революция 1917 г., становление советской власти путем создания советов солдатских, рабочих и крестьянских депутатов, победа Красной Армии в гражданской войне и в отражении иностранной интервенции опирались на широкую поддержку беднейшего населения страны, воодушевленного лозунгом: «мир народам, фабрики рабочим, земля крестьянам»¹.

За период с 1918 по 1938 г. в стране были осуществлены: ликвидация частной собственности и установление государственной общественной собственности на средства производства, коллективизация сельского хозяйства, ликвидация безграмотности, электрификация и индустриализация страны, проходившие в обстановке острой борьбы органов советской власти с антисоветским сопротивлением и подрывной деятельностью извне. В этих условиях шло формирование и модернизация Красной Армии, существенное участие в создании которой принимали военные специалисты, ранее состоявшие на службе в царской армии, часть из которых заняла видное место в руководстве Красной Армии.

Принципиально новым подходом было формирование Красной Армии на основе теснейшей связи с трудовыми коллективами страны, подготовка командного состава из рабочих и крестьян как вооруженной части трудового народа, обеспечивающей защиту важнейших классовых интересов рабочих и крестьян. Именно это идеологическое начало лежало в основе новых отношений классовой солидарности в сфере военной службы, основ ее воинской дисциплины, организации боевой подготовки и стойкости в боевых действиях. Красная Армия для миллионов выходцев из рабо-

чих и крестьянских семей стала школой обучения грамоте и профессии, политического просвещения и социализации, базой для последующей учебы в высших учебных заведениях и назначения на руководящую работу в государственных организациях, в промышленности и сельском хозяйстве.

Развитие оборонной промышленности, концентрация материальных, финансовых и кадровых ресурсов на важнейших направлениях деятельности в стране, сплоченность и героизм народа позволили Красной Армии одержать победу в Великой Отечественной войне². Изменения в мировой обстановке после второй мировой войны, создание новых средств ведения войны, оружия массового поражения, противостояние в «холодной войне» обусловили особое место Вооруженных Сил СССР в советском обществе, уважение к ним со стороны большинства населения³.

Впервые в истории человечества советский человек, майор Ю. А. Гагарин своим космическим полетом открыл космическую эру человечества.

Воинская служба определялась Конституцией СССР «почетной обязанностью советских граждан» и действительно воспринималась таковой большинством граждан, как основа реального единства жизненно важных интересов армии и народа. Этому способствовали нормы законодательства, устанавливавшие статус военнослужащих, скромную, но реальную социальную защиту военнослужащих и членов их семей.

Начатая в 1985 г. Генеральным секретарем ЦК КПСС М. С. Горбачёвым «перестройка» в стране, взятый им курс на «построение социализма с человеческим лицом» создало предпосылки для дезорганизации системы управления и экономики страны. С 1987 г. в СССР с ведома и по указанию М. С. Горбачева развернулась широкомасштабная антиармейская кампания. В Прибалтике и Закавказье участились нападения на офицеров. В настоящее

¹ Гражданская война и военная интервенция в СССР. М., 1983.

² Вторая мировая война. Итоги и уроки. М., 1985.

³ Жилин П. А. О войне и военной истории. М.: Наука. 1984; Солдаты XX века. М., 2005.

время является очевидным, что решения М. С. Горбачёва по основополагающим государственным и международным проблемам, связанным с внутренней и внешней политикой, отношениями с зарубежными странами, принимались с ущербом для СССР¹. В 1991 г. этот процесс был продолжен первым Президентом Российской Федерации Б. Н. Ельциным. Организованный развал СССР был обеспечен организованным невмешательством в этот процесс Вооруженных Сил СССР.

Эйфория ожидания мнимых свобод и благ «западного образа жизни», получившая широкое распространение в обществе на основе развернутой пропагандистской кампании отечественных и иностранных средств массовой информации, затронула и значительную часть военнослужащих, обеспечив их невмешательство в происходящие процессы².

2. Реставрация капитализма в России. По истечении 80 лет после начала Великой Отечественной войны, завершившейся Победой советского народа, 75 лет после завершения Нюрнбергского³, Токийского, Хабаровского процессов, осудивших ряд военных преступников Второй мировой войны, спустя 30 лет после развала СССР и отказа от построения социалистического общества, актуализируется потребность честной оценки результатов реставрации капитализма в России. В свое время отказ от обсуждения вариантов реформирования или развития социализма стал одной из основных причин интеллектуального, идеологического и управленче-

ского кризиса власти и общества периода перестройки.

Основные усилия либеральной элиты. Действовавшая ранее в СССР социально-экономическая модель была сломана, государственная идеология выброшена, осуществлялось строительство капитализма колониального типа, апологетами которого выступала меньшая часть общества, отказавшаяся от самостоятельного национального мышления, ориентированная на западный образ жизни, способствовавшая криминализации общества⁴, коррупции⁵, транснациональной организованной преступности⁶.

Экономика нашей страны была развита, структуры управления демонтированы, а общество погрузилось в глубокий морально-нравственный и правовой кризис. Лишь с приходом к власти в 2000 г. В. В. Путина начался процесс наведения относительного правопорядка. Государство ограничило произвол олигархов, укрепило основные рычаги управления, но уже в новом, капиталистическом укладе. Патриотизм вновь получил признание значительной части общества, традиционные моральные ценности которого стали поддерживаться государством.

Однако, российские элиты не могут реально вести суверенную политику в общенациональных интересах. Пока доллар, как инструмент подчинения США, имеет свободное и привлекательное хождение, а элиты имеют заграничные паспорта и, в ряде случаев, иностранное гражданство, Россия зависима. Парадоксально, но при этом уровень гражданских свобод в нашей стране самый высокий в ее истории: свобода печати, собраний и т.д. присутствует, включая деятельность легальных «иностранцев».

¹ За новое политическое мышление в международных отношениях. Внешнеполитические аспекты перестройки. Документы и материалы. М.: Политиздат, 1987; Переход к рынку. Концепция и Программа. Рабочая группа, образованная совместным решением М. С. Горбачева и Б. Н. Ельцина. М., 1990.

² Дамаскин О. В. Российская армия в современном обществе: проблемы и перспективы : монография. М.: Юрлитинформ, 2011.

³ Нюрнберг: суд народов и мировой правопорядок : сб. науч. докладов и выступлений Междунар. науч.-практ. конф. Института государства и права РАН / под общ. ред. чл.-корр. РАН А. Н. Савенкова. М.: ЮНИТИ-ДАНА: Закон и право, 2020.

⁴ Лунев В. В. Эпоха глобализации и преступность : монография. М.: Норма: ИНФРА-М., 2015.

⁵ Дамаскин О. В. Коррупция: состояние, причины, противодействие. М.: ИД «Триумфальная арка», 2009.

⁶ Дамаскин О. В. Транснациональная организованная преступность: проблемы международной и национальной безопасности : монография. М.: Юрлитинформ, 2019.

Армия имеет хорошее довольствие, новое вооружение. Создана Росгвардия. Однако враг, грабящий Россию, хитер и коварен, все технологии манипуляции с населением были импортированы нашими либеральными элитами из-за границы. Наша страна подвергается экономическому давлению и управляется частично извне. Осуществленная пенсионная реформа и повышение налога на добавленную стоимость (НДС) были инициированы для населения России Международным валютным фондом (МВФ). Лоббируются заинтересованными лицами, включая «иностранных агентов», многие другие законы и инициативы, например, ювенальная юстиция, реформы науки, образования, экономики, цифровизация, которые фактически навязываются международными организациями, контролируемые США. Истерия с коронавирусом и санкциями используется для промывания мозгов как российского, так и западного обывателя. За счет «игр патриотов» у обывателя складывается иллюзия о достаточности суверенитета нашей страны. Одни надеются, что наш президент вскоре объявит войну либеральным элитам. Другие полагают, что у наших элит есть патриотическое и либеральное крыло. На самом деле, на всех уровнях власти многие персоны в ней имеют приоритетное стремление остаться во власти любой ценой, включая предательство национальных интересов. Результаты изучения легальных опросов, фиксирующих копящееся недовольство граждан, свидетельствуют, что в обществе происходит переоценка отношения к системе и в ближайшее время в связи с предстоящими в сентябре 2021 г. выборами в Государственную Думу может произойти качественный скачок, который может привести к утрате легитимности действующей системы.

Застой экономики. Для человека важна востребованность и то, что делает биологического человека человеком социальным, — это культура, образование, активная, осмысленная, интересная жизнь, труд, работа.

Сырьевая, застойная экономика, где более 40 % потребления — импорт, не способна создавать нормальные рабочие места. В магазинах и торговых центрах, где идет реализация в основном импортных товаров, преимущественно работают мигранты, получая заниженные зарплаты.

Ведущим направлением является строительство дорогого жилья, торговых и бизнес-центров, которые поглощают в себя все больше мигрантов и приезжих граждан из регионов России, где практически нет никаких предприятий, а, следовательно, работы. Эпидемия ковида делает этот путь тупиковым, поскольку города с огромным скоплением людей — это идеальная среда для заражения. Многие думают, что это происходит из-за неэффективности элит, неумелой политики и т.д. Но наша власть имеет потрясающую эффективность, сохраняя застой в тяжело больной экономике уже 30 лет. Она решает совсем другие задачи, нежели нужные народу.

Достояние страны проедается в интересах узкой олигархической верхушки и паразитирующей части чиновничества, продолжая курс Горбачева-Ельцина-Гайдара. Им нужно постоянно поддерживать лично выгодные отношения с внешним миром, в котором производится вся высокотехнологичная продукция. А для этого как можно больше покупать товаров за границей, поставляя туда сырье и идти на непрерывные геополитические уступки, т.е. постоянно идти против национальных интересов развития. Для этого сдали все основное наследие СССР, которое было стремительно схвачено странами НАТО. Сначала заигрывали с Западом, а теперь и с Китаем, и с Турцией. Идет неразборчивое привлечение иностранных инвесторов из разных стран мира с целью обеспечить участие во внешней торговле. После крымско-русской весны ситуация изменилась, но прозападные элиты верят, что экономические интересы преодолечат цивилизационный конфликт.

В 1992 г. начались реформы «шоковой терапии», основной смысл которых сводился не к развитию рынка, а к

принудительному банкротству страны для разрушения ее промышленности и скупки ее остатков олигархами и западными «партнерами». В результате в середине 90-х годов ВВП страны уменьшился на 50 % по сравнению с 1991 г. Общий экономический ущерб от «бескровной войны» либералов со своим народом почти полностью соответствует последствиям гражданской войны после 1917 г. Наши элиты, имеющие на западе активы, недвижимость, часто детей и семьи, становятся вольными или невольными агентами влияния Запада. Это же касается и импортных закупок, где процветает коррупция.

Колонизация России. Бизнес делает ставку на иностранный капитал. Однако мировые транснациональные компании и коллективный Запад уничтожают своего соперника. Состояние нашей приоритетной космической, авиационной сферы плачевно. Теперь очевидна несостоятельность отказа от развития вполне удачных самолетов ТУ-204, ИЛ-86/96, кинувшись на создание Супер-Джета, в значительной части состоящего из импортных деталей. При этом наши высокопоставленные чиновники заявили о недопустимости «лоббирования» интересов отечественного авиапрома. Теперь доля иностранных самолетов в среднемагистральной авиации — 80 %. Видимо интересы Боинга и Airbus SE кому-то ближе. В нашей космонавтике утрачено положение лидерства, стали падать наши спутники, вскрылись злоупотребления и проблемы при строительстве космодрома Восточный. Исчезла Волга ГАЗ-3103, шедевр отечественного автомобилестроения, которая имела дизайн и ходовые качества не хуже Мерседеса. Потребовался нефтяной союз, по расчету, сначала с Бритиш Петролеум, затем с Exxon Mobil, теперь мы ищем китайских инвесторов. Критично состояние с кадрами компетентных специалистов-инженеров в советах директоров наших крупнейших технических компаний. Вместо них журналисты, юристы, артисты и просто странные, непотопляемые люди. Так

уничтожается отечественная наука, промышленность, медицина, образование, армия.

Население России продолжает стремительно сокращаться. В 2020 г. достигнут рекордный уровень смертности, который на 9,7 % больше, чем за аналогичный период 2019 г. И дело не только в пандемии. Общая численность постоянного населения Российской Федерации за восемь месяцев 2020 г. сократилась на 277,8 тыс. человек. При этом согласно «Единому плану по достижению национальных целей до 2030 года», с 2020 по 2024 г. наше население может уменьшиться на 1,2 млн человек.

Никогда с конца 17 в. не было столь длительного 20 летнего периода сокращения численности населения, свидетельствующего о беспрецедентном цивилизационном кризисе либерализма, не имеющего исторических аналогов. Либеральная система несовместима с русской цивилизацией, она ведет к вымиранию русской нации. Важный показатель, который показывает общий вектор экономического развития нашей страны, это доля страны в мировом ВВП. Если в 1992 г. наш вклад составлял 4,854 %, затем в 90-е он падал, составив в 1998 г. всего 2,84 %, к 2008 г. вырос до 3,695 и с тех пор продолжает устойчиво снижаться до 3,074 за 2019 г.

Только развитие промышленности, науки и медицины, регионов, поднятие деревни и сельского хозяйства может создавать в стране реальные рабочие места и обеспечить ей рост. Необходимо прекратить отправлять за границу нефть, газ, металлы, древесину и зерно. Необходимо использовать все это во благо страны и народа. В период Великой Депрессии в США и Европе, СССР и РСФСР имели одни из самых высоких темпов экономического роста в мире, достигая 13—14 %. В настоящее время сопоставимых успехов добился только нелиберальный Китай.

Оценивая достижения СССР за время руководства И. В. Сталина (24 года), английский историк Исаак Дойчер в 1953 г. в газете «The Times» писал: «Суть подлинно

исторических достижений Сталина состоит в том, что он принял Россию с сохой, а оставляет с ядерными реакторами. Он поднял Россию до уровня второй индустриально развитой страны мира. Это не было результатом чисто материального прогресса и организационной работы. Подобные достижения не были бы возможны без всеобъемлющей культурной революции, в ходе которой всё население посещало школу и весьма напряжённо училось». Великий скачок, совершенный СССР, повторил, тоже за 30 лет, современный Китай. ВВП Китая за последние 30 лет вырос в 15 раз. С 1979 по 2012 г. среднегодовой рост китайской экономики составил 9,8 %. Средний темп роста экономики РФСФР в составе СССР в 1950—1990 г. составил 6,6 %, а экономики России с 1992 по 2019 г. — только 0,69 %. По оценкам ряда исследователей, наша страна до сих не вышла на уровень ВВП 1991 г.

Цивилизационный паралич. По официальным статистическим данным, на 1 января 2019 г. общее число ВИЧ-инфицированных в России составило более 1 340 тыс. человек, график роста носит угрожающий характер. За три года количество регионов с эпидемией ВИЧ в России возросло более чем на 40 %. Россия на 5 месте среди потребителей героина. Число школ с 1990 г. снизилось в 1,68 раза с 69,7 до 41,3 тыс., 44 % школьников не имеют никаких целей, не понимают, зачем они существуют. Число ученых в России сократилось в 2,4 раза с 1,7 млн. до 0,7 млн., многие ученые уехали за границу. Число больниц за период с 1990 по 2019 г. снизилось в 2,46 раза — с 12,8 до 5,2 тыс. Последствием пандемии COVID-19 стал резкий — на 1,8 млн человек — рост числа россиян, живущих за чертой бедности. Доходы ниже прожиточного минимума почти у 20 млн. человек. Но данные по бедности занижены.

Согласно оценкам Института социологии РАН, общая численность бедных россиян составляет почти треть населения. С 1990 г. мы потеряли 23 тыс. населённых пунктов. За 25 лет в России закрыты около 80 тыс. заводов и фабрик.

Актуализируется потребность научного обеспечения экономического развития. При этом у России есть потенциальные возможности для творчества, роста и освоения своей величайшей территории на научной основе. У Президента Российской Федерации В. В. Путина есть академик С. Глазьев, есть А. Белоусов, бывший советник президента, ныне первый заместитель председателя правительства, располагающие соответствующим потенциалом, есть Российская Академия Наук.

В. В. Путин поднял нашу страну из хаоса 90-х годов прошлого века, обеспечив на цикле роста цен на нефть, восстановительный рост до кризиса 2008 г., но далее система уперлась в свой предел. Второе дыхание системе дало другое величайшее дело — возвращение Крыма. Очевидной является неотложная потребность интеллектуально-волевого прорыва сдерживающих развитие препятствий, создаваемых мнимыми «друзьями» из прежнего либерального окружения, саботирующих реализацию принимаемых прорывных решений. Государство не должно быть инструментом обогащения управленческих элит за счет народа, поскольку паразитирование на нем автоматически лишает его и их конкурентоспособности. Величайшее достижение коммунистов было в том, что в их модели государство не было чьей-то вотчиной и его целью было именно всеобщее благо.

Обогащение избранных. Подтверждением разрыва между показателями развития страны и ее управленческими и иными элитами служит факт стремительного роста числа долларовых миллиардеров.

Бенефициарами всего этого сырьевого изобилия является узкая группа людей, приближенных к власти, чей капитал непрерывно растет с начала 2000-х и по нынешнее время. Принципиальным является отношение народа к тому строю, в котором он живет. Строй — это комплексное сочетание социально-экономического уклада, устройства власти, культуры и идеологии. Основными критериями отношения к строю является

соответствие национальным представлениям о добре и зле, его легитимность и качество жизни. Достоверным является сохраняющееся доверие большинства граждан к В. В. Путину и неудовлетворенность качеством значительной части управленческой и иной элиты, реализацией своих приоритетных потребностей: социальной справедливости, социализации, коллективизма, защищенности. Необходим рынок, регулируемый государством, проводящим социально ориентированную политику, в интересах большинства граждан. В. В. Путин, понимая роль социальных лифтов, изменил сам принцип формирования и смысл функционирования управленческой элиты, привив патриотизм и ответственность, сделав более национальной. В связи с этим актуализируется роль трудовых коллективов.

Разумеется, в системе органов государственной власти и управления еще сильны позиции либералов, для кого политика национализации элиты совершенно неприемлема. Это актуализирует проведение необходимой чистки руководства и аппарата. Построение нового строя (общества социальной справедливости) — это и есть главная национальная цель, главная национальная задача. Общее выше личного, служение выше владения, дух сильнее материи, традиции сильнее моды, скромность выше самолюбования, ответственность перед предками и потомками важнее личной выгоды.

Сила в правде, на самом деле мы знаем, на каких ценностях нам нужно обустраивать Россию. Пора уже перестать скрывать эту правду от самих себя и не бояться приступать к работе. В период 1991—2021 г.г. состоялся переход от эйфории к прозрению. В советские времена всем была обеспечена нормальная старость. Тех пенсий, которые платили, и на жизнь хватало, и за квартиру заплатить, и на лекарства. Сейчас лечение очень дорогое. Нет и реального бесплатного настоящего образования: обучения и воспитания, как единого процесса формирования личности. Конечно,

советское общество не было идеальным, и проблем, и преступлений там тоже хватало, но не было такого социального расслоения. За сохранение СССР проголосовали 77 % населения. А причиной развала страны стало влияние внешних подрывных факторов и внутреннее предательство. Очевидно, что капитализм как система не справляется с существующими вызовами: ни с пандемией, ни с бедностью. Спасают люди, выросшие в СССР, с советской психологией и человеческими качествами.

Капитализм, по сути своей, не может быть ни с человеческим лицом, ни дружественным к рабочему человеку, тогда это будет не капитализм. В мире везде растёт сопротивление эксплуатации. При населении Земли в 7,8 млрд. чел. на долю пролетариата приходится 2 млрд. чел. и проблемы, беды у простых людей одни и те же. Так что власть имущим всё труднее будет держать их в повиновении. Необходимо социально защищённое общество, с лозунгом «От каждого — по способностям, каждому — по труду».

Каждая страна придёт к социализму своим путём. Потому что надо учитывать и прошлое, и традиции, и географические условия. Очевидно, мировое сообщество идет к признанию необходимости конструктивных, позитивных перемен. Их конкретизация, детализация и реализация может стать руководством к осмысленному оптимальному действию.

3. Кризис мировой цивилизации и перспективы России. На Всемирном экономическом форуме, проходившем 21—24 января 2021 г. в Давосе (Швейцария), основатель и председатель Всемирного экономического форума Клаус Шваб представил «Давосский Манифест 2020: универсальная цель компаний в четвертой промышленной революции».

Одновременно была опубликована статья «Какой капитализм нам нужен?». Причиной озабоченности стала проблема модернизации мировой экономической системы. Оказывается, что в то время, когда в мире социального прогресса нет, начался бойкот капитализма, ориентированного исключительно на извлечение прибыли

для акционеров, частных собственников. Он привёл к кризису акционерной модели капитализма.

Ранее возник кризис государственного капитализма в так называемом социалистическом лагере, и он пал. На его место пришёл акционерный капитализм, который мы видим в России. В Китае он тоже пришёл, но не смог вытеснить сегмент государственного капитализма.

Десятки лет шёл поиск компромисса между социальным развитием и экономической эффективностью. Однако единой концепции еще нет, очевидно, пока не обладает идея общих ценностей. Слишком узкое понимание идеи капитализма мешало бизнесу в полной мере воспользоваться его рычагами для решения социальных проблем. Поэтому предлагается провозгласить новую концепцию капитализма, то есть модель капитализма Клауса Шваба. Это «капитализм для всех заинтересованных сторон» (stakeholder capitalism). А поскольку бедным никто не хочет быть, все хотят быть богатыми, то надо выбирать просто капитализм для всех: все заинтересованы в богатстве и являются заинтересованными лицами, стейкхолдерами. Основные положения концепции Клауса Шваба представлены в работе «Четвертая промышленная революция»¹.

Шваб пишет о концепции следующее. «Впервые эту концепцию я описал в 1971 г. и создал Всемирный экономический форум, чтобы помочь бизнесу и политическим лидерам воплотить ее в жизнь. Всего два года спустя был подписан Давоский манифест, в котором были описаны основные обязанности компаний по отношению к заинтересованным сторонам, стейкхолдерам — лицам, группам и сообществам, которые затрагивает их деятельность». В проекте говорится, что компании должны платить свою справедливую долю налогов. Они должны быть абсолютно нетерпимы к коррупции и уважать права человека на всех этапах своей производственной цепочки. А также следовать принципам честной конкуренции, в том числе работая

в качестве платформ. Компаниям понадобятся новые показатели для оценки их деятельности и новая цель.

Во-первых, должен быть показатель «создание общих ценностей, или общей стоимости». Процесс подготовки такого показателя уже идет. Во-вторых, критерий, который необходимо скорректировать, — вознаграждение топ-менеджеров. Компании должны понять, что они стали играть в нашем мире такую важную роль, что и сами являются заинтересованной стороной в создании нашего общего будущего.

Безусловно, компания должна развивать свою профессиональную специализацию, навыки и умения, предпринимательский дух. Однако делать это она должна не только ради себя самой, но и — вместе с остальными заинтересованными сторонами — для улучшения положения дел в мире. В этом должна заключаться ее высшая цель. Сейчас у бизнес-лидеров есть невероятная возможность. Придав капитализму для всех заинтересованных сторон реальное наполнение, они могут помочь достичь более масштабных общественных целей, таких как те, что установлены Парижским соглашением по климату и Повесткой дня в области устойчивого развития ООН. Они позволяют инвесторам стремиться к получению экологических и социальных выгод, а не только финансовых».

Заканчивает свою концепцию Клаус Шваб словами: «Нужно воспользоваться моментом и обеспечить капитализму для всех заинтересованных сторон (stakeholder capitalism) доминирующие позиции».

Чтобы понять суть учения о «новом» — стейкхолдер — капитализме, обратимся к категориальному аппарату и предпринимательской этике «Давосского Манифеста 2020». В этической части Манифеста говорится следующее. Компании (предприниматели) должны платить свою справедливую долю налогов. При этом нет ни слова о том, что такое налоговая справедливость, налоговый социализм. Компании (корпорации) должны быть абсолютно нетерпимы к коррупции, к подкупу должностных лиц для получения заказов. Этот пункт пересекается с принципом честной конкуренции, а что такое честность не го-

¹ Шваб Клаус. Четвертая промышленная революция. М.: Эксмо, 2020.

ворится. Это вероятно от того, что само собой понятно, что честность противоположна лжи, значит, включению в себестоимость товара прибавочной стоимости. И если весь бизнес сделать честным, то его не будет вместе с коммерческим расчётом. Товарообмен станет эквивалентным, справедливым из-за равенства товаров.

Компании (корпорации) должны уважать права человека на всех этапах своей производственной цепочки. Если думать о правах человека на всех этапах производственной цепочки, то невольно на ум приходит должностная инструкция работников. Если иметь ввиду вообще права человека, на ум приходит Декларация прав человека и гражданина, концепция естественного права, в которой прописано право на жизнь. Право на жизнь связано с правом на средства существования, к которым относятся воздух, вода и прочие продукты природы — природные ресурсы, несущие пользу, а также выгоду (природную ренту). Это значит, что естественным правом на природные ресурсы должны обладать не только акционеры, бенефициары, но все и каждый человек, все стейкхолдеры. Из изложенного выше становится понятно, что честность и справедливость (равенство), значит, и социализм в принципе несовместимы с бизнесом. Поэтому разговоры об общечеловеческих ценностях, об этике в бизнесе — это софистика, умышленное введение в заблуждение доверчивых людей Клаусом Швабом и ему подобными реформаторами. Тем не менее, Клаус Шваб в учении о «новом» стейкхолдер-капитализме, в «Давосском Манифесте 2020» говорит о создании общих ценностей или общей стоимости, о создании долгосрочной общей стоимости, о создании нашего общего будущего, о масштабных общественных целях. Он говорит о капитализме словно о социализме, будто он социал-демократ, проповедующий о бесконечном движении от капитализма к социализму, ведь движение — всё, конечная цель ничто.

Клаус Шваб декларирует высшую цель в улучшении положения дел в мире, однако сроки достижения этого не указаны. Люди пять тысяч лет гонялись за выгодой

и будут это делать дальше. Однако права частным лицам присваивать природные ресурсы никто не давал. Они его взяли сами. Поэтому должны вернуть. Природные ресурсы, как воздух, вода и т.д. должны быть общими. Эта проблема в рамках проекта, по существу, не решается. Общей должна быть и природная рента. Речь должна идти о народном капитализме как о капитализме для всех. Если Клаус Шваб не согласен с внесёнными поправками в его модель капитализма, хотя он ищет компромисса между социальным развитием и экономической эффективностью, то необходимо говорить о сочетании разных типов капитализма. Но для этого модель капитализма Клауса Шваба должна принять классическую форму. Должен быть указан тип способа производства, а также тип общественной формы труда в этом капитализме, хотя это весьма консервативно. Сейчас реформы социального и государственного управления ведутся, по существу, без учёта объективных законов, закономерности развития. Просто активные лица пробираются в законодательные и исполнительные органы и воплощают свои фантазии, защищая личные интересы. Так в России по вине законодателей множество актуальных вопросов социальной сферы остаются неурегулированными из-за конфликта интересов при коррупционных подходах.

Благодаря «четвёртой промышленной революции» по Швабу, новые информационные технологии, фантазии о новом технократическом обществе плодятся и размещаются в открытом доступе, дезориентируя читателей. Однако, ввиду связи Шваба с крупнейшими миллиардерами, мы уже видим некоторые плоды апробации нового технологического уклада. Дистанционное голосование во время президентских выборов в конце 2020-го года в США раскололо общество. Болезненно воспринимается дистанционное образование родителями школьников в России. Трансгендерные идеи посягают на религию и веру.

Изучение и анализ трудов Клауса Шваба дает основание для вывода о том, что предлагаемые управленческие реформы не имеют стройной системы и прием-

лемой доказательной базы. Реальные опасности и угрозы упоминаются вскользь, при декларативности якобы преимуществ. Навязываются спорные, дискуссионные решения, как доказанные. Например, глобальная или повсеместная проблема роста дифференциации доходов, пересекаясь с проблемой безработицы и нищеты, подталкивает некоторых реформаторов к идее социализма внизу, что требует ликвидации среднего класса, мелких частных собственников, мелкой буржуазии как класса. Верхи могут оставаться в акционерном капитализме. Таким образом, явно доминируют интересы крупного транснационального надгосударственного капитала, банковских учреждений¹.

Поскольку глобальных проблем накопилось много, для их обсуждения и принятия решений стали появляться форумы или площадки типа Давоса. Они подсказывают, что должен быть какой-то один мировой центр по борьбе с глобальными проблемами. И это не ООН и не ВОЗ, не Федеральная резервная система и прочее. В результате появляется фантазия, в которой присутствует центр и периферия мирового сообщества. Есть реформаторы, которых раздражает национальный вопрос. Есть среди них атеисты и адепты религий. В итоге мы видим, что инициируется производство нового человека, сущность которого не связана с полом, с родословной, с нацией, с верой и прочей «ненужной» дифференциацией. Этот новый человек наполовину киборг за счёт технологического усовершенствования его организма и способностей. Из этих новых людей и будет, предположительно, состоять новый мир. Их будет миллиард. Из этого миллиарда — 1 % элита. Такая примитивная схема бродила и ранее в умах фантастов. А теперь она позиционируется как последнее достижение научной теории и практики.

Существует реальная опасность возникновения новой глобальной формы ор-

ганизации общества с применением цифровой системы тотального контроля и принуждения, с использованием сферы медицины и гиперболизацией различных заболеваний как средства запугивания, изменения социальной психологии и корректировки психики. Вносимые, апробируемые и применяемые проекты не обеспечены легитимностью и осуществляются, по существу, вне правового поля². При отсутствии соответствующих правовых норм существенно возрастает область принуждения, напряженности и криминализации³. Великая перезагрузка в мире не произойдет, если не будет обеспечен глобальный переход на этот новый курс, т.е. при расчете на однополярность мира. Именно с этим связана система нарастающих санкций против России, которая имеет смелость и ресурс пойти против агрессии США и их союзников, отстаивая свой суверенитет и национальную безопасность. Такой ресурс у России есть, что означает её суверенный статус и возрастание миротворческой миссии в сфере не только национальной, но и международной безопасности. Вероятно, что Россия опять спасет всех от мирового концлагеря, как сделал СССР в 1941—1945 гг. в период своего существования до 1991 г. Если Россия сохранит суверенитет, влияние среди потенциальных союзников, мир останется многополярным, и весь план глобальной перезагрузки в интересах США рухнет. Таким образом, спасение мира и безопасности человечества вновь становится, на базе многополярности, миротворческой миссией России.

Библиография

1. Вторая мировая война. Итоги и уроки. — М., 1985.
2. Гражданская война и военная интервенция в СССР. — М. 1983. — 206 с.
3. Дамаскин, О. В. Коррупция: состояние, причины, противодействие. — М.: ИД «Триумфальная арка», 2009. — 304 с.

¹ Шваб К., Маллере Т. COVID-19: Великая перезагрузка. Всемирный экономический форум. Женева, 2020; Джон Ролз. Теория справедливости. Harvard University Press 1971 / Новосибирск: Изд. Новосибирского университета, 1995.

² Трансформация парадигмы права в цивилизационном развитии человечества : доклады членов РАН / Под общ. ред. чл.-корр. РАН А. Н. Савенкова. М.: ИГП РАН, 2019.

³ Дамаскин О. В. Криминологические аспекты детерминации современного экстремизма и терроризма : монография. М.: Юрлитинформ, 2018.

4. Дамаскин, О. В. Криминологические аспекты детерминации современного экстремизма и терроризма : монография / О. В. Дамаскин. — М.: Юрлитинформ, 2018. — 264 с.
 5. Дамаскин, О. В. Преступность в XXI веке: проблемы и перспективы : монография / О. В. Дамаскин. — М.: Юрлитинформ, 2020. — 264 с.
 6. Дамаскин, О. В. Российская армия в современном обществе: проблемы и перспективы : монография / О. В. Дамаскин. — М.: Юрлитинформ, 2011. — 288 с.
 7. Дамаскин, О. В. Транснациональная организованный преступность: проблемы международной и национальной безопасности : монография / О. В. Дамаскин. — М.: Юрлитинформ, 2019. — 344 с.
 8. Жилин, П. А. О войне и военной истории / П. А. Жилин. — М. Наука. 1984.
 9. За новое политическое мышление в международных отношениях. Внешнеполитические аспекты перестройки. Документы и материалы. — М.: Политиздат, 1987.
 10. Карамзин, Н. М. История государства Российского / Комментар. Т. I — IX / Н. М. Карамзин. — Калуга: Золотая аллея, 1993.
 11. Красинский, В. В. Защита государственного суверенитета : монография / В. В. Красинский. — М.: Норма, 2017. — 608 с.
 12. Лунеев, В. В. Эпоха глобализации и преступность : монография / В. В. Лунеев. — М.: Норма : ИНФРА-М., 2015. — 272 с.
 13. Нюрнберг: суд народов и мировой правопорядок: сб. науч. докладов и выступлений Междунар. науч.-практ. конф. Института государства и права РАН / под общ. ред. чл.-корр. РАН А.Н. Савенкова. — М.: ЮНИТИ-ДАНА: Закон и право., 2020. — 311 с.
 14. Переход к рынку. Концепция и Программа. Рабочая группа, образованная совместным решением М. С. Горбачева и Б. Н. Ельцина. — М., 1990.
 15. Ролз Джон. Теория справедливости. Harvard University Press 1971 / Джон Ролз. — Новосибирск: Изд. Новосибирского университета, 1995. — 507 с.
 16. Савенков, А. Н. Государство и право в период кризиса современной цивилизации : монография / А. Н. Савенков. — М.: Проспект, 2020. — 448 с.
 17. Трансформация парадигмы права в цивилизационном развитии человечества : доклады членов РАН / Под общ. ред. чл.-корр. РАН А. Н. Савенкова. — М.: ИГП РАН, 2019. — 408 с.
 18. Шваб Клаус. Четвертая промышленная революция / Клаус Шваб. — М.: Эксмо, 2020. — 288 с.
 19. Шваб, К. COVID-19: Великая перезагрузка. Всемирный экономический форум / К. Шваб, Т. Маллере. — Женева, 2020.
-

Эволюция категории «безопасность» и производных от нее понятий в отечественном законодательстве периода Российской империи

© **Ирошников Денис Владимирович**,
кандидат юридических наук, доцент, доцент
кафедры «Теория права, история права и
международное право» Российского университе-
та транспорта

Аннотация. В статье анализируется эволюция отражения категории «безопасность» и производных от нее понятий в отечественных источниках права периода Российской империи (XVIII—XX вв.). Автором анализируются закрепленные в законодательстве виды и уровни безопасности, в том числе вопросы их дифференциации.

Ключевые слова: безопасность; государственная безопасность; военная безопасность; общественная безопасность; законодательство Российской империи

The evolution of the category "security" and the concepts derived from it in the legislation of the Russian empire

© **Iroshnikov D. V.**,
Associate Professor of the Department "Theory of
Law, History of Law and International Law" of the
Russian University of Transport, Candidate of Legal
Sciences

Abstract. The article analyzes the evolution of the reflection of the category "security" and the concepts derived from it in domestic sources of law of the period of the Russian Empire (XVIII—XX centuries). The author analyzes the types and levels of safety fixed in the legislation, including the issues of their differentiation.

Keywords: security; state security; military security; public security; legislation of the Russian Empire.

Поскольку обеспечение своей (государственной) безопасности, а также безопасности граждан (подданных) теоретически является функцией любого государства на том или ином этапе его исторического развития, нормы, направленные на обеспечение безопасности (иногда косвенно, без упоминания самого термина «безопасность»), как правило, можно найти в любом правовом памятнике, а с эволюцией общественных отношений и государственности количество этих норм и качество их проработки соответственно возрастает.

В древних отечественных правовых памятниках (Русская Правда, Судебник 1497 г., Судебник 1550 г., Соборное Уло-

жение) вопросы безопасности были урегулированы, однако сама категория «безопасность» в этих источниках права не встречалась.

Как известно, проблематика безопасности получила широкое распространение в эпоху буржуазных революций в Европе в контексте учения о естественных правах человека. С начала XVIII в. идея о безопасности активно проникает и в русскую политико-правовую мысль. Безопасность уже тогда осмысливалась как важнейшая ценность и необходимость ее обеспечения для существования человека и общества осознавалась мыслителями.

В Петровскую эпоху категория «безопасность» начала фигурировать в политико-правовых трудах и постепенно становилась российской правовой ценностью.

С этого периода категория «безопасность» и различные производные от нее понятия получили отражение в источниках права, где сформировалась соответствующая система уровней и видов безопасности. В этой связи представляет интерес комплексный анализ эволюции категории «безопасность» в российском законодательстве, появление в нем различных видовых понятий, вопросы их взаимосвязи и соотношения.

Касательно хронологических рамок исследования необходимо отметить, что, как известно, Россия была провозглашена империей в 1721 г. При этом согласно общепринятой периодизации истории России, период Российской империи (следует за периодом централизованного государства) датируется XVIII — началом XX в. В этой связи в настоящей статье будет проведен анализ нормативных актов XVIII — начала XX в.

Г. С. Беляева и В. П. Беляев, анализируя становление и развитие правового регулирования национальной безопасности в дореволюционной России, отмечали, что «впервые на официальном уровне понятия «государственная безопасность» и «общественная безопасность» были закреплены в Положении о мерах к охранению государственного порядка и общественного спокойствия от 14 августа 1881 года»¹. Позволим себе аргументированно не согласиться с такой точкой зрения исследователей, поскольку закрепление указанных понятий в отечественных источниках права произошло гораздо раньше приведенной ими даты, что подтверждается проведенным ниже анализом.

С начала XVIII в. понятие «безопасность государства» укрепляется с точки зрения международной безопасности и нередко фигурирует в международных со-

глашениях². В это же время в международных документах безопасность стала осознаваться как внутренняя, так и внешняя — «безопасность от всех внутренних и внешних беспокойств»³. Отдельно упоминается «безопасность Его королевского величия»⁴, разумеется, при отождествлении монарха с государством, что было характерно для того времени.

Опустошительные городские пожары на Руси обусловили раннее обособление понятий «безопасность от огня»⁵, «безопасность от пожара»⁶, «безопасность от пожарных случаев»⁷. На этом этапе формируется некий прообраз технического регламента строения домов с учетом требований пожарной безопасности. Нередко в нормативных актах встречается приписка «для безопасности (от чего Боже сохрани) от пожарного случая»⁸, что характерно

² Трактат, заключенный в Копенгагене Российским послом князем Долгоруковым и датскими министрами 11 (22) октября 1709 г. «О подтверждении трактата 1699 года, июля 16, о наступательной войне Дании против Швеции и о принятии участия в делах короля Польского» // ПСЗ I. Т. 4. № 2237. С. 462.

³ Трактат, заключенный в Данциге между государем Петром I и Карлом Леопольдом Герцогом Мекленбургским 8 апреля 1716 г. «О вечном союзе и взаимной помощи противу неприятелей, и об утверждении на будущее время торговых сношений коммерческим трактатом» // ПСЗ I. Т. 5. № 3008. С. 455.

⁴ Именной, данный Сенату 16 апреля 1716 г. [Именной Высочайший Указ] «О примирении Короля Польского с Речью Посполитою на предложенных кондициях со стороны Царского Величества» // ПСЗ I. Т. 5. № 3014. С. 461.

⁵ Именной 2 апреля 1718 г. [Именной Высочайший Указ] «О строении в Санкт-Петербурге домов с наблюдением всего того, что к прочности и безопасности оных от огня принадлежит» // ПСЗ I. Т. 5. № 3192 С. 558.

⁶ Резолюция Кибинет-Министров на сообщение Сената 13 июля 1737 г. «О сделании площади в Санкт-Петербурге против Коллегий и Канцелярий, для безопасности от пожара» // ПСЗ I. Т. 10. № 7326. С. 219.

⁷ Сенатский указ от 9 сентября 1736 г. «О расширении в Москве улиц; о сделании обывателям, по большим улицам колодезей, и о правилах строения для безопасности от пожарных случаев» // ПСЗ I. Т. 9. № 7055. С. 927.

⁸ Сенатский указ от 24 июля 1761 г. «О правилах, каковые наблюдать должно при строении домов в

¹ Беляева Г. С., Беляев В. П. Становление и развитие правового регулирования национальной безопасности в дореволюционной России // Вопросы безопасности. 2017. № 4. С. 23.

только для безопасности от огня. Таким образом, угроза безопасности в виде пожара считалась в то время божественной карой.

Активное развитие русского флота при Петре I способствовало появлению в законодательстве таких видов безопасности, как безопасность мореплавания¹, безопасность флота² (Морской устав 1720 г.). Сам же флот «ко всенадлежащей государственной безопасности в полности и в довольствии содержан был»³. Данная фраза свидетельствует о понимании системы обеспечения государственной безопасности, в которой флот призван занимать ключевое место.

Особая роль в обеспечении безопасности внутри страны законом была уделена полиции, которая «есть душа гражданства и всех добрых порядков и фундаментальной опоры человеческой безопасности и удобности»⁴.

В трактате между Россией и Персией 1723 г. речь идет «о личной безопасности всех Персидских Провинций жителям, в подданстве Российском состоящим»⁵, при этом понятие личной безопасности (безопасности личности) вошло в оборот значительно позже.

В правление Анны Иоанновны в законодательстве Российской империи утверждается понятие: «Безопасность Государства»⁶. При этом «безопасность государ-

ства» и «безопасность государственная» рассматривались как синонимы, что подтверждается употреблением их в одном предложении в аналогичном значении⁷.

В это время можно проследить постановку вопросов региональной безопасности («для лучших тамошних пограничных местах безопасности»⁸), а также безопасности в отдельных сферах («защитение и безопасность в коммерции»⁹).

Ценность спокойствия и безопасности для населения была подчеркнута словосочетаниями «тишина и безопасность»¹⁰, «покой, безопасность»¹¹.

В законодательстве, регулирующем военное дело и оборону страны, встречались упоминания безопасности в словосочетаниях «безопасность всероссийских границ и подданных»¹², «безопасность и оборона»¹³, «безопасность границы»¹.

Санкт-Петербурге в предосторожности от пожаров и наводнений» // ПСЗ I. Т. 15. № 11296. С. 756.

¹ Регламент (устав) Государственной Коммерц-Коллегии от 3 марта 1719 года // ПСЗ I. Т. 5. № 3318. С. 672.

² Морской устав от 13 января 1720 года // ПСЗ I. Т. 6. № 3485. С. 64.

³ Инструкция «О сбережении, рубке и заготовления лесов на построение флота» от 11 мая 1732 года // ПСЗ I. Т. 8. № 6048. С. 802.

⁴ Регламент или устав главного Магистрата от 16 января 1721 года // ПСЗ I. Т. 6. № 3708. С. 297.

⁵ Трактат между Россией и Персией от 21 января 1723 г. // ПСЗ I. Т. 8. № 5935. С. 614.

⁶ Именной указ от 1 июня 1730 г. «Об учреждении Комиссии для рассмотрения состояния армии, артиллерии и фортификации и исправления оных» // ПСЗ I. Т. 8. № 5571. С. 289; Именной, данный Сенату 21 июля 1730 г. «О содержании корабельного и галерного флотов так как Уставами,

Регламентами и указами предписано» // ПСЗ I. Т. 8. № 5593. С. 300 и др.

⁷ Сенатский указ от 28 декабря 1736 г. «О понуждении к поставке рекрут и лошадей к Январю месяцу 1737 г., под опасением ответственности по законам и о доставлении от Губернаторов и прочих определенных к сему собору лиц в Кабинет Ея Императорскаго Величества рапортов через каждые две недели» // ПСЗ I. Т. 9. № 7138. С. 1017—1018.

⁸ Сенатский указ от 17 июня 1734 г. «Об определении в пограничные Таможни Инспекторов Цолльнеров из приказных людей без порук и об отдаче сборных пошлинных сумм ежемесячно в Губернские Рентереи или Воеводские Канцелярии» // ПСЗ I. Т. 9. № 6588. С. 353.

⁹ Инструкция Статскому Советнику Ивану Кирилову, отправленному для постройки города при Устье реки Ор от 18 мая 1734 г. «О распоряжениях по устройству и населению сего города и по сношениям с окрестными народами» // ПСЗ I. Т. 9. № 6576. С. 327.

¹⁰ Манифест от 16 ноября 1734 г. «О мерах, употребленных Россиею к защитению прав и вольности Речи Посполитой Польской и о выводе Российских войск из Польши и Литвы» // ПСЗ I. Т. 9. № 6646. С. 427.

¹¹ Трактат от 5 августа 1735 года со Швециею «О возобновлении оборонительного союза на 12 лет, заключенный в Стокгольме, с двумя сепаратными артикулами» // ПСЗ I. Т. 9. № 6782. С. 553.

¹² Объявление от 2 июля 1736 года «О покорении вновь города Азова под Российскую державу» // ПСЗ I. Т. 9. № 7001. С. 872.

¹³ Трактат оборонительного Союза на 15 лет между Российским и Английским Дворами от 11 декабря 1742 г. // ПСЗ I. Т. 11. № 8686. С. 745.

К концу правления Анны Иоанновны в нормативных документах сложились следующие уровни безопасности: всенадлежащая безопасность², совершенная безопасность³, надлежащая безопасность⁴, наилучшая безопасность⁵, необходимая безопасность⁶.

Международная безопасность на Европейском континенте в середине XVIII в. характеризовалась «всеобщей безопасностью в Европе»⁷, а также «безопасностью и независимостью всех Европейских государств»⁸.

Фраза «в уездах всякая безопасность доставлена быть могла»⁹ говорит о системном подходе к обеспечению безопасности с присущими ей видами.

Существенное расширение правового регулирования сфер обеспечения безопасности, а также упрочение безопасности как правовой категории произошло в период правления Екатерины II, которая, например, видела роль губернатора как «рачителя о тишине и безопасности вверенного

ему народа»¹⁰. «Содержание в народе доброго порядка, общей безопасности и исполнения законов»¹¹ должно обеспечиваться властью губернатора. Для «безопасности и спокойствия городских жителей» губернаторы и генерал-полицеймейстеры должны были иметь сношения, при этом не вмешиваясь в должностные обязанности друг друга¹². Таким образом, право гарантировало обеспечение безопасности в каждой губернии, причем с применением грамотного взаимодействия компетентных органов, на которые были возложены соответствующие полномочия.

Прообразом общественной безопасности можно считать упомянутые в нормативном документе «целостность, безопасность и общее всего города спокойствие»¹³.

В это же время формировались предпосылки отражения в законодательстве общего понятия, включающего в себя всю систему безопасности (аналог национальной безопасности сегодня), — «общенародная безопасность»¹⁴.

Представляет интерес употребление понятия «безопасность публичного интереса»¹⁵. Это весьма прогрессивный подход для рассматриваемого времени, поскольку сегодня национальные интересы признаются объектом национальной безопасности.

¹ Сенатский указ от 28 сентября 1747 г. «О строении по городу Оренбургу; о рыбных ловлях, находящихся в Калмыцких дачах и о питейной продаже в городе Ставрополе» // ПСЗ I. Т. 12. № 9444. С. 760.

² Инструкция «О сбережении, рубке и заготовления лесов на построение флота» от 11 мая 1732 г. // ПСЗ I. Т. 8. № 6048.

³ Манифест от 29 мая 1732 г. «О заключении мира с Персидским государством» // ПСЗ I. Т. 8. № 6077. С. 842.

⁴ Трактат между Россией и Персию, заключенный при Генже 10 марта 1735 г. // ПСЗ I. Т. 9. № 1707. С. 494.

⁵ Сенатский указ «О мерах к искоренению свирепствующей в Белгороде дикой болезни» от 26 июля 1738 г. // ПСЗ I. Т. 10. № 7623. С. 575.

⁶ Манифест от 14 февраля 1740 г. «О мире с Турциею» // ПСЗ I. Т. 11. № 8022. С. 35.

⁷ Конвенция, заключенная в С.-Петербурге между Россией и Швециею 9 марта 1759 г. «О содержании оборонных флотов на Балтийском море для защищения торгов и кораблеплавания от камеров» // ПСЗ I. Т. 15. № 10931. С. 325.

⁸ Конвенция, учиненная в Санкт-Петербурге между Российским и Венским Дворами 21 марта 1760 г. «О продолжении противу Пруссаго короля войны» // ПСЗ I. Т. 15. № 11042. С. 451.

⁹ Именной указ от 22 октября 1759 г. «О искоренении разбойников и наказании сообщников их и пристано-держателей» // ПСЗ I. Т. 15. № 11001. С. 385.

¹⁰ Наставление Губернаторам от 21 апреля 1764 г. // ПСЗ I. Т. 16. № 12137. С. 720.

¹¹ Именной указ, данный Сенату 10 ноября 1764 г. «Об учреждении в Малороссии вместо Гетманского Правления Малороссийской Коллегии» // ПСЗ I. Т. 16. № 12277. С. 962.

¹² Наставление Московскому и Санкт-Петербургскому Губернаторам от 12 января 1765 г. // ПСЗ I. Т. 17. № 12306. С. 6.

¹³ Инструкция конного полка полковнику от 14 января 1766 г. // ПСЗ I. Т. 17. № 12543. С. 487.

¹⁴ Сенатский указ, по высочайше утвержденному докладу 12 апреля 1767 г. «О дополнительных пунктах к Привилегии Московского Воспитательного дома» // ПСЗ I. Т. 18. № 12869. С. 82.

¹⁵ Высочайше утвержденный доклад Комиссии о Коммерции с приложением Инструкции, данной Комиссии, учрежденной в Ревеле «Для поправления тамошней коммерции» // ПСЗ I. Т. 18. № 12888. С. 122.

Особую важность в контексте настоящей статьи имеет важнейший программный документ — Наказ Екатерины II, в соответствии с которым должна была вестись работа по составлению нового Уложения. В гл. III Наказа, которая носит название «О безопасности Постановлений государственных»¹, обосновываются источник власти в государстве и суть законов.

В документе отмечается: «Надлежит, чтобы законы, поелику [насколько] возможно, предохраняли безопасность каждого особо гражданина»². Таким образом, безопасность уже тогда рассматривалась как правовая категория и как главная цель законов.

«Государственная вольность во гражданине есть спокойство духа, происходящее от мнения, что всяк из них собственною наслаждается безопасностью; и чтобы люди имели сию вольность, надлежит быть закону такову, чтобы один гражданин не мог бояться другого, а боялись все одних законов»³. В данном утверждении безопасность личности связана со свободой, равенством и законностью. Здесь прослеживаются прямая связь права и безопасности и роль права в обеспечении последней; более того, указывается на необходимость верховенства права в целях обеспечения безопасности в обществе.

Преступления в Наказе подразделяются на четыре рода, от которых зависело наказание. Четвертый род — преступления против безопасности граждан⁴. За четвертый род преступлений (против безопасности) преступники наказывались казнью, которая есть ничто иное, как принцип «обратного воздаяния», посредством которого «общество лишает безопасности того гражданина, который оную отнял или хочет отнять у другого»⁵. В документе также

указано, что «гражданин бывает достоин смерти, когда он нарушил безопасность даже до того, что отнял у кого жизнь или предпринял отнять»⁶. Из приведенных отрывков Наказа Екатерины II следует, что нормы уголовного права по своей сущности должны защищать не только жизнь и здоровье, но и безопасность, и нарушение безопасности можно считать преступлением. Можно предположить, что императрица почерпнула данную мысль у Ш.-Л. Монтескье, который развивал ее в своем сочинении «О духе законов»⁷.

В гл. IX «О производстве суда вообще» отмечается, что «власть судейская состоит в одном исполнении законов и то для того, чтобы сомнения не было о свободе и безопасности граждан»⁸. Иными словами, сущность судебной власти включает в себя обеспечение безопасности граждан. Такой взгляд также был весьма прогрессивным для того времени.

О соотношении свободы людей и государственной безопасности в Наказе сказано следующее: если власть будет в опасности по тайному заговору против государства или государя, то она может брать под стражу подозрительных граждан, которые «не для иного чего теряют свою свободу на время, как только, чтобы сохранить оную невредиму навсегда»⁹. Такая концепция модели соотношения интересов личности и государства при обеспечении безопасности состоит в приоритете государственных интересов и возможности ограничения свободы личности. При этом в Наказе красной нитью проходит мысль о том, что только в безопасном государстве личность может пользоваться истинной безопасностью, и это оправдывает данную концепцию. Так, в разъяснении статей о преступлениях против безопасности государства и государя говорится, что «все законы должны составлены быть из слов ясных и кратких, однако нет между ними ни-

¹ Наказ, данный Комиссии о составлении проекта Новаго Уложения от 30 июля 1767 г. // ПСЗ I. Т. 18. № 12949. С. 194.

² Там же. С. 196.

³ Там же. С. 197.

⁴ Там же. С. 200.

⁵ Наказ, данный Комиссии о составлении проекта Новаго Уложения от 30 июля 1767 г. // ПСЗ I. Т. 18. № 12949. С. 202.

⁶ Там же.

⁷ Монтескье Ш.-Л. О духе законов. С. 182. URL : https://www.civisbook.ru/files/File/Monteskye_O%20dukhe.pdf (дата обращения: 14.05.2020).

⁸ Там же. С. 206.

⁹ Там же. С. 212.

каких, которых бы сочинение касалось больше до безопасности граждан, как законы, принадлежащие к преступлению в оскорблении Величества»¹. Дальнейшее развитие концепции ограничения свободы человека и некоторых его прав в целях обеспечения безопасности шло в том же направлении в дальнейшем, и сегодня такая концепция, как известно, закреплена в международных документах и в Конституции Российской Федерации.

В Наказе также отмечалось, что своевременное заключение под стражу лиц, действия которых содержат признаки преступлений, есть гарантия безопасности и если своевременно это не сделавший «погрешит против безопасности личной каждого гражданина»². Тем самым было предусмотрено важнейшее средство в обеспечении безопасности от действий потенциального преступника в качестве заключения его под стражу для последующего разбирательства.

В дополнении к большому Наказу Екатерины II среди перечисления государственных надобностей (из которых формируются государственные издержки) фигурируют «спокойствие и безопасность всякого особенно и всех вообще», которые входят в понятие целостности государства³. Обеспечение комплексной безопасности, по сути, здесь выступает в качестве соответствующей статьи формирования расходов (издержек) из бюджета (казны) государства.

В контексте соотношения государственного и гражданского права в Генерал-прокурорском наказе можно увидеть следующее предназначение права гражданского: сохраняет и в безопасность приводит собственность каждого гражданина⁴. Впоследствии понятие «имущественная безопасность» стало многократно употребляться в нормативных документах и

плотно вошло в соответствующий оборот. Понимание того, что обеспечение безопасности должно осуществляться не только специальными нормами, но и гражданским законодательством в повседневном регулировании гражданско-правовых отношений, являлось весьма перспективным для того времени.

Важный аспект был затронут в трактате между Россией и Речью Посполитой: «Публичная тишина и безопасность особ от доставления самой сущей и беспристрастной справедливости зависят»⁵. Таким образом, безопасность напрямую связывалась со справедливостью и рассматривалась как ее следствие. В этой связи безопасность виделась как правовая категория наряду со справедливостью.

Упоминание «о безопасности вкладов и пенсий от конфискации, взыскиваний и коварных ухищрений» в контексте вопроса о вдовьей казне есть основа социальной безопасности подданных⁶ в рамках реализации социальной политики Российской империи.

При учреждении в губерниях совестных судов вводная фраза, характеризующая причину их образования, звучит следующим образом: «Понеже личная безопасность каждого верноподданного весьма драгоценна есть человеколюбивому Монаршескому сердцу»⁷. Это говорит, во-первых, о безопасности личности как о важнейшей ценности в государстве и обществе и, во-вторых, о роли и предназначении совестных судов в обеспечении безопасности личности каждого подданного.

Позднее можно заметить появление в источниках права понятия «безопасность для подсудимого»⁸, которое было призвано

¹ Монтескье Ш.-Л. Указ. соч.

² Там же. С. 217—218.

³ Дополнение к большому Наказу от 8 апреля 1768 г. // ПСЗ I. Т. 18. № 13096. С. 513.

⁴ Генерал-Прокурорский наказ при Комиссии о оставлении проекта Новаго Уложения, по которому и Маршалу поступать от 30 июля 1767 г. // ПСЗ I. Т. 18. № 12950. С. 282.

⁵ Трактат вечный между Всероссийскою Империею и Речью Посполитою Польскою от 13 (24) февраля 1768 г. // ПСЗ I. Т. 18. № 13071. С. 457.

⁶ Высочайшее утвержденное генерального плана Императорского Воспитательного Дома исполнительное учреждение Вдовей, Ссудной и Сохранной казны, в пользу всего общества от 20 ноября 1772 // ПСЗ I. Т. 19. № 13909. С. 641.

⁷ Учреждения для управления Губернией Всероссийской Империи. Часть первая. 7 ноября 1775 г. // ПСЗ I. Т. 20. № 14392. С. 278.

⁸ Сенатский указ, по высочайше утвержденному докладу от 17 июня 1784 г. «О внесении уголовных

служить определенной процессуальной гарантией для защиты лиц, находящихся под судом.

О расширении сфер безопасности свидетельствовало появление в нормативных документах словосочетаний «Безопасность Нашего банка и Страховой Экспедиции»¹, «безопасность вкладчиковых капиталов»², составлявших правовую основу финансовой безопасности империи.

К концу XVIII в. наряду с появлением новых видов безопасности в нормативных документах продолжают укрепляться такие виды безопасности, как всеобщая, личная, имущественная³, военная⁴ и общественная безопасность. Последняя, как правило, понимается как тишина, спокойствие и безопасность в какой-либо губернии или иной местности, о которой идет речь в соответствующем документе. Таким образом, общественную безопасность можно считать частью безопасности всеобщей. Следует обратить внимание на формирование такого подхода к обеспечению общественной безопасности, в основу которого был положен принцип взаимодействия различных должностных лиц и государственных органов: «... дабы они неослабно наблюдали общественную тишину и друг другу по делам службы пода-

дел по преступлениям должностей из Уголовных Палат в Сенат на ревизию, если виновный подлежать будет лишению жизни, чести или торговому наказанию» // ПСЗ I. Т. 22. № 16022. С. 180; Высочайше утвержденный доклад Сената от 31 марта 1788 г. «О распространении Ея Императорского Величества милости, изъясненной в Манифесте 1787 года июня 28, пункта 7, о помиловании не токма на тех преступников, коих оный Манифест застал содержащихся под стражею, но на всех вообще, которые до издания того Манифеста преступления учинили» // ПСЗ I. Т. 22. № 16638. С. 1055.

¹ Манифест от 23 декабря 1786 г. «Об учреждении при Государственном Заемном Банке Страховой Экспедиции для приема в оной каменных домов, заводов и фабрик» // ПСЗ I. Т. 22. № 16478. С. 736.

² Устав Заемного Банка от 23 декабря 1786 г. // ПСЗ I. Т. 22. № 16481. С. 762.

³ См. например: Манифест от 13 апреля 1793 г. «О невзыскании окладных доходов в казну с невоприобретенных от Польши областей до 795 года» // ПСЗ I. Т. 23. № 17114. С. 420. и др.

⁴ Жалованная грамота Войску Черноморскому от 30 июня 1792 г. // ПСЗ I. Т. 23. № 17055. С. 343.

вали руку помощи»⁵. Данный принцип обеспечения безопасности мы наблюдаем в российском законодательстве и сегодня.

В Учреждении о курляндских крестьянах от 25 августа 1817 г. в контексте вопроса о полицейских проступках указывается, что «полицейские законы имеют предметом отвращать все то, что может служить препятствием и нарушением безопасности и благосостоянию граждан»⁶. Так нормативно была определена отрасль законодательства, предметом которой являлась безопасность. К первому классу полицейских проступков были отнесены проступки против тишины, порядка и безопасности. Внутри данного класса проступки дифференцировались на подразделения. Подразделение 1 носило название «Публичные полицейские проступки против внутренней тишины, порядка и безопасности государственной», подразделение 3 — «Частные проступки против безопасности»⁷ (это подразделение включало проступки, угрожающие личной и общественной безопасности). Аналогичное деление общественных полицейских проступков (против безопасности государства и против личной безопасности) можно наблюдать в Положении о лифляндских крестьянах⁸. Таким образом, в первой четверти XIX в. в нормативных правовых актах можно наблюдать четкую дифференциацию видов безопасности и их соотношение.

К середине XIX в. происходит дальнейшее укрепление в законодательстве Российской империи понятий «обществен-

⁵ См. например: Именной указ, данный Санкт-Петербургскому губернатору Коновницыну от 10 сентября 1787 г. «О предписании, состоящим под начальством его Комендантам, Городничим, Земским Исправникам и Нижним Земским Судам, дабы они неослабно наблюдали общественную тишину и друг другу по делам службы подавали руку помощи» // ПСЗ I. Т. 22. № 16571. С. 890.

⁶ Учреждение о курляндских крестьянах от 25 августа 1817 г. // ПСЗ I. Т. 34. № 27024. С. 652.

⁷ Там же. С. 652—655.

⁸ Высочайшее утвержденное положение о Лифляндских крестьянах 1818 г. // ПСЗ I. Т. 36. № 27735. С. 700—703.

ная безопасность»¹, «государственная безопасность»², «личная безопасность»³, «имущественная безопасность»⁴.

Заслуживает внимания предоставленное окончательной судебной инстанции право смягчать уголовное наказание в том случае, если это совместно с общей безопасностью⁵, тем самым угроза безопасности была определена в качестве меры для определения эквивалента тяжести наказания.

Представляет интерес то обстоятельство, что при предоставлении исключительных привилегий на открытие, изобретение или усовершенствование какого-либо общепольного предмета или способа производства (аналог современных патентов) особое внимание обращалось на то, не содержит ли в себе изобретение чего-либо вредного для «здравия и безопасности людей»⁶. Таким образом, особые требования к безопасности предъявлялись ко всем новым изобретениям, что можно с полной уверенностью назвать новшеством.

Безопасность в военном аспекте традиционно разделялась на внешнюю безопасность государства, обеспечение которой — полномочие военного министра⁷ и внутреннюю безопасность (обеспечение которой возлагалось как на военные, так и на гражданские органы государственной

власти), заключающуюся в охране границ от всяких вторжений; предупреждении всякого рода внутренних смут, беспорядков и неурядиц; успешном отправлении суда и расправы⁸.

Категория «безопасность» была отражена также в кодифицированном памятнике XIX в. — Своде законов Российской империи. В частности, проблемы безопасности поднимаются в вопросах престолонаследия (о выборе опекунов для несовершеннолетних наследников императорского престола)⁹, в учреждении Комитета министров и в ряде других аспектов.

В именном указе, которым утверждалось Уложение о наказаниях уголовных и исправительных (в той части, которую можно условно назвать преамбулой), подчеркивалась особая роль законов, «коими ограждаются безопасность и права ... поданных»¹⁰. В этом можно в очередной раз увидеть глубокую связь права и безопасности, что является подтверждением того, что безопасность является правовой категорией.

Категория «безопасность» в Уложении содержалась прежде всего в самих понятиях преступления и проступка. Так, под преступлением понималось «всякое нарушение закона, через которое посягается на неприкосновенность прав Власти Верховной и установленных ею Властей, или же на права или безопасность общества или частных лиц»¹¹. Проступком считалось «нарушение правил, предписанных для охранения определенных законами прав и общественной или же личной безопасно-

¹ Высочайше утвержденный Устав о цензуре от 10 июня 1826 г. // ПСЗ II. Т. 1. № 403. С. 569.

² Манифест от 13 июля 1826 года «О совершении приговора над государственными преступниками» // ПСЗ II. Т. 1. № 465. С. 772.

³ Манифест от 12 декабря 1830 г. «О возмущении, происшедшем в Варшаве» // ПСЗ II. Т. 5. Отд. 2. № 4183. С. 486.

⁴ Высочайше утвержденный проект учреждения об управлении государственными имуществами в губерниях от 30 апреля 1838 г. // ПСЗ II. Т. 13. Отд. 1. № 11189. С. 511.

⁵ Высочайшее утвержденное положение Комитета Министров, прописанное в Указе Сената 20 марта 1831 г. «О воспрещении гражданским губернаторам увеличивать наказания, определяемые военными судами неповинующимся крестьянам» // ПСЗ II. Т. 6. Отд. 1. № 4350. С. 155.

⁶ Высочайше утвержденное Положение о привилегиях от 22 ноября 1833 г. // ПСЗ II. Т. 8. Отд. 1. № 6588. С. 693.

⁷ Высочайше утвержденное Учреждение Военного министерства от 29 марта 1836 г. // ПСЗ II. Т. 11. Отд. 1. № 9038. С. 308.

⁸ Высочайше утвержденный наказ Главному Управлению Закавказским краем от 12 ноября 1842 г. // ПСЗ II. Т. 17. Отд. 2. № 16205. С. 115.

⁹ Свод законов Российской Империи, повелением государя императора Николая Павловича составленный. В 15 т. : 2-изд. Санкт-Петербург: Тип. Второго отд. Собств. е.и.в. канцелярии, 1833. Т. 1. Свод учреждений государственных и губернских. Ч. 1 : Основные законы и учреждения государственных. 1833. С. 8, 100, 334, 426 и др.

¹⁰ Высочайше утвержденное Уложение о Наказаниях Уголовных и Исправительных от 15 августа 1845 г. // ПСЗ II. Т. 20. Отд. 1. № 19283. С. 598.

¹¹ Там же. С. 600.

сти или пользы»¹. Таким образом, в качестве критерия, отличающего преступление от проступка, выступали виды безопасности — безопасность общества (общественная безопасность). Разграничение данных понятий свидетельствует о дифференциации различных видов безопасности в уголовном законодательстве того времени.

В Уложении встречались такие виды безопасности, как «целостность и безопасность России»², «безопасность мореплавания»³, «безопасность казны»⁴, «безопасность здоровья»⁵, «личная безопасность»⁶.

Одним из направлений правового обеспечения безопасности стало законодательное наделение соответствующими полномочиями тех или иных органов государственной власти. Так, военные губернаторы имели «неусыпное попечение о безопасности, тишине и спокойствии»⁷. К первостепенным обязанностям генерал-губернаторов относилось общее благосостояние и внутренняя безопасность⁸. «Бдительный надзор за сохранением тишины, безопасности и порядка»⁹ должен был осуществлять волостной суд. Необходимость военных сил в государстве обосновывалась «ограждением» внутренней и внешней безопасности всех и каждого (этим же диктовалась необходимость военных законов)¹⁰.

По отношению к военному времени в манифестах императора и других документах безопасность упоминается в качестве важнейшей ценности — «драгоценнейшего в мире блага: безопасности и чести Отечества»¹¹; «безопасности Империи нашей»¹²; безопасности границ¹³ и т.п.

Важно отметить, что в трактате, заключенном Россией с Китаем в 1858 г., было закреплено положение о личной безопасности и неприкосновенности собственности русских, живущих за рубежом¹⁴. Данное правовое установление можно считать весьма перспективным, о чем говорит, в частности, то, что действующий в Российской Федерации на сегодняшний день Федеральный закон «О безопасности» содержит аналогичное положение как одну из целей международного сотрудничества в области обеспечения безопасности.

Как известно, на вторую половину XIX в. в Российской империи пришелся пик железнодорожного строительства. Так, с 1861 по 1891 г. общая протяженность железных дорог в России выросла в 19 раз¹⁵. Подобный рывок и соответствующий спрос на железнодорожное сообщение порождали вопросы обеспечения безопасности на данном виде транспорта в целом и безопасности личности на нем в частности. Это повлекло появление и широкое рас-

¹ Там же.

² Высочайше утвержденное Уложение о Наказаниях Уголовных и Исправительных от 15 августа 1845 г. // ПСЗ II. Т. 20. Отд. I. № 19283. С. 627.

³ Там же. С. 663.

⁴ Там же. С. 699.

⁵ Там же. С. 818.

⁶ Там же. С. 833.

⁷ Высочайше утвержденная Инструкция Военным Губернаторам Тифлиской, Кутаисской, Шемахинской и Дербентской губерний, собственно по заведыванию военною частию в сих губерниях от 25 марта 1847 г. // ПСЗ II. Т. 22. Отд. I. № 21028. С. 236.

⁸ Высочайше утвержденная Общая инструкция Генерал Губернаторам от 29 мая 1853 г. // ПСЗ II. Т. 28. Отд. I. № 27293. С. 261.

⁹ Высочайше утвержденное Лифляндское Крестьянское Поземельное Уложение от 9 июля 1849 г. // ПСЗ II. Т. 24. Отд. I. № 23384. С. 474—475.

¹⁰ Высочайше утвержденная программа для испытания при производстве в офицеры

прапорщиков и юнкеров гвардии от 20 сентября 1851 г. // ПСЗ II. Т. 26. Отд. I. № 25567. С. 683.

¹¹ Манифест от 14 декабря 1854 г. «О воззвании к России по случаю настоящей войны» // ПСЗ II. Т. 29. Отд. 2. № 28824. С. 91.

¹² Именной указ, данный Сенату 5 апреля 1856 г. «О роспуске Государственного Подвижного Ополчения» // ПСЗ II. Т. 31. Отд. 1. № 30340. С. 179.

¹³ Сенатский указ по Высочайшему повелению от 19 апреля 1856 г. «О мирном трактате, заключенном между Россиею, Австриею, Франциею, Великобританиею, Пруссиею, Сардиниею и Турциею, и о мирных конвенциях между теми же Державами» // ПСЗ II. Т. 31. Отд. 1. № 30411 С. 230.

¹⁴ Сентаский указ по Высочайшему повелению от 2 июля 1859 г. «О трактате, заключенном с Китаем в Тянь-цзинь 1 июня 1858 г.» // ПСЗ II. Т. 34. Отд. 1. № 34697. С. 668.

¹⁵ Захарова В. В. Из истории становления железнодорожного транспорта в России // Транспортное право и безопасность. 2016. № 8. С. 70.

пространение в законодательстве понятия «безопасность движения»¹ и схожих с ним (безопасность пути, безопасность пассажиров и др.).

Кроме того, проблема безопасности на железнодорожном транспорте стала предметом целого ряда научных исследований², в которых, помимо прочих, затрагивались правовые аспекты (в том числе сравнительно-правовые исследования, основанные на примере законодательства Англии, Германии, Пруссии и др.). Исследователи того времени предлагали целый комплекс различных мер, направленных на правовое обеспечение безопасности на железнодорожном транспорте: начиная с правоохранительных, непосредственно направленных на обеспечение спокойствия и безопасности пассажиров; мер в области трудового права, регулирующих прием на работу машинистов и другого персонала, установление соответствующих квалификационных требований к ним, время отдыха служебного персонала; мер, направленных на совершенствование юридической ответственности за неисполнение персоналом своих обязанностей, и заканчивая мерами по повышению правосознания и правовой культуры железнодорожного персонала. Данные исследования характеризуются ценными теоретико-правовыми выводами о прямой взаимосвязи правосознания, правовой культуры, законности, справедливости и безопасности. Выводы ученых были настолько прогрессивными, что опередили развитие научной мысли в этом отношении более чем на столетие вперед и до сих пор остаются весьма актуальными.

¹ Высочайше утвержденный Устав Общества Петергофской железной дороги от 9 августа 1856 г. // ПСЗ II. Т. 31. Отд. 1. № 30837 С. 679; Высочайше утвержденный Общий устав Российских железных дорог от 12 июня 1885 г. // ПСЗ III. Т. 5. № 3055. С. 327; и др.

² См., например: Эксплуатация железных дорог / сост. А. Шишков. Т. 1. СПб.: тип. и хромолит. А. Траншеля, 1877; Глинка О. К вопросу об охране безопасности пассажиров в поездах. Киев : Литотипограф. товарищ И.Н. Кушнерев и К°, 1900; Павловский А. А. О мерах увеличения правильности и безопасности движения в зависимости от исполнения службы машинистами и их помощниками. СПб.: Тип. бр. Пантелеевых, 1898.

Технологический скачок, который коснулся не только сферы дорожного движения, требовал осознания и правового закрепления проблематики безопасности. В частности, запуск освещения столицы газом требовал предусмотреть нормы о безопасности газового освещения³.

Поскольку понятие «безопасность» в то время широко использовалось в источниках права, выступая важнейшей правовой ценностью для общества, этот факт не мог не учитываться в университетах в процессе подготовки юристов. В связи с этим в числе кафедр, которые согласно Общему уставу университетов полагались на юридических факультетах, было предусмотрено «Полицейское право», включающее в себя «учение о безопасности (законы благочиния)»⁴.

Судебная реформа 1864 г., результатом которой стали отделение суда от администрации, и многие другие прогрессивные нововведения в работе судебной системы (гласность, состязательность судебного процесса и др.), не обошла стороной и «безопасность суда»⁵, гарантирующую стабильность и независимость судебной власти.

Во второй половине XIX в. прочно вошли в нормативный оборот и широко употреблялись в законодательстве такие понятия, как «общая безопасность»⁶ (либо «всеобщая безопасность»⁷ — в качестве обобщающего понятия), «государственная

³ Высочайше утвержденный Устав С.-Петербургского Газового Общества под фирму «Общество столичного освещения» от 10 октября 1858 г. // ПСЗ II. Т. 33. Отд. 2. № 33609. С. 250.

⁴ Высочайше утвержденный Общий Устав Императорских Российских Университетов от 18 июня 1863 г. // ПСЗ II. Т. 38. Отд. 1. № 39752. С. 623.

⁵ Высочайше утвержденное Учреждение судебных установлений от 20 ноября 1864 г. // ПСЗ II. Т. 39. Отд. 2. № 41475. С. 192; Высочайше утвержденный Военно-Судебный устав от 15 мая 1867 г. ПСЗ II. Т. 42. Отд. 1. № 44575. С. 535; Т. 39. Отд. 2. С. 192.

⁶ См., например: Высочайше утвержденное Положение о губернском и уездном управлении в губерниях Царства Польского от 19 (31) декабря 1866 г. // ПСЗ II. Т. 41. Отд. 2. № 44012. С. 428.

⁷ Манифест от 15 мая 1883 г. «О дарованных в день Священного Коронования Их Императорских Величеств милостях» // ПСЗ III. Т. 3. С. 235.

безопасность»¹, «личная безопасность»², «общественная безопасность»³ (понималась как безопасность в конкретном месте, например, «общественная безопасность столицы»⁴), «безопасность имущества»⁵, «безопасность движения»⁶. Если речь шла о безопасности определенного круга лиц, употреблялись понятия «безопасность для публики»⁷, «безопасности жителей»⁸.

Расширение законодательного регулирования сфер безопасности способствовало появлению понятий «безопасность работ (горнозаводских работ)»⁹, «безопасность работ на пороховых заводах»¹⁰,

«безопасность от домашних животных»¹¹, «безопасность плавания (во внутренних водных путях)»¹² и даже «политическая безопасность»¹³.

Уголовное уложение 1903 г. как последний кодифицированный памятник Российской империи охраняло такие виды безопасности, как общественная безопасность¹⁴, внешняя безопасность России¹⁵, безопасность железнодорожного движения¹⁶, личная безопасность¹⁷, безопасность судоходства¹⁸ и др. Впоследствии исследователи отмечали эволюцию гл. 10 Уложения об охране «общественной и личной безопасности» в том аспекте, что субъектами данных составов преступлений выступали не только частные лица, но и владельцы различных заведений и предприятий¹⁹. Такой подход, как известно, существует и сегодня по отношению к оказанию услуг, не отвечающих требованиям безопасности.

Проведенный анализ эволюции категории «безопасность» в источниках права позволяет говорить о том, что в Российской империи безопасность постепенно стала одной из важнейших правовых ценностей, рассматривалась в качестве глав-

¹ Высочайше утвержденное положение Кабинета Министров, опубликованное 28 октября 1866 г. «О пространстве и пределах власти Губернаторов» // ПСЗ II. Т. 41. Отд. 1. № 43501. С. 954.

² См., например: Высочайше утвержденное Положение о сельских обществах, их общественном управлении и повинностях государственных и общественных в Бакинской губернии от 28 сентября 1866 г. // ПСЗ II. Т. 41. Отд. 2. № 43678. С. 63.

³ См., например: Высочайше утвержденное положение Кабинета Министров, опубликованное 28 октября 1866 г. «О пространстве и пределах власти Губернаторов» // ПСЗ II. Т. 41. Отд. 1. № 43501. С. 954.

⁴ См., например: Высочайше утвержденное положение Кабинета Министров от 1 июня 1863 г. «Об уничтожении толкучего рынка на Апраксином дворе в Санкт-Петербурге» // ПСЗ II. Т. 38. Отд. 1. № 39699 С. 531.

⁵ Высочайше утвержденное Положение о мерах к охранению государственного порядка и общественного спокойствия от 14 августа 1881 г. // ПСЗ III. Т. 1. № 350. С. 262.

⁶ См., например: Высочайше утвержденный Устав Общества Рязско-моршанской железной дороги от 14 октября 1866 г. // ПСЗ II. Т. 41. Отд. 2. № 43732. С. 127.

⁷ Там же.

⁸ Высочайше утвержденные Правила охоты для Курлянской губернии от 20 мая 1877 г. // ПСЗ II. Т. 52. Отд. 1. № 57386. С. 642.

⁹ Высочайше утвержденное мнение Государственного Совета, опубликованное 21 июня 1865 г. «О упразднении Московского Горного Правления и некоторых должностей по казенным заводам и о порядке правительственного надзора за частными горными заводами» // ПСЗ II. Т. 40. Отд. 1. № 42108. С. 520.

¹⁰ Высочайше утвержденное Положение о технических артиллерийских заведениях от 8 июля 1872 г. // ПСЗ II. Т. 47. Отд. 2. № 51077. С. 138.

¹¹ Высочайше утвержденные правила о применении Высочайше Утвержденного 16 июня 1870 г. Городового Положения к столицам и городу Одессе от 20 июня 1872 г. // ПСЗ II. Т. 47. Отд. 1. № 51014. С. 930.

¹² Именной, объявленный Сенату Министром Путей Сообщения от 12 октября 1874 г. «О мерах к предупреждению случаев столкновения на внутренних водах между судами» // ПСЗ II. Т. 49. Отд. 2. №. 53973. С. 312.

¹³ Высочайше утвержденное положение Кабинета Министров от 19 ноября 1978 г. «Об усилении состава полиции в некоторых губернских и уездных городах» // ПСЗ II. Т. 53. Отд. 2. № 59025. С. 239.

¹⁴ Высочайше утвержденное Уголовное уложение от 22 марта 1903 г. // ПСЗ III. Т. 23. Отд. 1. № 22704. С. 181.

¹⁵ Там же. С. 193.

¹⁶ Высочайше утвержденное Уголовное уложение от 22 марта 1903 г. // ПСЗ III. Т. 23. Отд. 1. № 22704. С. 198.

¹⁷ Там же. С. 210.

¹⁸ Там же. С. 253.

¹⁹ Балыбин В. А. Уголовное уложение Российской империи 1903 года : дис. ... канд. юрид. наук. Л., 1982. С. 139.

ного предназначения и цели права, как сущность его охранительных норм, а также лежала в основе деятельности государственной власти в целом. Об этом свидетельствуют, в частности, слова М. М. Сперанского, который руководил процессом систематизации законодательства, заложил основы теоретического правоведения в России и пришел к выводу о том, что «общий предмет всех законов есть учредить отношения людей к общей безопасности лиц и имущества» (Сперанский М. План государственного преобразования М. М. Сперанского // Введение к уложению государственных законов 1809 года. М., 1905. С. 359).

В источниках права, начиная с XVIII в., постепенно сформировался широкий спектр видов и уровней безопасности (внешняя и внутренняя безопасность страны, всеобщая безопасность, государственная безопасность, общественная безопасность, личная безопасность, имущественная безопасность и многие другие), при этом в законодательстве прослеживалась их четкая дифференциация. Все это указывает на то, что безопасность в Российской империи с полной уверенностью можно

считать правовой категорией, наряду с равенством, справедливостью, свободой и другими.

Библиография

1. Балыбин, В.А. Уголовное уложение Российской империи 1903 года : дис. ... канд. юрид. наук / В. А. Балыбин. — Л., 1982.
2. Беляева, Г. С. Становление и развитие правового регулирования национальной безопасности в дореволюционной России / Г. С. Беляева, В. П. Беляев // Вопросы безопасности. — 2017. — № 4.
3. Глинка, О. К вопросу об охране безопасности пассажиров в поездах / О. Глинка. — Киев: Лито-типограф. товарищ И.Н. Кушнерев и Ко, 1900.
4. Захарова, В. В. Из истории становления железнодорожного транспорта в России / В. В. Захарова // Транспортное право и безопасность. — 2016. — № 8.
5. Павловский, А. А. О мерах увеличения правильности и безопасности движения в зависимости от исполнения службы машинистами и их помощниками / А. А. Павловский. — СПб.: Тип. бр. Пантелеевых, 1898.
6. Сперанский, М. План государственного преобразования М. М. Сперанского / М. Сперанский // Введение к уложению государственных законов 1809 года. — М., 1905.
7. Эксплуатация железных дорог / сост. А. Шишков. Т. 1. — СПб. : тип. и хромолит. А. Траншеля, 1877.

Оборона страны и безопасность государства как правовые термины, понятия и концепты

© Шнякина Татьяна Сергеевна,

кандидат юридических наук, доцент 25 кафедры,
Военный университет

Аннотация. В статье на основе анализа Конституции России, Федерального закона «О безопасности» и Стратегии национальной безопасности Российской Федерации предлагается сопоставление сущностных значений (понятий) и содержательной значимости (концептов) конституционно-правовых терминов «оборона страны» и «безопасность государства». В том числе предлагается сравнение их смыслов с американским конституционным ориентиром при обеспечении США их «the public Safety» и «the security of a free State».

Ключевые слова: оборона страны, безопасность государства, национальная безопасность, термин, понятие, концепт, значение, сущность, содержание, смысло-ориентированный подход, национальное законодательство, Стратегия национальной безопасности, the public Safety, the security of a free State, международное право.

Defence of the country and security of the State as legal terms, notions and concepts

© Shnyakina T. S.,

candidate of the law sciences, associate professor of
25th Department, Military University

Abstract. Based on the analysis of the Constitution of Russia, the Federal Law "On Security" and the National Security Strategy of the Russian Federation, the article offers a comparison of the essential meanings (notions) and the content significance (concepts) of the constitutional and legal terms "national defense" and "state security". In particular, it is proposed to compare their meanings with the American constitutional reference point while United States are ensuring their public safety and their security of a free State.

Keywords: defense of the country, safety of the state, national security, term notion, concept, meaning, essence, content, meaningful approach, national legislation, national security strategy, the public safety, the security of a free State, international law.

В соответствии со Стратегией национальной безопасности Российской Федерации¹ национальная безопасность Российской Федерации как состояние защищенности личности, общества и государства от внутренних и внешних угроз, при котором обеспечиваются реализация конституционных прав и свобод граждан Рос-

сийской Федерации, достойные качество и уровень их жизни, суверенитет, независимость, государственная и территориальная целостность, устойчивое социально-экономическое развитие Российской Федерации, включает в себя оборону страны и все виды безопасности, предусмотренные Конституцией Российской Федерации и законодательством Российской Федерации, прежде всего, государственную, общественную, информационную, экологическую, экономическую, транспортную, энергетическую безопасность, безопасность личности.

Как видим, Стратегией национальной безопасности в объем понятия националь-

¹ Стратегия национальной безопасности Российской Федерации : утв. Указом Президента Российской Федерации от 31 декабря 2015 г. № 683.

(С 2 июля 2021 г. вступила в силу Стратегия национальной безопасности Российской Федерации, утв. Указом Президента Российской Федерации от 2 июля 2021 г. № 400. Прим. редакции).

ной безопасности Российской Федерации включены оборона страны, а также государственная безопасность наряду с другими видами безопасности. При этом в Конституции Российской Федерации применяется термин «безопасность государства» (ч. 5 ст. 13, ч. 3 ст. 55, ч. 1 ст. 82, п. «д.1» ст. 83, п. «к» ст. 102), а именно термин «государственная безопасность» используется всего один раз в п. «д» ст. 114 при перечислении полномочий Правительства Российской Федерации.

Статьи 1, 7, 14 Конституции, характеризующие качественные государственные стороны, прямо определяют, что Российская Федерация (Россия) — это государство, а частью 1 ст. 5 Конституции очерчен состав государства Россия: «Российская Федерация состоит из республик, краев, областей, городов федерального значения, автономной области, автономных округов — равноправных субъектов Российской Федерации». Одновременно согласно ч. 2 ст. 5 Конституции составной частью государства — Россия является республика, именуемая равнозначно государством и имеющая свою конституцию и законодательство.

В этой связи встает вопрос, следует ли полагать синонимичность друг другу понятий, обозначаемых терминами «государственная безопасность» и «безопасность государства» и тождествен ли каждый из них «национальной безопасности»? Другими словами, составляют ли три названных термина общий объем единого понятия, т.е. совпадают ли их значения, одинакова ли представляемая ими форма отражения действительности, ее существенных признаков? Но если ответ отрицателен и имеет место множественность не только терминов, но их значений (понятий) и смыслов (концептов), то какие объекты обозначены названными терминами?

Во-первых, Российская Федерация согласно ст. 1 Конституции и есть государство, т.е. как может национальная безопасность государства (Российской Федерации) включать в себя государственную безопасность? Или у государственной безопасности «национальности» нет, а сам признак государственности — «государ-

ственный» не характеризует государство как национальное территориально-публичное образование, или в государстве присутствуют некие элементы, которые к «национальному» не имеют отношения? При этом, как видно из Стратегии национальной безопасности, «национальное качество» у безопасности государства появляется, если присовокупить к государственной безопасности другие виды безопасности, предусмотренные Конституцией и законодательством Российской Федерации, а также оборону страны. Что в этом случае привнесло национальную сущность — страна или общее слагаемое из всех видов безопасности вместе с обороной? Или кто — личность, общество?

Во-вторых, государственная безопасность или безопасность государства как составная часть национальной безопасности государства Россия — это безопасность какого государства: Федерации в целом или ее субъектов? Если только субъектов Федерации, то почему исключительно одного вида — республик? И где тогда безопасность федеральных органов и организаций?

В этой связи название Федерального закона от 28 декабря 2010 г. № 390-ФЗ «О безопасности», а также подход к определению национальной безопасности, заложенный в ст. 1 названного закона, представляется в большей мере соответствующим Конституции, менее формально и логически непротиворечивым, чем в Стратегии национальной безопасности: «Настоящий Федеральный закон определяет основные принципы и содержание деятельности по обеспечению безопасности государства, общественной безопасности, экологической безопасности, безопасности личности, иных видов безопасности, предусмотренных законодательством Российской Федерации». Другими словами, любой вид предусмотренной законом безопасности настолько значим, что и составляет собой национальную безопасность. А включение в безопасность в целом безопасности государства, общественной безопасности, безопасности личности и иных ее видов, предусмотренных российским

законодательством, придают ей национальную окраску.

Однако данная дефиниция лишь частично снимает логическое противоречие, увиденное нами в подходе к системе терминов и понятийному аппарату, используемому в Стратегии национальной безопасности.

Указанное соответствует и введенной в 2020 г. ст. 79.1 Конституции. В предлагаемом ею международно-правовом контексте используется термин «безопасность», а не «безопасность государства» или «государственная безопасность»: «Российская Федерация принимает меры по поддержанию и укреплению международного мира и безопасности, обеспечению мирного существования государств и народов, недопущению вмешательства во внутренние дела государства».

Также в Конституции безопасность провозглашена предметом ведения Российской Федерации наряду с обороной (п. «м» ст. 71), а обеспечение обороны страны и безопасности государства — целью, позволяющей ограничивать права и свободы человека и гражданина федеральным законом, но только в той мере, в какой это необходимо (ч. 3 ст. 55).

При этом использование в Конституции для обозначения предмета ведения именно формулировки «оборона и безопасность» вне контекста «страны и государства», в совокупности с названной ранее статьей 79.1 может толковаться в том значении, что оборона и безопасность как предмет исключительного ведения Российской Федерации включают в свой объем (денотат) не только внутригосударственную сферу, но и международное сотрудничество по поддержанию мира.

В толковом словаре для слова «национальный» общепринятым является следующее значение: «Национальный, -ая, -ое, -лен, -льна. 1. см. *нация*. 2. Характерный для данной нации, свойственный именно ей. 3. То же, что *государственный* (в 1 знач.)»¹. Соответственно: «Нация, — и, ж.

1. Исторически сложившаяся устойчивая общность людей, образующаяся в процессе формирования общности их территории, экономических связей, литературного языка, особенностей культуры и духовного облика. 2. В некоторых сочетаниях: *страна, государство*»². Государство в первом значении — «1. Основная политическая организация общества, осуществляющая его управление, охрану его экономической и социальной структуры»³, а государственный — «1. см. *государство*». При этом страна — «1. *Территория, имеющая собственное государственное управление или управляемая другим государством*. 2. Местность, территория»⁴.

В Конституции же государственными, т.е. принадлежащими государству, характеризующими его, наполняющими его понятийное содержание, называются целостность, власть (ч. 3 ст. 4), русский язык (ч. 1 ст. 68), языки республик в случае установления их таковыми (ч. 2 ст. 68), флаг, герб и гимн (ч. 1 ст. 70), форма собственности (ч. 2 ст. 8), границы Российской Федерации (п. «д» ст. 106), нужды (ч. 3 ст. 35).

В понятийное содержание государства Конституцией включены также обязанности: признание, соблюдение и защита прав и свобод человека и гражданина (ст. 2); гарантирование равенства прав и свобод человека и гражданина (ч. 2 ст. 19); охрана достоинства личности (ч. 1 ст. 21); защита материнства и детства, семьи (ч. 1 ст. 38); обеспечение потерпевшим доступа к правосудию и компенсации причиненного ущерба (ст. 52); возмещение вреда, причиненного незаконными действиями (или бездействием) органов государственной власти или их должностных лиц (ст. 53); гарантия своим гражданам защиты и покровительства за пределами России (ч. 2 ст. 61).

Все перечисленные сущностные признаки государства вполне увязываются с приведенными из толкового словаря опре-

¹ Ожегов С. И., Шведова Н. Д. Толковый словарь русского языка : 80 000 слов и фразеологических выражений / Российская академия наук. Институт

рус. яз. им. В. В. Виноградова. — 4-е изд., доп. М.: Азбуковник, 1999. С. 398.

² Там же. С. 398.

³ Там же. С. 141.

⁴ Там же. С. 772.

делениями слов «национальный», «нация», «государство» (в первом его значении), «государственный» (также в первом значении) и «страна» (в первом значении).

В итоге, с одной стороны, получается знак тождества в толковании правовых понятий, обозначаемых терминами «безопасность», «безопасность государства», «национальная безопасность» и «государственная безопасность». А, с другой стороны, конституционное понимание безопасности либо шире безопасности, используемой в Федеральном законе «О безопасности», т.к. предметом ведения Российской Федерации в области безопасности являются и вопросы обеспечения международного мира и безопасности, либо получается, что названные вопросы являются составной частью национальной безопасности. Это, на наш взгляд, позволяет России не только через философствование, но с позиций национального законодательства обосновать собственное военное присутствие в любой точке за пределами ее территории, как это делают, например, США.

Частью 3 ст. 4 Федерального закона «О безопасности» предусматривается, что «государственная политика в области обеспечения безопасности реализуется на основе стратегии национальной безопасности Российской Федерации, иных концептуальных и доктринальных документов, разрабатываемых Советом Безопасности и утверждаемых Президентом Российской Федерации». Соответственно законодательно предусмотрена стратегия национальной безопасности российского государства, а также субъекты, полномочные ее разрабатывать и утверждать.

Согласно ч. 1 ст. 13 Федерального закона «О безопасности» Совет Безопасности осуществляет подготовку решений Президента Российской Федерации не только по вопросам обеспечения безопасности (включая вопросы, связанные с защитой конституционного строя, суверенитета, независимости и территориальной целостности России), но и по вопросам организации обороны, военного строительства, оборонного производства и военно-

технического сотрудничества России с иностранными государствами.

Однако среди существенных признаков национальной безопасности, закрепленных статьей 1 Федерального закона «О безопасности», нет обороны страны.

Таким образом, законодательно безопасность (национальная безопасность) включает в свой объем безопасность государства. Одновременно через функции Совета Безопасности Российской Федерации безопасность (национальная безопасность) законодательно увязана с организацией обороны, военным строительством, оборонным производством и военнотехническим сотрудничеством. А на уровне указа Президента Российской Федерации национальная безопасность включает в свой состав оборону страны.

Соответственно налицо терминологическая множественность и понятийная путаница на конституционном, законодательном и подзаконном уровнях:

– Конституция использует «безопасность» как предмет ведения Российской Федерации (т.е. возможен и международный компонент), а также «безопасность государства» и «государственную безопасность» как синонимы; на законодательном уровне государственная безопасность включает в себя безопасность государства, при этом национальным качеством характеризуется именно государственная безопасность; на подзаконном — безопасность государства включает в себя государственную безопасность и национальную сущность;

– Конституция использует «оборону» как предмет ведения Российской Федерации (т.е. возможен и международный компонент), а также «оборону страны»; на законодательном и подзаконных уровнях используется «оборона страны».

Более того, фразеологические обороты «обеспечение обороны страны и безопасности государства», «нужды обороны страны, безопасности государства», «в интересах обороны страны, безопасности государства» настолько устоялись в правовом поле и политическом дискурсе, что

часто оборона страны и безопасность государства воспринимаются при прочтении и толковании текстов правовых актов, в том числе и при их применении, как политико-правовой паттерн. Например, согласно абз. 2 п. 2 ст. 1 ГК РФ «Гражданские права могут быть ограничены на основании федерального закона и только в той мере, в какой это необходимо в целях ... обеспечения обороны страны и безопасности государства»; ст. 109 Федерального закона от 5 апреля 2013 г. № 44-ФЗ называется «Особенности заключения государственных контрактов на оказание услуг связи для обеспечения обороны страны, безопасности государства, правопорядка с единственным исполнителем»; ст. 51.1 Федерального закона от 7 июля 2003 г. № 126-ФЗ называется «Особенности оказания услуг связи, услуг присоединения и услуг по пропуску трафика для нужд органов государственной власти, нужд обороны страны, безопасности государства и обеспечения правопорядка»; ст. 8.1 Федерального закона от 12 августа 1995 г. № 144-ФЗ называется «Особенности проведения оперативными подразделениями органов федеральной службы безопасности оперативно-розыскных мероприятий в сфере осуществления иностранных инвестиций в хозяйственные общества, имеющие стратегическое значение для обеспечения обороны страны и безопасности государства»; Федеральный закон от 29 апреля 2008 г. № 57-ФЗ «О порядке осуществления иностранных инвестиций в хозяйственные общества, имеющие стратегическое значение для обеспечения обороны страны и безопасности государства»; и др. В связи с этим возможно предположить, что законодателем под обеспечением обороны страны и безопасности государства понимается обеспечение безопасности в совокупности.

На первый взгляд, гносеологическая по своей сущности дискуссия о соотношении безопасности, безопасности государства, государственной безопасности и национальной безопасности; обороны и обороны страны; обороны страны и безопасности государства; страны и государства в современной реальности приобрета-

ет праксеологическую и аксеологическую значимость не только на национальном (государственном) уровне, но имеет актуальные и значимые масштабы по последствиям для всего мирового сообщества при строительстве глобального миропорядка.

В частности, например, где тот предел для американской нации при обеспечении их национальной безопасности, национальных интересов в американском элитарном понимании, где он в российском государственном восприятии, а также с позиций международного права?

Очевидно, что правовые термины и обозначаемые ими понятия, применяемые в России, США, других государствах и на международном уровне, являются базой для взаимодействия, развития партнерского сотрудничества, но их реальное соприкосновение через национальные толкования и оценки, как показывает исторический опыт, приводит к столкновениям, способным перерасти из межгосударственной напряженности в острый масштабный социальный конфликт вплоть до военного противостояния, т.е. трансформироваться из военной опасности в военную угрозу.

Однако в национальных сознаниях существует нечто такое, что позволяет и России, и США, и другим государствам быть убежденными в правомерности совершаемых ими действий, принятии политически и жизненно значимых решений, оценивать их в ракурсе собственных национальных интересов, стратегических приоритетов.

Как, например, установить, измерить степень необходимости ограничений прав и свобод частного, частно-публичного и публичного содержания в целях обеспечения обороны конкретной страны и безопасности конкретного государства? Кем и чем определяется соответствующая необходимость? Национальным, транснациональным или международным правом? А при их применении, что это — «право сильного», «право выгодного» или «право справедливого»? Что есть сила, и чем отличается справедливость сильного от справедливости абсолютной (существует ли такая)? Есть ли универсальные крите-

рии оценивания законности и справедливости принудительных ограничений прав и свобод личности, общества, государства, осуществляемых в целях обеспечения обороны страны и безопасности государства? Тем более, актуальнее звучат поставленные вопросы в период действия ограничительных мероприятий, предпринятых государствами по всему миру в целях обеспечения безопасности от угроз новой вирусной инфекции COVID-19.

Пока что неоднозначные ответы на поставленные вопросы предлагают факты. Например, две совершенно разные по политическому, а затем и экономическому резонансам ситуации с якобы государственным следом в ликвидации должностных лиц — «дело Скрипаля» и «дело Сулеймани».

В частности, по первому делу: «6 сентября Великобритания, Германия, Канада, США и Франция выступили с совместным заявлением, в котором вновь воспроизвели безосновательные претензии к России в контексте происшествий в Солсбери и Эймсбери. Вызывает сожаление, что в столицах этих стран опять пошли на поводу у Лондона, который, похоже, никак не может преодолеть собственные необъяснимые фобии. Подхватили ложь, прикрытую оговоркой «почти наверняка» («almost certainly»), что является очередной вариацией пресловутого британского «весьма вероятно» («highly likely»), и с готовностью закрыли глаза на отсутствие каких-либо свидетельств того, что действительно произошло с использованием в Великобритании отравляющих веществ. Издевательство над здравым смыслом, таким образом, продолжается. Россия неоднократно и на различных уровнях заявляла, что не имеет никакого отношения к случившемуся в Солсбери и Эймсбери. Много раз предлагали британской стороне совместными усилиями расследовать эти инциденты. Негативная реакция на наши призывы к сотрудничеству и отказ уже в течение полугода предоставить доступ к российским гражданам Сергею и Юлии Скрипалем, которых объявили жертвами покушения, лишь укрепляет уверенность, что ничего в обоснование своих претензий Лон-

дон так и не нашел. Все обвинения против нас полностью сфабрикованы»¹; «Лондон пошел на конфронтацию с Москвой в связи с "делом Скрипаля". Сначала премьер Великобритании Тереза Мэй обвинила Россию в причастности к отравлению экс-офицера ГРУ, а затем объявила о дальнейших беспрецедентных шагах Лондона. Из королевства вышлют 23 российских дипломата. Контакты на высоком уровне будут заморожены. Официальные лица Британии также проигнорируют чемпионат мира по футболу в Российской Федерации. При этом Мэй поспешила уточнить, что "полный разрыв диалога между Великобританией и Россией не отвечает национальным интересам королевства". Однако, по ее словам, после случившегося со Скрипалем отношения между двумя странами "не могут быть прежними". Британские власти также собираются ужесточить проверки частных самолетов из России и грузов на таможне, а в исключительных случаях и замораживать государственные активы РФ»².

По второму делу: «4 января 2020 года американский президент Дональд Трамп, выступая на пресс-конференции в своем поместье во Флориде, сказал: "Господству террора Сулеймани настал конец. Военные США нанесли безупречный по точности удар, который убил террориста номер один в мире — Касема Сулеймани. Он готовил страшные, непредотвратимые нападения на американских дипломатов и военнослужащих, но мы поймали его на месте преступления и ликвидировали". Так Трамп оправдал право США на убийство

¹ Комментарий Департамента информации и печати МИД России в связи с антироссийским заявлением нескольких западных стран: 1627-07-09-2018 18:49 // URL: https://www.mid.ru/ru/foreign_policy/news/-/asset_publisher/cKNonkJE02Bw/content/id/3338754; <https://rg.ru/2018/09/07/mid-obvneniia-protiv-rf-podelu-skipalej-polnostiu-sfabrikovany.html> (дата обращения: 25.03.2021).

² Нервно-паралитическая реакция: без предъявления доказательств Британия вышлет 23 российских дипломата / Российская газета. Столичный выпуск № 53(7516), 14.03.2018 19:00 // URL: <https://rg.ru/2018/03/14/velikobritaniia-vyshlet-23-rossijskih-diplomata-iz-za-otravleniia-skipalia.html> (дата обращения 25.03.2021).

человека номер два в политическом и военном руководстве Ирана — генерала Корпуса стражей исламской революции (КСИР), которое было совершено дроном-убийцей недалеко от аэропорта Багдада. Чуть позже, раскрывая детали "опасности террориста номер один", Трамп уточнил: "Это было сделано, потому что Сулеймани готовил атаки на американские посольства в разных странах". Однако выступавший 13 января на пресс-конференции глава Пентагона Марк Эспер опроверг эти уточнения: "У нас нет доказательств того, что Иран готовил атаки на четыре наших посольства. По крайней мере, я пока не видел ни одного такого доказательства". Возникает очевидный вопрос — так за что же убили Касема Сулеймани?»¹; «"Убийство генерала Касема Сулеймани сделало наш народ еще сильнее и решительнее, чем прежде. Ответственность за все последствия этого террористического акта в регионе полностью ляжет на США, и они заплатят за это высокую цену", — говорится в сообщении, распространенном пресс-службой Роухани. При этом иранский президент подчеркнул, что США выступают главным деструктивным элементом в регионе, и пока они там присутствуют ни о какой стабильности и безопасности речи быть не может»²; «ликвидация иранского генерала Касема Сулеймани в январе этого года является грубым нарушением международного права со стороны США. Об этом, как сообщает израильская газета The Jerusalem Post, заявила спецпредставитель ООН по вопросам внесудебных и произвольных расправ Агнес Калламар»³.

¹ Обратная сторона операции "Ликвидация". Почему США убили Касема Сулеймани / Российская газета, 16.01.2020 14:26 // URL: <https://rg.ru/2020/01/16/obratnaia-storona-operacii-likvidacii-pochemu-ssha-ubili-kasema-sulejmani.html> (дата обращения 25.03.2021).

² Президент Ирана предупредил США о тяжелых последствиях убийства Сулеймани / Российская газета, 04.01.2020 18:38 // URL: <https://rg.ru/2020/01/04/prezident-irana-predupredil-ssha-o-tiazhkih-posledstviiah-posle-ubijstva-sulejmani.html> (дата обращения: 25.03.2021).

³ В ООН обсудят Трампа / Российская газета - Федеральный выпуск № 149(8203), 07.07.2020 10:10 // URL: <https://rg.ru/2020/07/07/oon-ssha->

В итоге, по не признаваемому Россией и бездоказательственному вменению России участия в «деле Скрипаля» (гражданина России) против российского государства введены санкции, и, наоборот — по официально подтвержденным США решению о ликвидации, организации и исполнению объективной стороны спланированного убийства американскими силами в «деле Сулеймани» (не гражданина США) санкций нет.

Чаще всего, вместо поиска ответов, путей разрешения эскалации конфликтов, международному праву приписывают «крах»⁴, происходит его подмена национальными интересами государственно-доминантов, либо транснациональными институтами и системами. При этом для достижения целей используется тонкая, глубокая и грамотная подмена значений ключевых терминов, т.е. их правовых понятий политическими концептами и наоборот.

В лингвистике считается, что термины служат своеобразными именами для понятий, т.е. за термином всегда стоит предмет мысли — абстрактное понятие. При этом «термины связаны не с понятиями вообще, а с понятиями определенной теории или концепции, отражающими уровень знаний в определенный период (с концептами)»⁵.

Как пишет Д. Д. Хайруллина, «любое слово может выражать как «научное» (логическое) понятие, так и "наивное" (обиходное) понятие о называемом предмете. ... Научное понятие объективно (оно базируется на сущности явлений, постигаемой учеными путем упорного труда в результате многолетнего учения), а наивное антропоцентрично (оно опирается на опыт человека). Иногда бытовые и научные понятия находятся в прямом противоречии друг другу. Например, в обиходной речи любой

[narushili-mezhdunarodnoe-pravo-ubiv-generalasulejmani.html](https://rg.ru/2020/07/07/oon-ssha-narushili-mezhdunarodnoe-pravo-ubiv-generalasulejmani.html) (дата обращения 25.03.2021).

⁴ См., например, Ромашев Ю. С. «Крахи» международного права или недостаточная его эффективность? // Аналитический вестник Совета Федерации Федерального Собрания Российской Федерации. 2015. № 16(569). С. 62—75.

⁵ Стожок Е. В. Термин, понятие и значение // Омский научный Вестник. 2011. № 1. С. 79.

человек будет говорить ... о теплых вещах, а не о вещах, сохраняющих тепло ... Говоря о соотношении понятия и лексического значения, важно понимать, что понятие в слове всегда одно, а значений может быть несколько. Понятие универсально для всего человечества, а лексические значения национальны. В формировании понятия принимают участие предмет и мышление, а в формировании значения предмет, мышление и структура языка. Иногда в языке можно обнаружить наличие лишь одной лексемы, соответствующей двум разным лексемам в другом языке»¹, «исследование концепта предполагает описание национального сознания носителей языка»².

Г. У. Арапова отмечает: «... концепт, в отличие от понятия, включает в себя не только существенные и необходимые признаки, но также и несущественные. Концепт выражает не только совокупность признаков объекта, но и те представления, знания, ассоциации, переживания, которые с ним связаны ... Термины "понятие" и "концепт" — исторически дублиеты, русское понятие калькирует латинское *conceptus*. Однако в современных научном и ненаучном узусах эти термины расходятся в употреблении ... Понятие представляет совокупность базовых познанных признаков объекта, а концепт является ментальной единицей картины мира, содержащей языковые и культурные знания, представления, оценки»³.

Л. Л. Попова отмечает: «Лингвокультурологическое направление относит *понятие* к интеллектуальной, мыслительной деятельности человека, *концепт* же включает в себя ощущения, эмоции, образы, символы. Он может образоваться как с участием мыслительных логических опе-

раций, так и минуя их. Содержание концепта обусловлено лингвокультурными особенностями данного предмета или явления. Ю. С. Степанов подчеркивает это отличие понятия от концепта: "*В отличие от понятий, концепты не только мыслятся, они переживаются. Они предмет эмоций, симпатий, антипатий, а иногда и столкновений.* М. В. Пименова отмечает, что "понятие есть часть концепта, а понятийные признаки входят в структуру концепта"»⁴.

«Изучение концептосферы — феномена ментального мира, совокупности взглядов народа и каждой личности на окружающую действительность, заложенных в минимальных единицах — концептах»⁵ позволяет учесть помимо существенных, обязательных признаков, представляемых в понятиях национальной безопасности, государственной безопасности, безопасности государства, обороны страны, в соотношениях понятий «страна» и «государство», еще и несущественные, факультативные признаки одноименных концептов. При этом факультативные признаки, как известно из уголовного права, на квалификацию деяния не влияют, но призваны определить ту меру ответственности, на которую имеет право претендовать защищаемый публичными методами и средствами интерес. Кроме того, факультативные признаки всегда могут быть перенесены законодателем в диспозицию статьи, что делает их квалифицирующими состав — обязательными. Другими словами, временная факультативная характеристика (концептная) обязательной характеристики (понятийной) дает возможность судить не только о самом явлении или сущности, заложенных в понятие, но помогает спрогнозировать, определить последствие применения на практике того или иного понятия, а также его сущностную и содержательную трансформацию в будущем.

¹ Хайруллина Д. Д. Соотношение и взаимосвязь терминов «Концепт», «Понятие», «Значение» в современных исследованиях // Филологические науки. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота, 2017. № 12(78): в 4-х ч. Ч. 1. С. 159.

² Там же. С. 158.

³ Арапова Г. У. Концепт, понятие и значение слова // Международный журнал прикладных и фундаментальных исследований. 2016. № 1. Ч. 4. С. 591—593.

⁴ Попова Л. Л. Соотношение понятий «концепт», «понятие», «значение» в русле коммуникативно-когнитивной парадигмы // Омский научный вестник. 2013. № 4. С. 127—131.

⁵ Арапова Г. У. Указ.соч.

Ярким примером смешения понятийного и концептного подходов служит манипуляция с восприятием личностью, обществом и даже государством национального права, его основы.

Буквальное и оторванное от содержательной стороны правовых механизмов, выработанных общественным опытом российского народа, и имеющих исторические корни государственных институтов, формальное и несистемное толкование положения Конституции о том, что «если международным договором Российской Федерации установлены иные правила, чем предусмотренные законом, то применяются правила международного договора»¹, привело к парадоксальному, но принявшемуся многими в течение долгого времени, выводу: «Конституция не имеет высшей юридической силы над международными договорами». И это при том, что международные договоры Российской Федерации есть не что иное, как законы или иные правовые акты, которые могут и должны приниматься только в случае их непротиворечия российской Конституции.

Установленный в 1969 г. на международном уровне принцип толкования международных договоров: «Договор должен толковаться добросовестно в соответствии с обычным значением, которое следует придать терминам договора в их контексте ... Наряду с контекстом учитываются ... последующая практика применения договора»² претерпел трансформацию в XXI в.: «конвенция — это живой инструмент, и толковаться она должна в свете условий сегодняшнего дня»³; «если значение термина договора отличается от его значения в момент заключения договора, ... необходимо принять во внимание то значение,

которое является актуальным в момент толкования»⁴. Валерий Зорькин писал по этому поводу: «... сам по себе этот тезис не вызывает никаких сомнений ... Вопросы вызывает лишь то, как Суд толкует изменившиеся «условия сегодняшнего дня» применительно к своим решениям и какие из этого делает правоустанавливающие выводы ... Очень часто права человека и их защита ... становятся инструментом манипуляции и решения политических вопросов и проблем»⁵.

В этой связи Конституционным Судом Российской Федерации и был представлен концептный подход в толковании ст. 15 Конституции: «поскольку Россия ... не вправе заключать международные договоры, не соответствующие Конституции Российской Федерации, а правила международного договора, если они нарушают конституционные положения, ... не могут и не должны применяться в ее правовой системе, основанной на верховенстве Конституции Российской Федерации, обязанностью органов государственной власти при имплементации международных договоров, предполагающей соотнесение законодательства Российской Федерации с ее обязательствами по международным договорам, являются признание, соблюдение и защита прав и свобод человека и гражданина, как они определены Конституцией Российской Федерации, и недопущение нарушений основ конституционного строя»⁶. А уже позже, в 2020 г., в этом

¹ Ч. 4 ст. 15 Конституции Российской Федерации.

² Ст. 31 Венской конвенции о праве международных договоров от 23 мая 1969 г.: вступила в силу для СССР 29 мая 1986 г.

³ Практическое руководство по критериям приемлемости: документ обновлен 31 марта 2011 г. / Совет Европы, Европейский суд по правам человека // URL: www.CEDH.coe.int/jurisprudence/Case-Law - analyse jurisprudentielle/Case-Law Analysis - Guide sur la recevabilité/Admissibility Guide. С.9. (дата обращения 25.03.2021).

⁴ Из решения от 13 июля 2009 г. Международного Суда ООН по делу Navigational and Related Rights (Коста-Рика против Никарагуа). Цит. по: Эволюционное течение в международном праве и некоторые подводные рифы в практике ЕСПЧ / Л. И. Захарова // URL: http://www.msal.ru/common/upload/EvrazUZH_N_1_92_2016.pdf. С. 122. (дата обращения 25.03.2021).

⁵ Зорькин В. Россия и Страсбург: проблемы реализации Конвенции о правах человека // URL: <https://rg.ru/2015/10/21/zorkin.html> (дата обращения 25.03.2021).

⁶ Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 14 июля 2015 г. № 21-П «По делу о проверке конституционности положений статьи 1 Федерального закона «О ратификации Конвенции о защите прав человека и основных свобод и Протоколов к ней», пунктов 1 и 2 статьи 32 Федерального закона «О

направлении поправкой к Конституции была скорректирована ее ст. 79: «Российская Федерация может участвовать в межгосударственных объединениях и передавать им часть своих полномочий в соответствии с международными договорами Российской Федерации, если это не влечет за собой ограничения прав и свобод человека и гражданина и не противоречит основам конституционного строя Российской Федерации. *Решения межгосударственных органов, принятые на основании положений международных договоров Российской Федерации в их истолковании, противоречащем Конституции Российской Федерации, не подлежат исполнению в Российской Федерации*».

Итак, практически достижение состояния защищенности личности, общества и государства от внутренних и внешних угроз, в том числе военных, невозможно без адекватного обстоятельствам наделения государственных органов, организаций и их должностных лиц дополнительными властными полномочиями, выражающимися в форме ограничений прав и свобод человека и гражданина, но только в той мере, какой требует необходимость (ч. 3 ст. 55 Конституции)¹.

международных договорах Российской Федерации», частей первой и четвертой статьи 11, пункта 4 части четвертой статьи 392 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации, частей 1 и 4 статьи 13, пункта 4 части 3 статьи 311 Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации, частей 1 и 4 статьи 15, пункта 4 части 1 статьи 350 Кодекса административного судопроизводства Российской Федерации и пункта 2 части четвертой статьи 413 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с запросом группы депутатов Государственной Думы».

¹ Наиболее актуальным в реалиях настоящего времени является положительный и отрицательный опыт применения особого правоограничительного режима, длящегося уже год, — режима повышенной готовности или чрезвычайной ситуации (О его содержании см.: Постановление Правительства Российской Федерации от 2 апреля 2020 г. № 417 г. «Об утверждении Правил поведения, обязательных для исполнения гражданами и организациями, при введении режима повышенной готовности или чрезвычайной ситуации»).

Поэтому актуальным не только в теоретическом плане, но и для практической реализации норм права представляется определение правовых пределов ограничений прав и свобод человека и гражданина, возможных к применению в целях обеспечения обороны страны и безопасности государства, а также оснований их введения. Однако сосредоточиться на исследовании существа и степени необходимости той меры, в какой Конституция предоставляет правомочие государству на соответствующее ограничение, невозможно без четкого, ясного и недвусмысленного представления сущности и содержания понятий «оборона страны» и «безопасность государства», их соотношения с национальной безопасностью.

В этой связи ответить на целый ряд фундаментальных вопросов, когда формальной логики оказывается недостаточно, помогает смысло-ориентированный подход². Именно здесь наряду с термином и понятием появляется концепт.

Как уже было сказано, концепт выражает не только совокупность признаков объекта (само понятие), но и те представления, знания, ассоциации, переживания, которые с ним связаны. Терминологическая же путаница на самом высоком юридическом уровне в такой области, как оборона и безопасность, отражает позицию, закрепившуюся в России в 90-е годы XX столетия: государство имеет основные направления внутренней и внешней политики (ч. 3 ст.80 Конституции), в нем никакая идеология не может устанавливаться в качестве государственной или обязательной (ч. 2 ст.13 Конституции), при этом федеративное устройство Российской Федерации основано на ее государственной целостности, равноправии и самоопределе-

² Назначение предлагаемой смысло-ориентированной методики составляет обретение актуальных научно-поисковых целей и практических ориентиров, базирующихся на осознании совокупных смысловых значений и значимости понятий, вкладываемых в них личностью, обществом, государством и (или) международными организациями на конкретном этапе их исторического развития.

нии народов в Российской Федерации (ч. 3 ст. 5 Конституции России).

Представляется, что в Конституции термины «нация» и «национальный» не были использованы именно с опорой на ч. 2 ст. 13 во взаимосвязи с ч. 3 ст. 5 Конституции. Однако, вполне возможно, что конституционно использован именно смыслоориентированный подход в толковании нации как страны и государства, а национального — как государственного.

Тогда понятие «оборона страны» концептно равно «обороне государства», «государственной обороне», «обороне нации», «национальной обороне», а «безопасность государства» концептно тождественна «государственной безопасности», «безопасности нации», «национальной безопасности», «безопасности страны». Однако концепт хоть и охватывает все новые стороны обозначаемого объекта, явления, их связи с другими объектами и явлениями, может толковаться различно в силу разницы в уровне образования, профессиональной подготовленности, практического опыта, мыслительных способностей, культуры, воспитания, периода, ситуативной обстановки и т.п. В связи с этим в юриспруденции и государственном управлении все-таки целесообразнее использовать единые и непротиворечивые формальные понятия, т. е. минимум наиболее общих и существенных признаков, характеризующих главное, что нужно знать об объекте, явлении.

Следовательно, в Федеральном законе «О безопасности» и в Стратегии национальной безопасности в ряду перечисленных видов безопасности государства (безопасности, национальной безопасности) допущено формальное, логическое противоречие классификационного порядка — вместо вида национальной безопасности, именуемого в названных правовых актах как «безопасность государства» («государственная безопасность»), по смыслу должен был бы быть включенным в объем понятия «безопасность (национальная безопасность)» следующий вид (или виды): безопасность основ конституционного строя, безопасность государственной власти или безопасность государственных ор-

ганов и организаций. Как представляется, безопасность государства и государственная безопасность были использованы в названных правовых актах именно в этих смыслах (концептах).

Придерживаясь изложенного, возможно, в свою очередь, рассматривать оборону и безопасность как область государственного управления — предмет ведения Российской Федерации (в их совокупности — область национальной безопасности), как сферы государственной деятельности и непосредственно как юридические состояния, требующие режимного правового регулирования в зависимости от возникающих угроз и опасностей национальной безопасности.

Примечательно, что в Конституции США понятийно-концептных противоречий в подходе к безопасности государства практически не усматривается. Так, используемые в ее тексте понятия «the public Safety»¹ и «the security of a free State»² одновременно обладают следующими значениями: public — народ, общество, общественный, публичный, народный, общенародный, открытый, гласный, государственный, публично-правовой; state — государство, государственный, американский штат, относящийся к штату; safety — безопасность, сохранность; security — безопасность, гарантия, обеспечение, залог, поручительство, режим³. Соответственно понятия, обозначаемые терминами «the public Safety» и «the security of a free State», выступают носителями общенародного, государственного, публично-правового смыслов, т.е. концептно не противоречат их формальному значению.

Таким образом, анализ Конституции, Федерального закона «О безопасности»,

¹ Конституция США: Раздел 9 Статьи I // Сайт «Все о США». USA-INFO.COM.UA/IMAGE / CONSTITUTION_USA_ENG.DOCX. URL: www.usa-info.com.ua (дата обращения 26.03.2021).

² Там же: Поправка II ратифицирована 15 декабря 1791 г.

³ Ильин Ю.Д. Новый англо-русский и русско-английский юридический словарь. Свыше 100 000 терминов, сочетаний, эквивалентов и значений. С транскрипцией / Под ред. В. И. Голуб и канд. юр. наук проф. Ю. Д. Ильина / М.: Живой язык, 2009.

Стратегии национальной безопасности позволяет говорить о сформировавшемся концепте понятия «безопасность» в российском национально-правовом сознании, в соответствии с которым в Конституции оборона страны и безопасность государства (государственная безопасность) по своей смысловой нагрузке означают национальную безопасность как защищенность Российского народа, Российской нации, Отечества, Родины, т.е. исторически сложившейся устойчивой общности людей, образовавшейся в процессе формирования общих для них территории, особенностей экономических связей, самобытности литературного языка, уникальности культуры и духовного облика, собственной системы управления.

Однако концептный подход хоть и снимает противоречие на конституционном политико-правовом уровне, но все-таки не может подменять собой в федеральных законах и иных нормативных правовых актах Российской Федерации формальную определенность права и принцип законности, в противном случае

точное и единообразное применение нормативных предписаний окажется априори невозможным из-за алогичности.

Библиография

1. Арапова, Г. У. Концепт, понятие и значение слова / Г. У. Арапова // Международный журнал прикладных и фундаментальных исследований. — 2016. — № 1. — Ч. 4. — С. 591—593.
2. Попова, Л. Л. Соотношение понятий «концепт», «понятие», «значение» в русле коммуникативно-когнитивной парадигмы / Л. Л. Попова // Омский научный вестник. — 2013. — № 4. — С. 127—131.
3. Ромашев, Ю. С. «Крах» международного права или недостаточная его эффективность? / Ю. С. Ромашев // Аналитический вестник Совета Федерации Федерального Собрания Российской Федерации. — 2015. — № 16(569). — С. 62—75.
4. Стожок, Е. В. Термин, понятие и значение / Ю. С. Ромашев // Омский научный Вестник. — 2011. — Вып. № 1. — С. 79—81.
5. Хайруллина, Д. Д. Соотношение и взаимосвязь терминов «Концепт», «Понятие», «Значение» в современных исследованиях / Д. Д. Хайруллина // Филологические науки. Вопросы теории и практики. — Тамбов: Грамота, 2017. — № 12(78) : в 4-х ч. — Ч. 1. — С. 157—161.

Теория и история военного права

Об исторических уроках реформирования государственной охраны Российской Империи и предвоенной Советской республики

© **Беляев Николай Николаевич**,
кандидат юридических наук, Академия ФСО
России, г. Орел

Аннотация. В статье рассматриваются вопросы организации и правового регулирования органов государственной охраны, проводимые с периода зарождения Российской Империи до начала образования Советской республики. Автором в результате анализа различных исторических аспектов становления государственности, организации подразделений личной и государственной охраны обосновываются их неразрывность, закономерность, а также роль в обеспечении государственной безопасности.

Ключевые слова: вооруженные силы, национальная безопасность, государственная безопасность, органы государственной охраны.

On the Historical Lessons of Reforming the State Security of the Russian Empire and the Pre-war Soviet Republic

© **Belyaev N. N.**,
Ph.D., Academy FSP of Russia

Abstract. The article deals with the issues of organization and legal regulation of state security bodies, conducted from the period of the birth of the Russian Empire to the beginning of the formation of the Soviet Republic. The author of the analysis of various historical aspects of statehood, organization units personal and state security justified their continuity, regularity and role in ensuring national security.

Keywords: armed forces, national security, state security, state security agencies.

Одной из важнейших задач государства является обеспечение собственной безопасности. Современная напряженная ситуация в мире, все более усложняемая нарастающими террористическими вызовами и введением различных санкций со стороны западных стран, объективно ставит перед руководством страны задачи по повышению уровня боеготовности и боеспособности силовых структур государства¹, в том числе укреплению и развитию органов государственной охраны Российской Федерации, повышению их эффек-

тивности в решении задач обеспечения безопасности объектов охраны.

Во все времена существовали методики и различные системы охраны, основной целью которых являлось сохранение жизни, здоровья и неприкосновенности лидеров государства и их окружения. Исторические факты, связанные с охраной первых лиц страны, всегда были недоступны широкому кругу лиц. Дошедшая до нас информация позволяет, реконструировав системы охраны на различных этапах развития Российского государства и СССР, выявить особенности их правового регулирования.

Для понимания развития государственной охраны необходимо остановиться на вопросе ее зарождения. Возникнове-

¹ Артамонова С. Н. Об отечественном опыте реформирования военных следственных органов в рамках судебной модели организации предварительного следствия // Военное право. 2017. № 1 (41). С. 69—81.

ние специальных служб вообще связано тесным образом с зарождением государственности. Государство призвано создавать и обеспечивать необходимые условия стабильного политического и социально-экономического развития общества. Особенность государства как объекта обеспечения государственной безопасности наиболее ярко проявляется, если взглянуть на его сущность с точки зрения юридической науки, в рамках которой под государством понимается организация публичной (политической) власти в обществе, основной институт политической системы общества, совокупность официальных органов власти, властно-политическую организацию общества¹. Этой цели подчиняется аппарат государственной безопасности любого государства.

Возникновение различных формы охраны в российском государстве относится ко времени правления первых киевских князей. Начиная с середины XVI в., Московский Кремль находился под охраной стрелецкого войска, внутренняя охрана была возложена на придворные чины.

В период проводимых Петром I преобразований существенно возрастает роль права, которое фактически становится одним из средств проведения реформ². Так, реформированию подверглась правовая основа, а также структурная организация охранных подразделений и мероприятий. В XVIII в. на смену стрелецкому войску приходит гвардейский полк, который обеспечивал безопасность императора и его семьи, а также охрану императорских резиденций во время путешествий или ведения военных действий. Гвардейские полки были расквартированы в непосредственной близости от объектов охраны: Петербург, Царское село, Петергоф и Гатчина. Именно позиция гвардии в те времена определяла во многом не только исход

придворной борьбы, но и в целом судьбу трона российского государства.

В первой половине XIX в. создается специальное подразделение — Собственный его Величества конвой³. Его началом можно считать 1775 г., когда по приказу Императрицы Всероссийской Екатерины II была сформирована военная команда личной охраны, состоящая из казаков. В дальнейшем команду в 1796 г. преобразовали в гусарско-казачий полк, а 18 мая 1811 г. — в лейб-гвардии Черноморскую казачью сотню. В начале XIX в., в 1811 г., формируется новая специальная элитная армейская кавалерийская часть — Собственный Его Императорского Величества Конвой, с задачей сопровождения и охраны Императора и членов его семьи в стране и за ее пределами.

Апогеем того периода стало создание по приказу императора Николая I 3 июня 1826 г. 3-го Отделения в составе Собственной Его Императорского Величества Канцелярии. Эта структура стала прообразом специальных служб в области государственной безопасности. В состав 3-го Отделения была введена Охранная стража, непосредственно занимавшаяся охраной царской семьи.

Все это происходит в период усиления террористической опасности для государя со стороны революционно настроенных граждан внутри страны. Главной целью террористов становится непосредственно сам император. Это привело к необходимости создания и развития службы охраны, ввиду чего формируется дополнительно специальная негласная команда 3-го отделения собственной охраны его величества.

Параллельно внутренним угрозам Российская Империя в XIX в. участвовала в 15 войнах, из которых 3 закончились поражением. Причины конфликтов разнообразны — от расширения собственных границ до защиты целостности территорий. Рассмотр-

¹ Давыдов А. В. К вопросу о силах обеспечения государственной безопасности и их компетенции // Военное право. 2018. № 4 (50). С. 7—16.

² Шевчук А. Н. Устав военно-судебный 1867 года как важный этап в становлении законодательства о процессуальных гарантиях военнослужащих // Военное право. 2018. № 2 (48). С. 57—66.

³ Буранов Н. Казачья верность. Собственный Его Императорского Величества Конвой // Российское военно-историческое общество «История.РФ» / <http://www.histrf.ru/biblioteka> (дата обращения 04.05.2020 г.).

рев хронологию событий, можно выделить участников тех конфликтов: Иран (1804—1813, 1826—1828), Франция (1805—1814), Англия (1807—1812), Швеция (1808—1809), Турция (1828—1829, 1877—1878).

После ликвидации Собственной Его Императорского Величества Канцелярии с 6 августа 1880 г. по 10 марта 1917 г. организация охраны царя и высокопоставленных лиц была возложена на Особый отдел Департамента полиции Министерства внутренних дел. К основным правовым актам того времени можно отнести изданное Положение о мерах к охранению государственного порядка, которое становится основным нормативным правовым актом, регулирующим обеспечение общественного порядка и безопасности в государстве, также данный документ урегулировал вопросы деятельности МВД России и Собственной охраны его императорского Величества¹.

После революционных событий 1917 г. охрану руководства Советской России осуществлял караул войск Петроградского гарнизона. С момента создания Всероссийской Чрезвычайной комиссии (ВЧК) функция охраны руководства государства наряду с комендатурой выполняет оперативное отделение при Президиуме ВЧК.

В 1920 г. при Президиуме ВЧК организовывают Специальное отделение или, как его ранее называли, Специальная охрана, в задачи которой входило обеспечение безопасности руководителей государства.

С января 1930 г. данное отделение входит в состав Оперативного отдела Особого государственного политического управления (ОГПУ), в котором создали 5 отделение специальной охраны. В июле 1934 г. в состав созданного Народного комиссариата внутренних дел (НКВД) СССР включают отделение ОГПУ, занимавшееся охраной высших должностных чинов партии и правительства. В ноябре 1936 г. в составе НКВД СССР образовывается са-

мостоятельная охрана, а также отдел охраны с декабря 1936 г. становится 1-м отделом Главного управления государственной безопасности (ГУГБ) НКВД СССР.

В 1935 г. прошлого века Советское руководство приняло решение, согласно которому охрана Московского Кремля должна быть передана в область государственной безопасности в связи, с чем в 1936 г. Комендатура Московского кремля переходит из состава Народного комиссариата обороны СССР в состав НКВД СССР.

В конце 30-х годов государственная охрана имела структуру, которая просуществовала фактически до конца Великой Отечественной войны. В предвоенный (1939 — первая половина 1941 гг.) и военный (вторая половина 1941—1945 гг.) период государственную охрану в основном обеспечивало два основных подразделения НКВД — НКГБ СССР:

— Управление Коменданта Московского Кремля (УКМК НКВД — НКГБ СССР), на которое возложили охрану объектов и территорий Кремля и руководства страны;

— 1-й отдел НКВД — НКГБ СССР, 6-е Управление НКГБ СССР. На данный орган была возложена охрана руководства партии и правительства СССР не только внутри страны, но и за ее пределами.

В 1941 г. в органах безопасности и в целом в органах МВД начинается реформа. Указом Президиума Верховного Совета СССР «О разделении Народного Комиссариата Внутренних Дел СССР и образовании Народного Комиссариата Государственной Безопасности СССР» НКВД разделили на два наркомата, непосредственно на НКВД СССР и на НКГБ СССР. С этого момента именно наркомат государственной безопасности начинает серьезно заниматься основными направлениями обеспечения безопасности. Целью создания НКГБ СССР была необходимость сосредоточить в одном органе работу по части государственной безопасности, к этой деятельности относилось и непосредственное обеспечение охраны высшего руководства государства.

В структуру НКГБ включили Управление Коменданта Московского Кремля

¹ Гербет Ф. Черчилль. Рузвельт. Сталин. Война, которую они вели, и мир, которого они добились. М., 2003. С. 64.

(УКМК) и 1-й отдел, на который возложили непосредственную обязанность по охране руководства партии и правительства. Тем самым область государственной охраны сконцентрировали в одном блоке, а УКМК и 1 отдел были включены в Наркомат Государственной безопасности СССР, который стал частью контрразведки.

Система обеспечения государственной безопасности и общественного порядка в Российской Империи и Советском Союзе представляла собой сложную многоуровневую структуру. Логика преобразований в этой сфере была связана с теми задачами, которые стояли перед государством в конкретный исторический промежуток времени. По мере нарастания внешних угроз обеспечение внешней безопасности государства выходило на первый план. Проводимые организационно-штатные преобразования являлись ответом на усиление этих тенденций. Обеспечение личной безопасности и безопасности охраняемых объектов с точки зрения истории становления и развития государственности Российского государства являются неотъемлемой частью обеспечения национальной

безопасности. Беря свое начало с Петровских реформ, организация и правовое регулирование органов государственной охраны подвержено постоянным изменениям, неразрывно связанным с реформированием общества и государственного устройства.

Библиография

1. Артамонова, С. Н. Об отечественном опыте реформирования военных следственных органов в рамках судебной модели организации предварительного следствия / С. Н. Артамонова // Военное право. — 2017. — № 1 (41). — С. 69—81.
2. Буранов, Н. Казачья верность. Собственный Его Императорского Величества Конвой / Н. Буранов // Российское военно-историческое общество «История.РФ». — <http://www.histrf.ru/biblioteka> (дата обращения 04.05.2020 г.).
3. Гербет, Ф. Черчилль. Рузвельт. Сталин. Война, которую они вели, и мир, которого они добились / Ф. Гебет. — М., 2003.
4. Давыдов, А. В. К вопросу о силах обеспечения государственной безопасности и их компетенции / А. В. Давыдов // Военное право. — 2018. — № 4 (50). — С. 7—16.
5. Шевчук, А. Н. Устав военно-судебный 1867 года как важный этап в становлении законодательства о процессуальных гарантиях военнослужащих / А. Н. Шевчук // Военное право. — 2018. — № 2 (48). — С. 57—66.

Военное право и правосознание военнослужащих

© **Корякин Виктор Михайлович**,
доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой «Гражданское право, международное частное право и гражданский процесс» Российского университета транспорта (РУТ (МИТ)); профессор Военного университета

Аннотация. В статье рассматриваются теоретические вопросы, связанные с формированием правосознания военнослужащих, показана роль военного права в данном процессе, раскрыто содержание правового воспитания военнослужащих, показано его место в поддержании законности и правопорядка в воинских частях и подразделениях. Дан анализ дефектов правосознания военнослужащих — правового инфантилизма, правового нигилизма, правового идеализма, показаны основные пути их преодоления. Раскрыто содержание антикоррупционного правосознания военнослужащих.

Ключевые слова: военное право; правосознание; правовое воспитание; правовой нигилизм; правовой инфантилизм.

Military law and legal awareness of military personnel

© **Koryakin V. M.**,
Doctor of Law, Professor, Head of the Department "Civil Law, Private International Law and Civil Procedure" of the Russian University of Transport (RUT (MIIT)); Professor of the Military University

Annotation. The article deals with theoretical issues related to the formation of the legal consciousness of military personnel, shows the role of military law in this process, reveals the content of legal education of military personnel, shows its place in the maintenance of law and order in military units and subdivisions. The author analyzes the defects of the military personnel's legal knowledge – legal infantilism, legal nihilism, legal idealism, and shows the main ways to overcome them. The content of the anti-corruption law-consciousness of military personnel is revealed.

Keywords: military law; legal awareness; legal education; legal nihilism; legal infantilism.

Одной из важнейших задач, решаемых военным правом, является формирование позитивного правосознания военнослужащих, которое представляет собой систему знаний, эмоционально-чувственных и волевых состояний, а также ценностных ориентаций, выражающую отношение военнослужащих к действующему праву, законодательно закрепленным требованиям и предписаниям их служебно-боевой и общегражданской деятельности. Объективная необходимость формирования правосознания военнослужащих обусловлена тем, что установленные военным правом правила поведения субъектов общественных отношений, складывающихся в сфере обороны и военной безопасности государ-

ства, смогут активно и эффективно влиять на эти самые общественные отношения только в том случае, если они будут позитивно восприняты военнослужащими, воплотятся в их умы и сердца, в их практическую повседневную деятельность.

Феномен правосознания занимал умы многих отечественных мыслителей. Наиболее весомый вклад в познание его сущности и содержания внес известный русский философ И. А. Ильин. В своем фундаментальном труде «О сущности правосознания» он подверг глубокому исследованию особенности и специфику формирования правосознания граждан в условиях военной организации. «Армия как элемент государственного бытия, — пишет

указанный ученый, — есть организованное множество людей, систематически воспитывающих себя к победе и ради нее — к смерти, к убиению во имя государственной цели. Именно этим определяется ее достоинство и ее трагическая природа. Каждый член армии, каждый воин, независимо от своего высшего или низшего ранга, должен носить в душе сознание государственной цели и ее волевое и эмоциональное принятие. Армия может существовать только в ту меру, в какую ее одушевляет государственно-патриотическое правосознание. Такое правосознание остается всегда волею к государственной цели, а эта воля порождает и готовность к государственному служению. Поэтому служение в армии должно быть проникнуто живым вдохновением государственности. Воин есть гражданин, принявший на себя сосредоточенное бремя гражданского звания и бытия, ибо он является живым воплощением государственной силы, живым орудием государственной воли, органом, связавшим свое дело с вопросом о личной жизни и смерти. Но живое орудие не оторвано от своей цели; напротив, цель его незримо присутствует в нем и движет его. Отсюда то высокое достоинство и та высокая ответственность, которые необходимо сопряжены с воинским званием»¹.

Именно в целях формирования позитивного правосознания военнослужащих в Вооруженных Силах организовано и осуществляется правовое воспитание личного состава, под которым понимается целеустремленное и систематическое влияние на сознание, чувства и психологию военнослужащих с целью формирования у них глубоких и устойчивых правовых представлений, убеждений и чувств, привития им высокой правовой культуры, навыков и привычек активного правомерного поведения. Главной задачей правового воспитания является достижение того, чтобы военнослужащие знали, всегда и везде строго и точно соблюдали Конституцию Российской Федерации и федеральные законы, военную присягу, уставы, требова-

ния других нормативных правовых актов и активно участвовали в их реализации. Правовое воспитание военнослужащих призвано решать следующие задачи:

— вооружение военнослужащих правовыми знаниями;

— превращение полученных правовых знаний в личные убеждения, в практические навыки и привычки правомерного поведения;

— привитие военнослужащим чувства нетерпимости к любым отступлениям от требований правовых норм;

— формирование готовности и умения военнослужащих активно отстаивать и защищать свои права;

— укрепление законности и правопорядка в Вооруженных Силах Российской Федерации, других войсках, воинских формированиях и органах.

Работа по осуществлению правового воспитания военнослужащих строится на принципах гуманизации; научной обоснованности; индивидуального подхода; воспитания в коллективе и через коллектив; воспитания в процессе воинской деятельности; комплексности в воспитании; целеустремленности и конкретности; гибкости и динамизма в содержании, формах и методах; систематичности и непрерывности.

Именно в незнании права коренятся многие беды, связанные с преступностью, проявлениями беззакония в стране и в Вооруженных Силах, поскольку «народ, не знающий законов своей страны, ведет неправовую жизнь или довольствуется ... неустойчивыми зачатками права. ... Народу необходимо и достойно знать законы, это входит в состав правовой жизни. Поэтому нелеп и опасен такой порядок, при котором народу недоступно знание права. ... Человеку, как существу духовному, невозможно жить на земле вне права. ... Люди, не ведающие своих обязанностей, не в состоянии и блюсти их; люди, не знающие своих полномочий, произвольно превышают их или же трусливо уступают силе; люди, не желающие признавать запретностей, легко забывают всякий удерж и дисциплину или оказываются обреченными на

¹ Ильин И. А. О сущности правосознания. М.: «Рарог», 1993. С. 146—147.

правовую невменяемость»¹.

Издержки в правовом воспитании, в формировании правосознания военнослужащих получили в научной литературе название «дефект правосознания», под которым понимается «одно из состояний сознания индивида о праве, в котором аккумулируются изменения, искаженное понимание и формируется специфические неправовые (внеправовые) идеи, взгляды, представления, знания, настроения, привычки, которые в своей совокупности выражают негативное отношение к действующему законодательству в целом»².

А. В. Грошев предлагает разграничить дефекты правосознания в широком и узком смысле слова. Под дефектами правосознания в широком смысле указанный автор предлагает понимать содержащиеся в массовом правосознании любые статистически значимые отклонения от идей научно-теоретического правосознания, изложенных в государственно-правовой доктрине, законодательстве и правовой науке. Дефекты правосознания в узком смысле — это функциональные нарушения (дисфункции) в структуре общественного, группового и индивидуального правосознания, выражающиеся в несформированности, искаженности или неустойчивости основных его структурных элементов и оказывающие криминогенное влияние на поведение личности, социальных групп в юридически значимых ситуациях³. Наиболее ярко дефекты правового сознания военнослужащих проявляются в поведенческом компоненте при совершении правонарушений как специфической формы выражения противоречий между общественным и индивидуальным правовым сознанием на стадии реализации права.

Основными формами проявления дефектов правосознания военнослужащих являются:

1) *правовой инфантилизм*, выражающийся в несформированности и пробельности правовых взглядов, знаний, установок, представлений военнослужащего. При этом речь идет не столько о неполноте правовых познаний военнослужащих, сколько о пробельности в главном, когда из целостной системы выпадают существенные ее элементы и, прежде всего, позитивное отношение к закону и другим правовым ценностям. Учеными выделяются две степени правового инфантилизма: незнание права (правовая безграмотность) и отсутствие оценочного правового мышления (практический инфантилизм)⁴. Он является показателем недостаточной правовой социализации военнослужащего, т.е. неполного усвоения им правовых норм, ценностей и образцов поведения в правовой сфере. При правовом инфантилизме военнослужащий либо не знает о существовании некоторых правовых норм и полагает, что конкретный жизненный случай, конкретная служебная ситуация безразличны для права, либо искаженно представляет себе содержание правовых норм, пределы их действия и практику применения, либо не умеет учитывать их требования в конкретной ситуации, имеющей правовое значение. Общеизвестно, что правовой инфантилизм — это первая и наименее опасная стадия деформации правосознания. Вместе с тем это достаточно серьезная предпосылка дальнейшей деформации правосознания, возникновения общего неуважения к праву вообще и к военному праву в частности, т.е. правового нигилизма;

2) *правовой нигилизм*, выражающийся, по мнению Н. И. Матузова, «... в общем негативно-отрицательном, неуважительном отношении к праву, законам, нормативному порядку»⁵. Правовой нигилизм — это отрицание норм права, роли законодательства, сведение права к совокупности произвольных действий субъектов обще-

¹ Там же. С. 23—24.

² Степаненко Р. Ф., Зайцева В. А. Особенности деформации правового сознания: теоретико-правовые аспекты // Вестник экономики, права и социологии. 2016. № 1. С. 190.

³ Грошев А. В. Функции правосознания в механизме уголовно-правового регулирования : дис. ... д-ра юрид. наук. Екатеринбург, 1997. С. 140—141.

⁴ Зайцева Е. С. Правовой инфантилизм: проблемные вопросы // Психопедагогика в правоохранительных органах. 2015. № 3(62). С. 98—100.

⁵ Матузов Н. И. Правовой нигилизм как образ жизни // Вестник Саратовской государственной юридической экономики. 2012. № 4. С. 20.

ственных отношений, оправдание беззакония. Нигилизм возникает как результат неудовлетворенности субъекта своим социально-правовым статусом, неадекватным, по его мнению, собственным потенциальным возможностям. Под правовым нигилизмом мы предлагаем понимать психологически отрицательное (негативное) отношение к праву со стороны военнослужащих, воинских должностных лиц, органов военного управления, а также фактические правонарушающие действия указанных субъектов. Правовой нигилизм выступает одновременно и как элемент сознания (индивидуального и общественного), и как способ, линия поведения военнослужащего, воинского должностного лица либо органа военного управления;

3) *правовой идеализм* (этатизм), выражающийся в преувеличении некоторыми военнослужащими роли и значения правовой регуляции в решении сложнейших проблем повседневной жизнедеятельности военной организации государства.

Наиболее опасным из перечисленных форм проявления дефектов правосознания военнослужащих по своим негативным последствиям является, безусловно, правовой нигилизм. Свое проявление он находит в следующих основных формах:

а) в несоблюдении значительным числом военнослужащих требований и предписаний военного законодательства;

б) в прямом и сознательном нарушении военнослужащими действующих законов и иных нормативных правовых актов;

в) в произволе, своеволии, игнорировании правовых и иных социальных норм и ценностей некоторыми воинскими должностными лицами;

г) в распространении правовой индифферентности, недоверия и оппозиционности отдельных военнослужащих к политике государства в военной сфере;

д) в издании противоречивых, параллельных или даже взаимоисключающих правовых актов в сфере обороны и военной безопасности государства;

е) в подмене законности политической, идеологической или прагматической целесообразностью;

ж) в многочисленных нарушениях прав и свобод человека в условиях Вооруженных Сил, что находит свое выражение, в частности, в не снижающемся числе обращений военнослужащих за защитой своих прав в суды.

Известный теоретик права Н. И. Матузов выделяет следующие характерные черты современного правового нигилизма:

— *во-первых*, его подчеркнуто демонстративный, воинствующий, цинично-агрессивный характер, что обоснованно квалифицируется общественным мнением как беспредел или запредельность;

— *во-вторых*, массовость, широкая распространенность не только среди граждан, социальных и профессиональных групп, слоев, кланов, но и в официальных государственных структурах, законодательных, исполнительных и правоохранительных эшелонах власти;

— *в-третьих*, многообразие форм проявления — от криминальных до легальных, от парламентско-конституционных до митингово-анархистских, от «верхушечных» до бытовых¹.

Одной из основных причин неуважительного отношения многих граждан, включая военнослужащих, к закону являются сохраняющиеся кризисные явления в развитии общества. Криминальная действительность, социальная напряженность, экономические неурядицы, люмпенизация значительной части населения, бедность, злоупотребление свободой без границ и многое другое воспроизводят правовой нигилизм в геометрической прогрессии. Он стал болезнью, поразившей все звенья и структуры военной организации государства, весь ее организм. Произошедшая в начале 90-х гг. прошлого века смена общественного строя в нашей стране привела к резкому изменению правового менталитета граждан, включая военнослужащих. Снизилась их установка на уважение к закону и повысилась настроенность на неправовые способы защиты своих прав. Одновременно наблюдается и другая край-

¹ Матузов Н. И. Актуальные проблемы теории права. Саратов, 2004. С. 181.

ность: в ментальность значительного числа военнослужащих заложен синдром терпимости к бесправию, покорности судьбе, неумения постоять за себя, за свои интересы¹.

Наиболее уродливым и опасным следствием правового нигилизма значительной части военнослужащих является распространение коррупции в воинской среде. Данная проблема нашла довольно широкое освещение в научных исследованиях по военному праву². Вполне правомерна в связи с этим постановка вопроса о формировании *антикоррупционного правосознания военнослужащих*, под которым в научной литературе понимается совокупность взглядов, идей, чувств, эмоций, ценностных установок и стереотипов, определяющих адекватное восприятие правовых норм в сфере противодействия коррупции, обуславливающих нравственное отторжение коррупции, препятствующих совершению коррупционных правонарушений и

формирующую направленность личности военнослужащего на деятельность по противодействию коррупции. Формирование антикоррупционного правосознания является одной из ключевых мер в выработке у военнослужащих нетерпимого отношения к коррупции³.

Для того чтобы изжить из нашей повседневной жизни правовой нигилизм, коррупцию, другие негативные явления необходимо наряду с общим ростом благосостояния граждан одновременно, как советовал еще И. А. Ильин, сделать все, «чтобы приблизить право к народу, чтобы укрепить массовое правосознание, чтобы народ понимал, знал и ценил свои законы, чтобы он добровольно соблюдал свои обязанности и запретности и лояльно пользовался своими полномочиями. Право должно стать фактором жизни, мерою реального поведения, силою народной души»⁴.

Достичь указанной цели в условиях Вооруженных Сил можно только через организацию систематического, регулярного влияния на сознание и чувства военнослужащих, т.е. правового воспитания.

Основными направлениями правового воспитания военнослужащих являются:

— выработка четких мировоззренческих установок в условиях сложной и противоречивой общественно-политической ситуации в стране и в Вооруженных Силах Российской Федерации;

— формирование глубоких и устойчивых правовых представлений и убеждений, навыков активного правомерного поведения;

— осуществление анализа складывающейся ситуации с решением проблем укрепления законности и правопорядка в стране и Вооруженных Силах и определение на этой основе системы приоритетов в организации правового воспитания военнослужащих на ближайшую и долгосрочную перспективу;

— обеспечение конструктивного взаимодействия органов военного управления с органами государственной власти и местного самоуправления, правоохрани-

¹ Там же. С. 177.

² Багдасарян И. А. Административно-правовые средства противодействия коррупции при перемещениях военнослужащих по военной службе : дис. ... канд. юрид. наук. М.: ВУ, 2016; Волков А. А. Коррупция военнослужащих (на материалах Дальнего Востока Российской Федерации) : автореф. ... дис. канд. юрид. наук. Красноярск, 2020; Гараева А. А. Правовое регулирование деятельности воинских должностных лиц пограничных органов федеральной службы безопасности по формированию антикоррупционного правосознания военнослужащих : дис. ... канд. юрид. наук. М.: МПИ ФСБ, 2013; Глухов Е. А. Административно-правовые средства предупреждения коррупции в сфере жилищного обеспечения военнослужащих : дис. ... канд. юрид. наук. М.: ВУ, 2011; Емельянова А. И. Нормотворческая деятельность органов военного управления и пути ее совершенствования в интересах предупреждения коррупции на современном этапе строительства Вооруженных Сил Российской Федерации : дис. ... канд. юрид. наук. М.: ВУ, 2012; Колесов Р. А. Антикоррупционная экспертиза правовых актов и проектов правовых актов в Министерстве обороны Российской Федерации : дис. ... канд. юрид. наук. М.: ВУ, 2011; Корякин В. М. Коррупция в Вооруженных Силах: теория и практика противодействия : монография. М.: За права военнослужащих, 2009; Сандригайло С. Л. Правовая культура военнослужащих как средство противодействия коррупции в Вооруженных Силах Российской Федерации : дис. ... канд. юрид. наук. М.: ВУ, 2013.

³ Гараева А. А. Указ. соч. С. 10.

⁴ Ильин И. А. Указ. соч. С. 31.

тельными органами, общественными объединениями при осуществлении правового воспитания личного состава Вооруженных Сил Российской Федерации;

— использование исторического и современного отечественного и зарубежного опыта правового воспитания граждан;

— обучение командиров (начальников) современным формам и методам правового воспитания военнослужащих;

— повышение уровня эффективности и полноты оперативного правового информирования военнослужащих;

— организация противодействия противоправному общественному мнению в воинских коллективах;

— повышение эффективности научных исследований в области формирования у личного состава правосознания, теории и практики поддержания правопорядка и дисциплины в войсках;

— улучшение морально-психологического климата в воинских коллективах.

С точки зрения содержания и практического осуществления правовое воспитание военнослужащих включает три неразрывно связанные между собой составные части:

— *во-первых*, это систематическое, планомерное воздействие на личность военнослужащего в целях доведения до ее сознания требований права;

— *во-вторых*, обеспечение благоприятного влияния социальной среды, создание надлежащих условий для интенсивного усвоения личностью общественного правосознания и правовых норм;

— *в-третьих*, включение личного состава в практическую деятельность, содействующую формированию у него потребности в правовых знаниях и воспитанию привычки соблюдать требования законов, иных нормативных правовых актов.

Таким образом, военное право, имея своим основным предназначением регулирование разнообразных правоотношений, складывающихся в сфере обороны страны и военной безопасности государства, выполняет одновременно еще одну не менее значимую функцию – формирование правосознания военнослужащих, обеспечивая тем самым основные начала законности и

правопорядка в военной организации государства.

Библиография

1. Багдасарян, И. А. Административно-правовые средства противодействия коррупции при перемещениях военнослужащих по военной службе : дис. ... канд. юрид. наук. 20.02.03 / И. А. Багдасарян. — М.: ВУ, 2016.

2. Волков, А. А. Коррупция военнослужащих (на материалах Дальнего Востока Российской Федерации) : автореф. ... дис. канд. юрид. наук. 12.00.08 / А. А. Волков. — Красноярск, 2020.

3. Гараева, А. А. Правовое регулирование деятельности воинских должностных лиц пограничных органов федеральной службы безопасности по формированию антикоррупционного правосознания военнослужащих : дис. ... канд. юрид. наук. 20.02.03 / А. А. Гараева. — М.: МПИ ФСБ, 2013.

4. Глухов, Е. А. Административно-правовые средства предупреждения коррупции в сфере жилищного обеспечения военнослужащих : дис. ... канд. юрид. наук. 20.02.03 / Е. А. Глухов. — М.: ВУ, 2011.

5. Грошев, А. В. Функции правосознания в механизме уголовно-правового регулирования : дис. ... д-ра юрид. наук / А. В. Грошев. — Екатеринбург, 1997.

6. Емельянова, А. И. Нормотворческая деятельность органов военного управления и пути ее совершенствования в интересах предупреждения коррупции на современном этапе строительства Вооруженных Сил Российской Федерации : дис. ... канд. юрид. наук. 20.02.03 / А. И. Емельянова. — М.: ВУ, 2012.

7. Зайцева, Е. С. Правовой инфантилизм: проблемные вопросы / Е. С. Зайцева // Психопедагогика в правоохранительных органах. — 2015. — № 3(62). — С. 98—100.

8. Ильин, И. А. О сущности правосознания. — Подготовка текста и вступительная статья И. Н. Смирнова / И. А. Ильин. — М.: «Рарогъ», 1993. — 235 с.

9. Колесов, Р.А. Антикоррупционная экспертиза правовых актов и проектов правовых актов в Министерстве обороны Российской Федерации : дис. ... канд. юрид. наук. 20.02.03 / Р. А. Колесов. — М.: ВУ, 2011.

10. Корякин, В. М. Коррупция в Вооруженных Силах: теория и практика противодействия : монография / В. М. Корякин. — М.: За права военнослужащих, 2009.

11. Матузов, Н. И. Актуальные проблемы теории права / Н. И. Матузов. — Саратов, 2004.

12. Матузов, Н. И. Правовой нигилизм как образ жизни / Н. И. Матузов // Вестник Саратовской государственной юридической экономики. — 2012. — № 4. — С. 8—24.

13. Сандригайло, С. Л. Правовая культура военнослужащих как средство противодействия коррупции в Вооруженных Силах Российской Федерации

Федерации : дис. ... канд. юрид. наук. 20.02.03 /
С. Л. Сандригайло. — М.: ВУ, 2013.
14. Степаненко, Р. Ф. Особенности деформации
правового сознания: теоретико-правовые

аспекты / Р. Ф. Степаненко, В. А. Зайцева //
Вестник экономики, права и социологии. — 2016.
— № 1. — С. 189—192.

Режим контртеррористической операции как особый комплексный правовой институт

© Луценко Виктор Викторович,

адъюнкт факультета по подготовке кадров высшей квалификации и дополнительного профессионального образования Санкт-Петербургский военный ордена Жукова военный институт войск национальной гвардии Российской Федерации, Санкт-Петербург

© Семёнова Ирина Владимировна,

кандидат юридических наук, преподаватель кафедры конституционного и административного права Санкт-Петербургский военный ордена Жукова военный институт войск национальной гвардии Российской Федерации, Санкт-Петербург

Аннотация. Изучение правового регулирования в области противодействия терроризму, в современной науке, имеет разнообразные подходы, которые высказывают различные точки зрения. В процессуальном плане экстраординарное правовое регулирование имеет следующие стадии: принятие правовых норм чрезвычайного характера, экстраординарных правоотношений, возникающих на фоне террористической угрозы, выполнение обязанностей и реализация прав всех лиц, участвующих в данных правоотношениях. Авторы, рассматривая чрезвычайное законодательство в области борьбы с терроризмом, показывают отличительные особенности данного режима от ординарного правового регулирования, его стадии и присущие ему элементы.

Актуальность работы заключается в том, что чрезвычайное правовое регулирование по предупреждению и ликвидации чрезвычайных ситуаций, связанных с террористической деятельностью, в современных условиях приобретает особое значение в качестве средства охраны общества и государства, поддержания уровня национальной безопасности на должном уровне.

Ключевые слова: режим контртеррористической операции, экстраординарное правовое регулирование, террористический акт.

Counter-terrorist operation mode as a special complex legal institution.

© Lutsenko V. V.,

Adjunct of the Faculty of Personnel Training higher qualifications and additional vocational education Saint Petersburg military order Zhukov Military Institute National Guard troops Russian Federation, Saint Petersburg

© Semyonova I. V.

PhD in Law lecturer of the department constitutional and administrative law Saint Petersburg military order Zhukov Military Institute National Guard troops Russian Federation, Saint Petersburg

Abstract. The study of legal regulation in the field of countering terrorism, in modern science, has a variety of approaches that express different points of view. In procedural terms, extraordinary legal regulation has the following stages: the adoption of legal norms of an extraordinary nature, extraordinary legal rela-

tions arising against the background of a terrorist threat, in the fulfillment of duties and the realization of the rights of all persons participating in these legal relations. The authors, considering the emergency legislation in the field of combating terrorism, wanted to show the existing distinctive features from ordinary legal regulation, its stages and its inherent elements.

The relevance of the work lies in the following that emergency legal regulation for the prevention and elimination of emergencies associated with terrorist activities, in modern conditions, is of particular importance as a means of protecting society and the state, maintaining the level of national security at the proper level.

Key words: counter-terrorist operation regime, extraordinary legal regulation, act of terrorism.

В условиях постоянно нарастающей террористической угрозы необходимо использование специального правового режима с целью своевременного пресечения и раскрытия террористического акта, минимизации его последствий и защиты жизненно важных интересов личности, общества и государства. Также следует отметить, что применение чрезвычайных средств управления в процессе противодействия терроризму как в нашей стране, так и за рубежом, не всегда имело четкую правовую основу. Мировая практика показывает множество примеров, когда применение экстраординарных мер в отсутствие правового регулирования может привести к невыполнению в различных формах установлений, содержащихся в Конституции и приравненных к ней по юридической силе источника.

Место режима контртеррористической операции в системе российского законодательства всегда затрагивались отечественными правоведом, в основном в области административного права. Общее мнение основывается на точке зрения, которая относит режим контртеррористической операции к специальным административно-правовым режимам. Исходя из этого, авторы делают выводы, что режим контртеррористической операции следует отнести по его отраслевой принадлежности к административному праву. Однако, ученых-юристов редко интересовал вопрос о функциях, методах, предмете и особенностях, касающихся режима контртеррористической операции, в теоретико-правовом аспекте.

Рассматривая предмет экстраординарного режима контртеррористической операции, необходимо обратить внимание на неоднородность тех отношений, которые регулирует данный правовой институт.

Во-первых, в область регулируемых режимом контртеррористической операции отношений входят отношения, которые регулируют вопросы его введения, продления или отмены в условиях террористической угрозы. Данный вид отношений ввиду его специального значения относится к предмету конституционного права¹.

Во-вторых, в предмет экстраординарного права включаются те отношения, которые возникают в условиях проведения режима контртеррористической операции и имеют нестабильный и критический характер.

Необходимо отметить, что одновременно и ординарное и чрезвычайное правовое регулирование могут параллельно сосуществовать и корректировать отдельные институты ординарного права. Предметные границы особого института режима контртеррористической операции можно определить как совокупность элементов правового регулирования, которые включают в себя:

- основания для введения режима контртеррористической операции;
- лица, уполномоченные вводить режим контртеррористической операции, в соответствии с федеральным законодательством;
- порядок введения режима контртеррористической операции;

¹ Тихомиров Ю. А. Правовое регулирование: теория и практика. М.: Формула права, 2010.

– пространственные и временные границы действия режима контртеррористической операции;

– полномочия органов исполнительной власти субъектов Российской Федерации, органов местного самоуправления Российской Федерации в области противодействия терроризму, где определяется специальный режим деятельности, допускающий наложение дополнительных обязанностей и ограничений прав граждан, юридических лиц;

– необходимость введения временных изменений при разграничении предметов введения и полномочий между федеральными органами государственной власти и органами государственной власти субъектов Российской Федерации¹.

Отсюда следует, что предметом правового режима контртеррористической операции, являются следующие общественные отношения:

– отношения, возникающие в условиях террористической угрозы, которые нуждаются в государственном контроле и нормализации;

– отношения между субъектами права, привлекаемыми для решения задач по нормализации общественных отношений, которым угрожает террористическая деятельность.

К особенностям правового режима контртеррористической операции как института права, можно отнести:

1. Наполнение данного правового режима нормами различных отраслей права, в том числе конституционного и административного права. Данная особенность указывает на межотраслевой и комплексный характер режима контртеррористической операции.

2. По своему характеру режим контртеррористической операции представляет собой публично-правовой институт, имеющий цель охрану человека, общества и государства от угрозы террористического характера.

3. Наличие таких способов регулирования, как обязывания, запреты и правоограничения, а среди методов, применяемых в ходе проведения режима контртеррористической операции, превалируют императивные начала.

В ходе проведения режима контртеррористической операции, как и в других правовых режимах чрезвычайного характера, могут применяться особые публично-правовые средства регулирования, к которым относятся:

– применение запретов и обязываний в тех отношениях, которые ранее не ограничивались (приостановление деятельности опасных производств и организаций, в которых используются взрывчатые, радиоактивные, химически и биологически опасные вещества, приостановление оказания услуг связи юридическим и физическим лицам или ограничение использования сетей связи и средств связи);

– введение ограничительных мер правового характера (запрещение продажи оружия, боеприпасов, взрывчатых веществ, специальных средств и ядовитых веществ);

– конкретная ситуация в виде террористической угрозы, в результате которой возникают, изменяются или прекращаются данные правоотношения в области противодействия терроризму;

– свобода распоряжения управомоченным субъектом права в соответствии с действующим законодательством своими полномочиями по своему усмотрению в отношениях, связанных с противодействием терроризму (введение карантина, проведение санитарно-противоэпидемических, ветеринарных и других карантинных мероприятий, временное отселение физических лиц, проживающих в пределах территории, на которой введен правовой режим контртеррористической операции);

– возможность действовать в случае необходимости по своему усмотрению должностным лицам для урегулирования экстраординарных правоотношений, применяя прямо не предусмотренных

¹ Алешин В. В. Правовые основы применения режима чрезвычайного положения и режима контртеррористической операции // Современное право. 2006. № 4. С. 31—32.

возможностей в нормах права определенных Федеральным законом.

Подводя итог, можно сформулировать теоретические выводы в контексте экстраординарного правового режима противодействия терроризму.

Правовой режим контртеррористической операции можно понимать, как:

- специальный вид правового регулирования, противоположный ординарному правовому регулированию;
- специальный комплексный правовой институт, регулирующий общественные отношения в условиях ликвидации и раскрытия террористических актов;
- экстраординарный правовой режим деятельности граждан, организаций и государства, определяющий применение таких методов регулирования как правоограничение и обязывание.

Правовое регулирование режима контртеррористической операции имеет своей целью преодоление возникших для общественной безопасности террористических угроз и является исключительной мерой. По мнению некоторых ученых — теоретиков в области права, применение любого режима, включающего в себя исключительные меры, является нарушением законодательства, то есть правонарушением. Но хотелось бы с ними не согласиться с позиции того, что это является «злом во благо», дающем основу для восстановления правопорядка, когда применение действующего законодательства не позволит оперативно решить кризисные ситуации террористической природы¹. В данном случае режим контртеррористической операции схож с таким институтом, как крайняя необходимость или обоснованный риск.

Режим контртеррористической операции представляет собой специальный вид правового режима, который имеет следующие характеристики:

- ситуативность;

- правоограничения и обязывающий характер;

- исключительность;
- определенные существенные ограничения в рамках конституционных прав граждан и организаций, независимо от форм собственности;
- наделение дополнительными возможностями, выходящими за рамки компетенции в обычном режиме функционирования, специальных органов власти.

По мнению авторов, имеется необходимость выделить пределы режима контртеррористической операции. Для ограничения органов государственной власти в условиях террористической угрозы можно использовать концепцию крайней необходимости. Примером такой ситуации можно рассмотреть уничтожение воздушного средства в случае исчерпания всех обусловленных в сложившихся обстоятельствах мер, необходимых для его посадки². Применяемые меры будут считаться законными только тогда, когда будут соблюдены пределы крайней необходимости:

- существует реальная опасность гибели людей либо наступление экологической катастрофы;
- применяемые меры должны быть соизмеримы угрожающей опасности;
- вред от экстренных мер не должен превышать размер вреда, который причиняется в результате террористических актов.

Актуальность заявленной проблематики представляет комплексную проблему в связи с тем, что институт правового режима контртеррористической операции для новейшего времени России имеет непродолжительную историю и насчитывает немногим двадцать лет, хотя имеет схожие правовые методы регулирования родовых объектов на ранних этапах развития нашей страны. Однако, по мнению авторов, данные правовые методы регулирования не всегда находились в рамках действующего

¹ Померлян А. Н. Проблемы ограничения и осуществления прав человека и гражданина в условиях действия чрезвычайного режима // Право и образование. 2011. № 6. С. 114—117.

² Федеральный закон от 6 марта 2006 г. № 35-ФЗ «О противодействии терроризму».

законодательства и не имели юридической основы или же научной проработки.

Пределами правового регулирования режима контртеррористической операции являются те границы, в пределах которых используется чрезвычайное юридическое воздействие на общественные отношения в условиях противодействия терроризму.

Библиография

1. Алешин, В. В. Правовые основы применения режима чрезвычайного положения и режима контртеррористической операции / В. В. Алешин // Современное право. — 2006. — № 4. — С. 31—32.
2. Померлян, А. Н. Проблемы ограничения и осуществления прав человека и гражданина в условиях действия чрезвычайного режима / А. Н. Померлян // Право и образование. — 2011. — № 6. — С. 114—117.
3. Тихомиров, Ю. А. Правовое регулирование: теория и практика / Ю. А. Тихомиров. — М.: Формула права, 2010. — 400 с.

Роль председателя военного трибунала в судебном управлении в Великую Отечественную войну: преемственность опыта военного времени

© Петухов Николай Александрович,
доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист Российской Федерации, главный научный сотрудник (руководитель направления) Центра исследования проблем правосудия Российского государственного университета правосудия

© Туганов Александр Юрьевич,
юрист

Аннотация. В статье авторы исследуют практику работы председателей военных трибуналов в годы Великой Отечественной войны 1941—1945 гг. Раскрываются организационно-правовые аспекты деятельности председателей военно-судебных органов, связанные с мобилизационной и кадровой работой, а также профессиональной подготовкой судей и работников аппарата военных трибуналов. Освещаются воспитательные мероприятия, проводимые непосредственно в воинских частях.

Ключевые слова: военные трибуналы, председатели военных трибуналов, Великая Отечественная война, судебное управление.

The role of the Chairman of the Military Tribunal in the judicial administration in the Great Patriotic War: the continuity of the war-time experience

© Petukhov N. A.,
Chief Researcher (Head of the Department) of the Center for the Study of Justice Problems of the Russian State University of Justice, Doctor of Law, Professor, Honored Lawyer of the Russian Federation;

© Tuganov A. Yu.,
lawyer

Abstract. In the article, the authors examine the practice of the chairmen of military tribunals during the Great Patriotic War of 1941-1945. The organizational and legal aspects of the activity of the chairmen of military judicial bodies related to the mobilization and personnel work, as well as the professional training of judges and employees of the apparatus of military tribunals are revealed. Educational activities carried out directly in military units are covered.

Keywords: military tribunals, presidents of military tribunals, the Great Patriotic War, judicial administration.

Президент Российской Федерации В. В. Путин, выступая на открытии акции «Вахта памяти», отметил, что на событиях и фактах нашей ратной истории, великих примерах подлинного патриотизма воспи-

тывается «новая генерация наших граждан, новое поколение»¹.

Применительно к судебной деятельности эти его слова и мнение о том, что «... неразрывность, преемственность истории — основа для движения вперед», застав-

¹ Режим доступа: <https://ria.ru/20190404/1552385783.html> (дата обращения: 04.06.2021).

ляют по-новому осмыслить опыт функционирования судебных органов в особый период. Сформулированная Президентом Российской Федерации политико-правовая позиция помогает выявить управленческие решения организации судебной системы во время Великой Отечественной войны и побуждает к внедрению не потерявших до настоящего времени своей актуальности подходов к разрешению проблематики работы судебной ветви власти в чрезвычайных ситуациях.

Исходя из сказанного, представляется самоочевидным, что структура судебной системы Российской Федерации, принципы организации и функционирования судебной власти, а также учет иерархии значимости прав и свобод человека и гражданина при рассмотрении конкретных дел судами в условиях особого периода, неизбежно будут приведены в соответствие с требованиями военного положения.

Определенный опыт трансформации принципов функционирования судебной системы в особый период был приобретен в ходе ряда командно-штабных учений, когда была опробована новая система управления в военное время, предполагающая подчинение исполнительной ветви власти, губернаторов, некоторых министерств и полиции руководству Минобороны России.

Между тем практика судебного управления во время Великой Отечественной войны также не утратила своей актуальности и могла бы существенно обогатить современные управленческие подходы к организации судебной власти в Российской Федерации. Прежде всего речь идет о роли такого должностного лица, как председатель военного трибунала в управлении военно-судебной системой СССР в Великую Отечественную войну.

Несмотря на активное расширение доступа к юридическим и иным документам того периода, ставшее возможным благодаря раскрытию архивов и публикаций сборников материалов¹, остаются значи-

тельные пробелы в источниковедческой базе, касающейся, прежде всего специфики судебной деятельности в особый период.

Здесь можно согласиться с С. Г. Лысенковым о том, что в целом деятельность военных трибуналов в период Великой Отечественной войны является одной из малоизученных страниц истории отечественного государства и права². Этой теме посвящены единичные работы уровня кандидатских диссертаций по юридическим наукам³. В других научных работах, главным образом историков, тематика военно-судебной системы военного времени рассматривается фрагментарно, так как не заявлена предметом изучения⁴.

Восполнение указанного дефекта с иллюстрацией способности этих судебных органов продуктивно функционировать в условиях боевых действий в данной статье производится со ссылками на архивные документы того периода и примерами деятельности этих судебных органов на тер-

Кольчевский А. В. Деятельность органов военной юстиции в годы Великой Отечественной войны 1941—1945 гг. (историко-правовой аспект) // Направления и перспективы развития образования в военных институтах войск национальной гвардии Российской Федерации : Сб. науч. ст. VIII Межвуз. науч.-практ. конф. с междунар. участ. 29 декабря 2016 г. Новосибирск, 2017. С. 437—442; Старков А. В. Советская юстиция в период Великой Отечественной войны: историография вопроса // Российская история. 2020. № 3. С. 95—107.

² Лысенков С. Г. Судопроизводство военными трибуналами в годы Великой Отечественной войны // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. 2014. № 2 (62). С. 24—27.

³ Обухов В. В. Правовые основы организации и деятельности военных трибуналов войск НКВД СССР в годы Великой Отечественной войны 1941—1945 гг. (историко-правовое исследование) : дис. ... канд. юрид. наук. М., 2002.

⁴ Балабан К. Ю. Правовые основы взаимодействия прокуратуры и судебной системы в советском государстве (1922—1959 годы) : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 2011; Лысов В. А. Карательная политика Советского государства и особенности судопроизводства по государственным преступлениям в период Великой Отечественной войны (1941—1945 гг.): историко-правовое исследование : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Краснодар, 2008.

¹ См., напр.: Деятельность органов военной юстиции в годы Великой Отечественной войны : «Круглый стол» журнала «Государство и право» // Государство и право. 1995. № 8. С. 82—107;

ритории Ленинградской области в период 1941—1945 гг.¹

Правовой основой для преобразования принципов функционирования судебной системы в особый период стал Указ Президиума Верховного Совета СССР от 22 июня 1941 г. «О военном положении», которым объявлялось военное положение на большей части европейской территории Советского Союза, в том числе в Северо-Западном регионе, городе Ленинграде и Ленинградской области.

Действие названного документа также распространялось и на местности, где в силу чрезвычайных обстоятельств отсутствовали местные органы государственной власти и государственного управления СССР, то есть на оккупированные территории, а впоследствии — и на территории иностранных государств, которые были временно заняты Красной Армией в ходе разгрома гитлеровской Германии.

Военные трибуналы по месту и условиям деятельности во время войны распределялись на две группы:

— действующие в местностях, объявленных на военном положении, и в районах военных действий;

— действующие в местностях, не объявленных на военном положении².

Близкий по принципам реализации подход к юрисдикции военно-судебных органов присутствует и в действующем в настоящее время законодательстве в области обороны.

Ст. 16 Федерального конституционного закона от 30 января 2002 г. № 1-ФКЗ «О военном положении» прямо предусматривает, что на территории, на которой введено военное положение, действуют суды, установленные в соответствии с Конституцией Российской Федерации и федеральными конституционными законами, а судопроизводство осуществляется в соответствии с Конституцией Российской Федерации, федеральными конституционны-

ми законами и другими федеральными законами.

В этой части нормы указанной статьи полностью согласуются с п. 3 ст. 25 Федерального закона от 31 мая 1996 г. № 61-ФЗ «Об обороне», согласно которому правосудие в Вооруженных Силах Российской Федерации, других войсках, воинских формированиях и органах осуществляется судами в соответствии с законодательством Российской Федерации.

При этом в случае невозможности осуществления правосудия судами, действующими на территории, где введено военное положение, по решению Верховного Суда Российской Федерации может быть изменена территориальная подсудность дел, рассматриваемых в судах.

Исходя из особой значимости судебной власти в правовом механизме соблюдения прав и свобод человека и гражданина, нормативное регулирование особенностей организации и деятельности военных судов в период мобилизации и в военное время дополнительно гарантировано исключительной компетенцией конституционного законодательства (ч. 4 ст. 1 Федерального конституционного закона от 23 июня 1999 г. № 1-ФКЗ «О военных судах Российской Федерации»).

Возвращаясь к Указу «О военном положении» необходимо отметить, что в местностях, объявленных на военном положении, все функции государственной власти в области обороны, обеспечения общественного порядка и государственной безопасности принадлежали военным советам фронтов, армий, военных округов. Там, где не было военных советов — высшему командованию войсковых соединений. За неподчинение распоряжениям и приказам военных властей, а также за преступления, совершенные в местностях, объявленных на военном положении, виновные подлежали ответственности по законам военного времени³.

Еще одним важным руководящим документом, формализующим организационные и процессуальные полномочия председателя военного трибунала, явля-

¹ Петухов Н. А., Кунцевич Ю. М. Военный трибунал Ленинградского фронта: в лицах, событиях и документах. М.: РГУП, 2020.

² Петухов Н. А. История военных судов России / под ред. В. М. Лебедева. М.: Норма, 2005. С. 312.

³ Там же. С. 307—318.

лось Положение о военных трибуналах в местностях, объявленных на военном положении и в районах военных действий, которое Президиум Верховного Совета СССР также утвердил 22 июня 1941 г. (далее — Положение). Важным принципом структурирования военно-судебной системы по Положению являлся принцип соответствия структуре военной организации советского государства. Из этого также следовало распространение принципа оперативного управления Вооруженными Силами на судебную деятельность в особый период. Кроме того, Положением устанавливался порядок организации и комплектования военных трибуналов, процедура рассмотрения дел и уточнялась подсудность дел¹.

Следует отметить, что до советско-финской войны 1939—1940 годов низовым звеном в системе военных трибуналов являлись военные трибуналы корпусов. Однако опыт ведения боевых действий с Финляндией показал, что военные трибуналы целесообразно иметь не только в корпусах, но и в дивизиях. Существовавшая до войны корпусная система структурирования военно-судебных органов не обеспечивала оперативного рассмотрения дел, особенно когда дивизия действовала в отрыве от корпуса.

В Положении этот опыт был учтен: военные трибуналы организовывались и действовали при военных округах, фронтах и морских флотах, в армиях, корпусах, иных воинских соединениях и военизированных учреждениях. В систему военных трибуналов также были включены линейные суды железнодорожного и водного транспорта которые были реорганизованы (абз. 2 ст. 1 Положения) в военные трибуналы соответствующих железных дорог и водных путей сообщения.

Например, в результате изменения принципов довоенного функционирования судебной системы СССР вся власть в пределах Ленинградского фронта и города Ленинграда, а также частично Ленинградской области была сосредоточена в руках

Военного совета Ленинградского фронта. Именно этот орган помимо командования войсками руководил деятельностью всех учреждений и предприятий, включая фронтовой военный трибунал².

Что касается штатов военных трибуналов, то их структура и численность утверждались совместными приказами Народного комиссара юстиции Союза ССР и, соответственно, Народного комиссара обороны Союза ССР или Народного комиссара Военно-Морского флота Союза ССР.

«Приписка» к военным трибуналам на военное время на должности заместителей председателей и членов военных трибуналов производилась из числа лиц военно-юридического состава запаса, на должности председателей трибуналов — из числа кадровых работников военных трибуналов (ст. 3 Положения). При этом, согласно ст. 57 Закона СССР от 16 августа 1938 г. «О судостроительстве Союза ССР, союзных и автономных республик» военные трибуналы относились к категории специальных судов СССР и могли быть организованы при военных округах, фронтах и морских флотах, а также при армиях, корпусах, иных воинских соединениях и военизированных учреждениях³.

² На основании постановления Военного совета Ленинградского фронта от 4 декабря 1941 г. № 00441 22 июня 1941 г. Военный трибунал Ленинградского военного округа был переименован в Военный трибунал Северного фронта, который с 24 августа 1941 г. стал называться Военным трибуналом Ленинградского фронта. Этим же постановлением городской суд Ленинграда и районные народные суды города были переименованы в военные трибуналы и организационно вошли в состав Военного трибунала Ленинградского фронта в качестве нижестоящих поднадзорных судов. В суде города Ленинграда были ликвидированы коллегии по кассационному рассмотрению уголовных и гражданских дел. С этого момента этот судебный орган начал функционировать исключительно как суд первой инстанции, проверку законности и обоснованности судебных актов осуществлял Военный трибунал Ленинградского фронта. Об этом более подр. см.: Петухов Н. А., Кунцевич Ю. М. Военный трибунал Ленинградского фронта: в лицах, событиях и документах. М.: РГУП, 2020.

³ Латышева Н. А. Военные трибуналы как форпост судебной системы СССР в годы Великой

¹ Постановление ЦИК Союза ССР от 10 июля 1934 г. (СЗ СССР. 1934. № 36, ст. 284).

Перемещения на иные судебные должности председателей, их заместителей и членов военных трибуналов округов, фронтов и армий (флотов и флотилий) производились Народным комиссариатом юстиции Союза ССР. Аналогичные перемещения председателей, их заместителей и членов военных трибуналов корпусов и иных воинских соединений, а также военизированных учреждений осуществлялись приказами председателей военных трибуналов фронтов и флотов.

Совместным приказом Народного Комиссариата обороны и Народного комиссариата юстиции от 13 июля 1941 г. руководство военными трибуналами войск НКВД, железных дорог и водных путей в местностях, объявленных на военном положении, возлагалось на председателей соответствующих военных трибуналов фронтов. Согласно этому Приказу далее во время войны председатель Военного трибунала Ленинградского фронта осуществлял руководство трибуналами железных дорог, Балтийского бассейна и войск НКВД¹.

На этом основании должности руководителей линейных и транспортных судов Октябрьской и Ленинградской железной дороги, а также Балтийского бассейна, включенных в структуру Военного трибунала Ленинградского фронта, также были переименованы в должности председателей соответствующих трибуналов.

Поскольку разработанные ранее мобилизационные планы были основательно нарушены, военно-юридический состав запаса, приписанный к военным трибуналам, вовремя и полностью мобилизовать не удалось. Однако именно здесь проявилась в полной мере роль председателей трибуналов в реализации мобилизационных мероприятий по доукомплектованию военно-судебных органов по штатам военного времени.

Так, в ходе формирования большого количества новых соединений, при которых создавались военные трибуналы,

председателями трибуналов были выявлены случаи приписки к военным трибуналам военных юристов запаса, не соответствующих по своей квалификации должностям, на которые их предполагалось назначать их после мобилизации².

Тем не менее за первую половину августа 1941 г. при непосредственном участии председателя Военного трибунала Ленинградского фронта было сформировано 45 военных трибуналов³.

Помимо этого, в первых числах сентября 1941 г. на базе военных трибуналов двух расформированных корпусов были сформированы военные трибуналы двух армий, а в ноябре — два трибунала особых групп войск, функционировавших на положении армейских трибуналов.

Важной проблемой Управления военных трибуналов Народного комиссариата юстиции СССР и председателя Военного трибунала Ленинградского фронта являлась потребность комплектования военно-судебных органов профессиональными юристами с опытом работы в судах. Достаточно отметить, что если к началу войны численность судей военных трибуналов в СССР составляла 766 человек, то на 1 марта 1942 г. — уже 3 735 человек⁴.

Что касается проблемы нехватки кадров судей в военное время, то стоит отметить, что, как правило, замещение должностей председателей военных трибуналов производилось за счет кадровых работников военно-судебной системы. Должности заместителей председателей и членов военных трибуналов комплектовались за счет лиц военно-юридического состава запаса. Данный новый порядок замещения должностей председателей военных трибуналов выявил проблематику формирования вновь создаваемых трибуналов, которое было существенно осложнено из-за

² Военные трибуналы — органы социалистического правосудия. М., 1958.

³ Вскоре 13 из этих трибуналов отошли в состав вновь образованного Военного трибунала Карельского фронта, часть выбыла в состав Военного трибунала Волховского фронта. См.: Петухов Н. А., Кунцевич Ю. М. Указ. соч. С. 62.

⁴ Военная юстиция в России: история и современность / под ред. В. В. Ершова, В. В. Хомича. М.: РГУП, 2017.

Отечественной войны // История государства и права. 2010. № 9. С. 19—23.

¹ Петухов Н. А., Кунцевич Ю. М. Указ. соч. С. 58.

острой нехватки офицеров юстиции для комплектования трибуналов низового звена¹.

В результате многие военнослужащие кадрового состава из числа судебно-секретарских работников Ленинградского фронта становились председателями военных трибуналов армий, корпусов и дивизий. Работники гражданской юстиции, будучи мобилизованными в действующую армию, в основном назначались на должности членов военных трибуналов. Однако следует признать, что требования к уровню подготовки таких выдвиженцев зачастую снижались.

На практике назначение военных юристов на все должности в военные трибуналы армий, корпусов, дивизий, укрепрайонов, групп войск и гарнизонов, а равно перемещение работников военных трибуналов осуществлялось непосредственно председателем Военного трибунала Ленинградского фронта. Как правило, все принятые председателем Военного трибунала Ленинградского фронта решения о назначении, снятии или перемещении оперативных работников утверждались Народным комиссариатом юстиции².

Говоря о персоналиях, нельзя не отметить работу председателя Военного трибунала Ленинградского фронта генерал-майора юстиции И. Ф. Исаенкова, который во время войны лично организовывал работу по повышению уровня юридических,

политических и военных знаний военно-судебных работников.

Учеба кадров системы военного трибунала Ленинградского фронта, которую организовал И. Ф. Исаенков, производилась, как правило, в периоды относительного затишья на фронте, когда войска накапливали силы и готовились к предстоящим боям.

Наиболее оправдавшей себя формой учебы личного состава военных трибуналов в условиях войны оказались учебные сборы, организовываемые председателями трибуналов фронта и армий. На учебных сборах по плану, утверждаемому председателем соответствующего трибунала, практиковалось проведение семинаров по отдельным темам и лекций теоретического характера. Одновременно со сборами судей проводились совещания председателей военных трибуналов по обмену опытом, стажировка судей и председателей военных трибуналов соединений и т.д.³

Архивные данные свидетельствуют, что программой юридической учебы, организованной председателем трибунала Ленинградского фронта, были охвачены 197 работников военных трибуналов, из которых 26 занимались индивидуально, а остальные — по группам.

Что касается судебной практики военных трибуналов, то она систематически изучалась и обобщалась в ежеквартальных обзорах, график составления которых также определялся председателем трибунала фронта.

В свою очередь председатели военных трибуналов корпусов и дивизий также организовывали обобщение практики деятельности вверенных им судебных органов с ежемесячным информированием командования.

Отдельное внимание в аналитических документах уделялось воспитательному воздействию приговоров военных трибу-

¹ Военные трибуналы — органы социалистического правосудия. С. 98.

² Так, по Ленинградскому фронту было выдвинуто из числа писарей на офицерские должности судебных секретарей 12 человек; из числа рядовых бойцов, преимущественно женщин, мобилизованных в 1942 г. 60 человек. Из числа секретарей было выдвинуто на судейскую должность 22 человека; из числа членов военных трибуналов, дивизий корпусов и армий на руководящую работу в качестве председателей военных трибуналов — 25 человек; из числа членов военных трибуналов дивизий к назначению на вышестоящие должности в военные трибуналы корпусов, армий и фронта было представлено 32 человека. Всего по системе трибуналов Ленинградского фронта 151 работник аппарата были перемещены на вышестоящие должности. См.: Петухов Н. А., Кунцевич Ю. М. Указ соч. С. 64.

³ Военные трибуналы — органы социалистического правосудия. О современных реалиях подготовки судей см.: Туганов Ю. Н., Аулов В. К. Роль председателя суда субъекта Российской Федерации в профессиональной переподготовке мировых судей: вопросы унификации законодательства // Российское правосудие. 2017. № 2 (130). С. 85—91.

налов на личный состав, эффект от которого существенно возростал при проведении судебных процессов в боевых порядках¹ и публичном исполнении приговоров в отношении осужденных к высшей мере наказания².

Прямое влияние на уровень профессиональной подготовки личного состава трибунала Ленинградского фронта оказывала и дисциплинарная практика председателя этого военного-судебного органа, примеры которой сохранены в Книге приказов по военному трибуналу Ленинградского фронта³.

Стоит отметить, что в период действия военного положения председатель Военного трибунала Ленинградского фронта был наделен правом дисциплинарной власти по отношению к председателям и членам нижестоящих трибуналов и мог налагать на членов нижестоящих трибуналов взыскания в виде выговора, строгого выговора, домашнего ареста, ареста на 10 суток с исполнением служебных обязанностей и удержанием из заработной платы до 50 %, а также отстранять от должности.

Соответственно председатели военных трибуналов армий, корпусов и дивизий пользовались дисциплинарной властью по отношению к военнослужащим вверенных им трибуналов, за исключением права ареста и отстранения от должности.

Примерами дисциплинарной практики могут быть приказ генерал-майора юстиции И. Ф. Исаенкова от 17 января 1944 г. № 05, которым был арестован временно исполняющий обязанности председателя Военного трибунала 102-й стрелковой дивизии капитана юстиции Л. на 10 суток с исполнением служебных обязанностей и удержанием 50 % из заработной платы за

самовольный выезд за пределы зоны ответственности дивизии.

Другим своим приказом председатель Военного трибунала Ленинградского фронта от 4 февраля 1944 г. № 010 отстранил от должности председателя Военного трибунала 327-й стрелковой дивизии майора юстиции К. за допущенную волокиту по рассмотрению уголовных дел и ввиду дальнейшей невозможности использования на судебной работе.

Дисциплинарная власть председателя Военного трибунала Ленинградского фронта распространялась и на судебных секретарей. Согласно упомянутой выше Книге приказов, судебный секретарь капитан Н. от 5 февраля 1944 г. № 011 был привлечен к дисциплинарной ответственности в виде домашнего ареста сроком на 10 суток за отсутствие учета секретных документов и утрату обзора надзорной практики⁴.

Важную роль в руководстве работой и в воспитании кадров играли оперативные совещания председателей военных трибуналов дивизий, на которых обсуждались текущие вопросы судебной практики и давались конкретные указания по дальнейшей деятельности. Нередко такие совещания организовывались председателями совместно с работниками военной прокуратуры. В совещаниях, как правило, принимали участие член военного совета армии (фронта) и начальники политорганов.

Конкретные формы и методы руководства военными трибуналами соединений со стороны председателя военного трибунала фронта определялись и изменялись в зависимости от решавшихся задач, а также от характера боевых действий, которые вели войска.

Основной формой руководства деятельностью военных трибуналов в период войны была непосредственная живая связь военного трибунала фронта и трибуналов армий с военными трибуналами дивизий. Работники военных трибуналов армий и трибуналов фронта регулярно бывали в военных трибуналах соединений и обслужи-

¹ Лысенков С. Г. Судопроизводство военными трибуналами в годы Великой Отечественной войны // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. 2014. № 2 (62). С. 24—27.

² Гриф секретности снят: Потери Вооруженных Сил СССР в войнах, боевых действиях и военных конфликтах: статистическое исследование / В. М. Андроников, П. Д. Буриков, В. В. Гуркин и др.; под общ. ред. Г. Ф. Кривошеева. М.: Воениздат, 1993.

³ Центральный архив Министерства обороны Российской Федерации.

⁴ Петухов Н. А., Кунцевич Ю. М. Указ соч.

живаемых ими частях, добиваясь устранения недостатков на месте.

Одним из типовых управленческих решений по руководству трибуналами в период войны являлись выезды инспекторского состава и лиц руководящего звена Главного управления военных трибуналов в действующую армию для оказания помощи трибуналам на местах. В свою очередь председатели военных трибуналов фронтов, флотов, округов ежемесячно лично знакомились с работой военных трибуналов армий. Председатели этих трибуналов, соответственно, не менее одного раза в месяц посещали военные трибуналы дивизий, бригад и проводили выборочные проверки на местах.

За время войны результаты работы военных трибуналов Ленинградского фронта дважды были предметом изучения инспекторов Главного управления военных трибуналов Народного комиссариата юстиции и Военной коллегии Верховного Суда СССР.

В обоих случаях в приказах Наркома юстиции СССР отмечено, что военные трибуналы Ленинградского фронта успешно выполняли возложенные на них задачи по укреплению воинской дисциплины и порядка, проводили беспощадную борьбу с изменниками Родины и лицами, дезорганизующими работу тыла. Председателю Военного трибунала Ленинградского фронта по итогам проверок были объявлены благодарности¹.

Изложенного выше материала достаточно для следующих выводов:

— военные трибуналы в период Великой Отечественной войны внесли свою немалую лепту в Великую Победу над фашизмом, поскольку председатели этих судебных органов, состоявшись как непосредственно и активно должностные лица, являлись мощным фактором соблюдения законности и правопорядка в войсках, а также на территориях, переведенных в режим военного положения;

¹ Приказ № 0116с 1942 «О результатах проверки деятельности Военного трибунала Ленинградского фронта и подведомственных ему военных трибуналов». См.: Петухов Н. А., Кунцевич Ю. М. Указ. соч. С. 132—133.

— наработанный военными трибуналами богатый опыт борьбы с преступностью и укрепления обороноспособности российского государства в период военного времени должен быть использован при развитии законодательства Российской Федерации о чрезвычайных (особых специальных административно-правовых) правовых режимах, а также в процессе повышения профессиональной подготовки судей военных судов и работников аппарата военно-судебных органов;

— трансформация принципов функционирования судебной системы СССР в особый период и увеличения объема властных полномочий, была объективно обусловлена требованиями военного времени.

Экстраполяция полученных результатов на правовые реалии современного этапа развития российской государственности свидетельствует о том, что:

— требования, предъявляемые российским судеустройственным законодательством к кандидатам на должность судьи, порядок наделения судей полномочиями, основания и процедура прекращения судебных полномочий, поводы и основания привлечения судей к дисциплинарной ответственности, порядок создания и упразднения судов, не соответствуют угрозам и вызовам военного времени²;

— конституционные гарантии независимости судей и самостоятельности судов, гарантии для всех граждан на судебную защиту в условиях военного времени являются чрезмерными и закономерно подлежат ограничению;

— пределы такого ограничения, как и параметры смены организационной парадигмы судебной власти в период мобилизации и на время военного положения, установлены частью 3 ст. 55 Конституции Российской Федерации.

Вариантом законодательного оформления принципов функционирования су-

² См. об этом, также: Туганов Ю. Н., Аулов В. К. Модернизация судеустройственного законодательства: военные суды, статус судей этих судов и судопроизводство // Право в Вооруженных Силах — военно-правовое обозрение. 2019. № 2 (259). С. 28—33.

дебной системы может стать проект федерального конституционного закона «О военных судах Российской Федерации в военное время и период мобилизации».

Библиография

1. Балабан, К. Ю. Правовые основы взаимодействия прокуратуры и судебной системы в советском государстве (1922—1959 годы) : автореф. дис. ... канд. юрид. наук / К. Ю. Балабан. — Саратов, 2011. — 26 с.
2. Военная юстиция в России: история и современность / под ред. В. В. Ершова, В. В. Хомича. — М.: РГУП, 2017. — 564 с.
3. Военные трибуналы — органы социалистического правосудия / отв. ред. В. В. Борисоглебский. — М.: Воен. изд-во, 1958. — 293 с.
4. Гриф секретности снят: Потери Вооруженных Сил СССР в войнах, боевых действиях и воен. Конфликтах : Стат. исслед. / [Г. Ф. Кривошеев и др.]; Под общ. ред. Г. Ф. Кривошеева. — М.: Воениздат, 1993. — 416 с.
5. Деятельность органов военной юстиции в годы Великой Отечественной войны: («Круглый стол» журнала «Государство и право») // Государство и право. — 1995. — № 8. — С. 82—107.
6. Кольчевский, А. В. Деятельность органов военной юстиции в годы Великой Отечественной войны 1941-1945 гг. (историко-правовой аспект) / А. В. Кольчевский // Направления и перспективы развития образования в военных институтах войск Национальной гвардии Российской Федерации : Сб. науч. ст. VIII Межвуз. науч.-практ. конф. с междунар. участ. 29 декабря 2016 г. — Новосибирск, 2017. — С. 437—442.
7. Латышева, Н. А. Военные трибуналы как форпост судебной системы СССР в годы Великой Отечественной войны / Н. А. Латышева // История государства и права. — 2010. — № 9. — С. 19—23.
8. Лысенков, С. Г. Судопроизводство военными трибуналами в годы Великой Отечественной войны / С. Г. Лысенков // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. — 2014. — № 2 (62). — С. 24—27.
9. Лысов, В. А. Карательная политика Советского государства и особенности судопроизводства по государственным преступлениям в период Великой Отечественной войны (1941—1945 гг.): историко-правовое исследование : автореф. дис. ... канд. юрид. наук / В. А. Лысов. — Краснодар, 2008.
10. Обухов, В. В. Правовые основы организации и деятельности военных трибуналов войск НКВД СССР в годы Великой Отечественной войны 1941—1945 гг. (историко-правовое исследование) : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.01 / В. В. Обухов. — М., 2002. — 228 с.
11. Петухов, Н. А. Военный трибунал Ленинградского фронта: в лицах, событиях и документах / Н. А. Петухов, Ю. М. Кунцевич. — М.: РГУП, 2020. — 511 с.
12. Петухов, Н. А. История военных судов России / под ред. В. М. Лебедева. — М.: Норма, 2005. — 352 с.
13. Старков, А. В. Советская юстиция в период Великой Отечественной войны: историография вопроса / А. В. Старков // Российская история. — 2020. — № 3. — С. 95—107.
14. Туганов, Ю. Н. Модернизация судостроительного законодательства: военные суды, статус судей этих судов и судопроизводство / Ю. Н. Туганов, В. К. Аулов // Право в Вооруженных Силах — военно-правовое обозрение. — 2019. — № 2 (259). — С. 28—33.
15. Туганов, Ю. Н. Роль председателя суда субъекта Российской Федерации в профессиональной переподготовке мировых судей: вопросы унификации законодательства / Ю. Н. Туганов, В. К. Аулов // Российское правосудие. — 2017. — № 2 (130). — С. 85—91.

Некоторые аспекты развития военного строительства и российского военного права в допетровский период (X в. — 1700 г.)

© Тарадонов Сергей Валерьевич,

кандидат юридических наук, доцент, профессор кафедры теории и истории государства и права Военного университета, доцент кафедры гражданского права, международного частного права и гражданского процесса Российского университета транспорта (РУТ (МИИТ))

Аннотация. В статье исследуется процесс становления и правового оформления норм российского военного права в допетровский период (X в. — 1700 г.). Автором охватывается значительный пласт нормативных источников, анализируются причины их принятия, сущность и цели правового регулирования. Особое внимание уделяется этапам строительства военной организации русского государства, процедурам комплектования войск, способам и средствам обеспечения законности и правопорядка в войсках.

Ключевые слова: военное право; источники военного права; российское военное законодательство; военная организация; военное строительство; комплектование армии; воинские отношения, ответственность за воинские правонарушения.

Some aspects of the development of military construction and Russian military law before Peter the Great period (X century — 1700 years)

© Taradonov S. V.,

Sc. Law, docent, the professor of the Theory and History of State and Law Department of the Military University; the docent of civil law, international private law and civil procedure, Russian University of transport cand

Annotation. The article examines the establishment process and legal formalization of the norms of Russian military law before Peter the Great period (X century — 1700 years). The author covers a significant layer of normative sources, analyzes the reasons for their adoption, the nature and goals of legal regulation. Special attention is paid to the stages of building the military organization of the Russian state, the procedures for recruiting troops, methods and means of ensuring law and order in the troops.

Keywords. military law; sources of military law; Russian military legislation; military organization; military construction; recruitment of the army; military relations, responsibility for military offenses.

В исторической литературе отмечается, что история человечества, в том числе и Российского государства — это во многом история многочисленных войн и вооруженных конфликтов. Поэтому во все исторические эпохи господствующие политические силы придавали исключительное значение вооруженным силам как ре-

шающему фактору поддержания и укрепления своей власти, сохранения суверенитета и территориальной целостности российского государства.

В этом смысле развитие военного права в ряде случаев как бы опережало процесс выработки и правового закрепления соответствующих организационных форм

в других сферах регулирования государственной жизни.

Точкой отсчета образования Древнерусского государства принято считать 862 г. — летописное упоминание («Повесть временных лет») о призвании на княжение варяжского племени русов во главе с Рюриком.

Основными памятниками Древнерусского права были: «Русская правда», Уставы князей, Уставные грамоты князей в отношении церкви и документы византийского права, договоры Руси с Византией.

Наиболее ранними из дошедших до нас письменных правовых памятников являются тексты договоров Руси с Византией. Известны четыре договора Руси с Византией: 907, 911, 944, 971 гг. Договоры свидетельствовали о высоком уровне юридической мысли в Древнерусском государстве в X в. В них кроме норм, регулирующих торговые дела, определялись и взаимоотношения по военным вопросам: порядок привлечения русских дружин на службу в Византию, порядок выкупа военнопленных и др.

Первые источники русского военного права — Русско-византийские договоры 907 и 911 гг., которые были заключены после успешного похода киевского князя Олега и его дружины на Византийскую империю. Статьи русско-византийского договора 911 г. посвящены главным образом рассмотрению различных правонарушений и мерах наказания за них. Речь идет об ответственности за убийство, за умышленные побои, за воровство и грабежи; регламентируются правила выкупа пленных; есть пункты о союзной помощи грекам со стороны Руси и о порядке службы руссов в императорской армии¹. В договор впервые включены правила комплектования вооруженной силы: «Если же будет набор в войско и эти (русские) захотят почтить вашего царя, и сколько бы ни пришло их в

какое время, и захотят остаться у вашего царя по своей воле, то пусть так будет»².

Правовые основы военной организации Древней Руси нашли свое отражение в Русской Правде, в которой содержались положения о категориях ратных людей, взаимоотношениях между дружиной и князьями, князьями и ополчением и др. «Русская правда» — это сборники норм обычного права, законов и судебных решений, изданные в Киевском государстве и дошедшие до нас в форме списков (их множество), которые в историографии традиционно делятся на 6 редакций по временному признаку³.

Уже в Русской правде большое внимание уделяется лицам, которых с оговорками можно отнести к разряду «военнослужащих» (огнищанам, тиунам, гридям и др.). Особенности десятичной системы предполагало слияние военных и административных функций у лиц, относящихся к княжеской администрации.

В ст. 53 Пространной Русской правды (по Троицкому списку второй половины XIV в.) содержится норма, направленная на охрану имущества, которое могло быть использовано в военных операциях: «53. Аже оу господина ролейныи закупъ, а погубить воискии конь, то не платити ему». Известный российский историк С. В. Юшков считает, что речь идет о войсковом — военном коне, так как закупы должны были «входить в состав ополчения господина, причем многие были из них на конях»⁴. В русском языке слово «воискии» имело определенное значение «военный, для войны способный».

Дальнейшее развитие нормативное регулирование военной организации государства получает в Новгородской, Псковской, Двинской и иных судебных грамотах. Однако нормы военного права в этих актах

¹ Проект Российского военно-исторического общества (РВИО) «100 главных документов российской истории». Русско-византийский договор 911 г. // <https://doc.histrf.ru/10-16/russko-vizantiyskiy-dogovor/>. (дата обращения: 21.05.2021).

² Повесть временных лет / подгот. текста Д. С. Лихачева; пер. Д. С. Лихачева и Б. А. Романова; под ред. В. П. Адриановой-Перетц. М.; Л., 1950 (Литературные памятники).

³ Шебалкин И. В. Памятники права Руси IX—XVII вв.: учеб. пос. М.: Типографофф, 2017. С. 11—24.

⁴ Юшков С. В. Общественно-политический строй и право Киевского государства. М.: Госюриздат, 1949. С. 76—80.

носят разрозненный, не систематизированный характер.

История Московского царства — история воюющего государства. Армия стала важнейшим институтом нового царства. В XV в. на Руси вместо старых вооруженных сил, состоящих из дружин, а также отрядов удельных князей и крупных феодалов, было создано поместное (дворянское) войско — основная военная сила и атрибут Русского суверенного централизованного государства.

Поместное или дворянское войско основывалось на поместной системе — привлечении детей боярских и дворян к несению военной службы со своих владений. Оно состояло из служивых людей, получивших за свою службу в условное владение земли, которые служили источником их доходов.

Поместья раздавались служилым людям в соответствии со следующими требованиями: а) поместья давались только тем, кто фактически нес военную службу (при уходе со службы поместья отбирались); б) размер поместья определялся длительностью и безупречностью службы; в) размер поместья определялся количественным составом вооруженных лиц, выступающих вместе с владельцем.

Иван III раздал конфискованные у 70 новгородских вотчинников земли 2 тысячам московских служилых людей¹. Размер поместного оклада колебался вначале от 100 до 750 десятин земли в зависимости от территории, положения и должности. Кроме того, владельцы поместий получали денежный оклад. Эта система позволила создать многочисленное поместное войско из дворян, сторонников централизованной власти. Поместное ополчение по положению выше феодального войска, состоящего из отрядов во главе с феодалом.

Создание Судебника 1497 г. — заметная веха в истории русского законодательства. В ряде стран Европы (в том числе в Англии и Франции) общегосударственных кодексов еще не существовало. Именно поэтому имперский посол С. Герберштейн,

побывавший в начале XVI в. в Москве, перевел на латинский язык значительную часть Судебника. Он представлял большой интерес для немецких юристов, составивших только в 1532 г. общегерманский свод законов¹.

Судебник 1497 г. предусматривал новые преступления — политические («крамола»). Крамольными преступлениями считались государственные преступления, такие как измена, заговор, причастность к восстанию против правительства, служебные преступления и другие.

Судебником в качестве наказаний предусматривались: смертная казнь (простая и квалифицированная), «торговая казнь» (битье кнутом), а также денежные взыскания. Смертную казнь по Судебнику могли назначить и за «иное лихое дело», под которым понимался вред государству или государственному строю².

В 1549 г. правительство Ивана IV было поставлено перед необходимостью срочного реформирования всех областей государственной и общественной жизни, и прежде всего военной области. В укреплениях и дальнейшей централизации государства были заинтересованы и светские (боярство и дворянство), и духовные феодалы, однако в определении путей и методов достижения этих целей единодушия не было³.

Иван IV упорядочил несение военной службы с земельных владений. При нем военно-поместная система получила наибольшее развитие. Усмотрев, что «некоторые вельможи и всякие воины многими землями завладели, а службой оскудели», Иван IV установил строгие правила службы с поместий и вотчин боярских. В

¹ Зимин А. А. Россия на рубеже XV—XVI столетий (Очерки социально-политической истории). М., 1982.

² Российское законодательство X—XX веков. В 9 т. Т. 2 : Законодательство периода образования и укрепления Русского централизованного государства / под общ. ред. О. И. Чистякова. М., 1985.

³ Шутков С. В. Военные реформы в России во второй половине XVI — первой половине XVII веков и воплощение в них военно-правовых идей И. С. Пересветова (Историко-правовое исследование) : дис. ... канд. юрид. наук. М., 1999. С. 27.

¹ История государства и права СССР. Ч. 1. М., 1972. С. 154.

1550 г. после большого смотра Иван IV выделил 1 000 «помещиков», «детей боярских — лучших слуг» и наделил их поместьями в окрестностях Москвы. Эта «избранная тысяча» (впоследствии — «московские чины») была ближайшей вооруженной силой царя и его охраной¹.

В начале 50-х гг. XVI в. было создано стрелецкое войско, первоначально насчитывавшее 3 тыс. человек, а к концу XVI в. — 20 тыс. стрельцов. Артиллерия была выделена в отдельный род войск и быстро начала расти количественно. К концу царствования Ивана Грозного русская артиллерия имела на вооружении 2 тыс. орудий.

В 1556 г. была ликвидирована система кормлений, бояре стали получать от государства денежное жалование за свою службу, то есть она стала главным источником средств для существования.

Заложенные в Судебнике 1497 г. тенденции государственного управления и судопроизводства получают свое развитие в Судебнике Ивана IV 1550 г. — это сборник законов периода сословной монархии в России, первый в русской истории нормативный правовой акт, провозглашённый единственным источником права.

Судебник Ивана IV имеет общую прогосударственную направленность, ликвидирует судебные привилегии удельных князей и усиливает роль центральных государственных судебных органов. В целях укрепления социальной базы центральной власти расширяются права служивого сословия, т.е. лиц, обязанных нести военную или гражданскую службу в пользу государства². В частности, запрещался переход служилых людей в кабальное холопство.

В Судебнике 1550 г. впервые содержится упоминание о воинском преступлении — о «градском сдавце», т.е. начальнике, сдавшем неприятелю крепость. Воеводе, сдавшему крепость, полагалось наказание в виде смертной казни («живота не дади, казнити смертною казнию»).

Военные реформы завершились принятием в 1555—1556 гг. «Уложения о службе», установившего единый порядок службы для владельцев вотчин и поместий. Отныне каждый феодал в зависимости от имевшегося у него количества земли определенного качества («худой», «средней», «доброй») выставлял определенное число вооруженных всадников (например, одного с каждых 150 десятин)³. Тот, кто выводил людей больше, чем положено, получал денежную «помогу», а кто меньше — платил штраф. Такой порядок содействовал увеличению численности войск и препятствовал уклонению бояр от службы. Этой же цели служили периодические военные смотры. У не явившихся на службу или смотры отбирались поместья и вотчины.

Принятие Уложения о службе способствовало повышению боеспособности русских войск, что было немаловажно для проведения Иваном IV активной внешней политики. Уложение завершает не только выработку правовых основ поместного землевладения, но вместе с тем является и завершением процесса перестройки рати Русского государства — процесса, который начался еще во вторую половину XV в. и заключался в создании войска нового типа на месте старых военных дружин времен феодальной раздробленности.

Военная служба дворян в соответствии с Уложением 1556 г. начиналась с 15 лет, была пожизненной и наследственной. Комплектование дворянского войска осуществлялось путем записи в полковые списки. Списки составлялись на смотрах всех служилых дворян и детей боярских. Смотры проводили «московские чины» и местные воеводы. В последующим порядок проведения смотров регламентировался законом «Об осмотре и разборе дворян и детей боярских» 1678 г.

Мужчины-дворяне, обязанные военной службой, делились на 4 группы: а) «служилый дворянин» — лицо, записанное в службу и обеспеченное поместным окладом (во время похода — денежным окла-

¹ Корольков Н. Н., Макаренко В. М. История государства и права России : учебное пособие. Часть 1. М.: ВУ, 2014. С. 35.

² Служилые люди // Военная энциклопедия. Т. 7. М.: Военное издательство, 2003. С. 520.

³ Полное собрание русских летописей. Т. XIII. С. 265—269.

дом); б) «недоросль» — лицо, не достигшее определенного для службы возраста; в) «отставной» — лицо, уволенное со службы по возрасту или по болезни; г) «новик» — т.е. дворянин, годный для службы, но еще не верстаный на смотре в полковые списки.

Комплексный анализ древнерусского законодательства показывает, что в период до XVI в. специальных «военных» правовых актов в России не было; нормы военного права были как бы «вкраплены» в общее законодательство: в Русскую Правду, Судебники 1497 и 1550 гг., в Уложение о службе 1556 г. и др.

В 1604 г., в канун вторжения войск первого самозванца, Уложение о службе было дополнено Соборным приговором о введении правил посылки ратных людей в походы. Приговор гласил: *«Повелехом, отныне и впредь вседы: кто колико поместей и отчин имеет, а сам коея ради вины на войну не идет, хоша старости или болезни для, или в приказах и городех судейства и управления ради быти сам не может, ни сына пошлет, тому слати холопа от двусот четвертей с конем, с полным доспехом и запасом, коему граду куды идти велено будет; а будет у коего недостаток или лишек в четвертях по мерным вскормленным книгам, и тем складываться и посылати по жеребью; а которые за ранами и увечьем из полков отпустятся, и которые в полону будучи. Выдут, и тех оставляти в домех на два лета и холопей им не посылати; а которых вдов мужи, а детей малых отцы убиты на войне или в плене держатся, ино тех по тому же два лета не посылати»*. Уклонившимся от службы грозило наказание — лишение земельного владения. Особо были оговорены меры в отношении церковных властей, по видимому, не стремившихся к участию в военных предприятиях государства. Из текста договора видно, что иерархи и монастыри не посылали «холопей годных в службу» или высылали их «без доспеха и харчей». За это с них взыскивали по 15 руб. за невыставленного в полки человека. Самых монастырских военных слуг велено было писать в стрельцы «без пощады». Составителями документа было подчерк-

нуто, что на службу необходимо выстав- лять «гожих» людей¹.

Исследование архивных и документальных источников² позволяет сделать вывод, что с середины XVI в. правовые вопросы военной службы стали регулироваться первыми воинскими уставами.

16 февраля 1571 г. на основании проекта, разработанного князем М. И. Воротынским, состоялся Боярский приговор о станичной и сторожевой службе³. Этот акт по праву считается первым русским воинским уставом, в нём определены: задачи и основные принципы сторожевой и станичной службы, организация её несения и способы действия сторож (сторожевые наблюдательные посты) и станиц (небольшие конные отряды); устройство и расположение сторожевых застав, порядок смены сторож и станичников. «Приговор» рекомендовал проявлять личную инициативу в службе, но требовал соблюдения строжайшей дисциплины.

За самовольный уход со сторожи виновного, если в это время «учинитце война», казнили. За опоздание на смену сторожи налагался большой штраф. Воеводы и головы обязаны были проверять несение сторожевой службы, посылая доверенных лиц «дозирати на урочищах и на сторожах». При обнаружении небрежности в несении сторожевой службы на виновных накладывалось строгое взыскание⁴.

В XVI в. наряду с нормами военного права, вкрапленными в общее законодательство, издавался целый ряд отдельных царских указов и наказов, направленных

¹ Законодательные акты Русского государства втор. пол. XVI — перв. пол. XVII в. № 53. С. 72—73.

² Градовский А. Д. Начало русского государственного права. Изд. 2-е. Т. I—III. СПб., типография М. Стасюлевича, 1875 (т. I), 1876 (т. II), 1883 (т. III) // <http://constitution.garant.ru/science-work/pre-revolutionar/3988988/>; Сергеевич В. И. (1832—1910). Русские юридические древности / [соч.] В. Сергеевича. СПб.: Тип. Н. А. Лебедева, 1890—1903. 4 т. // <http://elibrary.ru/nodes/23951>.

³ Беляев И. Д. О сторожевой, станичной и полевой службе на Польской Украине Московского государства, до царя Алексея Михайловича. М., 1846.

⁴ Разин Е. А. История военного искусства : в 3-х т.: Т. 2. История военного искусства VI—XVI вв. СПб.: ООО «Издательство Полигон», 1999.

на управление и на организацию военной службы. Например, издаются царские указы, определяющие порядок подчиненности между «детьми боярскими и воеводами» на поле брани¹.

В соответствии с этим указом боярские дети, назначенные для защиты границы государства на случай нашествия неприятеля и стоящие на очереди для заступления на посты, не должны были отлучаться от места своего жительства и были обязаны являться на службу немедленно по получении сведений о приближении неприятеля. За нарушение этого порядка, в случае военных действий, боярским детям, не явившимся на службу немедленно, полагалось наказание от Царя и Великого Князя — смертная казнь. А если военных действий не было, то им назначалось наказание за ослушание кнутом и снижение поместного денежного оклада.

Борис Годунов в 1604 г. специальным актом определил порядок участия монастырских людей в военных походах, а также льготы раненым, вдовам и детям погибших на войне².

В 1607 г. при царе Василии Шуйском был подготовлен, в последующем существенно переработан и утвержден в 1621 г. царем Михаилом Федоровичем Устав ратных, пушечных и других дел, касающихся до военной науки³. Устав явился образцом военно-теоретической мысли того времени и включал в себя 663 статьи. По многим вопросам в нем отражены передовые идеи и самостоятельные пути развития русского военного искусства. Центральное место было уделено регламентации военной службы, установлению должностных обязанностей и вопросам воинской дисциплины. Законодательная техника, примененная авторами Устава, носила элементы но-

визны и коренным образом отличалась от ранее существовавших нормативных актов такого характера.

Наибольшее внимание в Уставе уделялось вопросам пушкарского дела (около 500 статей): ведению боя, осады и обороны города, изготовлению и применению «огнестрельного наряда» — артиллерии. До начала XVIII в. он фактически являлся основным пособием по артиллерии и вошел в историю под названием «Пушкарский устав», по глубине разработки и охвату вопросов стоял выше многих западноевропейских уставов своего времени.

В Уставе рассмотрены различные стороны жизни и деятельности войск: действия войск на марше (походе), в оборонительном бою, при осаде и обороне крепостей, устройстве стоянок и парадов. Устав требовал, чтобы оборона крепостей и городов была активной, препятствующей противнику проводить подготовку к штурму и не дающей ему «под городом шанцов ставить». В этих целях предусматривались обязательные вылазки обороняющихся. В Уставе обобщен опыт русских войск по применению подкопов, постановке мин, устройству проломов в стенах, организации взаимодействия пехоты и артиллерии при штурме городов. Большое внимание уделено инициативе командиров, дисциплине и боевому духу войск. Воеводам предписывалось воодушевлять войска перед боем, призывать их к защите отечества и выполнению присяги. От солдат требовалось лучше «честно умереть, нежели с бесчестием жить». Устав имел практическое значение при обучении военному делу полков нового строя⁴.

Остальные статьи, кроме всего прочего, расписывали должности, права и обязанности командного состава, а также определяли обыкновенные нарушения воинской дисциплины и важные преступления. К первым относились: ослушание и неисполнение приказания, самовольное оставление службы, насилие против местных жителей и др. Эти нарушения воинской дисциплины разбирались пушкар-

¹ Беспалов В. В. Исторический опыт становления и развития (эволюции) государственного и военного управления России в период с 1917 до середины 1960-х годов : монография. М.: Изд-во СГУ, 2012.

² Российский военный сб. Вып. 10. Военное законодательство Российской империи (Кодекс Русского Военного Права) / сост. В. Ю. Кудейкин, А. Е. Савинкин. М., 1996. С. 9.

³ Устав ратных, пушечных и других дел, касающихся до воинской науки. СПб., 1777—1781.

⁴ Корольков Н. Н., Макаренко В. М. Указ. соч. С. 49.

ским головой «по обстоянию дела». К важным преступлениям причислялись: отлучка от орудия для грабежа; несоблюдение правил о содержании орудия в готовности для стрельбы; растрату необходимых для стрельбы принадлежностей; поднятие ложной тревоги; разорение мельниц; ограбление церкви и др. За эти преступления назначалась смертная казнь¹.

Устав разделил преступления на две основные категории: нарушения специальных обязанностей военной службы и нарушения общеуголовные, но связанные с исполнением обязанностей военной службы. Радикальность решаемых в то время (после «смуты») военных задач обусловила и непомерную строгость военно-уголовных наказаний, широкое применение смертной казни, которая назначалась даже за совершение такого правонарушения, как отлучка в непосредственной близости от неприятеля. Большинство санкций, что также свойственно для военно-уголовных наказаний того времени, были нечетко определены (наказание «с нещадною строгостью», «великое и жестокое», «без пощады» и т.д.)².

В конце 1640-х гг. вместо Устава 1607 г. был введен новый устав, известный как «Учение и хитрость ратного строения пехотных людей»³.

Учение 1647 г. подробно разъясняло принципы обучения солдат в ротном и полковом строю: правила построения и перестроения рядов и шеренг, приемы владения мушкетом и пикой, ведения огня; давал рекомендации по организации караульной службы, приводил основные требования к «походному строению» и устройству временного лагеря, основные способы поддержания дисциплины и порядка в армии.

Детально характеризовались вопросы о том, что такое ряд и шеренга, рота и

полк, какими должны быть приемы с мушкетом и пикой, в чем «хитрость» вздваивания рядов и шеренг, как мушкетеры ведут стрельбу и атакуют неприятеля. Однако предлагаемые приемы отличались большой сложностью, были трудны для понимания солдатами.

Учение выражало потребности Русского централизованного государства в создании и укреплении постоянной армии. Основная идея Учения заключается в том, что победа может быть достигнута только при постоянном и регулярном обучении войск ратному делу. Поэтому долг государей — «подданных своих ратному делу и как оружием владети научити», а долг подданных — изучать военное дело, ибо «ратной чин есть богу приятен и им самим уставлен». Только ратное учение позволит войску «легкими трудами себе великую прибыль, а недругу большую поруху учинить». Эту мысль устав иллюстрирует многими историческими примерами. Большое внимание уделяется строевой подготовке, правилам караульной службы, расположению лагерей.

Особое внимание обращалось на получение достоверной информации о противнике и на необходимость активных действий в военное время⁴. Детально регулировались основные способы поддержания дисциплины и порядка в армии. В частности, Устав 1647 г. предусматривал следующие виды преступлений: нахождение пьяным на посту; неисправность оружия у часового; нарушение правил караульной службы; поднятие тревоги без надобности; необеспеченность караула штатным количеством людей (для начальствующего состава)⁵.

Представляет интерес трактовка войн, данная в «Учении...»: в нем осуждались междуусобные войны, разрушавшие то, что было создано «во многие лета великими трудами», считались законными войны

¹ Гавришук В. В., Кукар А. А. Военное законодательство Петра I. М.: СГУ, 2004. С. 5.

² Сухондяева Т. Ю., Санташов А. Л., Валькова Е. В. Становление военного права как отрасли права // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2020. № 3. С. 158.

³ 1647 годъ. Учение и хитрость ратнаго строения пѣхотныхъ людей. СПб., 1904.

⁴ Волков В. А. Обучение ратных людей // Ратные подвиги Древней Руси. М.: Эксмо-Алгоритм, 2010. (История допетровской Руси).

⁵ Калинычев Ф. Н. Вопросы военного права в период образования феодально-абсолютистского государства (2-я половина XVII в.) : дис. ... канд. юрид. наук. М.: ВЮА, 1950.

против того государя, «который отнять хочет землю».

Таким образом, в основу уставов 1607 и 1647 гг. были положены нормы, выработанные в результате сочетания зарубежного опыта с отечественным. В целом же российское военное законодательство XVI—XVII вв. характеризуется большим количеством различного рода правовых актов по самым различным сферам военного дела и военной службы.

Первым в истории Российского государства законодательным актом, в котором была сделана попытка обобщить нормы, регулирующие военную службу, стало Соборное уложение царя Алексея Михайловича 1649 г.¹ Большинство военно-правовых норм были изложены в отдельной, 7-й, главе данного Уложения, названной «О службе всяких ратных людей Московского Государства». Соборное уложение 1649 г., несмотря на свою серьезную неполноту, явилось заметным шагом в развитии русского права, в том числе и военного. Последующее законодательство восполняло пробелы Уложения, в частности регулировались наиболее распространенные в тот период времени преступления: побег со службы, «нетчества» и насилия в отношении мирного населения.

Соборное уложение 1649 г. определяло виды и порядок привлечения к ответственности за такие воинские преступления как измена, бунт, уклонения от воинской службы, злоупотребления разборщиков и окладчиков при мобилизации ратных людей на службу и др.

Изменнические преступления, в том числе воинская измена, считались правительством наиболее опасными. Этим преступлениям в Соборном уложении 1649 г. были посвящены ст. 3 и 4 гл. 2 «О государьской чести, и как его государское здоровье оберегать». В них говорится о сдаче города недругу «изменою», приеме в городе зарубежных людей для измены, о сожжении города «умышлением и изменою». За эти преступления предусматривалась смертная казнь. Специальный вид

воинской измены предусматривался в ст. 20 главы 7 Соборного уложения: «А будет кто будучи на государеве службе в полках, учнет изменою ис полков переезжать в неприятельские полки, и в неприятельских полках сказывати про вести и про государевых ратных людей, и в то на него кто известит, и сыщется про то допряма: и такова переезщика казнити смертью, повесити против неприятельских полков, а поместья его и вотчины и животы взяти на государя»².

Различались следующие виды уклонения от службы: самовольный отъезд со службы дворян и детей боярских до роспуска под предлогом разорения хозяйства или иных «самых нужных дел», когда воеводы без царского указа не имели права отпускать ратных людей «ни для каких дел»; побег со службы дворян и детей боярских с передачей кому-либо «воровски» своего поместья или с продажей вотчины, чтобы не нести службы; уклонение от службы под предлогом старости, увечья или болезни³; побег со службы всяких чинов ратных людей — казаков, иноземцев, стрельцов, даточных; за побег с поля сражения предусматривалось наказание кнутом и убавка поместного оклада.

Военно-уголовное судопроизводство имело все черты розысчного процесса. В повседневной практике широко применялись такие формы расследования и осуждения, как обыски, очные ставки, пытки⁴.

Большое внимание уделялось укреплению дисциплины, борьбе с уклонением от службы. Закон 1678 г. предусматривал тяжелое наказание для тех, кто уклонялся от военной службы. «... Которые с Государевой службы учнуть бегать, ... за то их вина, быть в жестоком наказании в торговой казни, а поместье их вотчина и всякие

¹ Тихомиров М. Н., Елифанов П. П. Соборное уложение 1649 года. М., 1961.

² Полное собрание законов Российской империи. СПб., 1830. Т. 1. № 1.

³ Виновный в такого рода уклонении от службы не наказывался, а лишь посылался в полк. В 1655 г. был издан царский указ, согласно которому все, кто «болезнь прикинет, не хотя служить», подвергались смертной казни с конфискацией поместий и вотчин наравне с бежавшими со службы.

⁴ Гавришук В. В., Кукар А. Указ. соч. С. 7.

пожитки взяты будут и розданы безпоместным», — говорилось в законе.

В течение последующих лет вплоть до восшествия на престол царя Петра I военные законы снова «растворяются» в многочисленных царских указах и боярских приговорах, которые не только дополняли и изменяли Соборное уложение 1649 г., но и нередко противоречили друг другу.

Отдельно необходимо остановиться на повинностях, которые можно назвать тяглом по вооруженной защите государства. Слово «тягло» имеет двоякое значение, во-первых, оно обозначает повинность, лежащую на тех или иных лицах; во-вторых, означает еще и способность нести ту или иную повинность в пользу государства¹.

В период формирования Московского централизованного государства число тягл по вооруженной защите государства доходит до восьми. Некоторые из них очень древнего происхождения, таковы, например, пищевое содержание ратных людей и городовое дело. Большинство других не встречается в памятниках домосковского времени, к ним относились: а) ратная служба, б) засечное дело, в) ямчужное дело, г) пищальные деньги, д) полоняничные деньги и е) сборы ратным людям на жалованье и стрелецкие деньги.

А) Ратная служба. О повинности выставлять ратных людей на случай войны встречаем многочисленные указания, начиная с половины XV в. Эта повинность возникла не только в Москве, она существовала и в воеводской Руси и имела место во всех тех случаях, когда война предпринималась по определению веча. По мере ослабления воеводской жизни и усиления княжеской власти право требовать отправления ратной повинности переходит в руки князя. Первоначально это натуральная повинность. Местные жители обязываются выставить известное число ратных людей, конных и пеших, во всеоружии и со всеми необходимыми кормовыми запасами на определенное число месяцев военного времени. Эти ратные люди нередко называются даточными. Вооружение их опре-

делялось очень различно, причем имелось в виду исчерпать все, что ратные люди могли вынести на войну. Ратная служба, о которой идет речь, падала не на служилых людей, обязанных являться на службу поголовно, а на посадских людей и крестьян. Понятно, что между ними не всегда находились люди, «гораздые» стрелять из самопалов. Это влекло необходимость наем населением ратных людей, знакомых с огненным боем. Нанимаемый ратный человек обязывался явиться на службу с самопалом и со всяким ратным оружием, со службы не сбежать, государю не изменить.

Б) Ближе к ратной повинности приемыкает засечное дело. Под засечным делом разумелось устройство препятствий для наступательного движения неприятеля. Они состояли в завалах лесом удобных для движения неприятеля мест и в перекапывании их рвами; а где нужно, устраивались земляные «засечные крепости и опасные остроги». И эта повинность первоначально была натуральная и падала только на тех «сошных людей», которые жили поблизости мест передвижения неприятеля. Но в XVI в. она перелagается уже на деньги, не вытесняя, однако, натуральной.

В) Изобретение пороха произвело коренную реформу в военном деле и вызвало новые повинности. Такой повинностью является ямчужное дело (ямчуга — селитра, одна из составных частей пороха, куда входят еще сера и уголь). Эта повинность является также то натуральной, то денежной. Натуральная повинность состояла в доставлении к ямчужным амбарам, где «ямчужный мастер ямчуги варит» дров, золы и людей для ямчужного дела, которые иногда называются целовальниками. О сборе вместо натуральной повинности «ямчужных денег» речь идет уже в памятниках половины XVI в.

Г) Рядом с ямчужными деньгами стоят пищальные деньги, налог на покупку огнестрельного оружия, пищалей, самопалов и пр. Снаряжение ратных людей огнестрельным оружием должно было встречать большие затруднения.

Д) К повинностям, возникшим из войны, можно отнести и полоняничные деньги, т.е. налог для выкупа пленных. Первые

¹ Сергеевич В. И. Древности русского права. В 4 т. М. Издательство Юрайт, 2018. Т. 4. С. 4—5.

указания на выкуп пленными относятся к XV в. Юрий Шемяка в договорах с Можайскими и рязанскими князьями обязывает их возвратить всех налицо находящихся пленников, а проданных выкупить и возвратить. Это древнейший выкуп пленными, совершаемый правительством. Первый выкуп пленными на средства особого налога, сделанного с этой целью, относится к 1535 г. В этом году Великий князь Иван Васильевич, еще младенец, и мать его, благочестивая княгиня Елена, послали новгородскому митрополиту Макарию грамоты, а в них просили средства на выкуп из татарского плена «детей боярских, и мужей, и жен, и девиц».

Е) Наконец, последний вид сборов на военное дело составляют сборы на жалование ратным людям вообще и стрельцам в особенности.

В Московском государстве военная организация получает большое развитие, вольная служба бояр и детей боярских переходит в обязательную, постоянное войско из дворового развивается в особые учреждения — приказы; сперва появляется Стрелецкий приказ, затем Рейтарский¹ и другие².

В связи расширением военного дела возникают и сборы на жалование ратным людям; но это жалование выдается не только постоянным войскам, но и княжатам, боярам и детям боярским.

Новая стрелецкая подать (налог) был установлен Указом от 5 сентября 1679 г. Это первый опыт заменить целый ряд старых тягол, возникавших по мере надобности, одним общим для всего государства налогом, который шел на удовлетворение всяких государственных нужд, а также на жалование московским стрельцам. Указ 1679 г. знаменует великую реформу в ис-

тории финансов — это первый опыт введения общего для всего государства налога взамен целой массы специальных повинностей³.

Таким образом, допетровский период характеризуется появлением первых самостоятельных источников военного права одновременно с формированием централизованного Российского государства. Указанные акты, а также нормы древнерусского обычного права создали необходимые предпосылки для активного формирования военного и военно-уголовного законодательства в ходе государственно-правовых реформ Петра I.

В связи с этим изучение военного законодательства допетровского периода представляется сегодня особенно актуальным.

Библиография

1. Беляев, И. Д. О сторожевой, станичной и полевой службе на Польской Украине Московского государства, до царя Алексея Михайловича / И. Д. Беляев. — М., 1846.
2. Беспалов, В. В. Исторический опыт становления и развития (эволюции) государственного и военного управления России в период с 1917 — до середины 1960-х годов : монография / В. В. Беспалов — М.: Изд-во СГУ, 2012. — 367 с.
3. Волков, В. А. Обучение ратных людей / В. А. Волков // Ратные подвиги Древней Руси. — М.: Эксмо-Алгоритм, 2010. — 656 с. — (История допетровской Руси).
4. Гаврищук, В. В. Военное законодательство Петра I / В. В. Гаврищук, А. А. Кукар. — М.: СГУ, 2004.
5. Градовский, А. Д. Начало русского государственного права. Изд. 2-е. Т. I—III / А. Д. Градовский. — СПб.: Типография М. Стасюлевича, 1875 (т. I), 1876 (т. II), 1883.
6. Зимин А. А. Россия на рубеже XV—XVI столетий (Очерки социально-политической истории) / А. А. Зимин. — М., 1982.
7. История государства и права СССР. Ч 1. — М., 1972.
8. Калинычев, Ф. Н. Вопросы военного права в период образования феодально-абсолютистского государства (2-я половина XVII в.) : дис. ... канд. юрид. наук / Ф. Н. Калинычев. — М.: ВЮА, 1950.
9. Корольков, Н. Н. История государства и права России : учебное пособие. Ч. 1 / Н. Н. Корольков, В. М. Макаренко. — М.: ВУ, 2014.
10. Разин, Е. А. История военного искусства в 3-х т. : Т. 2. История военного искусства VI—XVI вв. / Е. А. Разин. — СПб.: ООО «Издательство

¹ Рейтарские полки — полки дворянской тяжелой кавалерии (карабин, 2 пистолета, сабля, латы); драгунские полки — вид легкой кавалерии (пехотинцы, посаженные на коней, при встрече с противником действовали в пешем строю).

² Важнейшими органами центрального управления в России с XVI в. до начала XVIII в. были приказы. К числу военных приказов относились Разрядный, Стрелецкий, Казачий, Иноземный, Оружейный, Бронный, Пушечный и Рейтарский.

³ Сергеевич В.И. Указ. соч. С. 48.

Полигон», 1999. — 656 с.

11. Российский военный сб. Вып. 10. Военное законодательство Российской империи (Кодекс Русского Военного Права) / сост. В. Ю. Кудейкин, А. Е. Савинкин. — М., 1996.

12. Сергеевич, В. И. Русские юридические древности / В. И. Сергеевича. — СПб.: Тип. Н. А. Лебедева, 1890—1903.

13. Сергеевич, В. И. Древности русского права : В 4 т. / В. И. Сергеевич. — М. Изд. Юрайт, 2018.

14. Сухондяева, Т. Ю. Становление военного права как отрасли права / Т. Ю. Сухондяева, А. Л. Санташов, Е. В. Валькова // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. — 2020. — № 3.

15. Тихомиров, М. Н. Соборное уложение 1649 года / М. Н. Тихомиров, П. П. Епифанов. — М., 1961.

16. Шебалкин, И. В. Памятники права Руси IX—XVII вв. : учеб. пос. / И. В. Шебалкин. — М.: Типографофф, 2017.

17. Шутков, С. В. Военные реформы в России во второй половине XVI — первой половине XVII веков и воплощение в них военно-правовых идей И. С. Пересветова (Историко-правовое исследование) : Дис. ... канд. юрид. наук / С. В. Шутков. — М., 1999.

18. Юшков, С. В. Общественно-политический строй и право Киевского государства / С. В. Юшков. — М.: Госюриздат, 1949.

Политическая система общества: понятие, институциональные основы, классификация категории

© Шамаров Вячеслав Матвеевич,
профессор Российской академии адвокатуры и
нотариата, доктор юридических наук, профессор

Аннотация. В статье исследуется понятие предмета исследования, его содержание в узком и широком смысле; сущностное предназначение политической системы общества и ее взаимосвязь с другими сферами жизнедеятельности общества; оцениваются элементы организационной структуры системы; классифицируются модели политической системы по разным основаниям, формулируются общие выводы.

Ключевые слова: политическая система общества, понятие «политическая система общества», субъекты (элементы) политической системы, классификация по разным основаниям политической системы общества.

Political system of society: concept, institutional framework, category classification

© Shamarov V. M.,
Professor of the Russian Academy of advocacy and
notary, doctor of legal Sciences, Professor

Annotation. The article examines the concept of the subject of research, its content in a narrow and broad sense; the essential purpose of the political system of society and its relationship with other spheres of life of society; assesses the elements of the organizational structure of the system; classifies the models of the political system on various grounds, formulates General conclusions.

Keyword: Political system of society, the concept of "political system of society", subjects (elements) of the political system, classification on different grounds of the political system of society.

Литература по теории государства и права свидетельствует, что политико-правовая категория «политическая система общества» изложена неоднозначно, а ее многоаспектность обуславливает необходимость научного анализа различных подходов к ее содержанию.

Примечательно, что среди ученых-юристов нет единства в определении сущностного предназначения политической системы. В научных и учебных публикациях — это интеграция, объединение специальных групп и общностей с различными интересами в единое целое¹, обеспечение целостности, единства действий людей в политике², эффективное управление об-

щественными делами³, организующее воздействие на общество⁴.

Необходимо иметь в виду, что в юриспруденции наличествует мнение, которое разделяют многие теоретики права, что «сфера жизни, в которой формируются отношения по поводу завоевания, удержания и использования власти, суверенитета,

(под ред. Н. И. Матузова, А. В. Малько). М.: Юрист, 2001. С. 116; Смоленский М. Б., Борисов Г. А., Мархгейм М. В., Тонков Е. Е. Теория государства и права : учебник. 2-е изд. Ростов на Дону: Феникс, 2012. С. 186; Бошно С. В. Теория государства и права : учебник. 2-е изд. М.: Эксмо. 2011. С. 416; Селянин А.В. Теория государства и права в вопросах и ответах. Ростов на Дону: Феникс, 2014.

³ Ларин А. Ю. Теория государства и права : учебник. 2-е изд. М.: Книжный мир, 2011. С. 80.

⁴ Жуков В. Н. Государство в политической системе // Теория государства и права : учебник. Изд. 3-е. (под общей ред. О. В. Мартышина). М.: Проспект, 2016. С. 151.

¹ Иванников И. А. Теория государства и права : учебник. М.: РИОР Инфра-М, 2011. С. 133.

² Демидов А. И. Политическая система и государство // Теория государства и права : курс лекций

обеспечения свободы личности, признания и защиты собственности, является политической сферой. Все, что так или иначе вовлечено в нее, в науке определяется понятием «политическая система»¹.

К этому добавим, что политическая система — это универсальная система государственно-организованного общества, элементы которого связаны, прежде всего, политическими отношениями². Полагаем, что можно согласиться с А. В. Малько, что «любая система общества, в том числе политическая, представляет собой целостное, упорядоченное множество элементов, взаимодействие которых порождает новое качество, не присущее ее частям»³.

Не вызывает сомнения, когда политическую систему рассматривают в качестве одной из частей или подсистем совокупной общественной системы, которая взаимодействует с другими ее подсистемами: социальной, экономической, идеологической, правовой, культурной⁴.

При этом полагаем, что раскрытие предмета исследования невозможно без научного анализа авторских понятий «политическая система». Тем более, что в научной и учебной литературе наличествует широкая палитра разных по своему содержанию дефиниций. Последнее позволило сгруппировать их по двум основаниям:

а) в зависимости от полноты в определении сущностного содержания политической системы;

б) в зависимости от раскрытия содержания понятия терминами система⁵ —

совокупность⁶ — сложное (упорядоченное) структурное образование⁷.

Возникает вопрос: в каком случае использование в понятии термина «система», а в каком — «совокупность» адекватно содержанию?

В Словаре русского языка слово «система» понимается как: а) определенный порядок в расположении и связи чего-нибудь, в действиях; б) форма организации чего-нибудь; в) нечто целое, представляющее собой единство закономерно расположенных и находящихся во взаимосвязи частей; г) совокупность организаций, однородных по своим задачам или учреждений, организаций, объединенных в одно целое⁸. Более кратко вышеизложенное можно выразить следующим образом: система — это взаимодействие элементов

ства и права : терминологический словарь. Тюмень: филиал Московского института государственного управления и права, 2013. С. 22—23; Макуев Р. Х. Теория государства и права : учебник. 3-е изд. М.: Норма-М, 2010. С. 152; Бабаев В. К., Баранов В. М., Толстик В. А. Теория государства и права в схемах и определениях : учебное пособие. М.: Юристъ, 2003. С. 237.

⁶ Марченко М. Н., Дерябина Е. М. Теория государства и права : учебник для бакалавров. М.: Проспект, 2013. С. 305; Радько Т. Н. Указ. соч. С. 457; Цечоев В. К. Швандерова А. Р. Теория государства и права : учебник. М.: Прометей, 2017. С. 321; Спиридонов Л. И. Теория государства и права : учебник. М.: Проспект, 1996. С. 34; Комаров С. А., Малько А. В. Теория государства и права : краткий учебник. М.: Норма- Инфра, 1999. С. 248; Комаров С. А. Общая теория государства и права : курс лекций. 2-е изд. М., 1996. С. 113; Теория государства и права : учебное пособие (под ред. В. П. Малахова, В. Н. Казакова). М.: Академический проспект, 2002. С. 512; Ларин А. Ю. Указ. соч. С. 80; Смоленский М. Б., Борисов Г. А., Мархгейм М. В., Тонков Е. Е. Указ. соч. С. 186; Селянин А. В. Указ. соч. С. 61; Енгибарян Р. В., Краснов Ю. К. Теория государства и права : учебное пособие. 2-е изд. М.: Норма, 2010. С. 263; Власенко Н. А. Теория государства и права : учебное пособие. 2-е изд. М.: Проспект, 2015. С. 90; Васильев А. В. Теория права и государства : курс лекций. М.: РАГС, 2001. С. 147; Бошно С. В. Указ. соч. С. 416—417.

⁷ Чистяков Н. М. Теория государства и права : учебное пособие. М.: Финансовая академия при Правительстве РФ, 2010. С. 81; Чашин А. Н. Теория государства и права : учебник. М.: Дело и сервис, 2008. С. 72.

⁸ Ожегов С. И. Словарь русского языка. М.: Русский язык, 1988. С.586.

¹ Червонюк В. И. Теория государства и права: учебник. М.: Инфра-М, 2009. С. 95.

² Радько Т. Н. Теория государства и права : учебник для бакалавров. М.: Проспект, 2012. С. 454.

³ Малько А. В. Теория государства и права в вопросах и ответах. М.: Юристъ, 1999. С. 68—69.

⁴ Иванников И. А. Указ. соч. С. 134.

⁵ Венгеров А. Б. Теория государства и права : учебник. М.: Омега-Л, 2002. С. 186; Лазарев В. В., Липень С. В. Теория государства и права: учебник. М.: Спарк, 2000. С. 145; Морозова Л. А. Теория государства и права : учебник. 3-е изд. М.: Эксмо, 2009. С. 149; Теория государства и права : учебно-наглядное пособие. Тюмень: Филиал Академии права и управления в Тюмени, 2006. С. 49; Кузакбирдиев С. С. Мухаматулина Л. М. Теория государ-

системы между собой, объединенных единой целью.

В этой связи представляется, что название предмета исследования — политическая *система* (выделено нами — В.Ш.) общества — априори предполагает системные отношения между ее частями (подсистемами), т.е. их «диалектическое единство»¹.

Можно согласиться с профессором В. В. Лазаревым, когда он под подсистемами понимает сущностные основы политической системы общества: политические организации, политические нормы, политическую идеологию, политические отношения².

При этом отметим, что в подсистеме «политические организации» ее элементами выступают государственные органы, политические партии, общественные организации, а также некоторые неполитические объединения граждан, выражающие частные интересы. В ряде случаев они затрагивают острые жизненные проблемы определенной части граждан, длительно не решаемые государственными структурами. Последнее обуславливает превращение их в «своеобразные политические протестные движения». Примером могут служить объединения обманутых дольщиков при строительстве жилья, борцов против незаконных свалок бытового мусора, массовые гражданские акции против захвата частными лицами общественных территорий в местах массового отдыха граждан и пр.

Исследование показало, что термин «система» теоретики права, как правило, употребляют и в более узком смысле, т.е. фиксирования неразрывного единства государственных и негосударственных объединений, именуемых элементами (субъектами) системы и реализующих единую для них политическую функцию общества. Можно согласиться с А. Б. Венгеровым, В. В. Лазаревым, С. В. Липенем, что «по-

литическая система общества — это система государственных и негосударственных социальных институтов, осуществляющих определенные политические функции»³.

Другие теоретики права вносят ряд уточнений и дополнений к предложенному понятию. Так, профессор Л. А. Морозова уточняет предназначение политической функции — «осуществление политической власти и управление обществом». При этом реализация политической власти, по мнению профессора Р. Х. Макуева, осуществляется в соответствии с нормами права и иными социальными регуляторами. Отмечается, что субъекты политической системы взаимосвязаны и взаимодействуют между собой, а также они не только реализуют политическую власть, но и «борются за ее осуществление в рамках права через государство» (В. Д. Перевалов, В. И. Леушин, Е. Н. Бырдин).

Резюмируя изложенное, отметим, что объединяющими основаниями для понятий, в которых употребляется термин «система», является, с одной стороны, организационное единство его составных частей — социальных институтов политической системы общества, с другой, единая для субъектов системы цель — осуществление политической власти, либо оказание на нее влияния. При этом, как правило, в дефинициях авторы не отмечают другие неоднородные с социальными институтами признаки, свойства, особенности политической системы.

По нашему мнению, при использовании теоретиками права термина «система» следующее понятие отражает содержание предмета исследования: *политическая система общества* — это система государственных и негосударственных социальных институтов, которые в неразрывном единстве и взаимодействии осуществляют политическую власть и управление обществом, либо борются за ее осуществление в рамках права и иных социальных регуляторов.

¹ Беляева О. М. Теория государства и права в схемах. Ростов на Дону: Феникс, 2014. С. 37.

² Лазарев В. В. Государство в политической и правовой системе общества // Общая теория права и государства (под ред. В. В. Лазарева). Изд. 3-е, переработанное и дополненное. М.: Юристъ. 2003. С. 77.

³ Венгеров А. Б. Указ. соч. С.186; Лазарев В. В., Липень С. В. Указ. соч. С. 145.

Необходимо заметить, что значительное число правоведов организационное единство государственных органов и негосударственных субъектов политической системы рассматривают не как сложившуюся *систему* субъектов, участвующих в политической жизни страны, а как их *совокупность*.

При этом не стоит забывать, что термин «совокупность» не предполагает взаимозависимость и взаимодействие политических институтов общества, так как по своему содержанию — это объединение структурных элементов чего-нибудь разного порядка¹.

В этой связи предложена А. В. Васильевым дефиниция: «политическая система общества — это целостная упорядоченная *совокупность* (выделено нами — В. Ш.) политических институтов общества, политических отношений, процессов, принципов политической организации общества, подчиненных политическим, идеологическим, юридическим, культурным, моральным нормам, историческим традициям и установкам политического режима общества»² наиболее адекватно характеризует отмеченный нами подход.

Подобную научную позицию занимают и другие теоретики права: М. Н. Марченко и Е. М. Дерябина, В. Н. Жуков, В. Н. Хропанюк, М. Б. Смоленский, В. К. Цечоев и А. Р. Швандерева, А. В. Малько, Т. Н. Радько.

Таким образом полагаем, что термин «совокупность» применим в случае, когда автор пытается в одном понятии объединить различные аспекты политической системы общества: институциональный (организационный), функциональный, регулятивный (нормативный), идеологический (культурный), коммуникативный, при этом не рассматривая их в качестве подсистем политической системы.

В юридической науке наличествует и третья группа ученых, которая политическую систему общества не рассматривает ни в качестве *системы*, ни в качестве *совокупности* элементов системы.

Представляется, что формулировки «устойчивая форма человеческих отношений»³, «сложное структурное образование»⁴, в содержании которых ученые включают не только организационные элементы системы (государственные и негосударственные объединения), но также политические и правовые нормы, идеологию общества, политические отношения по аналогии с изложенным выше подходом охватываются термином «совокупность».

В случае, когда в содержание понятия «политическая система» авторы включают только ее организационные элементы, то такие терминологические определения как «упорядоченное объединение элементов политической системы»⁵, «взятые в единстве и взаимодействии государственные и негосударственные объединения и организации»⁶, «сложный комплекс государственных институтов и общественных организаций»⁷ можно идентифицировать с термином «система».

Вызывает обоснованное сомнение взгляды ученых, которые политическую систему понимают как *совокупную связь волевых общественных отношений*, представленных в органах государства, общественных организациях, с которыми связано осуществление государственной власти⁸, а также, когда все содержание сводится к «политической идеологии и практики взаимодействия участников полити-

³ Лазарев В. В. Государство в политической и правовой системе общества // Общая теория права и государства (под ред. В. В. Лазарева). Изд. 3-е, перераб. и доп. М.: Юрист. 2003. С. 77.

⁴ Чистяков Н. М. Указ. соч. С. 81.

⁵ Чашин А. Н. Указ. соч. С. 72.

⁶ Лушников А. М. Теория государства и права : элементарный курс. М.: Эксмо. 2010. С. 63.

⁷ Головастикова А. Н. Политическая система общества // Теория государства и права : учебник (под ред. А. С. Пиголкина, Ю. А. Дмитриева). М.: Юрайт. 2011. С. 337.

⁸ Коваленко А. И. Краткий словарь-справочник по теории государства и права. М., 1994. С. 51.

¹ Ожегов С. И. Указ. соч. С. 605.

² Васильев А. В. Указ. соч. С. 147; Бошно С. В. Указ. соч. С. 416—417.

ческого процесса ... в рамках своих полномочий и возможностей»¹.

Как уже отмечалось, политическая система общества — многоаспектное явление, для которого выработано единое понятие весьма сложно. Именно поэтому в юриспруденции политическую систему рассматривают в узком и широком содержании. Узкое содержание обуславливает исследование организационного единства элементов системы, взаимодействующих с основным элементом — государством, т.е. данная политико-правовая категория идентифицируется с институциональной основой политической системы².

Во втором случае (в широком смысле) в содержание политической системы общества ученые включают *политическую организацию общества* (государство, политические партии и движения, общественные организации и объединения и т.п.), т.е. элементы, которые охватываются институциональными основами (узким содержанием предмета исследования), а также добавляют ряд других, в частности:

— *политическое сознание*, характеризующее психологические и идеологические стороны политической власти и политической системы;

— *социально-политические и правовые нормы*, регулирующие политическую жизнь общества и процесс осуществления политической власти;

— *политические отношения*, складывающиеся между элементами системы по поводу политической власти;

— *политическую практику*, состоящую из политической деятельности и совокупного политического опыта³.

Примечательно, что содержание, идентичное изложенному, отдельные уче-

ные именуют по-другому. В частности, политические и правовые нормы, принципы, формы государственного и общественного контроля называют — *регулятивным аспектом*; политические отношения, традиции, обычаи, ритуалы — *коммуникативным и информационным аспектом*; политическое сознание и политическую культуру — *идеологическим аспектом*⁴.

Чтобы показать отличие буржуазной политической системы от современной демократической профессор Т. Н. Радько, предпринял попытку оценить в узком и широком смыслах содержания предмета:

— *в узком* — это система государственных и негосударственных организаций (партий, союзов, движений) правящего класса и его союзников, способствующих осуществлению диктатуры господствующего класса;

— *в широком* — система всех политических организаций буржуазного общества, т.е. государственных и негосударственных организаций правящего класса с его союзниками и политических организаций, противостоящих им в политической борьбе (коммунистические, рабочие и пр.), требующие смены политического строя⁵.

Итак, можно полагать, что *политическая система в узком смысле* — это целостная, упорядоченная совокупность всех государственных и негосударственных социальных институтов, осуществляющих определенные политические действия. В широком смысле ее содержание представляет собой диалектическое единство: институциональной, регулятивной (нормативной), функциональной, идеологической (культурной), коммуникативной подсистем общества, функционирующих в целях осуществления политической власти и управления обществом на основе учета и реализации социально-политических интересов классов, групп населения, наций.

Общепринято в теории права *политическую власть* рассматривать в качестве систематизирующей категории, интегри-

¹ Косаренко Н. Н. Государство и право в политической системе // Теория государства и права : учебное пособие (под ред. Е. И. Темнова). М.: Кнорус, 2007. С. 259.

² Бабаев В. К., Баранов В. М., Толстик В. А. Указ. соч. С. 237.

³ Малько А. В. Теория государства и права в вопросах и ответах. М.: Юрист, 1999. С. 69; Малько А. В., Саломатин А. Ю. Теория государства и права : учебное пособие. М.: РИОР ИНФРА- М., 2015. С.55.

⁴ Червонюк В.И. Указ. соч. С. 96.

⁵ Радько Т. Н. Указ. соч. С. 453.

рующей все составляющие (элементы) системы.

К элементам политической системы (в узком смысле) ряд ученых относят, наряду с органами государства, коммерческие организации; некоммерческие организации (общественные объединения); отдельных граждан¹. К субъектам политики (в широком смысле) — нации, классы, социальные прослойки, группы².

Заметим, что нации, классы, социальные прослойки отдельными авторами именуются *первичными субъектами политических отношений*, все остальные — *вторичными*, так как они создаются первичными субъектами для выражения и защиты своих интересов. К ним относят государство, партии, общественные организации, международные организации³.

Необходимо заметить, что В. Н. Жуков ставит под сомнение отнесение к элементам политической системы политического сознания (идеологии, норм, ценностей), так как «эти нормы не существуют вне институтов, организаций, они функционируют в определенной нормативно-ценностной среде». По его мнению, основой политической системы всегда являются социальные институты, организации, т.е. человеческие коллективы, преследующие определенные цели и деятельность которых регулируется нормами, соответствующими целям⁴. Полагаем, что подобный подход сомнителен, так как требует дополнительной аргументации.

Представляет интерес различия в воззрениях теоретиков права на структуру политической системы. Так, профессор Л. А. Морозова под политической структурой понимает *способ* связи ее элементов в единое, неделимое системное образование, т.е. установление устойчивых связей и отношений между элементами этой систе-

мы⁵. Другая группа ученых-юристов структуру определяют как *диалектическое единство четырех сторон*:

— *институциональной* (государство, политические партии, социально-экономические и другие организации, образующие в совокупности политическую организацию общества)⁶;

— *регулятивной* (право, политические нормы и традиции, отдельные нормы морали);

— *функциональной* (методы политической деятельности);

— *идеологической* (политическое сознание, идеология)⁷.

В качестве самостоятельного элемента в структуре политической системы Р. Х. Макуев отмечает внутрисистемные противоречия⁸, и таким образом предпринял попытку констатировать объективную реальность — неоднородность социальной структуры общества, для которой внутреннее саморазвитие реализуется в соответствии с философским законом о борьбе противоположностей.

Выделение двух групп субъектов политической системы: собственные политические организации и несобственные политические организации, «обладающие незначительным политическим аспектом»⁹ в теории права не вызывает сомнений.

В ряде случаев такими субъектами политической системы общества, *оказывающими опосредованное на нее влияние*, выступают профсоюзные организации при защите конституционных прав трудящих-

⁵ Морозова Л. А. Указ. соч. С. 149.

⁶ Заметим, что М. М. Рассолов, Р. Х. Макуев институциональную (организационную) подсистему рассматривают расширительно, так как в нее наряду с элементами, признаваемыми всеми учеными (государство, политические партии, общественные организации) включают СМИ, церковные организации, органы местного самоуправления, органы социального партнерства, человека // Рассолов М. М. Теория государства и права : учебник. М.: Юрайт, 2010. С. 220—221; Макуев Р. Х. Указ. соч. С.155.

⁷ Иванников И. А. Указ. соч. С. 135; Смоленский М. Б., Борисов Г. А., Мархгейм М. В., Тонков Е. Е. Указ. соч. С. 186; Морозова Л. А. Указ. соч. С. 149; Рассолов М. М. Указ. соч. С. 219.

⁸ Макуев Р. Х. Указ. соч. С. 166.

⁹ Марченко М. Н., Дерябина Е. М. Указ. соч. С. 69.

¹ Иванников И. А. Указ. соч. С. 142; Бабаев В. К., Баранов В. М., Толстик В. А. Указ. соч. С. 237.

² Бабаев В. К., Баранов В. М., Толстик В. А. Указ. соч. С. 237; Теория государства и права : учебное пособие для ВУЗов / под ред. Л. В. Смирнова. М.: Книжный мир, 2004. С. 99.

³ Черданцев А. Ф. Указ. соч. С. 97.

⁴ Жуков В. Н. Указ. соч. С. 151.

ся, средства массовой информации, акцентирующие внимание общественности на проблемах демократического развития общества, церковные организации, призывающие свою паству к соблюдению духовных основ бытия.

Возникает вопрос: многочисленные объединения граждан, функционирующих в силу личных интересов: союзы туристов, общества филателистов, автолюбителей, а также союзы предпринимателей, кооператоров, научных работников и пр., преследующих решение коллективных задач, — являются ли элементами (субъектами) политической системы?

Представляется, что на данный вопрос нет однозначного ответа, так как в современной юридической науке наличествуют два противоположных подхода.

С одной стороны, отдельные ученые названную группу рассматривают в качестве *объекта политического воздействия*¹ (выделено нами — В. Ш.) и таким образом исключают ее из состава элементов политической системы. С другой, эту группу можно условно подразделить на две подгруппы. В состав одной из них отнести объединения граждан по удовлетворению личных интересов (общества филокартистов, нумизматов, спортсменов и пр.). Полагаем, что они являются политически нейтральными элементами политической системы, хотя в отдельных случаях могут совершать единовременные опосредованные политические акты (мотокросс участников общества мотолюбителей, посвященный Дню Победы, выставка редких книг из коллекций книголюбов, посвященная знаменательной дате в истории России и пр.).

Во вторую подгруппу необходимо включить *группы давления*, под которыми понимают общественные объединения, активно добивающиеся удовлетворения собственных интересов с помощью целенаправленного воздействия на структуры политической власти². Группами давления могут выступить профсоюзы, союзы предпринимателей, объединения обманутых

вкладчиков и пр. При этом сила их давления зависит от количества членов, их финансовых возможностей, сплоченности, от престижа в обществе. Их главная характеристическая особенность — они не ставят перед собой задачу овладения властью. Свою деятельность они рассматривают в качестве вспомогательного механизма навязывания властям решений в интересах тех социальных групп, интересы которых они представляют (предпринимателей, кооператоров, научных работников)³.

В то же время спорно относить к группе давления *социальную элиту*⁴, ввиду отсутствия организационно-правовых форм ее нормативного закрепления.

Взгляды теоретиков права на организационную структуру политической системы идентичны. Как правило, выделяют следующие политические единицы: государство; политические партии; общественные объединения (профсоюзы, союзы предпринимателей, иные объединения — молодежные, женские, спортивные, творческие, ветеранов, инвалидов, массовые общественные движения); церковь; органы местного самоуправления; граждан или народ.

Примечательно, что в формулировках понятия выделение в качестве субъекта политической системы института непосредственной демократии, через которые народ участвует в управлении обществом и государством⁵, является исключением из общих правил.

Можно констатировать, что наиболее серьезные расхождения взглядов ученых-юристов наблюдается в отношении состава элементов системы. При этом необходимо согласиться со М. Б. Смоленским, что «в политическую систему общества входят не все и не всякие общественные объединения, а только те, которые юридически при-

³ Малько А. В., Саломатин А. Ю. Указ. соч. С. 63—65; Черданцев А. Ф. Указ. соч. С. 99; Косаренко Н. Н. Государство и право в политической системе // Теория государства и права : учебное пособие (под ред. Е. И. Темнова). М.: Кнорус, 2007. С. 261.

⁴ Рассказов Л. П. Указ. соч. С. 131.

⁵ Горбатов Н. А., Кучинский В. А. Общая теория права: Основные понятия и логические схемы. Минск, 1996. С. 22.

¹ Марченко М. Н., Дерябина Е. М. Указ. соч. С. 306.

² Цечоев В. К., Швандерова А. Р. Указ. соч. С. 101.

знаны, т.е. легитимированы, получили официальный правовой статус»¹.

Примечательно, что неоднозначность научных взглядов ученых-юристов наблюдается только в отношении таких субъектов, как трудовые коллективы, средства массовой коммуникации, органы местного самоуправления, а также в признании коммерческих и других финансово-хозяйственные организации самостоятельными организационными элементами системы.

Необходимо заметить, что такой элемент политической системы как «трудовые коллективы» выделяют только несколько ученых², что, по нашему мнению, объяснимо. Трудовой коллектив, как элемент политической системы, присущ советскому периоду развития нашей страны, так как в соответствии с общесоюзным законом «О трудовых коллективах» последние были правомочны участвовать в политической и правоохранительной деятельности: от своего имени выдвигать кандидатов в народные депутаты, в кандидаты заседателей народных судов, брать на поруки лиц, осужденных народным судом.

В настоящее время правовые основания подобной деятельности отменены и поэтому сомнительно полагать, что в условиях частной собственности на средства производства трудовой коллектив может являться самостоятельным субъектом политической системы современного общества.

Вызывает интерес тот факт, что выделение в качестве самостоятельного элемента политической системы средств массовой коммуникации (далее — СМИ) не получило широкого распространения³. Со

своей стороны, полагаем, что независимые СМИ — полноправный субъект политической деятельности современного общества, так как они могут выступать как в качестве эффективного инструмента осуществления демократического процесса, так и средства манипулирования общественно-политическим мнением.

Неоднозначное отношение теоретиков права к выделению в качестве элементов политической системы коммерческих организаций⁴, промышленно-финансовых групп⁵. У основной массы теоретиков права подобное подходы вызывают обоснованное сомнение, с которым можно согласиться. Дело в том, что основной целью коммерческой организации является извлечение прибыли, а не участие в политической деятельности. Однако нельзя отрицать, что коммерческие организации в отдельных случаях могут оказывать опосредованное влияние на содержание политической жизни общества (финансирование в период избирательной кампании той или иной политической партии, независимого кандидата в депутаты).

Широкий арсенал организационно-правовых форм общественных объединений — общественных организаций, общественных движений, общественных фондов, общественных учреждений, политических партий, органов общественной самодеятельности, союзов (ассоциаций) общественных объединений обуславливает вопрос: охватывают ли они своим содержанием органы местного самоуправления?

Общепринято в юриспруденции считать органами общественной самодеятельности «не имеющие членства общественные объединения, целью которых является совместное решение различных социальных проблем, возникающих у граждан по месту жительства, работы или учебы...»⁶.

¹ Смоленский М. Б. Теория государства и права : учебник. М.: Инфра-М., 2013. С. 104.

² Малько А. В. Указ. соч. С. 69; Малько А. В., Саломатин А. Ю. Указ. соч. С. 55; Рассказов Л. П. Указ. соч. С. 131; Хропанюк В. Н. Теория государства и права : учебник (3-е изд, дополненное, исправленное). М.: Интерстиль, 2008. С. 46; Лазарев В. В., Липень С. В. Указ. соч. С. 146.

³ СМИ выделяют следующие ученые: Протасов В. Н. Теория права и государства : краткий курс лекций. М.: Юрайт, 2012. С. 456—463; Жуков В. Н. Указ. соч. С. 151; Малько А. В., Саломатин А. Ю. Указ. соч. С. 57; Чашин А. Н. Указ. соч. С. 72; Во-

ронцов Г. А. Теория государства и права: краткий курс. Ростов на Дону: Феникс, 2012. С. 65—66.

⁴ Бабаев В. К., Баранов В. М., Толстик В. А. Указ. соч. С. 238.

⁵ Лазарев В. В., Липень С. В. Указ. соч. С. 154—155 Ларин А. Ю. Указ. соч. С. 81—82.

⁶ Бабаев В. К., Баранов В. М., Толстик В. А. Указ. соч. С. 240.

В учебной литературе предпринимались попытки раскрыть названную проблему. Так, А. В. Малько и А. Ю. Соломатин ее изложили в специальном параграфе «Государство и органы местного самоуправления». Однако из текста ясного ответа не вытекает: признают ли авторы органы местного самоуправления в качестве самостоятельного структурного элемента политической системы общества или нет¹. Такую же неясную научную позицию по этому вопросу занимает и профессор Т. Н. Радько.

Необходимо констатировать и другой взгляд. Ряд теоретиков права (В. В. Лазарев и С. В. Липень, А. В. Малько, А. Н. Чашин, А. В. Васильев, Н. А. Власенко, А. И. Василенко, М. В. Максимов, Н. М. Чистяков) признают органы местного самоуправления в качестве субъекта политической системы, с чем можно согласиться. Его характерными признаками являются: представительный характер, правомочия на локальное нормотворчество, организационная и финансовая самостоятельность. В своей деятельности местное самоуправление взаимодействует с государством на основе принципов невмешательства государства в их деятельность и правовой защите от него, правомочий на самостоятельное определение своей структуры и форм деятельности.

Как отмечалось ранее, политическая система общества — многоаспектное социально-политическая и правовая категория, которую с научной точки зрения несостоятельно классифицировать по одному основанию. Именно поэтому в теории права политическая система дифференцируются по разным основаниям, которые, по нашему мнению, можно сгруппировать.

Полагаем, что в первую группу можно включить дифференциацию политических систем, предложенную И. А. Иванниковым, Е. Н. Бырдиным, О. М. Беляевой, В. Д. Переваловым, А. Н. Головастиковой, в зависимости от общественно-экономической формации общества на ра-

бовладельческие, феодальные, буржуазные и социалистические,

В другой группе основаниями классификации являются характерные признаки, присущие содержанию понятия «форма государства». К таким основаниям относятся:

а) по характеру *социально-экономических отношений* (А. Б. Венгеров, А. Ю. Ларин):

— *тоталитарная политическая система* (у власти находится одна господствующая партия, наличествует единая идеология, общественные организации являются проводниками государственной политики, индивид подчинен коллективу, государство контролирует все сферы жизни общества);

— *либерально-демократическая система* (обеспечивает права и защищает собственность; партии приходят к власти в силу поддержки их гражданами; права и свободы человека — первостепенны для защиты; имущественное состояние человека предопределяет его политическое положение в обществе);

б) *в зависимости от политического режима*: на демократические и антидемократические (И. А. Иванников, Е. Н. Бырдин, О. М. Беляева, В. Д. Перевалов, А. Н. Головастикова);

в) *в зависимости от территориального и географического положения*: европейские, азиатские, североамериканские и другие региональные (М. Б. Смоленский, В. Д. Перевалов, Е. Н. Бырдин);

г) *в зависимости от характера взаимоотношений с внешней средой* — открытые и закрытые (А. Б. Венгеров, О. М. Беляева, С. В. Бошно, А. Н. Головастикова).

В третьей группе основаниями классификации выступают характерные черты политической системы общества, в частности:

а) *степень участия элементов системы в политической жизни* (В. В. Лазарев и С. В. Липень, М. Н. Марченко):

— *собственно политические*, выражающие политические интересы определенных классов, групп, социальных общ-

¹ Малько А. В., Соломатин А. Ю. Указ. соч. С. 58.

ностей (государство, политические партии, ряд общественных организаций);

— *не собственные политические организации*. В своих учредительных документах они не закрепляют политические цели деятельности, но могут в определенных случаях опосредовано принимать участие в политических акциях (движениях);

— *организации, функционирующие на основе личных склонностей и интересов отдельных слоев, личностей к занятию определенной деятельностью* (нумизматы, туристы, филателисты и пр.);

б) *реализация целей политической системы с использованием следующих управленческих моделей* (М. Б. Смоленский):

— *командной системы* с директивным стилем управления обществом, администрированием, широким использованием принуждения;

— *соревновательной*, при наличии политического противостояния, противоборства различных сил, их состязательность в политическом процессе;

— *социоприменительной*, характеризующейся поиском компромисса и консенсуса между элементами (субъектами) системы¹;

в) к изложенному выше добавим основания, предложенные В. Н. Жуковым:

— *в зависимости от адаптационных способностей системы*: устойчивые и неустойчивые;

— *в зависимости от интенсивности публичной политической жизни*: развитые и неразвитые;

— *в зависимости от временного периода смены политической системы* — статичные и динамичные.

В юриспруденции наличествует и другие основания классификации политической системы общества, но так как они не получили в науке широкого распространения, они опускаются.

Итак, исследование позволяет сформулировать следующие выводы:

1. Многоаспектность содержания политико-правовой категории «политическая система общества» объективно не позво-

ляет сформулировать единое интегративное понятия предмета исследования.

2. Политическая система общества интегрируют в своем содержании не только организационное единство всех ее субъектов, ее целеполагание, но также соответствующие политические отношения, основанные на правовых и иных нормах.

3. Эффективное взаимодействие субъектов (элементов) политической системы общества обеспечивает реализацию ее сущностных основ — управление общественными делами на основе объединения социальных групп и общностей с различными интересами в единое целое, обеспечение их единства в действии.

4. Классификация по разным основаниям политической системы общества обусловила выделение ряда групп в их составе.

Библиография

1. Бабаев, В. К. Теория государства и права в схемах и определениях : учебное пособие / В. К. Бабаев, В. М. Баранов, В. А. Толстик. — М.: Юристъ, 2003.
2. Дробышевский, В. С. Теория права Китая: традиции и новации : монография / В. С. Дробышевский, Ю. Н. Туганов, О. П. Гуменюк. — Иркутск-Чита, 2005. — 297 с.
3. Иванников, И. А. Теория государства и права : учебник / И. А. Иванников. — М.: РИОР, Инфра-М, 2011.
4. Казаков, В. Н. Теория государства и права : учебник / В. Н. Казаков, Р. В. Казаков, Ю. Н. Туганов, В. М. Шамаров. — Калуга: «Ваш Домь», 2016. — 534 с.
5. Лазарев, В. В. Теория государства и права : учебник / В. В. Лазарев, С. В. Липень. — М.: Спарк, 2000.
6. Ларин, А. Ю. Теория государства и права : учебник. 2-е изд. / А. Ю. Ларин. — М.: Книжный мир, 2011.
7. Макуев, Р. Х. Теория государства и права : учебник. 3-е изд. / Р. Х. Макуев. — М.: Норма-М., 2010.
8. Малько, А. В., Саломатин А. Ю. Теория государства и права : учебное пособие / А. В. Малько, А. Ю. Саломатин. — М.: РИОР ИНФРА- М, 2015.
9. Марченко, М. Н. Теория государства и права : учебник для бакалавров / М. Н. Марченко, Е. М. Дерябина. — М.: Проспект, 2013.
10. Морозова, Л. А. Теория государства и права : учебник. 3-е изд. / Л. А. Морозова. — М.: Эксмо, 2009.

¹ Смоленский М. Б. Указ. соч. С. 105; Теория государства и права / под ред. Л. В. Смирнова. С. 105.

11. Радько, Т. Н. Теория государства и права : учебник для бакалавров / Т. Н. Радько. — М.: Проспект, 2012.

12. Рассказов, Л. П. Теория государства и права : учебник / Л. П. Рассказов. — М.: Риор, 2008.

13. Рассолов, М. М. Теория государства и права : учебник / М. М. Рассолов. — М.: Юрайт, 2010.

14. Смоленский, М. Б. Теория государства и права : учебник / М. Б. Смоленский. — М.: Инфра-М, 2013.

15. Смоленский, М. Б. Теория государства и права : учебник. 2-е изд. / М. Б. Смоленский, Г. А. Борисов, М. В. Мархгейм, Е. Е. Тонков. — Ростов на Дону: Феникс. 2012.

16. Теория государства и права : учебник / под общей ред. О.В. Мартышина. Изд. 3-е. — М.: Проспект. 2016.

17. Цечоев, В. К. Теория государства и права : учебник / В. К. Цечоев, А. Р. Швандерова. — М.: Прометей. 2017.

18. Червонюк, В. И. Теория государства и права : учебник / В. И. Червонюк. — М.: Инфра-М. 2009.

19. Черданцев, А. Ф. Теория государства и права : учебник / А. Ф. Черданцев. — М.: Юрайт, 2011.

20. Шамаров, В. М. К вопросу о содержании понятия «политическая система общества» / В. М. Шамаров. — Военное право. — 2020. — № 2.

Военно-административное право

Группировка войск как полноценная военно-административная единица Вооруженных Сил Российской Федерации

© Бударин Ярослав Сергеевич,
Военнослужащий Минобороны России
© Никонович Сергей Леонидович,
доктор юридических наук, доцент Военный университет Минобороны России
© Щелаков Павел Владимирович,
военнослужащий Минобороны России

Аннотация. В качестве исходной гипотезы в работе принято предположение, что группировка войск в современных условиях повседневной деятельности, локальных войн и вооруженных конфликтов является полноценным самостоятельно хозяйствующим субъектом, который эффективно выполняет задачи, поставленные центральным органом управления Вооруженными Силами Российской Федерации.

Ключевые слова: Вооруженные Силы Российской Федерации, сетцентрическая парадигма управления, многодоменные операции, группировка войск.

Grouping of troops as a full-fledged military-administrative unit of the Armed Forces of the Russian Federation

© Budarin Y. S.,
serviceman of the Russian Defense Ministry
© Nikonovich S. L.,
Doctor of Law, Associate Professor the Military University of the Ministry of Defense of Russia
© Shchelakov P. V
serviceman of the Ministry of Defense of Russia

Annotation. As an initial hypothesis, the paper assumes that the grouping of troops in modern conditions of daily activity, local wars and armed conflicts is a full-fledged independent economic entity that effectively performs the tasks set by the central control body of the Armed Forces of the Russian Federation (Armed Forces of the Russian Federation).

Keywords: the Armed Forces of the Russian Federation, network-centric management paradigm, multi-domain operations, grouping of troops.

В эпоху развития сетцентрической парадигмы управления¹ и тактики боевого

¹ Сетцентрический фронт (Боевые действия в едином информационном пространстве) // Национальная оборона – официальный журнал форума Army 2021 [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://oborona.ru/includes/periodics/maintheme/2011/0210/21125558/detail.shtml>

роя² старые механизмы и инструменты управления в Вооруженных Силах Российской Федерации становятся менее актуальными. Устаревшие догмы принятия решения командиром на основе динамиче-

² ACCS See deployable air command and control system component. // North Atlantic Treaty Organization [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.nato.int/docu/glossary/eng/15-main.pdf>

ски развивающейся экспозиции поля боя теряют свои ключевые особенности в связи с тем, что противник имеет возможность распределять силы и средства по всему фронту соприкосновения в режиме реального времени, при этом использовать каждую боевую единицу в качестве субъекта дестабилизации точек соприкосновения.

Для этих целей могут быть использованы боевые дроны, управляемые тактические платформы, автоматические средства поражения и т. д. Концепция многодоменных (многосферных) операций (Multi-Domain Operation, MDO), впервые опубликованная в октябре 2017 г.¹, предполагает инновационный подход в вооруженных конфликтах, что подчеркивает необходимость преобразований в связи с практической реализацией новых принципов использования вооруженных сил НАТО и системы Geoint² в перспективном будущем. Концепция предлагает комплексное применение интегрированных ударных систем и средств поражения, что лишает командиров возможности объективно и своевременно принимать решения, создавать условия для отражения «многосферной операции» соответствующим подразделением. В результате командир получает критический объем информации на поле боя, который невозможно быстро и эффективно проанализировать, что приводит к инфернальным решениям и повышает вероятность больших потерь личного состава, техники и ресурсов.

В данных условиях современная российская военная наука делает основной акцент на принципы творческого подхода³ командиров к решению поставленных задач в любых условиях обстановки. Однако общевоинские и боевые уставы Вооружен-

ных Сил Российской Федерации теоретически исключают данную возможность. При этом стоит отметить, что творческий подход является уникальной ситуационной апорией в конкретно взятом моменте боевых действий или при решении текущих задач. Необходимость применения творческого подхода возникает в результате нарушения целостности логистической системы управления и всестороннего ее обеспечения.

Акцентируя внимание на творческом подходе, мы нарушаем идиому классических принципов управления, что приводит к неоправданным потерям на поле боя, снижению боеготовности Вооруженных сил, а также формальному выполнению текущих задач. Именно поэтому требуются концептуальные изменения в управленческую модель Вооруженных Сил, основанную на целостном информационном поле всех звеньев управления и всестороннего обеспечения всех взаимодействующих субъектов. В связи с этим информационные технологии должны позволять обобщать информацию в ходе боя (повседневной деятельности), анализировать ее на участке ответственности и передавать в единый центр, где с учетом оперативных и стратегических данных в режиме реального времени предлагается наиболее верное решение в текущих условиях обстановки. Эта теория основана на принципе суперпозиции и описана в сетцентрической парадигме управления с применением суперкомпьютера Национального центра управления обороной Российской Федерации⁴.

Применение новых технологических и теоретических принципов управления будет способствовать формированию нового облика армии России. В свою очередь инновационные технологические аспекты потребуют системного подхода к изменению концептуальной управленческой модели, что позволит нарастить качественный потенциал без существенных изменений количественного состава Вооруженных Сил Российской Федерации. Какие

¹ Стучинский В. И., Корольков М. В. Обоснование боевого применения авиации для срыва интегрированного массированного воздушного удара в многосферной операции противника // Воздушно-космические силы. Теория и практика. 2020. № 16. С. 29—36.

² Geoint // National Geospatial-Intelligence Agency [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.nga.mil>

⁴ Трушин В. В. О творческом подходе к управлению войсками (силами) // Военная мысль. 2020. № 8. С. 6—19.

изменения необходимо внести в систему управления Вооруженными Силами? На этот вопрос авторы постараются дать ответ в данной статье.

С целью обеспечения национальной безопасности Российской Федерации и выхода армии России на качественно новый уровень, отвечающий современным геополитическим вызовам, предлагается пересмотреть концептуальную основу Вооруженных Сил Российской Федерации, под которой понимаются основные принципы управления и разделения армии России на виды и рода войск. В качестве проблематики действующей концепции выдвигается предположение, что существующая система управления Вооруженными Силами имеет ряд недостатков, которые пагубно сказываются на сдерживании военных и военно-политических угроз безопасности или посягательств на интересы Российской Федерации, защиты экономических и политических интересов России.

Подобная ситуация не является критической, но вносит определенный дисбаланс в целостность управленческой системы Вооруженных Сил Российской Федерации. Теоретический аспект данной проблематики навязан, как отмечает Министр обороны Российской Федерации С. К. Шойгу, «другим типом вооруженной борьбы, принципиально отличающейся от классических войн», а также новыми «трендами» военного искусства: «огневая тактика», «огневой перевес», «многодоменная операция». Так, к примеру, в современном бою огневой перевес достигается не за счет сосредоточения огня, превосходящего количества средств поражения, а путем более качественной его подготовки и ведения¹.

Анализируя опыт боевых действий в Сирии, необходимо решить проблему наращивания боевых возможностей подразделений, частей и соединений как сирийских, так и отечественных сухопутных

войск, повышения эффективности ведения ими боя (операции) по соотношению затратность — результативность². Но не стоит рассматривать изменения только в плоскости сухопутных войск.

Проблема наращивания боевых возможностей подразделений является комплексной и её стоит рассматривать применительно к группировке войск, так как применение сухопутных войск без поддержки в современных условиях является больше частностью, а не общемировой практикой. Опыт ведения боевых действий с незаконными вооруженными формированиями в Сирийской Арабской Республике демонстрирует концептуальные отличия от классических войн и антитеррористических операций. Сегодня боевики представляют собой не просто наемников без целостной системы управления, а эффективную группу, выполняющую протоколы сети. Контроль территории и объектов происходит за счет распределения сил и средств между всеми субъектами незаконных вооружённых формирований, и в сочетании с тактикой боевого роя подразделения противника достигают значительных успехов. При этом координация действий каждого субъекта боевых действий происходит за счет единого центра, что при общей архаичности боевых групп нейтрализует техническое и тактическое превосходство регулярных войск. Незаконные вооруженные формирования отличаются более высокой мобильностью и автономностью, каждый субъект боевого роя является полноценной боевой единицей, способной выполнять боевую задачу, обладая целостной информацией о тактической и оперативной экспозиции поля боя.

Например, вооруженный конфликт в Нагорном Карабахе между Республикой Арменией и Азербайджанской Республикой на практике демонстрирует использование новых технологий и эффективное применение Вооруженных сил Азербайджана в современном бою. Использование

¹ Никонович С. Л., Докучаев О. В., Бударин Я. С. Искусственный интеллект в системе управления обороной Российской Федерации: проблемы военно-административной регламентации // Вестник военного права. 2020. № 1. С. 50—56.

² Троценко К. А. Боевые действия в Сирии — развитие способов ведения общевойскового боя и операции или частный случай? // Военная мысль. 2020. № 11. С. 6—24.

межвидовых ударных контуров, сети беспилотных летательных аппаратов, а также информационно-технологическая координация боевых единиц в режиме реального времени позволили Вооруженным силам Азербайджана достигнуть колоссального превосходства над Вооруженными силами Армении¹. Исходя из хронологии и сводок боевых действий в Нагорном Карабахе², можно сделать вывод о новом принципе применения современного оружия.

По официальным данным Республикой Арменией было уничтожено 257 беспилотных летательных аппаратов (БПЛА) и дронов, а количество объектов, пораженных с помощью автоматизированных беспилотных средств доставки боеприпасов и разведки, составило более 300 единиц техники и вооружения, что экономически является более затратным и приводит к значительному снижению потенциала вооруженных сил³. Потери Республики Армения связаны с точечным распределением средств уничтожения беспилотных летательных аппаратов и применением подразделений в соответствии с догмами XX в. Это говорит о необходимости предусматривать специализированные боевые единицы по противодействию (уничтожению) БПЛА в составе каждого подразделения и пересмотра теоретических аспектов ведения боевых действий. Кроме того, применение оружия Азербайджанской Республикой было акцентировано именно на качественные точечные удары, а не на массовое поражение районов соприкосновения. Данный подход позволяет нарушить идиому классического применения подразделений в вооруженном кон-

фликте (на 1 единицу обороняющейся стороны приходится 3 единицы наступающей стороны). Азербайджанская Республика продемонстрировала подход с применением именно новых принципов применения современного вооружения. Это говорит о фундаментальных изменениях военной науки на постсоветском пространстве.

Примеры ведения вооруженной борьбы отражают концептуальную эволюцию в применении вооруженных формирований и средств огневого поражения в ходе боевых действий. Особую значимость приобретает формирование систем межвидовых разведывательно-ударных контуров⁴, которые позволяют достичь качественного информационного превосходства над противником. В совокупности с опытом боевых действий в современных вооруженных конфликтах, парадигмой сетецентрического управления и тактикой боевого роя они создают предпосылки к фундаментальной трансформации управленческой модели Вооруженных Сил. Под тактикой боевого роя стоит понимать применение вооруженных формирований (боевых единиц) в ходе боевых действий или в мирное время как самостоятельных равнозначных единиц с регламентированной структурой, заключенной в протоколы сети. При этом боевой порядок представляет собой динамически развивающуюся архаичную боевую организацию в зависимости от складывающейся обстановки.

В связи с этим возникает вопрос: возможно ли сформировать боевой рой в масштабе Вооруженных Сил Российской Федерации? Информационные технологии позволяют это сделать, объединив все формирования в единую информационную сеть с использованием принципов многодоменной операции. В данном случае теряется концептуальная основа деления на виды и рода войск, так как:

— во-первых, применение воинских формирований в вооруженных конфликтах в любом случае требует интеграции и вза-

¹ Ильхам Алиев обратился к народу 26 октября 2020 // Президент Азербайджанской Республики Ильхам Алиев [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://ru.president.az/articles/44435>

² Сотни танков и артсистем: Подсчитаны потери сторон в Нагорном Карабахе 12 ноября 2020 // Репортер [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://topcor.ru/17336-sotni-tankov-i-artsistem-podschitany-poteri-storon-v-nagornom-karabahe.html>

³ 30 дней войны: хронология боевых действий в Арцахе 27 Октября 2020 // Новости-Армения [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://newsarmenia.am/news/analytics/khronologiya-mesyatsa-voyny-v-artsakhe-osnovnye-sobytiya/>

⁴ Ананьев А. В., Филатов С. В., Петренко С. П. Формирование системы межвидовых разведывательно-ударных контуров // Военная мысль. 2020. № 8. С. 29—36.

имодействия всех субъектов вооруженной борьбы как единого целого;

— во-вторых, разделение приводит к потере целостности логистической системы управления и всестороннего обеспечения на театре боевых действий или во время повседневной деятельности;

— в-третьих, в современных условиях это несопоставимый карт-бланш ресурсов и времени для вероятного противника по сравнению с вероятными потерями своих войск, пока они будут объединяться в единую группировку, фронт и т. д.;

— в-четвертых, экономическая нецелесообразность и непрактичность текущего распределения на виды и рода войск, в контексте распределения финансовых ресурсов.

В связи с этим возникает необходимость формирования группировки войск по принципу самодостаточных боевых единиц, что позволит значительно сократить время на боевое слаживание, приведение в высшие степени боевой готовности и формирование единого информационного поля.

При этом под группировкой войск в военной науке принято понимать развернутые (расположенные) на театре военных действий (стратегическом, а также операционных направлениях или в каком-либо районе) в соответствии с замыслом предстоящих действий объединений, соединений и частей различных видов Вооруженных Сил, родов войск, специальных войск, а также тыла, предназначенных для выполнения боевых задач в операциях (боевых действиях). Группировка войск по масштабу могут быть стратегической, оперативной и тактической. По предназначению группировка войск подразделяется на главную — для действий на наиболее важном направлении (в районе) и включающую обычно большую часть сил и средств, и другие — для выполнения задач на второстепенных направлениях (в районах). По видам военных действий группировка войск может быть оборонительная, контрударная, контрнаступательная (наступательная) для проведения соответственно оборонительных, контрнаступательных (наступательных) операций. По видам Во-

оруженных Сил и родам войск различают группировки Сухопутных войск, ВВС, сил флота, ракетных войск, артиллерийских, специальных войск и др.¹

Авторы предлагают трактовать группировку войск как расширенное понятие деления Вооруженных Сил Российской Федерации. Группировка войск — это боевая единица (объединение) в масштабе Вооруженных Сил, формируемая по принципу равнозначности и подчиненная центральному органу военного управления Вооруженными Силами. Она располагается на территории Российской Федерации или союзного государства и включает в себя военно-административный аппарат и три группировки войск первого порядка. Расположение группировки войск строится по принципу равноудаленности в радиусе 100 км с хорошо налаженными основными и резервными средствами логистики и коммуникаций, позволяющими в кратчайшие сроки прибыть из пункта постоянной дислокации в любую точку мира, находящуюся в сфере политических и экономических интересов Российской Федерации, и выполнить поставленную задачу без дополнительных средств поддержки и обеспечения. Группировка войск находится в едином информационном поле взаимодействия Вооруженных Сил, обеспечивающем целостность системы управления и координацию огневого поражения. Принцип равнозначности основывается на формировании группировки войск 1-го, 2-го, 3-го, 4-го порядка и вооруженных формирований 1-го порядка сбалансированными средствами огневого поражения, разведки, доставки и выдачи, всесторонней защиты и всестороннего обеспечения. Организационная структура войск включает группировки войск 1-го, 2-го, 3-го, 4-го порядка. Вооруженные формирования 1-го порядка должны обеспечиваться равнозначной численностью техники и штатной численностью в масштабах Вооруженных Сил

¹ Энциклопедия МО РФ // Министерство Обороны Российской Федерации [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://encyclopedia.mil.ru/encyclopedia/dictionary/details.htm?id=5761@morfDictionary>

Российской Федерации, за исключением средств доставки ядерного оружия. Это означает, что две группировки войск абсолютно идентичны и взаимозаменяемы с позиции формирования по горизонтали и вертикали иерархической структуры группировки войск. В условиях нарушения целостности логистических и коммуникационных связей вводятся протокольные действия, регламентирующие порядок выполнения задач в типовых обстановках, дающие командирам возможность выполнять стандартные алгоритмы и в исключительных случаях проявлять творческий подход. Предлагаемое количество группировок войск в масштабах Вооруженных Сил Российской Федерации составляет от 27 до 35 единиц по 30—35 тыс. человек в каждой, что позволит исключить вероятные масштабные сокращения и реорганизовать армию России с минимальными ресурсными потерями. Безусловно, потребуется строительство или модернизация действующих пунктов постоянной дислокации соединений, объединений под предъявляемые требования, но это позволит России закрепить за собой статус сильнейшей армии мира до конца XXI в., а также исключить нецелесообразные экономические потери.

Возвращаясь к составляющим предлагаемой боевой единицы группировки войск, раскроем элементы предлагаемой концептуальной основы:

— *военно-административный аппарат* — функциональное формирование, включающее штаб группировки войск и военно-административный персонал, обеспечивающий деятельность группировки войск как самостоятельного хозяйствующего субъекта;

— *группировка войск первого порядка* — боевая единица (соединение) в масштабе Вооруженных Сил Российской Федерации. Она формируется по принципу равнозначности и подчиняется штабу группировки войск, при этом может быть подчинена напрямую центральному органу военного управления Вооруженными Силами. Территориально располагается в зоне логистических и коммуникационных связей группировки войск, включает в себя

военно-административный аппарат первого порядка и три группировки войск второго порядка;

— *военно-административный аппарат первого порядка* — функциональное формирование, включающее штаб группировки войск первого порядка и военно-административный персонал, обеспечивающий деятельность группировки войск первого порядка как самостоятельно хозяйствующего субъекта;

— *группировка войск второго порядка* — боевая единица (полк) в масштабе Вооруженных Сил Российской Федерации. Она формируется по принципу равнозначности и подчиняется штабу группировки войск первого порядка, при этом может быть подчинена напрямую центральному органу военного управления Вооруженными Силами. Территориально располагается в зоне логистических и коммуникационных связей группировки войск, включает в себя военно-административный аппарат второго порядка и три группировки войск третьего порядка;

— *военно-административный аппарат второго порядка* — функциональное формирование, включающее штаб группировки войск второго порядка и военно-административный персонал, обеспечивающий деятельность группировки войск второго порядка как самостоятельно хозяйствующего субъекта;

— *группировка войск третьего порядка* — боевая единица (батальон) в масштабе Вооруженных Сил Российской Федерации. Она формируется по принципу равнозначности и подчиняется штабу группировки войск второго порядка, при этом может быть подчинена напрямую центральному органу военного управления Вооруженными Силами. Территориально располагается в зоне логистических и коммуникационных связей группировки войск, включает в себя военно-административный аппарат третьего порядка и три группировки войск четвертого порядка;

— *военно-административный аппарат третьего порядка* — функциональное формирование, включающее штаб группировки войск третьего порядка и военно-

административный персонал, обеспечивающий деятельность группировки войск третьего порядка как самостоятельно хозяйствующего субъекта;

— *группировка войск четвертого порядка* — боевая единица (рота) в масштабе Вооруженных Сил Российской Федерации. Она формируется по принципу равнозначности и подчиняется штабу группировки войск третьего порядка, при этом может быть подчинена напрямую центральному органу военного управления Вооруженными Силами. Территориально располагается в зоне логистических и коммуникационных связей группировки войск, включает в себя военно-административный аппарат четвертого порядка и три вооруженных формирования;

— *военно-административный аппарат четвертого порядка* — функциональное формирование, включающее штаб группировки войск четвертого порядка и военно-административный персонал, обеспечивающий деятельность группировки войск четвертого порядка как самостоятельно хозяйствующего субъекта;

— *вооруженное формирование* — боевая единица (взвод) в масштабе Вооруженных Сил Российской Федерации. Оно формируется по принципу равнозначности и подчиняется штабу группировки войск четвертого порядка, при этом может быть подчинено напрямую центральному органу военного управления Вооруженными Силами. Территориально располагается в зоне логистических и коммуникационных связей группировки войск, включает в себя командование вооруженным формированием и три вооруженных формирования первого порядка;

— *вооруженное формирование первого порядка* — боевая единица (отделение) в масштабе Вооруженных Сил Российской Федерации. Оно формируется по принципу равнозначности и подчиняется командованию вооруженного формирования. Территориально располагается в зоне логистических и коммуникационных связей группировки войск, включает в себя командование вооруженным формированием первого порядка и боевые двойки—тройки.

С целью апробации представленной концепции формирования Вооруженных Сил Российской Федерации как полноценной военно-административной единицы на платформе IrisZoom¹ было смоделировано боевое применение группировки войск 4-го порядка во встречном бою против мотопехотного батальона США, танковой роты США, средств артиллерийской и авиационной поддержки. Модель действий продемонстрировала высокую эффективность применения своих сил и неспособность искусственного интеллекта провести удачное наступление по всему фронту соприкосновения. Выборка с модели была проведена из десяти модельных ситуаций боевого столкновения. Это подчеркивает гипотетическую эффективность применения концептуально новых подходов к формированию Вооруженных Сил Российской Федерации. Теоретически можно предположить, что это частный случай, но опыт ведения вооруженной борьбы подчеркивает именно данную тенденцию.

Безусловно, в рамках выше обозначенных концептуальных изменений необходимо пересмотреть, переработать, исключить требования некоторых руководящих и регламентирующих документов Министерства обороны Российской Федерации. Данные документы требуют единого подхода вне зависимости от вида и рода войск, позволит исключить возможности массового творческого подхода в органах военного управления во время повседневной и боевой деятельности. Формулировки юридической транскрипции типа «обязан», «отвечает» необходимо использовать в односложной регламентированной деятельности военнослужащих, заключенной в протокольные рамки Вооруженных Сил Российской Федерации. В настоящее время в связи с отсутствием данной регламентации в армии России наблюдается совокупность ряда проблем: формализм, бюрократизм, правовой нигилизм в отношении

¹ IrisZoom // Eugen Systems [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.eugensystems.com/about-eugen-systems/>

военнослужащих¹, что приводит к дискриминации военной службы и снижению профессионализма армии. Это связано с устаревшими догмами военного управления, основанными на принципе единоначалия и не предполагающими гибкости в решении поставленных задач.

В данном случае эффективность и продуктивность являются косвенными управленческими параметрами, главное — достижение цели любой ценой. Эта апория возникла исторически, в процессе становления военной мысли в Российской империи, а впоследствии и в СССР. Российская армия как последователь военных традиций переняла этот опыт и применяет по сей день. Важно заложить в основу руководящих и регламентирующих документов Министерства обороны Российской Федерации протокольные действия каждого военнослужащего с профессиональным подходом и персональной ответственностью за выполнение задач. В результате, основываясь на профессионализме каждого военнослужащего как исполнителя протокольных действий, мы сможем повысить качество выполнения задач и отойти от методов ручного контроля с постоянными проверками, не имеющими ни практической, ни экономической целесообразности.

Таким образом, можно констатировать, что группировка войск в современных условиях может функционировать как полноценная военно-административная единица в масштабе Вооруженных Сил Российской Федерации. Данная теория требует концептуальных изменений в управленческой системе и принципах формирования Вооруженных Сил. Дополнительно возникает необходимость пересмотра, переработки, исключения требований некоторых руководящих и регламентирующих документов и штатной структуры Министерства обороны Российской Федерации. Необходимо перераспределение сил и средств, видов и родов войск, строительство пунктов постоянной дисло-

кации, обеспечение логистических и коммуникационных связей, создание целостного информационного поля от вооруженного формирования первого порядка до центрального органа военного управления Вооруженными Силами. Все это требует определенных затрат ресурсов и средств, но необходимость данных изменений созрела в связи с новыми техническими возможностями систем управления, средств разведки и огневого поражения, в том числе вероятного противника. Принципы ведения современного боя требуют от всех субъектов противостояния профессионального подхода и эффективного применения средств огневого поражения. Промедление даже на секунды приведет к неоправданным потерям ресурсов, сил и средств. Поэтому новый взгляд в военной науке на группировку войск как полноценную военно-административную единицу Вооруженных Сил Российской Федерации, как никогда актуален в настоящее время.

Библиография

1. Ананьев, А. В. Формирование системы межвидовых разведывательно-ударных контуров / А. В. Ананьев, С. В. Филатов, С. П. Петренко // Военная мысль. — 2020. — № 8. — С. 29—36.
2. Бударин Я. С. К вопросу о нормативно-правовом регулировании должностных обязанностей военнослужащих / Я. С. Бударин, П. В. Щелаков // Военное право. — 2020. — № 6 (64). — С. 88—97.
3. Никонович, С. Л. Искусственный интеллект в системе управления обороной Российской Федерации: проблемы военно-административной регламентации / С. Л. Никонович, О. В. Докучаев, Я. С. Бударин // Вестник военного права. — 2020. — № 1. — С. 50—56.
4. Стучинский, В. И. Обоснование боевого применения авиации для срыва интегрированного массированного воздушного удара в многосферной операции противника / В. И. Стучинский, М. В. Корольков // Воздушно-космические силы. Теория и практика. — 2020. — № 16. — С. 29—36.
5. Троценко, К. А. Боевые действия в Сирии — развитие способов ведения общевойскового боя и операции или частный случай? / К. А. Троценко // Военная мысль. — 2020. — № 11. — С. 6—24.
6. Трушин, В. В. О творческом подходе к управлению войсками (силами) / В. В. Трушин // Военная мысль. — 2020. — № 8. — С. 6—19.

¹ Бударин Я. С., Щелаков П. В. К вопросу о нормативно-правовом регулировании должностных обязанностей военнослужащих // Военное право. 2020. № 6 (64). С. 88—97.

Понятие деятельности должностных лиц пограничных органов по проведению административного расследования по делам об административных правонарушениях

© Захаров Петр Александрович,
сотрудник центра исследования проблем российского права «Эквитас»

Аннотация. В настоящей статье на основе анализа основных элементов деятельности должностных лиц пограничных органов по проведению административного расследования по делам об административных правонарушениях выделяются ее общие и специфические характерные черты, в совокупности, позволившие автору предложить дефиницию исследуемого вида деятельности. Критическому осмыслению подвергаются не только действующее правовое регулирование в области применения административного расследования, указанного в ст. 28.7 КоАП РФ, но и противоречивость складывающегося научно-категориального аппарата затронутой предметной области.

Ключевые слова: производство по делам об административных правонарушениях, административное расследование, деятельность, цель, процессуальное действие, пограничные органы.

The concept of the activities of officials of border authorities in the conduct of an administrative investigation in cases of administrative offenses.

© Zakharov P. A.,
employee of the center of research of problems
Russian Law Equitas

Annotation. In this article, based on the analysis of the main elements of the activities of officials of border agencies in the conduct of administrative investigation in cases of administrative offenses, its general and specific characteristics are highlighted, which together allowed the author to propose a definition of the investigated type of activity. Not only the current legal regulation in the field of application of the administrative investigation specified in Article 28.7 of the Administrative Code, but also the inconsistency of the emerging scientific-categorical apparatus of the affected subject area are subjected to critical consideration.

Key words: Administrative proceedings, administrative investigation, activity, purpose, procedural action, border authorities.

Уточнение и разработка научно-категориального аппарата практически всегда и в любом научном исследовании составляет актуальный аспект. Поэтому теоретический поиск оптимального определения деятельности должностных лиц пограничных органов по проведению административного расследования по делам об административных правонарушениях кажется уместным и своевременным. Тем более, что существующее в настоящее время правовое регулирование ее основополагающего содержательного элемента,

каковым является административное расследование, оценивается специалистами административного права как недостаточное¹. В законодательстве не

¹ Аулов В. К., Туганов Ю. Н. Проекты нового Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях: краткий обзор подходов // Право в Вооруженных Силах — военно-правовое обозрение. 2020. № 7 (276). С. 21—25; Женетль С. В. Административный процесс и административные процедуры в условиях административной реформы : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2009. С. 25; Зрелов А. П. Административное расследование нарушений законодательства в области налогов и сборов : дис. ... канд. юрид. наук. М., 2005. С. 64;

раскрывается понятие административного расследования, условия его назначения и проведения четко не определены, совокупность административно-процессуальных правовых норм, касающихся его проведения, не дают полной и целостной картины. На теоретическом уровне в разрабатываемые дефиниции административного расследования отдельными учеными включается неясная терминология, абсолютным большинством не уделяется должного внимания определению цели проведения административного расследования, либо цель раскрывается, но некорректно. При этом от своевременного распознавания практически работниками того было ли административное расследование проведено фактически или нет, зависит правильность определения подсудности дела и как следствие законность принятого по нему решения¹.

Согласимся со словами доктора юридических наук А. Ю. Гулягина: «проводимая в последнее время государственная политика по декриминализации ряда составов уголовно наказуемых деяний и перевод их в разряд административных проступков делает еще более актуальной сферу административного принуждения и дальнейшего упорядочения, регламентации процедур его совершения»². Действительно, сфера административного принуждения требует самого пристального внимания от законодательной власти с точки зрения обеспечения сохранения баланса публичных и частных интересов. По мнению другого ученого А. А. Михайлова, от качества первоначальных администра-

тивно-процессуальных действий (проведенного расследования), полноты собранных доказательств зависит весь дальнейший ход юрисдикционного применения и, в конечном счете, законность и справедливость принятого решения³.

Административное расследование, исходя из содержания ст. 28.7 КоАП РФ, осуществляется не по всем делам об административных правонарушениях, а только по тем, по которым, во-первых, необходимо проведение экспертизы или иных процессуальных действий, требующих значительных временных затрат, во-вторых, расследуются правонарушения в областях правоотношений, строго перечисленных в правовой норме. Оценка критериев диагностирования административного расследования, предложенных в законе, вызывает ряд закономерных вопросов: о каких иных процессуальных действиях и значительных временных затратах говорится в статье кодекса, только ли процессуальные действия, требующие значительных временных затрат, формируют административное расследование или административное расследование может состоять как из процессуальных действий, требующих значительных временных затрат, так и из процессуальных действий, которые не требуют значительных временных затрат. Ответы на поставленные вопросы, обуславливаемые несовершенством юридической техники, действующее законодательство также не содержит. Как справедливо отмечает Д. А. Керимов, «нарушение логики закона, неточность его понятий и формулировок, неопределенность терминов порождают многочисленные запросы, влекут изменения и дополнения, различные толкования и разъяснения, вызывают непроизводительную трату времени, сил и

Пятикова Е. А. Административное расследование по делам о нарушениях таможенных правил : дис. ... канд. юрид. наук. М., 2009. С. 4—5.

¹ Туганов Ю. Н. Обеспечение права военнослужащего на защиту по делам об административных правонарушениях (по материалам судебной практики) // Право в Вооруженных Силах — военно-правовое обозрение. 2012. № 5 (179). С. 61—66.

² Гулягин А. Ю. Особенности правоохранительной деятельности в сфере административной юрисдикции : дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2015. С. 139.

³ Михайлов А. А. Административно-юрисдикционная деятельность милиции: теория и практика. Ростов-на-Дону, 2003. С. 119. См. об этом, также: Туганов Ю. Н. Доказательства по делам об административных правонарушениях с участием военнослужащих // Право в Вооруженных Силах — военно-правовое обозрение. 2014. № 6 (204). С. 15—21.

энергии, одновременно являясь питательной почвой для бюрократической волокиты, позволяют извращать смысл закона и неправильно его применять»¹.

Неочевидный образ административного расследования, отсутствие его легального четкого определения, сложность и важность его экспликации в практической деятельности требует выделения его основных признаков и формулирование с их учетом понятия деятельности должностных лиц пограничных органов по проведению административного расследования. Понятия, доступного для понимания заинтересованной категории сотрудников пограничных органов, действующих в условиях, зачастую исключающих возможность углубления в суть явлений, не обеспеченных надлежащей правовой основой.

Для достижения поставленной цели необходимо: 1) рассмотреть категориально образующее понятие «расследование», соотнести его с другими близкими по значению лексическими единицами; 2) обсудить и выяснить место «административного расследования» среди других видов расследования, определиться с его истинной целью; 3) раскрыть средства (инструменты) деятельности по проведению административного расследования, сам процесс деятельности и ее результат; 4) выделить ее пространственно-временные характеристики, а также другие общие и специфические признаки.

«Расследовать» в этимологическом значении — подвергнуть всестороннему рассмотрению, изучению («расследование» — всестороннее изучение, рассмотрение)². В одном синонимическом ряду с «расследованием» употребляются слова «исследование», «анализирование», «проверка», «выяснение» «следствие»³.

¹ Керимов Д. А. Проблемы общей теории государства и права. М.: СГУ, 2000. С. 133.

² Ожегов С. И. Шведова Н. Ю. Толковый словарь русского языка: М., 2001. С. 663.

³ Александрова З. Е. Словарь синонимов русского языка : Практический справочник / 11-е изд., перераб. и доп. М.: Рус. яз., 2001. С. 427.

А. П. Зрелов определяет расследование как вид целенаправленной интеллектуально-аналитической деятельности, реализуемый с целью информационного моделирования наиболее подробной картины произошедшего или получения иной необходимой информации об объекте расследования⁴.

В законодательных и других нормативных правовых актах Российской Федерации помимо административного расследования, предусмотренного ст. 28.7 КоАП РФ, содержатся упоминания об очень многих видах расследований: предварительное расследование⁵, парламентское расследование⁶, депутатское расследование⁷, расследование профессиональных заболеваний⁸, служебное расследование⁹, эпизоотологическое расследование¹⁰, расследование погранич-

⁴ Зрелов А. П. Указ. соч. С. 26.

⁵ Большой юридический словарь / Под ред. А. Я. Сухарева, В. Е. Крутских / 2. изд., перераб. и доп. М.: ИНФРА-М, 2003.

⁶ Федеральный закон от 27 декабря 2005 г. № 196-ФЗ «О парламентском расследовании Федерального Собрания Российской Федерации».

⁷ Закон Московской области от 4 ноября 2004 г. № 136/2004-ОЗ «О депутатском расследовании».

⁸ Положение о расследовании и учете профессиональных заболеваний : утв. постановлением Правительства Российской Федерации от 15 декабря 2000 г. № 967.

⁹ Инструктивно-методические указания по служебному расследованию и ликвидации радиационных аварий: утв. Минздравом СССР 26 сентября 1980 г. № 2206-80, ВЦСПС 16 сентября 1980 г., МВД СССР 2 августа 1980 г.; Указания о порядке работы в системе Министерства торговли СССР по возмещению ущерба от хищений, растрат, недостач и потерь товарно-материальных ценностей, ответственности руководителей и должностных лиц предприятий и организаций государственной торговли за состояние этой работы и координацию ее с правоохранительными органами: утв. приказом Минторга СССР от 28 июня 1983 г. № 140.

¹⁰ О Порядке взаимодействия государств — членов Евразийского экономического союза при профилактике, диагностике, локализации и ликвидации очагов особо опасных, карантинных и зоонозных болезней животных и проведения регионализации и компартиментализации: Решение Совета Евразийской экономической комиссии от 10 ноября 2017 г. № 79.

ного инцидента¹, расследование авиационных происшествий², расследование несчастных случаев на производстве³, санитарно-эпидемиологическое расследование⁴, антидемпинговое расследование⁵.

Знакомство с каждым из перечисленных видов расследования в отдельности и с их совокупностью в целом, позволили обнаружить, что все они, подразумевают сбор, систематизацию и обобщение достоверной и объективной информации о каком-либо произошедшем факте, событии, обстоятельстве. Основными принципами расследования признаются открытость, объективность, всесторонность, полнота, достоверность. Содержательная сторона расследований предполагает запрос сведений, опросы лиц (свидетелей, очевидцев), привлечение специалистов (экспертов). По результатам проведенного расследования обязательно подготавливается итоговый документ (заключение, протокол, акт). Расследования могут быть комиссионными (коллегиальными) или проводятся единолично; как правило, они ограничены во времени.

Названные признаки расследования отличают его от близких ему по значению «исследования», «анализирования», «проверки», «выяснения». По отношению к ним «расследование» представляется более широким понятием, поглощающим их в себя частично или полностью. В ходе расследования профессиональных заболеваний, к примеру, допускается проведение лабораторно-инструментальных и других гигиенических исследований с целью оценки условий труда на рабочем месте. Следовательно,

расследование может включать в себя исследование, но не наоборот. Очевидно также, что получить полное представление о факте или событии, потребовавшем тщательного изучения, обращаясь только к анализу или проверке, достаточно затруднительно, так как прежде необходимо отыскать и собрать предмет анализа или проверки.

Имея много общего, расследования отличаются друг от друга целями, ради которых они проводятся. Весьма разнообразны и многочисленны субъекты, совершающие расследование. Это, как правило, специально уполномоченные государственные органы, лица, наделенные соответствующей компетенцией в соответствии с законодательными и другими нормативными правовыми актами Российской Федерации. Неодинаковы расследования по объему и характеру правовой основы, по степени нормативной развернутости, детальной проработанности самого процесса. К наиболее совершенным и сложным видам целесообразно отнести предварительное и административное расследования. Существенно ниже аналогичный показатель у расследования парламентского или депутатского. В этом смысле каждое расследование является самостоятельным видом деятельности, определяющей характеристикой которого является целеполагание⁶. Большинство расследований не преследуют целью установление чьей-либо вины и ответственности. Такую оговорку, в частности, содержит Воздушный кодекс Российской Федерации в ст. 95, раскрывающей порядок проведения расследования авиационного происшествия или инцидента. В ней говорится о том, что целями расследования авиационного происшествия или инцидента являются установление причин авиационного происшествия или инцидента и принятие мер по их предотвращению в будущем, в то время как установление чьей-либо вины и

¹ Постановление Правительства Российской Федерации от 15 мая 1995 г. № 462 «О пограничных представителях Российской Федерации».

² Воздушный кодекс Российской Федерации : Федеральный закон от 19 марта 1997 г. № 60-ФЗ.

³ Трудовой кодекс Российской Федерации : Федеральный закон от 30 декабря 2001 г. № 197-ФЗ.

⁴ Федеральный закон от 30 марта 1999 г. № 52-ФЗ «О санитарно-эпидемиологическом благополучии населения».

⁵ Договор о Евразийском экономическом союзе: подписан в г. Астане 29 мая 2014 г.

⁶ Елизаров А. Б. Контрольная юридическая деятельность в правовой системе общества : дис. ... канд. юрид. наук. Владимир, 2005. С. 13.

ответственности не является целью расследования авиационного происшествия или инцидента.

В отличие от расследования авиационных правонарушений административное и предварительное расследования, предполагающие установление виновных лиц, составляют отдельную группу так называемых правоохранительных видов расследования, основанием для проведения которых являются только правонарушения. В основе административного расследования всегда находится конфликт — совершение физическим или юридическим лицом административного правонарушения, — пишет А. А. Арзуманян¹. Для других видов расследований противоправность не имеет значения, либо уходит на второй план. Разновидность совершенного правонарушения (в данном случае преступление или административный проступок) детерминирует тот или иной процессуально-правовой порядок привлечения правонарушителя к юридической ответственности и вид расследования. Поэтому всестороннее рассмотрение, изучение, выяснение обстоятельств административного правонарушения и установление вины правонарушителя составляет сущность административного расследования, а выяснение обстоятельств совершения преступного деяния формирует основу предварительного расследования. В этом на наш взгляд их главное отличие, достаточное для разграничения.

Представляется, что главная цель административного расследования и соответственно деятельности должностных лиц пограничных органов по его проведению состоит в создании необходимых условий для правомерного привлечения виновного лица к административной ответственности на стадии рассмотрения дела. В данном суждении мы опираемся на существующее в административно-правовой науке мнение о том, что административное расследо-

вание подчинено по целям и задачам производству по делам об административных правонарушениях². Д. Н. Бахрах рассматривает производство по делам об административных правонарушениях как деятельность, осуществляемую в процессуальной форме, направленную на привлечение виновных к административной ответственности, уполномоченных субъектов публичной власти, а также физических и юридических лиц, участвующих в этой деятельности³. Н. Н. Цуканов называет целью производства по делам об административных правонарушениях полную, точную и своевременную реализацию норм об административной ответственности. Некоторыми авторитетными правоведо-практиками производство по делам об административных правонарушениях называется «производством по привлечению к административной ответственности»⁴. Согласно определению административного расследования, предложенного Ю. Н. Калюжным, установление фактических обстоятельств правонарушения их фиксация и юридическая квалификация, опосредуемые экспертизами и другими процессуальными действиями, проводятся с целью правомерного привлечения виновных лиц к административной ответственности за свершенное правонарушение⁵. Установление всех обстоятельств административного правонарушения и составление качественного протокола полагают результатом административного расследования Е. А. Пятикова и А. А. Гуничев⁶.

Неправильное определение цели ведет к процессуальным, тактическим ошибкам и неполноте административного

² Пятикова Е. А. Указ. соч. С. 23.

³ Административная ответственность (часть общая) : уч. пос. / Под ред. Д. Н. Бахраха. Екатеринбург, 2004. С. 69.

⁴ Кононов П. И. Основные категории административного права и процесса : монография. М.: Юрлитинформ, 2013. С. 235, 238—239.

⁵ Калюжный Ю. Н. Указ. соч. С. 181.

⁶ Гуничев А. А. Административная ответственность водителей // Российская юстиция. 2003. № 1. С. 67; Пятикова Е. А. Указ. соч. С. 154.

¹ Арзуманян А. А. Административное расследование : дис. ... канд. юрид. наук. Ростов-на-Дону, 2010. С. 30.

расследования¹. В силу сказанного нельзя поддержать определения административного расследования, в которых в качестве цели административного расследования допускается возможный вариант его окончания, связанный с вынесением постановления о прекращении дела об административном правонарушении. Подобную дефиницию можно увидеть в работах В. Н. Хорькова, А. А. Голованова, понимающих под административным расследованием стадию производства по делам об административных правонарушениях, представляющую собой комплекс процессуальных действий, проводимых должностными лицами или органами, в производстве которых находится дело об административном правонарушении, с целью собирания, исследования и оценки доказательств, необходимых для принятия решения о привлечении лица к административной ответственности либо о прекращении дела об административном правонарушении². Постановка цели административного расследования, предполагающей достижение результата в виде прекращения дела об административном правонарушении, может неоднозначно истолковываться на практике.

Как и всякая другая деятельность, деятельность по проведению административного расследования помимо цели и результата, включает в себя средства и сам процесс деятельности³.

Независимо от предлагаемого определения административного расследования неизменным остается представление ученых о нем как о совокупности процессуальных действий, выполняемых в строгом соответствии с КоАП РФ. По мнению Н. В. Азаровой административное расследование можно представить как строго упорядоченный административно-процессуальными нормами комплекс процессуальных действий,

направленный на установление обстоятельств проступка, их фиксирование и квалификацию и принимаемых по их результатам правовых актов в рамках производства по делам об административных правонарушениях⁴. Процессуальные действия, полагаем, и есть те самые средства, используя которые должностное лицо пограничного органа достигает в рамках административного расследования поставленной перед ним процессуальной цели. А. А. Арзумян называет процессуальные действия инструментом процессуального познания всех обстоятельств совершенного административного правонарушения⁵. Первоочередная задача процессуальных действий — это закрепление доказательств⁶.

Представляя собой некий субстрат производства по делам об административных правонарушениях, процессуальные действия занимают центральное место в понятии административного расследования. В то же время отождествление административного расследования сугубо с совокупностью процессуальных действий, допускаемое Н. В. Азаровой, не совсем правильно, поскольку в таком случае административное расследование утрачивает собственную форму, лишаясь специфики целей, задач и функций. Процессуальные действия, проводимые в ходе административного расследования, очевидно, не являются хаотичной массой, они составляют комплекс взаимосвязанных между собой и взаимообусловленных процессуальных действий⁷, срастающихся в единый, слаженный

¹ Зрелов А. П. Указ. соч. С. 56.

² Хорьков В. Н., Голованов А. А. Административное расследование и предварительное расследование: тенденция сближения // Современное право. 2007. № 9. С. 52—54.

³ Большая советская энциклопедия. М., 1972. Т. 8. С. 180.

⁴ Азарова Н. В. Возбуждение дела об административном правонарушении в области дорожного движения : дис. ... канд. юрид. наук. М., 2008. С. 100.

⁵ Арзумян А. А. Указ. соч. С. 10.

⁶ Туганов Ю. Н. Доказательства по делам об административных правонарушениях с участием военнослужащих // Право в Вооруженных Силах — военно-правовое обозрение. 2014. № 6 (204). С. 15—21.

⁷ Шевченко О. А. Возбуждение и административное расследование дел об административных правонарушениях в области дорожного движения : дис. ... канд. юрид. наук. М., 2015. С. 26.

процесс (административное расследование в том числе).

Как комплекс процессуальных действий, требующих значительных временных затрат, и направленных на выяснение всех обстоятельств административного правонарушения, их фиксирование, юридическую квалификацию и процессуальное оформление, рассматривается административное расследование Верховным Судом Российской Федерации в Постановлении Пленума от 24 марта 2005 г. № 5 «О некоторых вопросах, возникающих у судов при применении Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях».

Наряду с законодателем и высшим судебным органом размытая категория «значительные временные затраты» включалась в дефиниции административного расследования и некоторыми учеными. Посвятив диссертацию административному расследованию по делам о нарушениях таможенных правил, Е. А. Пятикова сочла возможным рассматривать его в качестве «... комплекса процессуальных действий в рамках производства по делу об административном правонарушении, требующих значительных временных затрат»¹. В основу понятия административного расследования, предложенного Ю. Н. Калюжным, также положена деятельность «... по проведению экспертизы или других требующих значительных временных затрат процессуальных действий»². Подобный подход использован и А. П. Зреловым³. Согласиться с сохранением в официальном понятии административного расследования термина без четких темпоральных параметров вряд ли возможно, поскольку по верному замечанию О. А. Шевченко и А. Н. Булгакова используемые законодателем формулировки в последующем напрасно перенесенные в теорию отдельными авторами, допускают расширение административного усмотрения и создают предпосыл-

ки к процессуальным нарушениям⁴.

Устранить терминологические неточности можно, осуществив уход в понятиях административного расследования от расплывчатой формулировки «комплекс процессуальных действий, требующих значительных временных затрат», с заменой на тезис «комплекс процессуальных действий, на проведение и оформление результатов которых требуется двое и более суток», используемый А. А. Арзумяном. По его мнению, процессуальным условием, необходимым для назначения и проведения административного расследования, должна быть невозможность установления обстоятельств, имеющих значение для разрешения дела об административном правонарушении в срок, установленный ч. 2 ст. 28.5 КоАП для составления протокола об административном правонарушении⁵, то есть двое суток.

Выполнение процессуальных действий в рамках административного расследования предполагает соблюдение должностными лицами пограничных органов порядка их совершения, обеспечивающего законность производства по делу⁶. В этом смысле административное расследование может интерпретироваться в качестве процессуальной формы, представляющей собой совокупность однородных и взаимосвязанных процессуальных требований (условий), выраженных в законе и предъявляемых к участникам процесса для достижения определенного материально-правового результата⁷. Или как специальный правовой режим осуществле-

⁴ Булгаков А. Н. Административное расследование правонарушений в области обеспечения безопасности дорожного движения : дис. ... канд. юрид. наук. Краснодар, 2017 С. 4; Шевченко О. А. Указ. соч. С. 99.

⁵ Арзумян А. А. Указ. соч. С. 9, 54.

⁶ См. об этом напр.: Туганов Ю. Н. Обеспечение права военнослужащего на защиту по делам об административных правонарушениях (по материалам судебной практики) // Право в Вооруженных Силах — военно-правовое обозрение. 2012. № 5 (179). С. 61—66.

⁷ Булгаков А. Н. Указ. соч. С. 35.

¹ Пятикова Е. А. Указ. соч. С. 13, 36.

² Калюжный Ю. Н. Указ. соч. С. 10.

³ Зрелов А. П. Указ. соч. С. 8.

ния процессуальных действий по наиболее сложным категориям дел об административных правонарушениях, совокупность способов реализации властных полномочий при решении вопросов привлечения к административной ответственности с привлечением более широкого круга участников производства по делу¹.

Порядок (режим) процессуальной деятельности по проведению административного расследования определяет также ее пространственно-временные характеристики. При необходимости проведения административного расследования в соответствии с п. 4 ч. 4 ст. 28.1 КоАП РФ выносится определение о возбуждении дела об административном правонарушении. Срок административного расследования исчисляется с момента возбуждения дела и составляет один месяц (ч. 5 ст. 28.7 КоАП РФ). Его продление для должностных лиц пограничных органов возможно еще на один месяц, а всего до двух месяцев. Оканчивается деятельность по проведению административного расследования составлением протокола об административном правонарушении и направлением дела на рассмотрение в суд либо вынесением постановления о прекращении производства по делу (ч. 6 ст. 28.7 КоАП РФ).

Таким образом, во времени деятельность по проведению административного расследования соотносится с первоначальной стадией производства по делу об административном правонарушении, называемой «возбуждение дела об административном правонарушении». Повод для такого суждения дает включение законодателем ст. 28.7 КоАП в гл. 28. На этом основании ряд ученых выстраивают дефиниции административного расследования, отталкиваясь от его стадийных свойств, присваивая ему статус стадии производства по делу об административном правонарушении или этапа стадии возбуждения дела об административном правонарушении². В

силу спорности данной позиции³ мы не склонны начинать свое определение деятельности по проведению административного расследования с ее темпоральных свойств, что ни в коем случае не означает отрицание динамики ее протекания во времени.

В пространстве деятельность должностного лица пограничных органов по проведению административного расследования осуществляется по месту совершения или выявления административного правонарушения (ч. 4 ст. 28.7 КоАП РФ).

Субъектами деятельности по проведению административного расследования в пограничных органах выступают военнослужащие, уполномоченные составлять протокол об административном правонарушении (ч. 2 ст. 28.7 КоАП РФ). Наиболее часто необходимость в проведении административного расследования должностными лицами пограничных органов возникает при выявлении административных правонарушений в области охраны окружающей среды и природопользования (ч. 2 ст. 8.17, ч. 2 ст. 8.37 КоАП РФ и др.).

В административно-правовой науке существуют и иные воззрения на суть, значение и смысл административного расследования, подчеркивающие его индивидуальность, многогранность и своеобразие. С целью расширения представления о деятельности должностных лиц пограничных органов по проведению административного расследования назовем некоторые из них: административное расследование — особый порядок предварительного изучения данных (А. Ю. Якимов); административное расследование — особая процедура (сложный процесс), в рамках которой производятся необходимые процессуальные действия (А. А. Гуничев,

правонарушениях в сфере оборота алкогольной продукции : дис. ... канд. юрид. наук. Омск, 2003. С. 115—116; Шевченко О. А. Указ. соч. С. 14.

³ Захаров П. А. Административное расследование как «псевдостадия» производства по делу об административном правонарушении // Военное право. 2021. № 2 (66). С. 119—131.

¹ Пятикова Е. А. Указ. соч. С. 154.

² Зрелов А. П. Указ. соч. С. 28, 65; Филоненко О. В. Возбуждение и административное расследование милицией дел об административных

Е. В. Малашин); административное расследование, по сути, является дополнительной проверкой (Л. А. Калинина, А. А. Николаев); административное расследование — форма возбуждения дела об административном правонарушении (О. В. Панкова)¹; административное расследование — самостоятельный правовой институт (А. Н. Гуев)²; административное расследование — вид властной процессуальной деятельности (А. Ю. Гулягин)³; административное расследование — самостоятельный вид правоприменительной административно-юрисдикционной деятельности (А. А. Арзуманян)⁴; А. В. Коркин называет административное расследование одной из обеспечительных процессуальных мер административного принуждения, предусмотренных в КоАП⁵.

Анализ специальной юридической литературы позволяет, таким образом, выделить две группы признаков деятельности должностных лиц пограничных органов по проведению административного расследования: общие и специальные (специфические).

Согласно общим признакам данный вид деятельности следует характеризовать как деятельность: целевую, сознательно-познавательную, правоприменительную, юрисдикционную, правоохранительную, динамическую (имеющую определенную последовательность), принудительную (по отношению к субъектам права, не находящимся в подчинении), властную публичную, состязательную, регламентируемую юридическими административно-процессуальными нормами, осуществляемую в административно-

процессуальной форме, документально объективируемую, направленную на достижение определенного юридически и социально значимого результата. Названные черты присущи административно-юрисдикционному процессу, в структуру которого входит производство по делам об административных правонарушениях⁶.

К специальным или специфическим признакам можно отнести следующие:

1. Имеет общую (конечную) цель — создание необходимых условий для правомерного привлечения виновного лица к административной ответственности на стадии рассмотрения дела.

2. Направлена на установление фактических обстоятельств правонарушения, их фиксацию и юридическую квалификацию, результатом которой являются составление качественного протокола об административном правонарушении и направление материалов дела на рассмотрение по существу.

3. Включает в себя выявление, закрепление, анализ и оценку доказательств совершенного административного правонарушения, но не исчерпывается этим.

4. Выражается определенным комплексом взаимообусловленных, взаимосвязанных действий (процессуальных действий), обеспечивающих регулирование административно-процессуальных правоотношений, находящихся в логической связи с материальными правоотношениями, на проведение и оформление результатов которых требуется двое и более суток.

5. Применяется при необходимости установления обстоятельств дела об административном правонарушении только по специально оговоренным в ст. 28.7 КоАП РФ составам административных правонарушений. Как правило, по наиболее сложным категориям дел об административных правонарушениях.

¹ Обобщение перечисленных определений административного расследования произвел А. П. Зрелов. См.: Зрелов А. П. Указ. соч. С. 27.

² Гуев А. Н. Постатейный комментарий к Кодексу Российской Федерации об административных правонарушениях. М.: КОНТРАКТ; ИНФРА-М, 2003. С. 858.

³ Гулягин А. Ю. Указ. соч. С. 138.

⁴ Арзуманян А. А. Указ. соч. С. 32.

⁵ Коркин А. В. Процессуальность как признак мер обеспечения производства по делам об административных правонарушениях // Юридическая наука и правоохранительная практика. 2017. № 4 (42) С. 37—43.

⁶ Панова И. В. Административно-процессуальное право России / 2-е изд., пересмотр. и доп. М.: Норма, 2009. С. 129—131.

6. Проводится: по строго определенным КоАП РФ правилам, обеспечивающим законность ее хода и результатов; на стадии возбуждения дела об административном правонарушении; по месту совершения или выявления административного правонарушения.

Таким образом, представляется, что деятельность должностных лиц пограничных органов по проведению административного расследования — это деятельность юрисдикционного характера специально уполномоченных должностных лиц пограничных органов, осуществляемая после выявления административных правонарушений в областях правоотношений, определенных ст. 28.7 КоАП РФ в рамках производства по делам об административных правонарушениях на стадии возбуждения дела при необходимости проведения комплекса административно-процессуальных действий по выявлению, сбору, закреплению, исследованию, оценке и использованию доказательств, на производство и оформление которых требуется более двух суток, с целью установления фактических обстоятельств правонарушения и обеспечения правомерного привлечения виновного лица к административной ответственности на стадии рассмотрения дела.

Библиография

1. Арзуманян, А. А. Административное расследование : дис. ... канд. юрид. наук / А. А. Арзуманян. — Ростов-на-Дону, 2010. — 208 с.
2. Аулов, В. К. Проекты нового Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях: краткий обзор подходов / В. К. Аулов, Ю. Н. Туганов // Право в Вооруженных Силах — военно-правовое обозрение. — 2020. — № 7 (276). — С. 21—25.
3. Бахрах, Д. Н. Административная ответственность (часть общая) : уч. пос. / под ред. Д. Н. Бахраха. — Екатеринбург, 2004. — 303 с.
4. Булгаков, А. Н. Понятие и система административно-процессуальных действий при расследовании правонарушений в сфере безопасности дорожного движения / А. Н. Булгаков // Вестник Краснодарского университета МВД России. — 2016. — № 4 (34).
5. Гулягин, А. Ю. Особенности правоохранительной деятельности в сфере административной

юрисдикции : дис. ... д-ра юрид. наук / А. Ю. Гулягин. — М., 2015. — 441 с.

6. Гуничев, А. А. Административная ответственность водителей // Российская юстиция. — 2003. — № 1.
7. Женетль, С. З. Административный процесс и административные процедуры в условиях административной реформы : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук / С. З. Женетль. — М., 2009. — 38 с.
8. Захаров, П. А. Административное расследование как «псевдоставляющая» производства по делу об административном правонарушении / П. А. Захаров // Военное право. — 2021. — № 2 (66).
9. Зрелов, А. П. Административное расследование нарушений законодательства в области налогов и сборов : дис. ... канд. юрид. наук / А. П. Зрелов. — М., 2005. — 229 с.
10. Калюжный, Ю. Н. Административное расследование в механизме производства по делам об административных правонарушениях : дис. ... канд. юрид. наук / Ю. Н. Калюжный. — М., 2005. — 233 с.
11. Кононов, П. И. Основные категории административного права и процесса: монография / П. И. Кононов. — М.: Юрлитинформ, 2013. — 416 с.
12. Коркин, А. В. Процессуальность как признак мер обеспечения производства по делам об административных правонарушениях / А. В. Коркин // Юридическая наука и правоохранительная практика. — 2017. — 4 (42).
13. Панова, И. В. Административно-процессуальное право России — 2-е изд., пересмотр. и доп. / И. В. Панова. — М.: Норма, 2009. — 336 с.
14. Пятикова, Е. А. Административное расследование по делам о нарушениях таможенных правил : дис. ... канд. юрид. наук / Е. А. Пятикова. — М., 2009. — 220 с.
15. Туганов, Ю. Н. Обеспечение права военнослужащего на защиту по делам об административных правонарушениях (по материалам судебной практики) / Ю. Н. Туганов // Право в Вооруженных Силах — военно-правовое обозрение. — 2012. — № 5 (179). — С. 61—66.
16. Туганов, Ю. Н. Доказательства по делам об административных правонарушениях с участием военнослужащих / Ю. Н. Туганов // Право в Вооруженных Силах — военно-правовое обозрение. — 2014. — № 6 (204). — С. 15—21.
17. Филоненко, О. В. Возбуждение и административное расследование милицией дел об административных правонарушениях в сфере оборота алкогольной продукции : дис. ... канд. юрид. наук / О. В. Филоненко. — Омск, 2003. — 201 с.
18. Шевченко, О. А. Возбуждение и административное расследование дел об административных правонарушениях в области дорожного движения : дис. ... канд. юрид. наук / О. А. Шевченко. — М., 2015. — 171 с.

Антимонопольный комплаенс как средство предупреждения коррупции в сфере осуществления государственных и муниципальных закупок

© Овчаров Артем Валерьевич,

кандидат юридических наук, научный сотрудник сектора уголовного права, уголовного процесса и криминологии ИГП РАН

Аннотация. Статья посвящена рассмотрению и анализу такого нового для нашего государства правового явления, как комплаенс (система управления рисками), применительно к одному из его видов, а именно комплаенсу антимонопольному. Автор рассматривается понятие антимонопольного комплаенса, анализируется его содержание, значение и принципы построения. В статье анализируется взаимосвязь антикоррупционной и антимонополистической деятельности и делается вывод о необходимости рассмотрения антимонопольного комплаенса в качестве инструмента противодействия коррупции в сфере осуществления государственных закупок.

Ключевые слова: преступность, антимонопольная деятельность, коррупция, конкуренция, комплаенс, государство, экономика, национальная безопасность, преступление, государственные закупки.

Antimonopoly compliance as a means of preventing corruption in the implementation of state and municipal procurement

© Ovcharov A. V.,

PhD in Law, research fellow of sector of criminal law, criminal proceeding and criminology of the Institute of State and Law of RAS,

Abstract. The article is devoted to the consideration and analysis of such a new legal phenomenon for our state as compliance (risk management system), in addition to one of its types, namely antitrust compliance. The author considers the concept of antimonopoly compliance, analyzes its content, meaning and principles of construction. The article analyzes the relationship between anti-corruption and antimonopoly activities and concludes that it is necessary to consider antimonopoly compliance as a tool for combating corruption in the field of public procurement.

Keywords: crime, antimonopoly activity, corruption, competition, compliance, state, economy, national security, crime, public procurement.

В научной литературе не раз отмечалось, что современное состояние преступности в нашей стране является угрозой национальной безопасности России, что обуславливает потребность формирования государством адекватной уголовной политики противодействия преступности¹.

Уголовная политика любого государства должна охватывать противодействие всем видам преступности, в том числе и преступности коррупционной, как одного из наиболее опасных видов преступных проявлений, посягающего на нормальное функционирование всей совокупности органов государственной власти и местного самоуправления. В этой связи следует сказать, что предупреждение преступности как система мер, предпринимаемых государственными органами, общественными

¹ Преступность в XXI веке. Приоритетные направления противодействия : монография / под общ. ред. чл.-корр. РАН А. Н. Савенкова. М.: ЮНИТИ-ДАНА : Закон и право, 2020. С. 9.

организациями, представителями власти и другими лицами, направленных на противодействие процессам детерминизации преступности, имеющих целью ресоциализацию потенциальных преступников, предотвращение совершения новых преступлений, в целом является одним из наиболее эффективных средств противодействия самой преступности в целом и преступности коррупционной в частности.

Следует сразу же отметить, что негативному явлению коррупции в той или иной мере подвержена система любой власти, однако традиционно существуют более или менее коррупционные сферы. Так, сфера осуществления закупок для государственных и муниципальных нужд традиционно является одной из наиболее коррупционных сфер экономической деятельности, а потому представляется, что борьба с коррупцией в рассматриваемой сфере имеет первостепенное значение¹.

Так, еще в Указе Президента Российской Федерации от 29 июня 2018 г. № 378 «О Национальном плане противодействия коррупции на 2018—2020 годы» совершенствованию мер по противодействию коррупции в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных или муниципальных нужд и в сфере закупок товаров, работ, услуг отдельными видами юридических лиц был посвящен отдельный раздел².

Предупреждение коррупции в сфере осуществления закупок — это многоаспектная деятельность, но она тесно взаимосвязана с предупреждением монополизации рынка. Монополизация всегда связана с коррупцией и симбиоз этих явлений порождает устранение свободного конкурентного рыночного ценообразования и

устанавливают власть над ценами. Любая монополия, являясь единственным продавцом на рынке, имеет возможность управлять ценой по своему разумению, и это зачастую идет вразрез с интересами общества.

Политика противодействия коррупции всегда теснейшим образом связана с мерами антимонопольной политики. И антикоррупционная, и антимонополистическая деятельность имеют общие цели и сходные регуляторы. При различных условиях возникает значительное число факторов взаимовлияния инструментов антикоррупционной и антимонопольной политики.

В научной литературе отмечалось, что международный опыт эмпирической проверки направления и силы взаимосвязи между коррупцией и конкуренцией позволяет выявить двустороннюю причинно-следственную связь. С одной стороны, низкий уровень развития конкуренции ведет к росту коррупционной активности, а с другой — высокий уровень коррупции, в свою очередь, является причиной снижения индикаторов конкуренции³.

УК РФ содержит ст. 178, которая предусматривает ответственность за ограничение конкуренции путем заключения хозяйствующими субъектами-конкурентами ограничивающего конкуренцию соглашения (картеля), запрещенного в соответствии с антимонопольным законодательством Российской Федерации, если это деяние причинило крупный ущерб гражданам, организациям или государству либо повлекло извлечение дохода в крупном размере. При определенных обстоятельствах данное преступление может быть отнесено к преступлениям коррупционной направленности.

В связи с тем, что нормы рассматриваемой статьи бланкетные, установление признаков состава преступления должно осуществляться с учетом нормативно-

¹ Корякин В. М. Противодействие коррупции в сфере государственных закупок для нужд обороны и военной безопасности : монография. М.: Юрлитинформ, 2014; Овчаров А. В. Уголовная ответственность за злоупотребления в сфере осуществления государственного оборонного заказа // Военное право. 2019. № 6 (58).

² Овчаров А.В. Уголовная ответственность в сфере осуществления государственных закупок как новелла Российского уголовного законодательства // Военное право. 2019. № 2 (54). С. 257.

³ Мелешкина А. И. Факторы, определяющие характер взаимосвязи коррупции и конкуренции: обзор эмпирических исследований // Вестник Московского университета. Серия 6. Экономика. Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова. 2017. № 6. С. 94.

правовых актов в сфере защиты конкуренции.

Существующая система антимонопольного регулирования включает в себя Федеральный закон «О защите конкуренции», который конкретизирует положения рассматриваемой статьи (определение терминов «картель», «доминирующее положение на рынке» и т.д.), и целый ряд приказов и иных нормативно-правовых документов, разработанных Правительством Российской Федерации и антимонопольным органом, которые конкретизируют и дополняют федеральное законодательство.

Исходя из особой важности антимонопольной деятельности, Указом Президента Российской Федерации от 21 декабря 2017 г. № 618 «Об основных направлениях государственной политики по развитию конкуренции» определены цели и основополагающие принципы государственной политики по развитию конкуренции. Данный указ провозглашает, что целях укрепления национальной экономики, дальнейшего развития конкуренции и недопущения монополистической деятельности активное содействие развитию конкуренции в Российской Федерации следует считать приоритетным направлением деятельности Президента Российской Федерации, Федерального Собрания Российской Федерации, Правительства Российской Федерации, Центрального банка Российской Федерации, федеральных органов исполнительной власти, законодательных (представительных) и исполнительных органов государственной власти субъектов Российской Федерации, а также органов местного самоуправления. Исходя из анализа текста рассматриваемого указа, можно сделать вывод, что он определяет целый спектр направлений деятельности, направленных на развитие конкуренции. Они могут быть определены следующим образом:

1) повышение удовлетворенности потребителей за счет расширения ассортимента товаров, работ, услуг, повышения их качества и снижения цен;

2) повышение экономической эффективности и конкурентоспособности хозяйствующих субъектов, в том числе за счет

обеспечения равного доступа к товарам и услугам субъектов естественных монополий и государственным услугам, необходимым для ведения предпринимательской деятельности, стимулирования инновационной активности хозяйствующих субъектов, повышения доли наукоемких товаров и услуг в структуре производства, развития рынков высокотехнологичной продукции;

3) стабильный рост и развитие многоукладной экономики, развитие технологий, снижение издержек в масштабе национальной экономики, снижение социальной напряженности в обществе, обеспечение национальной безопасности;

4) сокращение доли хозяйствующих субъектов, учреждаемых или контролируемых государством или муниципальными образованияами, в общем количестве хозяйствующих субъектов, осуществляющих деятельность на товарных рынках;

5) обеспечение равных условий и свободы экономической деятельности на территории Российской Федерации;

6) обеспечение развития малого и среднего предпринимательства;

7) направленность государственных инвестиций на развитие конкуренции;

8) обеспечение условий для привлечения инвестиций хозяйствующих субъектов в развитие товарных рынков;

9) недопустимость сдерживания экономически оправданного перехода сфер естественных монополий из состояния естественной монополии в состояние конкурентного рынка;

10) государственное регулирование цен (тарифов), основанное на окупаемости организаций, осуществляющих регулируемые виды деятельности, при снижении издержек и повышении их эффективности, обеспечивающее интересы потребителей в долгосрочной перспективе;

11) недопустимость государственного регулирования цен (тарифов), осуществляемого посредством определения (установления) цен (тарифов) или их предельного уровня на конкурентных товарных рынках, за исключением случаев, предусмотренных законодательством Российской Федерации;

12) развитие конкуренции в сферах экономической деятельности государственных предприятий, предприятий с государственным участием;

13) сочетание превентивного и последующего контроля для целей защиты конкуренции;

14) стимулирование хозяйствующих субъектов, в том числе занимающих доминирующее положение на товарных рынках, внедряющих систему внутреннего обеспечения соответствия требованиям антимонопольного законодательства;

15) открытость антимонопольной политики;

16) ответственность органов государственной власти и органов местного самоуправления за реализацию государственной политики по развитию конкуренции;

17) измеримость результатов государственной политики по развитию конкуренции;

18) стимулирование со стороны государства добросовестных практик осуществления хозяйственной деятельности;

19) развитие организованной (биржевой) торговли в Российской Федерации;

20) информационная открытость деятельности инфраструктурных монополий;

21) обеспечение прозрачности закупок товаров, работ, услуг для государственных и муниципальных нужд, а также закупок товаров, работ и услуг инфраструктурными монополиями и компаниями с государственным участием;

22) внедрение риск-ориентированного подхода в деятельности органов государственного контроля (надзора);

23) совершенствование антимонопольного регулирования в условиях развития цифровой экономики и ее глобализации в целях эффективного пресечения нарушений антимонопольного законодательства, носящих трансграничный характер, и повышения конкурентоспособности российских компаний на мировых рынках.

Вместе с тем, рассматриваемый Указ устанавливает запреты на введение или сохранение ограничений, создающих дискриминационные условия в отношении отдельных видов экономической деятельности, производства и оборота отдельных

видов товаров, оказания отдельных видов услуг, за исключением случаев, предусмотренных федеральными законами, правовыми актами Президента Российской Федерации, правовыми актами Правительства Российской Федерации и на необоснованное вмешательство в свободное функционирование товарных рынков, издание актов, принятие решений, которые могут привести к недопущению, устранению конкуренции.

Кроме того, Указом утвержден Национальный план развития конкуренции в Российской Федерации на 2018—2020 годы. Согласно п. 2 данного плана Правительству Российской Федерации было поручено до 1 марта 2019 г. принять меры, направленные на создание и организацию системы внутреннего обеспечения соответствия требованиям антимонопольного законодательства деятельности федеральных органов исполнительной власти.

Распоряжением Правительства Российской Федерации от 16 августа 2018 г. № 1697-р утвержден План мероприятий («дорожная карта») по развитию конкуренции в отраслях экономики Российской Федерации и переходу отдельных сфер естественных монополий из состояния естественной монополии в состояние конкурентного рынка на 2018—2020 годы. В соответствии с п. 3 указанного распоряжения руководителям федеральных органов исполнительной власти было поручено по согласованию с ФАС России до 1 декабря 2018 г. принять правовые акты об организации системы внутреннего обеспечения соответствия требованиям антимонопольного законодательства, а также обеспечить принятие системы подведомственными организациями.

Распоряжением Правительства Российской Федерации от 18 октября 2018 г. № 2258-р утверждены методические рекомендации по созданию и организации федеральными органами исполнительной власти системы внутреннего обеспечения соответствия требованиям антимонопольного законодательства, а также установлены требования к содержанию Системы (антимонопольного комплаенса).

Что же из себя представляет антимонопольный комплаенс?

Любой комплаенс — это определенная система соответствия каким-либо внутренним или внешним требованиям и нормам. основополагающим актом для любой системы соответствия является Международный стандарт ISO 19600 Системы управления соответствием. Руководящие указания (Compliance management systems — Guidelines).

Антимонопольный комплаенс представляет собой систему внутреннего обеспечения соответствия требованиям антимонопольного законодательства. Любое отклонение от соответствия есть риски. Можно сказать, что риски нарушения антимонопольного законодательства представляют собой сочетание вероятности и последствий наступления неблагоприятных событий в виде ограничения, устранения или недопущения конкуренции.

Целями создания антимонопольного комплаенса являются, с одной стороны, обеспечение соответствия деятельности федерального органа исполнительной власти требованиям антимонопольного законодательства, а с другой — профилактика нарушения требований антимонопольного законодательства в деятельности федерального органа исполнительной власти.

Задачами антимонопольного комплаенса являются:

- 1) выявление рисков нарушения антимонопольного законодательства;
- 2) управление рисками нарушения антимонопольного законодательства;
- 3) контроль за соответствием деятельности федерального органа исполнительной власти требованиям антимонопольного законодательства;
- 4) оценка эффективности функционирования в федеральном органе исполнительной власти антимонопольного комплаенса.

При создании антимонопольного комплаенса любой федеральный орган исполнительной власти должен руководствоваться определенными принципами. Данные принципы определяются следующим образом. Это:

1) заинтересованность руководства федерального органа исполнительной власти в эффективности функционирования антимонопольного комплаенса;

2) регулярность оценки рисков нарушения антимонопольного законодательства;

3) обеспечение информационной открытости функционирования в федеральном органе исполнительной власти антимонопольного комплаенса;

4) непрерывность функционирования антимонопольного комплаенса в федеральном органе исполнительной власти;

5) совершенствование антимонопольного комплаенса.

Конечно же, основной задачей создания антимонопольного комплаенса является выявление и оценка рисков нарушения антимонопольного законодательства. В этих целях уполномоченным подразделением или должностным лицом органа исполнительной власти на регулярной основе должны проводиться определенные мероприятия.

Прежде всего, это анализ выявленных нарушений антимонопольного законодательства в деятельности федерального органа исполнительной власти за предыдущие 3 года (наличие предостережений, предупреждений, штрафов, жалоб, возбужденных дел). При проведении не реже одного раза в год такого анализа должно быть реализовано следующее:

1) осуществление сбора в структурных подразделениях и территориальных органах федерального органа исполнительной власти сведений о наличии нарушений антимонопольного законодательства;

2) составление перечня нарушений антимонопольного законодательства в федеральном органе исполнительной власти, который содержит классифицированные по сферам деятельности федерального органа исполнительной власти сведения о выявленных за последние 3 года нарушениях антимонопольного законодательства (отдельно по каждому нарушению) и информацию о нарушении (указание нарушенной нормы антимонопольного законодательства, краткое изложение сути нарушения, указание последствий нарушения

антимонопольного законодательства и результата рассмотрения нарушения антимонопольным органом), позицию антимонопольного органа, сведения о мерах по устранению нарушения, а также о мерах, направленных федеральным органом исполнительной власти на недопущение повторения нарушения.

Второй группой мероприятий является анализ нормативных правовых актов федерального органа исполнительной власти на предмет выявления возможных случаев нарушения антимонопольного законодательства. При проведении не реже одного раза в год такого анализа должны реализовываться следующие мероприятия:

1) разработка и размещение на официальном сайте исчерпывающего перечня нормативных правовых актов федерального органа исполнительной власти с приложением к перечню актов текстов таких актов, за исключением актов, содержащих сведения, относящиеся к охраняемой законом тайне;

2) размещение на официальном сайте уведомления о начале сбора замечаний и предложений организаций и граждан по перечню актов;

3) осуществление сбора и проведение анализа представленных замечаний и предложений организаций и граждан по перечню актов;

4) представление руководству федерального органа исполнительной власти сводного доклада с обоснованием целесообразности (нецелесообразности) внесения изменений в нормативные правовые акты федерального органа исполнительной власти.

Вместе с тем необходимо проводить и анализ проектов нормативных правовых актов федерального органа исполнительной власти на предмет выявления возможных случаев нарушения антимонопольного законодательства. В рамках этой деятельности реализуется следующее:

1) размещение на официальном сайте (размещение на официальном сайте regulation.gov.ru в информационно-телекоммуникационной сети "Интернет" приравнивается к такому размещению) проекта нормативного правового акта с

необходимым обоснованием реализации предлагаемых решений, в том числе их влияния на конкуренцию;

2) осуществление сбора и проведение оценки поступивших от организаций и граждан замечаний и предложений по проекту нормативного правового акта.

Третьим направлением деятельности любого органа исполнительной власти по недопущению нарушений антимонопольного законодательства является мониторинг и анализ практики применения федеральным органом исполнительной власти антимонопольного законодательства. В рамках такой деятельности необходимо осуществление следующего:

1) осуществление на постоянной основе сбора сведений о правоприменительной практике в федеральном органе исполнительной власти;

2) подготовка по итогам сбора информации аналитической справки об изменениях и основных аспектах правоприменительной практики в федеральном органе исполнительной власти;

3) проведение не реже одного раза в год рабочих совещаний с приглашением представителей антимонопольного органа по обсуждению результатов правоприменительной практики в федеральном органе исполнительной власти.

Последним направлением деятельности является проведение систематической оценки эффективности разработанных и реализуемых мероприятий по снижению рисков нарушения антимонопольного законодательства. При выявлении рисков нарушения антимонопольного законодательства уполномоченным подразделением или должностным лицом должна проводиться оценка таких рисков с учетом следующих показателей:

1) отрицательное влияние на отношение институтов гражданского общества к деятельности федерального органа исполнительной власти по развитию конкуренции;

2) выдача предупреждения о прекращении действий (бездействия), которые содержат признаки нарушения антимонопольного законодательства;

3) возбуждение дела о нарушении антимонопольного законодательства;

4) привлечение к административной ответственности в виде наложения штрафов на должностных лиц или в виде их дисквалификации.

В случае обнаружения рисков нарушения антимонопольного законодательства в целях их снижения, уполномоченным подразделением или должностным лицом любого органа власти должны разрабатываться не реже одного раза в год мероприятия по снижению рисков нарушения антимонопольного законодательства. Необходимо осуществлять постоянный мониторинг исполнения мероприятий по снижению рисков нарушения антимонопольного законодательства. Информация об исполнении мероприятий по снижению рисков нарушения антимонопольного законодательства должна включаться в доклад об антимонопольном комплаенсе. Таковы общие положения об антимонопольном комплаенсе.

Представляется, что наличие в органе исполнительной власти антимонопольного комплаенса, ориентированного на специфику деятельности и особенности того или иного органа власти будет являться эффективным инструментом противодействия

монополизации рынка, а как следствие, поскольку монополизация неразрывно связана с коррупцией и инструментом противодействия коррупции, прежде всего в сфере, где опасность ограничения конкуренции наиболее высока, а именно в сфере осуществления государственных и муниципальных закупок.

Библиография

1. Корякин, В. М. Противодействие коррупции в сфере государственных закупок для нужд обороны и военной безопасности : монография / В. М. Корякин. — М.: Юрлитинформ, 2014.
2. Мелешкина, А. И. Факторы, определяющие характер взаимосвязи коррупции и конкуренции: обзор эмпирических исследований / А. И. Мелешкина // Вестник Московского университета. Серия 6. Экономика. Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова. — 2017. — № 6.
3. Овчаров, А. В. Уголовная ответственность в сфере осуществления государственных закупок как новелла Российского уголовного законодательства / А. В. Овчаров // Военное право. — 2019. — № 2 (54).
4. Овчаров, А. В. Уголовная ответственность за злоупотребления в сфере осуществления государственного оборонного заказа / А. В. Овчаров // Военное право. — 2019. — № 6 (58).
5. Преступность в XXI веке. Приоритетные направления противодействия : монография / под общ. ред. чл.-корр. РАН А. Н. Савенкова. — М.: ЮНИТИ-ДАНА : Закон и право, 2020.

Понятие и характерные черты производства по делам об административных правонарушениях, осуществляемого пограничными органами в отношении юридических лиц

© **Редкоус Владимир Михайлович**,
доктор юридических наук, профессор, ведущий
научный сотрудник сектора административного
права и административного процесса Института
государства и права РАН

© **Дуванов Николай Юрьевич**,
кандидат юридических наук, старший препода-
ватель кафедры гражданско-правовых дисциплин
РЭУ им. Г. В. Плеханова

Аннотация. В статье с позиции системного и деятельностного подходов рассмотрено понятие производства по делам об административных правонарушениях, осуществляемого пограничными органами в отношении юридических лиц. Производство по делам об административных правонарушениях, подведомственным пограничным органам, рассмотрено в качестве важнейшего вида административно-процессуальной деятельности юрисдикционного характера, осуществляемого пограничными органами в пределах своей подведомственности в контексте правового обеспечения национальной безопасности. Выделены особенности рассматриваемого производства, к которым отнесены: характер материально-правового спора, который связан с разрешением вопросов, возникающих в связи с необходимостью обеспечения государственной безопасности и национальной безопасности в целом; субъектный состав; особый характер вины юридического лица, трудности ее установления и доказывания.

Ключевые слова: административный процесс; административно-юрисдикционная деятельность; производство по делам об административных правонарушениях; пограничные органы; юридические лица; подведомственность; национальная безопасность; государственная безопасность; пограничная деятельность.

The concept and characteristics of proceedings on cases of adminis- trative offenses carried out by border authorities in relation to legal entities

© **Redkous V. M.**,
D.Sc. in law, Professor, Leading researcher of the
Sector of Administrative Law and Administrative
Process of the Institute of the State and Law, Rus-
sian Academy of Science

© **Duvanov N. Ju.**,
Candidate of Legal Sciences Senior Lecturer at the
Department of Civil Law disciplines of the PRUE
Plekhanov

Resume. The article examines the concept of proceedings in cases of administrative offenses carried out by border authorities in relation to legal entities from the standpoint of a systemic and activity-based approach. Proceedings in cases of administrative offenses subordinated to border authorities are considered as the most important type of administrative procedural activity of a jurisdictional nature, carried out by border

authorities within their jurisdiction in the context of legal support of national security. The features of the proceedings under consideration are highlighted, which include: the nature of the substantive dispute, which is associated with the resolution of issues arising in connection with the need to ensure state security and national security in general; subject composition; the special nature of the guilt of a legal entity, the difficulty of establishing and proving it.

Key words: administrative process; administrative and jurisdictional activities; proceedings on cases of administrative offenses; border authorities; legal entities; jurisdiction; National security; state security; border activities.

Правовое обеспечение национальной безопасности является достаточно новой и недостаточно изученной категорией в юридической науке. Это касается и понятия «правовое обеспечение», и понятия «национальная безопасность». Для раскрытия темы нашего исследования необходимо учитывать следующие моменты: правовое обеспечение является более широкой категорией, чем правовое регулирование; и правовое обеспечение, и правовое регулирование могут носить так называемый отраслевой характер, становясь, например, административно-правовым обеспечением, уголовно-правовым обеспечением; национальная безопасность является более общей категорией, чем государственная и общественная безопасность, которые выступают в качестве самостоятельных видов национальной безопасности, а также стратегических национальных приоритетов, посредством реализации которых осуществляется обеспечение национальных интересов; национальная безопасность аккумулирует в себе все наиболее значимые угрозы иных видов национальной безопасности (экономической, экологической, продовольственной, информационной и иных), в том числе возникающие и в связи с деятельностью юридических лиц; пограничные органы в системе органов федеральной службы безопасности обладают многоаспектной компетенцией, и реализация ими административных полномочий исполнительно-распорядительного характера имеет как самостоятельное процессуальное значение, так и большое значение для обеспечения национальной безопасности в целом.

Поэтому правомерно производство по делам об административных правонарушениях, подведомственным пограничным органам, рассматривать в качестве важнейшего вида административно-процессуальной деятельности, осуществляемого пограничными органами в пределах своей компетенции в контексте правового обеспечения национальной безопасности. К пониманию сущности этого вида деятельности можно подойти, уяснив роль и место производства по делам об административных правонарушениях, осуществляемого пограничными органами, в административно-юрисдикционной деятельности органов федеральной службы безопасности, органов исполнительной власти Российской Федерации, а также административно-процессуальной деятельности в целом. Это важно в контексте необходимости возрождения и налаживания надлежащего систематического обучения методологии научных исследований и прикладной аналитической работы, что важно для проведения предметнопрактических исследований в области административно-юрисдикционной деятельности пограничных органов, о чем справедливо говорят А. И. Землин, В. М. Корякин, А. И. Лаптева, И. В. Понкин, В. Н. Решетников, Ю. Н. Туганов и иные исследователи¹.

¹ Землин А. И., Корякин В. М. Методология военно-правового исследования : учебник и практикум. М.: Кнорус, 2021; Понкин И. В., Лаптева А. И. Методология научных исследований и прикладной аналитики : учебник / изд. 2-е, дополн. и перераб. М.: Буки Веди, 2021; Туганов Ю. Н. Пограничная деятельность: юридический инструментарий Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях нуждается в

Авторами ранее опубликован ряд работ, посвященных исследуемой теме¹. Еще советскому административному праву была известна административная ответственность социалистических организаций. В настоящее время развитие рыночных отношений, усложнение экономических связей, развитие представлений о юридических лицах как субъектах административного права привело к закреплению возможности привлечения юридических лиц к административной ответственности в соответствии с действующим КоАП РФ, что, в свою очередь, привело к включенности юридических лиц в производство по делам об административных правонарушениях в качестве самостоятельного субъекта.

Современное развитие административного законодательства Российской Федерации также связано с бурным развитием его административно-процессуальных основ, механизмов привлечения к административной ответственности, усилением четкости в реализации правового положения субъектов административно-процессуальных отношений. А. Б. Зеленцов, П. И. Кононов и А. И. Стахов связывают развитие представлений об административном процессе с «одной из насущных задач развития российского государства»². Это является отражением общей тенденции совершенствования процессуальной регламентации всех видов государственной деятельности, так как многие материальные нормы права в сфере государственного управления не могут реализовываться без соответствующего процессу-

совершенствовании // Военно-юридический журнал. 2019. № 8. С. 21—24, и др.

¹ См., например: Редкоус В. М., Дуванов Н. Ю. Правовое регулирование применения пограничными органами мер обеспечения производства по делам об административных правонарушениях, осуществляемого в отношении юридических лиц // Военное право. 2021. № 3 (67). С. 90—106, и др.

² Зеленцов А. Б., Кононов П. И., Стахов А. И. Административный процесс и административно-процессуальное право в России: концептуальные проблемы современного развития // Административное право и процесс. 2013. № 12. С. 3.

ального механизма. Уже практически не возникают споры между российскими учеными о признании административно-процессуального права в качестве самостоятельной отрасли российского права³, издается не только монографическая⁴, но и учебная литература⁵ по административно-процессуальному праву.

Исследование понятия и правовых основ производства по делам об административных правонарушениях, осуществляемого пограничными органами, следует начинать с общих вопросов теории административного процесса и административно-юрисдикционной деятельности, составной частью которой является производство по делам об административных правонарушениях⁶. Исследованию подлежит следующая логическая цепочка понятий: «юридический процесс» — «административный процесс (административно-процессуальная деятельность)» — «административно-юрисдикционная деятельность» — «производство по делам об административных правонарушениях» — «производство по делам об административных правонарушениях, осуществляемое органами федеральной службы безопасности» — «производство по делам об административных правонарушениях, осуществляемое пограничными органами в отношении юридических лиц».

³ См., например: Попова Н. Ф. К вопросу о выделении административно-процессуального права в отдельную отрасль права // Современный юрист. 2015. № 1 (10). С. 8—17, и др.

⁴ См., например: Сорокин В. Д. Административно-процессуальное право : учебник. СПб.: «Юридический центр Пресс», 2004 и др.

⁵ См., например: Административно-процессуальное право : учебник / под ред. А. И. Каплунова. СПб.: Санкт-Петербургский университет МВД России, 2015 и др.

⁶ Несмотря на существующие в науке административного права разногласия по поводу видов административно-процессуальной деятельности, а также содержательного объема административно-юрисдикционной деятельности, включенность в последнюю производства по делам об административных правонарушениях является бесспорной.

Наиболее полное представление об административном процессе можно получить, учитывая выдвинутую и обоснованную В. М. Горшеневым и его последователями теорию юридического процесса¹. Их исследования значительно обогатили представление об этом сложном правовом явлении, позволили рассматривать его не только как чисто юрисдикционное явление. Преломляя выделяемые в теории юридического процесса его признаки к рассматриваемой теме исследования, можно сделать вывод, что производство по делам об административных правонарушениях, осуществляемое пограничными органами в рамках своей подведомственности в отношении юридических лиц, представляет собой: организационную форму деятельности, всегда связанную с разбираемостью таких обстоятельств и фактов, которые основываются на праве (законе) и влекут определенные юридические последствия; совокупность правовых форм деятельности исключительно уполномоченных на то субъектов — пограничных органов и должностных лиц, специализирующихся в данной области юридической практики; органически взаимосвязанную систему действий по совершению операций с нормами права; деятельность, результат которой закрепляется принятием соответствующих правовых, имеющих официальный характер и установленную законом форму актов; деятельность, которая объективно нуждается в процессуальной регламентации; деятельность, требующую использования различных методов и средств юридической техники, достижений научно-технического прогресса; объектом правоприменения являются достаточно специфические образования — юридические лица, статус которых в административном праве является не до конца исследованным и определенным.

Развитие научных представлений о содержании административного процесса привело к формированию так называемых

«управленческой» и «юрисдикционной» концепций административного процесса², которые в настоящее время являются доминирующими. При этом продолжает активно развиваться концепция административно-судебного процесса³. Ряд ученых разрабатывают концепцию интегративного административного процесса.

Управленческую концепцию административного процесса сформировали С. С. Студеникин, А. Е. Лунев и иные ученые. Так, в свое время С. С. Студеникин отмечал, что административный процесс составляет совокупность определенных правил, на основе которых осуществляется исполнительно-распорядительная деятельность. С осуществлением деятельности исполнительных органов связывал административный процесс и А. Е. Лунев. Ее последователями являются Д. Н. Бахрах, А. П. Корнев, В. М. Манохин, В. И. Новоселов, Р. С. Павловский, Г. К. Петров, Б. Д. Сорокин, О. М. Якуба и ряд других ученых, понимающих административный процесс в широком смысле.

Другие ученые — А. П. Ключниченко, М. И. Пискотин, Н. Г. Салищева, А. В. Самойленко, В. С. Тадевосян — трактуют административный процесс в более узком смысле, связывая его только с рассмотрением административных дел. Наиболее последовательно отстаивала позицию о необходимости сужения границ административного процесса Н. Г. Салищева. По ее мнению, административный процесс представляет собой регламентированную законом деятельность по разрешению споров, возникающих между сторонами административного правоотношения, не находящимися между собой в от-

² См., например: Севрюгин В. Е. О современной доктрине административного процесса России // Вестник Тюменского института повышения квалификации сотрудников МВД России. 2014. № 1 (2). С. 119—123, и др.

³ См., например: Стахов А. И. Административно-процессуальное право как регулятор административного судопроизводства в России // Административное право и процесс. 2015. № 11. С. 43—49, и др.

¹ Теория юридического процесса / под ред. В. М. Горшенева. Харьков, 1985.

ношениях служебного подчинения, а также по применению мер административного принуждения¹. Таким образом, исходной позицией для определения понятия административного процесса в узком смысле являлся его юрисдикционный характер.

Подход В. Я. Насонова к определению административного процесса отличается большей интегративностью. В. Я. Насонов определяет административный процесс как урегулированную административно-процессуальными нормами деятельность исполнительных органов (должностных лиц) по рассмотрению и разрешению различного рода индивидуальных административных дел, возникающих в сфере государственного управления в ходе реализации задач и функций исполнительной власти². Этими соображениями руководствуется и Ю. М. Козлов, отмечая двойкий подход к пониманию сущности и назначения административно-процессуальной деятельности: правоприменительный (в широком смысле) и правоохранительный (в узком смысле). Ю. М. Козлов пишет, что административный процесс может быть представлен в качестве урегулированной административно-процессуальными нормами деятельностью исполнительных органов (должностных лиц) по рассмотрению и разрешению различного рода индивидуальных административных дел, возникающих в сфере государственного управления, в порядке реализации задач и функций исполнительной власти³.

Следует поддержать позицию ученых, считающих, что административно-процессуальную деятельность нельзя ограничивать только сферой административной юрисдикции, что обусловлено следующими соображениями: юрисдикционная деятельность представляет собой лишь

часть исполнительно-распорядительной деятельности, осуществляемой органами исполнительной власти; сведение административного процесса к рассмотрению только некоторых категорий дел, носящих юрисдикционный характер, означает, по существу, отрицание административно-процессуального, управленческого характера многогранной организационной деятельности органов государственного управления; ограничение функций административного процесса выполнением юрисдикционных задач фактически выводит за его рамки рассмотрение и разрешение многообразных индивидуальных дел положительного характера, которые, в общем, и составляют большую его часть; сужение рамок административного процесса только юрисдикционной деятельностью, по сути, отождествляет его с уголовным и гражданским процессами, что нельзя признать правильным; расчленение административного процесса на сам процесс и административное производство как равные составляющие приводит к неправильному определению сути этих правовых явлений, поскольку производство по конкретной категории административных дел является составной частью процесса и соотносится как особенное и общее; административный процесс является формой применения системы административно-правовых норм, и, более того, данный процесс обслуживает не только отрасль материального административного права, но и материальные нормы иных отраслей права, например земельного. Таким образом, понимание административного процесса в широком смысле позволяет полнее оценить его регулятивные возможности, уяснить его место и роль в системе иных процессуальных отраслей права.

Вопрос о том, что входит в структуру административного процесса, также остается дискуссионным. Так, Ю. М. Козлов считает, что важнейшими элементами, составляющими структуру административного процесса, являются административно-процессуальные производства. Админи-

¹ Салищева Н. Г. Административный процесс в СССР. М., 1964. С. 13, 16.

² Административное право Российской Федерации : учебник / В. Я. Насонов, В. А. Коньшин, К. С. Петров, В. М. Редкоус. М.: Издательский центр «Академия», 2003. С. 65.

³ Административное право : учебник / под ред. Л. Л. Попова. М.: Юристъ, 2002. С. 390.

стративное производство, пишет Ю. М. Козлов, это нормативно урегулированный порядок совершения процессуальных действий, обеспечивающий законное и объективное рассмотрение и разрешение индивидуальных административных дел, объединенных общностью предмета¹. Видовое разнообразие административных производств может быть сведено в соответствии с классификацией административно-процессуальной деятельности к двум обобщенным группам: юрисдикционное производство и процедурное производство. Оба эти производства имеют некоторые общие черты: преимущественно внесудебный порядок разрешения индивидуальных дел; юридически-властное начало; урегулированность (однако в разной степени) административно-процессуальными нормами; административно-процессуальные отношения и принцип и так далее.

В этой связи более приемлемой является позиция А. П. Алехина, в соответствии с которой административный процесс включает в себя административно-процедурную и административно-юрисдикционную процессуальную деятельность², которые состоят из отдельных административных производств. Этот подход позволяет лучше систематизировать всю многочисленную совокупность административных производств в две вышеназванные разновидности административно-процессуальной деятельности.

Разделение административного процесса на соответствующие виды процессуальной деятельности и процессуальные производства отражает объективную потребность общественного разделения труда и специализации деятельности различного рода субъектов, уполномоченных осуществлять такого рода деятельность. При этом выделение конкретных административных производств связано с необходимостью регулирования определенных

качественно однородных общественных отношений, складывающихся в административно-процессуальной сфере и приобретающих, таким образом, характер процессуальных правоотношений.

Рассмотрим административно-юрисдикционную деятельность в системе административно-процессуальной деятельности. Этимологическое понимание термина «юрисдикция» происходит от латинских слов «gus» — право и «dico» — говорю. В современном русском языке слово «юрисдикция» понимается как правомочие производить суд, решать правовые вопросы. Основоположителем изучения данного понятия стал А. П. Шергин, который определяет административную юрисдикцию как деятельность уполномоченных органов по рассмотрению дел об административных правонарушениях и принятию по ним соответствующего решения³. Ю. М. Козлов определяет административную юрисдикцию как административно-процессуальную деятельность, осуществляемую во внесудебном либо судебном порядке с целью рассмотрения и разрешения административно-правовых споров и применения административно-принудительных мер⁴.

Есть и другие подходы к определению данного понятия. Например, Н. Г. Салищева трактует понятие административной юрисдикции как деятельности по разрешению индивидуальных дел, представляющих собой споры в сфере государственного управления⁵, расширяя границы этого правового явления по сравнению с А. П. Шергиным. В. Г. Розенфельд и В. В. Серегина в рассмотрении вопроса административной юрисдикции на первое место выносят административно-процессуальную деятельность юрисдикционного характера, которая направлена на

¹ Там же. С. 392.

² Алехин А. П., Кармолицкий А. А. Административное право России. Основные понятия и институты : учебник. М.: Зерцало-М, 2004. С. 297.

³ Шергин А. П. Административная юрисдикция. М., 1979. С. 91.

⁴ Административное право : учебник / под ред. Л. Л. Попова. М., 2002. С. 415.

⁵ Салищева Н. Г. Административный процесс в СССР. М., 1964. С. 19.

разрешение административных споров и применение мер административного принуждения, осуществляемых в России значительным числом специально уполномоченных органов исполнительной власти, отчасти органов местного самоуправления и общественных организаций, их должностных лиц во внесудебном порядке¹.

И. П. Панова делает вывод, что административная юрисдикция есть подзаконная, правоохранительная и правоприменительная деятельность, в основном, исполнительных органов власти, осуществляемая в рамках таких законодательно закрепленных административно-юрисдикционных производств, как: а) разбирательство споров; б) применение мер административного принуждения; в) деятельность по исполнению государственного принуждения, выполняющая функции: охранительную, воспитательную, регулятивную². В. В. Головкин считает, что под административной юрисдикционной деятельностью следует подразумевать осуществление исполнительно-распорядительной, правоприменительной, правоохранительной, квазисудебной деятельности уполномоченными на то органами (должностными лицами) в определенной правовой сфере в соответствии с установленной действующим законодательством и иными нормативными правовыми актами компетенцией³.

А. И. Каплунов, А. О. Дрозд отмечают, что для понимания содержания рассматриваемого вопроса необходимо выделить две составные части: а) юрисдикцию; б) юрисдикционную деятельность. С учетом изменившегося за последние годы законода-

тельства и появившихся в праве новых определений доктринальное толкование термина «юрисдикция» как деятельности по разрешению споров и конфликтов и принятию решения по существу дела требует своего совершенствования. Представляется верным мнение авторов о том, что административная юрисдикция — это подведомственность, полномочия или компетенция по осуществлению правоприменительной деятельности. Что же касается реализации этих полномочий, то ученые понимают ее как юрисдикционную деятельность⁴.

Вышеназванные подходы к определению административной юрисдикции являются по-своему верными, однако исчерпывающе не раскрывают сущность данного правового явления. Проанализировав и объединив различные точки зрения ученых, можно сделать вывод, что в науке административная юрисдикция может рассматриваться как: установленная законом совокупность правомочий соответствующих государственных органов разрешать правовые споры и дела о правонарушениях, оценивать действия лица или иного субъекта права с точки зрения их правомерности, применять юридические санкции к правонарушителям; территория в подведомственности определенного органа власти; отправление правосудия, а также иная деятельность государственных органов по рассмотрению споров, дел о правонарушениях и применению санкций; деятельность соответствующих органов и должностных лиц, основанная на применении норм права в сфере исполнительной власти, осуществляемая с помощью административно-юрисдикционных производств (производства по делам об административных правонарушениях, согласительного производства, производства по жалобам, дисциплинарного производства);

¹ Розенфельд В. Т., Серегина В. В. Административное принуждение (понятие, виды административного принуждения, процессуальное регулирование их применения) : учеб. пособие. Воронеж, 1996. С. 115.

² Панова И. В. Административно-процессуальная деятельность в Российской Федерации. Саратов, 2001. С. 47.

³ Головкин В. В. Понятие и признаки административной юрисдикции // Научный вестник Омской академии МВД России. 2014. № 4 (55). С. 61.

⁴ Каплунов А. И., Дрозд А. О. О предмете административной юрисдикции и понятии административно-юрисдикционной деятельности // Ленинградский юридический журнал. 2012. № 2. С. 30.

понятие, тождественное понятию правоохранительной деятельности, так как центральное место в правоохранительной деятельности, по мнению, например, С. С. Алексеева, занимает рассмотрение правового спора (юридического дела) и вынесение по нему решения¹. Данная деятельность является тождественной деятельности юрисдикционной, в процессе которой находят свое применение правовые санкции и закрепляется юридическая ответственность.

До настоящего времени считается спорным вопрос о видах административно-юрисдикционных производств. Так, например, И. В. Панова выделяет: а) исполнительное производство (деятельность по исполнению актов с применением мер принуждения); б) административно-процессуальное производство (деятельность по применению мер административно-процессуального принуждения, не являющихся мерами ответственности); в) дисциплинарное производство; г) производство по жалобам; д) производство по делам об административных правонарушениях². В научной литературе указывается, что наиболее ярко выраженными видами административно-юрисдикционных производств являются: производство по делам об административных правонарушениях; дисциплинарное производство, производство по жалобам³. Указанные производства соотносятся с административным процессом как категории особенного и общего и входят в качестве обособленного элемента в его структуру. Этот подход поддерживают В. Я. Насонов, В. А. Коньшин, К. С. Петров и др.⁴

Эти определения позволяют выделить наиболее характерные черты административно-юрисдикционной деятельности: ад-

министративно-юрисдикционная деятельность — важнейшая составляющая административного процесса и юридического процесса вообще, носящая преимущественно правоохранительный характер⁵; административно-юрисдикционная деятельность представляет собой лишь часть исполнительно-распорядительной деятельности, осуществляемой органами исполнительной власти. Ю. М. Козлов отмечает, что административно-юрисдикционная деятельность не является главным и определяющим содержанием государственно-управленческой деятельности признаком⁶; являясь процессуальной деятельностью, административно-юрисдикционная деятельность имеет свои цель и задачи, функции, стадии, субъекты осуществления, формы и методы, средства (меры) обеспечения; административно-юрисдикционная деятельность применяется во внесудебном порядке уполномоченными органами исполнительной власти (их должностными лицами); предметом административно-юрисдикционной деятельности являются возникшие в определенной области государственного управления конкретные административно-правовые споры; в ходе административно-юрисдикционной деятельности осуществляется правовая оценка поведения сторон возникшего административного спора; административно-юрисдикционная деятельность связана с возможностью применения мер устанавливаемой нормами административного права юридической ответственности к виновной стороне административно-правового спора, а также иных мер принуждения.

Вышеназванное создает основу для выработки определения понятия административно-юрисдикционной деятельности, осуществляемой пограничными органами. Следует поддержать определение, разрабо-

¹ Алексеев С. С. Государство и право. Начальный курс. М., 1994. С. 148.

² Панова И. В. Указ. соч. С. 116—118.

³ Административное право : учебник / под ред. Л. Л. Попова. М., 2002. С. 415—419.

⁴ Административное право Российской Федерации : учебник / В. Я. Насонов, В. А. Коньшин, К. С. Петров, В. М. Редкоус. С. 70.

⁵ Например, можно еще выделить правообеспечительный, профилактический характер административной юрисдикции.

⁶ Административное право : учебник / под ред. Л. Л. Попова. М., 2002. С. 408—415.

танное М. П. Тереховой, определяющей административно-юрисдикционную деятельность пограничных органов как деятельность пограничных органов и их должностных лиц в пределах их компетенции, осуществляемую во внесудебном порядке в рамках административно-процессуальной деятельности федеральной службы безопасности, направленную на рассмотрение и разрешение возникающих в области осуществления пограничной деятельности административно-правовых споров, правовую оценку поведения их участников и применение к виновной стороне в необходимых случаях мер юридической ответственности¹.

По мнению авторов, для формулирования определения производства по делам об административных правонарушениях, осуществляемого пограничными органами, необходимо опираться на определение производства по делам об административных правонарушениях, осуществляемого органами федеральной службы безопасности, а также проанализировать предлагаемые в научной и учебной литературе определения данного вида производства. Большинство ученых производство по делам об административных правонарушениях определяется с учетом положений ст. 24.1. КоАП РФ, устанавливающей его задачи.

Так, например, А. П. Алехин определяет производство по делам об административных правонарушениях как урегулированную административно-процессуальными нормами деятельность уполномоченных органов и должностных лиц по пресечению, объективному рассмотрению и законному назначению наказания лицу, совершившему административное правонарушение, а также его исполнению². По мнению авторов, в данном определении не отражается предупреди-

тельно-профилактическая направленность производства, что конкретно закреплено в ст. 24.1. КоАП РФ: «Задачами производства по делам об административных правонарушениях являются ... также выявление причин и условий, способствовавших совершению административных правонарушений». В определении производства по делам об административных правонарушениях, предложенного в работе Д. Н. Бахраха и Э. Н. Ренова³, просто затушевываются основные задачи производства, закрепленные в ст. 24.1 КоАП РФ.

В. Д. Сорокин, рассматривая производство по делам об административных правонарушениях, выделяет обстоятельства, говорящие об особом месте данного производства в административном процессе в целом⁴. К ним он относит следующие: неразрывная связь с такой формой государственного принуждения, как административная ответственность; практическая потребность, которая выражается в необходимости четкого правового регулирования института административной ответственности; обеспечение материально-юридической природы института административной ответственности и приобретение в связи с этим стабильности, упорядоченности и стройности; большой научный интерес, так как производство по делам об административных правонарушениях признается и представителями «юрисдикционной», и «управленческой» концепций административного процесса.

В учебнике под редакцией П. И. Конова, В. Я. Кикотя, И. Ш. Киясханова производство по делам об административных правонарушениях определяется как «основанная на законе и облеченная в форму правовых отношений деятельность судей, органов и должностных лиц по возбуждению и рассмотрению дел об административных правонарушениях, а также применению к виновным мер административной ответственности, осуществляемая в

¹ Редкоус В. М., Терехова М. Понятие административно-юрисдикционной деятельности пограничных органов // Закон и право. 2011. № 4. С. 107.

² Алехин А. П., Кармолицкий А. А. Указ. соч. С. 299.

³ Бахрах Д. Н., Ренов Э. Н. Указ. соч. С. 101.

⁴ Сорокин В. Д. Административно-процессуальное право. С. 494—498.

особом административно-процессуальном порядке в целях всестороннего, полного, объективного и своевременного выяснения обстоятельств каждого дела, разрешения его в соответствии с законом, обеспечения исполнения вынесенного постановления, а также выявления причин и условий, способствовавших совершению административных правонарушений»¹.

Д. Р. Кеворков определяет производство по делам об административных правонарушениях применительно к теме своего исследования как «часть административно-юрисдикционного процесса, то есть, урегулированную нормами административного права деятельность должностных лиц пограничных органов и пограничных войск по возбуждению, рассмотрению дела об административном правонарушении, исполнению принятых по делу постановлений, а в случае необходимости — административному расследованию, пересмотру постановлений, решений по делу об административном правонарушении, а также применению мер обеспечения производства»². В основу своего, в принципе, верного определения Д. Р. Кеворков положил стадийность производства по делам об административных правонарушениях. Однако, по мнению авторов, это определение следовало бы уточнить. Не всегда должностные лица органов исполнительной власти, уполномоченные составлять протоколы об административных правонарушениях (ст. 28.3. КоАП РФ), уполномочены рассматривать соответствующие дела (гл. 23 КоАП РФ). Также, по мнению авторов, не совсем корректно включать меры обеспечения производства по делам об административных правонарушениях в само производство, хоть этот вопрос следует

отнести к спорным. Необходимо четко выдерживать методологический подход, изложенный В. Д. Сорокиным: производство по делу, в первую очередь, направлено на четкое правовое регулирование института административной ответственности.

Также Д. В. Кеворков в своей диссертации предложил следующее определение производства по делам об административных правонарушениях в пограничных органах и пограничных войсках: это часть административно-юрисдикционного процесса, то есть урегулированная нормами административного права деятельность должностных лиц пограничных органов и пограничных войск по возбуждению, рассмотрению дела об административном правонарушении, исполнению принятых по делу постановлений, а в случае необходимости — административному расследованию, пересмотру постановлений, решений по делу об административном правонарушении, а также применению мер обеспечения производства³.

Для определения производства по делам об административных правонарушениях, осуществляемого органами федеральной службы безопасности, кроме учета положений ст. 24.1 КоАП РФ просто необходимо учитывать предназначение и специфику деятельности органов федеральной службы безопасности.

С учетом вышеизложенного производство по делам об административных правонарушениях, осуществляемое органами федеральной службы безопасности, необходимо рассматривать как важнейшую разновидность административной деятельности органов федеральной службы безопасности, связанную с реализацией органами безопасности внешних исполнительно-распорядительных полномочий, и представляющую собой урегулированную административно-процессуальными нормами и осуществляемую во внесудебном порядке деятельность уполномоченных органов, подразделений и должностных лиц органов федеральной службы безопас-

¹ Административное право России : учебник / под ред. П. И. Кононова, В. Я. Кикотя, И. Ш. Килясханова. 4-е изд. перераб. и доп. М., 2009. С. 446.

² Кеворков Д. Р. Правовые основы производства по делам об административных правонарушениях в пограничных органах и пограничных войсках Федеральной службы безопасности Российской Федерации : дис. ... канд. юрид. наук. М., 2004. С. 34.

³ Там же. С. 142—164.

ности, направленную на всестороннее, полное, объективное и своевременное выяснение обстоятельств каждого дела об административном правонарушении, подведомственного органам федеральной службы безопасности, разрешение его в соответствии с законом, обеспечение исполнения вынесенного постановления, выяснение причин и условий, способствовавших совершению административных правонарушений, а также на создание условий для эффективного осуществления органами федеральной службы безопасности законодательно закрепленных направлений деятельности в целях обеспечения безопасности Российской Федерации. Полномочия органов федеральной службы безопасности по осуществлению производства по делам об административных правонарушениях — важнейшая часть их компетенции, установленной федеральным законодательством.

Определения производства по делам об административных правонарушениях КоАП РФ не дает, однако в разделах и включенных в них главах закрепляет процессуальные основы его осуществления. В административном праве данное производство рассматривается в рамках административного процесса и административно-юрисдикционной деятельности. При выработке требуемого определения необходимо отразить процессуальный характер данного понятия, и его направленность на достижение задач производства по делам об административных правонарушениях, закрепленных в ст. 24.1 КоАП РФ.

Категория «подведомственность» находит свое официальное применение в юридической науке и законодательстве. Под подведомственностью понимается механизм распределения юридических дел между различными юрисдикционными органами¹, в связи с чем при установлении критериев подведомственности необходимо учитывать соотношение следующих факторов: материально-правовой характе-

ристики подлежащего разрешению дела и сущности юрисдикционного органа. Под подведомственностью также понимают относимость нуждающихся в государственно-властном разрешении споров о праве и иных дел к ведению различных государственных, общественных, смешанных органов и третейских судов, как свойство юридических дел, в силу которых они подлежат разрешению определенными юридическими органами, отнесение спора о праве или иного юридического дела к компетенции определенного органа. Критериям разграничения подведомственности являются: субъектный состав, характер материально-правового спора, указание в самом законе об отнесении дела к подведомственности судов общей юрисдикции или арбитражных судов и другие в зависимости от правовой ситуации. Игнорирование указанных факторов отражается на эффективности осуществления органом своей деятельности и действенности защиты прав и интересов участников отношений, из которых возникло подлежащее разрешению дело. Подведомственность является одной из обязательных предпосылок, дающих возможность юридически заинтересованному лицу реализовать свое право на судебную защиту.

В административном праве с подведомственностью связывается, прежде всего, подчиненность одной организации другой, и, во-вторых, отнесенность определенных юридических дел к компетенции (ведению) определенного органа (должностного лица). Под подведомственностью дел об административных правонарушениях пограничным органам следует понимать отнесение законом определенных юридических дел к компетенции (ведению) пограничных органов. Критериями разграничения подведомственности выступают: характер материально-правового спора; субъектный состав; указание в КоАП РФ об отнесении дел об административных правонарушениях к подведомственности федеральной службы безопасности в зависимости от правовой ситуации.

¹ Осипов Ю. Н. Подведомственность юридических дел. Свердловск, 1973. С. 83.

Подведомственность дел об административных правонарушениях пограничным органам базируется на соответствующих положениях КоАП РФ (ч. 1 ст. 23.10; ч. 1 ст. 23.52; п. 14 ч. 2 ст. 28.3; п. 66 ч. 2 ст. 28.3; абзацах втором и третьем ч. 3 ст. 28.3 КоАП РФ), которые устанавливают полномочия пограничных органов по возбуждению и рассмотрению дел об административных правонарушениях, а также очерчивают пределы реализации пограничными органами административно-юрисдикционной компетенции в отношении ряда правонарушений, составы которых закреплены в гл. 7, 8, 17, 18, 19 КоАП РФ.

В данных правовых отношениях пограничные органы выступают как: собственно пограничные органы (ст. 23.10, п. 14 ч. 2 ст. 28.3 КоАП РФ); органы, осуществляющие государственный контроль и надзор за соблюдением обязательных требований к продукции и государственный метрологический надзор (ст. 23.52 КоАП РФ); как структурное подразделение федерального органа исполнительной власти, территориальные органы, уполномоченные осуществлять производство по делам об административных правонарушениях в соответствии с КоАП РФ (абзац второй ч. 3 ст. 28.3 КоАП РФ); как структурное подразделение федерального органа исполнительной власти, территориальные органы, уполномоченные осуществлять государственный контроль (надзор) (абзац третий ч. 3 ст. 28.3 КоАП РФ).

Таким образом, производство по делам об административных правонарушениях, осуществляемое пограничными органами, направлено на решение стоящих перед органами федеральной службы безопасности, пограничными органами задач по обеспечению безопасности Российской Федерации посредством реализации института административной ответственности.

Производство по делам об административных правонарушениях, подведомственных пограничным органам ФСБ России, осуществляемое в отношении юриди-

ческих лиц, представляет собой разновидность административно-юрисдикционной деятельности, осуществляемой пограничными органами и их должностными лицами в целях всестороннего, полного, объективного и своевременного выяснения обстоятельств каждого дела, разрешения его в соответствии с законом, обеспечения исполнения вынесенного постановления, выявления причин и условий, способствовавших совершению административных правонарушений юридическими лицами в области защиты государственной границы Российской Федерации и обеспечения режима пребывания иностранных граждан или лиц без гражданства на территории Российской Федерации; охраны собственности; охраны окружающей среды и природопользования, а также административных правонарушений, посягающих на институты государственной власти и административных правонарушений против порядка управления.

Для определения характерных черт производства по делам об административных правонарушениях, осуществляемых пограничными органами в отношении юридических лиц, определяющим будут следующие положения законодательных актов Российской Федерации:

а) положения Федерального закона от 3 апреля 1995 г. № 40-ФЗ «О федеральной службе безопасности»:

— ч. 1 ст. 1 — «Федеральная служба безопасности — единая централизованная система органов федеральной службы безопасности, осуществляющая решение в пределах своих полномочий задач по обеспечению безопасности Российской Федерации»;

— ст. 8, устанавливающая, что пограничная деятельность является наравне с контрразведывательной деятельностью, борьбой с терроризмом, борьбой с преступностью, разведывательной деятельностью, обеспечением информационной безопасности одним из основных направлений деятельности органов федеральной службы безопасности;

— ст. 11.1, закрепляющая, что «направлениями пограничной деятельности являются:

защита и охрана Государственной границы Российской Федерации в целях недопущения противоправного изменения прохождения Государственной границы Российской Федерации, обеспечения соблюдения физическими и юридическими лицами режима Государственной границы Российской Федерации, пограничного режима и режима в пунктах пропуска через Государственную границу Российской Федерации;

защита и охрана экономических и иных законных интересов Российской Федерации в пределах приграничной территории, исключительной экономической зоны и континентального шельфа Российской Федерации, а также охрана за пределами исключительной экономической зоны Российской Федерации запасов андромных видов рыб, образующихся в реках Российской Федерации, трансграничных видов рыб и далеко мигрирующих видов рыб в соответствии с международными договорами Российской Федерации и (или) законодательством Российской Федерации»;

п. «г.1» ст. 12, устанавливающий обязанность органов федеральной службы безопасности «выявлять, предупреждать и пресекать административные правонарушения, возбуждение и (или) рассмотрение дел о которых отнесены Кодексом Российской Федерации об административных правонарушениях к ведению органов федеральной службы безопасности»;

п. «г.1» ст. 13, устанавливающий право органов федеральной службы безопасности «составлять протоколы об административных правонарушениях, выносить определения и постановления по делам об административных правонарушениях, назначать административные наказания по делам об административных правонарушениях, вносить представления об устранении причин и условий, способствовавших совершению административных пра-

вонарушений, и осуществлять иные полномочия по делам об административных правонарушениях, отнесенным Кодексом Российской Федерации об административных правонарушениях к ведению органов федеральной службы безопасности»;

б) положения Закона Российской Федерации от 1 апреля 1993 г. № 4730-1 «О Государственной границе Российской Федерации»:

— абз. 4 ч. 1 ст. 30, устанавливающий, что пограничные органы «осуществляют производство по делам об административных правонарушениях, отнесенным к их ведению законодательством Российской Федерации, в пределах своей компетенции рассматривают эти дела и исполняют постановления по ним» в целях охраны Государственной границы на суше, море, реках, озерах и иных водных объектах, в пунктах пропуска через Государственную границу, а также осуществления пропуска через Государственную границу.

Особенностями рассматриваемого производства являются:

— *во-первых*, характер материально-правового спора, который связан с разрешением вопросов, возникающих в связи с необходимостью обеспечения государственной безопасности и национальной безопасности в целом;

— *во-вторых*, субъектный состав. С одной стороны, это пограничные органы, а с другой — юридические лица, правовое положение которых во многом определяется нормами гражданского законодательства. Если организация не будет отвечать критериям юридического лица, она не может быть привлечена к административной ответственности как юридическое лицо;

— *в-третьих*, особый характер вины юридического лица, трудности ее установления и доказывания.

Библиография

1. Административное право : учебник / под ред. Л. Л. Попова. — М.: Юрист, 2002.
2. Административное право Российской Федерации : учебник / В. Я. Насонов, В. А. Коньшин, К. С. Петров, В. М. Редкоус. — М.: Издательский центр «Академия», 2003.

3. Административно-процессуальное право : курс лекций / под ред. проф. И. Ш. Киясханова. — М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2004. — 399 с.
4. Административно-процессуальное право : учебник / под ред. А. И. Каплунова. — СПб.: Санкт-Петербургский университет МВД России, 2015. — 376 с.
5. Административное право России : учебник / под ред. П. И. Кононова, В. Я. Кикотя, И. Ш. Киясханова. 4-е изд. перераб. и доп. — М.: ЮНИТИ-ДАНА: Закон и право, 2009.
6. Алексеев, С. С. Государство и право. Начальный курс / С. С. Алексеев. — М.: Юрид. лит., 1994. — 192 с.
7. Алехин, А. П. Административное право России. Основные понятия и институты : учебник / А. П. Алехин, А. А. Кармолицкий. — М.: Зерцало-М, 2004.
8. Бахрах, Д. Н. Административная ответственность по российскому законодательству / Д. Н. Бахрах, Э. Н. Ренов. — М.: Норма, 2004. — 304 с.
9. Головкин, В. В. Понятие и признаки административной юрисдикции / В. В. Головкин // Научный вестник Омской академии МВД России. — 2014. — № 4 (55). — С. 60—63.
10. Зеленцов, А. Б. Административный процесс и административно-процессуальное право в России: концептуальные проблемы современного развития / А. Б. Зеленцов, П. И. Кононов, А. И. Стахов // Административное право и процесс. — 2013. — № 12. — С. 3—15.
11. Землин, А. И. М. Методология военно-правового исследования : учебник и практикум / А. И. Землин, В. М. Корякин. — М.: Кнорус, 2021. — 228 с.
12. Каплунов, А. И. О предмете административной юрисдикции и понятии административно-юрисдикционной деятельности / А. И. Каплунов, А. О. Дрозд // Ленинградский юридический журнал. — 2012. — № 2.
13. Кеворков, Д. Р. Правовые основы производства по делам об административных правонарушениях в пограничных органах и пограничных войсках Федеральной службы безопасности Российской Федерации : дис. ... канд. юрид. наук / Д. Р. Кеворков. — М., 2004. — 205 с.
14. Осипов, Ю. Н. Подведомственность юридических дел / Ю. Н. Осипов. — Свердловск, 1973. — 121 с.
15. Панова, И. В. Административно-процессуальная деятельность в Российской Федерации / И. В. Панова. — Саратов, 2001.
16. Понкин, И. В. Методология научных исследований и прикладной аналитики : учебник. Изд. 2-е, дополн. и перераб. / И. В. Понкин, А. И. Лаптева. — М.: Буки Веди, 2021.
17. Попова, Н. Ф. К вопросу о выделении административно-процессуального права в отдельную отрасль права / Н. Ф. Попова // Современный юрист. — 2015. — № 1 (10). — С. 8—17.
18. Редкоус, В. М. Понятие административно-юрисдикционной деятельности пограничных органов / В. М. Редкоус, М. Терехова // Закон и право. — 2011. — № 4.
19. Редкоус, В. М. Правовое регулирование применения пограничными органами мер обеспечения производства по делам об административных правонарушениях, осуществляемого в отношении юридических лиц / В. М. Редкоус, Н. Ю. Дуванов // Военное право. — 2021. — № 3 (67). — С. 90—106.
20. Разоренов, К. И. Об управленческой и юрисдикционной концепциях административного процесса / К. И. Разоренов // Проблемы укрепления законности и правопорядка: наука, практика, тенденции. — 2009. — № 2. — С. 49—57.
21. Розенфельд, В. Т. Административное принуждение (понятие, виды административного принуждения, процессуальное регулирование их применения) : учеб. пособие / В. Т. Розенфельд, В. В. Серегина. — Воронеж, 1996.
22. Салищева, Н. Г. Административный процесс в СССР / Н. Г. Салищева. — М.: Юрид. лит., 1964. — 158 с.
23. Севрюгин, В. Е. О современной доктрине административного процесса России / В. Е. Севрюгин // Вестник Тюменского института повышения квалификации сотрудников МВД России. — 2014. — № 1 (2). — С. 119—123.
24. Стахов, А. И. Административно-процессуальное право как регулятор административного судопроизводства в России / А. И. Стахов // Административное право и процесс. — 2015. — № 11. — С. 43—49.
25. Сорокин, В. Д. Административно-процессуальное право : учебник / В. Д. Сорокин. — СПб.: «Юридический центр Пресс», 2004. — 540 с.
26. Студеникин, С. С. Социалистическая система государственного управления и вопрос о предмете административного права / С. С. Студеникин // Вопросы советского административного права. — М., 1949.
27. Теория юридического процесса / под ред. В. М. Горшенева. — Харьков, 1985. — 192 с.
28. Туганов, Ю. Н. Прекращение дел об административных правонарушениях, освобождение военнослужащих, совершивших правонарушения, от административной ответственности / Ю. Н. Туганов // Право в Вооруженных Силах — военно-правовое обозрение. — 2014. — № 1 (199). — С. 10—19.
29. Туганов, Ю. Н. Пограничная деятельность: юридический инструментарий Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях нуждается в совершенствовании

/ Ю. Н. Туганов // Военно-юридический журнал. —
2019. — № 8. — С. 21—24.

30. Шергин, А. П. Административная
юрисдикция : монография / А. П. Шергин. — М.:
Научиздат, 1979. — 641 с.

Актуальные проблемы правового регулирования внесения представлений об устранении причин и условий, способствовавших совершению административных правонарушений в сфере защиты Государственной границы

© Решетников Виктор Николаевич,
кандидат юридических наук, доцент, сотрудник
Центра исследования проблем российского права
«Эквитас»

© Григорьев Сергей Александрович,
юрист Центра исследования проблем российско-
го права «Эквитас»

Аннотация. В статье анализируется право должностных лиц пограничных органов вносить представления об устранении причин и условий, способствовавших совершению административных правонарушений. Определены некоторые проблемы правового регулирования внесения представлений с предложением путей их решения.

Ключевые слова: представление, должностные лица пограничных органов, меры профилактики правонарушений.

Current problems of legal regulation of submissions on elimination of the causes and conditions promoting the commission of adminis- trative offenses in the sphere of state border protection

© Reshetnikov V. N.,
candidate of legal sciences, associate professor, em-
ployee of the Center for research of problems of
Russian law "Equitas"

© Grigoriev S. A.,
lawyer at the Center for the research of problems of
Russian law "Equitas"

Annotation. The article analyzes the right of officials of border agencies to submit ideas on the elimination of the causes and conditions that contributed to the commission of administrative offenses. Some problems of legal regulation of making representations are identified with a proposal for ways to solve them.

Key words: presentation, officials of border agencies, measures for the prevention of offenses.

На первый взгляд, дискуссионного характера тема правового регулирования внесения представлений об устранении причин и условий, способствовавших совершению административных правонарушений, не требует. Правоприменительная практика уже давно выработала критерии обоснованности внесения такого представ-

ления, процедуру внесения и ответственность за неисполнение выдвинутых предписаний.

В то же время анализ норм законодательства и судебной практики позволяет выявить ряд проблемных вопросов, требующих решения в рамках настоящей статьи. Авторами предлагается рассмотреть

некоторые вопросы правового регулирования внесения должностными лицами пограничных органов представлений об устранении причин и условий, способствовавших совершению административных правонарушений, и выработать рекомендации по их решению.

Надо полагать, что несовершенство правового регулирования в какой-либо сфере снижает эффективность ее правовых средств, следовательно, данные правовые средства будут не в полной мере соответствовать потенциалу, который изначально в них закладывался законодателем. Это характерно и для внесения представлений как средства профилактики правонарушений¹. Например, интересным для изучения представляется вопрос, является правом или обязанностью должностных лиц пограничных органов выявление причин и условий, способствующих совершению правонарушений, и принятие решений о внесении представлений?

Изучив научно-периодическую литературу по рассматриваемым вопросам и соглашаясь с мнением А. Г. Новохатского и В.М. Редкоуса², представляется возможным разделить правовые основы профилактики административных правонарушений, подведомственные пограничным органам, на четыре вида нормативных правовых актов:

1) Федеральный закон от 23 июня 2016 г. № 182-ФЗ «Об основах системы профилактики правонарушений в Российской Федерации»;

2) Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях;

3) Федеральный закон от 3 апреля 1995 г. № 40-ФЗ «О федеральной службе безопасности»;

4) приказ ФСБ России от 13 марта

2004 г. № 162 «О внесении представлений органами федеральной службы безопасности», который регламентирует процессуальные аспекты и порядок внесения представлений органами федеральной службы безопасности.

В настоящее время применительно к деятельности должностных лиц пограничных органов недостаточно глубоко изучены вопросы, связанные с реализацией механизма внесения представлений об устранении причин административного правонарушения и условий, способствовавших его совершению, как важного средства профилактики правонарушений. В первую очередь это касается полномочий должностных лиц пограничных органов в условиях, когда административное правонарушение еще не совершено или совершено формально ввиду отсутствия субъекта правонарушения, при этом выявлены причины и условия, которые способствуют его совершению. В частности, речь идет о ситуациях, когда административное правонарушение совершается лицом, не достигшим шестнадцати лет, или находящимся в состоянии невменяемости, либо, например, когда со стороны какой-либо организации систематически не соблюдаются меры по поддержанию внутриобъектового режима, что, в свою очередь, может повлечь нарушение режима Государственной границы. В контексте исследуемого вопроса, по мнению авторов, требует уточнения соотношение понятий «способствующих» и «способствовавших» применительно к причинам и условиям правонарушений в различных нормативных правовых актах.

Согласно толковому словарю³ «способствовать» — значит: 1) оказывать помощь, содействие; помогать; 2) служить средством осуществления чего-либо, делать возможным что-либо. Следовательно, представления вносятся должностными лицами при выявлении причин и условий,

¹ Макаруч И. Ю., Панченко В. Ю. Представление как правовое средство // Законодательство и экономика. 2014. № 6. С. 36—46.

² Новохатский А. Г., Редкоус В. М. Понятие и правовая основа профилактики административных правонарушений, подведомственных органам государственной безопасности // Закон и право. 2019. № 3. С. 134—137.

³ Толковый словарь Ефремовой. [Электронный ресурс] URL: <https://www.efremova.info/word/sposobstvovat.html#X7VSRWgzbiU> (дата обращения: 20.06.2021).

которые делают возможным совершение правонарушения в будущем (то есть, правонарушение может быть еще не совершено). Вместе с тем ст. 29.13 КоАП РФ наделяет правом должностных лиц, рассматривающих дело об административном правонарушении, при установлении причин административного правонарушения и условий, способствовавших его совершению (только по факту уже совершенного правонарушения), вносить представление о принятии мер по устранению указанных причин и условий. Таким образом, при своевременном выявлении должностными лицами государственного органа причин и условий, способных привести к совершению правонарушения (до момента совершения самого правонарушения) отсутствует возможность требовать от организаций и должностных лиц принятия мер к устранению этих причин и условий с целью недопущения совершения правонарушения и наступления его вредных последствий. В свою очередь, Федеральный закон «О федеральной службе безопасности» хоть и предусматривает применение органами федеральной службы безопасности мер профилактики, при этом внесение представления об устранении причин и условий, способствовавших совершению административного правонарушения, по каким-то причинам к мерам профилактики не относится.

Вышеизложенное позволяет утверждать, что в вопросах внесения представлений об устранении причин и условий, способствовавших совершению административных правонарушений, усматривается расхождение с требованиями Федерального закона «Об основах системы профилактики правонарушений в Российской Федерации» в части, касающейся предоставления права осуществлять меры профилактики до совершения правонарушения.

К тому же, в условиях действующего законодательства вносить представление может только лицо, рассматривающее дело об административном правонарушении,

что при различных обстоятельствах может затруднять процесс внесения представлений. Например, учитывая важность и специфику применения мер профилактики правонарушений в сфере защиты Государственной границы, при необходимости уточнения причин и условий административного правонарушения.

Как справедливо полагал И. И. Гузоватый¹, в КоАП РФ четко не определены сроки подготовки и внесения представления в соответствующую организацию и должностному лицу, что создает предпосылки для ее различной трактовки вышестоящими и надзирающими органами и, как следствие, препятствует единому правоприменению всеми правоохранительными органами и судами во всех субъектах Российской Федерации. Указанный автор считает правильным установление срока не позднее десяти суток с момента рассмотрения дела об административном правонарушении вносить в соответствующие организации и соответствующим должностным лицам представление о принятии мер по устранению указанных причин и условий. Учитывая вышесказанное, предлагаем целесообразным считать данный срок не с момента рассмотрения дела об административном правонарушении, а с момента выявления причин и условий, способствующих совершению правонарушения.

Также необходимо учитывать, что производство по делам об административных правонарушениях может затягиваться, например, при их обжаловании². В этом случае нигде не определено, в течение какого срока вносится представление. По

¹ Гузоватый И. И. Пограничные органы федеральной службы безопасности как субъект профилактики правонарушений в области защиты Государственной границы Российской Федерации // Военное право. 2019. № 2 (54). С. 78—83.

² См. об этом, напр.: Туганов Ю. Н. Обеспечение права военнослужащего на защиту по делам об административных правонарушениях (по материалам судебной практики) // Право в Вооруженных Силах — военно-правовое обозрение. 2012. № 5 (179). С. 61—66

нашему мнению, необходимо определить срок внесения представлений об устранении причин и условий, способствующих совершению административного правонарушения, до одного года, при выявлении новых обстоятельств дела, которые могут повлиять на установление причин и условий совершения правонарушения.

Как справедливо полагает В. В. Лазарев, под обязанностью традиционно понимается мера должного поведения обязанного субъекта, а право — это установленная юридической нормой мера возможного поведения участника правоотношения¹. Зачастую субъективные права и юридические обязанности могут полностью совпадать. Получается, что предоставленная лицу возможность, по сути, будет являться его обязанностью. Таковы полномочия органов государства и должностных лиц, составляющие одновременно их обязанности и их права². Это совершенно справедливо и для должностных лиц органов федеральной службы безопасности. Так, с одной стороны, пунктом «г.1» ст. 13 Федерального закона «О федеральной службе безопасности» предоставлено право вносить представления об устранении причин и условий, способствовавших совершению административных правонарушений, но, с другой стороны, органы федеральной службы безопасности обязаны совершать данные действия. Иными словами, устанавливается обязанность вносить представления, хотя законодательство и закрепляет это как право. Каждое право, как и обязанность, реализуется органами федеральной службы безопасности в рамках основной или иной функции. Обобщая вышесказанное и учитывая то, что в настоящее время уже сложилась новая парадигма наделяния правами и обязанностями должностных лиц государственных органов, предлагаем считать это не правом, а реализацией полномочий. Такое целевое назначение ука-

занного правового средства, учитывая важность и необходимость профилактики правонарушений при осуществлении пограничной деятельности, служит стабильному существованию Российской Федерации и развитию полномочий пограничных органов в деле обеспечения безопасности государства.

Продолжая исследование нашего вопроса, следует отметить, что форма представления об устранении причин и условий, способствовавших совершению административного правонарушения, как процессуального документа законодательно не определена, а также отсутствует его дефиниция.

Таким образом, представляется возможным сделать вывод, что в настоящее время существует объективная необходимость в разработке современных подходов к совершенствованию правового регулирования внесения представлений должностными лицами пограничных органов. Кроме того, целесообразно гармонизировать положения нормативных правовых актов, регламентирующих внесение представлений пограничными органами.

Во-первых, привести в соответствие с Федеральным законом «Об основах системы профилактики правонарушений в Российской Федерации» правовые акты, затрагивающие вопросы внесения представлений должностными лицами федеральной службы безопасности.

Во-вторых, предлагаем изложить ч. 1 ст. 29.13 КоАП РФ в следующей редакции: «Судья, орган, должностное лицо федерального органа исполнительной власти, структурного подразделения или территориального органа, иного государственного органа, либо уполномоченное лицо коллегиального органа, наделенные правом вносить представление, в срок не позднее десяти суток с момента установления причин и условий, способствующих совершению административного правонарушения (не позднее одного года в случае выявления новых обстоятельств) вносят в соответствующие организации и соответствующи-

¹ Лазарев В. В. Общая теория права и государства : учебник / 2-е изд., перераб. и доп. М.: Юрист, 1996. С. 184—185.

² Там же. С. 186.

щим должностным лицам представление о принятии мер по устранению указанных причин и условий».

Данные меры в совокупности с принятием нового КоАП РФ позволят установить общий порядок и сроки внесения представлений должностными лицами пограничных органов, а также сроки принятия мер и ответственность за неисполнение требований, содержащихся в представлениях.

Библиография

1. Аулов, В. К. Проекты нового Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях: краткий обзор подходов / В. К. Аулов, Ю. Н. Туганов // Право в Вооруженных Силах — военно-правовое обозрение. — 2020. — № 7 (276). — С. 21—25.
2. Гузоватый, И. И. Пограничные органы федеральной службы безопасности как субъект про-

филактики правонарушений в области защиты Государственной границы Российской Федерации / И. И. Гузоватый // Военное право. — 2019. — № 2 (54). — С. 78—83.

3. Лазарев, В. В. Общая теория права и государства : учебник / В. В. Лазарев; 2-е изд., перераб. и доп. — М.: Юрист, 1996.

4. Макаrchук, И. Ю. Представление как правовое средство / И. Ю. Макаrchук, В. Ю. Панченко // Законодательство и экономика. — 2014. — № 6. — С. 36—46.

5. Новохатский, А. Г. Понятие и правовая основа профилактики административных правонарушений, подведомственных органам государственной безопасности / А. Г. Новохатский, В. М. Редкоус // Закон и право. — 2019. — № 3. — С. 134—137.

6. Туганов, Ю. Н. Обеспечение права военнослужащего на защиту по делам об административных правонарушениях (по материалам судебной практики) / Ю. Н. Туганов // Право в Вооруженных Силах — военно-правовое обозрение. — 2012. — № 5 (179). — С. 61—66.

Отдельные проблемные вопросы хранения и отчуждения изъятого оружия

© Семёнова Ирина Владимировна,
кандидат юридических наук, преподаватель кафедры конституционного и административного права Санкт-Петербургского военного ордена Жукова института войск национальной гвардии Российской Федерации

© Шобонов Сергей Александрович,
кандидат педагогических наук, доцент, начальник кафедры конституционного и административного права Саратовского военного ордена Жукова Краснознаменного института войск национальной гвардии Российской Федерации

© Дорогин Роман Владимирович,
кандидат юридических наук, доцент, преподаватель кафедры конституционного и административного права Саратовского военного ордена Жукова Краснознаменного института войск национальной гвардии Российской Федерации

Аннотация. В статье анализируется законодательство, регулирующее деятельность подразделений лицензионно-разрешительной работы Росгвардии в сфере оборота оружия, рассматриваются отдельные проблемные аспекты, связанные с процедурой реализации оружия, не имеющего собственника. Проанализирована нормативная правовая база, регулирующая вопросы приобретения, хранения и реализации изъятого оружия. Выявлены и рассмотрены пробелы в законодательстве и предложены пути их устранения.

Ключевые слова: лицензионно-разрешительная деятельность Росгвардии; оборот оружия; изъятие, хранение, отчуждение оружия; решение суда, административное правонарушение.

Some problematic issues of storage and disposal of seized weapons

© Semenova I. V.,
Candidate of Legal Sciences, Lecturer in the Department of Constitutional and Administrative Law of the St. Petersburg Military Order of Zhukov Institute of the National Guard of the Russian Federation

© Shobonov S. A.,
Candidate of Pedagogical Sciences, Associate Professor, Head of the Department of Constitutional and Administrative Law of the Saratov Military Order of Zhukov of the Red Banner Institute of the National Guard Troops of the Russian Federation

© Dorogin R. V.,
candidate of Legal Sciences, Associate Professor, Lecturer of the Department of Constitutional and Administrative Law of the Saratov Military Order of Zhukov of the Red Banner Institute of the National Guard Troops of the Russian Federation

Annotation. The article analyzes the legislation regulating the activities of the licensing and licensing departments of the Rosgvardiya in the field of arms trafficking, considers certain problematic aspects related

to the procedure for the sale of weapons that do not have an owner. The regulatory legal framework regulating the acquisition, storage and sale of seized weapons is analyzed. Gaps in the legislation are identified and considered, and ways to eliminate them are proposed.

Keywords: licensing and permitting activities of the Rosgvardiya; arms turnover; seizure, storage, alienation of weapons; court decision, administrative offense.

После проведенной реформы 2016 г. лицензионно-разрешительные подразделения МВД России перешли в систему Росгвардии. Сотрудники были переведены в Федеральную службу войск национальной гвардии, в связи с этим у службы расширился круг полномочий.

По статистическим данным МВД России по итогам января 2020 г. число преступлений, связанных с незаконным оборотом оружия, по сравнению с январем 2019 г. снизилось на 7,7 %, что составляет 2,1 тыс. Это привело к сокращению числа преступлений, совершенных с применением оружия на 11,3 % (496 преступлений)¹.

При этом, объем работы у контрольно-надзорных подразделений Росгвардии постоянно увеличивается. Деятельность сотрудников лицензионно-разрешительной системы Росгвардии связана не только выдачей разрешений и лицензий, приемом граждан, предоставлением ответов на запросы, но и также выявлением правонарушений в сфере оборота оружия, составлением протоколов об административных правонарушениях и ведение разбирательства по делам об административных правонарушениях и многое другое.

Результатом правоприменительной деятельности лицензионно-разрешительной работы, проводимой сотрудниками войск национальной гвардии, становится скопление огнестрельного оружия и боеприпасов к нему, пользователем либо собственником которых войска национальной гвардии не являются. Вопрос о дальнейшей судьбе этого имущества остро стоит на сегодняшний день.

Так Федеральный закон 13 декабря 1996 г. № 150-ФЗ «Об оружии» устанавливает следующие основания, при которых оружие подлежит изъятию:

— при списании оружия;

— при нарушениях, связанных с порядком ввоза на территорию и вывозом с территории Российской Федерации оружия и использования его лицом иностранного государства;

— в случаях смерти собственника оружия, до решения вопросов вступления в наследование имущества и получением лицензии наследника на приобретение гражданского оружия;

— при аннулировании лицензии (в случаях добровольного отказа от лицензии и (или) разрешения, прекращения права; наличия судебного решения о лишении права, об аннулировании разрешения, лицензии; возникновения обстоятельств, при которых запрещено выдавать лицензию, разрешение; аннулирования охотничьего билет; выявлены нарушения условий хранения оружия, а также обнаружены предпосылки к нарушению действующего российского законодательства, наличие административного наказания, вынесенного судом за нарушение законодательства регулирующего оборот оружия);

— при грубом нарушении лицензионных требований и условий производства, продажи, хранения, учета, а также патронов к нему юридическим лицом;

— при осуществлении незаконной деятельности по обороту оружия и патронов к нему;

— при наличии оружия при себе у собственника, находящегося в состоянии опьянения;

— при нарушении физическим лицом (собственником) правил хранения, продажи, пересылки и учета оружия и патронов к нему;

— при незаконном изготовлении физическим лицом оружия;

— при аннулировании лицензии, разрешения;

— при ликвидации юридического лица, имевшего лицензию, разрешение;

¹ <https://xn--b1aew.xn--p1ai/reports/item/19655871>

— при нарушении правил транспортировки оружия и боеприпасов к нему.

Полномочиями на изъятие оружия наделены: органы внутренних дел; органы, осуществляющие государственный контроль и надзор в области охоты и сохранения охотничьих ресурсов, рыболовства и сохранения водных биологических ресурсов, охраны окружающей среды, в том числе природных ресурсов; таможенные органы, которые в свою очередь должны передать изъятые оружие в территориальный орган исполнительной власти, уполномоченный в сфере оборота оружия.

Представляют определенный научный интерес следующие сведения Главного управления контроля и лицензионно-разрешительной работы Росгвардии об изъятых и добровольно сданном оружии за 2020 г. Так, у юридических лиц было изъято 2 738 единиц оружия и 325 349 патронов. Кроме того, у физических лиц за указанный период было изъято 127 282 единицы оружия и 324 665 патронов.

Согласно п. 9 ст. 27.10 КоАП РФ в случае необходимости изъятые вещи и документы упаковываются и опечатываются на месте изъятия. Изъятые вещи и документы до рассмотрения дела об административном правонарушении хранятся в местах, определяемых лицом, осуществившим изъятие вещей и документов, в порядке, установленном соответствующим федеральным органом исполнительной власти.

При изъятии оружия уполномоченное лицо обязано составить протокол об административном правонарушении и протокол об изъятии оружия в соответствии с требованиями действующего федерального законодательством с указанием всех технических характеристик оружия и передать их в Федеральную службу войск национальной гвардии Российской Федерации, в его территориальные органы либо в органы внутренних дел. Должностное лицо, принявшее оружие на хранение, проверяет на соответствие всех указанных данных и выписывает квитанцию и выдает ее сотруднику, сдавшему оружие. Изъятые оружие и патроны к нему хранятся в органах исполнительной власти или специально

уполномоченных на это организациях до того момента, пока правонарушитель не устранит нарушения или устранит обстоятельства, не позволяющие в полной мере обеспечивать сохранность и безопасность оружия.

Однако в действующем законодательстве не регламентированы положения по дальнейшим действиям сотрудника Росгвардии¹. Законом не определено, какие в дальнейшем действия должен предпринять сотрудник с квитанцией, которую получил, как должна проходить процедура по отчуждению оружия и в какие временные рамки. Не предусмотрена ответственность за то, что оружие хранится очень продолжительное время, что способствует утере оружия в связи с его невостребованностью. Неясно, какое должностное лицо должно инициировать обращение в суд об отчуждении оружия.

Изъятые оружие, являющееся вещественным доказательством по уголовным делам, передается в соответствующие органы после вынесения приговора судом. При изъятии оружия и патронов к нему должностное лицо, уполномоченное на это, составляет протокол.

Существует положение, что все изъятые оружие передается после вынесения судом решения и вступления его в законную силу. Сроки по передаче оружия, изъятых в рамках административного правонарушения, не установлены, что создает предпосылки к халатному отношению к исполнению должностных обязанностей.

Все изъятые оружие и боеприпасы возможно поделить на категории:

- принадлежащие на праве собственности физическому лицу;
- закрепленные за юридическим лицом;
- изъятые в результате смерти собственника;
- незарегистрированные;

¹ Приказ МВД России от 31 декабря 2009 г. № 1025 «Об утверждении Инструкции о порядке хранения вещей, явившихся орудиями совершения или предметами административного правонарушения, и документов, имеющих значение доказательств по делу об административном правонарушении».

— имеющие историко-культурную ценность;

— технически непригодные для эксплуатации, самодельные или переделанные, а также запрещенные к обороту на территории Российской Федерации.

Законодательством строго определены сроки, в течение которых хранятся оружие и патроны, принадлежащие на праве собственности, и когда собственник или наследники собственника, в случае его смерти, должны решить дальнейшую судьбу этого имущества. На основании ст. 238 ГК РФ в течение одного года с момента изъятия оружия лицо должно принять решение о прекращении права собственности на имущество, которое не может ему принадлежать либо устранить допущенные нарушения, уплатить штрафы и забрать его. Собственник вправе найти покупателя, выставить на продажу в специализированном магазине, подарить. В случаях, когда собственник соответствующих мер не принял и в установленные сроки не уложился, он привлекается к административной ответственности согласно ст. 20.8 КоАП РФ. В данном случае без заявления собственника лицензионно-разрешительный отдел не вправе самостоятельно принять решение об отчуждении оружия и патронов к нему, поскольку Конституцией Российской Федерации (ч. 3 ст. 35) собственность граждан защищена от незаконных посягательств на нее¹.

Законом предусмотрена возможность отчуждения оружия в судебном порядке по заявлению государственного органа исполнительной власти о принудительной реализации оружия и патронов к нему.

Но на сегодняшний день остается серьезной проблемой отсутствие законодательного закрепления сроков, в течение которого государственный орган или органы местного самоуправления должны выходить в суд с иском о принудительном отчуждении. Изъятые оружие

остаются годами лежать на хранении в комнатах хранения оружия отделов полиции МВД России или в местах хранения оружия в Росгвардии. Законодательно не установлен срок для передачи и длительного хранения изъятого в ходе производства по делам об административных правонарушениях оружия и патронов к нему в организациях, осуществляющих их хранение, либо в специальном помещении отдела полиции или территориального органа Росгвардии. Отделы полиции МВД России не занимаются отчуждением, обосновывая тем, что полномочия по контролю за оборотом оружия возложены на сотрудников лицензионно-разрешительного отдела Росгвардии. Также не установлен порядок принятия решения по невостребованному оружию.

В настоящее время назрела необходимость разделения труда, то есть введение должностей и назначение квалифицированных специалистов, которые будут заниматься исключительно отчуждением и реализацией изъятого или конфискованного оружия без привлечения к исполнению других обязанностей. Возложить на них ответственность за своевременное снятие с регистрации оружия, внесение в единую базу изменений в связи со сменой статуса оружия или собственника, а также представление интересов Росгвардии в судах, по вопросам отчуждения оружия.

На законодательном уровне необходимо установить сроки, в течение которых необходимо в исковом порядке инициировать отчуждение оружия, с какого времени сотрудник имеет право отсчитывать срок подачи иска, в течение какого времени после вступления постановления (определения) суда в силу необходимо передать оружие на реализацию и так далее. Не установлен также порядок передачи оружия, имеющего историко-культурную ценность. Требуется выработка четких регламентов, которые позволят сотруднику выполнить необходимые мероприятия по реализации и утилизации оружия, не имеющего собственника.

¹ Постановление Правительства Российской Федерации от 21 июля 1998 г. № 814 «О мерах по регулированию оборота гражданского и служебного оружия и патронов к нему на территории Российской Федерации».

Необходимость внесения изменений в КоАП РФ в части, касающейся индивидуализации назначения наказания военнослужащим за совершенные ими административные правонарушения

© Сердюков Сергей Владимирович,
кандидат юридических наук, доцент Военного учебного центра Российского государственного университета правосудия

Аннотация. В статье рассмотрен ряд правовых аспектов, связанных с назначением наказания военнослужащим за совершенные ими административные правонарушения, предусмотренные КоАП РФ, и возможности изменения законодательства в части индивидуализации наказания.

Ключевые слова: индивидуализация назначения наказания, военнослужащие, административные правонарушения, изменения в КоАП РФ.

The need to amend the Administrative Code of the Russian Federation in terms of the individualization of sentencing military personnel for administrative offenses committed by them

© Serdyukov S. V.,
Candidate of Law Associate Professor of the Military Training Center of the Russian State University of Justice

Abstract. The article considers a number of legal aspects related to the imposition of punishment on military personnel for administrative offenses committed by them under the Administrative Code of the Russian Federation and the possibility of changing the legislation in terms of individualization of punishment

Keywords: individualization of sentencing, military personnel, administrative offenses, the Criminal Code of the Russian Federation, amendments to the Administrative Code of the Russian Federation.

Согласно ст. 3.1 КоАП РФ административное наказание является установленной государством мерой ответственности за совершение административного правонарушения, которая применяется в целях предупреждения совершения новых правонарушений как самим правонарушителем, так и другими лицами. Для этих целей в КоАП РФ, на первый взгляд, достаточно четко определены критерии назначения административного наказания.

Кратко остановимся на этих критериях.

В силу ст. 4.1 КоАП РФ административное наказание за совершение административного правонарушения назначается в пределах, установленных законом, предусматривающим ответственность за данное правонарушение. При этом при назначении административного наказания физическому лицу учитываются характер совершенного им административного правонарушения, личность виновного, его имущественное положение, обстоятельства, смягчающие и отягчающие административную ответственность.

Эти и другие обстоятельства перечислены в ст. 4.2 и 4.3 КоАП РФ.

Обстоятельствами, смягчающими административную ответственность признаются: раскаяние лица, совершившего административное правонарушение; добровольное прекращение противоправного поведения лицом, совершившим административное правонарушение; добровольное сообщение лицом, совершившим административное правонарушение, в орган, уполномоченный осуществлять производство по делу об административном правонарушении, о совершенном административном правонарушении; оказание лицом, совершившим административное правонарушение, содействия органу, уполномоченному осуществлять производство по делу об административном правонарушении, в установлении обстоятельств, подлежащих установлению по делу об административном правонарушении; предотвращение лицом, совершившим административное правонарушение, вредных последствий административного правонарушения; добровольное возмещение лицом, совершившим административное правонарушение, причиненного ущерба или добровольное устранение причиненного вреда; добровольное исполнение до вынесения постановления по делу об административном правонарушении лицом, совершившим административное правонарушение, предписания об устранении допущенного нарушения, выданного ему органом, осуществляющим государственный контроль (надзор); совершение административного правонарушения в состоянии сильного душевного волнения (аффекта) либо при стечении тяжелых обстоятельств; совершение административного правонарушения несовершеннолетним; совершение административного правонарушения беременной женщиной или женщиной, имеющей малолетнего ребенка.

Кроме того, могут быть признаны смягчающими наказание и другие обстоятельства, не указанные выше.

К обстоятельствам, отягчающими административную ответственность, относятся: продолжение противоправного поведения, несмотря на требование уполномоченных на то лиц прекратить его; повторное совершение однородного административного правонарушения; вовлечение несовершеннолетнего в совершение административного правонарушения; совершение административного правонарушения группой лиц; совершение административного правонарушения в условиях стихийного бедствия или при других чрезвычайных обстоятельствах; совершение административного правонарушения в состоянии опьянения либо отказ от прохождения медицинского освидетельствования на состояние опьянения при наличии достаточных оснований полагать, что лицо, совершившее административное правонарушение, находится в состоянии опьянения.

Кроме того, при назначении административного наказания при наличии исключительных обстоятельств, связанных с характером совершенного административного правонарушения и его последствиями, личностью и имущественным положением привлекаемого к административной ответственности физического лица, ему может быть назначено наказание в виде административного штрафа в размере менее минимального размера административного штрафа, предусмотренного соответствующей статьей или частью статьи раздела II КоАП РФ, в случае, если минимальный размер административного штрафа для граждан составляет не менее десяти тысяч рублей.

Очевидно, что положения, изложенные в данных нормах, о чем мы указывали выше, недостаточны для индивидуализации назначения наказания за совершение административных правонарушений.

Для обоснования данного довода приведем несколько смоделированных примеров.

Например, военнослужащий А. привлечен к административной ответственности за управление автомобилем в состоянии опьянения. При этом А. при приведении воин-

ской части в состоянии повышенной боевой готовности, соответственно исполняя обязанности военной службы, управляя многотонным грузовым автомобилем, перевозя горюче-смазочные материалы, в населенном пункте, значительно превышая установленный скоростной режим, выехал на полосу встречного движения, где совершил дорожно-транспортное происшествие (ДТП). Вследствие этого ДТП (не подпадающего под признаки преступления, предусмотренного ст. 264 УК РФ), горюче-смазочные материалы были несвоевременно доставлены к месту назначения и воинская часть несвоевременно выполнила поставленные перед ней задачи.

В дальнейшем военнослужащему А. было назначено наказание в пределах санкции, предусмотренной ч. 1 ст. 12.8 КоАП РФ, т.е. от 1 года 6 месяцев до 2 лет лишения права управления транспортными средствами со штрафом в размере 30 000 руб.

Приведем другой пример.

Военнослужащий Б., находясь в очередном отпуске (т.е. не при исполнении служебных обязанностей), в состоянии опьянения, управляя легковым автомобилем, проехал несколько метров, переместив автомобиль с территории частного дома в гараж, находящегося на этой же территории. При этом ранее Б. к административной ответственности не привлекался и характеризовался только положительно.

В дальнейшем военнослужащему Б. также было назначено наказание в пределах санкции, предусмотренной ч. 1 ст. 12.8 КоАП РФ.

На основании этих двух примеров можно сделать вывод о том, что возможностей для индивидуализации назначения наказания в КоАП РФ явно недостаточно. Ведь на приведенных выше примерах видно, что возможно назначенное военнослужащему Б. минимально наказание, предусмотренное санкцией ч. 1 ст. 12.8 КоАП РФ — 1 год 6 месяцев лишения прав управления транспортными средствами и назначенное воен-

нослужащему А. наказание, предусмотренное санкцией ч. 1 ст. 12.8 КоАП РФ, допустим 2 года лишения прав управления транспортными средствами, несмотря на характер и степень общественной опасности содеянного каждым из них, наличие у них смягчающих и отягчающих наказание обстоятельств и наступивших последствий не в полной мере соответствует целям назначения административного наказания, и не может быть признано справедливым.

Здесь необходимо отметить, что основой индивидуализации ответственности и наказания является правильная оценка характера и степени общественной опасности совершенного деяния, личности виновного, совокупности социальных, социально-демографических, административно-правовых признаков, привлечения его ранее к административной ответственности и иные данные, в которых отдельное положение занимают обстоятельства, смягчающие и отягчающие наказание (ответственность). Соответственно, наказание должно быть справедливым, т.е. законным и обоснованным, соответствовать характеру и степени общественной опасности совершенного деяния.

Таким образом, можно сделать вывод, что в КоАП РФ недостаточно норм, позволяющих более полно индивидуализировать назначение наказания и, как следствие, выносить справедливое решение. Для обоснования этого вывода рассмотрим возможности, имеющиеся в УК РФ для индивидуализации назначения наказания, которых значительно больше, нежели в КоАП РФ.

Итак, по смыслу ст. 43 УК РФ уголовное наказание применяется в целях восстановления социальной справедливости, а также в целях исправления осужденного и предупреждения совершения новых преступлений, а согласно ст. 60 УК РФ лицу, признанному виновным в совершении преступления, назначается справедливое наказание в пределах, предусмотренных соответствующей

статьей Особенной части УК РФ, и с учетом положений Общей части УК РФ.

При назначении наказания учитываются характер и степень общественной опасности преступления и личность виновного, в том числе обстоятельства, смягчающие и отягчающие наказание, а также влияние назначенного наказания на исправление осужденного и на условия жизни его семьи.

Подробно останавливаться на перечне смягчающих и отягчающих наказание обстоятельств, предусмотренных ст. 61 и 63 УК РФ, мы не будем, а только обратим внимание на то, что некоторые из них являются «привилегированными» по отношению к другим смягчающим наказание обстоятельствам и дают значительные основания для индивидуализации назначения наказания, его смягчения или освобождения от уголовной ответственности.

Так, в силу ст. 62 УК РФ при наличии смягчающих обстоятельств, предусмотренных пунктами «и» и (или) «к», и отсутствии отягчающих обстоятельств срок или размер наказания не могут превышать двух третей максимального срока или размера наиболее строгого вида наказания, предусмотренного соответствующей статьей УК РФ.

При заключении досудебного соглашения о сотрудничестве при наличии смягчающих обстоятельств, предусмотренных п. "и" ч. 1 ст. 61, и отсутствии отягчающих обстоятельств срок или размер наказания не могут превышать половины максимального срока или размера наиболее строгого вида наказания, предусмотренного соответствующей статьей УК РФ.

В случае рассмотрения уголовного дела в порядке, предусмотренном гл. 40 УПК РФ, срок или размер назначенного наказания не может превышать две трети максимального срока или размера наиболее строгого вида наказания, предусмотренного за совершенное преступление.

Согласно ст. 64 УК РФ при наличии исключительных обстоятельств, связанных с целями и мотивами преступления и других

обстоятельств, существенно уменьшающих степень общественной опасности преступления, наказание может быть назначено ниже низшего предела, предусмотренного соответствующей статьей УК РФ, или суд может назначить более мягкий вид наказания или не применить дополнительный вид наказания.

При назначении наказания в некоторых случаях может быть применена и ст. 73 УК РФ: в том случае, если суд придет к выводу о возможности исправления осужденного без реального отбывания наказания, то он постановляет считать назначенное наказание условным.

В УК РФ предусмотрены и другие нормы, которые могут повлечь за собой освобождение от уголовной ответственности:

— ст. 75 «освобождение от уголовной ответственности в связи с деятельным раскаянием»;

— ст. 76 «освобождение от уголовной ответственности в связи с примирением с потерпевшим»;

— ст. 76.1 «освобождение от уголовной ответственности в связи с возмещением ущерба»;

— ст. 76.2 «освобождение от уголовной ответственности с назначением судебного штрафа»;

— ст. 79 «условно-досрочное освобождение от отбывания наказания»;

— ст. 80 «замена неотбытой части наказания более мягким видом наказания»;

— ст. 80.1 «освобождение от наказания в связи с изменением обстановки»;

— ст. 81 «освобождение от наказания в связи с болезнью»;

— ст. 82 «отсрочка отбывания наказания».

Главой 13 УК РФ предусмотрены и иные возможности для освобождения от уголовной ответственности: амнистия; помилование; снятие судимости.

Возникает очевидный вопрос о том, почему же нельзя внести законодательные изменения в КоАП РФ и внедрить в него ряд

норм (конечно же не путем «простого копирования»), аналогичных нормам УК РФ, связанных с индивидуализацией назначения наказания, его исполнением и освобождением от административной ответственности.

Спрашивается, почему нельзя применить, например, «условное привлечение к административной ответственности», «назначение административного наказания ниже низшего предела или другого более мягкого наказания», «отсрочки отбывания административного наказания» и т.д. к лицам (военнослужащим), привлекаемых к административной ответственности?

Обратимся к ранее приведенным примерам. Итак, почему нельзя (с учетом возможных изменений в КоАП РФ) назначить военнослужащему Б. наказание ниже низшего предела, условное наказание, отсрочить его или назначить ему наказание в виде лишения права управления транспортным средством определенной категории (на транспортное средство, которым он управлял в состоянии алкогольного опьянения) исходя из степени и характера общественной опасности, содеянного им, обстоятельств смягчающих и отягчающих административную ответственность.

Снова смоделируем ситуацию.

Так, подготовка определенного специалиста для Вооруженных Сил Российской Федерации требует достаточно много времени. Например, для подготовки водителя для управления многоосной машиной на шасси МЗКТ-79221 (перевозящей ракетный комплекс) требуется далеко не один месяц и влечет за собой определенные материальные затраты.

Итак, военнослужащий Б., проходя службу по контракту, был привлечен к административной ответственности по ч. 1 ст. 12.8 КоАП РФ, и здесь необходимо принять во внимание, что почти во всех случаях военнослужащие — водители, лишённые прав на управление транспортными средствами, подлежат увольнению с военной службы. Соответственно, для подготовки

водителя для указанной автомобильной техники потребуются значительный временной интервал, материальные затраты и т.д. Здесь вполне очевидно, что при определенных условиях, например, при наличии ходатайства командования воинской части суд мог бы принять решение об отсрочке исполнения военнослужащему Б. назначенного наказания в виде лишения прав на управления транспортными средствами, например, до окончания срока контракта, заключенного Б. с Минобороны России. Возможно, опять же при определенных обстоятельствах, Б. можно было бы назначить условную меру наказания. При этом необходимо учитывать, что Б. управлял легковым автомобилем в состоянии опьянения, следовательно, почему нельзя предусмотреть возможность, законодательного изменения, и назначения наказания по ч. 1 ст. 12.8 КоАП РФ в виде лишения права управления конкретным транспортным средством, которым он управлял (причем только соответствующей категории) и не лишать его прав на управление автомобильной техникой, которой он управляет при исполнении служебных обязанностей.

Также нельзя не принять во внимание и то обстоятельство, что более 98 % случаев лишения военнослужащих прав на управление транспортными средствами (по ч. 1 ст. 12.8 КоАП РФ) происходит, когда военнослужащий управляет личным, т.е. не служебным транспортом и когда это не связано с исполнением обязанностей военной службы. Это объясняется тем, что при исполнении своих обязанностей, военнослужащий-водитель в принципе не может не только употребить алкогольные напитки, но и быть допущен к управлению транспортным средством, так как процедура допуска военнослужащего-водителя к управлению носит многоуровневый характер, т.е. осуществляется контроль как со стороны командования воинской части, дежурной службы, так и со стороны медицинского персонала (аналогичная ситуация с допуском водителя к управлению транспортным средством имеет

место и с водителями-профессионалами, осуществляющими работу на автомобильных предприятиях при перевозке пассажиров, грузов и т.д.). Таким образом, нецелесообразно лишать военнотружашего-водителя прав на управление автомобильной техникой, категорией которой он не управлял в состоянии опьянения.

Приведем еще один довод (возможно связанный с антикоррупционной составляющей), хотя и незначительный, в пользу изложенных нами оснований для изменения положений КоАП РФ. Так, лицо привлекаемое к административной ответственности (опять же военнотружаший Б.), зная, что имеются основания для его «условного привлечения к административной ответственности», «назначения административного наказания ниже низшего предела или другого более мягкого наказания», «отсрочки отбывания административного наказания» или лишения его только права на управления его транспортным средством, которым он управлял в состоянии опьянения, что не повлияет на исполнение им своих служебных обязанностей и не повлечет за собой его увольнения с военной службы, он не будет совершать каких-либо незаконных действий, направленных на уклонение от административной ответственности.

Итак, напрашивается очевидный вывод о том, что внесение изменений в КоАП РФ в части необходимости расширить возможности индивидуализации наказания за административные правонарушения является актуальным и необходимым.

Доводам освещенной проблематики можно противопоставить то, что поскольку управление транспортными средствами, тем более в условиях Вооруженных Сил, представляет повышенную общественную опасность, то соответственно любое управление транспортным средством в состоянии опьянения должно влечь за собой лишение прав на управление транспортными средствами и возможно в максимально предусмотренном

размере и т.д., то и необходимости таких изменений в КоАП РФ нет.

Кроме того, отрицание возможности внесения этих изменений в КоАП РФ и внесения в него норм, аналогичных УК РФ, связанных с индивидуализацией назначения административного наказания и его исполнения, автоматически приведет к росту служебной нагрузки на судей, а возможно и на количестве измененных и отмененных судебных решений, поскольку возникнут определенные сложности при назначении административного наказания (в случае возможных изменений в КоАП РФ). При этом необходимо будет создать соответствующие специализированные подразделения (или возложить эти обязанности на существующие органы, например, на военную полицию) для осуществления контроля за «лицами, условно привлеченными к административной ответственности», с целью возможной замены условного наказания на реальное, в случаях, когда лицо, привлеченное к административной ответственности, нарушит условия примененного к нему условного привлечения к административной ответственности и т.д.

Но если следовать доводам, отрицающим возможность вышеприведенных изменений в КоАП РФ, спрашивается, зачем для лишения прав на управления транспортными средствами нужно судебное разбирательство, судебное решение, зачем нужны какие-либо цели назначения наказания, его принципы, соответственно и понятие «индивидуализация назначения административного наказания», смысл справедливости наказания и т.д.?

Полномочия органов государственной власти по вопросам рассмотрения административных правонарушений в области защиты государственной тайны, совершаемых в Вооруженных Силах Российской Федерации

© Телешев Павел Борисович,

подполковник, главный инспектор службы режима войсковой части 31600

Аннотация. В статье представлены результаты анализа нормативных правовых актов, раскрывающие противоречия в реализации полномочий отдельных федеральных органов исполнительной власти по вопросам рассмотрения административных правонарушений в области защиты государственной тайны, совершаемых в Вооруженных Силах Российской Федерации. Предложены направления совершенствования правового обеспечения системы защиты государственной тайны в Министерстве обороны Российской Федерации и Вооруженных Силах Российской Федерации.

Ключевые слова: государственная тайна, защита государственной тайны, административное правонарушение, федеральные органы государственной власти.

Powers of State authorities on issues of consideration of administrative offenses in the field of protection of state secrets committed in the Armed Forces of the Russian Federation

© Teleshev P. B.,

Lieutenant Colonel, Chief inspector of the re-press service of the military unit 31600

Abstract. The article presents the results of the analysis of normative legal acts that reveal contradictions in the implementation of the powers of individual federal state authorities on the issues of consideration of administrative offenses in the field of protection of state secrets committed in the Armed Forces of the Russian Federation. The directions of improving the legal support, the system of protection of state secrets in the Ministry of Defense of the Russian Federation and the Armed Forces of the Russian Federation are proposed.

Keywords: state secret, protection of state secrets, administrative offense, federal state authorities.

В современной истории информация играла и играет чрезвычайно важную роль во внутренней и внешней политике всех государств. В целях защиты наиболее ценной информации в государствах создавалась и развивалась система ее защиты. Именно поэтому с конца XX в., с момента падения СССР и создания Российской Федерации произошло становление действующей системы защиты государственной тайны. В

настоящее время, время бурного и стремительного внедрения информационных технологий в деятельность государственных органов власти, автоматизации рабочих процессов, электронного документооборота, происходит глобальное перемещение информации, в том числе информации, составляющей государственную тайну, в информационно-телекоммуникационное пространство. Между ведущими странами мира

ведется борьба по созданию искусственного интеллекта. Вместе с тем, за счет постоянного роста количества информационно-телекоммуникационных сетей в органах власти растет и количество возможных каналов утечки охраняемой законом информации. Не стоит забывать, что автоматизация процесса, в том числе и в системе защиты государственной тайны не гарантирует полное соблюдение установленных правил и требований, так как эксплуатирует технику человек и за ним остается право принятия главных и важных решений.

В основном именно неправильные действия человека (должностного лица), противоречащие установленным требованиям, являются главной угрозой обеспечения защиты государственной тайны. Так в период с 2017 г. по 2018 г. в Вооруженных Силах Российской Федерации за нарушения в области защиты государственной тайны осуждено порядка 35 человек, а количество привлеченных должностных лиц к дисциплинарной ответственности за тот же период исчисляется несколькими тысячами. Порядок привлечения военнослужащих к дисциплинарной ответственности за административные правонарушения в области защиты государственной тайны практически не изучен, что обусловлено отсутствием правоприменительной практики в данной сфере. Вместе с тем, количество нарушений требований по защите государственной тайны ежегодно растет, что негативно влияет на функционирование всей системы защиты государственной тайны. Рост нарушений в данной сфере безусловно связан с постоянным увеличением объема циркулирующей информации, составляющей государственную тайну, в органах военного управления на всех уровнях. Однако основной причиной совершения должностными лицами нарушений в области защиты государственной тайны является проблема общегосударственного масштаба, на которую обратил внимание даже Президент Российской Фе-

дерации, — это правовой нигилизм¹. По мнению А. В. Ефремова, этой проблеме способствуют две основные причины: первая заключается в том, что действующее законодательство стремительно изменяется с довольно-таки немалой динамичной скоростью, а вторая причина состоит в банально простом ответе — нежелание граждан совершенствоваться в знаниях правового характера².

Граждане, которые, так или иначе, связаны с работой со сведениями, составляющими государственную тайну, обязаны знать нормативные правовые акты, регулирующие данную сферу их деятельности, и в первую очередь это касается военнослужащих, государственных гражданских служащих и работников федеральных органов исполнительной власти, в которых законом предусмотрена военная служба.

В данных условиях государство вынуждено вести постоянную работу по совершенствованию и развитию существующей системы ограничения доступа к информации, направленной на защиту основ конституционного строя, нравственности, здоровья, прав и законных интересов других лиц, обеспечения обороны страны и безопасности государства³.

В Российской Федерации в соответствии с действующими законодательными актами к информации ограниченного доступа относятся несколько основных видов, таких как: государственная тайна; коммерческая тайна; персональные данные; сведения, связанные с профессиональной дея-

¹ Владимир Путин: правовой нигилизм в обществе до конца не искоренен. RT. 2013. <https://russian.rt.com/article/19672>.

² Ефремов А. В. Сведения о привилегиях, компенсациях и социальных гарантиях, предоставляемых государством гражданам, не подлежат отнесению к государственной тайне // Право в Вооруженных Силах — военно-правовое обозрение. 2012. № 1. С. 37.

³ Ст. 9 Федерального закона от 27 июля 2006 г. № 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации».

тельностью; служебная тайна. Из представленных видов информации ограниченного доступа государственная тайна по своему статусу намного выше, так как ее разглашение или неправомерный доступ к ней напрямую влияют на состояние безопасности Российской Федерации.

На сегодняшний день любое совершенное военнослужащим правонарушение в области защиты государственной тайны (за исключением уголовно наказуемых деяний) квалифицируется как дисциплинарный или грубый дисциплинарный проступок, и привлечение военнослужащего к дисциплинарной ответственности производится на основании и в порядке, предусмотренном ДУ ВС РФ. В большей степени нарушения требований по защите государственной тайны квалифицируются как обычный дисциплинарный проступок.

Вместе с тем, нарушения в области защиты государственной тайны, совершаемые в Вооруженных Силах, наносят ущерб в сфере государственной безопасности и посягают на публично-правовые интересы государства, что является доминирующим началом квалификации данных нарушений как административное правонарушение. КоАП РФ предусмотрены составы правонарушений в области защиты государственной тайны, а также процессуальный порядок рассмотрения дел об административных правонарушениях.

Согласно ст. 23.45 КоАП федеральные органы исполнительной власти, осуществляющие контроль за обеспечением защиты государственной тайны, имеют право рассматривать дела об административных правонарушениях, предусмотренных ч. 3, 4 и 7 ст. 13.12, ч. 2 ст. 13.13 КоАП РФ.

К должностным лицам, обладающим правом рассматривать дела об административных правонарушениях от имени федеральных органов исполнительной власти в сфере защиты государственной тайны, относятся:

1) директор ФСБ России, его заместители, начальники управлений (отделов) ФСБ России по отдельным регионам и субъектам Российской Федерации, их заместители, начальники управлений (отделов) ФСБ России в Вооруженных Силах Российской Федерации, других войсках и воинских формированиях, их заместители, начальники структурных подразделений управлений (отделов) ФСБ России;

2) Министр обороны Российской Федерации, его заместители;

3) директор СВР России, его заместители;

4) директор ФСТЭК России, его заместители, руководители территориальных органов ФСТЭК России, их заместители;

5) руководители подразделений федеральных органов исполнительной власти, уполномоченных в области обеспечения безопасности Российской Федерации, обороны Российской Федерации, внешней разведки, противодействия техническим разведкам и технической защиты информации, осуществляющих лицензирование видов деятельности, которые связаны с использованием и защитой сведений, составляющих государственную тайну, их заместители.

В соответствии с приказом Министра обороны Российской Федерации от 29 января 1998 г. № 54¹ руководство системой лицензирования видов деятельности, связанных с использованием сведений, составляющих государственную тайну, в Минобороны России возложено на Восьмое управление Генерального штаба Вооруженных Сил

¹ Приказ Министра обороны Российской Федерации от 28 января 1998 г. № 54 «О создании в Министерстве обороны Российской Федерации системы лицензирования деятельности органов военного управления, объединений, соединений, воинских частей, учреждений, военно-учебных заведений, предприятий и организаций по проведению работ, связанных с использованием сведений, составляющих государственную тайну, а также с созданием средств защиты информации, относящихся к его компетенции».

Российской Федерации. Таким образом, начальник 8 Управления Генерального штаба Вооруженных Сил Российской Федерации и его заместители имеют право рассматривать дела об административных правонарушениях¹.

Определенный в КоАП РФ перечень должностных лиц федеральных органов исполнительной власти полностью соответствует требованиям Закона Российской Федерации от 21 июля 1993 г. № 5485-1 «О государственной тайне».

Для достижения цели научной статьи постараемся определить, какие органы государственной власти реализовали право по рассмотрению административных правонарушений в области защиты государственной тайны, совершаемых в Вооруженных Силах.

С этой целью рассмотрим положения нормативных правовых актов Российской Федерации и Минобороны России, определяющих основу системы защиты государственной тайны в данном направлении. Согласно Закону Российской Федерации «О государственной тайне» под системой защиты государственной тайны понимается совокупность органов защиты государственной тайны, используемых ими средств и методов защиты сведений, составляющих государственную тайну, и их носителей, а также мероприятий, проводимых в этих целях.

Объектом данной системы являются сведения, составляющие государственную тайну. Согласно ст. 2 Закона Российской Федерации «О государственной тайне» государственная тайна представляет собой защищаемые государством сведения в области его военной, внешнеполитической, экономической, разведывательной, контрразведывательной и оперативно-розыскной дея-

тельности, распространение которых может нанести ущерб безопасности Российской Федерации. Перечень сведений, отнесенных к государственной тайне на федеральном уровне, утвержден Указом Президента Российской Федерации от 30 ноября 1995 г. № 1203. В соответствии с Перечнем должностных лиц органов государственной власти и организаций, наделенных полномочиями по отнесению сведений к государственной тайне, утвержденным распоряжением Президента Российской Федерации от 16 апреля 2005 г. № 151-рп, в Минобороны России разработан и утвержден ведомственный Перечень сведений Вооруженных Сил, подлежащих засекречиванию. В целом данный перечень представляет собой большой объем сведений, составляющих государственную тайну, относящихся ко всем направлениям деятельности Вооруженных Сил. Исходя из степени тяжести ущерба, который может быть нанесен безопасности Российской Федерации вследствие разглашения государственной тайны, согласно Закону Российской Федерации «О государственной тайне» установлены три степени секретности сведений, составляющих государственную тайну: «особой важности», «совершенно секретно» и «секретно». Степеням секретности соответствуют формы допуска граждан к государственной тайне: первая, вторая и третья². Главной задачей системы защиты государственной тайны является обеспечение сохранности сведений, отнесенных к государственной тайне.

Как любая система, обеспечивающая функционирование государства, система защиты государственной тайны базируется на четко выстроенной иерархии законных, подзаконных и других нормативных право-

¹ Азовцев А. А. Производство по делам об административных правонарушениях в Вооруженных Силах Российской Федерации: проблемные вопросы // Военное право. 2019. № 6 (58). С. 128.

² Постановление Правительства Российской Федерации от 6 февраля 2010 г. № 63 «Об утверждении Инструкции о порядке допуска должностных лиц и граждан Российской Федерации к государственной тайне».

вых актов. Так, основой системы является Закон Российской Федерации «О государственной тайне», на основе которого разработана и утверждена постановлением Правительства Российской Федерации от 5 января 2004 г. № 3-1 Инструкция по обеспечению режима секретности в Российской Федерации. Исходя из логики данных нормативных правовых актов, защита государственной тайны обеспечивается системой защиты государственной тайны, основной целью которой посредством реализации комплекса разносторонних мер и направлений деятельности является обеспечение установленного уровня режима секретности. В Вооруженных Силах в соответствии с Инструкцией по обеспечению режима секретности в Российской Федерации введена в действие ведомственная инструкция.

Наиболее четкое определение режима секретности дает профессор В. М. Корякин. Режим секретности представляется данным ученым как совокупность установленных законодательными и иными правовыми актами правил, которыми ограничивается допуск лиц к секретным материалам и работам, регламентируется порядок использования секретных материалов, соответствующим образом регулируется поведение людей, имеющих отношение к секретам, и предусматриваются другие меры защиты сведений, составляющих государственную тайну. Назначение режима секретности заключается в том, чтобы ограничить сферу обращения секретных данных только кругом лиц, имеющих оформленный в установленном порядке допуск к таким сведениям¹.

Непосредственно в Вооруженных Силах для установления режима секретности разработано и действует большое количество нормативных правовых актов, определяю-

щих требования и правила, касающиеся следующих основных направлений:

- организация мероприятий по соблюдению режима секретности в органах военного управления, соединениях, воинских частях и организациях Вооруженных Сил;
- организация скрытого управления войсками и оружием;
- организация защиты информации от несанкционированного доступа;
- обеспечение информационной безопасности Минобороны России в сфере массовой информации;
- организация работы систем сертификации средств защиты информации Минобороны России по установленным требованиям безопасности информации и лицензирования деятельности органов военного управления, соединений, воинских частей и организаций по допуску к проведению работ, связанных с использованием сведений, составляющих государственную тайну;
- координация деятельности органов военного управления Вооруженных Сил, связанной с защитой сведений, составляющих государственную тайну².

Исходя из перечисленных направлений, режим секретности представляет собой сложный комплексный механизм, основанный на установленных нормативными правовыми актами требованиях и правилах, обязательных для исполнения гражданами, допущенными к работе со сведениями, составляющими государственную тайну. Безусловно, для обеспечения функционирования действенного режима секретности требуются квалифицированные специалисты и соответствующие структурные подразделения.

Для организации и обеспечения установленного режима секретности созданы органы защиты государственной тайны, к ним относятся:

- межведомственная комиссия по за-

¹ Корякин В. М. Соблюдение режима защиты государственной тайны (режима секретности) как предмет общего надзора органов военной прокуратуры // Право в Вооруженных Силах — военно-правовое обозрение. 2016. № 9-10. С. 105—106.

² Там же. С. 107—108.

щите государственной тайны;

— федеральные органы исполнительной власти, уполномоченные в области обеспечения безопасности, обороны, внешней разведки, противодействия техническим разведкам и технической защиты информации, и их территориальные органы;

— органы государственной власти, предприятия, учреждения и организации и их структурные подразделения по защите государственной тайны¹.

Межведомственная комиссия по защите государственной тайны является коллегиальным органом, координирующим деятельность органов государственной власти по защите государственной тайны в интересах разработки и выполнения государственных программ, нормативных и методических документов, обеспечивающих реализацию законодательства Российской Федерации о государственной тайне. Руководство деятельностью Межведомственной комиссии осуществляет Президент Российской Федерации. В своей деятельности Межведомственная комиссия руководствуется действующим законодательством Российской Федерации, а также Положением о Межведомственной комиссии по защите государственной тайны, утвержденным Указом Президента Российской Федерации от 6 октября 2004 г. № 1286. По формальным признакам Межведомственная комиссия является высшим органом по защите государственной тайны в Российской Федерации.

Федеральными органами исполнительной власти, уполномоченными в области обеспечения безопасности, в области обороны, внешней разведки, в области противодействия техническим разведкам и технической защиты информации, являются ФСБ России, Минобороны России, СВР России, ФСТЭК России.

Вышеуказанные федеральные органы исполнительной власти организуют и обеспечивают защиту государственной тайны в соответствии с функциями, возложенными на них законодательством Российской Федерации. Руководит деятельностью данных федеральных органов исполнительной власти Президент Российской Федерации согласно Указам Президента Российской Федерации от 9 марта 2004 г. № 314 «О системе и структуре федеральных органов исполнительной власти» и от 21 января 2020 г. № 21 «О структуре федеральных органов исполнительной власти».

Необходимо отметить, что в повседневной деятельности отдельно взятой воинской части Вооруженных Сил полномочиями по вопросам рассмотрения административных правонарушений в области защиты государственной тайны обладают в разной степени Минобороны России и ФСБ России. Исходя из этого, целесообразно более подробно рассмотреть структуру и полномочия органов защиты государственной тайны указанных федеральных органов государственной власти.

К органу защиты государственной тайны в ФСБ России, действующему в интересах Вооруженных Сил, относится Департамент военной контрразведки, состоящий из управлений (отделов) в области обеспечения безопасности в Вооруженных Силах (органы безопасности в войсках). Структура органов безопасности в войсках охватывает весь состав Вооруженных Сил:

— центральные органы военного управления;

— виды и рода войск;

— войска, не входящих в виды и рода войск;

— объединения, соединения, воинские части и организации.

Основными нормативными правовыми актами, определяющими статус и компетенцию органов безопасности в войсках, являются Федеральный закон от 3 апреля 1995 г.

¹ Ст. 20 Закона Российской Федерации «О государственной тайне».

№ 40-ФЗ «О федеральной службе безопасности» и Положение о Федеральной службе безопасности Российской Федерации, утвержденное Указом Президента Российской Федерации от 11 августа 2003 г. № 960. Данные нормативные правовые акты содержат ряд норм, устанавливающих обязанности органов безопасности в области защиты государственной тайны.

Согласно п. «к» ст. 12 Федерального закона «О федеральной службе безопасности», органы безопасности обязаны участвовать в разработке и реализации мер по защите сведений, составляющих государственную тайну. Этим же пунктом на них возложена обязанность осуществлять контроль за обеспечением сохранности сведений, составляющих государственную тайну, в государственных органах, воинских формированиях, на предприятиях, в учреждениях и организациях независимо от форм собственности; а также в установленном порядке осуществлять меры, связанные с допуском граждан к сведениям, составляющим государственную тайну.

Одной из задач органов безопасности является обеспечение в пределах своих полномочий защиты сведений, составляющих государственную тайну, и противодействия иностранным организациям, осуществляющим техническую разведку. Кроме этого стоит акцентировать внимание на задачу органов безопасности по обеспечению производства по делам об административных правонарушениях, рассмотрение которых отнесено Кодексом Российской Федерации об административных правонарушениях к ведению органов безопасности¹. Данная задача напрямую определяет полномочия органов безопасности в войсках по рассмотрению административных правонарушений в

области защиты государственной тайны, совершаемых в Вооруженных Силах.

Для решения задачи по обеспечению защиты государственной тайны органы безопасности осуществляют следующие функции:

- разрабатывают в пределах своих полномочий меры по защите сведений, составляющих государственную тайну;

- определяют порядок осуществления контроля за обеспечением защиты сведений, составляющих государственную тайну, в федеральных органах государственной власти и воинских формированиях;

- определяют порядок проведения мероприятий, связанных с допуском граждан к сведениям, составляющим государственную тайну;

- осуществляют контроль за обеспечением сохранности сведений, составляющих государственную тайну, в федеральных органах государственной власти и воинских формированиях;

- осуществляют федеральный государственный контроль за обеспечением защиты государственной тайны на предприятиях, в учреждениях и организациях;

- осуществляют меры, связанные с допуском граждан к сведениям, составляющим государственную тайну, а также с допуском предприятий, учреждений и организаций к проведению работ, связанных с использованием сведений, составляющих государственную тайну, с созданием средств защиты информации и с осуществлением мероприятий и (или) оказанием услуг по защите государственной тайны;

- осуществляют в порядке, определяемом Правительством Российской Федерации, аккредитацию органов по сертификации и испытательных лабораторий (центров), выполняющих работы по оценке (подтверждению) соответствия продукции (работ, услуг), используемой в целях защиты сведений, составляющих государственную тайну или относимых к охраняемой в

¹ Подп. 12 п. 8 Положения о Федеральной службе безопасности Российской Федерации, утвержденного Указом Президента Российской Федерации от 11 августа 2003 г. № 960.

соответствии с законодательством Российской Федерации иной информации ограниченного доступа, продукции (работ, услуг), сведения о которой составляют государственную тайну.

Из анализа перечисленных функций органов безопасности в войсках следует, что в Вооруженных Силах существуют четко определенные структурные подразделения органов безопасности, одной из функций которых является защита государственной тайны, а самое главное обладающие полномочиями по обеспечению производства по делам об административных правонарушениях.

К федеральному органу исполнительной власти, уполномоченному в области обороны, относится Минобороны России, деятельность которого регламентирована Положением о Министерстве обороны Российской Федерации, утвержденным Указом Президента Российской Федерации от 16 августа 2004 г. № 1082. Согласно данному Положению Минобороны России в отличие от ФСБ России задачи по обеспечению в пределах своих полномочий защиты сведений, составляющих государственную тайну, и обеспечению производства по делам об административных правонарушениях не имеет. В рамках обеспечения защиты государственной тайны согласно указанному Положению на Минобороны России возложены следующие полномочия:

— организация деятельности по обеспечению информационной безопасности и защиты государственной тайны в Вооруженных Силах;

— осуществление в порядке, определяемом Правительством Российской Федерации, аккредитации органов по сертификации испытательных лабораторий (центров), выполняющих работы по оценке (подтверждению) соответствия продукции (работ, услуг), используемой в целях защиты сведений, составляющих государственную тайну или относимых к охраняемой в соот-

ветствии с законодательством Российской Федерации иной информации ограниченного доступа, продукции (работ, услуг), сведения о которой составляют государственную тайну.

Стоит отметить, что функция по организации и обеспечению защиты государственной тайны в самом Минобороны России данным нормативным правовым актом не определена.

Вместе с тем, в соответствии с Положением о Генеральном штабе Вооруженных Сил Российской Федерации, утвержденным Указом Президента Российской Федерации от 23 июля 2013 г. № 631, задача по организации мероприятий по защите государственной тайны в Вооруженных Силах и подведомственных Минобороны России федеральных органах исполнительной власти и организациях и контроль за их реализацией возложена на Генеральный штаб Вооруженных Сил.

Генеральный штаб Вооруженных Сил является центральным органом военного управления Минобороны России и основным органом оперативного управления Вооруженными Силами. В соответствии с решениями Президента Российской Федерации, Верховного Главнокомандующего Вооруженными Силами Российской Федерации, и Министра обороны Российской Федерации Генеральный штаб Вооруженных Сил осуществляет управление Вооруженными Силами.

В целях организации мероприятий по защите государственной тайны в Вооруженных Силах и подведомственных Минобороны России федеральных органах исполнительной власти и организациях и контролю за их реализацией Генеральный штаб Вооруженных Сил имеет следующие функции:

— руководство деятельностью по обеспечению соблюдения в Вооруженных Силах режима секретности, организация контроля за эффективностью защиты сведений, со-

ставляющих государственную тайну, в подведомственных Минобороны России федеральных органах исполнительной власти и организациях, а также в организациях, с которыми Минобороны России заключены договоры на выполнение работ (оказание услуг);

— организация применения средств шифрования, руководство шифровальной деятельностью в Вооруженных Силах;

— организация взаимодействия шифровальных органов Вооруженных Сил, других войск, воинских формирований, органов и специальных формирований при обеспечении функционирования шифрованной связи в интересах обороны и в пределах компетенции Минобороны России в интересах безопасности государства;

— руководство организацией обеспечения защиты информации, содержащей сведения, составляющие государственную тайну;

— организация лицензирования деятельности по выполнению работ (оказанию услуг), связанных с использованием сведений, составляющих государственную тайну, а также с осуществлением мероприятий и (или) оказанием услуг по защите государственной тайны, органов военного управления, соединений, воинских частей и организаций Вооруженных Сил, организация в пределах компетенции Минобороны России лицензирования такой деятельности иных организаций;

— организация сертификации средств защиты информации в соответствии с требованиями, предъявляемыми к ее безопасности, и выдачи лицензий на право их создания органам военного управления, соединениям, воинским частям и организациям Вооруженных Сил, а также в пределах компетенции Минобороны России иным организациям¹.

Из анализа задач и функций Генерального штаба Вооруженных Сил, а также прав и обязанностей начальника Генерального штаба Вооруженных Сил следует, что данный центральный орган военного управления Минобороны России, отвечающий за обеспечение режима секретности в Вооруженных Силах, полномочий по обеспечению производства по делам об административных правонарушениях не имеет.

Вместе с тем, для реализации перечисленных задач и функций Генерального штаба Вооруженных Сил, а также в соответствии со ст. 20 Закона Российской Федерации «О государственной тайне» приказом Министра обороны Российской Федерации в структуре Генерального штаба Вооруженных Сил создана служба защиты государственной тайны Вооруженных Сил.

Служба защиты государственной тайны Вооруженных Сил создана для осуществления защиты государственной тайны и предназначена для обеспечения эффективного функционирования системы защиты государственной тайны. Согласно ст. 20 Закона Российской Федерации «О государственной тайне» защита государственной тайны является видом основной деятельности любого органа государственной власти, предприятия, учреждения или организации.

Руководство службой защиты государственной тайны Вооруженных Сил осуществляет начальник 8 Управления Генерального штаба Вооруженных Сил, а центральным органом службы является Восьмое управление Генерального штаба Вооруженных Сил².

Из анализа задач и функций службы защиты государственной тайны Вооруженных Сил, Восьмого управления Генерального штаба Вооруженных Сил, а также прав и обязанностей начальника 8 Управления Ге-

¹ Указ Президента Российской Федерации от 23 июля 2013 г. № 631 «Об утверждении Положения о

Генеральном штабе Вооруженных Сил Российской Федерации».

² Корякин В. М. Указ. соч. С. 107.

нерального штаба Вооруженных Сил следует, что представленные органы защиты государственной тайны являются уполномоченными по вопросам функционирования всей системы защиты государственной тайны в Вооруженных Силах. Вместе с тем, ведомственными нормативными правовыми актами полномочия по рассмотрению дел об административных правонарушениях за представленными органами военного управления не закреплены.

Необходимо также отметить, что Вооруженные Силы являются государственной военной организацией, составляющей основу обороны Российской Федерации, а управление Вооруженными Силами осуществляет Министр обороны Российской Федерации через Министерство обороны Российской Федерации¹. На основе представленных выше выводов и на основании ст. 20 Закона Российской Федерации «О государственной тайне» Минобороны России как федеральный орган исполнительной власти в области обороны в своей структуре имеет органы защиты государственной тайны в лице Восьмого управления Генерального штаба Вооруженных Сил и службы защиты государственной тайны Вооруженных Сил.

Еще одним важным элементом системы защиты государственной тайны в Вооруженных Силах, требующим исследования, является функция контроля за состоянием защиты государственной тайны. Именно в рамках проведения мероприятий контроля выявляется большая часть нарушений в данной сфере.

Контроль выполнения установленных требований является завершающей функцией процесса управления на определенном этапе. Эта функция важна по той причине, что процесс управления протекает при постоянно изменяющихся условиях выполне-

ния задач и характеризуется различной степенью неопределенности. Контроль дает ответ на вопросы: достигнуло ли управляющее воздействие поставленных целей и нуждаются ли управленческие решения в корректировке; он обеспечивает обратную связь в системе управления и тем самым дает возможность оценить качество выполнения задачи, как на отдельных этапах, так и по его завершению.

Согласно разд. VIII Закона Российской Федерации «О государственной тайне» контроль за обеспечением защиты государственной тайны подразделяется на федеральный, государственный, межведомственный и ведомственный. Из анализа нормативных правовых актов, определяющих полномочия органов государственной власти, правом проведения ведомственного контроля обладают все государственные органы, наделенные полномочиями, по распоряжению сведениями, составляющими государственную тайну. Однако, что касается федерального государственного и ведомственного контроля, то полномочия государственных органов расходятся.

Так, в законе «О государственной тайне» напрямую не указано, какие федеральные органы исполнительной власти обладают функцией государственного контроля, к ним отнесены уполномоченные федеральные органы исполнительной власти согласно их компетенции. При этом данная функция прописана только в Положениях ФСБ России и ФСТЭК России². Кроме того, в соответствии с административным регламентом ФСБ России по исполнению государственной функции по осуществлению федерального государственного контроля за обеспечением защиты государственной тай-

¹ Ст. 10, 13 Федерального закона от 31 мая 1996 г. № 61-ФЗ «Об обороне».

² Подп. 8 п. 8 Положения о Федеральной службе по техническому и экспортному контролю, утвержденного Указом Президента Российской Федерации от 16 августа 2004 г. № 1085 «Вопросы Федеральной службы по техническому и экспортному контролю».

ны¹ определен перечень органов ФСБ России, осуществляющих федеральный государственный контроль за обеспечением защиты государственной тайны, в том числе в Вооруженных Силах. Минобороны России согласно установленным полномочиям федеральный государственный контроль за обеспечением защиты государственной тайны не осуществляет.

В отличие от государственного контроля, органы государственной власти, наделенные правом проведения межведомственного контроля за обеспечением защиты государственной тайны, определены в ст. 31 Закона «О государственной тайне». К ним относятся ФСБ России, Минобороны России, СВР России и ФСТЭК России. Требование данной статьи находит свое отображение в задачах и функциях ФСБ России и ФСТЭК России, но, к сожалению, в задачах и функциях Минобороны России данное полномочие не указано. Кроме того, данное полномочие не находит своего отображения в задачах и функциях Генерального штаба Вооруженных Сил и Восьмого управления Генерального штаба Вооруженных Сил. Соответственно в Вооруженных Силах межведомственный контроль за обеспечением защиты государственной тайны имеют право осуществлять ФСБ России и ФСТЭК России и их органы на местах, на которые эта функция возложена законодательством Российской Федерации и иными правовыми актами.

Таким образом, государством как основным субъектом обеспечения безопасности на законодательном уровне определены требования, правила и иные меры, необходимые для обеспечения сохранности сведе-

ний, составляющих государственную тайну, а также определены средства и методы для их реализации. На основе действующего в Российской Федерации законодательства о защите государственной тайны в Вооруженных Силах создана система и функционируют органы защиты государственной тайны, наделенные соответствующими полномочиями, обеспечивающими выполнение установленных требований. Вместе с тем, при наличии права, закрепленного на законодательном уровне, Минобороны России как федеральный орган исполнительной власти в области обороны в лице 8 Управления Генерального штаба Вооруженных Сил не наделено полномочиями по межведомственному контролю за обеспечением защиты государственной тайны и рассмотрению дел об административных правонарушениях в данной области. Указанные полномочия в интересах деятельности как Вооруженных Сил в целом, так и в интересах отдельно взятой воинской части могут осуществлять только органы (подразделения) ФСБ России и ФСТЭК России. Учитывая данное обстоятельство, и при условии, что все нарушения режима секретности, совершаемые в Вооруженных Силах, подпадают под состав административного правонарушения по ч. 7 ст. 13.12 КоАП, то возникает ситуация, при которой по любому нарушению режима секретности командир воинской части не уполномочен проводить соответствующего разбирательства, а вынужден обращаться с этой целью в обеспечивающий орган ФСБ России.

Исходя из полученных выводов, в системе защиты государственной тайны Вооруженных Сил возникают противоречия между КоАП РФ и Законом «О государственной тайне», с одной стороны, и Положением о Минобороны России, Положением о Генеральном штабе Вооруженных Сил и ведомственными нормативными правовыми актами Минобороны России, с другой стороны. Главным противоречием, по мне-

¹ Приказ ФСБ России от 5 марта 2015 г. № 152 «Об утверждении Административного регламента Федеральной службы безопасности Российской Федерации по исполнению государственной функции по осуществлению федерального государственного контроля за обеспечением защиты государственной тайны».

нию автора, является тот факт, что определенная Законом «О государственной тайне» задача по организации и обеспечению защиты государственной тайны в Минобороны России и Вооруженных Силах зафиксирована только в уставных документах Генерального штаба Вооруженных Сил (Восьмого управления Генерального штаба Вооруженных Сил), что не соответствует требованиям нормативных правовых актов федерального значения.

Вместе с тем из главного противоречия возникают частные. Так, установленные Законом «О государственной тайне» и КоАП РФ полномочия Минобороны России по проведению межведомственного контроля за обеспечением защиты государственной тайны в органах государственной власти, а также право рассматривать дела об административных правонарушениях в сфере защиты государственной тайны структурному органу по защите государственной тайны Минобороны России не закреплены.

В результате указанных противоречий в системе защиты государственной тайны Вооруженных Сил существует дисбаланс между Минобороны России и ФСБ России в реализации законных прав по рассмотрению дел об административных правонарушениях в сфере защиты государственной тайны, непосредственно совершенных в конкретной воинской части.

В целях разрешения указанных противоречий, негативно влияющих на функционирование системы защиты государственной тайны Вооруженных Сил, целесообразно привести в соответствие с федеральными законами положения подзаконных актов, регламентирующих данную деятельность в Минобороны России. С этой целью представляется целесообразным:

1. На основании Закона «О государственной тайне» и КоАП РФ внести в Положение о Министерстве обороны Российской Федерации, утвержденное Указом Президента Российской Федерации от 16

августа 2004 г. № 1082, следующие изменения:

— пункт 3 дополнить подпунктом следующего содержания:

«обеспечение защиты сведений, составляющих государственную тайну в области обороны»;

— пункт 7 дополнить подпунктом следующего содержания:

«осуществляет в пределах своей компетенции федеральный государственный контроль и межведомственный контроль за обеспечением защиты государственной тайны, контроль за соблюдением лицензионных требований и условий, а также рассмотрение дел об административных правонарушениях в области защиты государственной тайны».

2. На основании ч. 4 ст. 28.3 КоАП разработать приказ Министра обороны Российской Федерации, определяющий перечень должностных лиц, имеющих право составлять протоколы об административных правонарушениях за административные правонарушения, предусмотренные ч. 3, 4 и 7 ст. 13.12, ч. 2 ст. 13.13 КоАП РФ.

3. На основе внесенных дополнений привести в соответствие нормативные правовые акты Минобороны России, определяющие полномочия структурного органа по защите государственной тайны Минобороны России.

Библиография

1. Азовцев, А. А. Производство по делам об административных правонарушениях в Вооруженных Силах Российской Федерации: проблемные вопросы / А. А. Азовцев // Военное право. — 2019. — № 6).

2. Ефремов, А. В. Сведения о привилегиях, компенсациях и социальных гарантиях, предоставляемых государством гражданам, не подлежат отнесению к государственной тайне / А. В. Ефремов // Право в Вооруженных Силах — военно-правовое обозрение. — 2012. — № 1.

3. Корякин, В. М. Соблюдение режима защиты государственной тайны (режима секретности) как предмет общего надзора органов военной прокуратуры / В. М. Корякин // Право в Вооруженных Силах — военно-правовое обозрение. — 2016. — № 9-10.

Дисциплинарная ответственность военнослужащих за совершение административных правонарушений

© Фаисханов Ринат Рифгатович,

аспирант кафедры административного и муниципального права Саратовской государственной юридической академии

© Шеншин Виктор Михайлович,

кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры теории и истории государства и права Санкт-Петербургского университета ГПС МЧС России, доцент кафедры уголовного права Санкт-Петербургского университета МВД России,

Аннотация. В статье обосновывается вывод о том, что военнослужащий, привлекаемый к дисциплинарной ответственности, имеет фактически те же права, что и лицо, в отношении которого ведется производство по делу об административном правонарушении. Предлагается внести изменения в абзац шестой статьи 81 Дисциплинарного устава Вооруженных Сил Российской Федерации, предусмотрев, что материалы разбирательства о грубом дисциплинарном проступке, в том числе административном правонарушении, за которое военнослужащий в соответствии с Кодексом Российской Федерации об административных правонарушениях несет дисциплинарную ответственность, должны оформляться только в письменном виде.

Ключевые слова: дисциплинарная ответственность; производство по делам об административных правонарушениях; административное расследование; разбирательство; командир воинской части.

Disciplinary liability of military personnel for committing administrative offenses

© Faiskhanov R. R.,

Postgraduate student of the Department of Administrative and Municipal Law of the Saratov State Legal Academy

© Shenshin V. M.,

Candidate of Law, Associate Professor, Associate Professor of the Department of Theory and History of State and Law of the St. Petersburg University of the Ministry of Emergency Situations of Russia, Associate Professor of the Department of Criminal Law of the St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia

Abstract. The article substantiates the conclusion that a soldier who is brought to disciplinary responsibility has virtually the same rights as a person against whom proceedings are being conducted on an administrative offense. It is proposed to amend the sixth paragraph of Article 81 of the Disciplinary Charter of the Armed Forces of the Russian Federation, providing that the materials of the proceedings on a gross disciplinary offense, including an administrative offense, for which a serviceman in accordance with the Code of Administrative Offenses of the Russian Federation bears disciplinary responsibility, should be drawn up only in writing.

Key words: disciplinary responsibility; proceedings in cases of administrative offenses; administrative investigation; proceedings; commander of a military unit.

Понятие «ответственность» означает необходимость, обязанность отдавать кому-либо отчет о своих действиях, поступках, быть ответственным за них¹.

Ответственность — это явление, которое объективно существует как обязательное проявление упорядоченности общественных отношений; оно отражает объективную необходимость согласования поведения субъектов социального общения².

Юридическая ответственность является одной из многогранных и фундаментальных категорий юридической науки и практики. Юридическая ответственность — один из основных правовых институтов, опосредующих охранительную функцию права. Поэтому традиционно она рассматривалась как один из видов негативной реакции (принуждение) государства на правонарушение.

Проблема административной ответственности теснейшим образом связана с общими проблемами юридической ответственности и является особенно актуальной в современный период развития нашего общества и государства³.

Проблемы административной, да и в целом юридической ответственности привлекают внимание многих ученых-правоведов, а также правоприменителей. В научной, учебной литературе авторы формулируют определения ответственности, анализируют различные ее аспекты.

Так, И. В. Максимов справедливо отмечает, что административная ответственность в научном плане — понятие достаточно

сложное, многомерное и полифункциональное⁴.

Профессор Н. И. Кузнецов под административной ответственностью понимал применение принудительных мер за нарушение административно-правовых норм, как правило, властью административных органов во внесудебном порядке либо в отдельных предусмотренных законом случаях — судебными органами⁵.

П. П. Серков характеризует административную ответственность как комплексную правовую реакцию государства на проявление административной противоправности, содержащую материально-правовые основания и процессуальный порядок возбуждения, рассмотрения дел об административных правонарушениях, назначения и исполнения административных наказаний в целях возложения на правонарушителя обязанности претерпевать неблагоприятные последствия, установленные законодателем, или прекращения производства по делу в определенных законом случаях⁶.

В современном российском административном законодательстве предусматривается специальный порядок привлечения к административной ответственности военнослужащих и отдельных категорий служащих, на которых распространяется действие дисциплинарных уставов.

Однако внесение законодателем изменений в нормы, регулирующие административную ответственность, связанное с принятием КоАП РФ, поставило задачу нового осмысления и анализа методов и форм ра-

¹ Ожегов С. И. Словарь русского языка. М., 1981. С. 218.

² Чирков А. П. Ответственность в системе права : учеб. пособие. Калининград, 1996. С. 7.

³ Хаманева Н. Ю. Проблемы административной ответственности // Административная ответственность / Отв. ред. И. Л. Бачило, Н. Ю. Хаманева. М., 2001. С. 3.

⁴ Максимов И. В. Концепции позитивной административной ответственности в теории и праве // Государство и право. 2006. № 8. С. 29.

⁵ Кузнецов Н. И. Акты советского государственного управления. Убеждение и принуждение в советском государственном управлении : лекции, прочитанные в Военно-политической академии. М., 1968. С. 43.

⁶ Серков П. П. Административная ответственность: проблемы и пути совершенствования : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2010. С. 13, 25.

боты по обеспечению эффективной организации борьбы с правонарушениями в среде государственных служащих и, прежде всего, военнослужащих.

Необходимо обратить внимание на тот факт, что перечень правонарушений, за совершение которых военнослужащие несут административную ответственность на общих основаниях согласно КоАП РФ, существенно расширен по сравнению с КоАП РСФСР. Это касается не только военнослужащих, но и всех категорий населения. Приведенный факт констатирует одно из проявлений усиления административной ответственности на современном этапе развития страны. Законодатель также пошел по пути усиления административной ответственности за счет возможности применения к военнослужащим расширенного, в сравнении с КоАП РСФСР, перечня административных взысканий. Если ранее, согласно КоАП РСФСР, к военнослужащим не применялись административный арест, штраф или лишение права управления транспортными средствами, то согласно КоАП РФ к военнослужащим, проходящим военную службу по контракту, не могут быть применены такие виды взысканий, как административный арест, а к военнослужащим, проходящим военную службу по призыву, также и административный штраф¹.

Таким образом, представленные определения юридической и административной ответственности заслуживают интерес, в них отражаются те или иные аспекты понятия ответственности. На практике нередко возникает много ситуаций, требующих тщательного исследования с целью предложения вариантов их разрешения. Так, в сложившейся правоприменительной практике зачастую военнослужащие привлекаются

сразу к нескольким видам ответственности. Например, в случае совершения административного правонарушения, в результате которого причинен ущерб имуществу воинской части, при признании военнослужащего виновным, кроме дисциплинарной ответственности, он привлекается еще и к материальной ответственности².

Военной доктриной Российской Федерации укрепление воинской дисциплины провозглашено одним из составляющих элементов достижения выполнения основных задач строительства и развития Вооруженных Сил Российской Федерации, других войск и органов (подп. «с» п. 39). Это, в свою очередь, обусловлено существом воинской дисциплины, представляющей собой стержень боевой готовности подразделений, безопасности военной службы и учебы личного состава, организованного выполнения им других задач в повседневной деятельности и охраны здоровья военнослужащих. Командиры (начальники) обязаны постоянно поддерживать воинскую дисциплину (ст. 79 УВС ВС РФ).

Кроме того, Конституционный Суд Российской Федерации в своих решениях неоднократно отмечал, что военная служба представляет собой особый вид государственной службы, непосредственно связанной с обеспечением обороны страны и безопасности государства и, следовательно, осуществляемой в публичных интересах, а лица, несущие военную службу, выполняют конституционно значимые функции, что и предопределяет их специальный правовой статус, включая основания и условия привлечения их к ответственности.

При этом в ст. 26—28 УВС ВС РФ определено, что в зависимости от характера и тяжести совершенного правонарушения,

¹ Шарыкина О. В. Юридическая ответственность военнослужащих в Российской Федерации: теоретико-правовое исследование : дис. ... канд. юрид. наук. М., 2002. С. 32—33.

² Назарова И. С., Шеншин В. М. Особенности привлечения военнослужащих к административной ответственности // Военное право. 2015. № 2. С. 63—72.

военнослужащие могут привлекаться к дисциплинарной, административной¹, материальной², гражданско-правовой и уголовной ответственности.

Можно утверждать о схожести целей применения административных наказаний и дисциплинарных взысканий.

Так, частью 1 ст. 3.1 КоАП РФ определяется цель применения административного наказания как предупреждение совершения новых правонарушений как самим правонарушителем, так и другими лицами.

В свою очередь, в соответствии со ст. 54 ДУ ВС РФ дисциплинарное взыскание применяется в целях предупреждения совершения дисциплинарных проступков.

Следует отметить, что за административные правонарушения военнослужащие несут дисциплинарную ответственность в соответствии с ДУ ВС РФ, за исключением административных правонарушений, за которые они несут ответственность на общих основаниях, и вопросы ответственности военнослужащих за совершение административных правонарушений применительно к дисциплинарным взысканиям были предметом внимания военных юристов³.

¹ Назарова И. С., Шеншин В. М. Применение норм административного законодательства при нарушении водителями служебного автотранспорта воинских частей правил дорожного движения // Право в Вооруженных Силах — военно-правовое обозрение. 2017. № 9. С. 24—31.

² Петухов Н. А., Шеншин В. М. Об особенностях привлечения военнослужащих к ограниченной материальной ответственности за ущерб, причиненный имуществу воинской части в сфере охраны окружающей среды: проблемные вопросы и пути их решения // Военно-юридический журнал. 2016. № 12. С. 25—29.

³ См., например: Административная ответственность военнослужащих и граждан, призванных на военные сборы: комментарии и судебная практика // Фатеев К. В., Харитонов С. С., Шанхаев С. В. М., 2011; Фатеев К. В., Харитонов С. С. О содержании понятий воинской дисциплины, воинского дисциплинарного проступка и дисциплинарной ответственности военнослужащих // Право в Вооруженных Силах — во-

Перечень административных правонарушений, за которые военнослужащие несут ответственность на общих основаниях, определен в ч. 2 ст. 2.5 КоАП РФ.

В соответствии с п. 2 ст. 28.5 Федерального закона от 27 мая 1998 г. № 76-ФЗ «О статусе военнослужащих» совершение военнослужащим административного правонарушения, не предусмотренного в ч. 2 ст. 2.5 КоАП РФ, по своему характеру является грубым дисциплинарным проступком.

При совершении военнослужащим грубого дисциплинарного проступка или при получении данных о его совершении непосредственный командир (начальник) военнослужащего обязан немедленно доложить об этом командиру воинской части, который, принимает решение о проведении разбирательства по факту совершения грубого дисциплинарного проступка и назначает ответственного за его проведение.

Существенно то, что противоправные, виновные действия (бездействие), выражающиеся в нарушении воинской дисциплины, которые в соответствии с законодательством Российской Федерации не влекут за собой уголовной или административной ответственности, признаются дисциплинарными проступками, за которые военнослужащие подлежат привлечению к дисциплинарной ответственности.

Учитывая, что воинская дисциплина есть строгое и точное соблюдение всеми военнослужащими порядка и правил, установленных федеральными конституционными законами, федеральными законами, общевоинскими уставами Вооруженных Сил Российской Федерации, иными нормативными правовыми актами Российской Федерации и приказами (приказаниями) командиров (начальников) (ст. 1 ДУ ВС), прихо-

енно-правовое обозрение. 2012. № 1 (175). С. 10—18; Харитонов С. С. О справедливости и законности дисциплинарных взысканий // Военно-юридический журнал. 2018. № 11. С. 15—18

дим к выводу об отсутствии ограничений в проведении должностным лицом, назначенным командиром воинской части, разбирательства по существу допущенного военнослужащим грубого дисциплинарного проступка, выразившегося в совершении административного правонарушения, за которое военнослужащий в соответствии с КоАП РФ несет дисциплинарную ответственность. Однако, на практике случаи назначения командирами воинских частей разбирательств по существу допущенных военнослужащими таких грубых дисциплинарных проступков являются, скорее, исключением, чем правилом, что, по нашему мнению, обусловлено сложившимся в воинских коллективах стереотипом восприятия проведения разбирательств по делам об административных правонарушениях как исключительную компетентность иных структурных подразделений, таких как военная полиция Вооруженных Сил Российской Федерации, органы внутренних дел МВД России и другие, полагая ограничение полномочий воинских должностных лиц проведением разбирательств по дисциплинарным проступкам, к которым не относятся административные правонарушения.

Так, например, 10 октября 2019 г. в ходе письменного разбирательства, проведенного в военной образовательной организации высшего образования, был установлен факт потребления Б. в казарме военно-учебного заведения запрещенных наркотических средств, т.е. состав административного правонарушения, предусмотренного ч. 1 ст. 6.9 КоАП (потребление наркотических средств без назначения врача).

Командованием военно-учебного заведения было принято решение о передаче материалов по факту совершения Б. административного правонарушения в военную комендатуру, где определением дознавателя отдела (дознания, дисциплинарной и административной практики) от 21 октября 2019 г. в отношении Б. возбуждено дело об адми-

нистративном правонарушении, предусмотренном ч. 1 ст. 6.9 КоАП, и назначено административное расследование.

После выяснения всех обстоятельств совершения указанного административного правонарушения постановлением врио начальника отдела дознания военной комендатуры от 25 октября 2019 г. производство по делу об административном правонарушении в отношении Б. прекращено на основании ч. 2 ст. 24.5 КоАП РФ. Для привлечения Б. к дисциплинарной ответственности материалы были возвращены в военно-учебное заведение.

Аналогичный порядок действий воинских должностных лиц усматривается из анализа апелляционного определения 1 Западного окружного военного суда от 21 мая 2020 г. по делу № 33а-166/2020.

Вместе с тем, существенным является тот факт, что, исходя из положений ст. 2.5 КоАП РФ, военнослужащие не являются субъектами административных правонарушений по общему правилу и за совершение действий, составляющих объективную сторону состава административного правонарушения, не указанного в ч. 2 ст. 2.5 КоАП РФ, подлежат привлечению к дисциплинарной ответственности.

Следовательно, командир воинской части при получении данных о совершении подчиненным военнослужащим административного правонарушения, за которое военнослужащие в соответствии с КоАП РФ несут дисциплинарную ответственность, уполномочен принять решение о проведении разбирательства во вверенной ему воинской части по факту совершения грубого дисциплинарного проступка и назначить ответственного за его проведение¹.

¹ Шеншин В. М. О некоторых особенностях проведения административных расследований в войсках национальной гвардии Российской Федерации // Право в Вооруженных Силах — военно-правовое обозрение. 2017. № 8 (241). С. 12—15.

При этом военнослужащий, назначенный для проведения разбирательства, во-первых, должен иметь воинское звание и воинскую должность не ниже воинского звания и воинской должности военнослужащего, совершившего дисциплинарный проступок; во-вторых, заканчивает проведение такого разбирательства составлением протокола о грубом дисциплинарном проступке.

Командир воинской части обязан в срок до двух суток рассмотреть протокол и материалы о совершении грубого дисциплинарного проступка и принять решение либо о направлении их в гарнизонный военный суд, либо о применении к военнослужащему иного дисциплинарного взыскания, предусмотренного ДУ ВС РФ.

Порядок привлечения военнослужащих к дисциплинарной ответственности установлен Федеральным законом «О статусе военнослужащих», а также положениями ДУ ВС РФ. При этом военнослужащий, привлекаемый к дисциплинарной ответственности, имеет фактически те же права, что и лицо, в отношении которого ведется производство по делу об административном правонарушении (ст. 25.1 КоАП РФ, ст. 28.1 Федерального закона «О статусе военнослужащих»).

Указанный вывод совпадает с позицией Конституционного Суда Российской Федерации, которым отмечено, что военнослужащий, привлекаемый к дисциплинарной ответственности, имеет фактически те же права, что и лицо, в отношении которого ведется производство по делу об административном правонарушении (ст. 25.1 КоАП РФ, ст. 28.1 Федерального закона «О статусе военнослужащих»). В связи с этим необходимость в передаче материалов о совершении административного правонарушения, за которое военнослужащий в соответствии с КоАП РФ несет дисциплинарную ответственность, отсутствует.

Исходя из изложенного, полагаем целесообразным закрепить соответствующие положения в ДУ ВС РФ, изложив абзац шестой ст. 81 в следующей редакции:

«Материалы разбирательства о грубом дисциплинарном проступке, в том числе административном правонарушении, за которое военнослужащий в соответствии с Кодексом Российской Федерации об административных правонарушениях несет дисциплинарную ответственность, оформляются только в письменном виде».

Библиография

1. Административная ответственность военнослужащих и граждан, призванных на военные сборы: комментарии и судебная практика // Фатеев К. В., Харитонов С. С., Шанхаев С. В. — М., 2011.
2. Максимов, И. В. Концепции позитивной административной ответственности в теории и праве / И. В. Максимов // Государство и право. — 2006. — № 8. — С. 29.
3. Кузнецов, Н. И. Акты советского государственного управления. Убеждение и принуждение в советском государственном управлении: лекции, прочитанные в Военно-политической академии / Н. И. Кузнецов. — М., 1968.
4. Назарова, И. С. Особенности привлечения военнослужащих к административной ответственности / И. С. Назарова, В. М. Шеншин // Военное право. — 2015. — № 2. — С. 63—72.
5. Назарова, И. С. Применение норм административного законодательства при нарушении водителями служебного автотранспорта воинских частей правил дорожного движения / И. С. Назарова, В. М. Шеншин // Право в Вооруженных Силах — военно-правовое обозрение. — 2017. — № 9. — С. 24—31.
6. Петухов, Н. А. Об особенностях привлечения военнослужащих к ограниченной материальной ответственности за ущерб, причиненный имуществу воинской части в сфере охраны окружающей среды: проблемные вопросы и пути их решения / Н. А. Петухов, В. М. Шеншин // Военно-юридический журнал. — 2016. — № 12. — С. 25—29.
7. Серков, П. П. Административная ответственность: проблемы и пути совершенствования : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. — М., 2010.
8. Фатеев, К. В. О содержании понятий воинской дисциплины, воинского дисциплинарного про-

ступка и дисциплинарной ответственности военнослужащих / К. В. Фатеев, С. С. Харитонов // Право в Вооруженных Силах — военно-правовое обозрение. — 2012. — № 1 (175). — С. 10—18.

9. Хаманева, Н. Ю. Проблемы административной ответственности / Н. Ю. Хаманева // Административная ответственность / отв. ред. И. Л. Бачило, Н. Ю. Хаманева. — М., 2001.

10. Харитонов, С. С. О справедливости и законности дисциплинарных взысканий / С. С. Харитонов // Военно-юридический журнал. — 2018. — № 11. — С. 15—18.

11. Чирков, А. П. Ответственность в системе права : учеб. пособие / А.П. Чирков. — Калининград, 1996.

12. Шарькина, О. В. Юридическая ответственность военнослужащих в Российской Федерации: теоретико-правовое исследование : дис. ... канд. юрид. наук / О. В. Шарькина. — М., 2002.

13. Шеншин, В. М. О некоторых особенностях проведения административных расследований в войсках национальной гвардии Российской Федерации / В. М. Шеншин // Право в Вооруженных Силах — военно-правовое обозрение. — 2017. — № 8 (241). — С. 12—15.

Военная служба. Социальные гарантии военнослужащих

Взыскание с военнослужащих и лиц, уволенных с военной службы, необоснованно выплаченных им денежных средств

© **Зайков Денис Евгеньевич**,

кандидат юридических наук, доцент кафедры «Гражданское право, международное частное право и гражданский процесс» Юридического института Российского университета транспорта

Аннотация. Денежное довольствие представляет собой форму вознаграждения военнослужащих за труд в особой сфере государственной службы – военной службе и является основным средством их материального обеспечения и стимулирования исполнения обязанностей военной службы. В этой связи проблемы денежного довольствия, обоснованности его выплаты приобретают актуальную значимость. В статье автор рассматривает особенности судебной практики по делам о взыскании с военнослужащих и лиц, уволенных с военной службы, в качестве неосновательного обогащения необоснованно выплаченных сумм денежного довольствия, и приходит к выводу о постепенном формировании единой судебной практики по указанным категориям дел.

Ключевые слова: военнослужащие, денежное довольствие, взыскание, неосновательное обогащение, выплаты.

Recovery of unjustifiably paid money from military personnel and persons dismissed from military service

© **Zaikov D. E.**,

Candidate of Law, Associate Professor of the Department "Civil Law, Private International Law and Civil Procedure" of the Law Institute of the Russian University of Transport

Annotation. Monetary allowance is a form of remuneration of military personnel for work in a special area of public service-military service and is the main means of providing them with material support and stimulating the performance of military service duties. In this regard, the problems of monetary allowance and the validity of its payment are becoming relevant. In the article, the author examines the peculiarities of judicial practice in cases of recovery from military personnel and persons dismissed from military service as unjustified enrichment of unreasonably paid amounts of monetary allowances, and comes to the conclusion that a unified judicial practice is gradually being formed in these categories of cases.

Key words: military personnel, monetary allowance, recovery, unjustified enrichment, payments.

Денежное довольствие военнослужащих, проходящих военную службу по контракту, является основным средством их материального обеспечения и стимулирования исполнения обязанностей военной

службы¹, что определяет востребованность и актуальность связанной с ним проблематики¹.

¹ Ч. 1 ст. 2 Федерального закона от 7 ноября 2011 г. № 306-ФЗ «О денежном довольствии

Изложенное ставит две противоположных по своему предназначению задачи: обеспечить полную и своевременную выплату военнослужащим денежного довольствия, исключить случаи необоснованной выплаты военнослужащим денежных средств, а также взыскать такие денежные средства при отсутствии оснований для их выплаты.

Централизованная организация выплаты денежного довольствия в силу ряда объективных и субъективных факторов² обуславливает наличие ситуаций, при которых военнослужащим и лицам, уволенным с военной службы, необоснованно выплачиваются денежные средства в виде денежного довольствия в целом или отдельных ежемесячных или иных дополнительных выплат. Изложенные обстоятельства предопределяют возникновение значительного числа судебных споров, предметом иска по которым является взыскание с военнослужащих и лиц, уволенных с военной службы, выплаченных денежных средств³.

В качестве правового основания выступает ст. 1102 ГК РФ, согласно п. 1 которой лицо, которое без установленных

военнослужащих и предоставлении им отдельных выплат» (далее — Закон о денежном довольствии).

¹ См., напр.: Корякин В. М. Некоторые проблемы индексации денежного довольствия военнослужащих и военных пенсий // *Право в Вооруженных Силах* — военно-правовое обозрение. 2017. № 3. С. 22—26; Ильин Ю. А. Денежное довольствие военнослужащих в современной России // *Военное право*. 2018. № 5. С. 68—76; Харитонов С. С. О некоторых аспектах правоприменительной практики в сфере денежного довольствия военнослужащих // *Право в Вооруженных Силах* — военно-правовое обозрение. 2018. № 5. С. 9—12; Ефимкин Ю. С., Харитонов С. С. Денежное довольствие военнослужащих (по материалам военно-судебной практики) // *Военное право*. 2021. № 3. С. 132—139.

² Напр.: несвоевременное внесение в базу данных информации об увольнении военнослужащего с военной службы, изменении его правового статуса, внесении недостоверной информации и т.д.

³ Данная проблема не нова. См., напр.: Феофанов О. Необоснованно выплаченное денежное довольствие. К вопросу о возмещении сумм ущерба // *Право в Вооруженных Силах* — военно-правовое обозрение. 2010. № 4. С. 13—15.

законом, иными правовыми актами или сделкой оснований приобрело или сберегло имущество (приобретатель) за счет другого лица (потерпевшего), обязано возвратить последнему неосновательно приобретенное или сбереженное имущество (неосновательное обогащение), за исключением случаев, предусмотренных ст. 1109 ГК РФ.

Одним из таких случаев является подп. 3 ст. 1109 ГК РФ, согласно которому не подлежат возврату в качестве неосновательного обогащения заработная плата и приравненные к ней платежи, пенсии, пособия, стипендии, возмещение вреда, причиненного жизни или здоровью, алименты и иные денежные суммы, предоставленные гражданину в качестве средства к существованию, при отсутствии недобросовестности с его стороны и счетной ошибки.

Именно данное положение является камнем преткновения в рассматриваемых судебных спорах, от применения или неприменения которого фактически зависит их исход. Для установления обстоятельств, наличие или отсутствие которых позволяет сделать соответствующий вывод, важное место занимает вопрос о квалификации выплаченных военнослужащим и лицам, уволенным с военной службы, денежных средств.

Военная служба, посредством прохождения которой военнослужащие реализуют право на труд, представляет собой особый вид федеральной государственной службы, непосредственно связанный с защитой Отечества, обеспечением обороны и безопасности государства. Право военнослужащего на вознаграждение за исполнение обязанностей военной службы (денежное довольствие), как относящееся по своей природе к имущественным правам и одновременно являющееся специфической формой вознаграждения за труд в особой сфере государственной службы — подлежит признанию и защите, включая судеб-

ную защиту, со стороны государства без какой-либо дискриминации¹.

Судебная и правоприменительная практика в целом не противопоставляет денежное довольствие военнослужащих и заработную плату, признавая их аналогичными по своему правовому значению.

Вместе с тем, особенности правового регулирования отдельных выплат позволяли делать вывод об их автономности, неотносимости к денежному довольствию военнослужащих, что ставило под вопрос применимости к ним положений подп. 3 ст. 1109 ГК РФ.

Так, еще в 2007 г. Верховный Суд Российской Федерации указал, что подп. 3 ст. 1109 ГК РФ неприменим к единовременному пособию, необоснованно выплаченному увольняемым с военной службы военнослужащим, так как оно не относится ни к одному из перечисленных в вышеназванной статье ГК РФ видов платежей, в том числе — выплачиваемых в качестве средств к существованию, а по своей правовой природе является формой поощрения военнослужащего за стаж военной службы и достигнутые при этом успехи².

Как представляется, такой подход нельзя признать верным — подобная характеристика указанной выплаты не отражает ее сущность и создает предпосылки для снижения уровня государственной защиты и ущемления прав лиц, увольняемых с военной службы, по сравнению с иными категориями субъектов (напр., гражданами, работающими по трудовому договору) в аналогичных ситуациях. При этом судебная практика указанное разъяснение

Верховного Суда Российской Федерации игнорирует³.

Значительное число рассматриваемых судебных споров касалось взыскания необоснованно выплаченных военнослужащим сумм дополнительного материального стимулирования в соответствии с Порядком определения и расходования объемов бюджетных средств, направляемых на дополнительные выплаты военнослужащим, проходящим военную службу по контракту, и премии лицам гражданского персонала Вооруженных Сил Российской Федерации, утвержденным приказом Министра обороны Российской Федерации от 26 июля 2010 г. № 1010 (далее — приказ Минобороны России № 1010).

При этом разные суды по таким судебным делам имели кардинально противоположные позиции.

Так, выплата дополнительного материального стимулирования в нарушение установленных приказом Минобороны России № 1010 ограничений (напр., наличие дисциплинарных взысканий за совершенные грубые дисциплинарные проступки в период, за который производится выплата, либо имеющие неудовлетворительные результаты по профессионально-должностной (командирской) и физической подготовке), исключает его отнесение к денежному довольствию военнослужащих, оно не подпадает под категорию денежных средств, приравненных к заработной плате. В связи с изложенным дополнительное материальное стимулирование не может быть отнесено к неосновательному обогащению, не подлежащему возврату, вследствие чего подп. 3 ст. 1109 ГК РФ к рассматриваемому спору неприменим⁴.

Другие суды данные доводы не поддерживали, даже не рассматривая вопрос об отнесении дополнительного материаль-

¹ Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 10 апреля 2001 г. «По делу о проверке конституционности части первой пункта 1 статьи 8 Федерального закона «О материальной ответственности военнослужащих» в связи с запросом Находкинского гарнизонного военного суда».

² Обзор законодательства и судебной практики Верховного Суда Российской Федерации за IV квартал 2007 г., утвержденный Постановлением Президиума Верховного Суда Российской Федерации от 27 февраля 2008 г.

³ См., напр.: Апелляционное определение Тамбовского областного суда Тамбовской области от 11 ноября 2013 г. по делу № 33-3422.

⁴ См., напр.: Определение Кассационного военного суда от 29 января 2020 г. по делу № 8Г-477/2019[88-110/2020-(88-322/2019)].

ного стимулирования к денежному довольствию¹.

Точку в этом вопросе поставил Конституционный Суд Российской Федерации, который, руководствуясь принципом равенства и принимая во внимание как нормативное регулирование порядка осуществления дополнительного материального стимулирования, так и источника его финансирования, пришел к следующему выводу:

«Дополнительное материальное стимулирование является периодической выплатой, предоставляемой военнослужащим за счет бюджетных средств, выделенных на денежное довольствие военнослужащих, и непосредственно обусловленной надлежащим исполнением ими своих служебных обязанностей. Несмотря на то, что Законом о денежном довольствии дополнительное материальное стимулирование к денежному довольствию военнослужащих непосредственно не отнесено, основания и условия предоставления указанной выплаты, характеризующие ее правовую природу, позволяют признать ее составным элементом системы оплаты воинского труда, входящим в состав денежного довольствия военнослужащих.

Следовательно, денежное довольствие военнослужащих (соответственно, и все составные его части, включая дополнительное материальное стимулирование), являясь формой оплаты их труда, по смыслу подп. 3 ст. 1109 ГК РФ представляет собой платеж, приравненный к заработной плате»².

¹ См., напр.: Апелляционное определение Судебной коллегии по административным делам Северо-Кавказского окружного военного суда от 12 сентября 2018 г. по делу № 33-1054/2018, Апелляционное определение Судебной коллегии по административным делам Южного окружного военного суда от 10 марта 2020 г. по делу № 33-91/2020.

² См.: Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 26 марта 2021 г. № 8-П «По делу о проверке конституционности подпункта 3 статьи 1109 Гражданского кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданина В. А. Носаева».

При этом Конституционный Суд Российской Федерации фактически указал на критерии, на соответствие которым необходимо проверять выплаты для принятия решения об их отнесении к денежному довольствию военнослужащих.

Тем не менее, имеется одно обстоятельство, при котором необоснованно взысканы с лиц, уволенных с военной службы, в качестве неосновательного обогащения в связи с отсутствием у них статуса денежного довольствия военнослужащих.

В соответствии с частями 1, 2 и 28 ст. 2 Закона о денежном довольствии и пунктами 10 и 11 ст. 38 Федерального закона от 28 марта 1998 г. № 53-ФЗ «О воинской обязанности и военной службе» денежное довольствие военнослужащих является основным средством их материального обеспечения и стимулирования исполнения обязанностей военной службы и подлежит выплате с момента начала военной службы по день их исключения из списков личного состава воинской части в связи с окончанием военной службы»³.

В ст. 2 Закона № 53-ФЗ прямо предусмотрено, что граждане приобретают статус военнослужащих с началом военной службы и утрачивают его с окончанием военной службы. Пунктом 11 ст. 38 указанного Федерального закона, а также п. 4 ст. 3 Положения о порядке прохождения военной службы, утвержденного Указом Президента Российской Федерации от 16 сентября 1999 г. № 1237, определено, что окончанием военной службы считается дата исключения военнослужащего из списков личного состава воинской части.

По смыслу указанных норм права право на получение денежного довольствия имеют лишь военнослужащие. В случае, если лицо на

³ П. 17 Постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 29 мая 2014 г. № 8 «О практике применения судами законодательства о воинской обязанности, военной службе и статусе военнослужащих».

момент перечисления спорных денежных сумм военнослужащим не являлось, то право на получение денежного довольствия не имело, перечисленные ему суммы не являются денежным довольствием и подлежат возврату, как полученные без законных оснований (Определение Судебной коллегии по гражданским делам Седьмого кассационного суда общей юрисдикции от 4 июня 2020 г. по делу № 8Г-5913/2020[88-7714/2020]).

Данный подход, в основе которого лежит правило о том, что необоснованное перечисление денежных средств лицу, уволенному с военной службы, исключает их отнесение к денежному довольствию военнослужащих в связи с утратой их получателем правового статуса военнослужащего, находит всемерную поддержку судебной практики (См., напр.: Определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации от 24 июля 2017 г. № 13-КГ17-4, Определение Судебной коллегии по гражданским делам Второго кассационного суда общей юрисдикции от 8 октября 2020 г. по делу № 8Г-20459/2020[88-21202/2020], Определение Судебной коллегии по гражданским делам Восьмого кассационного суда общей юрисдикции от 11 марта 2021 г. по делу № 8Г-1188/2021[88-2773/2021]). При этом гражданско-правовым обоснованием для такого вывода является предусмотренное п. 1 ст. 1102 ГК РФ приобретение имущества одним лицом за счет другого лица, которое не основано

ни на законе, ни на сделке (Определение Судебной коллегии по гражданским делам Седьмого кассационного суда общей юрисдикции от 14 января 2021 г. по делу № 8Г-19107/2020 [88-528/2021-(88-19581/2020)]).

Таким образом, проблематика взыскания с военнослужащих и лиц, уволенных с военной службы, необоснованно выплаченных денежных средств остается востребованной, однако постепенное формирование в судах единых подходов к разрешению указанных категорий дел позволит снизить их количество и обеспечить формирование правовой определенности по разрешению указанных конфликтов.

Библиография

1. Ефимкин, Ю. С. Денежное довольствие военнослужащих (по материалам военно-судебной практики) / Ю. С. Ефимкин, С. С. Харитонов // *Военное право*. — 2021. — № 3. — С. 132—139.
2. Ильин, Ю. А. Денежное довольствие военнослужащих в современной России / Ю. А. Ильин // *Военное право*. — 2018. — № 5. — С. 68—76.
3. Корякин, В. М. Некоторые проблемы индексации денежного довольствия военнослужащих и военных пенсий / В. М. Корякин // *Право в Вооруженных Силах — военно-правовое обозрение*. — 2017. — № 3. — С. 22—26.
4. Феофанов, О. Необоснованно выплаченное денежное довольствие. К вопросу о возмещении сумм ущерба / О. Феофанов // *Право в Вооруженных Силах — военно-правовое обозрение*. — 2010. — № 4. — С. 13—15.
5. Харитонов, С. С. О некоторых аспектах правоприменительной практики в сфере денежного довольствия военнослужащих / С. С. Харитонов // *Право в Вооруженных Силах — военно-правовое обозрение*. — 2018. — № 5. — С. 9—12.

Вакцинация от Covid-19: право или обязанность военнослужащих?

© Кутузов Олег Владимирович,
кандидат юридических наук, юрисконсульт
ФГКУ «12 ЦНИИ» Минобороны России

Аннотация. В ст. 25 Всеобщей декларации прав человека, принятой Генеральной Ассамблеей ООН 10 декабря 1948 года, закреплена общепризнанная норма международного права: «Каждый человек имеет право на ... медицинский уход и необходимое социальное обслуживание, который необходим для поддержания здоровья и благосостояния его самого и его семьи...». Ч. 1 ст. 41 Конституции Российской Федерации гласит: «Каждый имеет право на охрану здоровья и медицинскую помощь...». Приведенные положения особенно актуальны в настоящее время, когда проблема распространения коронавируса охватила все мировое сообщество. В этих условиях вакцинация является наиболее эффективной мерой, обеспечивающей профилактику коронавирусной инфекции и установление контроля над ней. В связи с этим особую актуальность приобретает проблема полного охвата профилактическими прививками как гражданских лиц, так и военнослужащих. В статье приведен анализ правомерности обязательной вакцинации военнослужащих, затронуты актуальные вопросы дальнейшего совершенствования нормативной базы, регулирующей правоотношения в данной сфере.

Ключевые слова: вакцинация, гражданские лица и военнослужащие, Covid-19, коронавирус, общее и специальное законодательство, правовой статус, здравоохранение.

Vaccination against Covid-19: right or obligation of military personnel?

© Kutuzov O. V.,
candidate of law sciences, legal counsel of FGKU
“12CNII” MD RF

Abstract. The 25th article of the Universal Declaration of Human Rights, adopted by the United Nations General Assembly on the 10th of December in 1948, sealed the generally accepted standard of international law: “Every man has the right for... medical care and necessary social service required to maintain health and welfare of himself and his family...”. Article 41 part 1 of RF Constitution states: “Everyone has the right for health protection and medical care...”. These guidelines are particularly relevant today, when the problem of coronavirus spreading covered the entire world community. Under these conditions vaccination becomes the most effective measure providing coronavirus prevention and control over it. In this connection, the problem of full coverage of preventive vaccinations of civilians and military personnel is of particular relevance. The article presents the analysis of compulsory vaccination legality of military personnel and the actual problems of further improvement of standard base regulating the legal relations in this sphere.

Key words: vaccination, civilians and military personnel, Covid-19, coronavirus, general and special legislation, legal status, public health.

По своим признакам коронавирус очень похож на обычный грипп, ОРВИ или пневмонию. Однако смертность от коронавируса существенно выше, чем от пневмонии или гриппа (например, в первой половине июня 2021 г. в мире зафиксировано 176 133 303 случая заражения коронавирусом Covid-19. Общее число смертей на 12 июня 2021 г. от коронавирусной инфекции

в мире составляет 3 802 545 человек¹). Поэтому ввиду происходящих как во всем мире, так и в России событий, связанных с пандемией 2020 г. (Covid-19), в нашей

¹ Коронавирус. Статистика коронавируса в России и мире. [Электронный ресурс] // URL <https://coronavirus-monitor.info> (Дата обращения 12.06.2021).

стране в экстренном порядке вводятся меры по минимизации экономического и социального воздействия данного вируса на население, экономику и обороноспособность государства. Неотъемлемой частью таких мер является вакцинопрофилактика (иммунопрофилактика) — введение препаратов с целью предотвращения развития инфекционных заболеваний. Иммунопрофилактика — это совокупность (комплекс) мероприятий, затрагивающая вопросы прав человека, государственной политики, ответственности¹.

В настоящее время наиболее остро стоит вопрос: военнослужащий может или обязан сделать прививку? Этот вопрос в настоящее время является спорным, и ответ на него следует дать, опираясь на положения действующего законодательства, судебной практики и правовой доктрины.

Упорядочение и стабилизация социальных отношений внутри такого государственного института, как военная организация, является одним из важнейших направлений социальной политики государства, которая предусматривает достойное медицинское обеспечение и охрану здоровья военнослужащих и членов их семей, что является реализацией конституционного права военнослужащих и граждан на охрану здоровья и медицинскую помощь.

Находясь под защитой государства, военнослужащие обладают правами и свободами человека и гражданина с некоторыми ограничениями, установленными действующим законодательством (п. 2 ст. 1 Федерального закона от 27 мая 1998 г. № 76-ФЗ «О статусе военнослужащих»; ст. 9 УВС ВС РФ. Сравним теперь правовой статус военнослужащего и гражданского лица. В общем представлении правовой статус — это комплексная, интеграционная категория, отражающая взаимоотношения личности и общества, гражданина и

государства, индивида и коллектива, другие социальные связи². Что же касается статуса военнослужащих, то, исходя из положений Федерального закона «О статусе военнослужащих», статус военнослужащих есть совокупность прав, свобод, гарантированных государством, а также обязанностей и ответственности военнослужащих.

В ст. 19 Конституции Российской Федерации определено, что все равны перед законом и судом. Государство гарантирует равенство прав и свобод человека и гражданина независимо от пола, расы, должностного положения и т.д. Этот принцип основан на положениях международных документов. Принцип правового равенства заложен в таких международно-правовых актах, как ст. 1, ст. 7 Всеобщей декларации прав человека, ст. 14 Конвенции о защите прав человека и основных свобод, ст. 14, 20 Международного пакта о гражданских и политических правах. Основной акцент в этих документах сводится к тому, что все граждане равны перед законом, имеют право на равную правовую защиту от какой бы то ни было дискриминации и подстрекательства. Все граждане равны перед судами и трибуналами. Эти положения поддерживает и отечественная судебная практика, закрепляя аналогичные нормы в ст. 3 Постановления Верховного Совета РСФСР от 22 ноября 1991 г. № 1920-I «О Декларации прав и свобод человека и гражданина».

Но так ли это на самом деле? В действительности это юридическая абстрактная модель. В теории права такую модель представляют нормы-принципы, т.е. исходные нормы, которые определяют основы правового регулирования общественных отношений, его цели, задачи, пределы, направления. Они содержат руководящие начала, принципы, которые выступают критериями правомерности участников

¹ Кирилловых А.А. Комментарий к Федеральному закону от 17 сентября 1998 г. № 157-ФЗ «Об иммунопрофилактике инфекционных болезней» (постатейный). М.: Юстицинформ, 2010. С. 5.

² Теория государства и права : курс лекций / под ред. Н. И. Матузова и А. В. Малько. М.: Юрист, 2001. С. 267.

регулируемых отношений и определяют содержание правового регулирования¹.

Если, например, обратиться к Конституции Российской Федерации, то можно понять, что равенство, о котором идет речь в основном законе, условно, и реальное правовое разделение существует. Так, согласно, ст. 91 Конституции Российской Федерации Президент Российской Федерации обладает неприкосновенностью. Ст. 98 Конституции Российской Федерации определяет, что члены Совета Федерации и депутаты Государственной Думы обладают неприкосновенностью в течение всего срока их полномочий. Они не могут быть задержаны, арестованы, подвергнуты обыску, кроме случаев задержания на месте преступления, а также подвергнуты личному досмотру, за исключением случаев, когда это предусмотрено федеральным законом для обеспечения безопасности других людей.

Где же равенство? Его нет. Равенства как такового не может быть ни в одной отрасли: ни в юриспруденции, ни в социологии, ни в политологии и т.д. На этой позиции стоит и судебная практика. В частности, в отношении вопроса о правовом равенстве Конституционный Суд Российской Федерации отмечал, что «... применимость данного принципа ко всем основным правам и свободам не исключает возможности его различного проявления. При равных условиях субъекты права должны находиться в равном положении; если же условия не являются равными, федеральный законодатель вправе установить для них различный правовой статус»². Поэтому

¹ Теория государства и права : учебник / Н. И. Матузов, А. В. Малько. М.: Юрист, 2004. С. 132; Алексеев С. С. Теория государства и права : учебник для юридических вузов и факультетов. М.: Норма, 2005; Баранов А. В. Нормы-принципы в механизме правового регулирования // Вестник Томского государственного университета. Право. 2016. № 4 (2). С. 5—11.

² Определение Конституционного суда Российской Федерации от 2 февраля 2006 г. № 17-О «Об отказе в принятии к рассмотрению запроса Законодательного собрания Вологодской области о проверке конституционности отдельных положений статей

принцип равенства не может считаться нарушенным, когда различия между теми или иными категориями лиц являются достаточными для того, чтобы предусмотреть для них различное правовое регулирование³. Равный подход к формально равным субъектам не обуславливает необходимость предоставления одинаковых гарантий лицам, относящимся к разным категориям, а равенство перед законом и судом не исключает фактических различий и необходимость их учета законодателем⁴.

Именно на этом принципе основано, например, предоставление социальных льгот отдельным категориям военнослужащих, т.е. предоставление им отдельных преимуществ, либо полное или частичное освобождение от некоторых обязанностей⁵. Поэтому правовой статус военнослужащих и гражданских лиц, несмотря на то, что они являются гражданами одного государства, подчинены одной правовой системе, существенно различается. Это вытекает из особого характера военной службы, которая, по мнению Конституционного Суда Российской Федерации, «представляет собой особый вид государственной службы — профессиональную служебную деятельность граждан на воин-

40, 98, 99 и 102 Федерального закона «Устав железнодорожного транспорта Российской Федерации».

³ Определение Конституционного Суда Российской Федерации от 17 июля 2007 г. № 580-О-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Силина Сергея Константиновича на нарушение его конституционных прав пунктом 1 Правил получения отдельными категориями военнослужащих денежной компенсации вместо предметов вещевого имущества личного пользования, положенных по нормам снабжения вещевым имуществом военнослужащих в мирное время».

⁴ Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 29 ноября 2004 г. № 17-П «По делу о проверке конституционности абзаца первого пункта 4 статьи 64 Закона Ленинградской области «О выборах депутатов представительных органов местного самоуправления и должностных лиц местного самоуправления в Ленинградской области» в связи с жалобой граждан В. И. Гнездилова и С. В. Пашигорова».

⁵ Корякин В. М. Льготы в военном праве // Государство и право. 2006. № 12. С. 88 – 97.

ских должностях. ... Такого рода деятельность ... осуществляется в публичных интересах, а лица, несущие военную службу, выполняют конституционно значимые функции, чем предопределяется их специальный правовой статус (совокупность прав и свобод, гарантируемых государством, а также обязанностей и ответственности). Особый характер военной службы ... обусловлен ее специфическим назначением — защищать государственный суверенитет и территориальную целостность Российской Федерации, обеспечивать безопасность государства, ... составляет существо воинского долга, предопределяющего содержание общих, должностных и специальных обязанностей военнослужащих»¹.

Из формулировок приведенного выше Постановления Конституционного Суда Российской Федерации следует, что главное отличие правового статуса военнослужащих от статуса гражданских лиц заключается в том, что военнослужащие наделены особыми правами и обязанностями, которые предопределены прохождением ими службы в Вооруженных Силах Российской Федерации. Военные существенно отличаются образом жизни, имеют воинские звания, должны быть готовы в любое время принять участие в боевых действиях, довольно часто менять место службы и т.д. Поэтому военнослужащие имеют больший объем социальных льгот (преференций), предоставляемых государством, и в то же время неприемлемые для гражданских лиц ограничения. Например, согласно п. 7 ст. 10 Федерального закона «О статусе военнослужащих» военнослужащий не вправе заниматься другой оплачиваемой деятельностью, за исключением педагогической, научной и иной творческой деятельности.

¹ Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 21 марта 2013 г. № 6-П «По делу о проверке конституционности подпункта «в» пункта 2 статьи 51 Федерального закона «О воинской обязанности и военной службе» в связи с жалобами граждан Р. В. Боскачева, И. В. Овсянникова и Д. А. Савельева».

Безусловно, правовой статус военнослужащего неразрывно связан со статусом гражданина Российской Федерации, поскольку военнослужащий, как и любой гражданин, имеет общегражданский статус и наделен такими же правами как любой гражданин. Однако граждане, находящиеся на службе в Вооруженных Силах нашей страны, подчиняются не только законам Российской Федерации, но и более узким уставным документам.

По данному вопросу М. В. Палехин отмечает, что «...гражданско-правовой статус военнослужащего представляет собой совокупность прав, свобод, законных интересов, гарантированных государством, а также обязанностей и ответственности военнослужащих, одна часть которых принадлежит ему как гражданину, а другая подразумевает учет особенностей профессиональной служебной деятельности в воинских должностях по осуществлению функций обеспечения обороны страны и безопасности государства»².

Таким образом, с одной стороны, на военнослужащих распространяются нормы общего законодательства, наделяющие его правами гражданина Российской Федерации, но, с другой стороны, в отношении военнослужащего действует специальное военное законодательство, которое устанавливает для него как дополнительные права (например, на социальные льготы), так и дополнительные обязанности. Следовательно, правовой статус военнослужащего включает определенную совокупность прав и обязанностей общей и специальной части действующего законодательства. При этом общегражданская составляющая статуса военнослужащего получила свое развитие в Федеральном законе «О статусе военнослужащих», а специальная — в Федеральном законе от 28 марта 1998 г. № 53-ФЗ «О воинской обязанности и военной службе», в Федеральном законе от 31 мая 1996 г. № 61-ФЗ «Об обороне»,

² Палехин М. В. К вопросу о гражданско-правовом статусе военнослужащего // International Scientific Review. 2015. № 2 (3). С. 55—58.

Указе Президента Российской Федерации от 16 сентября 1999 г. № 1237 «Вопросы прохождения военной службы», в Общевоинских уставах Вооруженных Сил Российской Федерации.

Важно правильно понимать, что специальный закон детализирует общее правило, устанавливает исключения или особенности регулирования некоторых отношений, которые входят в предмет регулирования общего закона. Отсюда вытекает принцип: *lex speciali derogat legi generali* — если есть специальный закон, то общий не применяется. Нормативного определения этому правилу не существует¹. Это общий принцип права, восходящий к римскому праву, где в случае конкуренции норм общего (*generalis*) и специального (*specialis*) характера предпочтение при толковании и применении должно отдаваться специальным нормам. При этом под общими понимаются нормы, регулирующие определённый род общественных отношений, а под специальными — регулирующие вид этого рода². Данное понятие выработано теорией права. Приоритет специальной нормы перед общей является одним из общеправовых принципов разрешения коллизии в праве. Поэтому с точки зрения формальной логики приоритет должен иметь специальный закон.

Правило о приоритете специальных норм над общими поддерживается и судебной практикой. Так, при рассмотрении спорного вопроса Верховный Суд Российской Федерации следовал правилу, не закреплённому в законодательстве, а общепризнанному принципу *lex specialis derogat generali*, на который не раз обращал внимание Конституционный Суд Российской Федерации (см. Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 14 мая 2003 г. № 8-П; Определения Кон-

ституционного Суда Российской Федерации от 5 октября 2000 г. № 199-О, от 1 декабря 1999 г. № 211-О)³.

Таким образом, военнослужащий в первую очередь подчинен правовым нормам, содержащимся в военном (специальном) законодательстве, и требования к нему в отношении вакцинации должны быть более жесткими.

Согласно ст. 345 УВС ВС РФ вакцинация в Вооруженных Силах считается обязательной. Автор одной из публикаций⁴ не соглашается с такой позицией военного закона, поскольку Устав, по его мнению, в этой части вступает в противоречие с п. 8 ч. 5 ст. 19 Федерального закона от 21 ноября 2011 г. № 323-ФЗ «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации» и частью 1 ст. 5 Федерального закона от 17 сентября 1998 г. № 157-ФЗ «Об иммунопрофилактике инфекционных болезней», где прямо говорится о том, что вакцинация в Российской Федерации добровольная и любой имеет право на отказ от вмешательства в свой организм. Автор справедливо указывает на коллизию юридических норм. И поскольку Федеральный закон имеет большую юридическую силу, следует считать, что военнослужащие имеют право на отказ от вакцинации по собственному желанию. Тем самым, есть два основания для отказа: собственное мотивированное желание или медицинские показания, которые подтверждены врачом.

Позиция других авторов основана на том, что ограничение прав военнослужащих может устанавливаться только федеральным законом (ч. 3 ст. 55 Конституции Российской Федерации), а не уставом внутренней службы. Ссылаясь на ст. 19 Федерального закона от 21 ноября 2011 г.

¹ Приоритет специального закона по отношению к общему закону. Студопедия [Электронный ресурс] // URL https://studopedia.ru/5_33397_prioritet-spetsialnogo-zakona-po-otnosheniyu-k-obshchemu-zakonu.html (Дата обращения 20.04.2021).

² Черданцев А. Ф. Толкование права и договора. М.: ЮНИТИ-ДАТА, 2003. С. 170.

³ Верховный суд РФ подтвердил приоритет специальной нормы над общей [Электронный ресурс] // URL <https://yandex.ru/turbo/wiselawyer.ru/s/poleznoe/82206-podtverdil-prioritet-specialnoj-normy-obshhej> (Дата обращения 20.04.2021).

⁴ Делают ли в армии прививки? [Электронный ресурс.] // URL <https://prizyvnik-soldat.ru/privivka-armiya/> (Дата обращения 20.04.2021).

№ 323-ФЗ, военнослужащий вправе отказаться от вакцинации. И в случае такого отказа они не могут подвергаться какой-либо дискриминации со стороны начальства, а проходящие службу по контракту не могут быть уволены в случае заболевания Covid-19¹.

В первую очередь следует отметить, что правила ст. 20 указанного закона, где речь идет о добровольной информированной вакцинации, Постановлением Конституционного Суда Российской Федерации от 13 января 2020 г. № 1-П² признаны частично противоречащим Конституции Российской Федерации и, соответственно, до издания соответствующего закона применению не подлежат. Что же касается правил о добровольной информированной вакцинации, установленных в ст. 5 Федерального закона от 17 сентября 1998 г. № 157-ФЗ, то они в полной мере касаются гражданских лиц. Военнослужащий в первую очередь, как было обосновано выше, подчинен правовым нормам, содержащимся в военном законодательстве, которые согласно ст. 345 УВС ВС РФ устанавливают обязательную вакцинацию и имеют приоритет над общим законом согласно правовому принципу *lex speciali derogat legi generali*. А согласно ст. 59 Конституции Российской Федерации воинская обязанность — это закрепленная и регулируемая нормами военного права обязанность нести военную службу и защищать Отечество.

Далее особое внимание следует обратить на правило п. 6 ст. 25 Федерального закона «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации», кото-

рое закрепило положение о том, что особенности охраны здоровья военнослужащих и приравненных к ним лиц, а также отдельных категорий граждан, проходящих военную службу или приравненную к ней службу в федеральных органах исполнительной власти и федеральных государственных органах, в которых федеральным законом предусмотрена военная служба или приравненная к ней служба, определяются законодательством Российской Федерации, регламентирующим деятельность этих органов. В нашем случае, это в первую очередь нормы военного законодательства.

Соответствующую поправку об охране здоровья военнослужащих и приравненных к ним лиц следует закрепить в п. 2 ст. 11 Федерального закона «Об иммунопрофилактике инфекционных болезней». Для удобства правовую модель п. 6 ст. 25 Федерального закона «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации» целесообразно без всяких изъятий включить в п. 2 ст. 11 Федерального закона «Об иммунопрофилактике инфекционных болезней».

Теперь обратим внимание на п. 3 ст. 32 Федерального закона «О воинской обязанности и военной службе», согласно которой условия контракта о прохождении военной службы включают в себя обязанность гражданина добросовестно исполнять все общие, должностные и специальные обязанности военнослужащих, установленные законодательными и иными нормативными правовыми актами Российской Федерации. Далее в п. 2 ст. 40 этого же закона установлено, что военнослужащий, являющийся гражданином, проходящий военную службу по призыву или впервые поступивший на военную службу по контракту, приводится к военной присяге со следующими словами: «Клянусь свято соблюдать Конституцию Российской Федерации, строго выполнять требования воинских уставов, приказы командиров и начальников».

¹ Как отказаться от вакцинации [Электронный ресурс] // URL <https://soldiersmothers.ru/news/kak-otkazatsya-ot-vaktsinatsii> (Дата обращения 20.04.2021).

² Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 13 января 2020 г. № 1-П «По делу о проверке конституционности частей 2 и 3 статьи 13, пункта 5 части 5 статьи 19 и части 1 статьи 20 Федерального закона «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации» в связи с жалобой гражданки Р. Д. Свечниковой».

В ст. 16 Федерального закона от 27 мая 1998 г. № 76-ФЗ «О статусе военнослужащих» установлено, что охрана здоровья военнослужащих обеспечивается созданием благоприятных условий военной службы, быта и системой мер по ограничению опасных факторов военной службы, проводимой командирами во взаимодействии с органами государственной власти.

УВС ВС РФ предписывает военнослужащим заботиться о своем здоровье, не скрывать болезней, строго соблюдать правила личной и общественной гигиены (ст. 343). Более того, ст. 346 УВС ВС РФ обязывает военнослужащего доложить в порядке подчиненности о случаях возникновения инфекционных заболеваний среди лиц, проживающих с ним в одной квартире (комнате общежития), и исполнять должностные и специальные обязанности с разрешения командира полка по заключению начальника медицинской службы.

Согласно ст. 335 УВС ВС РФ охрана здоровья и физическое развитие военнослужащих — неотъемлемая часть их подготовки к выполнению своего воинского долга. Охрана здоровья обеспечивается созданием командирами (начальниками) во взаимодействии с органами государственной власти безопасных условий военной службы. Забота о сохранении и укреплении здоровья военнослужащих — обязанность командиров (начальников) и одним из способов ее достижения согласно ст. 336 Устава является осуществление санитарно-противоэпидемических (профилактических) и лечебно-профилактических мероприятий.

Указанные мероприятия, проводимые в рамках укрепления здоровья военнослужащих, являются составной частью обеспечения надежности военного персонала. По данному вопросу А. П. Пономаренко справедливо отмечает, что «наступило то время, когда военные доктрины национальной безопасности должны более весомо включать такую составляющую боеготовности, как здоровье. Здоровье практи-

ческое здорового военнослужащего поддерживает его целеполагающую активность, профессионализм в достижении боевого результата, сохранение военной техники и собственной жизни»¹.

Согласно ст. 1 Федерального закона «О санитарно-эпидемиологическом благополучии населения» санитарно-противоэпидемические (профилактические) мероприятия — организационные, административные, инженерно-технические, медико-санитарные, ветеринарные и иные меры, направленные на устранение или уменьшение вредного воздействия на человека факторов среды обитания, предотвращение возникновения и распространения инфекционных заболеваний и массовых неинфекционных заболеваний (отравлений) и их ликвидацию. В свою очередь, лечебно-профилактические мероприятия — это совокупность мер по сохранению и укреплению здоровья людей, проводимых с целью обеспечения их высокой трудоспособности, предупреждения и снижения заболеваемости, своевременного лечения и быстреего восстановления их здоровья. Лечебно-профилактические мероприятия — составная часть лечебно-профилактической помощи, оказываемой населению страны в различных типах медицинских учреждений (поликлиники, медико-санитарные части, больницы, клиники и пр.)².

Для обеспечения невосприимчивости военнослужащих к инфекционным болезням проводятся предохранительные прививки, которые согласно ст. 345 УВС ВС РФ могут быть плановыми и по эпидемическим показаниям. Эпидемия — это прогрессирующее распространение инфекционного заболевания среди людей, значительно превышающее обычно регистриру-

¹ Здоровье воина — одна из основ национальной безопасности / А. П. Пономаренко / Независимое военное обозрение [Электронный ресурс] // URL <https://nvo.ng.ru/armament> 2016-12-09 6_929_health.html (Дата обращения 05.05.2021)

² Гражданская защита: Энциклопедия в 4 т. Т. II (К — О) / Под общ. ред. С. К. Шойгу; МЧС России. М.: ЗАО ФИД «деловой экспресс», 2007. С. 98.

емый на данной территории уровень заболеваемости и способное стать причиной чрезвычайной ситуации¹. Согласно терминологии Всемирной организации здравоохранения (ВОЗ) Covid-19 — это сильная эпидемия, когда болезнь фиксируется не только в пределах одного населенного пункта, страны, но и поражает людей во многих странах мира². В свою очередь, эпидемические показания — показания к проведению противоэпидемических (профилактических) мероприятий, обусловленные неблагополучной эпидемической ситуацией на определенной территории³.

Согласно ст. 345 УВС ВС РФ от прививок военнослужащие освобождаются только по заключению врача. Врач, давая освобождение от вакцинации, в первую очередь должен руководствоваться инструкциями по применению препарата с целью определения наличия противопоказаний к введению вакцин. Противопоказания к вакцинации определяются Министерством здравоохранения Российской Федерации и содержатся в инструкциях по применению препаратов и других нормативных документах⁴. Отметки о прививках

заносятся в медицинские книжки и военные билеты.

Согласно УВС ВС РФ плановые предохранительные прививки всему личному составу проводятся в соответствии с календарем прививок, а по эпидемическим показаниям⁵ — по приказу старшего командира (начальника). Исходя из буквального смысла данной нормы следует, что в обязательном или принудительном порядке (по приказу командира) предусмотрена только вакцинация по эпидемическим показаниям, проводимая в интересах сохранения здоровья и жизни военнослужащего. Никакое иное медицинское вмешательство в принудительном порядке не предусмотрено ни общим, ни военным законодательством.

И опять же возникает вопрос: не противоречит ли отдание приказа командиром правилам общего законодательства — статье 20 Федерального закона «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации» и статье 5 Федерального закона «О санитарно-эпидемиологическом благополучии населения»?

Во-первых, согласно ст. 9 ДУ ВС РФ право командира (начальника) отдавать приказ и обязанность подчиненного беспрекословно повиноваться являются основными принципами единоначалия и в случае открытого неповиновения или сопротивления подчиненного командир (начальник) обязан для восстановления порядка и воинской дисциплины принять все установленные федеральными законами и общевоинскими уставами меры принуждения.

Согласно ст. 39 УВС ВС РФ обсуждение (критика) приказа недопустимо, а неисполнение приказа командира (начальника), отданного в установленном порядке, является преступлением против военной службы. Подчиненный, не выполнивший приказ командира (начальника), отданный

¹ Эпидемиологический словарь. 4-ое издание / под редакцией Джона М. Ласта для Международной эпидемиологической ассоциации. М. Глобус. 2009. С. 256; Бургасов П. Н., Сумароков А. А. Эпидемия // Большая медицинская энциклопедия : в 30 т. / гл. ред. Б. В. Петровский / 3 изд. М.: Советская энциклопедия, 1986. Т. 28. С. 534.

² ВОЗ объявила пандемию коронавируса. Что это значит? [Электронный ресурс] // URL <https://mag.103.by/topic/81793-voz-obyavila-pandemiju-koronavirusa-chto-eto-znachit/> (Дата обращения 05.05.2021).

³ Медицинский словарь. Медицинские термины [Электронный ресурс] // URL <http://www.makhaon.com/index.php?lng=ru&p=dict&cuid=0&cat> (Дата обращения 05.05.2021).

⁴ Вакцины и вакцинация. Национальное руководство / Под ред. В. В. Зверева, Р. М. Хаитова. М., 2014. С. 640; Федеральное руководство по использованию лекарственных средств (формулярная система, справочное издание) Выпуск XVII / Под ред. А. Г. Чучалина, В. В. Яснецова. М.: ООО Видокс, 2016. С. 745—768; Иммунопрофилактика-2018: Справочник. 13-е изд., расширенное / под ред. В. К. Таточенко, Н. А. Озерецковского. М.: Боргес, 2018. С. 272.

⁵ Действия, проводимые по эпидемическим показаниям, направленные на профилактику распространения инфекционных заболеваний (опасных или социально значимых).

в установленном порядке, привлекается к уголовной ответственности по основаниям, предусмотренным законодательством Российской Федерации (ст. 43). При этом приказ командира (начальника) согласно ст. 41 УВС ВС РФ должен соответствовать федеральным законам, общевойсковым уставам и приказам вышестоящих командиров (начальников).

Напомним, что правила п. 6 ст. 25 Федерального закона «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации» по вопросам охраны здоровья военнослужащих отсылают к нормам военного законодательства, которые при решении данных вопросов являются приоритетными по отношению к общему закону, а военное законодательство наделяет командира правом отдать приказ на проведение прививок при угрозе возникновения инфекционных болезней. Таким образом, ограничение прав и свобод военнослужащих, в том числе закрепленное в УВС ВС РФ ограничение права на добровольную вакцинацию, не противоречит ни Конституции Российской Федерации, ни федеральному законодательству.

Во-вторых, командир (начальник), отвечающий за здоровье своих подчиненных, обязан обеспечить их явку в пункт вакцинации, где военнослужащие в письменном виде дают свое информированное и добровольное согласие на прививку в соответствии со ст. 5 Федерального закона «О санитарно-эпидемиологическом благополучии населения». Но свое согласие они дают уже не командиру (начальнику), а Минздраву России, которым разработан весь порядок проведения прививок и установлены требования к вакцинации от коронавируса.

В-третьих, если военнослужащий не согласен с приказом, то по правилам ст. 43 УВС ВС РФ он обязан выполнить приказ, а затем вправе его обжаловать, обратившись в военную прокуратуру на основании ст. 10 Федерального закона от 17 января 1992 г. № 2202-1 «О прокуратуре Российской Федерации». Решение, принятое про-

курором, не препятствует обращению лица за защитой своих прав в суд. Так, согласно ст. 21 Федерального закона «О статусе военнослужащих» военнослужащие имеют право на защиту своих прав и законных интересов путем обращения в суд в порядке, установленном федеральными законами и иными нормативными правовыми актами Российской Федерации. Однако это не дает гарантий тому, что требования военнослужащего будут удовлетворены правоохранительными органами, поскольку Календарь профилактических прививок по эпидемическим показаниям, утвержденный приказом Минздрава России от 21 марта 2014 г. № 125н, к категориям граждан, включенных во вторую приоритетную группу, т.е. подлежащих обязательной вакцинации против коронавирусной инфекции, вызываемой вирусом SARS-CoV-2, относит военнослужащих. Профилактические прививки по эпидемическим показаниям проводятся при угрозе возникновения инфекционных болезней, перечень которых устанавливает федеральный орган исполнительной власти (ст. 10 Федерального закона «О санитарно-эпидемиологическом благополучии населения») и согласно Уставу прививки по эпидемическим показаниям всему личному составу проводятся по приказу командира (начальника).

Военным законодательством не предусмотрен отказ от плановых прививок. Поэтому отказ военнослужащего от вакцинации можно расценивать как нарушение воинской дисциплины, которая согласно ст. 1 ДУ ВС РФ есть строгое и точное соблюдение всеми военнослужащими порядка и правил, установленных федеральными конституционными законами, федеральными законами, общевойсковыми уставами, иными нормативными правовыми актами Российской Федерации и приказами (приказаниями) командиров (начальников).

Приведенные выше нормы корреспондируют, что отказ от вакцинации является дисциплинарным проступком и может повлечь наложение дисциплинарного взыска-

кания. Федеральный закон от 4 декабря 2006 г. № 203-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации по вопросам ответственности военнослужащих» впервые закрепил законодательное определение понятия «дисциплинарный проступок». Под дисциплинарным проступком понимается противоправное, виновное действие (бездействие), выражающееся в нарушении воинской дисциплины, которое в соответствии с законодательством Российской Федерации не влечет за собой уголовной или административной ответственности. В ст. 47 ДУ ВС РФ дано аналогичное определение дисциплинарного проступка.

В соответствии с ч. 3 ст. 32 Федерального закона «О воинской обязанности и военной службе» условия контракта о прохождении военной службы включают в себя обязанность военнослужащего добросовестно исполнять все общие, должностные и специальные обязанности, установленные законодательными и иными нормативными правовыми актами Российской Федерации. Следовательно, за неисполнение нормативно-правовых актов в связи с отказом от вакцинации военнослужащий может быть привлечен к дисциплинарной ответственности.

Кроме этого, могут иметься основания для увольнения военнослужащего за неисполнение условий контракта со стороны военнослужащего. Так, согласно Постановлению Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 29 мая 2014 г. № 8 «О практике применения судами законодательства о воинской обязанности, военной службе и статусе военнослужащих» досрочное увольнение с военной службы по подп. «в» п. 2 ст. 51 Федерального закона «О воинской обязанности и военной службе» в связи с невыполнением условий контракта может применяться к военнослужащим в порядке дисциплинарного взыскания и в порядке аттестации с учетом соответствия военнослужащего предъявляемым к нему требованиям.

В настоящее время судебная практика относительно законности увольнения военнослужащего в случае отказа от вакцинации против Covid-19 еще не сложилась, поэтому сложно прогнозировать, будет ли такое нарушение, допущенное военнослужащим, являться основанием для увольнения по несоблюдению условий контракта. Поэтому с целью исключения возможных судебных споров требование об обязательной вакцинации необходимо закрепить в контракте о прохождении военной службы.

Таким образом, на основании вышеуказанных правовых норм можно сделать вывод о том, что вакцинация для военнослужащих является обязательной. Поэтому представляется целесообразным категории военнослужащих, которые связаны с несением боевого дежурства, а также военнослужащих, которые взаимодействуют с наибольшим количеством личного состава, это командиры (начальники) различных степеней, включить в первую приоритетную группу Календаря профилактических прививок по эпидемическим показаниям. Во второй приоритетной группе вместо общего названия «военнослужащие» записать: «Военнослужащие, в служебные обязанности которых не входит несение боевого дежурства».

Для оказания медицинской помощи пациентам с коронавирусом Минобороны России в течение 2020 г. привлекло 18,5 тыс. военных медработников¹. Их деятельность связана с высоким риском заболевания инфекционными болезнями и требует согласно постановлению Правительства Российской Федерации от 15 июля 1999 г. № 825² обязательного проведения профилактических прививок.

¹ Названо число привлекавшихся к борьбе с коронавирусом военных медиков. Взгляд. Деловая газета. [Электронный ресурс] // URL <https://yandex.ru/turbo/vz.ru/s/news/2020/7/13/1049627.html> (Дата обращения 24.05.2021).

² Постановление Правительства Российской Федерации от 15 июля 1999 г. № 825 «Об утверждении перечня работ, выполнение которых связано с высоким риском заболевания

На сегодняшний день в Российской Федерации самостоятельно действуют 26 высших и средних военно-учебных заведений Минобороны России, включены в состав других военно-учебных заведений — 29. В этих учебных заведениях трудится значительный состав военных педагогов. Поэтому в первой приоритетной группе приказа Минздрава России от 9 декабря 2020 г. № 1307н, где названы «работники медицинских, образовательных организаций», также следует указать «военных педагогов, военных медиков».

В заключение хотелось бы отметить, что военнослужащий имеет большой объем обязанностей, которые вытекают из его особого статуса защитника Отечества, а риски в условиях военной службы значительно выше, чем в гражданской сфере, поэтому вакцинация для военнослужащих может стать хорошим способом профилактики.

Основные выводы и предложения:

1) правовой статус военнослужащих и гражданских лиц, несмотря на то, что они являются гражданами одного государства, подчинен одной правовой системе, но относится к разным категориям, существенно различается. Это вытекает из особого характера военной службы. Поэтому требования к военнослужащему в отношении вакцинации более жесткие. Анализ действующего законодательства, судебной практики, положений правовой науки и правовой доктрины показал, что специальный закон детализирует общее правило, устанавливает исключения или особенности регулирования некоторых отношений, которые входят в предмет регулирования общего закона. Отсюда вытекает принцип: *lex speciali derogat legi generali* — если есть специальный закон, то общий не применяется. Приоритет специальной нормы перед общей является одним из общеправовых принципов разрешения коллизии в праве. Следовательно, приоритет в регулирова-

нии правоотношений, где участником является военнослужащий, должно иметь военное законодательство (специальный закон);

2) ограничение прав и свобод военнослужащих, в том числе закрепленное в УВС ВС РФ ограничение права на добровольную вакцинацию, не противоречит ни Конституции Российской Федерации, ни федеральному законодательству;

3) анализ действующей нормативной правовой базы в области борьбы с коронавирусом показал, что отказ военнослужащего от вакцинации является дисциплинарным проступком, что может повлечь наложение дисциплинарного взыскания.

В целях дальнейшего совершенствования действующего законодательства предлагается следующее:

а) правило об охране здоровья военнослужащих и приравненных к ним лиц следует закрепить в п. 2 ст. 11 Федерального закона «Об иммунопрофилактике инфекционных болезней», заимствовав для этого без всяких изъятий правовую модель п. 6 ст. 25 Федерального закона «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации»;

б) на основании правового анализа действующего законодательства сделан вывод о том, что вакцинация военнослужащих является обязательной и в первую очередь для тех, кто заступает на боевое дежурство и обеспечивает защиту нашего государства. Исходя из этого, категории военнослужащих, которые связаны с несением боевого дежурства, а также военнослужащих, которые взаимодействуют с наибольшим количеством личного состава (командиры (начальники) различных степеней), целесообразно включить в первую приоритетную группу Календаря профилактических прививок по эпидемическим показаниям. Во второй приоритетной группе вместо общего названия «военнослужащие» записать: «Военнослужащие, в служебные обязанности которых не входит несение боевого дежурства»;

инфекционными болезнями и требует обязательного проведения профилактических прививок».

в) с учетом широкого привлечения военных медиков для оказания медицинской помощи пациентам с коронавирусом и большого количества военных педагогов, которые трудятся в высших и средних военно-учебных заведениях Минобороны России, предлагается в первой приоритетной группе приказа Минздрава России от 9 декабря 2020 г. № 1307н, где названы «работники медицинских, образовательных организаций», также указать «военных педагогов, военных медиков»;

г) с целью исключения споров по поводу правомерности или неправомерности обязательной вакцинации представляется целесообразным обязательную вакцинацию включить в содержание контракта о прохождении военной службы.

Настоящая статья построена на анализе действующего общего и специального законодательства, правоприменительной практики и положений правовой доктрины. Выводы, сделанные в ней, могут быть изменены в зависимости от дальнейшего совершенствования и изменения нормативной правовой базы и сложившейся судебной практики.

Библиография

1. Алексеев, С.С. Теория государства и права : учебник для юридических вузов и факультетов / С. С. Алексеев. — М.: Норма, 2005. — 496 с.
2. Баранов, А. В. Нормы-принципы в механизме правового регулирования / А. В. Баранов // Вестник Томского государственного университета. Право. — 2016. — № 4 (2). — С. 5—11.
3. Иммунопрофилактика-2018: Справочник. 13-е изд., расширенное / Под ред. В. К. Таточенко, Н. А. Озерецковского. — М.: Боргес, 2018. — 272 с.
4. Кирилловых, А. А. Комментарий к Федеральному закону от 17 сентября 1998 г. № 157-ФЗ «Об иммунопрофилактике инфекционных болезней» (постатейный) / А. А. Кирилловых. — М.: Юстицинформ, 2010. — 150 с.
5. Корякин, В. М. Льготы в военном праве / В. М. Корякин // Государство и право. — 2006. — № 12. — С. 88—97.
6. Теория государства и права : курс лекций / под ред. Н. И. Матузова и А. В. Малько. — М.: Юрист, 2001. — 776 с.
7. Черданцев, А. Ф. Толкование права и договора / А. Ф. Черданцев. — М.: ЮНИТИ-ДАТА, 2003. — 381 с.
8. Федеральное руководство по использованию лекарственных средств (формулярная система, справочное издание). Выпуск XVII / Под ред. А. Г. Чучалина, В. В. Яснецова. М.: ООО Видокс, 2016.

Правовое обеспечение профессиональной подготовки военнослужащих

Понятие правового регулирования профессиональной подготовки младших специалистов пограничных органов федеральной службы безопасности

© Акилов Михаил Алексеевич,
специалист юридического отдела Центра исследования проблем российского права «Эквитас»

Аннотация. Статья посвящена анализу законодательства и юридической литературы в части, касающейся деятельности пограничных органов по профессиональной подготовке младших специалистов пограничных органов федеральной службы безопасности. Автор последовательно раскрывает понятие правового регулирования профессиональной подготовки и предлагает на основе исследования взглядов ученых в области юриспруденции актуальное определение правового регулирования профессиональной подготовки младших специалистов пограничных органов федеральной службы безопасности.

Ключевые слова: пограничные органы, младшие специалисты, правовое регулирование, профессиональная подготовка.

The concept of legal regulation of professional training of junior specialists of border agencies of the Federal Security Service

© Akilov M. A.,
Specialist of the Legal Department of the Problem Research Center Russian law "Equitas»

Abstract. The article is devoted to the analysis of legislation and legal literature regarding the activities of border authorities on the training of junior specialists of border authorities of the Federal Security Service. In this article, the author consistently reveals the concept of legal regulation of professional training and offers, based on the research of the views of scientists in the field of jurisprudence, an actual definition of legal regulation of professional training of junior specialists of the border authorities of the federal Security Service.

Keywords: border authorities, junior specialists, legal regulation, professional training.

Образование является фундаментом для успешного функционирования и дальнейшего развития пограничных органов. От качества подготовленности каждого сотрудника зависит успешное выполнение задач, возложенных на Пограничную службу ФСБ России в целом. Применительно к сотрудникам это важное средство для его становления как профессионала, способного и готового выполнять свое предназначение по охране государственной границы в соответствии с возложен-

ными на него оперативно-служебными задачами.

В настоящее время ситуация в сфере профессиональной подготовки сотрудников характеризуется поиском наиболее оптимальных решений по организации подготовки, которая должна соответствовать современным реалиям пограничной службы¹.

¹ См. об этом, напр.: Журавлев С. И., Туганов Ю. Н. Реализация функций и принципов кадрового

Однако исследование проблем и выработка на этой основе направлений совершенствования профессиональной подготовки сотрудников, впервые поступивших на военную службу по контракту в пограничных органах федеральной службы безопасности (далее — младшие специалисты)¹, невозможно без оптимального и всестороннего уяснения предметного содержания самого объекта исследования и его правового регулирования².

Для начала важно раскрыть содержание термина «правовое регулирование».

Так, С. С. Алексеев рассматривал правовое регулирование через призму динамики права. По его мнению, право, рассматриваемое в действии, в движении, позволяет заметить наиболее существенные стороны права³. Это специфическая категория, возглавляющая особый понятийный аппарат, в который входят еще такие понятия, как объект, предмет, метод правового регулирования и другие динамические структуры.

Правовое регулирование всегда создает в отношении субъекта права определенные рамки должного и возможного поведения, то есть наделяет субъекты регулируемых общественных отношений правами, устанавливает обязанности и юридическую ответственность, тем самым гарантирует любой общественной организации относительную устойчивость и стабильность ее функционирования. Л. С. Явич отмечает, что таким образом право осу-

ществляет не только функцию охраны установленных общественных отношений, но и содействует созданию условий для их возникновения, ориентирует их развитие и создает барьеры общественным отношениям, противоречащим интересам общества и государства⁴.

В. С. Нерсесянц определяет правовое регулирование как особый вид социальной регуляции людей в общественных отношениях через принцип формального равенства, который отображает основные признаки права и устанавливает специфику всего правового регулирования, то есть право регулирует общественные отношения путем властного установления разнообразных обязательных для соблюдения правил поведения людей в соответствии с требованиями принципа формального равенства⁵.

Можно выделить следующие главные особенности правового регулирования в области профессиональной подготовки младших специалистов:

— во-первых, правовое регулирование в этой области всегда исходит от государства, то есть это государственное регулирование, которое устанавливается по средствам общеобязательных норм независимо от субъективного отношения к волеизъявлению государства;

— во-вторых, подготовка сотрудников в ведомственных образовательных организациях заключается не только в том, чтобы предоставить обязательный минимум освоения основных профессиональных образовательных программ, но и носит военно-профессиональную направленность, следовательно, правовое регулирование не ограничивается рамками регулирования только образовательного процесса, а осуществляет регулирование подготовки сотрудников в пределах военной службы;

обеспечения государственной службы в деятельности федеральных органов исполнительной власти // Военно-юридический журнал. 2013. № 11. С. 2—8.

¹ Младший специалист (авт. определение) — военнослужащий пограничных органов, проходящий военную службу по контракту на воинской должности, которой предусмотрено воинское звание прапорщик (мичман).

² Дедов Ю. Ф., Туганов Ю. Н. Профессиональная переподготовка государственных служащих: понятие и содержание правового регулирования в рамках военной службы // Вестник Екатеринбургского института. 2015. № 3 (31). С. 72—77.

³ Алексеев С. С. Общая теория права: учебник / 2-е изд., перераб. и доп. М.: Проспект. 2008. С. 210.

⁴ Явич Л. С. Проблемы правового регулирования советских общественных отношений. М., 1961. С. 19.

⁵ Нерсесянц В. С. Философия права: учебник / 2-е изд., перераб. и доп. М.: Норма: ИНФА-М, 2013. С. 30—47.

— в-третьих, правовое регулирование опирается на возможность использования принудительной силы государства. Если субъекты общественных отношений не исполняют веления государства, то к ним применяется аппарат государственного принуждения, в том числе увольнение с военной службы;

— в-четвертых, правовое регулирование осуществляется посредством формального равенства, каждый правоспособный гражданин Российской Федерации имеет право поступить на военную службу и пройти обучение в ведомственных образовательных организациях, в том числе и на факультетах среднего профессионального образования, однако критерием формальности равенства будут выступать требования к кандидату, изъявившему желание поступить на военную службу в пограничные органы, то есть правоспособность имеют все, но не все могут реализовать данное право по своим психологическим, физическим и деловым качествам.

Исследование проблем правового регулирования профессиональной подготовки младших специалистов предполагает для начала правильное определение понятия правового регулирования общественных отношений в данной области. Это необходимо для понимания процесса преобразования и упорядочения требований норм права, а также исключить применение юридических инструментов во взаимоотношениях субъектов права, требующих использования иных средств регулирования.

В этой связи С. С. Алексеев отмечает то, что «понятие правового регулирования является исходным пунктом и объединяющим началом характеристики права в действии, других явлений правовой действительности (правовой системы), рассматриваемых с регулятивно-действенной стороны»¹.

Анализ существующих точек зрения в учебной, научной и энциклопедической

литературе показывает то, что ученые в понятие «правовое регулирование» по-разному вкладывают содержание и, соответственно, по-разному определяют его качественные стороны. Однако стоит обратить внимание на то, что многие авторы склонны к мнению, что правовое регулирование — это в первую очередь специфический процесс. Так, А. Ф. Черданцев определил «правовое регулирование как процесс регулирования общественных отношений с помощью норм права и других правовых средств»². С. С. Алексеев считает, что «это процесс, осуществляемый при помощи системы правовых средств воздействие на общественные отношения»³.

Такого же мнения придерживаются и справочные издания, где подчеркивается, что в процессе правового регулирования главенствующую роль играет государство. Так, например, в юридическом словаре указывается, что правовое регулирование — это процесс воздействия государства на общественные отношения с помощью юридических норм (норм права), которое выражается через предмет и метод правового регулирования⁴.

Из приведенного признака вытекает, что «регулирование» в праве как научная категория отображает длящийся по времени и в пространстве процесс, посредством воздействия на регулируемые общественные отношения, способствующий созданию и развитию новых отношений с одной стороны, а с другой, он направлен на вытеснение отношений, не соответствующих требованиям общества.

Следовательно, содержание предмета правового регулирования выражается в трех основных направлениях в зависимости от характера объективных требований общества: во-первых, упорядочение и фиксация существующих общественных отношений, во-вторых, способствование раз-

¹ Алексеев С. С. Теория права. М.: Изд. БЕК, 1995. С. 209.

² Черданцев А. Ф. Теория государства и права : учебник для вузов. М.: Юрайт, 1999. С. 342.

³ Алексеев С. С. Общая теория права. С. 211.

⁴ Большой юридический словарь. М.: Книжный мир, 2010. С. 560.

витию новых общественных отношений, в третьих, вытеснение общественных отношений, не соответствующих требованиям общества¹.

Теперь рассмотрим понятие «профессиональная подготовка». Российское законодательство в области образования не дает точного определения профессиональной подготовки, однако на основании анализа норм, регулирующих ее, можно сделать вывод, что данное понятие применяется как синонимичное понятиям образование и обучение, т.е. понимается как процесс приобретения необходимых сотруднику профессиональных знаний, умений и навыков².

Ю. Н. Туганов определил профессиональную подготовку как деятельность федеральных органов исполнительной власти по предоставлению сотрудникам возможности получения профессионального образования, профессионального обучения и дополнительного образования³.

Также можно согласиться с мнением М. Ю. Демченко, которая считает, что подготовка является процессом по получению работником необходимых профессиональных знаний и приобретению им профессиональных умений и навыков для выполнения работы, требующей определенной квалификации⁴.

Таким образом, исследование и анализ взглядов ученых в области юриспруденции позволяют сделать вывод о том, что правовое регулирование профессиональной подготовки младших специалистов в пограничных органах федеральной службы без-

опасности представляет собой процесс правотворческой и правоприменительной деятельности органов государственной власти посредством результативного, социально-юридического воздействия на субъектов права, осуществляемое в целях упорядочения и развития основных видов их деятельности, а также вытеснению взаимоотношений, не соответствующих требованиям государства, при помощи установления субъективных прав, юридических обязанностей и юридической ответственности участников правоотношений в сфере профессиональной подготовки в рамках прохождения ими военной службы.

Библиография

1. Алексеев, С. С. Общая теория права : учебник. 2-е изд., перераб. и доп. / С. С. Алексеев. — М.: Проспект, 2008. — 565 с.
2. Дедов, Ю. Ф. Профессиональная переподготовка государственных служащих: понятие и содержание правового регулирования в рамках военной службы / Ю. Ф. Дедов, Ю. Н. Туганов // Вестник Екатеринбургского института. — 2015. — № 3 (31). — С. 72—77.
3. Журавлев, С. И. Реализация функций и принципов кадрового обеспечения государственной службы в деятельности федеральных органов исполнительной власти / С. И. Журавлев, Ю. Н. Туганов // Военно-юридический журнал. — 2013. — № 11. — С. 2—8.
4. Нерсисянц, В. С. Философия права : учебник. 2-е изд., перераб. и доп. / В. С. Нерсисянц. — М.: Норма: ИНФА-М, 2013. — 835 с.
5. Туганов, Ю. Н. Правовое регулирование подготовки и переподготовки специалистов в интересах кадрового обеспечения безопасности государства : монография / Ю. Н. Туганов, С. И. Журавлев, Ю. Ф. Дедов. — М.: Граница, 2017. — 143 с.

¹ Березина Е. А. Предмет правового регулирования: Философские основания // Философия права: РЮИ МВД РФ: Ростов-на-Дону. 2019. № 3(90). С. 25.

² Федеральный закон от 29 декабря 2012 г. № 273-ФЗ «Об образовании в Российской Федерации».

³ Туганов Ю. Н., Журавлев С. И., Дедов Ю. Ф. Правовое регулирование подготовки и переподготовки специалистов в интересах кадрового обеспечения безопасности государства : монография. М.: Граница, 2017. С. 34.

⁴ Демченко М. В. Правовое регулирование подготовки и дополнительного профессионального образования работников : дис. ... канд. юрид. наук. М.: Высшая школа экономики, 2019. С. 52.

95 лет военной подготовке на базе гражданской высшей школы: вопросы совершенствования правового регулирования

© Калашников Валерий Васильевич,
кандидат юридических наук, доцент,
полковник юстиции

Аннотация. Предметом настоящей статьи являются изменения в законодательстве, связанные с деятельностью военных учебных центров, а также вопросы истории развития данного вида обучения и проблемы, имеющиеся в данной сфере ранее и в настоящее время.

Ключевые слова: военный учебный центр, история военного обучения на базе гражданской высшей школы.

95 years of military training on the basis of a civilian higher school: issues of improving legal regulation

© Kalashnikov V. V.,
Candidate of Law, Associate Professor, colonel of
Justice

Abstract. The subject of this article is changes in legislation related to the activities of military training centers, as well as issues of the history of the development of this type of training, problems existing earlier and now.

Keywords: military training center, history of military training on the basis of a civilian higher school.

В текущем году 20 августа исполняется 95 лет военной подготовки в гражданских высших учебных заведениях.

Отечественная система военной подготовки гражданской высшей школы вот уже 95 лет является важным элементом кадрового и мобилизационного обеспечения военной организации России.

В соответствии с предложением М. Ф. Фрунзе, Постановлением Центрального Исполнительного Комитета и Совета Народных Комиссаров Союза ССР от 20 августа 1926 г. «Об утверждении Положения о порядке прохождения высшей допризывной военной подготовки и действительной военной службы в рабочекрестьянской красной армии гражданами, обучающимися в высших учебных заведениях и техникумах и окончившими их» была введена в высших учебных заведениях и техникумах высшая допризывная во-

енная подготовку учащихся, начиная с 1926—1927 учебного года. В последующем в августе 1930 г. был принят «Закон об обязательной военной службе», на основании которого в университетах, институтах и техникумах вводилась высшая вневойсковая подготовка¹.

С 1 октября 1926 г. открылись первые военные кабинеты — прообразы современных военных учебных центров (бывших военных кафедр) в Московском государственном университете, Московском высшем техническом училище (ныне МГТУ им. Н. Э. Баумана), Ленинградском

¹ Педагогические основы военной подготовки студентов в вузе / Н. Н. Ефимов, С. В. Чернеев, В. Г. Григорьянц, А. В. Кузнецов. М.: МГУ, 1986. С. 6.

политехническом институте, а затем и в других вузах¹.

Сегодня военная подготовка студентов — это динамично развивающаяся, многофункциональная унифицированная система, позволяющая оперативно планировать и качественно реализовывать программы подготовки высококвалифицированных специалистов. Обучение и воспитание молодёжи в военных учебных центрах обеспечивает решение важных функциональных задач Минобороны России, гражданской высшей школы и предприятий оборонной промышленности². Да и в целом заблаговременная подготовка молодёжи к военной службе требует последовательности действий, научного обоснования, материального обеспечения и т.п.³

Основными задачами военного учебного центра являются: реализация программ военной подготовки, участие в проведении воспитательной работы среди граждан и работы по военно-профессиональной ориентации молодёжи.

В настоящее время существуют две формы военной подготовки обучающихся в государственных образовательных организациях высшего образования. Первая — по программе военной подготовки для

прохождения военной службы по контракту на воинских должностях, подлежащих замещению офицерами, после получения высшего образования, вторая — для подготовки запаса.

Как сказано в п. 39 Военной доктрины Российской Федерации, утв. Президентом Российской Федерации 25 декабря 2014 г. № Пр-2976 выполнение основных задач строительства и развития Вооруженных Сил Российской Федерации достигается, в том числе, путем совершенствования федеральных государственных образовательных организаций высшего образования, в которых проводится обучение граждан Российской Федерации по программам военной подготовки.

Совершенствования правового регулирования системы военной подготовки невозможны без научного понимания данного целостного объекта, его сущности, природы и системообразующей архитектуры, без формирования соответствующих представлений о его закономерных взаимосвязях и наиболее устойчивых взаимосвязях и взаимоотношениях, которые составляют механизм (динамическую систему) его функционирования и развития⁴.

Основные подходы к решению проблем совершенствования систем военной подготовки с точек зрения педагогики, политологии, психологии и социологии нашли свое отражение в диссертационных и монографических исследованиях В. В. Дулина, Е. М. Локтева, И. В. Михайлова, О. Д. Мулявы, С. М. Филькова⁵, однако исследования,

¹ Перечень создаваемых военных учебных центров при федеральных государственных образовательных организациях высшего образования, утвержденный распоряжением Правительства Российской Федерации от 13 марта 2019 г. № 427-р.

² Из выступления Министра обороны С. К. Шойгу 30 апреля 2021 г. на Всероссийской научно-практической конференции «Военная подготовка студентов — новые возможности и перспективы» (30 апреля 2021 г., КВЦ «Патриот»). Расширяя горизонты военного образования студенческой молодёжи // Красная звезда, 30.04.21.

³ См. подробнее: Харитонов В. С. Обучение в кадетских училищах (школах, корпусах) как одна из форм допризывной подготовки граждан: некоторые вопросы правового регулирования // Военное право. 2018. № 1 (47). С. 306—308; Харитонов В. С. О некоторых аспектах функционирования добровольной подготовки граждан к военной службе // Военное право. 2019. № 2 (54). С. 147—149; Харитонов В. С. Некоторые вопросы правового регулирования подготовки граждан к военной службе в ДОСААФ по военно-учетным специальностям // Военное право. 2020. № 5 (63). С. 144—147.

⁴ Фильков, С. М. Проблемы реформирования системы военной подготовки в гражданских вузах России // Право и управление. XXI век. 2008. № 1(6). С. 62—66.

⁵ Дулин В. В. Педагогическое управление процессом подготовки офицеров запаса на военных кафедрах : дис. ... канд. пед. наук. Ставрополь, 2004; Локтев Е. М. Функциональные особенности деятельности военной кафедры университета в условиях реформирования военного образования : дис. ... канд. пед. наук : Воронеж, 2001; Михайлов И. Л. Подготовка студентов по военно-учетным специальностям солдат запаса в вузе : дис. ... канд. пед.

посвященные вопросам правового регулирования деятельности данных структур, отсутствуют.

Исторический опыт показывает, что с момента создания структур военной подготовки в гражданских вузах к ним был неоднозначный подход. Так, к примеру, по приказу наркома обороны СССР от 14 июля 1938 г. № 0135 в гражданских вузах страны высшая вневоинсковая подготовка была упразднена¹. Постановлением Совета Министров — Правительства Российской Федерации от 20 июля 1993 г. № 690 «Об утверждении Перечня военных кафедр при государственных образовательных учреждениях высшего профессионального образования» общее количество военных кафедр с 252 было сокращено до 81; издание распоряжения Правительства Российской Федерации от 6 марта 2008 г. № 275-р привело к сокращению 161 военной кафедры.

По мнению автора, большой научный и практический интерес имеет вопрос: почему исторически сложился столь неоднозначный подход к потребности в военной подготовке и конечно же эффективно ли она развивается в соответствии с новыми вызовами и угрозами в настоящее время?

История циклична, потому что природа человека не меняется. Несмотря на пройденный путь от военного кабинета до военного учебного центра, природа военной подготовки не изменилась. Её сущность заключается в том, что изучение гражданами учебных дисциплин по программе военной подготовки проводится на базе знаний, получаемых ими в ходе освоения специальных дисциплин по образовательной программе методом военного дня. Как справедливо отмечает С. М. Фильков, «принципиальная сложность военной под-

готовки заключается во множестве социальных, материальных, военных, педагогических, политических и других системных составляющих, объединяемых в общую совокупность, которая является интегрированной частью системы высшего образования, в том числе военного»².

Началом нового витка исторического развития военной подготовки на базе гражданских вузов можно считать Послание Федеральному Собранию Российской Федерации Президента Российской Федерации 2013 г., где поставлена задача создания новой системы военной подготовки и накопления высококвалифицированного военнотрудового резерва.

Текущий период развития военной подготовки связан с переименованием военных кафедр в военные учебные центры — единые для вузов унифицированные структуры обучения по трем программам: для офицеров запаса, для кадровых офицеров, для рядовых и сержантов запаса с целью повышения эффективности обучения за счет использования общей учебно-материальной базы, учебного вооружения и военной техники, а также предоставления возможности студентам вузов, в которых отсутствуют подразделения военной подготовки, обучаться на базе военных учебных центров близлежащих образовательных организаций или военно-учебных заведений Министерства обороны³. Кроме

² Фильков С. М. Указ. соч.

³ Форма договора об обучении в военном учебном центре для обучающегося в образовательной организации, при которой отсутствует военный учебный центр, приведена в приложении № 7 к приказу Министра обороны Российской Федерации от 26 августа 2020 г. № 400 «Об определении Порядка приема и обучения граждан Российской Федерации в военных учебных центрах при федеральных государственных образовательных организациях высшего образования». Рекомендуемый образец формы соглашения о сотрудничестве между Минобороны России и органом исполнительной власти субъекта Российской Федерации, в котором находится вуз, содержится в Методических рекомендациях по организации деятельности военно-учебных центров при федеральных государственных образовательных организациях высшего образования от 19 февраля 2021 г., утв. статс-секретарем — заме-

наук. Красноярск, 2017; Мулява О. Д. Подготовка студентов военных кафедр к военно-профессиональной деятельности в новой социокультурной среде : дис. ... канд. социолог. наук. Санкт-Петербург, 2001; Фильков С. М. Указ. соч.;

¹ Русский архив: Великая Отечественная: Приказы народного комиссара обороны СССР. М., 1994. Т. 13 (2-1) С 323.

традиционного обучения офицеров запаса, была развёрнута профессиональная подготовка сержантов, старшин, солдат и матросов запаса¹.

В процессе развития реализации идей Президента Российской Федерации, изложенных в Послании, было дополнительно открыто 28 военных учебных центров², принято 10 федеральных законов, 25 указов Президента Российской Федерации, 28 постановлений и распоряжений Правительства Российской Федерации, более 10 приказов Министра обороны Российской Федерации.

В результате проведенной работы сейчас в 104 вузах страны обучение проходят более 60 тыс. студентов, успешно функционирует 96 военных учебных центров.

Большинство принятых изменений в законодательстве в основном касались переименования военных кафедр в военные учебные центры, однако некоторые способствовали развитию данного вида дополнительного образования. Среди них особо следует отметить Федеральный закон от 3 августа 2018 г. № 309-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в части совершенствования военной подготовки студентов федеральных государственных образовательных организаций высше-

стителем Министра обороны Российской Федерации.

¹ Приказ Министра обороны Российской Федерации от 30 ноября 2018 г. № 693 «Об определении Порядка обучения граждан Российской Федерации в военных образовательных организациях высшего образования по программе военной подготовки сержантов, старшин запаса либо по программе военной подготовки солдат, матросов запаса». См. более подробно: Филиппова М. Ю. О порядке обучения студентов гражданских вузов в военных образовательных организациях по программам военной подготовки сержантов, старшин, солдат и матросов запаса // *Право в Вооруженных Силах — военно-правовое обозрение*. 2019. № 3. С. 75—81.

² Распоряжение Правительства Российской Федерации от 13 марта 2019 г. № 427-р «О военных учебных центрах при федеральных государственных образовательных организациях высшего образования».

го образования, который ликвидировал неравенство в правах военнослужащих — преподавателей на дополнительную общую площадь жилого помещения³; Федеральный закон от 22 декабря 2020 г. № 461-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон «О воинской обязанности и военной службе» и Указ Президента Российской Федерации от 26 мая 2021 г. № 324 «О внесении изменений в Положение о порядке прохождения военной службы утвержденное Указом Президента Российской Федерации от 16 сентября 1999 г. № 1237», согласно которым военнослужащему, направленному не на воинскую должность в военный учебный центр при федеральном вузе, может быть присвоено воинское звание на одну ступень выше того, что предусмотрено штатным расписанием центра для занимаемой им должности, что будет способствовать научной деятельности военнослужащих, направленных в военные учебные центры. Нельзя не отметить, что в настоящее время около 18 процентов профессорско-преподавательского состава военных учебных центров имеют ученое звание или ученую степень, хотя среди задач деятельности военного учебного центра, к сожалению, отсутствует научная деятельность.

В своем диссертационном исследовании, проводимом в начале двухтысячных годов О. Д. Мулява указывает на следующие недостатки, связанные с недостаточно высоким уровнем подготовки студентов в то время еще на военных кафедрах вузов: устаревшая учебно-материальная база, недостаточно высокий уровень преподавательского состава, финансовая бедность вузов, слабая связь обучения с войсковой

³ См. более подробно: Багдасарян И. А. О праве военнослужащего на дополнительную общую площадь жилого помещения (комментарий к Постановлению Конституционного Суда Российской Федерации «По делу о проверке конституционности абзаца первого пункта 2 статьи 15.1 Федерального закона "О статусе военнослужащих" по жалобе гражданина М. В. Фокина» от 16 ноября 2017 года N 29-П) // *Право в Вооруженных Силах — военно-правовое обозрение*. 2018. № 1. С. 39—45.

практикой, ориентация учебных программ подготовки офицеров запаса на специфику военного времени. Главной причиной является крайне низкая мотивация необходимости обучения и почти полное отсутствие у выпускников вузов опыта практической работы на офицерских должностях. Молодые люди знают, что, получив звание офицера запаса, они (за редким исключением) будут освобождены от военной службы, поэтому некоторые из них сознательно идут в институт, чтобы не служить в армии, а отсутствие войскового опыта службы приводит к тому, что через год-два полученные на военной кафедре теоретические знания и начальные практические навыки забываются¹.

Необходимо отметить, что вопрос «финансовой бедности» на современном этапе ликвидирован за счет включения военного обучения в государственное задание на оказание государственных услуг государственным учреждением², а также заключением эффективного контракта с преподавателями в соответствии с Указом Президента Российской Федерации от 7 мая 2012 г. № 597 «О мероприятиях по реализации государственной социальной политики», в котором Правительству Российской Федерации предписано обеспечить увеличение к 2018 г. средней заработной платы научно-педагогических работников образовательных организаций высшего образования до 200 % от средней

заработной платы в соответствующем регионе³.

Вместе с тем, вопрос мотивации студентов к обучению остается открытым⁴. Мотивация — это искусство заставлять людей делать то, что вы хотите, так, как будто они сами хотят это сделать, это процесс, который запускает, направляет и поддерживает усилия, направленные на выполнение учебной деятельности. Логично, что при отсутствии мотивации качество знаний, полученных при обучении у студентов, занимает не первое место, в связи с тем, что они понимают, что для дальнейшей деятельности знания им не пригодятся.

Новый порядок отбора в военные учебные центры, утвержденный приказом Министра обороны Российской Федерации от 26 августа 2020 г. № 400 «Об определении Порядка приема и обучения граждан Российской Федерации в военных учебных центрах при федеральных государственных образовательных организациях высшего образования» в отличие от утратившего силу⁵ уже не содержит требования об определении степени мотивации к военной службе наряду с текущей успеваемостью,

¹ Мулява О. Д. Указ. соч.

² Приказ Министра обороны Российской Федерации от 14 ноября 2015 г. № 688 «Об утверждении Общих требований к определению нормативных затрат на оказание государственных услуг в сфере национальной обороны, применяемых при расчете объема субсидии на финансовое обеспечение выполнения государственного задания на оказание государственных услуг государственным учреждением». В 2020 г. затраты на обучение граждан в военном учебном центре в год по программе военной подготовки офицеров для прохождения военной службы по контракту на воинских должностях, подлежащих замещению офицерами, составляют 98 126 руб.

³ См. более подробно: Калашников В. В. Особенности правового регулирования деятельности профессорско-преподавательского состава военного учебного центра // Военное право. 2021. № 2(66). С. 86—92.

⁴ Материалы и декларация по итогам Всероссийской научно-практической конференции «Военная подготовка студентов — новые возможности и перспективы» (30 апреля 2021 г., КВЦ «Патриот») содержатся на официальном сайте Минобороны России <https://stat.mil.ru/files/files/declaration.pdf>, а также парка «Патриот» <http://www.patriot-expo.ru/4103/>.

⁵ Ранее действующий порядок был утвержден приказом Министра обороны Российской Федерации и Минобрнауки России от 10 июля 2009 г. № 666/249 «Об организации деятельности учебных военных центров, факультетов военного обучения и военных кафедр при федеральных государственных образовательных учреждениях высшего профессионального образования». В настоящее время он утратил силу в связи с изданием приказа Министра обороны Российской Федерации и Минобрнауки России от 13 февраля 2020 г. № 66/212.

оценкой уровня физической подготовленности.

Таким образом, в настоящее время перед законодателем стоит важнейшая задача, как сделать процесс отбора студентов в военный учебный центр эффективным и целесообразным. Даже не имея статистических данных, открыв систему «Консультант плюс», можно увидеть огромное количество судебных дел, связанных возмещении средств, затраченных на военную и специальную подготовку.

30 апреля 2021 г. на базе конгрессно-выставочного центра подмосковного парка «Патриот» состоялась Всероссийская научно-практическая конференция с участием ректоров вузов, Министра образования и науки России и Министра обороны России на тему: «Военная подготовка студентов — новые возможности и перспективы», по результатам которой была принята декларация. В соответствии с данным документом одним из приоритетных направлений развития системы военной подготовки считается совершенствование законодательства, расширение доступности военного обучения для студенческой молодёжи путём создания военных учебных центров при федеральных государственных образовательных организациях высшего образования, в первую очередь, в субъектах Российской Федерации, в которых студенты не имеют доступа к военному обучению, продолжение работы по созданию новых военных учебных центров, и, прежде всего, в субъектах Российской Федерации, в которых нет подразделений военной подготовки. Министром обороны Российской Федерации предложено ещё одно направление работы: развитие проектов военно-патриотической направленности, способствующих привитию студентам, обучающимся в военных учебных центрах, военно-профессиональных навыков, формированию у них активной жизненной позиции, созданию условий для развития государственного мышления, отстаивания национальных интересов России и

готовности к достойному служению Отечеству.

Приоритетным направлением, как и прежде, остается развитие материально-технической базы военного учебного центра, форм и способов организации военного обучения, в том числе с применением дистанционных образовательных технологий, обеспечение укомплектованности военных учебных центров вооружением и военной техникой на уровне не ниже 95 %, а также совершенствование организации учебных и учебно-полевых сборов в целях наращивания практической составляющей военного обучения, проведения тактических учений и использования учебно-материальной и полевой базы воинских частей, военно-учебных заведений и предприятий оборонно-промышленного комплекса.

По мнению автора, с целью реализации данных задач необходима большая работа по совершенствованию законодательства, проработка вопросов повышения заинтересованности командования воинских частей и округов в результатах учебных сборов и развитии материальной базы военных учебных центров.

В заключение необходимо отметить, что совершенствование правового регулирования обучения невозможно без глубокого осмысления происходящих в военных учебных центрах процессов, изучения исторического и зарубежного опыта и, главное, существующих проблем, которые необходимо обсуждать.

В 2021 г. в Послании Федеральному Собранию Российской Федерации Президент Российской Федерации снова подчеркнул, что качественное укрепление Вооружённых Сил невозможно без развития военного образования — как военно-учебных заведений, так и военных учебных центров при гражданских вузах. Таким образом, в ближайшее время развитие данного вида обучения не уйдет на второе место, а будет развиваться и расширяться.

Библиография

1. Багдасарян И. А. О праве военнослужащего на дополнительную общую площадь жилого помещения (комментарий к Постановлению Конституционного Суда Российской Федерации «По делу о проверке конституционности абзаца первого пункта 2 статьи 15.1 Федерального закона "О статусе военнослужащих" по жалобе гражданина М. В. Фокина» от 16 ноября 2017 года N 29-П) // *Право в Вооруженных Силах — военно-правовое обозрение.* — 2018. — № 1. С. 39—45.
2. Дулин, В. В. Педагогическое управление процессом подготовки офицеров запаса на военных кафедрах : дис. ... канд. пед. наук : 13.00.08 / Дулин, Вячеслав Владимирович. — Ставрополь, 2004. — 200 с.
3. Калашников, В. В. Особенности правового регулирования деятельности профессорско-преподавательского состава военного учебного центра / В. В. Калашников // *Военное право.* — 2021. — № 2(66). — С. 86—92.
4. Михайлов, И. Л. Подготовка студентов по военно-учетным специальностям солдат запаса в вузе : дис. ... канд. пед. наук : 13.00.08 / Михайлов Игорь Львович. — Красноярск, 2017. — 244 с
5. Мулява, О. Д. Подготовка студентов военных кафедр к военно-профессиональной деятельности в новой социокультурной среде : дис. ... канд. социолог. наук : 22.00.06 / Мулява, Олег Дмитриевич. — Санкт-Петербург, 2001. — 217 с.
6. Педагогические основы военной подготовки студентов в вузе / Н. Н. Ефимов, С. В. Чернеев, В. Г. Григорьянц, А. В. Кузнецов. М.: МГУ, 1986.
7. Филиппова, М. Ю. О порядке обучения студентов гражданских вузов в военных образовательных организациях по программам военной подготовки сержантов, старшин, солдат и матросов запаса / М. Ю. Филиппова // *Право в Вооруженных Силах — военно-правовое обозрение.* — 2019. — № 3. — С. 75—81.
8. Фильков, С. М. Проблемы реформирования системы военной подготовки в гражданских вузах России / С. М. Фильков // *Право и управление. XXI век.* — 2008. — № 1(6). — С. 62—66.
9. Харитонов, В. С. Некоторые вопросы правового регулирования подготовки граждан к военной службе в ДОСААФ по военно-учетным специальностям / В. С. Харитонов // *Военное право.* — 2020. — № 5 (63). — С. 144—147.
10. Харитонов, В. С. Обучение в кадетских училищах (школах, корпусах) как одна из форм допризывной подготовки граждан: некоторые вопросы правового регулирования / В. С. Харитонов // *Военное право.* — 2018. — № 1 (47). — С. 306—308.
11. Харитонов, В. С. О некоторых аспектах функционирования добровольной подготовки граждан к военной службе / В. С. Харитонов // *Военное право.* — 2019. — № 2 (54). — С. 147—149.
12. Локтев, Е. М. Функциональные особенности деятельности военной кафедры университета в условиях реформирования военного образования : дис. ... канд. пед. наук : 13.00.01 / Локтев Евгений Михайлович. — Воронеж, 2001. — 185 с.

Правовое регулирование трудовых отношений в военных организациях

Актуальные вопросы организации охраны труда гражданского персонала Вооруженных сил Российской Федерации

© Ломакина Татьяна Вячеславовна,
кандидат юридических наук, доцент, доцент ка-
федры конституционного (государственного) и
международного права Военного университета
Министерства обороны Российской Федерации

Аннотация. В рамках настоящей статьи изучены вопросы, касающиеся организации охраны труда гражданского персонала воинских частей (военных организаций) в связи с введением в действие с 1 января 2021 г. новых правил по охране труда. Новые правила устанавливают государственные нормативные требования по этим вопросам при осуществлении трудовой деятельности по видам экономической деятельности и видам выполняемых работ, разработанные в рамках реализации механизма «регуляторной гильотины». Исследуется практический опыт введения новых правил в воинских частях, а также наиболее эффективные методы разрешения возникающих проблем.

Ключевые слова: гражданский персонал Вооруженных Сил Российской Федерации, правила по охране труда, применение новых правил по охране труда в воинских частях, инструкции по охране труда, проведение инструктажа по технике безопасности.

Current issues of the organization of labor protection of civil personnel of the Armed Forces of the Russian Federation

© Lomakina T. V.,
Associate Professor, Candidate of Legal Sciences,
Associate Professor Departments of constitutional
Law (State) and international Military University
Law Ministry of Defense Russian Federation

Annotation. Within the framework of this article, issues related to the organization of labor protection of civilian personnel of military units (organizations) are studied in connection with the introduction of new labor protection rules from January 1, 2021, which establish state regulatory requirements for labor protection in the implementation of labor activities by types of economic activity and types of work performed, which are developed as part of the implementation of the «regulatory guillotine» mechanism. The article explores the reasons for the practical reason for the experience of introducing new rules in military units, and may also dismiss the most further effective spouse methods conducted to resolve military emerging serviceman problems.

Keywords: civil personnel of the Armed Forces of the Russian Federation, rules on labor protection, application of new rules on labor protection in military units, instructions on labor protection, conducting safety instructions.

Лица гражданского персонала Вооруженных Сил Российской Федерации трудятся в органах военного управления, воинских частях, учреждениях, военно-учебных заведениях, на предприятиях и в

организациях Министерства обороны Российской Федерации. Труд гражданского персонала является фактором, влияющим на боеспособность Вооруженных Сил Российской Федерации. Зачастую их трудовая

деятельность протекает в неблагоприятных условиях, что сказывается на состоянии здоровья и работоспособности работников, а в итоге ведет к уменьшению их трудового вклада в укрепление боеспособности Вооруженных Сил. Учитывая важность создания благоприятных условий труда, в военных организациях осуществляются мероприятия, имеющие целью сохранение жизни и здоровья работников в процессе производства. Данное направление является долгосрочной задачей социального развития Вооруженных Сил Российской Федерации¹.

Сравнительно недавно на страницах научных периодических изданий проводился анализ вопросов, касающихся правового регулирования охраны труда гражданского персонала Вооруженных Сил и вопросов обеспечения гарантированных Трудовым кодексом Российской Федерации (ТК РФ) прав работников на здоровые и безопасные условия труда².

В настоящей статье будут проанализированы нормативные правовые акты в свя-

зи с изменениями в действующем трудовом законодательстве по вопросам охраны труда работников.

Обращаясь к истории вопроса правового регулирования охраны труда в Вооруженных Силах Российской Федерации, следует выделить приказ Министра обороны Российской Федерации от 12 сентября 1995 г. № 302 «О мерах по обеспечению безопасности труда гражданского персонала Вооруженных сил Российской Федерации», которым было введено в действие Руководство по организации работы по охране труда в воинских частях, учреждениях, военно-учебных заведениях, на предприятиях и в организациях Министерства обороны Российской Федерации. Приказом Министра обороны Российской Федерации от 11 января 2011 г. № 2 он был признан утратившим силу, а нового подобного Руководства не принято. Поэтому в вопросах организации охраны труда в воинских частях следует применять действующие требования в области охраны труда, которые установлены ТК РФ и распространяются на всех работников.

С 1 января 2021 г. в Российской Федерации вступили в силу новые правила по охране труда, которые устанавливают государственные нормативные требования охраны труда при осуществлении трудовой деятельности по видам экономической деятельности и видам выполняемых работ, которые разработаны в рамках реализации механизма «регуляторной гильотины».

«Регуляторная гильотина» — инструмент масштабного пересмотра и отмены нормативных правовых актов, которые негативно влияют на общий бизнес-климат и регуляторную среду. Целью реализации «регуляторной гильотины» является тотальный пересмотр обязательных требований, в соответствии с которым нормативные акты и содержащиеся в них обязательные требования должны быть пересмотрены с широким участием предпринимательского и экспертного сообществ.

В соответствии со ст. 225 ТК РФ все работники, в том числе руководители организаций, а также работодатели — инди-

¹ Корякин В. М., Певень Л. В. Стратегия социального развития Вооруженных Сил России — путь к качественному изменению военно-гражданских отношений // Право в Вооруженных Силах — военно-правовое обозрение. 2008. № 12. С. 2—11.

² Корнишин С. В. Правовые основы охраны труда гражданского персонала Вооруженных Сил Российской Федерации : дис. ... канд. юрид. наук. М., 1998; Голенко Е. Н. Охрана труда гражданского персонала воинских частей (военных организаций) по действующему законодательству // Право в Вооруженных Силах — Военно-правовое обозрение. 2002. № 10. С. 21—23; Голенко Е. Н. Ковалев В. И. Трудовой кодекс Российской Федерации. Научно-практический комментарий (для командиров воинских частей, профсоюзных работников и гражданского персонала). М.: За права военнослужащих, 2004; Ковалев В. И. Все о труде гражданского персонала Вооруженных Сил Российской Федерации : справ. пособие. М., 2008; Ефремов А. В. О порядке расследования и учета несчастных случаев с гражданским персоналом в воинской части (военной организации) // Право в Вооруженных Силах — военно-правовое обозрение. 2012. № 4. С. 68—74; Харитонов С. С. И все же — нужны или не нужны армии военные юристы? // Право в Вооруженных Силах — военно-правовое обозрение. 2009. № 5 (143). С. 95—96.

видуальные предприниматели, обязаны проходить обучение по охране труда и проверку знания требований охраны труда в порядке, установленном уполномоченным Правительством Российской Федерации федеральным органом исполнительной власти с учетом мнения Российской трехсторонней комиссии по регулированию социально-трудовых отношений.

В настоящее время нормативным правовым актом, регулирующим вопросы порядка обучения по охране труда, является постановление Минтруда России и Минобразования России от 13 января 2003 г. № 1/29 «Об утверждении Порядка обучения по охране труда и проверки знаний требований охраны труда работников организаций»¹. Пунктом 3.1 данного Порядка определено, что проверку теоретических знаний требований охраны труда и практических навыков безопасной работы работников рабочих профессий проводят непосредственные руководители работ в объеме знаний требований правил и инструкций по охране труда, а при необходимости — в объеме знаний дополнительных специальных требований безопасности и охраны труда.

В соответствии с абз. 7, 21—23 ст. 212 ТК РФ в каждой воинской части (военной организации) должна быть организована работа по актуализации комплекта нормативных правовых актов своей деятельности, в том числе инструкций по охране труда, программ обучения по охране труда работников, информационных материалов, используемых в целях информирования работников об условиях и охране труда на рабочих местах, о риске повреждения здоровья в объеме тех новых правил по охране труда, которые регулируют трудовую деятельность работников.

В настоящее время приказами Минтру-

¹ При применении документа следует учитывать, что приказом Росстандарта от 9 июня 2016 г. № 600-ст с 1 марта 2017 г. введен в действие «ГОСТ 12.0.004-2015. Межгосударственный стандарт. Система стандартов безопасности труда. Организация обучения безопасности труда. Общие положения».

уда России утвержден ряд новых правил по охране труда, например,

— приказ от 16 ноября 2020 г. № 782н «Об утверждении Правил по охране труда при работе на высоте»;

— приказ от 29 октября 2020 г. № 758н «Об утверждении Правил по охране труда в жилищно-коммунальном хозяйстве»;

— приказ от 7 декабря 2020 г. № 867н «Об утверждении Правил по охране труда при выполнении работ на объектах связи»;

— приказ от 18 декабря 2020 г. № 928н «Об утверждении Правил по охране труда в медицинских организациях» и другие (более 40).

В связи с вступлением в действие новых правил по охране труда какие же мероприятия необходимо провести командиру воинской части (работодателю)? Есть обязательные мероприятия, которые проводят при изменении требований по охране труда. Разъяснение по обучению и проверке знаний по охране труда в связи с вступлением в силу новых правил по охране труда дано в письме Минтруда России от 14 января 2021 г. № 15/2/10/В-167.

В соответствии с новыми нормами следует, в первую очередь, внести необходимые изменения в локальные нормативные акты (коллективный договор, инструкции, положения и т.п.).

В числе других мероприятий следует отметить такие, как проведение внеплановых инструктажей с работниками. Перед началом всех видов работ работодатель (командир воинской части, руководитель военной организации) должен обеспечить прохождение всеми работниками инструктажа по охране труда, осуществляемого в соответствии с ГОСТом 12.0.004-90 ССБТ «Организация обучения по безопасности труда. Общие положения». Государственным стандартом, а также ст. 225 ТК РФ предусмотрены пять видов инструктажа в зависимости от их целевого назначения:

— *вводный* — при поступлении на работу со всеми вновь принимаемыми на работу лицами независимо от образования,

стажа работы по данной профессии или должности;

— *первичный* — на рабочем месте непосредственно до начала производственной деятельности. Перечень работников, а также программа проведения этого инструктажа утверждаются в военной организации главным инженером по согласованию со службой охраны труда и профсоюзным комитетом предприятия;

— *повторный* — проводится со всеми работниками, причём независимо от их квалификации, образования, стажа, характера выполняемой работы и не реже одного раза в полугодие;

— *внеплановый* — производится при необходимости:

при введении в действие новых или переработанных стандартов, правил, инструкций по охране труда, а также изменений к ним;

при изменении технологического процесса, замене оборудования, инструмента, сырья, материалов и других факторов, влияющих на безопасность труда;

при нарушении работниками требований по охране труда, которые привели или могли привести к травме, аварии, взрыву, пожару, отравлению;

по требованию органов контроля и надзора;

при длительном перерыве в работе: для работ, к которым предъявляются дополнительные (повышенные) требования безопасности труда, более чем на тридцать календарных дней, а для остальных — шестьдесят дней.

Объём и содержание данного инструктажа определяются в каждом конкретном случае в зависимости от причин и обстоятельств, вызвавших необходимость его проведения. О проведённом инструктаже делается отметка в журнале регистрации прохождения инструктажа;

И последний вид инструктажа — *целевой*, который проводится, как правило при выполнении разовых работ, устранении последствий аварии и в некоторых других случаях;

Необходимо также организовать обучение с внеочередной проверкой знаний. При этом форма, порядок (включая сроки проведения) и продолжительность проверки знания требований охраны труда работников устанавливаются работодателем (или уполномоченным им лицом) в соответствии с нормативными правовыми актами, регулирующими безопасность конкретных видов работ.

Результаты внеочередной проверки знаний оформляются протоколом (в том числе обучение работам на высоте, работам в ограниченных и замкнутых пространствах и другие), как и результаты любой проверки знаний. На практике при неуспешной проверке знаний удостоверение не оформляется.

И, последнее, что необходимо выполнить командиру воинской части (руководителю военной организации) — внести изменения в соответствии с новыми требованиями во все документы, которых касаются норм по охране труда. Например, если вступили в силу новые правила по охране труда, необходимо пересмотреть:

- инструкции по охране труда;
- программы проведения инструктажа;
- программы обучения;
- экзаменационные билеты по проверке знаний требований охраны труда;

Сделать это можно двумя способами: утвердить новую редакцию документа — полностью его заменить или утвердить изменения к действующему локальному нормативному в виде приложения (дополнения) к нему.

Работников, которые уже работают в организации, удобнее ознакомить с изменениями на листе. Так они наглядно увидят новые требования и быстро поймут, что конкретно скорректировать в работе. Для этого не придется изучать новый большой документ.

Вновь принятых работников, наоборот, удобнее ознакомить сразу с полным актуальным документом. По необходимости можно сочетать оба способа.

Документ по охране труда работода-

тель может утвердить двумя способами: заполнить гриф утверждения в самом локальном нормативном акте или издать приказ. Документ вступит в силу в тот же день, когда работодатель его утвердил, или со дня, указанного в приказе (ст. 12 ТК РФ).

Необходимо также согласовать с профсоюзным комитетом изменения в локальный акт до утверждения.

После того как работодатель утвердил инструкцию по охране труда, ее регистрируют в журнале учета инструкций (прил. 2 к Методическим рекомендациям по разработке инструкций по охране труда, утв. Минтрудом России 13 мая 2004 г.). Закон не устанавливает обязательного требования вести этот журнал, есть только рекомендации. Его заполняют для удобства, чтобы отслеживать периодичность пересмотра инструкций.

Как провести обучение и инструктажи? В течение месяца после вступления в силу новых требований работодатель должен организовать обучение и внеочередную проверку знаний. Сделать это нужно независимо от срока предыдущей проверки, даже если проводили мероприятия неделю назад, подготовить приказ о проведении обучения и внеочередного экзамена.

Проверку знаний проводит комиссия, члены которой уже прошли обучение и внеочередную проверку знаний с учетом новых требований в учебном центре. Только после этого они смогут провести экзамен на знание новых нормативных актов с работниками. Работники, для которых требуется прохождение обучения в учебном центре, проходят внеочередные мероприятия также в обучающей организации.

Обучение по охране труда руководителей и специалистов проводится по соответствующим программам по охране труда образовательными учреждениями профессионального образования, учебными центрами и другими учреждениями и организациями, осуществляющими образовательную деятельность, при наличии у них

лицензии на право ведения образовательной деятельности, преподавательского состава, специализирующегося в области охраны труда, и соответствующей материально-технической базы.

Круг лиц, которые проходят обучение по охране труда в учебных центрах, других образовательных учреждениях достаточно широк.

Обучение проходят: руководители организаций, заместители руководителей организаций, занимающиеся вопросами охраны труда, заместители главных инженеров по охране труда, специалисты, инженерно-технические работники, осуществляющие организацию, руководство и проведение работ на рабочих местах и в производственных подразделениях, а также контроль и технический надзор за проведением работ; специалисты служб охраны труда, работники, на которых работодателем возложены обязанности организации работы по охране труда, члены комитетов (комиссий) по охране труда, уполномоченные (доверенные) лица по охране труда профессиональных союзов и иных уполномоченных работниками представительных органов и некоторые другие.

Провести экзамен внутренней комиссией нельзя. Работников, которые в течение месяца не прошли обучение по новым требованиям, отстраняют от работы до реализации мероприятий.

Произошедшие в 2021 г. изменения законодательства в области охраны труда затрагивают практически все воинские части (военные организации) Вооруженных Сил. Даже если на первый взгляд в воинской части (военной организации) нет должностей, которых коснулись новые правила, следует детально разобраться в них, поскольку найдется одна или несколько должностей, которых касаются изменения. А работников, их замещающих, следует ознакомить с нововведениями и соответственно провести все организационно-правовые мероприятия, которые изложены выше.

Библиография

1. Голенко, Е. Н. Охрана труда гражданского персонала воинских частей (военных организаций) по действующему законодательству / Е. Н. Голенко // *Право в Вооруженных Силах — военно-правовое обозрение.* — 2002. — № 10.
 2. Голенко, Е. Н. Трудовой кодекс Российской Федерации. Научно-практический комментарий (для командиров воинских частей, профсоюзных работников и гражданского персонала) / Е. Н. Голенко, В. И. Ковалев. — М.: За права военнослужащих, 2004.
 3. Ефремов, А. В. О порядке расследования и учета несчастных случаев с гражданским персоналом в воинской части (военной организации) / А. В. Ефремов // *Право в Вооруженных Силах — военно-правовое обозрение.* — 2012. — № 4. — С. 68—74.
 4. Ковалев, В. И. Все о труде гражданского персонала Вооруженных Сил Российской Федерации : справ. пособие / В. И. Ковалев. — М., 2008.
 5. Ковалев, В. И. Оплата труда гражданского персонала. Комментарии и разъяснения / В. И. Ковалев, Т. В. Ломакина. — М.: За права военнослужащих, 2009.
 6. Ковалев, В. И. Совместительство, совмещение, перевод, перемещение работника, временное замещение / В. И. Ковалев // *Право в Вооруженных Силах — военно-правовое обозрение.* — 2011. — № 4. — С. 21—23.
 7. Корнишин, С. В. Правовые основы охраны труда гражданского персонала Вооруженных Сил Российской Федерации : дис. ... канд. юрид. наук / С. В. Корнишин. — М., 1998.
 8. Корякин, В. М. Стратегия социального развития Вооруженных Сил России — путь к качественному изменению военно-гражданских отношений / В. М. Корякин, Л. В. Певень // *Право в Вооруженных Силах — военно-правовое обозрение.* — 2008. — № 12. С. 2—11.
 9. Харитонов, С. С. И все же — нужны или не нужны армии военные юристы? / С. С. Харитонов // *Право в Вооруженных Силах — военно-правовое обозрение.* — 2009. — № 5 (143). — С. 95—96.
-

К вопросу о свободе труда и свободе трудовых отношений

© Харитонов Вячеслав Станиславович,
студент юридического факультета
Всероссийского государственного университета
юстиции (РПА Минюста России)

Аннотация. В статье дан краткий сравнительный анализ в соотношении принципов свободы труда и свободы трудовых отношений, обращено внимание на необходимость поддержания баланса интересов лиц наемного труда, самозанятых, работодателей и общества в целом.

Ключевые слова: трудовое право, трудовой договор, трудовые отношения, свобода труда.

On the issue of freedom of labor and freedom of labor relations

© Kharitonov V. S.,
student of the law faculty of the All-Russian State
University of Justice (RPA of the Ministry of Justice
of Russia)

Resume. The article provides a brief comparative analysis in the relationship between the principles of freedom of labor and freedom of labor relations, attention is paid to the need to maintain a balance of interests of hired workers, self-employed persons, employers and society as a whole.

Keywords: labor law, labor contract, labor relations, freedom of labor

Реализация права на труд является конституционным правом граждан и корреспондирует, таким образом, обязанности государства создавать условия для такой реализации, которая позволила бы наиболее продуктивно и творчески разнообразно применить физические и умственные способности человека. Институт трудового договора, атрибуты которого изложены в содержании Трудового кодекса Российской Федерации (ТК РФ), индивидуализирует трудовые отношения относительно личности работника и работодателя, предоставляет им права и возлагает на них обязанности. Эти права и обязанности являются взаимными.

Одновременно возможно полагать, что некоторые принципы, определяющие смысл трудовых отношений, к которым относится свобода труда и свобода трудового договора, корректируются, и, соответственно, вокруг предполагаемого со-

держания данных принципов складывается серьезное многообразие позиций ученых.

ТК РФ в своей ст. 2 раскрывает принцип свободы труда как свободу распоряжаться своими способностями к труду, который человек свободно выбирает и на который человек свободно соглашается, выбрать профессию и род деятельности.

Утверждение принципа свободы труда в указанном выше понимании начинается с момента принятия 22 ноября 1991 г. Декларации прав и свобод человека и гражданина. Ст. 23 Декларации закрепила право каждого гражданина на труд, который он свободно выбирает или на который свободно соглашается, а также право распоряжаться своими способностями к труду и выбирать профессию и род занятий. Ст. 30 данного основополагающего акта предоставила каждому полномочия защищать свои права, свободы и законные интересы всеми способами, не противоречащими закону. Ст. 32 Декларации гаранти-

рвала каждому возможность судебной защиты его прав и свобод¹.

Конституция Российской Федерации подтвердила вышеуказанные положения Декларации. В соответствии с ч. 1 ст. 44 Конституции Российской Федерации каждому гарантируется свобода научного, технического и других видов творчества, а ч. 1 ст. 37 гласит, что труд свободен и каждый имеет право свободно распоряжаться своими способностями к труду, выбирать род деятельности и профессию.

В. В. Федин, выявляя общефилософское понимание принципа свободы труда, рассматривает данный принцип как беспрепятственную, независимую реализацию предоставленной возможности (к труду) без стеснений и ограничений, связывающих жизнь и деятельность общества и его членов².

В связи с изложенным выше не выглядит случайным то, что принцип свободы труда обозначен первым среди прочих. По мнению И. Г. Малышок, основной смысл свободы труда в Конституции Российской Федерации заключается в свободе от труда, т.е. от обязанности трудиться, в запрете принудительного труда, а затем уже, если есть возможность реализовать свои способности к труду, в выборе рода занятий и профессии, в подтверждение чего он ссылается на Федеральный закон «О занятости населения», исходя из содержания которого можно заключить, что уклонение от труда не является делинквентным поведением³.

Конституционный Суд Российской Федерации не единожды указывал, опираясь на ст. 37 Конституции Российской Федерации, что свобода трудового договора реализуется в договорном характере тру-

довых отношений⁴. В. И. Анишина и Ю. Г. Попонина, солидаризируясь с доктринальным пониманием, указывают, что свобода труда является реализацией конституционных положений в сфере труда посредством трудового договора. И. К. Дмитриева также подтверждает, что отраслевой принцип свободы договора рассматривается в качестве конкретизирующего с учетом специфики трудового права и дополняющего гарантиями принцип свободы труда⁵.

На основании вышеизложенного можно заключить, что принцип свободы труда является отправным для последующих принципов трудового регулирования, обозначенных в ст. 2 ТК РФ, что позволяет сделать заключение о его косвенных проявлениях, во-первых, в запрете принудительного труда и, во-вторых, в запрете дискриминации в сфере труда. Согласно ст. 4 ТК РФ принудительным трудом считается выполнение работы под угрозой какого-либо наказания, в том числе в целях поддержания трудовой дисциплины, в качестве меры ответственности за участие в забастовке и т. д. Одним из существенных признаков принудительного труда, согласно Конвенции МОТ № 29 «О принудительном или обязательном труде» (1930 г.), выступает отсутствие добровольного согласия работника на выполнение той или иной работы⁶. Запрет дискриминации, в свою очередь, содержащийся в ст. 3 ТК РФ, заключается в том, что никто не может быть ограничен в трудовых правах и свободах или получать какие-либо преимущества независимо от пола, расы, цвета кожи, национальности, языка, происхождения и

¹ Федин В. В. Соотношение принципа свободы труда и права на труд // Lex Russica — научные труды МГЮА. 2004. № 2. С. 417.

² Там же. С. 412.

³ Анишина В. И., Попонов Ю. Г. Свобода труда или право на труд? // Подготовлено для СПС «КонсультантПлюс», 2007.

⁴ Постановления Конституционного Суда Российской Федерации от 15 марта 2005 г. № 3-П; от 25 мая 2010 г. № 11-П; определение Конституционного Суда Российской Федерации от 16 декабря 2010 г. № 1650-О-О.

⁵ Дмитриева И. К. Значение основных принципов трудового права // Подготовлено для СПС «КонсультантПлюс», 2018.

⁶ Колобова С. В., Сергеенко Ю. С. Трудовое право России : учеб. 2-е изд., перераб. и доп. / Подготовлено для СПС «КонсультантПлюс», 2018.

других обстоятельств, не связанных с деловыми качествами работника.

Вместе с тем, вышеупомянутые В. И. Анишина и Ю. Г. Попонов также говорят об относительном характере принципа свободы выбора рода деятельности и профессии вследствие наличия экономического принуждения в условиях рыночной экономики и вмешательства государства в отношения, складывающиеся на рынке труда. При этом государство должно поддерживать баланс интересов лиц наемного труда, самозанятых, работодателей и общества в целом¹. Действительно, формальное равенство субъектов экономического оборота никаким образом не способно компенсировать действительное положение вещей на рынке труда, где спрос на рабочую силу напрямую зависит от запросов частнопредпринимательских или государственных (муниципальных) хозяйствующих субъектов. Таким образом, можно говорить о том, что простое раскрытие свободы труда через его понимание как некоего соглашения, сделки является формально-юридическим, по сути — благопожеланием, а не реальным механизмом закрепления объективно, исторически обусловленных уровнем развития производительных сил общества способов и путей реализации преобразовательных способностей человека.

Так, вразрез с нотациями законодательства на рынке труда существует ряд тенденций, говорящих в пользу нашего предположения. Например, худшие показатели занятости среди инвалидов в сравнении со здоровыми гражданами. По данным на 2015 г., люди с ограниченными возможностями являлись одной из самых низкооплачиваемых групп населения, обладая только 0,04 % совокупного объема доходов российского населения. Среди лиц с ограниченными возможностями в возрасте 15—72 лет только 15 % проявляли экономическую активность и лишь 12 %

работали². При этом при общей численности инвалидов трудоспособного возраста в примерно 12 млн. человек число трудоустроенных по квотам измеряется даже не десятками тысяч — 8 184, по данным 2018 г.³.

Данная тенденция не является некоей флуктуацией, а наоборот — объективным, закономерным явлением, когда работодатель не желает оплачивать труд инвалида наравне с полностью трудоспособными работникам, чья производительность труда вследствие физических ограничений сравнительно ниже, чем у последних, или даже более — нести издержки вследствие необходимости предоставления государственных социальных гарантий, в том числе и в пользу людей с ограниченными возможностями. Простое провозглашение свободы от принуждения к труду и абстрактной возможности искать в условиях рыночной стихии «наилучшие возможности для самореализации» никак не способно отменить объективных законов функционирования менового общества — человек, который не способен полноценно участвовать в отношениях производства и обмена, будет неизбежно выброшен из этого общества, «списан» как нерентабельный элемент без внешней поддержки своего существования.

В данном положении находятся не только люди с ограниченными возможностями, но и в целом наемные работники, которые выходят на рынок труда. Согласно статистике, более половины выпускников ВУЗов не работают по специальности⁴.

² Шабулова А. А., Фахрадова Л. Н. Актуальные проблемы трудоустройства инвалидов // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. 2016. № 6 (48). С. 128.

³ Распределение инвалидов в возрасте 16 лет и более по наличию реальной возможности получить новую профессию // Госкомстат России : официальный сайт. URL: https://rosstat.gov.ru/free_doc/new_site/population/invalid/tab4-25.htm (дата обращения : 01.12.2020).

⁴ Капитал-шоу. Что показал опрос Росстата об отношении россиян к труду // Российская газета : официальный сайт. URL: <https://rg.ru/2012/08/13/> (дата обращения : 10.12.2020).

¹ Анишина В. И., Попонов Ю. Г. Указ. соч.

Очевидно, что в условиях относительно низкого спроса на научно-технические кадры в условиях «голландской болезни» российской экономики, российские граждане вынуждены массово покидать пределы действия российского правопорядка, претерпевая при этом издержки, связанные преодолением языкового барьера, ассимиляции в новом этносоциальном пространстве, разрывом с близкими и т.п. Н. А. Воронина пишет, что «только за период 2002—2010 гг. реальные потери от утечки умов в страны дальнего зарубежья составили до 1 млн. человек с высшим образованием, в том числе 1,2—1,6 тыс. докторов и кандидатов наук. Согласно американским оценкам, с 1994 по 2015 г. из России в США на постоянное место жительства выехало примерно 38 тыс. человек по трудовым контрактам, которые заключаются с высококвалифицированными специалистами» (Воронина Н. А. Интеллектуальная миграция : зарубежный и российский опыт регулирования // Труды Института государства и права РАН. 2018. № 6. С. 170).

По данным аналитиков международной рекрутинговой компании Hays, глобальное предложение труда на мировых рынках достигает кризисной отметки. Эксперты отмечают, что количество квалифицированных соискателей не совпадает с растущим спросом работодателей, что приводит к формированию так называемого «рынка работодателей», когда работник не имеет возможности для торга с работодателем об условиях занятости. Более того, попытки защищать публично-правовым путем свои трудовые права впоследствии

оборачиваются именно дискриминацией работодателя.

Иными словами, рыночный механизм спроса и предложения входит здесь в прямое противоречие с творческими устремлениями людей наемного труда, которые, находясь в ситуации экономического и правового отчуждения, не имеют возможности беспрепятственно реализовывать свою способность трудиться. Можно сказать, что доктрина «равенства возможностей», которая подспудно ощущается за нынешней интерпретацией принципа свободы труда и уточняющего его принципа свободы договора, никак не позволяет обеспечить конституционные гарантии на достойное существование.

Библиография

1. Анишина, В. И. Свобода труда или право на труд? / В. И. Анишина, Ю. Г. Попонов. — Доступ из СПС «КонсультантПлюс», 2007.
2. Воронина, Н. А. Интеллектуальная миграция : зарубежный и российский опыт регулирования / Н. А. Воронина // Труды Института государства и права РАН. — 2018. — № 6. — С. 158—183.
3. Дмитриева, И. К. Значение основных принципов трудового права / И. К. Дмитриева. — Доступ из СПС «КонсультантПлюс», 2018.
4. Колобова, С. В. Трудовое право России : учеб. / С. В. Колобова, Ю. С. Сергеенко. — 2-е изд., перераб. и доп. // Подготовлено для СПС «КонсультантПлюс», 2018.
5. Федин, В. В. Соотношение принципа свободы труда и права на труд / В. В. Федин // Lex Russica — научные труды МГЮА. — 2004. — № 2. — С. 411—435.
6. Шабулова, А. А. Актуальные проблемы трудоустройства инвалидов / А. А. Шабулова, Л. Н. Фахрадова // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. — 2016. — № 6 (48). — С. 126—142.

Судебная и прокурорская деятельность

Организация апелляционного производства в Апелляционном военном суде и окружном (флотском) военном суде

© **Авдонкин Виталий Сергеевич**,
кандидат юридических наук, доцент, судья
Тихоокеанского флотского военного суда

Аннотация. В статье рассматриваются вопросы организации работы военных судов апелляционной инстанции. Данные вопросы, на основе системного анализа процессуального законодательства и нормативных правовых актов, регламентирующих вопросы делопроизводства в военных судах, представлены прежде всего в виде общего порядка организации работы военных судов по апелляционному производству, характерного для них по всем видам судопроизводства, а при необходимости — приведены особенности организации такой работы, связанные с тем или иным видом судопроизводства.

Ключевые слова: уголовное, гражданское и административное судопроизводство, апелляционное производство, делопроизводство в военных судах, организация деятельности военных судов.

Organization of appeal proceedings in The Military Court of Appeal and the District (Naval) Military Court

© **Avdonkin V. S.**,
Candidate of Law, Associate Professor, judge of the
Pacific Naval Military Court

Annotation. The article deals with the organization of the work of military courts of appeal. These issues, based on a systematic analysis of procedural legislation and regulatory legal acts regulating the issues of clerical work in military courts, are presented primarily in the form of a general procedure for organizing the work of military courts on appeal proceedings, characteristic of them for all types of legal proceedings, and, if necessary, the features of the organization of such work related to a particular type of legal proceedings are given.

Keywords: criminal, civil and administrative proceedings, appeal proceedings, record-keeping in military courts, organization of military courts' activities.

Апелляционное производство является одной из процессуальных форм проверки судебных актов, осуществляемой в системе военных судов Апелляционным военным судом, окружными и флотскими военными судами в отношении обжалованных судебных актов, принятых нижестоящими судами и не вступивших в законную силу.

При этом, как отмечалось в предыдущей нашей статье¹, деятельность судей и работников аппарата суда по апелляционному производству практически состоит из определенных процессуальных, а также организационно-производственных дей-

¹ Авдонкин В. С. Организация работы военного суда, действующего в качестве суда первой инстанции, при получении апелляционных жалобы, представлении (жалобы, протеста) // Военное право. 2021. № 3. С. 147—155.

ствий, которые в основном определяются правилами делопроизводства в судах. В целом согласованная совокупность этих действий, то есть весь комплекс таких процессуальных и организационно-производственных действий судей и работников аппарата суда, можно назвать организацией работы суда по судопроизводству¹.

Применительно к теме данной статьи также следует отметить, что организация работы военных судов по пересмотру не вступивших в законную силу судебных актов нижестоящих судов по разным видам судопроизводства (уголовного, гражданского и административного) имеет как общие черты, так и определенные отличия. Такие отличия обуславливаются установленными соответствующим законодательством различиями по ряду вопросов процессуального порядка рассмотрения и разрешения разных видов дел (уголовных, гражданских, административных и иных видов дел, подсудных военным судам)².

Поэтому материал по данной теме для системного осмысления и удобства восприятия далее излагается прежде всего в виде общего порядка организации работы военных судов апелляционной инстанции, характерного для них по всем видам судопроизводства, а при необходимости — приведены особенности организации их такой работы, связанные с тем или иным видом судопроизводства.

Так, организация производства в суде апелляционной инстанции по любому виду дел, подсудных военным судам, состоит из следующих этапов:

¹ Подробнее см.: Организация деятельности военных судов : учеб. пособие / под ред. Н. А. Петухова, П. Н. Украинцева. М.: РАП, 2007.

² Кроме того, в УПК РФ, ГПК РФ, КАС РФ и КоАП РФ законодатель применяет порой не единообразно, не унифицировано термины в отношении по сути тождественных юридических понятий. Поэтому в данной статье материал приводится по возможности с учетом терминологических особенностей этих законов либо в целях оптимизации изложения и восприятия этого материала используются наиболее общие полные соответствующие термины.

— прием, учет и регистрация судебных дел и материалов, поступивших с апелляционными и частными жалобами, представлениями, жалобами, протестами и представлениями (далее – жалоба);

— распределение и передача дела судье;

— предварительное изучение дела судьей по проверке действий суда первой инстанции, подлежащих выполнению при получении жалобы и ее направлении с соответствующим делом в суд второй инстанции;

— принятие судьей решения по итогам указанной выше проверки: о возвращении жалобы (дела) или о проведении подготовки дела к судебному разбирательству и назначении заседания суда апелляционной инстанции;

— при последнем варианте решения судьи — подготовка дела к апелляционному рассмотрению;

— рассмотрение и разрешение дела судом апелляционной инстанции;

— действия суда апелляционной инстанции после окончания апелляционного рассмотрения дела.

Прием, учет и регистрация дел, поступивших с жалобами.

Дела с жалобами из суда первой инстанции доставляются в суд второй инстанции через почтовую связь (общего пользования, фельдъегерскую или специальную) либо нарочными (курьерами) суда.

Их прием, учет и регистрацию осуществляют уполномоченные работники аппарата суда согласно, прежде всего, общим правилам приема и учета документов, учета и регистрации поступивших дел и материалов, установленным Инструкцией по делопроизводству в военных судах³.

При этом каждое поступившее в суд апелляционной инстанции дело с жалобой учитывается и регистрируется⁴ в Государ-

³ См. подробнее: раздел 3.1 и гл. IV Инструкции по делопроизводству в военных судах.

⁴ См. п. 11.1.1—11.1.4, 12.2.1, 11.2.5, 11.2.7 Инструкции по делопроизводству в военных судах.

ственной автоматизированной системе «Правосудие» и в соответствующих, в зависимости от вида дел и материалов, журналах учета входящей корреспонденции, книгах (реестрах), с занесением в них и в алфавитные указатели необходимых сведений (об участниках процесса, кем подана жалоба, сущности обжалуемого судебного акта и др.), а также ему присваивается свой номер¹, состоящий из индекса соответствующего отдела обеспечения судопроизводства, повторенного дважды (применительно к уголовным, гражданским и административным делам), порядкового номера дела по книге учета (реестру) и года поступления дела. Так, например, применительно к делам, поступившим в окружной (флотский) военный суд для рассмотрения в апелляционном порядке, им присваиваются номера в таком виде: 22-74/2021 (уголовное дело), 22К-34/2021 (уголовные материалы в порядке судебного контроля, т.е. досудебного производства), 33-421/2021 (гражданское дело), 33а-17/2021 (административное дело), 7-15/2021 (дело об административном правонарушении).

На обложку дела наклеивается бланк или ставится мастичный штамп, на котором указываются следующие сведения: наименование суда первой инстанции, номер дела, присвоенный в суде второй инстанции, дата поступления дела, кто судья-докладчик, прокурор, дата назначения судебного разбирательства суда апелляционной инстанции.

Распределение и передача дела судье.

Согласно ст. 30 УПК РФ, ст. 14 ГПК РФ, ст. 28 КАС РФ состав суда для рассмотрения каждого дела формируется с учетом нагрузки и специализации судей путем использования автоматизированной информационной системы. В случае невозможности использования в суде авто-

матизированной информационной системы допускается формирование состава суда в ином порядке, исключая влияние на его формирование лиц, заинтересованных в исходе судебного разбирательства. При этом дело в день поступления докладывается председателю суда либо лицу, им уполномоченному².

Не позднее следующего рабочего дня, а в случае, если законом установлены сокращенные сроки рассмотрения определенной категории дел — то незамедлительно³, дело передается судье, которому поручен его доклад (судье-докладчику), под расписку в карточке учета выдачи или журнале учета входящей корреспонденции или в соответствующей книге (реестре)⁴.

Проверка судьей действий суда первой инстанции, подлежащих выполнению при получении жалобы и ее направлении с соответствующим делом в суд второй инстанции.

Такая проверка осуществляется для того, чтобы судья-докладчик апелляционной инстанции убедился в соблюдении судом первой инстанции прав участников процесса, связанных с апелляционным обжалованием, а также в отсутствии процессуальных оснований, препятствующих рассмотрению дела в апелляционном порядке. Изучая материалы поступившего

² Например, его заместителю — председателю соответствующей судебной коллегии. В зависимости от штатной численности судей в суде, наличия судебных коллегий и судебных составов, объема судебной работы разграничение полномочий между председателем суда и его заместителями в решении этих вопросов закрепляется председателем суда в ежегодно издаваемом приказе № 1 о распределении функциональных обязанностей.

³ П. 4.1.14 Инструкции по делопроизводству в военных судах.

⁴ См. раздел 3.8, п. 4.1.14 и ф. № 3 Инструкции по делопроизводству в военных судах. Для сравнения — п. 11.1.1 Инструкции по судебному делопроизводству в верховных судах республик, краевых и областных судах, судах городов федерального значения, судах автономной области и автономных округов предусмотрено, что дело с жалобой передается судье под расписку в соответствующем журнале (реестре).

Кроме того, согласно п. 4.2.5, 4.3.10, 11.1.4, 12.2 Инструкции по делопроизводству в военных судах дела, оставшиеся не рассмотренными судом апелляционной инстанции к началу нового года, регистрируются в новой книге.

¹ См. п. 4.1.6, 4.1.6-1 и 4.1.7 Инструкции по делопроизводству в военных судах.

дела, судья-докладчик проверяет, исполнены ли надлежащим образом судом первой инстанции действия, подлежащие выполнению:

— при вынесении обжалуемого судебного акта, связанные с реализацией права участника процесса на ознакомление с материалами дела, в том числе с протоколом судебного заседания¹, получение копии этого судебного акта и его обжалования;

— при получении жалобы (соответствует ли жалоба предъявляемым к ней законом требованиям, полномочным ли лицом обжалован судебный акт, соблюдены ли сроки обжалования, извещены ли соответствующие участники процесса о жалобе, направлены и вручены ли им по надлежащим (последнему известному суду) адресам ее копии, разъяснено ли им право на подачу возражений, имелись ли основания для оставления без движения или возвращения жалобы и др.)². Кроме того, следует проверить наличие всех документов, указанных в приложении к жалобе. Аналогично следует проверять полноту выполнения действия суда в отношении поступивших в дальнейшем в суд апелляционной инстанции документов, в том числе дополнительной жалобы³.

При этом судья изучает необходимые материалы дела, в частности, основные процессуальные акты — от возбуждения дела до обжалуемого судебного акта, а также о признании (привлечении, допуске и т.п.) соответствующих участников процесса, чтобы установить надлежащих

участников апелляционного производства; документы, касающиеся реализации их прав на ознакомление с материалами дела, в том числе с протоколом судебного заседания, получение копии обжалуемого судебного акта и его обжалование; собственно жалобу, возражения на нее и документы о направлении (вручении, получении) их копий соответствующим участникам апелляционного производства, заявленные ими ходатайства. В целях полного и правильного изучения таких вопросов, особенно при наличии значительного количества участников апелляционного производства, нескольких жалоб, возражений, ходатайств рекомендуется вести рабочие записи, которые на практике составляются в произвольной форме. Возможный вариант таких рабочих записей приведен в приложении № 1 к настоящей статье.

Особенности предварительного изучения судьей дела об административном правонарушении.

Поскольку КоАП РФ возлагает не на суд первой инстанции, а на вышестоящий суд полномочия по проверке приемлемости жалобы, то именно судья этого суда, которому распределено дело об административном правонарушении, в ходе предварительного его изучения проверяет: подлежит ли судебный акт обжалованию в данном порядке; соблюден ли установленный законом срок обжалования; соответствует ли содержание жалобы требованиям закона, в том числе подписана ли она лицом, обладающим правом обжалования.

Принятие судьей решения по итогам предварительного изучения дела: о возвращении жалобы (дела) или о проведении подготовки дела к судебному разбирательству и назначении заседания суда апелляционной инстанции.

При выявлении в ходе такой проверки дела судьей-докладчиком обстоятельств, препятствующих апелляционному рассмотрению дела, до назначения судебного заседания суда апелляционной инстанции, ему надлежит возвратить это дело с жалобой в суд первой инстанции для соверше-

¹ В случае если после направления дела в суд апелляционной инстанции поступили в суд первой или второй инстанции замечания на протокол судебного заседания суда первой инстанции, то дело не надо возвращать в суд первой инстанции, а изложенные в них доводы стороны процесса по ее ходатайству оцениваются судом второй инстанции при апелляционном рассмотрении дела. См.: Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 14 июля 2017 г. № 21-П.

² Подробнее см.: Авдонкин В. С. Указ. соч.

³ Такие материалы могут поступить вплоть до заседания суда апелляционной инстанции, за исключением указанных в законе случаев, например, в ч. 4 ст. 389⁸ УПК РФ.

ния им процессуальных действий, предусмотренных законом, если вопрос об устранении выявленных обстоятельств не может быть разрешен судом апелляционной инстанции самостоятельно (например, после представления в суд апелляционной инстанции документа об уплате государственной пошлины, документа об образовании, доверенности представителя)¹. Иначе, возвращение дела с жалобой исключительно по формальным основаниям может привести к волоките и увеличению объема работы.

Кроме того, жалоба подлежит возвращению лицу, подавшему ее, если суд первой инстанции неверно разрешил вопросы о ее приемлемости или когда указанное лицо отозвало эту жалобу (применительно к уголовному и административному судопроизводству) до назначения заседания (принятия жалобы к производству) суда второй инстанции². Если при этом данная жалоба была единственным процессуальным поводом для апелляционного производства, то дело возвращается в суд первой инстанции.

В случае возвращения дела с жалобой в суд первой инстанции до принятия ее к производству суда апелляционной инстанции, дело возвращается судьей суда апелляционной инстанции сопроводительным письмом, а в случае установления оснований для такого возврата после принятия жалобы к рассмотрению — определением судьи или в дальнейшем вынесенным в су-

дебном заседании определением (постановлением) суда апелляционной инстанции, о чем извещаются лица, участвующие в деле³. При возвращении жалобы лицу, подавшему ее, судья выносит об этом определение (постановление)⁴. Копии указанных выше определений, постановлений подшиваются в наряд суда второй инстанции.

По делам об административных правонарушениях в случае пропуска установленного КоАП РФ срока обжалования судебного акта он может быть восстановлен судьей суда второй инстанции по ходатайству лица, подавшего жалобу, которое рассматривается в судебном заседании с извещением соответствующих участников процесса. По результатам рассмотрения такого ходатайства судья выносит определение о восстановлении срока обжалования судебного акта либо об отклонении этого ходатайства.

Если по итогам предварительного изучения дела судья сделает выводы об отсутствии оснований для возвращения жалобы и о наличии оснований для принятия ее к производству суда апелляционной инстанции, то далее он и соответствующие работники аппарата суда совершают следующие *действия по подготовке дела к апелляционному рассмотрению*⁵:

— судья, как правило, выносит определение (постановление) о подготовке дела к судебному разбирательству и назначении судебного заседания суда апелляционной инстанции⁶;

¹ См.: ч. 3 ст. 389¹¹ УПК РФ, ст. 325¹ ГПК РФ, ст. 301 КАС РФ, п. 20 Постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 11 июня 2020 г. № 5 «О применении судами норм Кодекса административного судопроизводства Российской Федерации, регулирующих производство в суде апелляционной инстанции».

² Ч. 3 ст. 389⁸ УПК РФ, ч. 2 ст. 301 КАС РФ, п. 22 Постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 11 июня 2020 г. № 5. Из положений ч. 2 ст. 324 и ст. 326 ГПК следует, что отзыв жалобы возможен до момента направления дела в суд апелляционной инстанции. В гражданском и административном судопроизводстве после этого также возможно отказаться от жалобы, о чем см. далее.

³ См., например, п. 36 Постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 22 июня 2021 г. № 16 «О применении судами норм гражданского процессуального законодательства, регламентирующих производство в суде апелляционной инстанции».

⁴ См., например, ч. 3 ст. 301 КАС РФ. Проекты судебных актов может изготовлять по поручению судьи его помощник.

⁵ Ст. 389¹¹ УПК РФ, ч. 1 ст. 327 ГПК РФ, ст. 306 КАС РФ, п. 18 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 11 июня 2020 г. № 5.

⁶ Такое постановление требуется выносить по уголовным делам (ст. 389¹¹ УПК РФ), а по гражданским и административным делам оно не является

— извещают соответствующих участников процесса (стороны, лиц, участвующих в деле, а также иных лиц, если жалоба затрагивает их интересы) о месте, дате и времени начала апелляционного рассмотрения дела, с таким расчетом, чтобы указанные лица имели достаточный срок для подготовки к делу и своевременной явки в суд¹, который по уголовным делам должен быть обычно не менее 7 суток до начала судебного заседания². Такие извещения возможны в любой из предусмотренных законом для соответствующего случая, участника процесса форме³, в том числе по

обязательным, выносятся в случае необходимости (ст. 306 КАС РФ, п. 31 Постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 22 июня 2021 г. № 16 «О применении судами норм гражданского процессуального законодательства, регламентирующего производство в суде апелляционной инстанции»). Но наличие такого определения имеет важное процессуальное значение — указывает о принятии жалобы к производству суда апелляционной инстанции, что является значимым для разрешения ряда процессуальных вопросов, например, при отзыве (отказе от) жалобы. В отличие от регламентации производства в суде первой инстанции (ч. 3 ст. 227 УПК РФ, ст. 133 ГПК РФ, ч. 1 ст. 127 КАС РФ) закон не определяет в какой именно срок судья апелляционной инстанции должен решить вопрос о наличии оснований для вынесения указанного постановления (определения), но устанавливает срок апелляционного рассмотрения (ст. 389¹⁰ УПК РФ, ст. 327² ГПК РФ, ст. 305 КАС РФ) и требования о надлежащих подготовке дела, разрешении ходатайств (например, ч. 2 ст. 326 ГПК РФ) и извещении участников процесса, которые нужно учитывать при решении данного процессуального вопроса. Кроме того, из п. 38 приведенного выше Постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации следует, что данный вопрос должен решаться с учетом гл. 14 ГПК РФ, согласно ст. 133 которой судья обязан в течение 5 дней со дня поступления иска рассмотреть вопрос о его принятии к производству.

¹ Ч. 3 ст. 113 ГПК РФ, ч. 3 ст. 96 КАС РФ.

² Ч. 2 ст. 389¹¹ УПК РФ, за исключением жалоб на судебные решения по ходатайствам об избрании меры пресечения в виде заключения под стражу или домашнего ареста либо о продлении срока ее действия.

³ См. подробнее: ч. 1, 2¹ и 7 ст. 113 ГПК РФ, ч. 1 и 7, 8 ст. 96 КАС РФ, п. 8 Постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 27 ноября 2012 г. № 26 «О применении норм Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации,

гражданским и административным делам — и посредством размещения этой информации на официальном сайте суда в информационно-телекоммуникационной сети «Интернет» не позднее чем за 15 дней, а по делам с сокращенными сроками рассмотрения — не позднее чем за 3 дня до начала судебного заседания. Соответствующие участники процесса могут участвовать в заседании суда апелляционной инстанции как непосредственно явившись в этот суд, так и путем использования систем видеоконференц-связи⁴, о чем их надо также известить;

— информацию о времени и месте рассмотрения жалобы не позднее следующего рабочего дня уполномоченный работник аппарата суда размещает на интернет-сайте суда, в информационном киоске, на информационном стенде. Размещение такой информации является не только способом извещения участников процесса о дате, времени и месте судебного заседания, но и обеспечения доступа к информации о деятельности судов⁵;

— судья при наличии оснований, в том числе по ходатайствам участников процесса, решает вопросы об участии лица в судебном заседании путем использования систем видеоконференц-связи, вопрос о рассмотрении дела в отсутствие соответствующего участника процесса, о вызове в судебное заседание других участников процесса (например экспертов, специалистов, свидетелей), а также о совершении иных подготовительных процессуальных действий, например по гражданским и административным делам — о применении мер по обеспечению иска (мер предварительной защиты), приостановлении испол-

регулирующих производство в суде апелляционной инстанции».

⁴ См. Регламент организации применения видеоконференц-связи в федеральных судах общей юрисдикции, утвержденный приказом Судебного департамента при Верховном Суде Российской Федерации от 28 декабря 2015 г. № 401.

⁵ См. ст. 6 Федерального закона «Об обеспечении доступа к информации о деятельности судов в Российской Федерации».

нения судебного акта, истребовании необходимых доказательств¹. На данные действия может быть указано в определении (постановлении) о подготовке дела к судебному разбирательству и назначении судебного заседания суда апелляционной инстанции или в ином определении;

— в определенных законом случаях, при наличии оснований осуществляют действия по назначению: по уголовному делу — защитника; по административному или гражданскому делу — адвоката в качестве представителя²;

— судья изучает дело по существу для его апелляционного рассмотрения.

Вопросы о способе, методике такого изучения дела являются по сути индивидуальными, творческими. Обычно судья знакомится с обжалуемым судебным актом, жалобой, возражениями на нее, промежуточными судебными актами, протоколом судебного заседания, имеющимися доказательствами. При этом рекомендуется вести рабочие записи, форму и содержание которых опять же судья определяет самостоятельно, так чтобы дело было полностью изучено и подготовлено к апелляционному рассмотрению. Как правило в рабочих записях отражаются существо дела, а также основные процессуальные вопросы рассмотрения дела, которые можно изложить, например, так, как указано в приложении № 1 к настоящей статье;

— по изучении дела судья обсуждает его, прежде всего, с составом суда, определенным для его рассмотрения. По сложному делу не исключается возможность его обсуждения и с другими судьями;

— рекомендуется судье или его помощнику составлять проекты итогового акта суда апелляционной инстанции, в которых, как минимум, отражать краткое содержание обжалуемого судебного акта, жалобы, имеющихся доказательств, обстоятельства дела;

— председатель суда, его заместители и председатели судебных составов осуществляют общее руководство организацией работы суда по подготовке дел к апелляционному рассмотрению, что, в частности, может проявляться в предусмотренных законом случаях по распределению дел, решению вопроса о рассмотрении дела не единоличным, а коллегиальным составом суда, принятию мер для ускорения рассмотрения дела, закреплению определенных функций за конкретными работниками аппарата суда³.

Кроме того, следует отметить, что, если при подготовке административного или гражданского дела к судебному разбирательству будет установлено, что оно подлежит рассмотрению в ином порядке, соответственно гражданском или административном судопроизводстве, судья суда апелляционной инстанции выносит определение о переходе к рассмотрению дела по правилам соответствующего вида судопроизводства⁴. В этом случае подготовка к рассмотрению дела тоже осуществляется в общем порядке, в том числе применительно к приведенным выше организационным вопросам.

Особенности подготовки судьи к рассмотрению жалобы на постановление (решение) по делу об административном правонарушении.

Наряду с изложенными выше действиями по подготовке дела к апелляционному рассмотрению судья и уполномоченные работники аппарата суда извещают соответствующих участников процесса о принесенной жалобе и направляют им копии этой жалобы и приложенных к ней документов⁵.

Если в ходе подготовки к рассмотрению жалобы на постановление (решение) по делу об административном правонарушении будет заявлено ходатайство об от-

¹ См. например: ч. 1 и 4 ст. 389¹¹ УПК РФ, ч. 1 ст. 327 ГПК РФ, ч. 1 ст. 306 КАС РФ.

² Ст. 50, 51 УПК РФ, ст. 50 ГПК РФ, ч. 4 ст. 54 КАС РФ.

³ См. например: ч. 2 ст. 12.15 и ч. 2 ст. 19 Федерального конституционного закона «О военных судах Российской Федерации», ч. 6—9 ст. 10, ч. 2 ст. 302 КАС РФ, ч. 4—6 ст. 6¹ УПК РФ.

⁴ Часть 3 ст. 33¹ ГПК РФ, ч. 5 ст. 16¹ КАС РФ.

⁵ См. ч. 1 ст. 25.1, ч. 5 ст. 25.5, ст. 34.1 КоАП РФ.

казе от жалобы, то оно подлежит разрешению в судебном заседании¹.

Особенности подготовки судьи к рассмотрению жалобы на постановление судьи гарнизонного военного суда по результатам судебного рассмотрения материалов о грубом дисциплинарном проступке.

Подготовка судьи окружного (флотского) военного суда к рассмотрению указанной жалобы должна проводиться в весьма сжатые сроки, так чтобы соблюсти установленные ст. 24 Федерального закона «О судопроизводстве по материалам о грубых дисциплинарных проступках при применении к военнослужащим дисциплинарного ареста и об исполнении дисциплинарного ареста» сроки рассмотрения жалобы (представления) на постановление судьи гарнизонного военного суда — одни сутки, если обжалуется постановление судьи гарнизонного военного суда о назначении дисциплинарного ареста, или, в иных случаях, трое суток со дня поступления жалобы со всеми материалами о грубом дисциплинарном проступке в суд второй инстанции. При этом назначает и извещает о месте и времени рассмотрения жалобы судья гарнизонного военного суда, вынесший постановление, при направлении жалобы со всеми материалами о грубом дисциплинарном проступке в окружной (флотский) военный суд².

Рассмотрение и разрешение дела судом апелляционной инстанции.

Данный этап апелляционного производства весьма подробно регламентирован процессуальными нормами, наряду с которыми следует обратить внимание и на ряд организационных вопросов.

Так, до начала заседания суда апелляционной инстанции заранее следует определиться:

— кто будет участвовать в нем в качестве секретаря судебного заседания или помощника судьи для ведения протокола судебного заседания и выполнения иных соответствующих процессуальных и организационных функций. Обычно такой работник определяется исходя из штатного закрепления за определенным судьей или составом суда либо по решению начальника отдела обеспечения судопроизводства исходя из нагрузки соответствующих работников аппарата суда.

— в каком зале судебного заседания будет рассматриваться дело. Информация об этом также должна быть размещена на интернет-сайте, информационных стенде и киоске суда.

Кроме того, заранее составляется, как правило, начальником отдела обеспечения судопроизводства, список дел, назначенных к рассмотрению на соответствующую дату.

Непосредственно заседанием суда апелляционной инстанции руководит председательствующий в нем судья, который должен провести это заседание в порядке, установленном законом. На практике в целях точного и полного соблюдения этой процедуры председательствующие ведут судебные заседания с использованием карточки или листа-памятки по порядку проведения судебного разбирательства. Возможный вариант таких записей по проведению заседания суда апелляционной инстанции по уголовным делам представлен в приложении № 2 к настоящей статье.

В случаях отложения или приостановления апелляционного производства по делу председательствующий в судебном заседании, судья-докладчик и уполномоченные работники аппарата суда:

¹ См. п. 33¹ Постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 24 марта 2005 г. № 5.

² См. ч. 4 ст. 23 Федерального закона «О судопроизводстве по материалам о грубых дисциплинарных проступках при применении к военнослужащим дисциплинарного ареста и об исполнении дисциплинарного ареста». Исходя из последовательности пунктов гл. XII Инструкции по делопроизводству в военных судах, в том числе п. 12.7—12.9, вопросы о восстановлении срока обжалования, соответствия содержания жалобы требованиям закона, ее возврата, с указанием срока пересоставления, должны решаться судьей гарнизонного военного суда.

— извещают об этом соответствующих участников процесса¹, а также размещают эту информацию на интернет-сайте, информационных стенде и киоске суда;

— составляют и направляют необходимые судебные запросы, например, об истребовании доказательств.

Действия суда апелляционной инстанции после окончания апелляционного рассмотрения дела.

Если вынесенный судом апелляционной инстанции акт подлежит немедленно исполнению, например, при принятии решения об освобождении осужденного из-под стражи, то следует незамедлительно судье-докладчику с привлечением работников аппарата суда изготовить его копию или выписку из него и направить ее с необходимыми иными документами² для исполнения в соответствующие учреждения (орган, организацию, должностному лицу).

В случае, когда суд апелляционной инстанции принял итоговый судебный акт в виде только вводной и резолютивной частей, то мотивированный судебный акт должен быть изготовлен³ в определенный процессуальными нормами срок: по уголовным делам — не более 3 суток, по гражданским делам — не более 5 суток, по административным делам — не более 10 суток со дня окончания судебного разбирательства дела. При принятии судьей окружного (флотского) военного суда аналогичного судебного акта по делам об ад-

министративных правонарушениях, а также по материалам о грубом дисциплинарном проступке военнослужащего закон не предусматривает возможности отложения составления какой-либо части этого акта, он должен сразу при принятии быть изготовлен в мотивированном виде, после чего — немедленно оглашен⁴.

Секретарь судебного заседания (помощник судьи) или иной уполномоченный работник аппарата суда изготавливает копии итогового акта суда апелляционной инстанции, которые заверяются надлежащим порядком, в количестве, необходимом для исполнения и вручения лицам, установленным законом, а также для приобщения к делу (если подлинник написан от руки) и подшивки в наряды судов второй и первой инстанций. При этом копии такого судебного акта по уголовному делу незамедлительно после вынесения этого судебного акта направляются в суд первой инстанции для ее вручения соответствующим участникам процесса, а также администрации места содержания под стражей (места отбывания наказания)⁵. По делам об административных правонарушениях копия такого судебного акта должна быть вручена или направлена соответствующим участникам процесса в срок до 3 суток после его вынесения⁶. Применительно к материалам о грубом дисциплинарном проступке военнослужащего копия итогового определения судьи окружного (флотского) военного суда должна в день вынесения этого судебного акта вручаться соответствующим военнослужащему, командиру воинской части или его представителю под расписку или направляться им, а также при изменении или отмене постановления судьи гарнизонного военного суда о назначении дисциплинарного ареста — в

¹ Следует учесть, что установленные законом конкретные сроки по извещению участников процесса при назначении дел к апелляционному рассмотрению, не относятся к случаям отложения и приостановления производств по делам. Однако при этом надо учитывать общие положения о своевременном извещении участников процесса.

² Например, сопроводительное письмо, расписка лица, освобожденного из-под стражи.

³ При коллегиальном апелляционном рассмотрении дела обычно проект мотивированного итогового судебного акта составляется судьей-докладчиком, проверяется и обсуждается соответствующим составом суда, затем после возможных исправлений, дополнений и иных корректировок подписывается данным составом суда.

⁴ См. ч. 1 ст. 30.8 КоАП РФ, ч. 1 ст. 29 Федерального закона «О судопроизводстве по материалам о грубых дисциплинарных проступках при применении к военнослужащим дисциплинарного ареста и об исполнении дисциплинарного ареста».

⁵ См. ч. 3 ст. 389³³, ч. 1¹ ст. 393 УПК РФ.

⁶ Ст. 30.8 КоАП РФ.

орган (должностному лицу), который исполняет это постановление, для немедленного исполнения. Кроме того, такая копия в течение трех суток со дня вынесения указанного определения направляется военному прокурору, участвовавшему в рассмотрении жалобы¹.

Если итоговый судебный акт изготовлен в форме электронного документа, то²:

— председательствующий, судья-докладчик, иной судья или уполномоченный работник аппарата суда, при наличии действующей электронной подписи, направляет копии этого судебного акта соответствующим участникам процесса посредством размещения их на официальном сайте суда в информационно-телекоммуникационной сети «Интернет» в режиме ограниченного доступа;

— составом суда дополнительно выполняется его экземпляр и на бумажном носителе, который подшивается в материалы дела.

При этом следует учесть, что копия этого судебного акта, в том числе по просьбе или согласия участника процесса — в виде электронного образа документа, может быть направлена соответствующим участникам процесса посредством размещения ее на официальном сайте суда в информационно-телекоммуникационной сети «Интернет» в режиме ограниченного доступа³.

Секретарь судебного заседания (помощник судьи) составляет протокол заседания суда апелляционной инстанции, представляет его председательствующему

для проверки, затем после возможных исправлений, дополнений и иных корректировок они его подписывают, как правило не позднее 3 суток со дня окончания судебного заседания. По ходатайству сторон (лиц, участвующих в деле, их представителей) и за их счет они могут копировать протокол и аудиозапись судебного заседания либо секретарь судебного заседания (помощник судьи) или иной уполномоченный работник аппарата суда по поручению председательствующего изготавливает им эти копии. В случае поступления замечаний на протокол и (или) аудиозапись судебного заседания они подлежат рассмотрению председательствующим, если были своевременно поданы⁴.

Также секретарь судебного заседания (помощник судьи) оформляет составленные, собранные и приобщенные судом апелляционной инстанции материалы дела (складывает в надлежащей последовательности, а после проверки председательствующим или судьей-докладчиком — подшивает их, нумерует эти листы дела и вносит записи о них в опись дела), после чего председательствующий или судья-докладчик передает дело в отдел обеспечения судопроизводства для направления его в суд первой инстанции для исполнения соответствующих судебных актов.

Кроме того, уполномоченные работники аппарата суда:

— размещают на ПС ГАС «Правосудие» информацию об итогах апелляционного рассмотрения дела;

— отражают сведения о ходе и результатах апелляционного производства в соответствующих книгах и журналах учета;

— направляют в суд первой инстанции через почтовую связь (общего пользования, фельдъегерскую или специальную) либо нарочными (курьерами) суда оформленные материалы дела с копиями на бумажных носителях судебных актов суда апелляционной инстанции для вручения соответствующим участникам процесса,

¹ См. ч. 3—5 ст. 29 Федерального закона «О судопроизводстве по материалам о грубых дисциплинарных проступках при применении к военнослужащим дисциплинарного ареста и об исполнении дисциплинарного ареста».

² См. ч. 2 ст. 214 ГПК РФ, ч. 1¹ ст. 16 КАС РФ, ч. 2 и 3 ст. 474¹ УПК РФ.

³ См. подробнее: п. 26—32 Постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 26 декабря 2017 г. № 57 «О некоторых вопросах применения законодательства, регулирующего использование документов в электронном виде в деятельности судов общей юрисдикции и арбитражных судов».

⁴ Ст. 204—207 КАС РФ, ст. 228—232 ГПК РФ, п. 13 и 17 ч. 4 ст. 47, ст. 259 и 389³⁴ УПК РФ.

если они ранее не были направлены им в соответствии с требованиями закона, о чем изложено выше в данной статье.

При этом следует учесть, что, исходя из положений ч. 3 ст. 389³³ УПК РФ, все действия суда апелляционной инстанции после окончания апелляционного рассмотрения уголовного дела, включая его направление в суд первой инстанции, должны быть выполнены в течение 7 суток со дня вынесения апелляционных приговора, определения, постановления.

В отношении гражданских и административных дел, дел об административных правонарушениях такой срок может устанавливаться инструкциями или регламентами по делопроизводству в судах. Например, п. 11.1.6 Инструкции по судебному делопроизводству в верховных судах республик, краевых и областных судах, судах городов федерального значения, судах автономной области и автономных округов предусмотрено, что дело подлежит направлению в суд первой инстанции в течение пятнадцати рабочих дней со дня вынесения итогового судебного акта суда апелляционной инстанции.

Применительно к материалам о грубых дисциплинарных проступках военнослужащих определение судьи окружного (флотского) военного суда по результатам рассмотрения жалобы на постановление судьи гарнизонного военного суда в день вынесения этого определения направляется вместе с материалами о грубом дисциплинарном проступке судье гарнизонного военного суда, вынесшему постановление см. ч. 2 ст. 29 Федерального закона «О судопроизводстве по материалам о грубых дисциплинарных проступках при применении к военнослужащим дисциплинарного ареста и об исполнении дисциплинарного ареста»).

Библиография

1. Авдонкин, В. С. Организация работы военного суда, действующего в качестве суда первой инстанции, при получении апелляционных жалобы, представлении (жалобы, протеста) / В. С. Авдонкин // Военное право. — 2021. — № 3. — С. 147—155.

2. Организация деятельности военных судов: учеб. пособие / под ред. Н. А. Петухова, П. Н. Ук-раинцева. — М.: РАП, 2007. — 418 с.

Вид дела _____						
Дата (резолют. // мотив.) и существо судебного акта _____						
Общий или упрощенный порядок _____						
Даты: поступления в суд апелляционной инстанции _____						
назначения суд. заседания апелляционной инстанции _____						
Судья гарнизонного военного суда (председательствующий) _____						
Было ли ранее апелляционное или кассационное (надзорное) рассмотрение _____						
Участник процесса (основание участия: привлечен, доверенность, ордер, л.д.), извещался ли о с/заседании	Получил ли копию с/акта (дата и л.д.)	Ходатайства об ознакомлении с материалами дела // протоколом, замечания, рассмотрены ли (дата и л.д.)	Обжаловал или подавал возражения, отзыв (дата и л.д.) / Соответствует ли АЖ (АП) ст. 299 КАС (ст. 322 ГПК), госпошлина, сроки подачи, восстановление срока	Извещение об АЖ (АП), праве на возражения (срок), направление их копий ст. 302 КАС (ст. 325 ГПК) (дата и л.д.)	Ходатайство об исследовании доказательств или новых доказательств Представлены ли дополнит. материалы? Иные ходатайства	Извещение о дне апелляционного рассмотрения, желает ли участвовать, уведомил ли о невозможности участия (дата и л.д.)

Краткие рабочие записи

(по гражданскому, административному делу)

Решение судьи апелляционной инстанции при поступлении апелляционной жалобы (назначение судебного разбирательства, возвращение апелляционной жалобы, прекращение производства по жалобе, приостановление, направление по подсудности) —

Подсудность дела гарнизонному военному суду —

Дата оспариваемого действия (бездействия), решения / Когда адм. истец узнал —

Дата обращения (поступления) в суд первой инстанции / Срок обращения (исковая давность) —

Определение об оставлении без движения (дата, л.д., суть) —

Определение о принятии и подготовке к судебному разбирательству (дата, л.д.) —

Подготовка к судебному разбирательству назначена на _____ / продлена до (начата сначала) _____

Определение о назначении судебного заседания (дата, л.д.) —

Даты судебного заседания / решения / срок рассмотрения (извещения) —

Дата приостановления _____ / возобновления производства по делу _____

Все ли требования разрешены —

Подписи судьи, секретаря судебного заседания —

Судебные расходы —

Меры предварительной защиты —

Хронология обстоятельств иска, оспариваемого решения, действия (бездействия) (л.д.):

**ПОРЯДОК РАССМОТРЕНИЯ
УГОЛОВНОГО ДЕЛА СУДОМ АПЕЛЛЯЦИОННОЙ ИНСТАНЦИИ**
(ст. 389¹³, 389¹⁴, 389³³, 389³⁵ УПК РФ)

ПОДГОТОВИТЕЛЬНАЯ ЧАСТЬ

- 1) Председательствующий объявляет:
 - об ОТКРЫТИИ ЗАСЕДАНИЯ СУДА апелляционной инстанции;
 - какое уголовное дело рассматривается и по чьим апелляционным жалобе и (или) представлению.
- 2) Доклад секретаря судебного заседания (помощника судьи) О ЯВКЕ участников процесса.
- 3) Установление ЛИЧНОСТИ присутствующих осужденного (обвиняемого), а также иных участников процесса (кроме свидетелей, которых нужно удалить из зала судебного заседания до их допроса), *в т.ч. проверить документы, удостоверяющие их личности, ордер защитника.*
- 4) Объявление СОСТАВА СУДА, Ф.И.О. лиц, являющихся сторонами и присутствующих в судебном заседании, секретаря судебного заседания (помощника судьи), а также эксперта, специалиста, переводчика, если они участвуют в судебном заседании.
- 5) Разъяснение участникам судебного заседания их ПРАВ, в том числе осужденному (обвиняемому):
 - ст. 51 Конституции Российской Федерации, ст. 47, ч. 2 ст. 275, ст. 389¹⁴ УПК РФ;
 - согласен ли он, чтобы защиту его прав и интересов осуществлял адвокат ФИО, беседовал ли он с ним, достаточно ли было предоставлено времени для этой беседы?
 - если используется видеоконференц-связь — уточнить, видно и слышно ли, для чего возможно выступать сидя.*Если ранее права разъяснялись, уточнить есть ли необходимость разъяснять участникам права в судебном заседании?*
- 6) Имеются ли ОТВОДЫ (*уточнить, понятно ли, что такое отвод? При наличии отводов — разрешить их*).
- 7) Имеются ли ХОДАТАЙСТВА, в т.ч. поддерживают ли ходатайства, заявленные в апелляционной жалобе (апелляционном представлении)? (*при наличии — выслушать мнение сторон и разрешить ходатайства*).
- 8) В случае НЕЯВКИ кого-либо из сторон, а также иных вызванных лиц огласить документы об извещении, выслушать мнение сторон и решить вопрос о возможности продолжения заседания суда апелляционной инстанции в их отсутствие.
- 9) Председательствующий объявляет о переходе к судебному следствию

СУДЕБНОЕ СЛЕДСТВИЕ

- 10) Судья-докладчик КРАТКО ИЗЛАГАЕТ СОДЕРЖАНИЕ обжалуемого судебного решения, существо апелляционной жалобы (апелляционного представления), а также возражений на них.
- 11) Заслушивание ВЫСТУПЛЕНИЯ стороны, подавшей апелляционную жалобу (апелляционное представление), (при наличии нескольких жалоб и (или) представлений, нескольких участников с одной стороны последовательность выступлений определяется судом с учетом мнения сторон).
Заслушивание ВОЗРАЖЕНИЙ другой стороны (при участии нескольких участников с одной стороны последовательность выступлений определяется судом с учетом мнения сторон).
- 12) Суд переходит к ПРОВЕРКЕ ДОКАЗАТЕЛЬСТВ:
 - а) Имеются ли ходатайства сторон о проверке доказательств, которые были исследованы судом первой инстанции? *ИЛИ ЖЕ* — согласны ли стороны на рассмотрение апелляционной жалобы без проверки доказательств, которые были исследованы судом первой инстанции?

С согласия сторон суд вправе рассмотреть жалобу БЕЗ ПРОВЕРКИ ДОКАЗАТЕЛЬСТВ, исследованных судом первой инстанции. Если ХОДАТАЙСТВО ЗАЯВЛЕНО, суд разрешает его в порядке

ч. 1, 2 ст. 271 УПК РФ и если решил ИССЛЕДОВАТЬ ДОКАЗАТЕЛЬСТВА, то в порядке, предусмотренном гл. 37 УПК РФ, с учетом следующих обстоятельств:

— можно исследовать доказательства с использованием системы видеоконференц-связи;
— свидетели, допрошенные судом первой инстанции, в т.ч. явившиеся в судебное заседание, допрашиваются в суде апелляционной инстанции, если суд признает это необходимым.

б) Имеются ли ходатайства сторон об исследовании новых доказательств, т.е. которые не были исследованы судом первой инстанции? Если да, то:

— выяснить в порядке ст. 271 УПК РФ мнение сторон;
— лицо, заявившее ходатайство об исследовании новых доказательств, должно обосновать невозможность их представления в суд первой инстанции по причинам, не зависящим от него;
— суд признает, являются ли эти причины уважительными (*суд не вправе отказать в удовлетворении ходатайства только на том основании, что оно не было удовлетворено судом первой инстанции*).

13) Выяснить у сторон, имеются ли ходатайства о дополнении судебного следствия (при наличии ходатайств — разрешить их).

14) Суд переходит к прениям сторон.

ПРЕНИЯ СТОРОН

15) Прения сторон проводятся в пределах рассмотрения дела судом апелляционной инстанции. ПЕРВЫМ ВЫСТУПАЕТ лицо, подавшее апелляционную жалобу (представление)

Желают ли стороны воспользоваться ПРАВОМ РЕПЛИКИ?

16) По окончании выступления всех лиц в прениях сторон суд предоставляет последнее слово

ПОСЛЕДНЕЕ СЛОВО

17) ПОСЛЕДНЕЕ СЛОВО предоставляется лицу, в отношении которого проверяется обжалуемое судебное решение, если данное лицо участвует в судебном заседании.

УДАЛЕНИЕ СУДА В СОВЕЩАТЕЛЬНУЮ КОМНАТУ, ПРИНЯТИЕ И ОГЛАШЕНИЕ РЕШЕНИЯ

18) Суд УДАЛЯЕТСЯ В СОВЕЩАТЕЛЬНУЮ КОМНАТУ для принятия решения. (*предварительно объявив о времени оглашения решения суда*).

19) По возвращении из совещательной комнаты председательствующий:

— оглашает подписанную вводную и резолютивную части решения суда апелляционной инстанции;

— объявляет сторонам, что мотивированное решение суда апелляционной инстанции будет вынесено в течение 3 суток (*копию получать через гарнизонный военный суд*);

— разъясняет сторонам право обжалования решения суда апелляционной инстанции в сроки и порядке, предусмотренными гл. 47¹ и 48¹ УПК РФ (*через суд 1 инстанции; непосредственно в кассационный военный суд*);

— объявляет о наличии, вынесении (*если таковые имеются*): особого мнения судьи; постановления (определения) о вознаграждении адвоката, частного постановления (определения);

— разъясняет сторонам право ознакомления с протоколом и аудиозаписью судебного заседания и подачи на них замечаний, а также, при наличии, с особым мнением судьи (*подать ходатайство об этом в 3 суток*).

20) Объявляется, что заседание суда апелляционной инстанции закрыто.

Формирование и развитие судебного управления в России на рубеже 60—90-х гг. XX века

© **Аулов Владимир Константинович**, кандидат юридических наук, доцент, научный сотрудник Военного университета Минобороны России

© **Петухов Николай Александрович**, доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист Российской Федерации, главный научный сотрудник Центра исследования проблем правосудия Российского государственного университета правосудия

© **Туганов Юрий Николаевич**, доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист Российской Федерации, академик РАЕН, главный научный сотрудник Центра исследования проблем правосудия Российского государственного университета правосудия, профессор Российской таможенной академии

Аннотация. В статье исследуется процесс формирования и развития судебного управления в России в период с 1960 по 1991 гг. и возможности его применения к военно-судебной системе. По результатам анализа авторы приходят к выводу, что ныне действующая система административно-государственного управления сферой правосудия представляет собой не только совокупность доминирующих органов, обеспечивающих необходимые финансовые, кадровые и материально-технические условия. В систему входят структурно-функциональные связи с органами судейского сообщества — судоустройственным институтом, который отсутствовал в механизме управления сферой правосудия СССР.

Ключевые слова: судебная деятельность, судебная власть, управление сферой правосудия, суды.

Formation and development of judicial administration in Russia at the turn of the 60-90s of the XX century

© **Aulov V. K.**, Associate Professor of administrative and financial law Russian customs Academy candidate of law, associate Professor

© **Petukhov N. A.**, Chief Researcher of the Center for the Study of Justice Problems of the Russian State University of Justice, Doctor of Law, Professor, Honored Lawyer of the Russian Federation;

© **Tuganov Yu. N.**, Chief researcher Russian State University of justice, Professor of the Russian Customs Academy, honored lawyer of the Russian Federation, doctor of law, Professor, academician RANS

Abstract. The article examines the process of formation and development of judicial administration in Russia in the period from 1960 to 1991 and the possibilities of its application to the military judicial system. According to the results of the analysis, the authors come to the conclusion that the current system of administrative and state administration of the sphere of justice is not only a set of supporting bodies that provide the necessary financial, personnel and material and technical conditions. The system includes structural and functional relations with the bodies of the judicial community – the judicial institution, which was absent in the mechanism of management of the sphere of justice of the USSR.

Keywords: judicial activity, judicial power, managing the sphere of justice, courts, courts.

Проблематика управления сферой правосудия в период существования СССР на территории Российской Федерации 1960—1991 годов является частным случаем общей проблематики управления страной и государственного строительства в Советском Союзе.

В этом смысле представляется правомерным экстраполяция общеметодологических подходов изучения государственного механизма правового регулирования и правового воздействия на исследование системы органов государственной власти, непосредственно осуществлявшей в названный период управление сферой правосудия России.

Анализируя деятельность указанных органов, некоторые авторы рассматривают их как совокупность «... взаимосвязанных элементов, объединенных едиными целями и управляемых единым органом власти» и зачастую оценивают как часть «механизма государственной политики» через призму «участия органов юстиции в репрессиях»¹.

Другие уделяют основное внимание динамике корректировки целей и задач управления сферой правосудия в России в 1960—1991 г., обоснованию периодизации ее правовой конструкции, разработке дефиниции «судебное управление» как «особого вида деятельности специально созданных органов по развитию, упорядочению и обеспечению эффективного функционирования судебной системы, реали-

зующей государственную политику в области правосудия»².

На сегодняшний день, как результат интерпретации термина «судебное управление» и толкования законодательной практики, на концептуальном уровне разработан понятийный ряд производных лексических единиц: «общее руководство судами», «контроль над судами», «судебное администрирование», «организация и инструктирование судов» «судебно-административное управление», «управление в области юстиции», «организационное руководство судами»³. В рамках же

² Подробно об этом см.: Абдулин Р. С. Формирование и развитие судебного управления в России с 1917 до середины 1990 годов : монография. Курган: Изд-во Курганского гос. ун-та, 2013. С. 152.

³ Подробнее об этом см.: Божьев В. П., Добровольская Т. Н., Перлов И. Д. Организационное руководство судами (судебное управление). М., 1966; Ходыревский С. М. Суд и судебное управление. Воронеж, 1976. С. 3—46; Симкин Л. С. Основные функции организационного руководства судами (судебного управления) : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 1978; Кашепов В. П. О государственном руководстве судами // Известия высших учебных заведений. Правоведение. 1978. № 2. С. 20—27; Маковская Л. П. Начальный этап строительства органов юстиции РСФСР (1917—1922 гг.) : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 1975; Смыкалин А. С. Органы судебного управления РСФСР в период с 1922 по 1929 год : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Свердловск, 1981; Казаков А. И. Органы судебного управления РСФСР в период с 1930 по 1970 год : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Свердловск, 1984; Ершов В. В. Статус суда в правовом государстве : монография. М., 1992; Олейник И. И. Организационно-правовые основы становления и развития органов управления юстицией в РСФСР (1917—1936 гг.) : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. Владимир, 2006.

¹ Кодинцев А. Я. Государственная политика в системе органов юстиции СССР в 1933—1956 гг. : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. Екатеринбург, 2010.

настоящей статьи все перечисленные составные термины рассматриваются как синонимы категории «управление сферой правосудия».

Столь пристальный интерес к обозначенной проблематике подтверждает, что в СССР был наработан значительный эмпирический материал по созданию структур в области управления сферой правосудия.

На первый взгляд советская судоустройственная практика может быть полезна при предотвращении угроз и минимизации рисков, связанных с административной и судебной реформами.

Кажется, что адаптация опыта 1960—1991 гг. управления сферой правосудия, который исключал такого рода угрозы, к условиям современной российской судебной системы, может стать теоретической и прикладной проблемой государственного администрирования в судоустройственной сфере.

Кроме того, можно предположить, что интегрирование советского опыта в современный механизм административно-государственного управления России будет проще с учетом преемственности принципов судоустройства и организационного руководства судами СССР и Российской Федерации.

Например, такой позиции придерживается А. И. Казаков, усматривающий содержание организационного руководства судами анализируемого периода в:

а) формировании судебных органов (разработке предложений по вопросам организации судов, проведении выборов судей и народных заседателей);

б) обеспечении необходимых условий их деятельности (работе с кадрами судов, изучении и обобщении судебной практики, организации работы по ведению судебной статистики, планировании работы в судах, организации профилактической работы судов и пропаганде судьями советского законодательства, материально-финансовом снабжении и обеспечении судов нормативным материалом и литературой, и т.д.);

в) общем контроле за работой судов (проведении проверок организации их работы, отчетности судей перед избирателями или органами их избравшими)¹.

Следует признать, что многое из перечисленного совпадает с полномочиями Судебного департамента, изложенными в ст. 6 Федерального закона от 8 января 1998 г. № 7-ФЗ «О Судебном департаменте при Верховном Суде Российской Федерации».

Согласно подп. 3, 5, 6 и 10 п. 1 данной статьи того же закона, Судебный департамент разрабатывает предложения по совершенствованию организации деятельности судов, вносит в Верховный Суд Российской Федерации предложения о создании либо об упразднении судов; разрабатывает по вопросам своего ведения проекты федеральных законов и иных нормативных правовых актов, перераспределяет образовавшиеся в соответствующих судах вакансии на должности судей.

Точно также, как и Министерство юстиции, Судебный департамент определяет потребность судов в кадрах; обеспечивает работу по отбору и подготовке кандидатов на должности судей; взаимодействует с образовательными учреждениями, осуществляющими подготовку и повышение квалификации судей и работников аппаратов судов; ведет судебную статистику, организует делопроизводство и работу архивов судов; взаимодействует с органами юстиции при составлении сводного статистического отчета (подп. 7 и 12 п. 1 ст. 6 Федеральный закон «О Судебном департаменте при Верховном Суде Российской Федерации»).

Однако, даже соединенная с современными управленческими наработками в сфере правосудия, практика административно-государственного управления в СССР вряд ли сможет результативно повлиять на формирование новой парадигмы

¹ Казаков А. И. Органы судебного управления РСФСР в период с 1930 по 1970 годы : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Свердловск. 1984.

организационного руководства судами в Российской Федерации.

Сходной чертой судеустройства Российской Федерации и СССР является двухуровневое структурирование законодательства в этой сфере — на федеральном (в СССР аналог — на союзном) уровне и уровне субъектов Российской Федерации (в СССР — на уровне республик Союза).

В отличие от советского периода, в Российской Федерации ресурсное обеспечение судебной деятельности осуществляется из двух независимых источников, прямые аналоги которых в Советском Союзе отсутствовали. Довольствующим органом мировых судей являются уполномоченные органы исполнительной власти субъектов Российской Федерации. Довольствующим органом всех иных судов — Судебный Департамент при Верховном Суде Российской Федерации¹.

Принципиальное различие между современным подходом к управлению сферой правосудия и управленческими технологиями периода 1960—1991 гг. состоит в организации советского государства на иных принципах федерализма, кардинально отличных от принципов государственного устройства Российской Федерации. Достаточно отметить, что, по мнению Р. С. Абдулина, Конституцией СССР 1936 г. «суд и прокуратура» были отнесены к числу органов государственного управления².

Помимо этого, обсуждая управление сферой правосудия России 1960—1991 гг., невозможно оставить без внимания руководящую и направляющую роль КПСС. Как на уровне директивных указаний, так и через партийные организации мини-

стерств (прежде всего, через менявших свое наименование органов, входивших в структуру Минюста СССР в 60—90-е гг. XX в.), коммунистическая партия прямо участвовала в управлении сферой правосудия.

Еще один нюанс. Передав субъектам Российской Федерации полномочия по организации собственной судебной системы, федеральный законодатель породил не две подсистемы, а множественность вариантов реализации судебной власти в субъектах Российской Федерации.

Соответственно традиция организации судебной деятельности и ее ресурсного обеспечения в СССР не может быть в полном объеме воспроизведена на современном этапе развития российской государственности.

Очевидно, что провозглашенные Конституцией Российской Федерации права на судебную защиту и беспрепятственный доступ к правосудию должны быть лишены идеологических оговорок и партийных ограничений. Сама система ресурсного обеспечения судебной деятельности должна строиться на принципах прагматичности и эффективности.

Применительно к конструкции судебной системы Российской Федерации это означает адекватный ее потребностям механизм административно-государственного управления сферой правосудия.

Эффективная работа такого механизма тем более важна, так как после распада СССР Россия существует в состоянии непрерывно нарастающего деструктивного воздействия на органы управления российского государства, а также гуманитарной и идеологической интервенции со стороны США и их союзников. Бесспорно, что в таких условиях существенно возрастает роль структур, обеспечивающих непрерывное функционирование всех ветвей власти как в мирное время, так и в ситуации непосредственной угрозы национальным интересам.

Для судебной власти, которая во многом обеспечивает защиту конституцион-

¹ Далее — Департамент. Что касается органов конституционного правосудия в Российской Федерации, то порядок обеспечения их деятельности находится за пределами настоящего исследования.

² Абдулин Р. С. Формирование и развитие судебного управления в России (февраль 1917 — январь 1998 гг.): дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2015. С. 294.

ных прав и свобод граждан, все это предполагает необходимость стабильной работы специальных органов ресурсного обеспечения судебной деятельности независимо от каких-либо внешних или внутренних факторов.

Вот что об этом писал Председатель Верховного Суда Российской Федерации В. М. Лебедев: «Судебная реформа 1991 г. поставила в повестку дня процесс реформирования действовавшего механизма обеспечения деятельности судов. Анализ возможных вариантов улучшения организационной работы судов привел к идее создания в рамках судебной системы автономного органа управления, который, с одной стороны, обеспечивал бы ресурсное и материально-техническое обеспечение судов, а с другой — непосредственно занимался организацией их работы, включая контроль за деятельностью администрации и аппаратов судов по обеспечению процесса правосудия»¹.

Ранее органы со сходными полномочиями в исследованиях советских правоведов классифицировались как структуры «судебного управления»². Впервые законодатель использовал это определение в ст. 8 Основ судостроительства Союза ССР и союзных республик (утв. Постановлением ЦИК СССР от 29 октября 1924 г.). Уже после распада СССР дефиниция «судебное

управление» была раскрыта как «... отрасль государственного управления, в рамках которой осуществляется разрешение организационно-административных вопросов, касающихся построения и функционирования судебных органов»³.

Деятельность органов «судебного управления» осмысливалась в сходных по значению лингвистических конструкциях: «организационное руководство судами», «организационное обеспечение правосудия»⁴. С 1989 г. в правовой оборот законодатель ввел еще один термин — «организационное обеспечение деятельности судов» (ст. 22 Основ законодательства Союза ССР и союзных республик о судостроительстве).

При разработке на их базе собственных авторских моделей понятийных категорий «управления», «руководства» и «обеспечения» сферы правосудия, основное внимание, в основном, уделялось последствиям замены одних руководящих органов другими⁵.

Речь идет о последовательности изменения наименования органов, отвечающие за судебное управление в середине XX в.: Министерство юстиции СССР (упразднено 31 мая 1956 г.), территориальные управления Министерств

¹ Лебедев В. М. Становление и развитие судебной власти в Российской Федерации. М.: РАП, 2000. С. 260.

² Карев Д. С. Организация суда и прокуратуры в СССР : курс лекций. Минск, 1960. С. 149; Семенов В. М. Суд и правосудие в СССР : учебник. М., 1976. С. 71; Кашепов В. П. О государственном руководстве судами // Известия высших учебных заведений. Правоведение. 1978. № 2. С. 20—27. Критические соображения по поводу целесообразности сохранения института судебного управления в нашей стране см.: Петрухин И. Л. Правосудие: время реформ. М., 1991. С. 121—127; Перлов И. Д. Организационное руководство судами (судебное управление). М., 1966; Симкин Л. С. Основные функции организационного руководства судами (судебного управления): автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 1978; Ходыревский С. М. Суд и судебное управление. Воронеж, 1976. С. 3—46.

³ Серов Д. О. Судебное управление в России: становление и организационные модели // Администратор суда. 2011. № 2. С. 19—24.

⁴ Смыкалин А. С. Понятие судебного управления (теоретические и историко-правовые аспекты) // Правовые идеи и государственные учреждения (историко-юридические исследования) : межвуз. сб. научн. трудов. Свердловск, 1980. С. 143—148; Судебная власть : научное издание / Абова Т. Е., Абросимова Е. Б., Боровский М. В., Булаковский С. В., и др.; отв. ред. Петрухин И. Л. М.: ООО «ТК Велби», 2003. С. 546.

⁵ Например, в цитируемой выше работе Д. О. Серова. Стоит добавить, что в отношении суда третьего звена республиканский законодатель оказался более предусмотрительным. Сразу после отмеченной ликвидации российского Министерства юстиции особым Постановлением Президиума Верховного Совета РСФСР от 24 июня 1963 г. штат Верховного Суда России был увеличен на шесть судей и одного заместителя председателя суда.

юстиции союзных республик (упразднены 4 августа 1956 г.), министерства юстиции автономных республик в составе РСФСР (упразднены 29 мая 1957 г.) и, наконец, Министерство юстиции РСФСР (упразднено 13 апреля 1963 г.).

Поэтому типология органов управления сферой правосудия России в 1960—1991 гг. основана на группировки соответствующих органов юстиции, менявших во времени уровень своей организации и функции.

Стоит отметить, что эволюция названного процесса не была линейной и последовательной. Первоначально чрезмерная послевоенная милитаризация органов юстиции и избыточность их административно-властных полномочий предопределили направленность государственной политики на сокращение роли Минюста в управлении сферой правосудия.

Параллельно этому процессу модернизировалось судоустройственное и процессуальное законодательство Союза ССР. Так, Верховным Советом СССР 25 декабря 1958 г. были приняты Основы законодательства о судоустройстве СССР, союзных и автономных республик, которыми участковые народные суды были трансформированы в районные (городские) народные суды в качестве низшего звена судебной системы страны. В 1960 г. был принят УПК РСФСР, принципы которого в определенной степени предопределили государственную политику управления сферой правосудия России до 1991 г.

В этом же году, 27 октября, принимается Закон РСФСР «О судоустройстве РСФСР», который (ст. 26) наделил Минюст РСФСР правом осуществлять руководство и контроль за деятельностью верховных судов автономных республик, краевых, областных, городских судов, судов автономных областей, судов национальных округов и районных (городских) народных судов путем:

а) проведения ревизий и направления неправильно разрешенных дел с представлениями председателям соответствующих

судов для разрешения вопроса об опротестовании решений, приговоров, определений и постановлений;

б) изучения и обобщения судебной практики и постановки вопросов перед пленумом Верховного Суда РСФСР о даче руководящих разъяснений судам по применению законодательства РСФСР;

в) издания приказов и инструкций по организации и улучшению работы судов.

Формализация основных направлений обозначенной политики на концептуальном уровне была осуществлена в партийных документах — в докладе ЦК КПСС на XXII съезде Коммунистической партии Советского Союза и в третьей Программе КПСС. Согласно этим руководящим документам, СССР непосредственно приступил к «... строительству коммунизма»¹.

На законодательном уровне решения партии были проведены в жизнь Указом Президиума Верховного Совета РСФСР от 13 апреля 1963 г., которым одновременно с упразднением Министерства юстиции РСФСР на Верховный Суд РСФСР были возложены: руководство и контроль за деятельностью судебных органов всех звеньев судебной системы, подбор и воспитание судебных кадров и судебная статистика.

Как итог, к середине 1963 г. указанная сфера передается в управление самим судебным органам — начиная с областных, краевых и им равных судов. Причем такая трансформация осуществлялась без расширения штатной численности судов, а также изменения их структуры². Процесс начался еще в 1959 г., когда для выполнения некоторых функций организационного руководства судами в Верховном Суде СССР с 1 июля того же

¹ XXII съезд КПСС. Стенографический отчет. 1962. Т. 3. С. 205, 220.

² Следует отметить, что после ликвидации Министерства юстиции РСФСР Постановлением Президиума Верховного Совета РСФСР от 24 июня 1963 г. штат Верховного Суда России был увеличен на шесть судей и одного заместителя председателя суда // Ведомости ВС РСФСР. 1963. № 26, ст. 459.

года были созданы отделы: судебной статистики, систематизации законодательства, хозяйственный, а в Военной коллегии Верховного Суда СССР — организационно-инспекторский отдел, отдел кадров, административно-хозяйственный отдел.

В областных и приравненных к ним судах в результате малочисленности штатов хотя и не создавались самостоятельные отделы для выполнения функций организационного руководства судами, но выделялись специальные работники (ревизоры, консультанты и т.д.) для выполнения этих функций.

Рубежной вехой следующего этапа управления сферой правосудия России следует считать 30 июня 1970 г., когда было принято совместное постановление ЦК КПСС и Совета Министров СССР № 634 «О мерах по улучшению работы судебных и прокурорских органов», требовавшее повышения уровня государственного руководства судами и органами прокуратуры и восстановления органов юстиции в СССР. Тогда же на вновь образованное союзно-республиканское Министерств юстиции СССР было возложено организационное руководство судами (ст. 18 Основ законодательства Союза ССР, союзных республик «О судеустройстве в СССР»)¹. Было воссоздано и союзно-республиканское Министерство юстиции РСФСР.

При этом Министерство юстиции СССР осуществляло руководство в отношении судов союзных республик и военных трибуналов, а министерства юстиции союзных республик — в отношении верховных судов автономных республик, краевых, областных, городских судов, судов автономных областей и автономных округов. Руководство народными судами непосредственно осуществляли краевые, об-

ластные отделы юстиции. Ряд вопросов организационного руководства судами решали также сами судебные органы. Например, председатель любого суда осуществлял организационное руководство в отношении данного судебного органа.

Целью организационного руководства всей судебной системой было создание условий формирования судебных органов страны и надлежащих условий для осуществления судами правосудия при соблюдении принципа независимости судей и подчинения их только закону.

В этой связи Министерство юстиции СССР и его органы в пределах своих полномочий: а) разрабатывали предложения по организации судов союзных республик и военных трибуналов (дислокация, структура, штаты), по проведению выборов судей и народных заседателей; б) руководили организацией отчетов судей перед избирателями и органами, их избравшими; в) проверяли организацию работы судебных органов союзных республик и военных трибуналов; г) обеспечивали судебные органы квалифицированными кадрами, организовывали переподготовку и повышение квалификации указанных кадров; д) изучали и обобщали совместно с соответствующими судебными органами судебную практику в целях дальнейшего совершенствования деятельности судов и использовали результаты обобщений для устранения выявленных недостатков в организации работы судов; е) проверяли организацию работы суда по рассмотрению материалов об административной ответственности и принимали меры к улучшению этой работы; ж) организовывали работу по ведению судебной статистики и использованию ее данных для улучшения деятельности судов союзных республик и военных трибуналов по отправлению правосудия; з) осуществляли руководство и контроль за работой по исполнению решений, определений и постановлений по гражданским делам, приговоров, определений и поста-

¹ Закон СССР от 10 декабря 1970 г. № 565-VIII «Об утверждении Указов ПВС СССР об образовании и преобразовании некоторых органов государственного управления и о внесении соответствующих дополнений в статьи 70 и 78 Конституции (Основного Закона) СССР».

новлений по уголовным делам в части имущественных взысканий»¹.

Формами организационного руководства судами были: проверка организации работы судов союзных республик и военных трибуналов; заслушивание на заседаниях коллегии Министерства юстиции СССР председателей судов и военных трибуналов по вопросам организации работы в судах; издание соответствующих приказов Министра юстиции СССР; изучение и распространение положительного опыта работы судов; создание надлежащих условий для осуществления правосудия; разработка инструкций, например, по делопроизводству в судах, о порядке исполнения судебных решений, о ведении статистической отчетности².

Проверка организации работы судов была важнейшей формой руководства судебной деятельностью. При этом основным направлением проверочной деятельности были организация работы судов по рассмотрению уголовных и гражданских дел, рассмотрению административных материалов, организация рассмотрения дел судами кассационных и надзорных инстанций³.

Проверочная деятельность была направлена на изучение организации работы судов по применению законов, руководящих разъяснений Пленума Верховного Суда СССР и верховных судов союзных республик и выработку организационных решений, обеспечивающих необходимые условия для правильного осуществления правосудия, планирование судебной работы, повышение культуры судебных процессов, изучение и обобщение судебной практики, исполнение судебных решений, работа с жалобами и заявлениями, работа с

кадрами, взаимодействие с другими учреждениями юстиции и т. д.

Органы Министерства юстиции практиковали как общие (комплексные), так и целевые (специальные) проверки. В ходе комплексной проверки проверялась вся деятельность суда (осуществление правосудия по уголовным и гражданским делам, деятельность по предупреждению преступлений, кодификационно-справочная, общественно-массовая работа, работа канцелярии и судебного исполнителя и т.п.) за определенный период времени (год, полугодие, квартал).

Целевые проверки проводились для ознакомления с состоянием какого-то отдельного участка работы: участие общественности в работе суда, состояние статистической отчетности, отчеты перед избирателями, исполнение судебных решений, рассмотрение жалоб и заявлений и др.⁴

Комплексные проверки проводились бригадным методом, с распределением между членами бригад обязанностей по проверке отдельных участков работы. Возглавляли такие бригады ответственные работники органов Министерства юстиции⁵. Применялись и совместные выезды на места работников органов Министерства юстиции, вышестоящих судов, прокуратуры и МВД для оказания помощи в работе нижестоящим органам⁶.

Министр юстиции СССР имел право вносить в Пленум Верховного суда СССР, а министр юстиции РСФСР — в Пленум Верховного Суда РСФСР представления о даче судам руководящих разъяснений по вопросам применения законодательства⁷.

¹ Семенов В. М. Суд и правосудие в СССР / 2-е изд. М., 1984. С. 193—194.

² Постановление Совмина СССР от 21 марта 1972 г. № 194 «Об утверждении Положения о Министерстве юстиции СССР.

³ Проверка организации работы судебных органов. М.: Юрид. лит., 1978. С. 24.

⁴ Божьев В. П., Добровольская Т. Н., Перлов И. Д. Указ. соч. С. 69.

⁵ Постановление коллегии Министерства юстиции СССР от 25 июня 1972 г.

⁶ Проверка организации работы судебных органов. С. 27.

⁷ Более подробно об этом см.: Судебная власть: институционально-правовые аспекты : монография / под ред. Ю. Н. Туганова. М.: РГУП, 2019. С. 288—325 (авторы раздела А.С. Мамыкин, Н. А. Петухов).

Стоит отметить, что ряд законодательных изменений начала 1980-х годов, прежде всего Закон РСФСР от 8 июля 1981 г. «О судостроительстве РСФСР» (ст. 19), вновь возложили на Министерство юстиции СССР, министерства юстиции союзных и автономных республик, отделы юстиции исполнительных комитетов краевых, областных, городских Советов народных депутатов, осуществление организационного руководства судами (при строгом соблюдении принципа независимости судей и их подчинения только закону).

С принятием в 1989 г. Основ законодательства Союза ССР и союзных республик о судостроительстве в СССР полномочия органов юстиции по организационному руководству судами вновь были несколько ограничены. Термин «организационное руководство судами» был заменен на «организационное обеспечение деятельности судов». При этом партийные и исполнительные органы власти продолжали влиять на работу судов по рассмотрению и разрешению уголовных и гражданских дел.

Таким образом, управление сферой правосудия в России в 1960—1991 гг. не было более надежным и (или) эффективным, чем в настоящее время. В судебных системах субъектов Российской Федерации, органы ресурсного обеспечения загружены помимо управления судебной системой еще и другими, не имеющими отношения к судебной власти, полномочиями. Как и в СССР, полномочие по управлению сферой правосудия в субъектах Российской Федерации не обладает приоритетом в иерархии задач административно-государственных органов, осуществляющих такое управление.

Вместе с тем, в отличие от СССР, ныне действующая система административно-государственного управления сферой правосудия представляет собой не только совокупность довольствующих органов, обеспечивающих необходимые финансовые, кадровые и материально-технические условия. В систему входят структурно-функциональные связи с орга-

нами судейского сообщества — судостроительным институтом, который отсутствовал в механизме управления сферой правосудия СССР. Участие Советов судей на федеральном уровне и на уровне субъектов Российской Федерации, в управленческих процедурах (назначение руководителей Судебного департамента в субъектах Российской Федерации¹, ежегодное обсуждение результатов их работы²) придает новое качество управлению сферой правосудия. Это качество во многом нивелирует издержки множественности субъектов управления сферой правосудия в судебных системах административно-территориальных единиц России верхнего уровня.

Таким образом противоречие базовых подходов в СССР и Российской Федерации к управлению сферой правосудия, состоит в отсутствии идеологического влияния какой-либо партии и кардинальном отличии компетенции органов, осуществляющих ресурсное обеспечение судов.

Расхождение выражается и в том, что на всем протяжении существования СССР органами ресурсного обеспечения были либо сами суды (начиная с областного, краевого и им равного уровня), либо различные органы исполнительной власти, которые выполняли еще ряд одинаково важных для государства функций.

Все это дает основание систематизации структур, участвующих в административно-государственном управлении сферой правосудия России в 1960—1991 гг., либо в две (органы юстиции и высшие судебные органы), либо в три группы. В последнем варианте классификация структур управления сферой правосудия дополняется группой, в которой функции «по судебному управлению возлагались на общегосударственном уровне на центральный ор-

¹ Ст. 8 Федерального закона «О Судебном департаменте при Верховном Суде Российской Федерации».

² Подп. 2 п. 1 ст. 10 Федерального закона от 14 марта 2002 г. № 30-ФЗ «Об органах судейского сообщества в Российской Федерации».

ган управления, а на местном уровне — на органы правосудия» (Серов Д. О. Указ. соч. С. 19—24).

Библиография

1. Абдулин, Р. С. Формирование и развитие судебного управления в России (февраль 1917 — январь 1998 гг.) : дис. ... д-ра юрид. наук / Р. С. Абдулин. — М., 2015. — 545 с.
2. Божьев, В. П. Организационное руководство судами (судебное управление) / В. П. Божьев, Т. Н. Добровольская, И. Д. Перлов; под общ. ред. И. Д. Перлова. — М., 1966. — 212 с.
3. Ершов, В. В. Статус суда в правовом государстве : монография / В. В. Ершов. — М., 1992. — 206 с.
4. Казаков, А. И. Органы судебного управления РСФСР в период с 1930 по 1970 год : дис. ... канд. юрид. наук / А. И. Казаков. — Свердловск, 1984. 212 с.
5. Карев, Д. С. Организация суда и прокуратуры в СССР : Курс лекций / Д. С. Карев. — Минск, 1960. — 254 с.
6. Кашепов, В. П. О государственном руководстве судами / В. П. Кашепов // Известия высших учебных заведений. Правоведение. — 1978. — № 2. — С. 20—27.
7. Лебедев, В. М. Становление и развитие судебной власти в Российской Федерации / В. М. Лебедев. — М.: РАП, 2000. — 368 с.
8. Маковская, Л. П. Начальный этап строительства органов юстиции РСФСР (1917—1922 гг.) : автореф. дис. ... канд. юрид. наук / Л. П. Маковская. — М., 1975. — 17 с.
9. Олейник, И. И. Организационно-правовые основы становления и развития органов управления юстицией в РСФСР (1917—1936 гг.) : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук / И. И. Олейник. — Владимир, 2006. — 48 с.
10. Перлов, И. Д. Организационное руководство судами (судебное управление) / И. Д. Перлов. — М., 1966. — 212 с.
11. Серов, Д. О. Судебное управление в России: становление и организационные модели / Д. О. Серов // Администратор суда. — 2011. — № 2. — С. 19—24
12. Симкин, Л. С. Основные функции организационного руководства судами (судебного управления) : автореф. дис. ... канд. юрид. наук / Л. С. Симкин. — М., 1978. — 15 с.
13. Смыкалин, А. С. Понятие судебного управления (теоретические и историко-правовые аспекты) / А. С. Смыкалин // Правовые идеи и государственные учреждения (историко-юридические исследования) : Межвуз. сб. научн. трудов. — Свердловск, 1980. — С. 143—148.
14. Судебная власть: институционально-правовые аспекты : монография / под ред. Ю. Н. Туганова. — М.: РГУП, 2019. — 404 с.
15. Судебная власть : научное издание / Абова Т. Е., Абросимова Е. Б., Боровский М. В., Булаковский С. В., и др.; отв. ред. Петрухин И. Л. — М.: ООО «ТК Велби», 2003.

Актуальные вопросы деятельности военных судов в период вооруженных конфликтов

© Леонтьев Вячеслав Николаевич,
кандидат юридических наук, доцент, заместитель
начальника военного учебного центра при
федеральном государственном бюджетном
образовательном учреждении высшего
образования «Российский государственный
университет правосудия»

Аннотация. Данная статья посвящена особенностям деятельности военных судов в период вооруженных конфликтов, актуальным вопросам, возникающим в период вооруженных конфликтов и возможным вариантам их решения. Делается вывод о необходимости дальнейшего развития блока военно-специальных дисциплин, позволяющих сформировать знания, навыки и умения, необходимые для осуществления функциональных обязанностей специалистов военных судов, обладающих специальными знаниями, навыками и умениями для правового обеспечения деятельности Вооруженных Сил Российской Федерации во время военных действий в целях минимизации гибели людей и разрушения материальных ценностей.

Ключевые слова: вооруженный конфликт, деятельность вооруженных сил, военные суды, военнопленный, военнослужащий.

Topical issues of the activity of military courts in the period of armed conflicts

© Leontiev V. N.,
candidate of Legal Sciences, Associate Professor,
Deputy Head of the Military Training Center at the
Federal State Budgetary Educational Institution of
Higher Education " Russian State University of Jus-
tice»

Annotation. This article is devoted to the peculiarities of the activities of military courts in the period of armed conflicts, topical issues that arise during armed conflicts and possible solutions to them. The conclusion is made about the need for further development of the block of military-special disciplines that allows to form the knowledge, skills and abilities necessary for the implementation of the functional duties of specialists of military courts with special knowledge, skills and abilities for the legal support of the activities of the Armed Forces of the Russian Federation during military operations in order to minimize the loss of life and destruction of material values.

Keywords: armed conflicts, the activities of the armed forces, military courts, prisoners of war, military personnel.

В соответствии с ч. 4 ст. 15 Конституции Российской Федерации общепризнанные принципы и нормы международного права и международные договоры Российской Федерации являются составной частью ее правовой системы. Если междуна-

родным договором Российской Федерации установлены иные правила, чем предусмотренные законом, то применяются правила международного договора.

Указом Президиума Верховного Совета СССР от 17 апреля 1954 г.¹ были ратифицированы Женевские конвенции от 12 августа 1949 г., Указом Президиума Верховного Совета СССР от 4 августа 1989 г. были ратифицированы Дополнительный протокол к Женевским конвенциям от 12 августа 1949 г., касающийся защиты жертв международных вооруженных конфликтов (Протокол I), и Дополнительный протокол к Женевским конвенциям от 12 августа 1949 г., касающийся защиты жертв вооруженных конфликтов немеждународного характера (Протокол II).

Анализ международных обязательств Российской Федерации в сфере применения норм международного гуманитарного права показывает, что в условиях правового режима вооруженных конфликтов возникает необходимость наличия специалистов, обладающих специальными знаниями, навыками и умениями для правового обеспечения деятельности Вооруженных Сил Российской Федерации во время военных действий.

В соответствии с ч. 4 ст. 1 Федерального конституционного закона от 23 июня 1999 г. № 1-ФКЗ «О военных судах Российской Федерации» особенности организации и деятельности военных судов в период мобилизации и в военное время определяются соответствующими федеральными конституционными законами. Часть 2 ст. 16 Федерального конституционного закона от 30 января 2002 г. № 1-ФКЗ «О военном положении» определяет, что в случае невозможности осуществления правосудия судами, действующими на территории, на которой введено военное положение, по решению Верховного Суда Российской Федерации может быть изменена территориальная подсудность дел, рассматриваемых в судах. При этом действующее законодательство не устанавливает конкретные правовые нормы, определяющие деятельность военных судов в пе-

риод вооруженных конфликтов (в том числе дислокация, состав, требования к персоналу). Следует отметить, что указанная деятельность в данный период имеет существенную особенность.

Так, например, вышеуказанные конвенции устанавливают, что военнопленные подчиняются законам, уставам и приказам, действующим в вооруженных силах державного в плену государства. Данное государство будет иметь право принимать судебные или дисциплинарные меры в отношении любого военнопленного, совершившего нарушение этих законов, уставов или приказов.

Только военные суды могут судить военнопленного, если только законодательство державного в плену государства не предоставляет специально право гражданским судам судить лиц, принадлежащих к составу вооруженных сил этого государства, за то же преступление, в котором обвиняется военнопленный².

На военнопленных могут быть наложены следующие дисциплинарные взыскания:

- 1) штраф в размере не свыше 50 % аванса в счёт денежного довольствия и платы за работу, не превышающий 30 дней;
- 2) лишение преимуществ, предоставленных сверх того, что предусмотрено Конвенцией;
- 3) внеочередные наряды, не свыше двух часов в день;
- 4) арест.

Продолжительность одного наказания никогда не должна превышать 30 дней.

В указанных выше случаях необходимо рассмотрение материалов о грубом дисциплинарном проступке военным судом³.

² Ст. 82—84 Женевской конвенции от 12 августа 1949 г. «Об обращении с военнопленными».

³ См. Федеральный закон от 1 декабря 2006 г. № 199-ФЗ «О судопроизводстве по материалам о грубых дисциплинарных проступках при применении к военнослужащим дисциплинарного ареста и об исполнении дисциплинарного ареста».

¹ Указ Президиума ВС СССР от 17 апреля 1954 г. «О ратификации Женевских конвенций от 12 августа 1949 года «О защите жертв войны».

В соответствии с п. «л» ч. 1 ст. 37 Федерального закона «О воинской обязанности и военной службе» военнослужащий в случае нахождения в плену считается исполняющими обязанности военной службы (за исключением случаев добровольной сдачи в плен). Представляется, что именно военным судам предстоит определять «добровольность» сдачи в плен.

Военнопленные полностью сохраняют свою гражданскую правоспособность, которой они пользовались до захвата в плен. В случае сомнения в отношении того, является ли лицо, принимающее участие в боевых действиях и попадающее во власть противника, военнопленным, оно считается военнопленным до тех пор, пока его статус не будет определен военным судом¹. Допрос военнопленных должен проводиться на языке, понятном для них, без применения пыток и других мер принуждения. Каждый военнопленный при его допросе обязан сообщить только свою фамилию, имя, отчество, воинское звание, дату рождения и личный номер или, за неимением таковых, другую равноценную информацию.

По результатам допроса (на основании постановления военного суда) и при наличии достаточных данных, что захваченные не являются военнопленными², указываю-

¹ Установление имеющих юридическое значение фактов (отнесение к комбатантам) в соответствии с гл. 28 ГПК РФ.

² *Шпионы* — лица, которые, действуя тайно или обманным путем, собирают или пытаются собирать сведения на территории, контролируемой одной из сторон в конфликте, для последующей передачи их противной стороне. Лица из состава вооруженных сил, захваченные в момент сбора информации на территории, контролируемой противной стороной, будут иметь право на статус военнопленного и не считаются шпионами, если в момент захвата противником одеты в военную форму своих вооруженных сил.

Наемники — лица, специально завербованные и принимающие непосредственное участие в боевых действиях с целью извлечения личной выгоды. При этом они не являются ни гражданами стороны в конфликте, ни лицами, постоянно проживающими на территории, находящейся под ее контролем.

щих на признаки преступления, по которому предварительное следствие обязательно, и при необходимости производства неотложных следственных действий в целях обнаружения и фиксации следов преступления, а также при наличии доказательств, требующих незамедлительного закрепления, изъятия и исследования, начальник органа дознания в пределах компетенции, установленной уголовно-процессуальным законодательством Российской Федерации, возбуждает уголовное дело и производит неотложные следственные действия, после чего направляет уголовное дело руководителю военного следственного органа³.

Рассмотрение в военном суде уголовных дел по ст. 356 УК РФ «Применение запрещенных средств и методов войны» предполагает наличие специальных знаний о средствах и методах ведения войны, ко-

Наемники не входят в состав вооруженных сил воюющих сторон и не выполняют официальные обязанности в их составе по поручению государства, не принимающего участия в конфликте. Не считаются наемниками военные инструкторы и советники, которые официально направляются одним государством для оказания помощи в строительстве вооруженных сил в другое государство, если только они не принимают непосредственного участия в боевых действиях;

Оказавшись во власти противной стороны, и шпионы, и наемники не имеют права на статус военнопленного и подлежат наказанию за свои действия. Однако, наказание им может быть назначено только по приговору компетентного судебного органа, при этом обвиняемым должны быть предоставлены общепризнанные гарантии судебной защиты.

³ См. напр., ст. 276 УК РФ «Шпионаж» — передача, сбор, похищение или хранение в целях передачи иностранному государству, международной либо иностранной организации или их представителям сведений, составляющих государственную тайну, а также передача или сбор информации по заданию иностранной разведки или лица, действующего в ее интересах, иных сведений для использования их против безопасности Российской Федерации, то есть шпионаж, если эти деяния совершены иностранным гражданином или лицом без гражданства. Ст. 359 УК РФ «Наемничество» — вербовка, обучение, финансирование или иное материальное обеспечение наемника, а равно его использование в вооруженном конфликте или военных действиях.

торые могут быть получены только при изучении общевоенных, тактических и тактико-специальных дисциплин.

Таким образом, необходимо законодательно урегулировать мобилизационную подготовку и мобилизационную готовность в системе военных судов Российской Федерации.

На данный момент данную неопределенность позволяет преодолеть подготовка офицеров запаса в военных учебных центрах. Так, квалификационные требования по военно-учетным специальностям выпускников военного учебного центра при федеральном государственном бюджетном образовательном учреждении высшего образования «Российский государственный университет правосудия» являются дополнением к федеральному государственному образовательному стандарту высшего образования по направлению подготовки «Юриспруденция» и представляют собой совокупность требований, обязательных при реализации программы военной подготовки по военной-учетным специальностям юридического профиля.

Область военно-профессиональной деятельности выпускников включает правовое обеспечение повседневной деятельности органов военного управления в мирное и военное время, содействие улучшению их деятельности при помощи правовых средств, обеспечение законности и правопорядка.

Программа подготовки предусматривает изучение следующих групп учебных дисциплин:

1. Общевоенные дисциплины.
2. Тактические и тактико-специальные дисциплины.
3. Военно-специальные дисциплины.

В военном учебном центре осуществляется подготовка по военно-учетной специальности «Судебная работа».

Подготовка выпускников военного учебного центра при федеральном государственном бюджетном образовательном учреждении высшего образования «Российский государственный университет правосудия» по данной военно-учетной специальности позволяет устранить возможные негативные последствия при возникновении правового режима вооруженного конфликта. Изучение общевоенных дисциплин обеспечивает усвоение вопросов применения средств ведения войны, а группа тактических и тактико-специальных дисциплин формирует знания в сфере применения методов ведения войны. Блок военно-специальных дисциплин позволяет сформировать знания, навыки и умения, необходимые для осуществления функциональных обязанностей специалистов военных судов, обладающих специальными знаниями навыками и умениями для правового обеспечения деятельности Вооруженных Сил Российской Федерации во время военных действий в целях сведения к минимуму гибели людей и разрушения материальных ценностей.

Развитие теоретических исследований о сущности и содержании надзорной деятельности органов прокуратуры

© Махьянова Римма Мубаракловна,
преподаватель 25 кафедры Военного университета

Аннотация. В статье раскрыто одно из приоритетных направлений стратегического развития надзорной деятельности органов прокуратуры — совершенствование деятельности органов прокуратуры в ходе организации и осуществления надзорной деятельности; дано определение понятию «надзорная деятельность органов прокуратуры», раскрыто структурное содержание надзорной деятельности органов прокуратуры.

Ключевые слова: органы прокуратуры; надзорная деятельность; стратегия надзорной деятельности органов прокуратуры, тактика надзорной деятельности органов прокуратуры, сущность и содержание надзорной деятельности органов прокуратуры.

Development of theoretical research on the essence and content of the supervisory activities of the Prosecutor's Office

© Makhyanova R. M.,
teacher of the 25th Department of the Military University

Annotation. The article reveals one of the priority directions of the strategic development of the supervisory activities of the prosecutor's office — improving the activities of the prosecutor's office in the organization and implementation of supervisory activities; defines the concept of "supervisory activities of the prosecutor's office", reveals the structural content of the supervisory activities of the prosecutor's office.

Keywords: prosecutor's office bodies; supervisory activity; strategy of supervisory activity of prosecutor's office bodies, tactics of supervisory activity of prosecutor's office bodies, essence and content of supervisory activity of prosecutor's office bodies.

Проблемы повышения эффективности надзорной деятельности органов прокуратуры всегда были и остаются актуальными. Решению данной проблемы, на наш взгляд, во многом способствует проведение теоретических исследований вопросов сущности и содержания надзорной деятельности.

Разработка стратегии и тактики прокурорского надзора является одним из главных условий повышения эффективности надзорной деятельности органов прокуратуры. Стратегия предполагает постановку основных целей и задач, реализация которых осуществляется, в том числе, с помощью тактики и определяет пути совершен-

ствования организации и осуществления надзорной деятельности в целях достижения верховенства законов. Одним из таких стратегических направлений является совершенствование деятельности органов прокуратуры в ходе организации и осуществления надзорной деятельности¹.

В рамках развития данного направления требуется совершенствовать процесс организации и проведения надзорных мероприятий, в связи с чем необходимо провести исследование вопросов сущности и

¹ Махьянова Р. М. Основы стратегии надзорной деятельности: теоретический аспект // Военное право. 2021. № 3. С. 162—165.

содержания надзорной деятельности органов прокуратуры.

В научно-практической литературе по прокурорскому надзору выдвигаются различные точки зрения о сущности и содержании надзорной деятельности органов прокуратуры как основного инструмента обеспечения законности.

Сущность надзорной деятельности раскрывается через определение понятия «надзорная деятельность органов прокуратуры», которое дает целостное представление и отражает ее основную цель. Содержание более подробно раскрывает структурные элементы надзорной деятельности и их взаимосвязь.

Ученые и практики часто дискутируют по данному вопросу, приводят сформулированные понятия надзорной деятельности органов прокуратуры. Так, одни ученые полагают, что надзорная деятельность прокуроров выражается в выявлении нарушений законов, установлении обстоятельств (причин, условий), способствующих их совершению, установлении виновных лиц, принятии установленных законом мер к устранению выявленных нарушений законов и способствующих им обстоятельств, привлечению к ответственности виновных лиц, возмещению причиненного ущерба при наличии такового¹.

Несколько ранее понятие прокурорского надзора формулировалось учеными как специфическая деятельность государственных федеральных органов прокуратуры, осуществляемая от имени Российской Федерации и состоящая в проверке точности соблюдения Конституции Российской Федерации и исполнения законов, действующих на ее территории².

Некоторые исследователи полагают, что прокурорский надзор выражается в деятельности прокуроров, направленной на предупреждение, выявление и пресечение нарушений законов, принятие своевременных мер к их устранению и привлечению

виновных в их совершении лиц к уголовной и иным установленным законом видам юридической (дисциплинарной, административной, материальной)³.

Таким образом, вышеизложенное позволяет сделать вывод о том, что в ходе реализации своих полномочий при проведении надзорных мероприятий и в случае выявления нарушений законов, прокурор обязан принять меры прокурорского реагирования в целях восстановления законности, в том числе к виновным лицам, а также решить вопрос о возмещении причиненного ущерба, наступившего в результате их незаконных действий. Кроме самих правонарушений, прокурор обязан выявить причины и условия, им способствующие, в целях предупреждения совершения в будущем аналогичных нарушений законов.

Рассмотрим более детально вопросы содержания надзорной деятельности органов прокуратуры.

Анализ теоретических исследований надзорной деятельности органов прокуратуры дает основание полагать о том, что ее содержание в настоящее время в теории прокурорского надзора представлено учеными и практиками в виде систематизированных взаимосвязанных этапов (стадий) совершения конкретных действий в ходе проведения надзорных мероприятий.

Некоторые ученые полагают, что надзорная деятельность органов прокуратуры представляет собой прокурорско-надзорный процесс, содержание которого раскрывается в следующих стадиях:

— обнаружение признаков правонарушения и принятие решения о начале прокурорско-надзорного процесса;

— прокурорская проверка (изучение, исследование) обстоятельств правонарушения;

¹ Прокурорский надзор / под ред. д-ра юрид. наук, проф. Ю. Е. Винокурова. М.: Юрайт, 2017. С. 11.

² Там же. С. 9.

³ Настольная книга военного прокурора: пособие / под общ. ред. зам. Генерального прокурора Российской Федерации — Главного военного прокурора С. Н. Фридинского. М.: Граница. 2014. С. 51.

— прокурорское реагирование на правонарушения¹.

С мнением автора предложенной системы можно согласиться в части того, что надзорная деятельность органов прокуратуры выражается в целенаправленных и последовательных действиях прокурора по выявлению и устранению нарушений закона, представляющих собой определенные и взаимосвязанные стадии. Такая деятельность может быть воспринята как процесс в широком смысле слова, который характеризуется последовательной сменой действий, развитием (например, творческий, производственный процесс).

Применительно к надзорной деятельности такая последовательность действий, или процесс, осуществляется прокурорами в границах предоставленных им полномочий в соответствии с требованиями действующего законодательства о прокурорском надзоре. Поэтому, на наш взгляд, возможно употребление термина «процесс» и в теории прокурорского надзора в целях определения организации и осуществления надзорной деятельности, прежде всего, как целеполагающей и последовательной деятельности.

Вместе с тем не представляется целесообразным отождествлять деятельность прокурора, например, с процессуальной деятельностью следователя или судьи, которые при ее осуществлении строго руководствуются нормами кодифицированных нормативных правовых актов и федеральных законов, регламентирующих такие действия.

Надзорная деятельность носит поисковый творческий характер и осуществляется в соответствии с положениями Федерального закона «О прокуратуре Российской Федерации», а также иных законодательных актов о прокурорском надзоре. Именно по особым специфическим характеристикам надзорного органа, присущим только прокуратуре, надзорная деятель-

ность не может быть отождествлена с иной деятельностью.

Федеральный закон «О прокуратуре Российской Федерации» не содержит норм, регламентирующих конкретные действия прокурора при организации и осуществления надзорной деятельности. С одной стороны, это дает возможность каждому из них реализовывать свой профессиональный опыт, полученные знания, навыки и умения, а также личный творческий подход к решению задач и достижению поставленных целей, а с другой — такая неупорядоченность может привести к снижению качества и результативности прокурорского надзора.

По мнению некоторых ученых процесс выявления прокурором правонарушений не что иное, как прокурорское расследование обстоятельств нарушения законности².

Представляется, что в ходе выявления прокурором правонарушений так же, как и при расследовании следователем преступлений, осуществляются сбор и оценка доказательств. Вместе с тем следователем осуществляются процессуальные действия по расследованию имеющегося факта преступления, прокурору же в ходе надзорной проверки предстоит установить, имеет ли место нарушение законности.

Кроме того, в процессе надзорной деятельности прокурор контактирует с неопределенным кругом лиц, в то время как процессуальным законодательством регламентирован перечень участников разбирательства.

Также автором предложено считать первоначальной стадией надзорной деятельности, при условии, что она представляет собой прокурорско-надзорный процесс, обнаружение признаков правонарушения и принятие решения о начале прокурорско-надзорного процесса³.

¹ Князева Е. Г. К вопросу о прокурорско-надзорном процессе // Российский следователь. 2014. № 3. С. 45—49.

² Ломовский В. Д. Стадии прокурорского надзора: понятие, значение, система // Прокурорский надзор и укрепление социалистической законности в советском государстве (сборник научных трудов). Свердловск, 1981. С. 67.

³ Князева Е. Г. Указ. соч.

Термин «обнаружить» означает показать, сделать явным, видимым; найти, отыскать, заметить, раскрыть.

Исходя из опыта проведения надзорных мероприятий, обнаружение признаков нарушений законов или их отсутствие невозможно без проведения прокурорской проверки и совершения в ее процессе целенаправленных надзорных действий, в результате которых и выявляются (либо не выявляются) возможные нарушения законов.

Кроме того, проверка исполнения законов проводится на основании поступившей в органы прокуратуры информации о фактах нарушения законов, требующих принятия мер прокурором, в случае, если эти сведения нельзя подтвердить или опровергнуть без проведения указанной проверки. Решение о проведении проверки принимается прокурором или его заместителем и доводится до сведения руководителя или иного уполномоченного представителя проверяемого органа (организации) не позднее дня начала проверки. В решении о проведении проверки в обязательном порядке указываются цели, основания и предмет проверки.

Здесь следует заметить, что законодателем предпринята попытка упорядочить действия, совершаемые прокурорскими работниками при организации и осуществлении надзорной деятельности.

Завершающим этапом системы надзорной деятельности автор считает принятие мер прокурорского реагирования¹.

Однако на практике не единичны случаи невыполнения, или частичного выполнения требований прокуроров, изложенных в актах прокурорского реагирования.

В Федеральном законе «О прокуратуре Российской Федерации» содержится положение об обязательности выполнения требований прокурора и об ответственности за уклонение от требований прокурора, в связи с чем прокурор обязан проконтро-

лировать реализацию на практике принятых по результатам проверки решений.

Нацеливают на это и правовые акты Генпрокуратуры России. Так, прокурорам предписано принимать обязательное участие в рассмотрении внесенных актов прокурорского реагирования. Контролировать фактическое устранение нарушений законов, принципиально реагировать на неисполнение требований прокурора².

Некоторые ученые характеризуют содержание надзорной деятельности не только как реализацию прокурорами полномочий по выявлению и устранению правонарушений, но и как осуществление иной прокурорской деятельности, связанной с проведением организационных, аналитических и предупредительно-профилактических мероприятий:

1) организация надзора (сбор и анализ сведений о совершении правонарушений, планирование проведения проверок и поручения о проведении проверочных действий другим);

2) выявление нарушений законов, установление причин и условий, им способствующих, установление лиц, виновных в нарушении законов или способствующих этому;

3) устранение нарушений законов, включающее принятие прокурором мер прокурорского реагирования в целях восстановления законности, привлечению к ответственности виновных лиц;

4) предупреждение нарушений законов посредством объявления предостережения о недопустимости нарушения закона, а также путем проведения предупредительно-профилактических мероприятий (бесед, лекций, консультаций, разъяснений и др.);

5) контрольно-проверочный этап, выражающийся в проведении контрольных проверок исполнения законных требований прокуроров, содержащихся в актах

¹ Там же.

² Приказ Генпрокуратуры России от 7 декабря 2007 г. № 195 «Об организации прокурорского надзора за исполнением законов, соблюдением прав и свобод человека и гражданина». П. 16.

прокурорского реагирования, привлечении к ответственности виновных лиц, не выполнивших требования прокуроров;

б) определение эффективности надзорной деятельности с точки зрения ее влияния на состояние законности¹.

Представляется, что приведенная система надзорной деятельности подлежит корректировке.

Под термином «содержание» понимается единство всех основных элементов целого, его свойств и связей, существующее и выражаемое в форме и неотделимое от нее.

Термин «надзирать» означает наблюдать с целью присмотра, проверки². Под деятельностью понимаются занятия, труд³. Проверить — означает удостовериться в правильности чего-н., обследовать с целью надзора, контроля.

Учитывая вышеизложенное, а также обобщенный опыт прокурорской деятельности, представляется, что надзорная деятельность включает в себя, собственно, действия (или их совокупность), связанные с проведением надзорных проверок и реализацией их результатов. В этом нами видится основное содержание надзорной деятельности органов прокуратуры.

Как и другая профессиональная деятельность, процесс осуществления надзорной деятельности органов прокуратуры требует упорядоченности в целях достижения его результативности.

По нашему мнению, надзорная деятельность должна выражаться в конкретных действиях прокурорских работников, совершаемых строго в рамках проводимых надзорных мероприятий (или конкретной проверки). Такой подход обеспечивает возможность четкого разграничения сущ-

ности и содержания надзорной деятельности органов прокуратуры, а также отграничения надзорной деятельности от иной прокурорской деятельности.

Таким образом, структура надзорной деятельности должна состоять из конкретных мероприятий, направленных на обнаружение и полное устранение нарушений законности.

Поэтому, на наш взгляд, не совсем правильным является включение в содержание надзорной деятельности как самостоятельных стадий ее осуществления *организационных* и *аналитических* мероприятий (организация надзора, сбор и анализ сведений о совершении правонарушений, планирование проведения проверок и поручения о проведении проверочных действий другим; определение эффективности надзорной деятельности с точки зрения ее влияния на состояние законности). Сведения, истребуемые прокурорами из поднадзорных, правоохранительных и контролирующих органов, представляют собой *вспомогательный* источник информации о состоянии законности на поднадзорных объектах и отдельных направлениях надзорной деятельности, которые используются прокурорами в ходе организации и осуществления надзорной деятельности.

Организация надзора (или проведение организационных мероприятий) является необходимой *обеспечительной* мерой достижения эффективности проводимых и планируемых надзорных проверок. Кроме того, на основе анализа и оценки поступающей в органы прокуратуры информации о совершении правонарушений возможно оценить состояние законности в конкретном периоде времени, что во многом облегчает проведение организационно-подготовительных мероприятий при подготовке прокурора к проверке. Кроме того, такие сведения могут быть использованы прокурором в целях проведения и планирования предупредительно-профилактических мероприятий на поднадзорных объектах и в средствах массовой информации, в том числе, совместно с

¹ Винокуров Ю. Е. структуре прокурорской деятельности» // Прокурорская деятельность: вопросы теории и практики : Материалы научно-практической конференции, проведенной на юридическом факультете МосГУ 21 ноября 2013 г. М., 2014. С. 3—8.

² Ожегов С. И. Словарь русского языка. М.: ОНИКС, 2007. С. 366.

³ Там же. С. 160.

другими государственными органами для достижения максимального предупредительного эффекта.

В свою очередь, определение эффективности надзорной деятельности носит *аналитический* характер и не может быть воспринято как один из элементов, формирующих структуру надзорной деятельности.

Стадия проведения *предупредительно-профилактических мероприятий* (беседы, лекции, консультации, разъяснения и др.) относится к деятельности органов прокуратуры по предупреждению совершения правонарушений, им способствующих обстоятельств. Здесь представляется уместным подчеркнуть, что принятие прокурором мер, направленных на устранение выявленных нарушений законов (которая является одной из основных стадий надзорной деятельности), также носит предупредительный характер в части недопустимости в дальнейшем совершения аналогичных правонарушений.

Объявление предостережений относится к мерам предупредительного воздействия, однако обязательным условием ее применения является результат надзорных мероприятий. Объявлению предостережений всегда предшествует проведение проверок, в ходе которых должны быть добыты доказательства готовящихся нарушений законов (закона)¹.

В соответствии с требованиями организационно-распорядительных документов Генеральной прокуратуры Российской Федерации применению предостережений должна в обязательном порядке предшествовать проверка сведений о готовящихся противоправных деяниях конкретными должностными лицами с истребованием от них письменных объяснений. Кроме того, предостережение объявляется на основании результатов проведенных проверок, в

том числе по заявлениям и обращениям граждан, информации контролирующих органов и иным конкретным сигналам, содержащим достоверные сведения о готовящихся противоправных деяниях.

Предостережение оформляется в виде специального прокурорского акта в письменной форме².

Некоторые советские исследователи утверждают, что содержание надзорной деятельности составляют следующие стадии:

- 1) выявление нарушений законов и обстоятельств им способствующих;
- 2) анализ полученных сведений;
- 3) реагирования на выявленные нарушения законов и обстоятельства, им способствующие;
- 4) проверка результативности акта прокурорского реагирования³.

Вышеприведенная система в общих чертах отражает основное содержание надзорной деятельности, за исключением такого компонента, как «анализ полученных сведений», который не может быть отнесен к одной из основных стадий надзорной деятельности.

Таким образом, анализ теоретических исследований о сущности и содержании надзорной деятельности, проводимых в науке прокурорского надзора в разное время, свидетельствует о смешении и (или) подмене указанных понятий.

Как указано ранее, сущность надзорной деятельности раскрывается через определение ее понятия, которое должно формировать мысленный образ об этой деятельности, но не раскрывать подробное содержание компонентов, составляющих ее структуру.

По нашему мнению, *надзорная деятельность органов прокуратуры* — это деятельность прокуроров, направленная на

¹ Корякин В. М. Предостережение военного прокурора как превентивное средство обеспечения режима законности в Вооруженных Силах Российской Федерации // Военное право. 2018. № 3. С. 222—237.

² Указание Генеральной прокуратуры Российской Федерации от 6 июля 1999 г. № 39/7 «О применении предостережения о недопустимости нарушения закона». Пункты 2-2.2.

³ Берензон А. Д., Мелкумов В. Г. Работа прокурора по общему надзору (вопросы общей методики). М.: Юридическая литература, 1974. С. 5.

обнаружение и устранение фактов нарушений законов, им способствующих обстоятельств в целях обеспечения верховенства закона и единства законности, защиты охраняемых законом интересов общества и государства.

Предлагается выделить основные *этапы надзорной деятельности*, представляющие определенную систему логически связанных между собой действий, или комплекса действий, совершаемых прокурорами в строгой последовательности (одно за другим).

Каждый этап надзорной деятельности содержит конкретные цели и задачи, выполнение которых в конкретной ситуации требует разработки наиболее целесообразных действий.

Необходимость такого методологического подхода к процессу осуществления надзорных мероприятий основана, прежде всего, на положительном опыте проведения прокурорских проверок и направлена на решение проблем, связанных с повышением эффективности надзорной деятельности органов прокуратуры.

Нормами Федерального закона «О прокуратуре Российской Федерации» и правовых актов Генпрокуратуры России не установлена процедура организации и осуществления надзорной деятельности.

Отсутствие правовой регламентации порядка осуществления надзорной деятельности органов прокуратуры приводит к несогласованности (разрозненности, нескоординированности) действий, совершаемых прокурорами в процессе организации и осуществления надзорных мероприятий, что в значительной степени влияет на достижение их надлежащего качества и результативности, и на выполнение поставленных целей и задач.

Данную позицию поддерживают ученые, исследовавшие проблемы развития прокурорского надзора и правового регулирования прокурорско-надзорного процесса.

Так, некоторые ученые полагают, что каждая из стадий прокурорско-надзорной

деятельности нуждается в специальном исследовании в направлении раскрытия их содержания, совершенствования процедуры осуществления, взаимосвязи и взаимообусловленности действий участников прокурорско-надзорных правоотношений и т.п. Такое исследование позволило бы глубже познать сущность и содержание надзорного процесса в целом, приблизить его к жизненным реальностям для решения задачи обеспечения единства и укрепления законности в государстве¹.

По мнению других, прокурорско-надзорная деятельность должна осуществляться всесторонне, полно и объективно. Для этого требуется исследовательская деятельность, состоящая из последовательных и взаимосвязанных мероприятий, определенная процедура, процессуальные формы, порядок. Процессуальная форма прокурорско-надзорной деятельности — это всегда конкретная задача, обязанность действовать так, а не иначе, в соответствии с законом, это всегда законность деятельности, гарантия установления истины. Стадии прокурорско-надзорного процесса — это, прежде всего, этапы прокурорско-надзорной деятельности, а точнее, прокурорско-надзорного процесса по выявлению и устранению правонарушений, последовательно сменяющие друг друга, образующие определенный порядок, процедуру прокурорского надзора².

В целях единого понимания содержания термина «надзорная деятельность органов прокуратуры» предлагается уточнить вышеприведенные перечни этапов надзорной деятельности.

Так, исходя из опыта прокурорской деятельности, представляется целесообразным выделять следующие *основные этапы* надзорной деятельности:

- 1) проведение проверок;

¹ Беляев В. П. Надзорная форма государственной деятельности в России (вопросы теории). Белгород: «Кооперативное образование», 2001. С. 213.

² Князева Е. Г. Указ. соч.

2) принятие мер прокурорского реагирования по результатам проведенных проверок;

3) контроль за выполнением требований прокурора, изложенных в документах прокурорского реагирования.

Здесь следует отметить, что на каждом этапе надзорной деятельности, исходя из оценки складывающейся надзорной ситуации, прокурором разрабатывается *тактика*, в ходе которой, посредством *поиска* изыскиваются наиболее целесообразные алгоритмы действий.

Необходимость поиска обуславливается возникающей проблемой, под которой нами понимается сложный вопрос, задача, требующие разрешения, исследования; иными словами, когда возникает проблема, требующая разрешения на тактическом уровне. Поиск осуществляется посредством тактического мышления в соответствии с алгоритмом разработки и реализации тактики надзорной деятельности органов прокуратуры. Применительно к надзорной ситуации это — исследование и анализ ее условий и обстоятельств в целях поиска рационального решения.

Обобщенный опыт проведения надзорных мероприятий показывает, что *основные этапы* надзорной деятельности органов прокуратуры (каждый в отдельности) содержат в себе *промежуточные этапы*, способствующие достижению качества и результативности каждого из *основных этапов* надзорной деятельности в отдельности.

Так, на этапе проведения проверки целесообразно выделить еще два промежуточных этапа, к которым относятся:

- подготовка к проверке;
- разбор результатов проверки.

Указанные промежуточные этапы, или их еще можно назвать «подэтапами» (необходимыми частями первого этапа), представляют собой нераздельный от основного этапа «проведения проверки» комплекс действий, обеспечивающий достижение его качества и результативности.

Первым таким *промежуточным этапом* является *подготовка к проверке*, которая включает в себя следующие мероприятия:

1) подготовка прокурора к проверке, в ходе которой прокурор:

- изучает законодательство, относящееся к предмету проверки;

- изучает нормативные правовые акты, регламентирующие деятельность объекта проверки и его должностных лиц;

- в обязательном порядке анализирует надзорную ситуацию, складывающуюся на момент проведения проверки, определяет ее тип;

2) принятие прокурором комплекса организационных мер, способствующих достижению цели проверки, обеспечению ее качества и результативности:

- определение состава проверки, даты, места и способа ее проведения;

- решение вопроса о привлечении специалистов и деятельность по их подготовке к проведению проверки (подготовка перечня вопросов для их разрешения, совместное планирование и реализация конкретных действий). Здесь необходимо отметить, что организационные вопросы решаются прокурором не только на этапе ее подготовки, но и во время проведения проверки (получение дополнительной информации, привлечение специалистов и координация их деятельности, совершение иных необходимых надзорных действий, направленных на достижение цели проверки).

Вторым промежуточным этапом является *разбор результатов проверки*, который проводится по завершении основного этапа проведения проверки, и является очень важным, поскольку напрямую связан с обеспечением реализации результатов проверки и выполнением требований прокурора. При проведении данного мероприятия у прокурора имеется уникальная возможность на месте выяснить оставшиеся проблемные вопросы, обсудить и закрепить собранные в процессе проверки доказательства, установить виновных лиц и

степень их причастности к выявленным нарушениям законов, выслушать от каждого пояснения ситуации, и при необходимости получить дополнительные подтверждения собранных доказательств.

При таком подходе реализуются такие принципы из общих принципов деятельности прокуратуры, как законность и гласность, что в свою очередь требует от прокуроров твердых оснований к принятию мер прокурорского реагирования, которые впоследствии могли быть, в том числе, признаны обоснованными и в судебном порядке, в случае обжалования действий прокурора, что, к сожалению, имеет место быть¹. Разбор результатов проверки позволяет прокурору:

— получить собранные в ходе проверки объективные доказательства (обсудить полученные результаты с должностными лицами, в том числе, с использованием сведений из заключения специалиста (заслушать его пояснения), при необходимости получить повторные письменные объяснения с учетом результатов проверки);

— определиться с мерами прокурорского реагирования (заранее наметить предполагаемые меры реагирования в зависимости от полученных результатов, и сориентировать поднадзорный орган к принятию конкретных мер, в том числе к виновным лицам);

— минимизировать случаи проведения дополнительных проверочных мероприятий по контролю за выполнением законных требований прокурора.

Таким образом, проведение разбора результатов проверки является одновременно вспомогательной (предназначенный в помощь другому) и обеспечительной мерой двух последующих этапов надзорной деятельности органов прокуратуры: принятие мер по результатам проведения проверок; контроль за выполнением требований прокурора, изложенных в документах прокурорского реагирования.

Второй этап надзорной деятельности — «принятие мер по результатам проведения проверок», кроме, собственно, подготовки документов прокурорского реагирования также имеет свой *промежуточный обеспечительный этап* — участие прокурора в рассмотрении акта прокурорского реагирования.

Здесь представляется необходимым отметить, что эффективность данного этапа надзорной деятельности во многом зависит от правильности избранной меры прокурорского реагирования, качественной его подготовки, а также от проявленной прокурором принципиальности в отстаивании своей правовой позиции при рассмотрении акта реагирования.

Как уже было сказано нами ранее, фактические обстоятельства, изложенные в акте прокурорского реагирования должны быть обоснованными и построены на фактических обстоятельствах надзорной ситуации, сложившейся на момент проведения проверки. От качества организации и проведения проверки зависит и качество остальных двух этапов. Таким образом, правильно организованная и проведенная проверка способствует обеспечению качества и результативности двух последующих этапов надзорной деятельности и достижению эффективности надзорной деятельности в целом. На данном этапе, прокурор, посредством применения мер реагирования требует: устранения всех выявленных нарушений законов и способствующих им причин и условий; привлечения к ответственности виновных лиц; возмещения (при наличии оснований) ими причиненного ущерба и предупреждения противоправных деяний в дальнейшем.

Третий этап надзорной деятельности «контроль за выполнением требований прокурора, изложенных в документах прокурорского реагирования» является завершающим. На данном этапе также (при необходимости) могут быть промежуточные обеспечительные этапы: а) деловая переписка с поднадзорным органом, связанная с получением своевременной ин-

¹ Решение Владикавказского гарнизонного военного суда от 17.06.2020 г. по делу № 2а-50/2020/http://yovs.ros.sudrf.ru.

формации о выполнении законных требований прокурора; б) принятие прокурором дополнительных мер (понуждающих) о выполнении требований, изложенных в документах реагирования. Эти действия реализуются прокурором в случае непредставления поднадзорным органом в установленный законом срок информации о результатах рассмотрения документов прокурорского реагирования и принятых по ним мер, а также в случае полного или частичного невыполнения требований прокурора.

Таким образом, предложенная система этапов надзорной деятельности органов прокуратуры будет способствовать разграничению ее сущности и содержания, отграничению от иной прокурорской деятельности — аналитической, организационной, предупредительно-профилактической.

В целях совершенствования порядка организации и проведения надзорных мероприятий, представляется целесообразным регламентировать эту деятельность в специальном нормативном правовом акте, например, в надзорном кодексе прокуратуры Российской Федерации.

Такой подход будет способствовать разработке и реализации стратегии и тактики, развитию приоритетных направлений совершенствования организации и деятельности органов прокуратуры и повышению эффективности прокурорского надзора.

Библиография

1. Беляев, В. П. Надзорная форма государственной деятельности в России (вопросы теории) / В. П. Беляев. — Белгород: «Кооперативное образование», 2001.
2. Берензон, А. Д. Работа прокурора по общему надзору (вопросы общей методики) / А. Д. Берензон, В. Г. Мелкумов. — М.: Юридическая литература, 1974.
3. Винокуров, Ю. Е. О структуре прокурорской деятельности / Ю. Е. Винокуров // Прокурорская деятельность: вопросы теории и практики : Материалы научно-практической конференции, проведенной на юридическом факультете МосГУ 21 ноября 2013 г. М., 2014.
4. Князева, Е. Г. К вопросу о прокурорско-надзорном процессе / Е. Г. Князева // Российский следователь. — 2014. — № 3.
5. Корякин, В. М. Предостережение военного прокурора как превентивное средство обеспечения режима законности в Вооруженных Силах Российской Федерации / В. М. Корякин // Военное право. — 2018. — № 3. — С. 222—237.
6. Ломовский, В. Д. Стадии прокурорского надзора: понятие, значение, система / В. Д. Ломовский // Прокурорский надзор и укрепление социалистической законности в советском государстве (сборник научных трудов). — Свердловск, 1981.
7. Махьянова, Р. М. Основы стратегии надзорной деятельности: теоретический аспект / Р. М. Махьянова // Военное право. — 2021. — № 3.
8. Настольная книга военного прокурора : пособие / под общ. ред. зам. Генерального прокурора Российской Федерации — Главного военного прокурора С. Н. Фридинского. — М.: Граница. 2014.
9. Прокурорский надзор : учебник / под ред. д-ра юрид. наук, проф. Ю. Е. Винокурова. — М.: Юрайт, 2017.

О возмещении судебных (процессуальных) издержек: практика военных судов

© Харитонов Станислав Станиславович,
полковник юстиции запаса, кандидат юридиче-
ских наук, профессор

© Шарапов Сергей Николаевич,
полковник юстиции запаса, кандидат юридиче-
ских наук, доцент

Аннотация. В статье на примерах из судебных решений военных судов предложены правовые позиции по вопросам, относящимся к порядку распределения судебных (процессуальных) издержек при производстве по уголовному делу.

Ключевые слова: процессуальные издержки, уголовное судопроизводство, военные суды.

On reimbursement of legal (procedural) costs: military court practice

© Kharitonov S. S.,
Colonel of Justice of the Reserve, candidate of legal
sciences, professor

© Sharapov S. N.,
Colonel of Justice of the Reserve, Candidate of Le-
gal Sciences, Associate Professor

Resume. Using examples from court decisions of military courts, the article proposes legal positions on issues related to the distribution of judicial (procedural) costs in criminal proceedings.

Key words: procedural costs, criminal proceedings, military courts.

Уголовно-процессуальный закон определяет обязательность и порядок возмещения расходов по уголовному делу. Так, согласно ст. 131 УПК РФ процессуальными издержками являются связанные с производством по уголовному делу расходы, которые возмещаются за счет средств федерального бюджета либо средств участников уголовного судопроизводства. При этом виды процессуальных издержек при производстве по уголовному делу, перечень которых в силу положений п. 9 ч. 2 ст. 131 УПК РФ не является исчерпывающим, указаны в ч. 2 ст. 131 УПК РФ.

Верховным Судом Российской Федерации в Постановлении Пленума от 19 декабря 2013 г. № 42 «О практике применения судами законодательства о процессу-

альных издержках по уголовным делам» в целях обеспечения единства судебной практики по применению законодательства о процессуальных издержках при осуществлении уголовного судопроизводства были даны соответствующие разъяснения.

Вместе с тем юристы, как ученые, так и практики, полагают нынешний институт процессуальных издержек небезупречным¹

¹ См. подробнее: Воробьев А. Г. Актуальные вопросы назначения уголовного наказания в виде ограничения по военной службе по совокупности преступлений в практике военных судов // Право в Вооруженных Силах — военно-правовое обозрение. 2011. № 3 (165). С. 117—118; Зюбанов Ю. А. Генезис российской науки уголовного права : монография. М.: Юрлитинформ; 2020; Загорский Г. И., Зюбанов Ю. А. Зарождение принципов уголовного правосудия // Российское правосудие.

в связи с неопределенностью в регулировании применения органами предварительного следствия и судов ряда требований ст. 131 и 132 УПК РФ по взысканию процессуальных издержек, что ведет к нарушениям прав участников уголовного судопроизводства, и подтверждается следующими примерами из практики военных судов.

Необходимые и оправданные расходы, связанные с выплатой вознаграждения представителю потерпевшего, подтвержденные соответствующими документами, подлежат возмещению потерпевшему.

Адвокат Т. на основании соглашений от 9 апреля и 18 августа 2018 г. оказывал потерпевшему Ш. юридическую помощь в ходе всего производства по уголовному делу в отношении М., осужденного за совершение преступления, предусмотренного ч. 2 ст. 293 УК РФ. Согласно имеющимся квитанциям мать потерпевшего Ш. — И. фактически оплатила за оказанные адвокатом юридические услуги 70 000 руб.

2020. № 2. С. 5—11; Мелешко П. Е. Бланкетность норм главы 33 Уголовного Кодекса Российской Федерации, действующих по кругу лиц, как условие применения обратной силы уголовного закона // *Право в Вооруженных Силах — военно-правовое обозрение*. 2012. № 1 (175). С. 107—109; Моргуленко Е. А., Бударин Р. В. Воинское должностное лицо как субъект преступлений против военной службы // *Научная дискуссия: вопросы юриспруденции*. 2016. № 11 (50). С. 117—121; Смирнов Д. В. Условия освобождения военнослужащих от уголовной ответственности с назначением судебного штрафа: вопросы возмещения ущерба и заглаживания причиненного вреда // *Военное право*. 2020. № 3. С. 261—270; Сотникова В. В., Абдулхаков Ж. Э. Актуальные проблемы института освобождения от уголовной ответственности с назначением судебного штрафа // *Военное право*. 2018. № 3 (49). С. 197—213; Харитонов С. С., Смирнов Д. В. О некоторых спорных вопросах военно-судебной практики по уголовным делам // *Право в Вооруженных Силах — военно-правовое обозрение*. 2021. № 4 (285). С. 51—65; Харитонов С. С., Шарипов С. Н. О практике применения военными судами требований уголовно-процессуального законодательства // *Право в Вооруженных Силах — военно-правовое обозрение*. 2021. № 6 (287). С. 53—66, и др.

Снижая размер суммы расходов на представителя, подлежащих возмещению потерпевшему, до 45 000 руб., судья гарнизонного военного суда в постановлении сослался на категорию и сложность дела, продолжительность его предварительного расследования и рассмотрения в судах, посчитал их разумными и оправданными, однако каких-либо конкретных обстоятельств в обоснование своих выводов не привел.

Вместе с тем, в соответствии с материалами уголовного дела адвокат Т. выполнил взятые на себя по соглашениям обязательства, принял участие во всех следственных действиях с участием потерпевшего, находившегося в связи с полученной травмой на стационарном лечении в медицинском учреждении (допрос, объявление о составе следственной группы, ознакомление с назначением и заключениями экспертиз, уведомление об окончании следственных действий, ознакомление с материалами дела), а также в двух судебных заседаниях гарнизонного военного суда и в заседании окружного военного суда, кроме того им были заявлены ходатайства, подготовлены и поданы искомое заявление о компенсации потерпевшему морального вреда и апелляционная жалоба на постановленный приговор, которые были частично удовлетворены.

Учитывая сложность уголовного дела и его объем, количество проведенных процессуальных действий, объем подтвержденных материалами дела оказанных адвокатом потерпевшему юридических услуг в ходе предварительного расследования с апреля по июнь 2018 г. и судебного разбирательства с июля по октябрь 2018 г., суд апелляционной инстанции посчитал, что размер выплаченного адвокату Т. денежного вознаграждения за оказанные юридические услуги в общей сумме 70 000 руб., исходя из имеющихся в деле доказательств, соответствует выполненной адвокатом работе, а поэтому явно чрезмерным не является.

При таких обстоятельствах, поскольку изложенные судьей гарнизонного военного

суда выводы не соответствовали установленным фактическим обстоятельствам, апелляционным постановлением окружной военной суд постановление суда первой инстанции в этой части изменил, постановив возместить потерпевшему расходы на оплату услуг представителя в полном, подтвержденном документально, размере¹.

Если обвиняемый отказался от защитника, но это заявление судом не удовлетворено, и при этом являющийся адвокатом защитник участвовал в уголовном деле по назначению суда, то расходы на оплату труда адвоката возмещаются за счет средств федерального бюджета.

Гарнизонным военным судом при постановлении приговора принято решение о взыскании с осужденного А. в доход государства процессуальных издержек, связанных с выплатой вознаграждения адвокату, защищавшему интересы указанного лица по назначению в ходе предварительного следствия, на общую сумму 2 875 руб.

Согласно ч. 1 ст. 131 УПК РФ процессуальными издержками являются связанные с производством по уголовному делу расходы, которые возмещаются за счет средств федерального бюджета либо средств участников уголовного судопроизводства. В силу ч. 4 ст. 132 УПК РФ, если обвиняемый заявил об отказе от защитника, но отказ не был удовлетворен и защитник участвовал в уголовном деле по назначению, то расходы на оплату труда адвоката возмещаются за счет средств федерального бюджета.

Согласно разъяснениям, изложенным в п. 7 Постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 19 декабря 2013 г. № 42 «О практике применения судами законодательства о процессуальных издержках по уголовным делам», с осужденного не взыскиваются суммы, выпла-

ченные защитнику, в случаях, если лицо заявило об отказе от защитника, но отказ не был удовлетворен и защитник участвовал в уголовном деле по назначению.

Как видно из материалов дела, А. на предварительном следствии, до принятия следователем решения о допуске к участию в деле в качестве защитника адвоката по назначению, заявил об отказе от защитника по основаниям, не связанным со своей имущественной несостоятельностью. При таких обстоятельствах расходы на оплату труда адвоката в указанной выше сумме подлежат возмещению за счет средств федерального бюджета.

В этой связи окружным военным судом в апелляционном порядке приговор суда изменен, процессуальные издержки постановлено возместить за счет средств федерального бюджета².

В случае производства экспертизы по уголовному делу в негосударственном учреждении расходы, связанные с ее производством, могут быть взысканы с осужденного.

По приговору гарнизонного военного суда Т. осужден по ч. 1 ст. 285 УК РФ к штрафу в размере 75 000 руб. Процессуальные издержки по делу в размере 49 980 руб., выплаченные адвокату за оказание им юридической помощи в уголовном судопроизводстве по назначению, а также 68 000 руб., израсходованные на производство судебной экспертизы, взысканы с осужденного в федеральный бюджет.

Однако, с учетом разъяснений, данных в п. 3 Постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 19 декабря 2013 г. № 42 «О практике применения судами законодательства о процессуальных издержках по уголовным делам», в состав процессуальных издержек не входят суммы, израсходованные на производство судебной экспертизы в государственных су-

¹ Обзор судебной практики гарнизонных военных судов по уголовным делам и материалам за первое полугодие 2020 г., утвержденный на заседании президиума 1-го Западного окружного военного суда 20 июля 2021 г. URL: <http://1zovs.spb.sudrf.ru/modules.php?name=document&id=278> (дата обращения 08.07.2021).

² Апелляционное определение Центрального окружного военного суда от 14 сентября 2021 г. URL: https://covs-svd.sudrf.ru/modules.php?name=sud_delo&srv_num=1&name_op=doc&number=107298&delo_id=4&new=4&text_number=1 (дата обращения 08.07.2021).

дебно-экспертных учреждениях, поскольку их деятельность финансируется за счет средств федерального бюджета или бюджетов субъектов Российской Федерации в соответствии со ст. 37 Федерального закона «О государственной судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации».

Согласно разъяснениям, данным в п. 5 Постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 21 декабря 2010 г. № 28 «О судебной экспертизе по уголовным делам», при невозможности производства экспертизы в государственном судебно-экспертном учреждении, обслуживающем определенную территорию, в связи с отсутствием эксперта конкретной специальности или надлежащей материально-технической базы, либо специальных условий для выполнения исследований, а также при наличии обстоятельств, указанных в ст. 70 УПК РФ, то есть когда все компетентные государственные судебно-экспертные учреждения на данной территории не могут выступить в этом качестве, ее производство может быть поручено государственным судебно-экспертным учреждениям, обслуживающим другие территории, негосударственному судебно-экспертному учреждению или лицу, не работающему в судебно-экспертном учреждении.

В определении (постановлении) о назначении экспертизы должно быть мотивировано поручение исследований экспертным учреждениям либо конкретному лицу.

Как усматривается из материалов данного дела, в отношении Т. комплексная бухгалтерская судебная экспертиза для определения стоимости незаконно списанных подсудимым лечебного питания и медикаментов проведена по инициативе органов предварительного следствия в негосударственном учреждении. При этом мотивов, по которым производство экспертизы не могло быть поручено государственным экспертным учреждениям, обслуживающим К. край, либо находящимся за его пределами, в соответствующем постанов-

лении не приведено, необходимость и оправданность расходов на проведение экспертизы материалами дела не подтверждены.

При таких обстоятельствах обязанность по возмещению данных процессуальных издержек не могла быть возложена на осужденного¹.

Взыскание с осужденного процессуальных издержек в пользу конкретных лиц, а не в доход государства, противоречит требованиям закона.

По приговору гарнизонного военного суда ефрейтор П. осужден за совершение преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 350 УК РФ, и с него взысканы в пользу потерпевшего Ж. процессуальные издержки, выплаченные адвокату за оказание юридической помощи в ходе предварительного следствия и представительство в суде, в размере 10 000 руб.

Суд апелляционной инстанции пришел к выводу о том, что приговор в этой части не соответствует нормам уголовно-процессуального закона.

В соответствии с ч. 1 ст. 131 УПК РФ процессуальными издержками являются связанные с производством по уголовному делу расходы, которые возмещаются за счет средств федерального бюджета либо средств участников уголовного судопроизводства.

Согласно п. 1¹ ч. 2 ст. 131 УПК РФ суммы, выплачиваемые потерпевшему на покрытие расходов, связанных с выплатой вознаграждения представителю потерпевшего, относятся к процессуальным издержкам.

По смыслу закона расходы, связанные с производством по делу, возлагаются на орган, в производстве которого находится уголовное дело.

¹ Обзор судебной практики гарнизонных военных судов по уголовным делам и материалам за первое полугодие 2020 г., утвержденный постановлением президиума Южного окружного военного суда 15 июля 2020 г. № 21 URL: http://yovs.ros.sudrf.ru/modules.php?name=sud_community&id=291 (дата обращения 08.07.2021).

Взыскание процессуальных издержек напрямую с осужденного в пользу участников судопроизводства (потерпевшего), а не в доход государства противоречит требованиям закона. В этой связи расходы потерпевшего по оплате услуг представителя подлежат возмещению судом за счет средств федерального бюджета с последующим взысканием этих процессуальных издержек с осужденного в доход государства.

Эти положения закона не были учтены судом первой инстанции, в связи с чем решение о взыскании с осужденного в пользу потерпевшего расходов по оплате труда его представителя было отменено окружным военным судом, а дело в этой части передано на новое рассмотрение в порядке гл. 47 УПК РФ¹.

В соответствии со ст. 132 УПК РФ процессуальные издержки не подлежат взысканию с лица, в отношении которого уголовное дело прекращено судом.

Постановлением гарнизонного военного суда уголовное дело в отношении Е. по обвинению в совершении преступления, предусмотренного п. «б» и «в» ч. 2 ст. 158 УК РФ, прекращено на основании ст. 25¹ УПК РФ в связи с назначением меры уголовно-правового характера в виде судебного штрафа в размере 30 000 руб.

При этом с Е. постановлено взыскать процессуальные издержки, связанные с выплатой вознаграждения защитнику по назначению в размере 1 250 руб.

Вместе с тем, разрешая вопрос о процессуальных издержках, суд не учел требования ч. 1 ст. 132 УПК РФ и разъяснения, изложенные в п. 5¹ Постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 19 декабря 2013 г. № 42 «О практике применения судами законодательства о процессуальных издержках по уголовным делам», согласно которым про-

цессуальные издержки взыскиваются с осужденного или возмещаются за счет средств федерального бюджета, при этом суд не вправе возложить обязанность по возмещению расходов, относящихся к процессуальным издержкам, на обвиняемого (подсудимого), в отношении которых не был постановлен обвинительный приговор.

Поскольку уголовное дело в отношении Е. прекращено по указанным выше основаниям, и он не являлся осужденным, процессуальные издержки не могли быть взысканы с него в рамках процедуры, установленной УПК РФ.

Апелляционным постановлением окружного военного суда постановление гарнизонного военного суда изменено, из его резолютивной части исключено указание о взыскании с Е. процессуальных издержек.²

В заключение подчеркнем, что анализ практики деятельности военных судов по распределению процессуальных издержек в порядке уголовного судопроизводства свидетельствует о необходимости вдумчивого подхода к принятию правовых решений для обеспечения их законности, обоснованности и мотивированности.

Библиография

1. Воробьев, А. Г. Актуальные вопросы назначения уголовного наказания в виде ограничения по военной службе по совокупности преступлений в практике военных судов / А. Г. Воробьев // Право в Вооруженных Силах — военно-правовое обозрение. — 2011. — № 3 (165). — С. 117—118.
2. Зюбанов, Ю. А. Генезис российской науки уголовного права : монография / Ю. А. Зюбанов. — М. Юрлитинформ, 2020. — 440 с.
3. Загорский, Г. И. Зарождение принципов уголовного правосудия / Г. И. Загорский, Ю. А. Зюбанов // Российское правосудие. — 2020. — № 2. — С. 5—11.
4. Мелешко, П. Е. Бланкетность норм главы 33 Уголовного Кодекса Российской Федерации,

¹ Обзор судебной практики окружных (флотских) военных судов по уголовным делам в 2019 году, утвержденный Президиумом Верховного Суда Российской Федерации 30 сентября 2020 г. URL: http://severnfyvs.mrm.sudrf.ru/modules.php?name=document_sud&id=325 (Дата обращения 08.07.2021).

² Обзор судебной практики гарнизонных военных судов по уголовным делам и материалам за 2020 г., утвержденный постановлением президиума Южного окружного военного суда URL: http://yovs.ros.sudrf.ru/modules.php?name=sud_community&id=297 (дата обращения 08.07.2021).

действующих по кругу лиц, как условие применения обратной силы уголовного закона / П. Е. Мелешко // Право в Вооруженных Силах — военно-правовое обозрение. — 2012. — № 1 (175). — С. 107—109.

5. Моргуленко, Е. А. Воинское должностное лицо как субъект преступлений против военной службы / Е. А. Моргуленко, Р. В. Бударин // Научная дискуссия: вопросы юриспруденции. — 2016. — № 11 (50). — С. 117—121.

6. Смирнов, Д. В. Условия освобождения военнослужащих от уголовной ответственности с назначением судебного штрафа: вопросы возмещения ущерба и заглаживания причиненного вреда / Д. В. Смирнов // Военное право. — 2020. — № 3. — С. 261—270.

7. Сотникова, В. В. Актуальные проблемы института освобождения от уголовной ответственности с назначением судебного штрафа / В. В. Сотникова, Ж. Э. Абдулхаков // Военное право. — 2018. — № 3 (49). — С. 197—213.

8. Харитонов, С. С. О некоторых спорных вопросах военно-судебной практики по уголовным делам / С. С. Харитонов, Д. В. Смирнов // Право в Вооруженных Силах — военно-правовое обозрение. — 2021. — № 4 (285). — С. 51—65.

9. Харитонов, С. С. О практике применения военными судами требований уголовно-процессуального законодательства / С. С. Харитонов, С. Н. Шарапов // Право в Вооруженных Силах — военно-правовое обозрение. — 2021. — № 6 (287). — С. 53—66.

Уголовно-процессуальные и криминалистические аспекты допроса обвиняемого

© Баркалова Елена Владимировна,
кандидат юридических наук, доцент кафедры
уголовного процесса и криминалистики Санкт-
Петербургского юридического института (фили-
ала) Университета Прокуратуры Российской Фе-
дерации

Аннотация. В настоящей статье проанализированы актуальные уголовно-процессуальные и криминалистические вопросы производства допроса обвиняемого. Рассматриваются вопросы защиты прав обвиняемого в ходе допроса, процессуальный порядок допроса, использование тактических и психологических приемов в ходе допроса, в том числе нетрадиционных методов допроса — нейролингвистического программирования и полиграфа.

Ключевые слова: уголовный процесс, криминалистика, допрос, обвиняемый, тактический прием, нейролингвистическое программирование, психофизиологическая экспертиза

Criminal procedural and criminalistic aspects of interrogation of accused

© Barkalova E. V.,
Candidate of Legal Sciences, Associate Professor of
the Department of Criminal process and criminalis-
tics of St. Petersburg Law Institute (branch office) of
the University of Prosecutor Office of the Russian
Federation

Abstract. In this article are analyzed the actual criminal procedural and criminalistic issues of interrogation of accused. The issues of protection of the rights of accused during interrogation, procedural order of interrogation, the use of tactical and psychological techniques during interrogation, including non-traditional methods of interrogation — neyrolinguistic programming and polygraph, are analyzed.

Key words: criminal trial, criminalistics, interrogation, accused, tactical reception, neyrolinguistic programming, psychophysiological examination.

При анализе протокола любого следственного действия необходимо выделять уголовно-процессуальную и криминалистическую составляющие, на что обращается внимание как учеными¹, так и юри-

стами-практиками, в том числе в ведомственных подзаконных нормативных правовых актах². Допрос обвиняемого — одно

¹ Криминалистический анализ и оценка прокурором материалов уголовного дела : монография / Н. А. Данилова [и др.] ; отв. ред. В. Н. Исаенко. М.: Акад. Генеральной прокуратуры Рос. Федерации, 2013. С. 38—39; Маевский С. А. Тактика проведе-

ния отдельных следственных действий с участием защитника с учетом складывающихся следственных ситуаций : автореф. дис. ... канд. юрид наук. М., 2010. С. 8.

² Приказ Генерального прокурора Российской Федерации от 28 декабря 2016 г. № 826 «Об организации прокурорского надзора за

из основных следственных действий, производящихся в обязательном порядке по всем уголовным делам. Законодатель установил единственное ограничение относительно тактики производства допроса обвиняемого — запрет на постановку наводящих вопросов (ч. 2 ст. 189 УПК РФ), в остальном следователю предоставлена определенная свобода в организации допроса обвиняемого с учетом необходимости соблюдения принципов уголовного судопроизводства и общих правил производства следственных действий (ст. 164 УПК РФ).

Криминалистическая составляющая допроса обвиняемого предполагает определение следователем структуры допроса, содержания задаваемых вопросов, выбор тактических приемов в зависимости от линии поведения допрашиваемого лица и следственной ситуации, применения дополнительных средств фиксации следственного действия. В юридической литературе приведены различные классификации тактических приемов, используемых следователем при проведении допроса, наиболее распространенной среди которых является объединение приемов в группы в зависимости от сложившейся следственной ситуации: конфликтной или бесконфликтной (со строгим и нестрогим соперничеством)¹.

В связи с этим выбор тактических приемов будет сделан после выяснения реакции допрашиваемого на предъявленное обвинение. При этом обвиняемый может полностью отрицать совершение деяния, выдвигая версию об алиби или ссылаясь на непроступный характер своих действий, признавать свою вину полностью или частично. В любом случае необходимо

зафиксировать в протоколе допроса позицию обвиняемого и желание давать им показания.

Виды используемых приемов при производстве допроса изучались юридической наукой еще в советский период². В дальнейшем проводились научные исследования о способах дезавуирования стороной защиты доказательств, полученных органами предварительного расследования, и противодействия им стороной обвинения на предварительном следствии и в суде³.

Актуальным представляется использование психологических приемов при производстве допроса обвиняемого, направленных на установление и поддержание психологического контакта, активизацию допрашиваемого к даче показаний⁴. Проанализировав сведения о личности обвиняемого, в том числе при помощи психолога, следователь может определить его психотип и в зависимости от сложившейся следственной ситуации использовать как вербальные, так и невербальные средства

² Ароцкер Л. Е. Тактика и этика судебного допроса. М.: Юридическая литература, 1969. С. 43. Доспулов Г. Г. Психология допроса на предварительном следствии. М.: Юридическая литература, 1976. С. 173—174. Порубов Н. И. Научные основы допроса на предварительном следствии / 3-е изд., перераб. Минск: Высш. Школа, 1978. С. 30—86, 118—142.

³ Бабаева Э. У. Преодоление противодействия следствию при производстве отдельных процессуальных действий (криминалистические программы) : учебное пособие. СПб. : СПбЮИГПРФ, 2004. С. 11—21; Шевченко В. М. Тактические приемы разоблачения ухищрений лиц, совершивших преступления : монография. СПб.: Санкт-Петербургский университет МВД России, 2006. С. 10—60, 162—189.

⁴ Друпкин Л. Я. Использование методики рефлексивного моделирования при изучении темы "Тактика допроса подозреваемого в конфликтной ситуации" // Российский юридический журнал. 2013. № 6. С. 96—102. Васильев В. Л. Юридическая психология : учебник для вузов / 5-е изд., перераб. и доп. СПб.: Питер, 2003. С. 487—504; Подголин Е. Е. Тактика следственных действий : учебное пособие / изд. 2-е, перераб. и доп. Под ред. И. Е. Быховского. Л.: Институт усовершенствования следственных работников, 1986. С. 37—57; Соловьев А. Б. Использование доказательств при допросе. М.: Юрид. лит., 1981.

процессуальной деятельностью органов предварительного следствия» (п. 1.11).

¹ Питерцев С. К., Степанов А. А. Тактика допроса. СПб.: Питер, 2001. С. 41—42, 46—76. Ратинов А. Р. Судебная психология для следователей. М.: Юрлитинформ, 2001. С. 177—206, 232—259. Руководство для следователей / под ред. Н. А. Селиванова, В. А. Снеткова. М.: ИНФРА-М, 1998. IV. С. 306—320.

коммуникации при производстве допроса обвиняемого.

Профессор В. Л. Васильев, один из основоположников юридической психологии, проанализировал психологию динамики допроса, выделив в его структуре 6 стадий, уделил внимание этической составляющей допроса и обратил внимание на важность использования как вербальных, так и невербальных средств коммуникации в процессе допроса, в частности исследовал отражение эмоций в мимике допрашиваемого лица¹.

Отдельного внимания заслуживает проблема использования «нетрадиционных» методов ведения допроса обвиняемого, включая биоритмологию, генотипоскопию, введение допрашиваемого в состояние гипнотического сна и другие. Более 15 лет назад специалистами в области юридической психологии было предложено использование при допросе «техники» нейролингвистического программирования, заимствованной из сферы психологии деловых взаимоотношений². Однако, ученые весьма критически относятся к применению нетрадиционных тактических при-

емов допроса³, указывая на их противоречие нормам морали и нравственности, отсутствие научного обоснования и достоверности результатов, а также процессуальной регламентации. Если первые три критерия связаны с сущностным восприятием предлагаемых методов при производстве допроса, то последний носит формальный характер и является определяющим в легитимности использования той или иной методики допроса⁴.

На сегодняшний день актуальным является вопрос о применении полиграфа при допросе⁵. Отдельными ведомствами проводится психофизиологическая экспертиза лица с использованием полиграфа (п. 19.1 Приложения № 2 к приказу МВД России «Перечень родов (видов) судебных экспертиз, производимых в экспертно-криминалистических подразделениях органов внутренних дел Российской Федерации» от 29 июня 2005 г. № 511). В то же время судебная практика свидетельствует о том, что заключения подобных экспертиз, как правило, не используются в качестве доказательства в суде (в частности, Определение Верховного Суда Российской Федерации от 10 октября 2013 г. № 212-Д13-3; Апелляционное определение Верховного суда Российской Федерации от 16 октября 2013 г. № 49-АПУ13-29СП), хотя имеются и противоположные судебные решения по данному вопросу⁶. Помимо

¹ Васильев В. Л. Юридическая психология : учебник для вузов / 5-е изд., перераб. и доп. СПб.: Питер, 2003. С. 487—504.

² Головкин Р. Б. Нейролингвистическое программирование в подготовке юристов и реализации юридической техники: Электронный ресурс / Р. Б. Головкин // <https://cyberleninka.ru/article/n/neyrolingvisticheskoe-programmirovaniye-v-podgotovke-yuristov-i-realizatsii-yuridicheskoy-tehniki>; Савельева М., Степанов В. Нейролингвистическое программирование в следственной практике // Законность. 2006. № 5. С. 16—17; Торшин Р. В. Применение новейших методов выявления лжи в следственной практике // Следственная практика: научно-практический сборник. М.: Академия Генеральной прокуратуры РФ. Вып. 187. 2012. С. 135—144; Ратников Б. К. К вопросу о манипулировании сознанием (нейролингвистическое программирование и его возможности) // Юридическая психология. 2007. № 3. С. 42—45; Китаев И. Н. Использование парапсихологии при раскрытии и расследовании преступлений (результаты международных исследований) // Юридическая психология. 2007. № 3. С. 45—47.

³ Ларин А. М. Криминалистика и паракриминалистика: научно-практическое и учебное пособие. М.: БЕК. С. 58—60.

⁴ Холевчук А. Г. Использование методов нейролингвистического программирования в криминалистической деятельности: миф или реальность? // Библиотека криминалиста. 2015. № 6 (23). С. 251.

⁵ Гатауллин З. Ш., Жадан В. Н. Законно ли использование полиграфа в ходе следственных действий по делам о преступлениях террористического характера? // Российский следователь. 2016. № 9. С. 3—6; Прокофьева Н. В., Неробеев А. А. Применение полиграфа при расследовании злоупотреблений должностными полномочиями, совершенного сотрудниками правоохранительного органа // Законность. 2013. № 2. С. 50—54.

⁶ Апелляционное определение Верховного Суда Российской Федерации от 8 октября 2013 г. № 2-

неоднозначной позиции научного сообщества по поводу законности применения нетрадиционных методов ведения допроса обвиняемого, следует отметить, что в связи со сформировавшейся судебной практикой в части соблюдения права на защиту, включая допуск защитника к участию в следственных действиях еще на стадии проведения проверки в порядке ст. 144, 145 УПК РФ¹, спектр «нетрадиционных» тактических приемов, применяемых следователем при производстве допроса обвиняемого, является ограниченным. Рассуждая об эффективности использования традиционных методов ведения допроса обвиняемого, следует отметить, что их выбор зависит от вида инкриминируемого преступления, рецидива совершения преступления.

Обвиняемый приобретает соответствующий статус после предъявления обвинения в совершении преступления, предусмотренного конкретной статьей УК РФ². В случае выявления в процессе расследования иных преступлений, обвиняемому должно быть предъявлено дополнительное обвинение и сразу же проведен после этого дополнительный допрос. Рекомендации по использованию дополнительных средств фиксации хода и результатов допроса обвиняемого приводятся в ряде работ ученых-криминалистов³.

АПУ13-13СП; Кассационное определение Верховного Суда Российской Федерации от 4 октября 2012 г. № 34-О12-12.

¹ Ларинков А. А., Шиплюк В. А. Уголовно-процессуальная проверка в стадии возбуждения уголовного дела : учебное пособие. СПб.: Санкт-Петербургский юрид. институт (филиал) Акад. Генеральной прокуратуры Рос. Федерации, 2015. С. 45, 46, 48—51.

² Шадрин В. С. Уголовное досудебное производство: ответы на вопросы следователей и прокуроров. СПб. : Санкт-Петербургский юрид. институт (филиал) Акад. Генеральной прокуратуры Рос. Федерации, 2009. С. 57—58, 60.

³ Тетюев С. В. Допрос несовершеннолетнего обвиняемого в стадии предварительного расследования (процессуальный и криминалистический аспекты) / под ред. А. В. Кудрявцевой. М.: Юрлитинформ, 2010. С. 179—195; Холопов А. В. Применение цифровых технологий

Круг участников допроса определен общими положениями п. 7, 8 ч. 4 ст. 47, ч. 3 ст. 49, п. 5 ч. 1 ст. 53 УПК РФ, а также ст. 48, ч. 1 ст. 51, ст. 425, 426 УПК РФ — применительно к допросу несовершеннолетнего обвиняемого⁴. Неучастие указанных лиц является основанием для признания протокола допроса недопустимым доказательством (ч. 3 ст. 88 УПК РФ)⁵. Защитник имеет право консультировать своего клиента без ограничения продолжительности, заявлять ходатайства о приостановлении допроса для выработки позиции. Однако, необходимо различать оказание юридической помощи и злоупотребления со стороны адвокатов, дающих ответы на вопросы вместо обвиняемого на допросе⁶.

Если допрашиваемое лицо — иностранный гражданин, даже не смотря на длительное проживание на территории Российской Федерации, необходимо привлекать переводчика к участию в допросе. В дальнейшем такие обвиняемые часто выдвигают версию о том, что не понимали смысл задаваемых вопросов, в связи с чем давали неверные показания. Показания обвиняемого, являющегося гражданином иностранного государства, в отсутствие

фиксации аудиовизуальной информации в уголовном судопроизводстве : учебное пособие. СПб.: Санкт-Петербургский юрид. институт (филиал) Акад. Генеральной прокуратуры Рос. Федерации, 2010. С. 62—65.

⁴ Аджиев Н. Н. Участие педагога (психолога) в производстве по делам несовершеннолетних // Российский судья. 2008. № 8. С. 17—18.

⁵ Баркалова Е. В. Анализ и оценка прокурором результатов отдельных следственных действий : учебное пособие СПб.: Санкт-Петербургский юридический институт (филиал) Академии Генеральной прокуратуры Российской Федерации, 2015. С. 22, 24—29, 35, 80—86. Шадрин В. С. Уголовное досудебное производство : ответы на вопросы следователей и прокуроров. СПб.: Санкт-Петербургский юрид. институт (филиал) Акад. Генеральной прокуратуры Рос. Федерации, 2009. С. 61, 82—85.

⁶ Питерцев, С. К., Степанов, А. А. Тактические приемы допроса: учебное пособие / С. К. Питерцев, А. А. Степанов. Изд. 4-е, перераб. СПб.: СПбюиГПРФ, 2006. С. 54—59.

переводчика могут быть исключены из числа доказательств по уголовному делу (ч. 3 ст. 88 УПК РФ).

В отдельных ситуациях вне зависимости от возраста допрашиваемого лица рекомендуется привлекать к участию в допросе психолога, переводчика и даже специалиста при необходимости производства видеозаписи. Как показывает сформировавшаяся судебнo-следственная практика, рекомендуется привлекать психолога при допросе обвиняемого по делам о преступлениях против личности, половой свободы половой неприкосновенности, совершенных неоднократно, для оказания содействия в постановке вопросов, выбора их последовательности. Психолог участвует в допросе также в случае необходимости назначения психологической или комплексной психолого-психиатрической экспертизы по уголовному делу.

Перед проведением допроса рекомендуется удостоверять медицинское состояние лица, если есть основания полагать, что допрашиваемое лицо находится в состоянии алкогольного (наркотического) опьянения. В противном случае подобные показания будут признаны недопустимыми доказательствами по уголовному делу (ч. 3 ст. 88 УПК РФ).

С содержательной точки зрения допрос обвиняемого производится следователем с учетом обстоятельств, подлежащих установлению, по делам об определенном виде (разновидности) совершенного преступления, позиции, занятой допрашиваемым лицом. Рекомендательный перечень вопросов, сформулированный заранее допрашивающим лицом, содержится в методиках расследования преступлений¹, а также учебно-методических и научных работах, посвященных вопросам анализа и

оценки прокурором материалов уголовного дела об отдельных видах (разновидностях) преступлений. Необходимо обращать внимание на то, чтобы содержание протоколов допросов, произведенных по прошествии определенного периода времени, не дублировалось, поскольку это может спровоцировать заявление стороной защиты в суде ходатайств об исключении таких показаний, данных подсудимым на предварительном следствии, из числа доказательств по уголовному делу (ч. 3 ст. 88 УПК РФ).

При необходимости производства ряда следственных действий в обязательном порядке должен быть проведен предварительный допрос обвиняемого, в частности, в случае производства проверки показаний на месте, предъявления для опознания, очной ставки. При этом предмет допроса будут составлять как обстоятельства, подлежащие доказыванию (ст. 73 УПК РФ), так и сведения, необходимые для организации следственного действия.

В развитие судебной практики Европейского суда по правам человека в ст. 281 УПК РФ были внесены изменения в части возможности оглашения показаний потерпевшего (свидетеля), не явившегося в суд, при отсутствии согласия стороны защиты, в случае предоставления обвиняемому права оспорить их показания на предварительном следствии, что было отражено в п. 11 Постановления Пленума Верховного суда Российской Федерации от 19 декабря 2017 г. № 51 «О практике применения законодательства при рассмотрении уголовных дел в суде первой инстанции (общий порядок судопроизводства)» и трактуется на практике как необходимость проведения между ними очной ставки. Однако, не всегда имеется такая возможность (свидетель, к которому применяются меры по обеспечению его защиты от посягательств, или потерпевший, которому согласно медицинскому заключению нанесена психологическая травма или наступило психическое расстройство), в связи с чем в практике отдельных регионов, например, След-

¹ Курс криминалистики. В 3 т. Общетеоретические вопросы. Криминалистическая техника. Криминалистическая тактика / под ред. О. Н. Коршуновой. — 2-е изд., перераб. и доп. СПб.: Юридический центр, 2016; Соя-Серко Л. А. Организация следственного действия. М.: Всесоюзный институт по изучению причин и разработке мер предупреждения преступности, 1974. С. 9—17.

ственным комитетом Краснодарского края предлагается обвиняемому во время его допроса составить перечень вопросов, на которые, по его мнению, необходимо дать ответ потерпевшему (свидетелю). К тому же дискуссионным вопросом является законность производства очной ставки с обвиняемым, если он отказывается давать показания¹.

Показания обвиняемого на предварительном следствии являются одним из существенных доказательств по уголовному делу, поскольку даже впоследствии при изменении их в суде, участникам уголовного судопроизводства станут известны определенные сведения о событии преступления, характеристике его участников, версии, выдвинутой обвиняемым, которая должна быть опровергнута. Законность допроса подразумевает собой соблюдение требований УПК РФ, в то время как криминалистическая составляющая допроса будет свидетельствовать о его эффективности с содержательной точки зрения.

Библиография

1. Аджиев, Н. Н. Участие педагога (психолога) в производстве по делам несовершеннолетних / Н. Н. Аджиев // Российский судья. — 2008. — № 8. — С. 17—18.
2. Ароцкер, Л. Е. Тактика и этика судебного допроса. / Л. Е. Ароцкер. — М.: Юридическая литература, 1969. — 120 с.
3. Бабаева, Э. У. Преодоление противодействия следствию при производстве отдельных процессуальных действий (криминалистические программы) : учебное пособие / Э. У. Бабаева. — СПб.: СПбюиГПРФ, 2004. — 35 с.
4. Баркалова, Е. В. Анализ и оценка прокурором результатов отдельных следственных действий : учебное пособие / Е. В. Баркалова. — СПб.: Санкт-Петербургский юридический институт (филиал) Академии Генеральной прокуратуры Российской Федерации, 2015. — 112 с.
5. Баркалова, Е. В. Влияние судебной ситуации на оглашение показаний участников

уголовного судопроизводства / Е. В. Баркалова // Криминалист. — 2017. — № 2 (21). — С. 33—38.

6. Васильев, В. Л. Юридическая психология: учебник для вузов. — 5-е изд., перераб. и доп. / В. Л. Васильев. — СПб.: Питер, 2003. — 656 с.

7. Гатауллин, З. Ш. Законно ли использование полиграфа в ходе следственных действий по делам о преступлениях террористического характера? / З. Ш. Гатауллин, В. Н. Жадан // Российский следователь. — 2016. — № 9. — С. 3—6.

8. Головкин, Р. Б. Нейролингвистическое программирование в подготовке юристов и реализации юридической техники: Электронный ресурс / Р. Б. Головкин // <https://cyberleninka.ru/article/n/neyrolingvisticheskoe-programmirovaniye-v-podgotovke-yuristov-i-realizatsii-yuridicheskoy-tehniki>

9. Доспулов, Г. Г. Психология допроса на предварительном следствии / Г. Г. Доспулов. — М.: Юридическая литература, 1976. — 112 с.

10. Драпкин, Л. Я. Использование методики рефлексивного моделирования при изучении темы "Тактика допроса подозреваемого в конфликтной ситуации" / Л. Я. Драпкин // Российский юридический журнал. — 2013. — № 6. — С. 96—102.

11. Китаев, И. Н. Использование парапсихологии при раскрытии и расследовании преступлений (результаты международных исследований) / И. Н. Китаев // Юридическая психология. — 2007. — № 3. — С. 45—47.

12. Криминалистический анализ и оценка прокурором материалов уголовного дела : монография / Н. А. Данилова [и др.] ; отв. ред. В. Н. Исаенко. — М.: Акад. Генеральной прокуратуры Рос. Федерации, 2013. — 244 с.

13. Курс криминалистики. В 3 т. Общетеоретические вопросы. Криминалистическая техника. Криминалистическая тактика / под ред. О. Н. Коршуновой. — 2-е изд., перераб. и доп. — СПб.: Юридический центр, 2016.

14. Ларин, А. М. Криминалистика и парапсихология : научно-практическое и учебное пособие / А. М. Ларин. — М.: БЕК. — 192 с.

15. Ларинков, А. А., Уголовно-процессуальная проверка в стадии возбуждения уголовного дела: учебное пособие / А. А. Ларинков, В. А. Шиплюк. — СПб.: Санкт-Петербургский юрид. институт (филиал) Акад. Генеральной прокуратуры Рос. Федерации, 2015. — 160 с.

16. Маевский, С. А. Тактика проведения отдельных следственных действий с участием защитника с учетом складывающихся следственных ситуаций : автореф. канд. ... юрид. наук : 12.00.09 / С. А. Маевский. — М., 2010. — 33 с.

17. Питерцев, С. К. Тактические приемы допроса: учебное пособие / С. К. Питерцев, А. А. Степанов. Изд. 4-е, перераб. — СПб.: СПбюиГПРФ, 2006. — 61 с.

¹ Баркалова Е. В. Влияние судебной ситуации на оглашение показаний участников уголовного судопроизводства // Криминалист. 2017. № 2 (21). С. 33—38; Шадрин В. С. Основания и условия оглашения в суде показаний потерпевшего и свидетеля в случае их неявки в судебное заседание // Криминалист. 2018. № 1 (22). С. 30—36.

18. Подголин, Е. Е. Тактика следственных действий: учебное пособие. — Изд. 2-е, перераб и доп. Под ред. И.Е. Быховского / Е. Е. Подголин. — Л.: Институт усовершенствования следственных работников, 1986. — 86 с.
19. Порубов, Н. И. Научные основы допроса на предварительном следствии. — 3-е изд., перераб. / Н. И. Порубов. — Минск: Высш. школа, 1978. — 176 с.
20. Прокофьева, Н. В. Применение полиграфа при расследовании злоупотреблений должностными полномочиями, совершенного сотрудниками правоохранительного органа / Н. В. Прокофьева, А. А. Неробеев // Законность. — 2013. — № 2. — С. 50—54.
21. Ратинов, А. Р. Судебная психология для следователей / А. Р. Ратинов. — М.: Юрлитинформ, 2001. — 352 с.
22. Ратников, Б. К. К вопросу о манипулировании сознанием (нейролингвистическое программирование и его возможности) / Б. К. Ратников // Юридическая психология. — 2007. — № 3. — С. 42—45.
23. Руководство для следователей / Под ред. Н. А. Селиванова, В. А. Снеткова. — М.: ИНФРА-М, 1998.
24. Савельева, М. Нейролингвистическое программирование в следственной практике / М. Савельева, В. Степанов // Законность. — 2006. — № 5. — С. 16—19.
25. Соловьев, А. Б. Использование доказательств при допросе / А. Б. Соловьев. — М.: Юрид. лит., 1981. — 101 с.
26. Соя-Серко, Л. А. Организация следственного действия / Л. А. Соя-Серко. — М.: Всесоюзный институт по изучению причин и разработке мер предупреждения преступности, 1974. — 55 с.
27. Торшин, Р. В. Применение новейших методов выявления лжи в следственной практике / Р. В. Торшин // Следственная практика : научно-практический сборник. — М.: Академия Генеральной прокуратуры РФ, 2012. — С. 135—144.
28. Холевчук, А. Г. Использование методов нейролингвистического программирования в криминалистической деятельности: миф или реальность? / А. Г. Холевчук // Библиотека криминалиста. — 2015. — № 6 (23). — С. 249—254.
29. Шадрин, В. С. Уголовное досудебное производство : ответы на вопросы следователей и прокуроров. — СПб.: Санкт-Петербургский юрид. институт (филиал) Акад. Генеральной прокуратуры Рос. Федерации, 2009. — 128 с.
30. Шевченко, В. М. Тактические приемы разоблачения ухищрений лиц, совершивших преступления : монография / В. М. Шевченко. — СПб.: Санкт-Петербургский университет МВД России, 2006. — 232 с.
31. Тетюев, С. В. Допрос несовершеннолетнего обвиняемого в стадии предварительного расследования (процессуальный и криминалистический аспекты) / Под ред. А. В. Кудрявцевой. — М.: Юрлитинформ, 2010. — 232 с.
32. Холопов, А. В. Применение цифровых технологий фиксации аудиовизуальной информации в уголовном судопроизводстве : учебное пособие / А. В. Холопов. — СПб.: Санкт-Петербургский юрид. институт (филиал) Акад. Генеральной прокуратуры Рос. Федерации, 2010. — 68 с.
33. Шадрин, В. С. Основания и условия оглашения в суде показаний потерпевшего и свидетеля в случае их неявки в судебное заседание / В. С. Шадрин // Криминалистика. — 2018. — № 1 (22). — С. 30—36.

Экспертиза антикварного холодного оружия

© **Бондаренко Людмила Константиновна**,
доктор философских наук, кандидат искусствоведения, профессор кафедры уголовно-процессуального права Северо-Кавказского филиала Российского государственного университета правосудия (г. Краснодар)

Аннотация. Рассматривается проблема проведения комплексной экспертизы холодного антикварного оружия — криминалистической экспертизы холодного оружия и судебно-искусствоведческой экспертизы предметов изобразительного искусства. Выделяются основные методологические аспекты данного подвида судебной экспертизы. Прослеживаются иерархические связи между правовыми нормами, регулирующими оборот холодного антикварного оружия и деонтологическими нормами экспертной деятельности. Уточняется, что понятие холодное антикварное оружие имеет сложный характер и соотносится с предметами исследования разных видов судебных экспертиз. В этой связи уточняется юридически значимый статус объектов судебно-искусствоведческой экспертизы — холодного антикварного оружия, имеющего культурную ценность. Утверждается, что независимо от обстоятельств дела холодное антикварное оружие целесообразно исследовать в рамках комплексной экспертизы, так как это позволит объективно выявить юридически значимые обстоятельства дела.

Ключевые слова: частная методология судебной экспертизы; подвид комплексной криминалистической экспертизы; холодное антикварное оружие; судебно-искусствоведческая экспертиза; субъекты комплексной экспертизы.

Examination of antique edged weapons

© **Bondarenko L. K.**,
Professor of the Department of the UPP SKF RSUE
(Krasnodar), Ph.D., Doctor of Philosophy

Annotation. The problem of carrying out a comprehensive examination of antique cold weapons - forensic examination of cold weapons and forensic examination of fine art objects is considered. In this regard, the main methodological aspects of this subspecies of forensic examination are highlighted. The presence of hierarchical links between the legal norms regulating the circulation of antique cold weapons and deontological norms of expert activity is noted. It is specified that the notion of antique edged weapons has a multi-component nature and correlates with the subjects of study of different types of forensic examinations. In this regard, the legally significant status of objects of forensic art criticism - cold antique weapons of cultural value - is specified. It is argued that regardless of the circumstances of the case, it is advisable to investigate antique cold weapons within the framework of a comprehensive examination, since this will objectively reveal the legally significant circumstances of the case.

Key words: private methodology of forensic examination; a subspecies of complex forensic examination; cold antique weapons; forensic art examination; subjects of complex expertise.

Введение.

Проблема выделения экспертизы холодного оружия как отдельного подвида экспертизы оружия в науке судебной экс-

пертизы¹ может рассматриваться, как правило, в трех основных контекстах:

1) в общем правовом:

¹ Аверьянова Т. В. Судебная экспертиза. Курс общей теории. М.: Норма, 2009.

а) система федеральных законов, регулирующих правовые отношения в сфере изготовления (и лицензирования), переделки, ремонта, оборота, хранения, продажи и сбыта холодного оружия на территории Российской Федерации¹;

в) система федеральных законов, регулирующих правовые отношения в сфере культуры (охрана культурных ценностей²);

б) судебно-экспертная деятельность (Федеральный закон от 31 мая 2001 г. № 73-ФЗ «О государственной судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации» и процессуальные кодексы);

2) в рамках института судебной экспертизы:

а) в рамках криминалистической экспертизы оружия, в том числе холодного оружия; методах исследования, основанных на разработанных государственных стандартах исследования предметов, относящихся к холодному оружию (или изделий, конструктивно схожих с оружием)³;

б) в рамках комиссионной криминалистической экспертизы холодного антикварного оружия/судебно-искусствоведческой экспертизы предметов изобразительного искусства (художественных признаков предмета антиквариата);

3) в дидактическом качестве как отдельной учебной дисциплины — экспертиза холодного оружия, существующая в рамках экспертной специальности, преимущественно в системе ведомственных учебных заведений МВД России, ФСБ России, Минобороны России.

Это, казалось бы, снимает вопрос работанности данного подвида судебной экспертизы холодного оружия. Однако до сих пор не совсем ясны некоторые теоретические и методологические аспекты экспертизы холодного антикварного оружия, а именно: понятия и определения, применяемые в текстах системы законов, регулирующих правоотношения в сфере оборота холодного оружия. При анализе текстов основного правового акта были выявлены противоречия между используемыми понятиями в юридической сфере и принятыми терминами в сфере художественной культуры (главным образом это касается лексико-морфологических конструкций).

В этой связи необходимо обратить внимание на контекст применения источников права, актуальных в сфере оборота, хранения холодного оружия, раскрывающих смысловую связь конкретных норм

¹ Федеральный закон от 13 декабря 1996 г. № 150-ФЗ (далее — ФЗ «Об оружии»); Уголовный кодекс Российской Федерации от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ (далее — УК РФ.); Бикеев И. И. Холодное, в том числе метательное, оружие как предмет преступления по российскому уголовному праву // Актуальные проблемы экономики и права. 2007. № 3. С. 112—117; Гусев А. В., Оганезов Л. З. Проблемы соотношения правовых и криминалистических критериев холодного оружия // Вестник Краснодарского университета МВД России. 2018. № 4. С. 50—53.

² Федеральный закон от 25 июня 2002 г. № 73-ФЗ «Об объектах культурного наследия (памятниках истории и культуры) народов Российской Федерации»; Федеральный закон от 26 мая 1996 г. № 54-ФЗ «О Музейном фонде Российской Федерации и музеях в Российской Федерации»; Федеральный закон от 15 апреля 1993 г. № 4804-1 «О вывозе и ввозе культурных ценностей»; Федеральный закон от 22 октября 2004 г. № 125-ФЗ «Об архивном деле в Российской Федерации»; Бондаренко Л. К. Доказательственное содержание судебно-искусствоведческой экспертизы. М.: Юрлитинформ, 2020.

³ ГОСТ Р 51215-98 «Оружие холодное. Термины и определения»; ГОСТ Р 51549-2000 «Оружие метательное. Спортивные арбалеты и луки. Арбалеты и луки для отдыха и развлечений. Термины и определения»; ГОСТ Р 51895-2002 «Оружие холодное клинковое для ношения с

казачьей формой и национальными костюмами народов Российской Федерации»; ГОСТ Р 51895-2002 «Художественное холодное оружие: Холодное оружие, изготовленное с использованием приемов, техники и (или) материалов, придающих изделию художественно-эстетическую ценность»; ГОСТ Р 51715-2001 «Декоративные и сувенирные изделия, сходные по внешнему строению с холодным или метательным оружием»; Мазуренко П. М. Проблемные вопросы криминалистической экспертизы холодного оружия // Актуальные проблемы экономики и права. 2007. № 4. С. 147—154; Беспалова Л. Б. Криминалистическая экспертиза холодного оружия : дис. ... канд. юрид. наук. М., 1998; Подшибякин А. С. Холодное оружие. Криминалистическое учение. М.: Центр ЮрИнфоР, 1997. С. 144—147.

права с иными явлениями в сфере художественного творчества.

В этой связи существует необходимость уточнения предмета, объекта и методов исследования холодного оружия, имеющего признаки антиквариата (холодного антикварного оружия), которое фигурирует:

— как средство совершения преступления в уголовном судопроизводстве (что исследуется в рамках криминалистической экспертизы);

— как объект охраны в рамках уголовного, административного, гражданского дела (что должно исследоваться в рамках комплексной судебно-искусствоведческой экспертизы предметов изобразительного искусства), если выделенные объекты фигурируют как объекты договорного или иных видов права.

1. Система норм, регламентирующих сферу оборота холодного антикварного оружия, в контексте экспертной деятельности

Нормативная структура подвида экспертизы холодного антикварного оружия, как представляется, состоит из нескольких взаимосвязанных правовых и деонтологических норм, образующих, по сути, с одной стороны, основу для получения результатов экспертизы (судебным экспертом), с другой — основу для объективной оценки достоверности результатов экспертизы субъектами экспертной деятельности: судом, следователем, дознавателем.

В этой связи можно выделить, исходя из критерия степени обязательности, выполнения требований при проведении экспертизы холодного оружия, имеющего признаки антиквариата, следующие нормы:

а) правовые — обязательные, исходящие из Федерального закона «Об оружии», УК РФ и Федерального закона «О вывозе и ввозе культурных ценностей»

б) *деонтологические* — должностованные — нормы, закрепленные в государственных стандартах, регламентирующих экспертную деятельность в сфере крими-

налистической экспертизы холодного оружия;

в) рекомендуемые нормы исследования объектов, необходимые для непосредственного (а также ситуативного) исследования антикварных предметов, относимых к холодному оружию в контексте Федерального закона «Об оружии» и комплекса федеральных законов, регламентирующих правоотношения в сфере охраны предметов, имеющих историко-культурную, художественную и научную ценность в рамках судебно-искусствоведческой экспертизы.

Таким образом, благодаря системе норм, регулирующих экспертную деятельность в сфере оборота холодного оружия, может быть выделена иерархическая система признаков, которая актуальна при выявлении юридически значимых аспектов объекта комплексной криминалистической экспертизы, назначаемой для выяснения обстоятельств уголовного дела, если данный объект был орудием преступления, объектом охраны в административном деле либо предметом спора в гражданском деле — в случаях споров об имущественном праве.

1.1. Криминалистическая сертификационная экспертиза холодного оружия

Закон об оружии в Российской Федерации был впервые принят 15 июня 1993 г. В нем были нормативно закреплены основания и порядок производства, приобретения, хранения и сбыта огнестрельного и холодного оружия, а также порядок привлечения к ответственности правонарушителей за несоблюдение установленных требований. Появление данного закона определило необходимость выделения криминалистической экспертизы холодного оружия, имеющей сертификационный характер. Таким образом, появилась криминалистическая сертификационная экспертиза холодного оружия, основанная на соблюдении государственных стандартов при исследовании предметов, относимых к холодному оружию.

Появление данной экспертизы было обусловлено рядом обстоятельств, прежде всего, развитием внутреннего и внешнего рынка холодного оружия. Российская действительность требовала создания контролирующего механизма, способного, с одной стороны, регламентировать сферу изготовления, хранения, с другой — способствовать стандартизации оценки боевых качеств предметов, относимых к холодному оружию, с учетом технологии изготовления холодного оружия, применения российских и международных стандартов качества, необходимых для функционирования (продажи) предметов внутри страны и за рубежом.

Все вместе взятое исходило из необходимости создания правового порядка и нормативных правил в данной сфере правоотношений.

В соответствии с действующим Федеральным законом «Об оружии» обязательной сертификации подлежат все изделия, производимые на территории Российской Федерации, ввозимые на территорию Российской Федерации и вывозимые из России модели гражданского оружия, а также изделия, конструктивно сходные с оружием¹. В законе подчеркивается, что сертификат соответствия является основанием для оборота гражданского оружия на территории Российской Федерации. Технические требования к такому оружию и методы его испытания устанавливаются национальными стандартами Российской Федерации в соответствии с положениями указанного закона.

¹ ГОСТ Р 51715–2001 «Декоративные и сувенирные изделия, сходные по внешнему строению с холодным или метательным оружием. Общие технические требования». Организация проведения работ по сертификации гражданского оружия, а также конструктивно сходных с оружием изделий осуществлялась ранее Государственным комитетом Российской Федерации по стандартизации, метрологии и сертификации (Госстандартом России), а в настоящее время осуществляется Федеральным агентством по техническому регулированию и метрологии Министерства промышленности и энергетики Российской Федерации (дата обращения: 01.03.2021).

Федеральный закон «Об оружии» напрямую связан с УК РФ. В нем определены на настоящий момент времени 20 статей, в которых холодное оружие выступает как предмет преступления или как средство совершения преступления. Например, это отражено в ч. 2 ст. 111, ч. 2 ст. 112, ч. 2 ст. 115 УК РФ (преступления против жизни и здоровья); ч. 2 ст. 126, ст. 127, ч. 2 ст. 162 УК РФ (преступления против собственности); п. «г» ст. 189, ст. 206, ст. 211, ст. 213, ч. 4 ст. 222, ч. 4 ст. 223, ч. 2 ст. 227 УК РФ (преступления против общественной безопасности); ст. 279 УК РФ, ч. 2 ст. 333, ч. 2 ст. 334, ч. 2 ст. 338, ст. 347, ст. 348, ст. 349 УК РФ (преступления против военной службы).

В этом случае ни в одной из них не выделяются индивидуальные свойства «холодного оружия» — принадлежность антиквариату или иных свойств, а лишь констатируется наличие, прежде всего, «оружия» как средства совершения преступления. Тем самым подчеркивается превалирование квалифицирующих признаков холодного оружия — способность поражать цель.

Однако предметы антиквариата — антикварное холодное оружие и предметы, имеющие внешнее сходство с холодным оружием, могут фигурировать также в ст. 164, 190 УК РФ (преступления в сфере экономической деятельности, гл. 22), 226.1 УК РФ (преступления против общественной безопасности, гл. 24). Назначение экспертизы, производство и оценка достоверности результатов регламентируется в ст. 195—207, 269, 282 и 283 УПК РФ. Таким образом, проведение экспертизы антикварного холодного оружия в большинстве случаев имеет смысл лишь в тех случаях, когда указанное обстоятельство влияет на квалификацию содеянного и влечет уголовную ответственность.

На основе норм, закрепленных в системе федеральных законов, регулирующих сферу холодного оружия и государственных стандартов, определяющих порядок и методы исследования данного вида оружия, можно выделить теоретиче-

скую основу комплексной криминалистической экспертизы холодного оружия/судебно-искусствоведческой экспертизы предметов изобразительного искусства (предметов антиквариата).

1.2. Уточнение объектов комплексной криминалистической экспертизы холодного антикварного оружия

В методических рекомендациях, в государственных стандартах, по сути дела, представлена методология экспертизы холодного оружия на прикладном уровне в виде:

— установленных объектов, относимых к холодному оружию (либо к антиквариату);

— разработанных методов исследования предметов конкретного класса.

В Законе об оружии содержится основное определение холодного оружия, которое предназначено, в первую очередь, «для поражения цели при помощи мускульной силы человека при непосредственном контакте с объектом поражения». Как представляется, в данном определении выделены основные свойства холодного оружия, целью которого является непосредственное поражение объекта при механическом воздействии со стороны человека. Несмотря на попытки как-то изменить данное определение¹, полагаем, что оно охватывает весь смысловой комплекс: а) субъект действия, его мотивы; б) объект воздействия холодного оружия (живой организм, предметы внешнего мира); в) его основные свойства (наличие боевой части, в зависимости от конструкции холодного оружия и холодного метательного оружия), а также г) результат такого комплексного воздействия — поражение цели.

Различают основные виды оружия: 1) гражданское; 2) служебное; 3) боевое ручное стрелковое; 4) холодное.

Если исходить из утвержденной методики криминалистической экспертизы холодного оружия, предназначенной для установления принадлежности исследуе-

мого объекта к холодному оружию, или предмета, относимого к таковому, то допускаются некоторые вариации при исследовании неопределенного предмета, относящегося к холодному оружию. К ним относятся специальные средства, сходные по внешнему строению с холодным оружием; изделия хозяйственно-бытового назначения, сходные по внешнему строению с холодным оружием; предметы неизвестного назначения, примененные как средство совершения преступления².

Таким образом, объектами криминалистической экспертизы, по сути, является довольно обширный круг предметов, которые были использованы как средство совершения преступления, включающее все разнообразие предметов, применяемых для хозяйственной или иной деятельности.

Особое положение занимают предметы: реконструкция антикварного оружия; копии холодного оружия; образцы холодного оружия и, собственно, антикварное холодное оружие.

Конкретно об антиквариате упоминается в гл. 3 Федерального закона «Об оружии». Оружие, имеющее культурную ценность, — оружие, включенное в состав Музейного фонда Российской Федерации в соответствии с Федеральным законом от 26 мая 1996 г. № 54-ФЗ «О Музейном фонде Российской Федерации и музеях в Российской Федерации» либо подпадающее в соответствии с решением уполномоченного Правительством Российской Федерации федерального органа исполнительной власти под действие Закона Российской Федерации «О вывозе и ввозе культурных ценностей», в том числе старинное (антикварное) оружие.

В законе применяется термин «старинное (антикварное) оружие», к которому относят: 1) огнестрельное, пневматическое, метательное оружие, изготовленное до конца 1899 г., то есть перед началом

¹ Бикеев И. И. Указ. соч.; Гусев А. В., Оганезов Л. З. Указ. соч.

² Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 27 декабря 2002 г. № 29 «О судебной практике по делам о краже, грабеже и разбое».

первой мировой войны; 2) холодное оружие, изготовленное до конца 1945 г., — наибольшее количество предметов, находящиеся в гражданском обороте в современной России; 3) копия старинного (антикварного) оружия — оружие, изготовленное по оригиналу либо чертежам образца старинного (антикварного) оружия при условии точного или масштабного воспроизведения его конструкции, внешнего вида и художественного оформления, не включающее подлинные части антикварного или иных видов оружия; 4) реплика старинного (антикварного) оружия — оружие, изготовленное по оригиналу, чертежам либо описанию образца старинного (антикварного) оружия с творческим варьированием конструкции, внешнего вида или художественной отделки, представляющее культурную ценность как образец художественного творчества и декоративно-прикладного искусства.

Об антиквариате упоминается в ГОСТ Р 51215–98 «Оружие холодное. Термины и определения». В п. 3 даны определения объектов комплексной экспертизы: копия; реплика; реконструкция; антикварное оружие. В п. 3.19 раскрывается понятие реплика арбалета (лука), то есть реконструкция или неточное воссоздание образца антикварного арбалета (лука), а также в п. 3.20, где упоминается арбалет (лук) антикварный, если он изготовлен более 50 лет назад.

3. Уточнение статуса объекта криминалистической экспертизы

Экспертиза антикварного холодного оружия касается нескольких государственных стандартов, регламентирующих проведение экспертизы холодного оружия. Так, антикварное холодное оружие подпадает под классификацию сразу нескольких объектов, выделенных в Федеральном законе «Об оружии», актуальных на территории Российской Федерации.

Таким образом, диапазон экспертизы холодного антикварного оружия, в отличие от экспертизы холодного оружия, имеет довольно четкие очертания, начиная со 1) старинных объектов, имеющих призна-

ки боевого оружия; 2) копий, реконструкции и реплик холодного оружия, имеющих признаки антиквариата; 3) предметов хозяйственно-бытового назначения, имеющих признаки старины; 4) предметов, являющихся атрибутами национального костюма (ГОСТ Р 51895–2002 «Оружие холодное клинковое для ношения с казачьей формой и национальными костюмами народов Российской Федерации. Общие технические требования. Методы контроля». ГОСТ рассчитан на казаков и жителей в основном Кавказского региона), относящихся (или не относящихся) к холодному оружию, которые могут быть отнесены к предмету антиквариата согласно Федеральному закону «Об оружии», если они были изготовлены более 50 лет назад, и заканчивая 5) декоративными предметами, имеющими внешне сходство с холодным оружием, изготовленными более 50 лет назад.

Поскольку экспертиза антикварного холодного оружия может касаться сразу нескольких объектов, имеющих разные черты, то следует выделить общие и особенные черты объекта данной экспертизы: общие признаки, определяющие отношение объекта к холодному оружию; особенные признаки, определяющие отношение объекта к антиквариату.

В этом случае, исходя из критерия приоритетности, можно уточнить статус объекта данного вида экспертизы: в первом случае он может быть обозначен как холодное оружие, имеющее признаки антиквариата; во втором случае, как предмет антиквариата, имеющий признаки холодного оружия.

В первом случае подчеркиваются, главным образом, криминалистические признаки объекта, обладающего историко-культурными качествами, что актуально при определении предмета экспертизы, согласно вышеперечисленным статьям УК РФ. Во втором случае объект может быть как орудием преступления (в рамках криминалистической экспертизы), так и объектом охраны, если обладает историко-

культурными, научными, художественными качествами (ст. 164 УК РФ).

Это также актуально в рамках уголовного судопроизводства, если потерпевшей стороной предъявляется гражданский иск о возмещении материального ущерба в отношении обвиняемого или подсудимого, если предметом спора является предмет антиквариата. В случае категоричного вывода субъектов экспертизы об исключении предмета антиквариата, как объекта, имеющего признаки холодного оружия, данный предмет может фигурировать в качестве объекта охраны, имеющего признаки историко-культурной, научной, археологической или художественной значимости. Это актуально в рамках любого вида судопроизводства.

Несмотря на некоторую вариативность определения объекта данного подвида экспертизы, в поле зрения остаются главные признаки: принадлежность к холодному оружию и принадлежность к антиквариату.

Таким образом, объектами исследования комплексной экспертизы являются предметы, которые фигурируют в деле в качестве вещественных доказательств:

1) предметы, относимые к холодному оружию, имеющие признаки антиквариата;

2) предметы антиквариата, относимые к холодному оружию;

3) предметы антиквариата, не обладающие свойствами оружия, однако могущие быть использованы как предметы — орудия преступления (например, каминные часы, бронзовая станковая скульптура и пр.);

4) предметы антиквариата, имеющие внешнее сходство с холодным оружием (археологические находки — оружие древних цивилизаций).

В первом случае выделенный объект экспертизы может быть отнесен сразу к нескольким видам судебных экспертиз:

1) собственно, криминалистической экспертизе холодного оружия;

2) судебно-траасологической экспертизе, в зависимости от обстоятельств дела, если оставлены следы предметом, относи-

мому к холодному оружию, имеющему признаки антиквариата;

3) судебно-медицинской экспертизе в рамках уголовного дела, если предметом, относимому к холодному оружию, нанесен ущерб здоровью или жизни потерпевшего;

4) в некоторых случаях к материаловедческой экспертизе, если ставится вопрос о внутренних свойствах предмета (составе материалов — металлов или синтетических материалов, используемых при изготовлении декоративных элементов), имеющего внешнее сходство с боевым холодным оружием или предметом хозяйственно-бытового назначения, обладающего поражающими качествами, являющегося вещественным доказательством;

3) судебно-искусствоведческой экспертизе, если предмет имеет признаки декоративно-прикладного искусства.

Несмотря на разработанность методологии данных видов судебных экспертиз по отдельности, не разобраны, с одной стороны, конкретно аспекты объекта экспертизы (антикварного оружия), и, соответственно, не уточнены предметы исследования данного вида экспертизы в рамках комплексной экспертизы антикварного холодного оружия. Для этого необходимо разобрать отдельно предметы данных судебных экспертиз и соотнести их между собой.

4. Комплексное исследование холодного антикварного оружия

В зависимости от обстоятельств гражданского, административного или уголовного дела перед судебным экспертом (и специалистом) в сфере исследовании антикварного холодного оружия могут быть поставлены следующие вопросы:

1) об относимости предметов к категории холодного оружия (является ли данный предмет холодным оружием; какую часть предмета можно отнести к холодному оружию, исходя из его конструктивных особенностей; каким именно предметом оставлен след и т.д.);

2) об установлении групповой принадлежности холодного оружия (каково назначение данного предмета; является ли

данный предмет предметом антиквариата и др.);

3) о техническом состоянии (является ли данный предмет оружием, сохранились ли боевые свойства данного предмета либо его части; исправен ли механизм предмета или нет, пригодно ли оно для применения или нет; в каком качестве применяется данный предмет, каково его назначение; каковы конструктивные особенности предмета; подвергался ли предмет переделке; реконструкции, ремонту; какие технические характеристики изменились в результате переделки, реконструкции, порчи предмета; каковы результаты изменений и пр.);

4) о технических и иных качествах холодного оружия, имеющего признаки антиквариата, если оно является объектом охраны (является ли данный предмет антиквариатом; имеет ли данный предмет историко-культурную или научную ценность; имеет ли данный предмет художественную ценность; какова стоимость предмета, относимого к антиквариату и пр.).

Для разрешения данных вопросов потребуется участие в комплексной экспертизе сразу нескольких субъектов экспертной деятельности — экспертов, специалистов в различных областях знания.

Перед экспертом-криминалистом по холодному оружию или иным специалистом по холодному оружию могут быть поставлены идентификационные, классификационные и диагностические задачи по установлению таких значимых признаков: а) назначение оружия: боевое; хозяйственно-бытовое; декоративное; б) вид оружия, согласно классификации Федерального закона «Об оружии» и ГОСТам; в) классификация по ударному элементу: 1) рубящие (топоры, секиры); 2) режущие (ножи); 3) колющие (рапиры, стилеты, пики); 4) рубяще-режущие (сабли, тесаки); 5) рубяще-колющие (мечи, палаши, шпаги, глефы); 6) режущие-колющие (кинжалы, ножи); 7) рубяще-режущие-колющие (ятаганы, алебарды); 8) ударно-раздробляющие (кистени, булавы, наладонники); 9)

ударно-рассекающие (перначи, шестоперы); 10) рвущее (боевые кольца); г) способ изготовления — заводское; кустарное (мастерская оружейника); самодельное (самопальное); д) место изготовления — отечественное, зарубежное; регион; город, оружейная мастерская; художественная мастерская; у) конструкция — типичная/нетипичная; д) механизм — исправен; не исправен; е) поражающие качества — пригодно; не пригодно для применения.

Перед товароведом может быть поставлен вопрос об определении стоимости предмета антиквариата на трех уровнях: страховая стоимость; коммерческая рыночная стоимость; себестоимость предмета и пр., что важно при выяснении обстоятельств по уголовным делам и гражданским делам в случае определения размера имущественного ущерба, нанесенного лицу правонарушителем (преступником).

Перед искусствоведом, специализирующимся по предметам прикладного искусства, могут быть поставлены в основном идентификационные, классификационные и в некоторых случаях диагностические задачи по установлению значимых признаков: принадлежности предмета изобразительному искусству; принадлежности предмета антиквариату; принадлежности к культурным ценностям.

Перед криминалистом-трасологом, соответственно, ставятся диагностические задачи по установлению механики предполагаемых действий субъекта преступления (правонарушения), если оставлены следы манипуляций предметом, относимому к холодному оружию, имеющим признаки антиквариата. Соответственно, в рамках трасологической экспертизы¹ признаки антикварного оружия будут иметь особое значение при выявлении индивидуальных признаков орудия совершения преступления, что важно при решении идентификационной задачи по установлению признаков тождественности предмета — орудия совершения преступления. Важно отме-

¹ Майлис Н. П. Руководство по трасологической экспертизе. М.: «ЩИТ-М», 2007.

тить, что внимание обращается как на отображаемые объекты, например, имеющие признаки ржавчины, разрушения целостности; патины (от бронзовых элементов декора); неровности клинка или лезвия оружия, вследствие деформации ударного элемента или иные признаки, раскрывающие хронологические особенности антикварного предмета, так и отображаемые. Это позволяет с высокой степенью точности установить тождественность орудия совершения преступления.

Перед судебным медиком ставятся в основном диагностические задачи, связанные с трасологической экспертизой. Это касается установления характера повреждения, нанесенного предметом, относимым к холодному оружию, имеющим признаки антиквариата. Соответственно, наличие антикварных элементов будет иметь значение при выявлении идентификационных признаков, если, например, в объекте исследования (объекте отображении) — тканях человека или животного обнаружены характерные признаки отображающего предмета — в данном случае антикварного предмета, имеющего признаки холодного оружия. Это могут быть гематомы от ударов различного вида оружия; рваные края раны, неравномерные следы от погружения предмета; следы ржавчины или окисления металла боевого элемента в глубоких тканях и пр. следы проникновения старого предмета в живой (или не живой) организм и пр.

Таким образом, классифицирующие признаки предмета, установленные в государственных стандартах, определяют принадлежность исследуемого объекта к холодному оружию. С другой стороны, индивидуальные признаки предмета, определяют принадлежность его к антиквариату.

Заключение

Предпринятое в рамках настоящего исследования моделирование методологии экспертизы холодного антикварного оружия как подвида комплексной криминалистической экспертизы холодного оружия было необходимо для дифференциации

объектов экспертизы по критерию — основные квалифицирующие признаки: принадлежность холодному оружию; принадлежность к культурным ценностям. Это позволит с определенной точностью разграничить сферу судебных экспертиз, исследующих объект, относимый к холодному оружию, имеющему признаки антиквариата; применять соответствующие методы исследования с учетом имеющегося стандарта исследования предметов, относимых к холодному оружию.

Библиография

1. Аверьянова, Т. В. Судебная экспертиза. Курс общей теории / Т. В. Аверьянова. — М.: Норма, 2009. — 479 с.
2. Беспалова, Л. Б. Криминалистическая экспертиза холодного оружия : дис. ... канд. юрид. наук / Л. Б. Беспалова. — М., 1998. — 225 с.
3. Бикеев, И. И. Холодное, в том числе метательное, оружие как предмет преступления по российскому уголовному праву / И. И. Бикеев // Актуальные проблемы экономики и права. — 2007. — № 3. — С. 112—117.
4. Бондаренко, Л. К. Доказательственное содержание судебно-искусствоведческой экспертизы / Л. К. Бондаренко. — М.: Юрлитинформ, 2020. — 208 с.
5. Гусев, А. В. Проблемы соотношения правовых и криминалистических критериев холодного оружия / А. В. Гусев, Л. З. Оганезов // Вестник Краснодарского университета МВД. — 2018. — № 4. — С. 50—54.
6. Дьяконов, П. А. Справочное пособие по экспертизе холодного и метательного неогнестрельного оружия. / П. А. Дьяконов, В. В. Пономарев. — М.: МВД России, 2005. — 44 с.
7. Мазуренко П. М. Проблемные вопросы криминалистической экспертизы холодного оружия / П. М. Мазуренко // Актуальные проблемы экономики и права. — 2007. — № 4. — С. 147—154.
8. Моисеева, Т. Ф. Основы судебно-экспертной деятельности / Т. Ф. Моисеева. — М. РГУП, 2016. — 162 с.
9. Майлис, Н. П. Руководство по трасологической экспертизе / Н. П. Майлис. — М.: "ЦИТ-М", 2007. — 344 с.
10. Матюшенко, А. Н. Оружиеведение : Ч. I. Холодное и метательное оружие : учеб. пособие / А. Н. Матюшенко. — Челябинск: НТЦ-НИИОГР, 2002. — 173 с.
11. Подшибякин, А. С. Холодное оружие. Криминалистическое учение / А. С. Подшибякин. — М.: Центр ЮрИнфоР, 1997. — 238 с.

О некоторых аспектах объекта мошенничества

© **Борисов Андрей Викторович**,
кандидат юридических наук, доцент, заведующий кафедрой «Уголовное право, уголовный процесс и криминалистика» Юридического института Российского университета транспорта

Аннотация. Статья содержит анализ точек зрения ученых по вопросу понятия объекта мошенничества как уголовно-правовой категории, рассматриваются позиции по определению категорий «имущество» и «право на имущество», выступающих в качестве предмета мошенничества. В статье представлены концепции толкования понятия «право на чужое имущество».

Ключевые слова: объект преступления, объект мошенничества, предмет мошенничества, имущество и право на чужое имущество как предмет мошенничества.

About some aspects of the object of fraud

© **Borisov A. V.**,
Candidate of Law, Associate Professor, Head of the Department "Criminal law, criminal procedure and criminalistics" of the Law Institute Russian University of Transport

Annotation. The article contains an analysis of the points of view of scientists on the concept of the object of fraud as a criminal legal category, the positions on the definition of the categories of property and the right to property, acting as the subject of fraud, are considered. The article presents the concepts of interpretation of the concept of "the right to someone else's property".

Keywords: object of crime, object of fraud, subject of fraud, property and the right to someone else's property as a subject of fraud.

Появление мошенничества в качестве самостоятельного состава преступления имеет долгую историю, начиная со второй половины XVI в., когда в Судебнике Ивана IV Грозного 1550 г. было сделано первое упоминание о преступлении, совершенном путем обмана — одним из главных признаков мошенничества, заканчивая современным уголовным правом, где законодатель выделяет уже несколько самостоятельных составов хищения, совершенного в форме мошенничества.

Однако, если проанализировать историю формирования современного определения мошенничества, можно прийти к выводу о том, что в этом процессе значительную роль сыграло советское уголовное законодательство. В Уголовном кодексе

РСФСР 1960 г. содержалось определение мошенничества, имеющее схожие способы и предмет преступления, которые представлены в дефиниции ст. 159 УК РФ¹.

В целом формирование легального определения мошенничества в уголовном законе на протяжении всей его истории тесно связано с развитием рыночных отношений. Именно советское законодательство и складывающиеся после распада СССР рыночные отношения стали толчком к появлению современного определения мошенничества.

¹ Афанасьева О. Р., Гончарова М. В., Шиян В. И. Современные тенденции экономической преступности в Российской Федерации // Экономика и предпринимательство. 2017. № 9-2 (86). С. 487—490.

Под мошенничеством в действующем Уголовном кодексе понимается хищение чужого имущества или приобретение права на чужое имущество путем обмана или злоупотребления доверием¹.

Мошенничество имеет свой состав, элементами которого являются обладающие присущими только им характерными признаками объект, предмет, объективная сторона, субъект, субъективная сторона.

Родовой объект составляют общественные отношения в сфере экономики, которые состоят, исходя из содержания раздела VIII УК РФ, из отношений собственности, отношений, связанных с организацией производственных процессов, организационно-экономических отношений, а также возникающих в ходе их становления и развития социально-экономических связей. Несмотря на это, в уголовно-правовой теории можно встретить несколько позиций относительно содержания таких отношений, которые составляют широкий и узкий подходы. Согласно первому из них, экономика рассматривается как сфера жизни общества, в которую входят отношения между субъектами относительно факторов производства, организационно-экономические отношения, складывающиеся во время осуществления четырех стадий производственного процесса: производства, распределения, обмена и потребления, а также производственные отношения.

Согласно позиции С. В. Кондратюка, экономические отношения являют собой общественные отношения, выполняющие задачу по обеспечению должного уровня функционирования экономики, что предопределяет родовой объект преступлений раздела VIII УК РФ, который представлен экономикой как совокупностью производственных (экономических) отношений, возникающих и развивающихся на всех стадиях производственного процесса².

При узком подходе родовым объектом является одна из перечисленных в широком подходе групп общественных отношений.

На наш взгляд, узкий подход не позволяет охватить все требующие уголовно-правовой охраны группы общественно-экономических отношений. Наиболее правильным будет рассматривать в качестве родового объекта экономику как сферу жизни общества.

Видовой и непосредственный объекты мошенничества совпадают, их составляют интересы собственности. В науке уголовного права можно встретить разнообразные точки зрения относительно понимания такой категории как интересы собственности. Одни ученые рассматривают собственность исключительно в экономическом смысле, другие — как правовой институт и субъективное право лица, третьи рассматривают право собственности и как экономическую, и как правовую категорию, а четвертые отождествляют интересы собственности с имуществом.

Н. А. Лопашенко говорит о том, что собственность — это экономическая категория. По ее мнению, без собственности невозможно существование экономики, которая определяет экономическое устройство государства, а оно, в свою очередь, — политический строй, т.к. изначально основой государственной власти являлись отношения собственности, которые порождали определенные социально-экономические связи.

Интересной позиции придерживается Ю. И. Ляпунов, выделяя в собственности два момента, — статистический, отражающий принадлежность факторов производства субъектам, и динамический, т.е. состояние движения по всем стадиям производства, — относит преступления гл. 21 УК РФ к посягающим на собственность с

¹ Шиян В. И. Уголовное право (Особенная часть): учебное пособие. М., 2009.

² Кондратюк С. В., Румянцев П. А. Система и системность использования квалифицирующих

признаков преступления // Гуманитарные балканские исследования. 2019. Т. 3. № 3 (5). С. 112.

точки зрения их экономического содержания¹.

Как отмечалось ранее, некоторые ученые² говорят о том, что собственность рассматривается исключительно как правовая категория, которая понимается как правовой институт и (или) субъективное право лица.

Собственность как видовой объект мошенничества — абсолютное правоотношение, когда собственник противопоставляется всем остальным членам общества, которые не имеют принадлежащих ему субъективных прав.

Кроме того, по представлениям второй группы ученых³ интересы собственности рассматриваются и как экономическая, и как правовая категории.

Собственность рассматривается как экономическая категория, выступая необходимым формой экономических отношений, также требует создания комплекса ее закрепляющих правовых норм, которые рассматриваются как правовой институт и субъективное право лица по абсолютному владению, пользованию и распоряжению принадлежащего ему имуществом при отсутствии вмешательства других лиц.

Кроме того, существует точка зрения, согласно которой собственность отождествляется с имуществом. Нормы гл. 21 УК РФ предусматривают наказание за завладение именно чужим имуществом без учета того, как или каким образом его собственник осуществляет свои субъективные права. Таким образом, объектом являются отношения по поводу принадлежности определённому лицу того или иного имущества.

¹ Уголовное право. Особенная часть : учебник / под ред. Н. И. Ветрова и Ю. И. Ляпунова. М.: Юриспруденция, 2008.

² Петросян О. Ш., Трунцевский Ю. В., Барикаев Е. Н., Саркисян А. Ж., Ельчанинов М. А., Ординарцев И. И. Экономические и финансовые преступления. М., 2016.

³ Бегичев М. М., Власов А. В. Проблемы противодействия экономическим преступлениям в современных условиях // Путеводитель предпринимателя. 2020. Т. 13. № 1. С. 109.

Эта точка зрения, по нашему мнению, не совсем верна, т.к. собственность как субъективное право представляет отношения, в содержание которых включаются права владения, пользования и распоряжения имуществом. Кроме того, такая формулировка отождествляет объект и предмет преступления, а также исключает из предмета мошенничества право на имущество.

Однако имеют место позиции ученых⁴, полностью отрицающих признание объектом мошенничества собственность, т.к. такое положение могут занимать только имущественные права, которые включают в себя правомочия собственника и права требования по обязательствам.

Обобщая представленные выше положения, следует указать, что наиболее правильными являются мнения ученых, которые рассматривают собственность и как экономическую, и как правовую категории, т.к. она является столпом экономики, предопределяя государственный экономический строй, который, в свою очередь, устанавливает порядок экономических взаимоотношений людей, служит средством удовлетворения потребительского и производственного интереса, однако обеспечение такого порядка требует создания правовых норм, его регулирующих, вследствие чего формируется отдельный правовой институт собственности, а также субъективное право лица.

Чужое имущество и право на чужое имущество составляют предмет преступления, который должен обладать обязательными признаками:

— во-первых, физическим, т.е. принадлежность к объектам материального мира;

— во-вторых, социальным, в соответствии с которым вещь является предметом человеческого труда;

⁴ Лебедева А. А. Способы мошенничества в электронной коммерции // Проблемы предварительного следствия и дознания : сборник научных трудов. М., 2018. С. 8—14.

— в-третьих, экономическим, т.е. предмет должен обладать определенной экономической ценностью;

— в-четвертых, юридическим, т.е. принадлежать на праве собственности потерпевшему, за которым сохраняется право собственности на похищенное из его фондов имущество.

В уголовном законодательстве не установлено легальное определение понятия «имущество». В данном вопросе за основу необходимо брать разъяснения Пленума Верховного Суда Российской Федерации. Следуя абз. 2 п. 5 Постановления высшей судебной инстанции от 30 ноября 2017 г. № 48 «О судебной практике по делам о мошенничестве, присвоении и растрате», согласно которому «в случаях, когда предметом мошенничества выступают безналичные денежные средства, включая электронные денежные средства, то исходя из смысла положений п. 1 примечания к ст. 158 УК РФ и ст. 128 ГК РФ содеянное должно рассматриваться как хищение чужого имущества».

В науке уголовного права возникают споры относительно того, что следует понимать под «правом на чужое имущество» как предмете мошенничества, т. к. в настоящее время не решен вопрос о содержании данного понятия, вследствие чего стали появляться различные концепции толкования данного термина.

Исходя из первой концепции, право на имущество уравнивается с имущественными правами, последние из которых, как правило, — это вещные (право владения, пользования и распоряжения) и обязательственные (т.е. право требования) права. Однако, если исходить из формулировки, представленной в действующей норме, а также складывающейся на сегодняшний день практики, данная концепция является не совсем верной по нескольким причинам.

Во-первых, если исходить из того, что помимо вещных прав право на имущество требует включения в него и обязательственных, то виновное лицо посредством своих преступных действий приобретает

право требования на совершение предусмотренных обязательством действий, а не самого имущества и вещных прав на него. Фактически реальная возможность владения и распоряжения определенным имуществом появляется у него только в момент ее передачи этому лицу, и тогда предметом преступления выступает само имущество¹.

Во-вторых, если в содержание права на имущество включить право требования, то в таком случае необходимо расширить объект преступления, т. к. понятие «собственность» не включает в себя обязательственных прав.

Согласно второй концепции, которой придерживается правоприменитель, видовой объект представлен собственностью, а право на имущество составляют исключительно вещные права.

Некоторые правоведы уравнивают субъективные права собственника и право на имущество, делая важное замечание о неразрывности последнего с понятием имущественные права, т.к. они являются предметом преступления в рамках ст. 165 УК РФ. Представленная выше точка зрения также является неоднозначной, т.к. в случае изъятия имущества из фондов собственника виновное лицо автоматически приобретает такие права. В подтверждение этого следует привести точку зрения о том, что понятие «право на имущество» охватывается понятием имущества, содержащемся в нормах ГК РФ, что исключает необходимость включения права на имущество в предмет мошенничества.

В-третьих, происходит отождествление прав на имущество с теми юридически значимыми документами, которые их закрепляют.

В таком случае право на имущество становятся предметом мошенничества, когда внешне облечено в форму документа или предмета материального мира. Примером таких форм являются акт завещания,

¹ Петросян О. Ш., Трунцевский Ю. В., Барикаев Е. Н., Саркисян А. Ж., Ельчанинов М. А., Ординарцев И. И. Указ. соч.

доверенности на получение тех или иных ценностей, страховой полис, вексель, облигация и т.д.

Обоснованием данной концепции служит п. 6 Постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 30 ноября 2017 г. № 48, в котором отождествляется право на имущество и основные правомочия собственника (в частности, владение и распоряжение). При этом их возникновение обязательно должно быть подтверждено документом или актом введенного в заблуждение органа, обладающих юридической силой. Таковыми могут быть признаны договор, регистрационный акт, подтверждающий право собственности на недвижимое имущество, передаточная надпись на векселе и т. д. Ученые, придерживающиеся вышеуказанной позиции, опираются, в первую очередь, на практику разрешения данной категории дел судами. Примером может служить приговор Нагатинского районного суда города Москвы, которым по ч. 4 ст. 159 УК РФ был осужден М., который совершил хищение права на квартиру А., злоупотребляя возникшими между ними доверительными отношениями. М. сообщил А. о наличии у него возможности улучшения жилищных условий А. посредством покупки новой квартиры и продажи старой, принадлежащей А. Для облегчения процедуры, поддавшись уговорам М., А. оформила на имя М. доверенность на продажу квартиры, включая сбор всех необходимых документов и представление ее интересов в соответствующих инстанциях. Воспользовавшись данным правом, М. осуществил покупку новой квартиры, предоставил заявление о приеме документов на государственную регистрацию сделки по переходу права собственности на недвижимое имущество в Управление Росреестра по г. Москве, которая была произведена, о чем в Едином государственном реестре прав на недвижимое имущество и сделок с ним сделана запись о переходе права собственности на вышеуказанную квартиру к М. Данный пример является свидетельством того, что приобретение права на имуще-

ство на практике отождествляется с приобретением закрепляющих такое право документов.

Выделение двух предметов обеспечивает лишь разницу в моменте окончания преступления, т.к. лицо, изымая имущество, автоматически становится обладателем субъективных прав собственника.

При приобретении прав на чужое имущество не происходит изъятий из фондов собственника, тем самым ему не причиняется ущерб.

Из положений, представленных выше, следует, что учеными-правоведами представляются различные концепции понимания права на чужое имущество, что свидетельствует о необходимости его законодательного определения либо соответствующих разъяснений высшей судебной инстанции.

Полагаем, что на данный момент на практике приоритетным является позиция, закрепленная в п. 6 Постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации № 48, согласно которому право на чужое имущество рассматривается как возникновение у виновного юридически закрепленной возможности вступить во владение или распорядиться чужим имуществом как своим собственным (в частности, регистрация права собственности на недвижимость или иных прав на имущество, в силу закона подлежащих такой регистрации; совершение передаточной надписи (индоссамент) на векселе).

Библиография

1. Афанасьева, О. Р. Современные тенденции экономической преступности в Российской Федерации / О. Р. Афанасьева, М. В. Гончарова, В. И. Шиян // Экономика и предпринимательство. — 2017. — № 9-2 (86). — С. 487—490.
2. Бегичев, М. М. Проблемы противодействия экономическим преступлениям в современных условиях / М. М. Бегичев, А. В. Власов // Путеводитель предпринимателя. — 2020. — Т. 13. — № 1.
3. Кондратюк, С. В. Система и системность использования квалифицирующих признаков преступления / С. В. Кондратюк, П. А. Румянцев // Гуманитарные балканские исследования. — 2019. — Т. 3. — № 3 (5).

4. Лебедева, А. А. Способы мошенничества в электронной коммерции / А. А. Лебедева // Проблемы предварительного следствия и дознания : сборник научных трудов. — М., 2018; Петросян, О. Ш. Экономические и финансовые преступления / О. Ш. Петросян, Ю. В. Трунцевский, Е. Н. Барикаев, А. Ж. Саркисян, М. А. Ельчанинов, И. И. Ординарцев. — М., 2016.

5. Шиян, В. И. Уголовное право (Особенная часть) : учебное пособие / В. И. Шиян. — М., 2009.

Актуальные проблемы противодействия нарушению установленного порядка организации либо проведения собрания, митинга, демонстрации, шествия или пикетирования

© Воеводина А. И.,

соискатель сектора уголовного права, уголовного процесса и криминологии Института государства и права РАН, помощник Преображенского межрайонного прокурора г. Москвы

Аннотация. В статье рассматриваются актуальные проблемы противодействия нарушению установленного порядка организации либо проведения собрания, митинга, демонстрации, шествия или пикетирования. Приведены и проанализированы актуальные статистические данные оценок общественного мнения относительно протестных проявлений. Сформулированы обоснованные теоретические выводы по совершенствованию законодательства и практики его применения.

Ключевые слова: публичные мероприятия, несанкционированный митинг, гражданская активность, протестный потенциал, экстремизм, конституционные права граждан, криминализация, криминологические детерминанты, правовая культура, гражданское общество, верховенство права, субкультура, социальные девиации, деструктивное поведение.

Actual problems of countering violation of the established procedure for organizing or holding a meeting, meeting, demonstration, procession or picketing

© Voevodina A. I.,

Candidate of the Sector of Criminal Law, Criminal Procedure and Criminology of the Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences, Assistant to the Preobrazhensky Interdistrict Prosecutor of Moscow

Annotation. The article discusses the current problems of countering the violation of the established procedure for organizing or holding a meeting, meeting, demonstration, procession or picketing. The article presents and analyzes the actual statistical data of assessments of public opinion regarding protest manifestations. The substantiated theoretical conclusions on the improvement of legislation and the practice of its application are formulated.

Key words: public events, unauthorized rally, civic activity, protest potential, extremism, constitutional rights of citizens, criminalization, criminological determinants, legal culture, civil society, rule of law, subculture, social deviations, destructive behavior.

Кризисные процессы, а также трансформация общества оказывают значительное влияние на развитие государства и права, а также существенным образом актуализируют проблематику прав человека и их защиты¹. Современные социальные

реалии при всех особенностях, вызванных цифровизацией, сохраняют особую значимость права граждан на мирные собрания.

Относя право, предусмотренное ст. 31 Конституции Российской Федерации, к важнейшим политическим правам, Б. С. Эбзеев считает его «способствующим развитию политической активности и самодетельности граждан, и обеспечиваю-

¹ Савенков А. Н. Государство и право в период кризиса современной цивилизации : монография. М.: Проспект, 2020. С. 35.

щим удовлетворение их многообразных политических интересов»¹. Действительно, сложно не согласиться с тем, что данное право является фундаментом построения демократического государства и гражданского общества. В научной литературе отмечается, что в сегодняшних условиях «необходим концептуальный поиск оптимального баланса интересов в отношениях государства и гражданского общества, их взаимодействия в обеспечении свободы и прав личности, жизненно важных интересов функционирования общества»².

Вместе с тем, протестная активность в ситуации сохраняющихся кризисных явлений не способствует национальной безопасности, состоянию стабильности в социуме и его нормальному функционированию.

Деструктивный характер протестных выступлений в условиях жизни сегодняшнего дня осложняется всепроникающим распространением посредством сети «Интернет», социальных сетей и мессенджеров, основная аудитория для которых традиционно молодые люди, учащиеся с нестабильной, не окрепшей, но достаточно подвижной психикой. Взаимодействие именно с подобной аудиторией зачастую и входит в цели организаторов и участников несанкционированных публичных мероприятий по причине возможности манипулирования сознанием, адаптации экстремистской идеологии, а также идеологии агрессии и протеста.

Правовая наука не может игнорировать актуальные общественно-политические события, непосредственно связанные с различными формами проявления активности граждан и их объединений. События, связанные с проведением несанкционированных митингов в конце

января — начале февраля 2021 г., не только привлекли внимание общественности, но и актуализировали необходимость последовательной проработки юридической и криминологической стороны данного явления, выявления актуальных проблем правового регулирования, не смотря на то, что уже на протяжении определенного времени как административное, так и уголовное законодательство содержит нормы об ответственности за нарушения в сфере организации и проведения публичных мероприятий.

Регулярно создаваемый средствами массовой информации и социальных сетей фон, зачастую выражающийся в спекулировании «героизацией» организаторов и участников несанкционированных митингов, не способствует укреплению законности и повышению авторитета реализации права на мирные собрания в соответствии с правовыми нормами.

Тревожными являются отмечаемые социологами тенденции расширения географии протестной активности граждан Российской Федерации³, которая теперь проявляется за пределами ранее привычных для данных форм деятельности Москвы и Санкт-Петербурга. Также вызывает опасение и тот факт, что за последнее время меняется социологический портрет протестующего⁴, несанкционированные митинги посещают лица с высшим образованием и наличием ученой степени, также изменился и возраст, протест становится более возрастным.

Современные тенденции повышения и стабильного сохранения протестного потенциала среди граждан не способствуют состоянию стабильности в социуме и гарантий соблюдения и поддержания правопорядка в год проведения выборов в Государственную Думу Федерального Собрания Российской Федерации, так как сила-

¹ Эбзеев Б. С. Введение в конституцию России : монография. М.: Норма: ИНФРА-М., 2013. С. 175.

² Дамаскин О. В., Ясницкая М. И. Совершенствование Конституции Российской Федерации: современные проблемы и перспективы национальной безопасности // Нюрнберг: суд народов и мировой правопорядок : сб. науч. докладов и выступлений Междунар. науч.-практ. конф. Института государства и права РАН / под общ. ред. чл.-корр. РАН А. Н. Савенкова. М.: ЮНИТИ-ДАНА: Закон и право. 2020. С. 295.

³ 5 фактов о протестных настроениях в 2021 году [Электронный ресурс] // URL: <https://www.dw.com/ru/5-faktov-o-protestnyh-nastroenijah-v-rossii-v-2021-godu/a-57050117> (дата обращения — 04.04.2021).

⁴ Как изменился протест // URL: <https://www.vedomosti.ru/opinion/articles/2019/09/30/812372-kak-izmenilsya-protest> (дата обращения — 04.04.2021).

ми организаторов и участников несанкционированных мероприятий может происходить целенаправленная активизация внешнеполитических и внутриопозиционных сил. Электоральные процессы также играют важную роль в активизации внешнеполитических сил и внутренней оппозиции в ходе информационного противоборства, вовлечения с помощью сети Интернет, социальных сетей и мессенджеров детей и молодежи в деструктивные движения, протестную активность.

Перенасыщение граждан интернет-контентом и СМИ, показатели доверия к которым меняются, способствует уличным протестам, демонстрациям, как способу привлечь к себе внимание.

Несмотря на то, что в силу особенностей состава преступления, предусмотренного ст. 212.1 УК РФ, сугубо уголовно-правовой материи не возникло в ходе протестов января-февраля 2021 г., криминологическое значение данной нормы отечественного уголовного законодательства возросло и требует справедливого уяснения.

На основе теоретико-практического исследования рассматриваемой проблематики можно сделать вывод о том, что криминологическо-правовая обусловленность состава преступления, предусмотренного ст. 212.1 УК РФ, определяются необходимостью установления правовых пределов реализации права на мирные собрания, предусмотренного в ст. 31 Конституции Российской Федерации, а также формирования комплекса правовых мер, сдерживающего деструктивное поведение граждан при организации и проведении публичных мероприятий.

Прокатившаяся по стране волна протестных выступлений в конце января-начале февраля 2021 г., поводом к которым стало возвращение на территорию Российской Федерации оппозиционного блогера А. А. Навального и возобновление производства по ряду уголовных дел с его участием, закончилась массовыми задержаниями (по предварительно приводимой статистике более 3 тыс. фактически задержанных человек по всей стране на мероприятиях 23 января 2021 г. и более 4 тыс.

человек — 31 января 2021 г.)¹. Как оценку масштаба имевших место событий, так и правовую оценку действиям организаторов и участников данного мероприятия только предстоит дать компетентным субъектам правоприменения. Масштаб распространения призывов, обращенных к неограниченному кругу лиц (в том числе — к несовершеннолетним лицам), к участию в незаконных мероприятиях посредством социальных сетей, мессенджеров и т.д. сказался и на функционировании городской инфраструктуры, например, вызвав ограничения работы транспортной системы в г. Москве². ГУ МВД России по г. Москве был выпущен пресс-релиз, в котором столичная полиция в рамках своей компетенции, а также в целях правового просвещения населения и предупреждения совершения правонарушений и преступлений предупреждает, что за призывы и участие в несанкционированных митингах, демонстрациях, шествиях и пикетированиях предусмотрена ответственность в соответствии с законом, вплоть до уголовной³.

Открыто говоря о несанкционированности, незаконности проводимых акций как элемента стратегии своего поведения, призывая придерживаться её своих сторонников, представители А. А. Навального говорят о необходимости дальнейшего перерыва в проведении публичных мероприятий ввиду того, что в случае активного продолжения и неоднократных нарушений участникам таковых грозит уголовная ответственность⁴. Подобным образом сто-

¹ См. подробнее: Правозащитники сообщили о более 3 тыс. задержанных на митингах в России [Электронный ресурс] // URL: <https://www.rbc.ru/politics/23/01/2021/600c8a219a7947795f74f125> (дата обращения — 07.02.2021);

Правозащитники сообщили о рекордном числе задержанных на акциях в России [Электронный ресурс] // URL: <https://www.rbc.ru/politics/31/01/2021/6016e2289a79478685afa46f> (дата обращения — 07.02.2021).

² Официальная информация ГУ МВД России по г. Москве [Электронный ресурс] // URL: // <https://77.xn--b1aew.xn--p1ai/news/item/22825334> (дата обращения — 07.02.2021).

³ Там же.

⁴ Леонид Волков сообщил об отказе от митингов оппозиции до весны [Электронный ресурс] // URL: Леонид Волков сообщил об отказе от митингов

ронники оппозиционных направлений вовлекают в субкультуру несанкционированного митинга (как составной части криминальной субкультуры), просвещая апологетов своей идеологии относительно сроков и иных условий привлечения к уголовной ответственности, снижая авторитет органов государственной власти, отвечающих за соответствие закону порядка организации и проведения публичных мероприятий, в том числе правоохранительных органов. При этом они также искажают сущность и правовую природу права на мирное собрание, маргинализируя его. Это влечет за собой негативные последствия, так как способствует совершению большего числа правонарушений и преступлений.

Показательными представляются оценки общественного мнения. Проведенный непосредственно после данных событий опрос¹ показал следующее. Почти половина опрошенных россиян ожидают дальнейшего роста протестной активности. Это максимальный уровень с 1998 г. 43 % респондентов считают, что возможны митинги против падения уровня жизни, а 45 % говорят, что вполне вероятны политические акции протеста. При этом желающих принять участие в протестах с экономическими требованиями всего 17 %, а в политических еще меньше — 15 %. В то время как еще в ноябре 2020 г. соответствующие показатели составляли 23 % и 19 % соответственно.

По данным опроса, о недавних протестах в поддержку Алексея Навального знают 80 % россиян: 21 % респондентов внимательно следили за недавними протестами, еще 59 % хотя бы что-то слышали

оппозиции до весны (дата обращения — 09.02.2021).

¹ Январские протесты. Опрос аналитического центра «Левада-Центр» (включен Минюстом России в реестр иностранных агентов). Опрос проведен 29 января — 2 февраля 2021 года по репрезентативной всероссийской выборке городского и сельского населения объемом 1616 человек в возрасте от 18 лет и старше в 137 населенных пунктах, 50 субъектах Российской Федерации. Исследование проводится на дому у респондента методом личного интервью [Электронный ресурс] // URL: <https://www.levada.ru/2021/02/10/yanvarskie-protesty/> (дата обращения: 10.02.2021).

об этом. Ничего не знают о протестах 19 % опрошенных. Отмечается, что это самый высокий уровень осведомленности о протестных акциях за последние годы: о прошлогодних митингах в Хабаровске знали 75 %, о протестах в Башкирии — 37 %, о московских протестах 2019 г. — 63 %, о протестах сторонников Алексея Навального в июне 2017 г. знали 61 % россиян. При этом отношение у россиян к митингующим негативное (39 %) и безразличное (37 %), положительно относятся к протестующим 22 % респондентов. Кстати, россияне лучше относились к протестующим в Хабаровске летом 2020 г.: 47 % положительно и лишь 16 % отрицательно или к протестующим в Москве летом 2019 г.: 23 % положительно, 25 % — отрицательно.

Россияне в возрасте от 18 до 24 лет значительно лучше других возрастных групп относятся к участникам митингов: положительно — 38 %, отрицательно — 22 %. Хуже всех возрастных групп к участникам протеста относятся респонденты 55 лет и старше: 16 % положительно и больше половины (55 %) отрицательно. Главной причиной участия в протесте респонденты считают общее недовольство положением дел в стране (об этом говорят 43 % респондентов), летом 2019 г. так считали 41 %, летом 2017 г. — 18 %. Еще 28 % считают, что протестующие выходят на митинги, потому что им за это платят (и это один из самых высоких показателей за последние годы); летом 2019 г. так считали 11 %, летом 2017 г. — 12 %. Только 19 % считают, что побудительным мотивом для выхода на протест стало отношение к материалам, показанным на интернет-канале блогера А. А. Навального. Еще 16 % посчитали, что протестующими двигало возмущение арестом А. А. Навального.

Как существующие, так и вновь возникающие фоновые явления способствуют протестным настроениям, которые и приводят к нарушениям при организации и проведении публичных мероприятий. К таким явлениям можно отнести девальвацию культуры и образования, экономический спад, безработицу, нарастание эмоционального напряжения в обществе в ре-

зультате погружения мирового сообщества в решение проблем противодействия пандемии новой коронавирусной инфекции.

Внешнее выражение протестной активности граждан может приобретать формы публичных мероприятий, однако по содержанию она представляет собой проявления экстремизма и распространение данной идеологии. Обоснование потребности переоценки формально-юридического понимания видов экстремистской деятельности предопределяется тем, что нарушения в сфере организации и проведения публичных мероприятий, по своей сути в современных условиях, отвечают тем критериям, по которым определяются проявления экстремизма, в том числе по причине того, что публичные мероприятия могут становиться формой экстремистской деятельности.

Как следует из п. 8 опубликованного проекта поправок Стратегии противодействия экстремизму до 2025 г., разработанного МВД России, предлагается подход, согласно которому несанкционированные, а также протестные акции представляют собой наиболее опасные проявления экстремизма, не менее опасные, чем подготовка терактов¹. В п. 11 указанного документа отмечается, что одним из основных способов дестабилизации общественно-политической и социально-экономической обстановки в Российской Федерации становится привлечение различных групп населения к участию в несогласованных публичных мероприятиях (в том числе протестных акциях), которые умышленно трансформируются в массовые беспорядки. При этом авторами проекта делается акцент на то, что доля преступлений экстремистского характера в общей статистике невысока в силу успешного взятого курса на противодействие экстремизму. Проявления экстремизма создают угрозу безопасности государства, соответственно

подобная ситуация не может не требовать реагирования.

На наш взгляд, обоснованным являлось бы внесение соответствующих изменений не только в подзаконные нормативные правовые акты Президента Российской Федерации, но и в Федеральный закон от 25 июля 2002 г. № 114-ФЗ «О противодействии экстремистской деятельности». Как отмечает В. Е. Батюкова, «государственная политика в области противодействия экстремизму должна строиться на серьезном теоретико-правовом фундаменте и носить комплексный характер, основываясь на тех проблемах и противоречиях, которые сложились в обществе»². В актуальных условиях требуется переосмысление преступлений, совершаемых в сфере организации и проведения публичных мероприятий в совокупности с экстремистскими проявлениями по причине того, что «экстремизм, какую бы форму он ни принимал, несет угрозу национальной безопасности»³.

Современное состояние текста ст. 212.1 УК РФ не способствует стабильности и единообразию судебной практики, в связи с чем необходима тщательная проработка и реформирование комплекса законодательных норм, посвященных правовому регулированию организации и проведения публичных мероприятий, а также ответственности за нарушения в рассматриваемой сфере.

В целях точной квалификации преступления, предусмотренного ст. 212.1 УК РФ, а также исключения необоснованного вменения дополнительных признаков состава преступления, предлагается изменить диспозицию ст. 212.1 УК РФ, а именно, заменить дизъюнктивный союз «либо», разделяющий понятия «организация» и

¹ Проект указа Президента Российской Федерации «О внесении изменений в Стратегию противодействия экстремизму в Российской Федерации до 2025 года, утвержденную Президентом Российской Федерации 28 ноября 2014 года № Пр-2753» [Электронный ресурс] // URL: <https://regulation.gov.ru/projects#npa=100622> (дата обращения — 22.07.2020).

² Батюкова В.Е. Теоретико-правовые аспекты научного обеспечения противодействия молодежному экстремизму в современном обществе // Преступность в XXI веке. Приоритетные направления взаимодействия : монография / под общ. ред. чл.-корр. РАН А. Н. Савенкова. М.: ЮНИТИ-ДАНА : Закон и право, 2020. С. 303.

³ Дамаскин О. В. Криминологические аспекты противодействия преступности : науч.-практ. пособие. М.: Юрлитинформ, 2017. С. 75.

«проведение» на обоснованно признанную и применяемую в законодательных актах Российской Федерации связку грамматических союзов «и» («или»)).

Данное позволит исключить споры о грамматическом толковании указанной статьи, а также конкретизировать, в чем выразилось нарушение. Норма ст. 212.1 УК РФ является бланкетной, в связи с чем определение отдельных элементов состава данного преступления требует обращения к иерархии нормативных правовых актов разного уровня. Понятия же «организация» и «проведение» не вполне коррелируют с нормативными понятиями «организация» и «участие», что в очередной раз указывает на необходимость системного подхода к реформированию законодательства о публичных мероприятиях.

Предлагается на законодательном уровне соотнести положения уголовного законодательства и отраслевого законодательства, регулирующего порядок организации и проведения публичных мероприятий, в том числе указать в ст. 212.1 УК РФ, что ответственности подлежат участники и (или) организаторы публичного мероприятия в том значении, в котором данные понятия употребляются в данном законе, что позволит ликвидировать терминологические неточности в нормативных правовых актах.

Предлагается предусмотреть повышенную ответственность для депутатов, руководителей политических партий, других общественных объединений и религиозных объединений, их региональных отделений и иных структурных подразделений, так как совершение деяний указанными лицами обладает большей степенью общественной опасности в связи с наличием ресурса на вовлечение других лиц в совершение противоправных действий.

Выявлены особенности наличия административной преюдиции в составе преступления, предусмотренного ст. 212.1 УК РФ, что актуализирует проблему обоснованности её существования в современном уголовном праве, в связи с чем предлагается отказаться от элементов административной преюдиции в составе рассматриваемого преступления, сконструировать его

по модели материального состава преступления, с учетом подобного подхода в законодательных актах зарубежных стран, в том числе на территории СНГ. Опыт государств постсоветского пространства представляется особо значимым ввиду общего исторического прошлого, правовых традиций и элементов правовой культуры общества, которые не успели претерпеть тотальных изменений. Немаловажным также является общее нормативное и теоретико-правовое наследие таких государств.

В связи с выявлением субкультуры несанкционированного митинга предлагается комплекс мер противодействия её развитию, организация системы правового просвещения и правового воспитания молодежи, как наиболее восприимчивой группы населения к протестным явлениям, целенаправленного информирования граждан об особенностях нормативно-правового регулирования публичных мероприятий, а также о мерах ответственности за несоблюдение положений законодательства, повышения квалификации правоприменителей, поддержания авторитета законности и верховенства права.

Рассмотрение нарушений в сфере организации и проведения публичных мероприятий в контексте системы деяний экстремистского характера позволяет шире взглянуть на проблему, а также отвечает современным требованиям противодействия преступности, позволяет применять соответствующий инструментарий противодействия.

«Субкультура несанкционированного митинга» как новое социальное явление в системе правоотношений и правонарушений позволит сосредоточить внимание на определении идеалов и целей её последователей, способствовать предупреждению и противодействию проявлений девиантного поведения субъектов такой деятельности, в том числе поможет разработать методику правового воспитания в противовес антиконституционному пониманию публичных мероприятий. Ее последовательное структурное изучение позволит определить закономерности и тенденции ее экзистенции в актуальных условиях, а также осуществить прогнозирование кри-

минологической ситуации и разработать действенные меры по профилактике правонарушений и преступлений.

В современных условиях и реалиях демократического общества, к сожалению, не всегда точки соприкосновения, по которым не находится согласие, приводят к конструктивному диалогу. В целях достижения идеалов правового государства и обеспечения принципа верховенства права необходимо совершенствование методов и средств укрепления законности и правопорядка.

В современном мире, как в Российской Федерации, так и за ее пределами, важные социальные, экономические, процессы изменения в государственном устройстве и т.д. отражаются в общественном сознании и имеют своим следствием организацию и проведение публичных мероприятий.

Современное общество развивается по законам государства и в соответствии с проводимой в нем политикой. Публичные мероприятия становятся своего рода мостом между отдельными гражданами, обществом и государством. Значимость данного явления сложно переоценить. Вместе с тем обязанностью государства в лице своих компетентных органов является справедливая правовая оценка законности организуемых и проводимых публичных мероприятий, а также привлечение виновных лиц к ответственности, установленной законом за общественно опасные деяния, признаваемые преступлениями.

Библиография

1. Батюкова, В. Е. Теоретико-правовые аспекты научного обеспечения противодействия молодежному экстремизму в современном обществе / В. Е. Батюкова // Преступность в XXI веке. Приоритетные направления взаимодействия : монография / под общ. ред. чл.-корр. РАН А. Н. Савенкова. — М.: ЮНИТИ-ДАНА : Закон и право, 2020. — С. 292—325.
2. Дамаскин, О. В. Криминологические аспекты противодействия преступности : науч.-практ. пособие / О. В. Дамаскин. — М.: Юрлитинформ, 2017. — 264 с.
3. Дамаскин, О. В. Совершенствование Конституции Российской Федерации: современные проблемы и перспективы национальной безопасности / О. В. Дамаскин, М. И. Ясницкая // Нюрнберг: суд народов и мировой правопорядок: сб. науч. докладов и выступлений Междунар. науч.-практ. конф. Института государства и права

РАН / под общ. ред. чл.-корр. РАН А. Н. Савенкова. — М.: ЮНИТИ-ДАНА : Закон и право, 2020. — С. 288—308.

4. Савенков, А. Н. Государство и право в период кризиса современной цивилизации: монография / А. Н. Савенков. — М.: Проспект, 2020. — 448 с.

5. Эбзеев, Б. С. Введение в конституцию России : монография / Б. С. Эбзеев. — М.: Норма: ИНФРА-М., 2013. — 556 с.

Некоторые аспекты использования результатов оперативно-розыскной деятельности

© **Гирько Сергей Иванович,**

доктор юридических наук, профессор, главный научный сотрудник ФКУ НИИ ФСИН России, заслуженный деятель науки Российской Федерации

© **Харченко Сергей Владимирович,**

доктор юридических наук, доцент, профессор кафедры криминалистики Московской академии Следственного комитета Российской Федерации

Аннотация. В статье рассматриваются вопросы, связанные с представлением в орган дознания, следователю, прокурору или в суд результатов оперативно-розыскной деятельности, при наличии в них достаточных данных, указывающих на признаки преступления, а также в порядке выполнения поручения следователя о проведении оперативно-розыскных мероприятий по уголовным делам и материалам проверки сообщений о преступлениях, находящимся в его производстве.

Ключевые слова: оперативно-розыскная деятельность; уголовно-процессуальная деятельность; выявление и предупреждение преступлений; доказывание.

Some aspects of the use of the results of operational search activities

© **Girko S. I.,**

Doctor of Law, Professor, Chief Researcher of the Federal Research Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia, Honored Scientist of the Russian Federation

© **Kharchenko S. V.,**

Doctor of Law, Associate Professor, Professor of the Department of Criminalistics of the Moscow Academy The Investigative Committee of the Russian Federation

Annotation. The article deals with issues related to the submission to the body of inquiry, the investigator, the prosecutor or the court of the results of operational-search activities, if they contain sufficient data indicating signs of a crime, as well as in the order of execution of the investigator's instructions to conduct operational-search activities in criminal cases and the materials of verification of reports of crimes that are in its production.

Keywords: operational-search activity; criminal-procedural activity; detection and prevention of crimes; proof.

Современное состояние уголовно-процессуального законодательства характеризуется гуманистической направленностью в области обеспечения прав и интересов личности. Приоритетный учет социальных ценностей актуализирует вопросы обеспечения интересов доказывания по уголовным делам. В

условиях активной защиты конституционных прав и свобод граждан правоприменителю становится все сложнее осуществлять расследование обстоятельств совершенных преступлений.

Прежде чем перейти к исследованию проблемы использования результатов оперативно-розыскной деятельности

(ОРД) в расследовании преступлений на стадии возбуждения уголовного дела представляется целесообразным рассмотреть вопрос соотношения оперативно-розыскной и уголовно-процессуальной деятельности.

Необходимо отметить, что различные аспекты данной проблемы обстоятельно были исследованы отечественными учеными¹. В частности, ими определена специфика уголовно-процессуального и оперативно-розыскного познания, проанализирована его ретроспектива и перспектива, сделаны предложения по совершенствованию механизма взаимодействия.

Проблемы познания в уголовно-процессуальной деятельности находятся в диалектическом единстве с процессом доказывания. Они всегда привлекали к себе повышенное внимание ученых и практических работников правоохранительных органов². Каждый из

них формулировал свое определение процессу доказывания, но в целом их мнения очень близки по своей сути. Все они отмечают органическое единство практической и мыслительной деятельности, направленной на установление фактических обстоятельств уголовного дела.

Мы полагаем, что сущность доказывания исчерпывающим образом сформулировал Р. С. Белкин. Он разъяснил, что доказывание заключается в собирании, проверке и оценке доказательств. Причем собирание, исследование и оценка доказательств — не одновременные, сменяющие друг друга этапы, а различные стороны единого процесса доказывания, которые выступают в диалектическом единстве³.

Взаимодействие доказывания и ОРД на всех этапах познания настолько тесно, что иногда происходит смешение понятий процессуальной деятельности по доказыванию и деятельности обеспечительной, имеющей целью дать основание для процессуальных мероприятий, роль которой в большинстве случаев выполняет ОРД. Учитывая данные различия в познавательных подходах, следует иметь в виду, что далеко не все результаты познания, оформленные оперативно-розыскными документами, могут потом использоваться в доказывании¹.

Анализ проблемы соотношения оперативно-розыскной и уголовно-процессуальной деятельности свидетельствует, что проблемы отграничения информации, полученной в ее ходе, существуют. Это связано, прежде всего, с принципиальной разницей в

¹ См.: Астафьев Ю. В., Изотова Н. В. Доказывание и оперативно-розыскная деятельность: проблемы соотношения и взаимодействия. Курск: ФГУИПП «Курск», 2002. С. 75—147; Галустьян О. А. Обеспечение прав граждан в уголовно-процессуальной и оперативно-розыскной деятельности органов внутренних дел : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2001; Гушин А. Н., Громов Н. А., Царева Н. П. Оперативно-розыскная деятельность: совершенствование форм вхождения ее результатов в уголовный процесс. М., 2003. С. 37—52; Победкин А. В. Теория и методология использования вербальной информации в уголовно-процессуальном доказывании. М., 2005; Хомколов В. П. Организация управления оперативно-розыскной деятельностью. М., 1999; Харченко С. В. Оперативно-розыскная деятельность органов внутренних дел по борьбе с криминальным автобизнесом: вопросы теории и практики : дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2017; Шматов М. А. Теория оперативно-розыскной деятельности в системе уголовно-правовых наук. Волгоград, 2001 и другие.

² См.: Арсеньев В. Д. К вопросу об объекте и предмете советского уголовного процесса и уголовно-процессуального доказывания. М., 1964. С. 28—29; Строгович М. С. Курс советского уголовного процесса. Том 1: Основные положения науки советского уголовного процесса. М., 1968. С. 295; Гродзинский М. М. Государственный обвинитель в советском суде. М.: Госюриздат, 1954. С. 120; Михайловская И. Б. Уголовно-процессуальные основы

деятельности органов внутренних дел. М., 1988. С. 54; Уголовно-процессуальное право / под общ. ред. П. А. Лупинской. М., 1997. С. 152; Кокорев Л. Д., Кузнецов Н. П. Уголовный процесс: доказательства и доказывание. Воронеж. 1995. С. 8.

³ Белкин Р. С. Собирание, исследование и оценка доказательств. М.: Изд-во «Наука», 1966. С. 8—9.

¹ См.: Климов И. А. Оперативно-розыскная деятельность органов внутренних дел как процесс познания : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. М., 1995.

правовом регулировании методов получения оперативно-розыскной и уголовно-процессуальной информации, ее фиксации, а также правовых гарантиях, связанных с достоверностью, соблюдением прав и законных интересов граждан.

Известно, что доказывание — это процесс познания событий прошедшего, осуществляемый уполномоченными уголовно-процессуальным законодательством лицами² в особой процессуальной форме — путем собирания, проверки и оценки доказательств. В число лиц, уполномоченных законом осуществлять собирание доказательств, сотрудник оперативного подразделения не входит, в то же время им в практической деятельности активно осуществляется процесс познания в ходе ОРД по выявлению, пресечению, предупреждению, раскрытию и расследованию преступлений³.

Практика оперативных подразделений свидетельствует, что основную трудность в решении проблемы, связанной с возбуждением уголовных дел по оперативным материалам и последующим их использованием в уголовном процессе, представляет закрытость ОРД, основанной на принципах конспирации, и секретность характера проводимых оперативно-розыскных мероприятий.

В процессе ОРД приходится решать достаточно сложные задачи, связанные с проникновением в организованные группы и выявлением преступных замыслов на стадии их зарождения, а также с получением упреждающей информации о лицах, вынашивающих намерения и подготавливающих к совершению преступлений, и другие. В этих случаях невозможно обойтись без категорий лиц, перечисленных в ч. 2 ст. 12 Федерального закона «Об опера-

тивно-розыскной деятельности»¹, а значит, речь идет о придании официального характера информации, полученной из негласных источников.

Таким образом, в практической деятельности оперативных подразделений правоохранительных органов в уголовный процесс после возбуждения на основании оперативных материалов уголовного дела может быть допущена только та информация, которая поступает из любых источников, за исключением лиц, перечисленных в вышеуказанной статье.

Вопрос о возможности возбуждения уголовного дела на основании представленной оперативной информации, а затем формирования на ее основе доказательств, всегда находился в центре оживленной дискуссии. Мы полагаем, что он действительно заслуживает серьезного внимания, так как здесь может быть определен исходный рубеж, начиная с которого результаты ОРД могут быть использованы в уголовном процессе в качестве доказательств по уголовному делу.

Использование результатов проведенных оперативно-розыскных мероприятий в доказывании по уголовным делам осуществляется в соответствии с закрепленными уголовно-процессуальным законодательством общими принципами. Оно должно обеспечивать полноту и всесторонность исследования всех обстоятельств, составляющих предмет доказывания по уголовному делу, объективность расследования и установление наряду с уличающими оправдывающих или смягчающих вину фактических данных.

Представление результатов оперативно-розыскной деятельности в орган дознания, следователю, прокурору или в суд непосредственно уголовно-процессуальным законом не регламентируется, но не должно противоречить его требованиям.

² Суд, прокурор, следователь, дознаватель (см. ч. 1 ст. 74 УПК РФ).

³ См.: Бобров В.Г. Правовые и организационные основы оперативной разработки, пути и меры ее совершенствования (вопросы теории и практики) : дис. ... д-ра юрид. наук. М., 1990. С. 74—98.

¹ Лица, внедренные в организованные преступные группы; штатные негласные сотрудники органов, осуществляющих ОРД; лица, оказывающие им содействие на конфиденциальной основе.

Данное заключение вытекает из анализа ст. 86 УПК РФ, допускающего представление таких результатов в качестве самостоятельного способа собирания доказательств, наряду с производством следственных действий. Важнейшим условием возможности использования тех или иных сведений о фактах преступной деятельности в качестве доказательств является обеспечение легального источника их происхождения. Поэтому способы легализации результатов оперативно-розыскных мероприятий во многом зависят от возможности последующего выступления на предварительном следствии и в суде лиц, непосредственно осуществлявших оперативно-розыскное мероприятие, в качестве свидетелей.

Как известно, оперативно-розыскные мероприятия могут проводиться как гласными, так и негласными сотрудниками оперативных подразделений органов, осуществляющих ОРД, а также лицами, оказывающими содействие этим органам на негласной основе.

Основные проблемы возникают при использовании в процессе доказывания сведений, полученных негласными сотрудниками и лицами, оказывающими содействие на негласной основе. Так, соответствии с требованиями нормативных правовых актов МВД России при использовании материалов, полученных оперативно-поисковыми подразделениями и подразделениями специальных технических мероприятий недопустима расшифровка источника и способа их получения. В такой ситуации необходимо проведение мероприятий, направленных на то, чтобы источником поступления информации явился гласный сотрудник.

Порядок оформления документов для представления материалов, полученных оперативно-розыскным путем (предметов, документов), уголовно-процессуальным законом не детализирован. Однако ч. 3 ст. 11 Федерального закона «Об оперативно-розыскной деятельности» предусматривает, что результаты ОРД представляются органу предварительного расследования на

основании постановления руководителя органа, осуществляющего оперативно-розыскную деятельность. Один экземпляр такого постановления приобщается к материалам дела оперативного учета, а второй — направляется на имя руководителя соответствующего следственного подразделения для решения вопроса о возбуждении уголовного дела или решения вопроса о приобщении материалов к уголовному делу, находящемуся в производстве. К такому постановлению прилагаются: постановление о рассекречивании результатов оперативно-розыскных мероприятий; рапорт сотрудника, проводившего мероприятие; документы, фиксирующие этапы его проведения (за исключением раскрывающих сведения, составляющие государственную тайну), материальные носители информации и т.п.

Если оперативное мероприятие проводилось по отдельному поручению следователя, направление материалов оформляется как ответ на него.

Принятие представленных оперативных материалов может быть оформлено протоколом, в котором (без обязательного приглашения каких-либо посторонних граждан) фиксируются обстоятельства и факт принятия и приобщения к делу предметов, документов и их краткое описание. В дальнейшем представленные материалы используются в соответствии с нормами УПК РФ. Их достоверность проверяется путем проведения соответствующих следственных действий.

В процессе проведения оперативно-розыскных мероприятий, как правило, применяются технические средства, не причиняющие вреда здоровью человека. В частности, для фиксации тех или иных обстоятельств используется звуко- и видеозаписывающая аппаратура. Результаты оперативно-технических мероприятий могут быть зафиксированы на различных материальных (физических) носителях информации (фонограммах, видеogramмах, кинолентах, фото пленках, фотоснимках, магнитных, лазерных дисках, слепках и т.п.). Для того, чтобы содержащиеся (за-

фиксированные) на носителях информации сведения были признаны доказательствами по делу, должны соблюдаться определенные требования.

Таким образом, помимо непосредственного использования результатов оперативно-розыскной деятельности в качестве вещественных доказательств или иных документов, они могут влиять на принятие решений о производстве следственных действий, а также на ход их проведения. В таких случаях речь идет об оперативно-розыскной информации, источники получения которой не могут быть расшифрованы, либо данную информацию не удалось легализовать средствами уголовного процесса. Подобного рода сведения доводятся до следователя в процессе оперативного сопровождения уголовного дела в такой форме, чтобы также не повлечь установление источника их происхождения.

На этапе подготовки к проведению следственных действий оперативно-розыскная информация такого рода имеет важное значение в организационно-тактическом аспекте. С ее помощью дознаватель, следователь могут наиболее точно определить время и место производства следственного действия, привлечь необходимые научно-технические и транспортные средства, конкретных специалистов и оперативных работников для оказания содействия, правильно спланировать выбор и последовательность тактических приемов проведения следственного действия.

Библиография

1. Астафьев, Ю. В. Доказывание и оперативно-розыскная деятельность: проблемы соотношения и взаимодействия / Ю. В. Астафьев, Н. В. Изотова. — Курск: ФГУИПП «Курск», 2002.
2. Арсеньев, В. Д. К вопросу об объекте и предмете советского уголовного процесса и уго-

ловно-процессуального доказывания / В. Д. Арсеньев. — М., 1964.

3. Белкин, Р. С. Собираение, исследование и оценка доказательств / Р. С. Белкин. — М.: Изд-во «Наука», 1966.

4. Бобров, В. Г. Правовые и организационные основы оперативной разработки, пути и меры ее совершенствования (вопросы теории и практики): дис. ... д-ра юрид. наук / В. Г. Бобров. — М., 1990.

5. Галустьян, О. А. Обеспечение прав граждан в уголовно-процессуальной и оперативно-розыскной деятельности органов внутренних дел: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук / О. А. Галустьян. — М., 2001. — 54 с.

6. Гродзинский, М. М. Государственный обвинитель в советском суде / М. М. Гродзинский. — М.: Госюриздат, 1954.

7. Гушин, А. Н. Оперативно-розыскная деятельность: совершенствование форм вхождения ее результатов в уголовный процесс / А. Н. Гушин, Н. А. Громов, Н. П. Царева. — М., 2003.

8. Климов, И. А. Оперативно-розыскная деятельность органов внутренних дел как процесс познания: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук / И. А. Климов. — М., 1995. — 48 с.

9. Кокорев, Л. Д. Уголовный процесс: доказательства и доказывание / Л. Д. Кокорев, Н. П. Кузнецов. — Воронеж, 1995.

10. Михайловская, И. Б. Уголовно-процессуальные основы деятельности органов внутренних дел / И. Б. Михайловская. — М., 1988.

11. Победкин, А. В. Теория и методология использования вербальной информации в уголовно-процессуальном доказывании / А. В. Победкин. — М., 2005. — 420 с.

12. Строгович, М. С. Курс советского уголовного процесса. Том 1: Основные положения науки советского уголовного процесса / М. С. Строгович. — М., 1968.

13. Уголовно-процессуальное право / под общ. ред. П. А. Лупинской. — М., 1997.

14. Хомколов, В. П. Организация управления оперативно-розыскной деятельностью / В. П. Хомколов. — М., 1999. — 192 с.

15. Харченко, С. В. Оперативно-розыскная деятельность органов внутренних дел по борьбе с криминальным автобизнесом: вопросы теории и практики: дис. ... д-ра юрид. наук / С. В. Харченко. — М., 2017. — 545 с.

16. Шматов, М. А. Теория оперативно-розыскной деятельности в системе уголовно-правовых наук / М. А. Шматов. — Волгоград, 2001. — 226 с.

Способы совершения преступлений организованными преступными группами

© Октысюк Алина Вячеславовна,
студент Юридического института Российского
университета транспорта (МИИТ)

Аннотация. Работа посвящена отдельным проблемным вопросам, относящимся к такому социальному явлению, как организованная преступная деятельность, методам и способам её организации и деятельности. Среди основных признаков преступлений, совершаемых организованными преступными группами и преступными сообществами (преступными организациями), выделяется такой важнейший признак, как способ совершения этих деяний. Отмечается специфическая особенность, отграничивающая способы совершения преступлений экстремистской направленности, от способов совершения преступлений в иных сферах. Приводятся мнения теоретиков уголовного права и криминалистики относительно определения понятия способа совершения преступления и его содержания.

Ключевые слова: организованная преступность; способы совершения преступлений; способы сокрытия следов преступления; следственные ситуации.

Methods of committing crimes by organized criminal groups

© Oktysyuk A. V.,
student of the Law Institute of the Russian University
of Transport (MIIT)

Annotation. The work is devoted to certain problematic issues related to such a social phenomenon as organized criminal activity, methods and methods of its organization and activity. Among the main signs of crimes committed by organized criminal groups and criminal communities (criminal organizations), such an important sign as the method of committing these acts is highlighted. A special feature is noted that distinguishes the methods of committing crimes of an extremist orientation from the methods of committing crimes in other spheres. The opinions of theorists of criminal law and criminalistics regarding the definition of the concept of the method of committing a crime and its content are given.

Keywords: organized crime; methods of committing crimes; ways of concealing traces of a crime; investigative situations.

В последнее время отмечается значительный прирост преступлений, имеющих экстремистский и террористический характер, которые, как правило, совершаются организованными преступными группами и преступными сообществами. К примеру, согласно сведениям Портала правовой статистики Генеральной прокуратуры Российской Федерации, на территории России с января по декабрь 2019 г. было зарегистрировано 585 преступлений экстремистской направленности, а с января по сентябрь 2020 г. уже зарегистриро-

вано 651 преступление¹. Причем относительно преступлений, совершенных в 2020 г. выявлено лишь 437 лиц, их совершивших, что составляет всего 67 % от общего числа зарегистрированных преступлений. А это позволяет вполне обоснованно говорить, что многие такие преступления, если не большинство, остаются не раскрытыми, а лица, их совершившие, гуляют на свободе, продолжая, как правило,

¹ Портал правовой статистики Генеральной прокуратуры Российской Федерации. <http://crimestat.ru/> (дата обращения: 12.11.2020).

совершать и далее подобные преступления.

Многие из выявленных преступлений были совершены на объектах транспортной инфраструктуры. Такие преступления, как правило, совершаются организованными преступными группами¹. Следовательно, нет сомнений в том, что вопрос о способе совершения преступления организованными группами, действующими на транспорте, в том числе экстремистской направленности, подлежит доскональному изучению для более точного определения особенностей таких преступлений, что впоследствии позволит повысить процент их раскрываемости.

Говоря о способах, применяемых для совершения экстремистских преступлений, необходимо обязательно отметить, что этот вопрос подвергался недостаточно глубокому исследованию по причине весьма короткого времени действия статей УК РФ, предусматривающих ответственность за такие общественно опасные деяния. Вместе с тем, изучение и глубокий анализ материалов судебной практики по подобным преступным проявлениям позволяет уяснить, что рассматриваемые нами преступления, обладают некоторыми характерными признаками, вызывающими определенные затруднения в ходе их раскрытия и квалификации при расследовании². По нашему мнению, подобное зависит, прежде всего, от недостаточного количества и вместе с этим недостаточно высокого качества имеющихся криминалистических разработок, и, что не менее важно, от имеющихся противоречий в международных и внутренних правовых источниках, по-разному трактующих рас-

сматриваемые преступления. Всё это негативно сказывается на возможностях совместной борьбы правоохранительных органов различных стран с международной преступностью экстремистского и террористического характера³.

Для того, чтобы определить особенности способа рассматриваемого преступления, для начала необходимо разобраться с общими понятиями. Способ совершения преступления относится наряду с лицом, совершившим преступление, к важнейшему элементу криминалистической характеристики преступления и выражается в определенном плане конкретных действий, направленных, в данном случае, на достижение желаемого для виновного лица (виновных лиц) результата. Ст. 73 УПК РФ дает прямое недвусмысленное указание на то, что способ совершения преступления в обязательном порядке подлежит доказыванию, поскольку иначе расследование преступления не стоит считать полным. В связи с этим не остается никаких сомнений в значимости определения особенностей способа совершения преступления на транспорте, в том числе экстремистского и террористического характера. В настоящей статье рассматриваются вопросы, относящиеся к преступлениям только экстремистского характера.

Для более точного определения понятия «способ совершения преступления» попытаемся обратиться к литературе. Так, И. А. Подройкина определяет способ совершения преступления как один из факultatивных признаков объективной стороны, указывая, что способ совершения преступления подразумевает, какие конкретно методы и приёмы были использованы лицом при совершении преступле-

¹ Суденко В. Е. Специфика расследования преступлений, совершённых организованными преступными группами и преступными сообществами, в том числе на объектах транспортной инфраструктуры // Учёные записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского. Юридические науки. 2019. Т. 5. № 2. С. 217—224.

² Суденко В. Е. Транспортные преступления: особенности квалификации // Транспортное право и безопасность. 2016. № 11(11). С. 15—20.

³ Суденко, В. Е. Взаимодействие правоохранительных органов различных государств по борьбе с организованной преступностью // Вестник Юридического института МИИТ. 2019. № 1 (25). С. 37—47; Суденко, В. Е. Международное сотрудничество правоохранительных органов по борьбе с организованной преступностью // Военное право. 2019. № 1 (53). С. 378—384.

ния¹. Способ совершения преступления является составляющим элементом состава преступления, относящимся к факультативным признакам его объективной стороны, который всегда учитывается при расследовании и дальнейшем судебном рассмотрении уголовного дела и оказывает значительное влияние на выбор и назначение вида и размера наказания. На особую значимость установления способа совершения преступления обращал внимание еще профессор Н. С. Таганцев, который отмечал, что способ совершения преступления может влиять на усиление ответственности за совершенное деяние и на квалификацию совершенных действий².

Законодательно понятие способа совершения преступления нигде не закреплено, в то же время и в научной литературе нет единой точки зрения по этому поводу. Приведём весьма интересное и в то же время оригинальное формулирование понятия способа совершения преступления, высказанное А. А. Смердовым. По его мнению, способ совершения преступления рассматривается как форма, выражающая определенные преступные действия, различные приемы и методы, либо их совокупность, которые были применены лицом, совершившим преступление³.

С учётом вышесказанного приходим к выработке формулировки единого определения понятия «способ совершения преступления», а именно, способ — это не что иное, как определенная форма, в которой выражены общественно опасные действия, различные приемы и методы, либо их совокупность, которыми воспользовался преступник либо группа лиц в процессе

подготовки, совершения преступления, а также сокрытия следов⁴.

Способ совершения преступления очень тесно взаимосвязан с личностью преступника, прежде всего с характеристикой субъективной стороны данного лица, которое избирает способ совершения преступления исходя из сложившейся ситуации, его мотива и цели⁵. То есть способы приготовления к преступлению и сокрытия его следов, вид использованных орудий показывают определенные признаки, которые имеются у преступника и которые были им приобретены⁶. Говоря о рассматриваемых преступлениях, думается, что их можно условно классифицировать (сгруппировать) по следующим способам создания и дальнейшей деятельности преступного формирования исследуемой направленности:

1. Способы организации деятельности участников религиозного или иного объединения, которое судебным решением запрещено в Российской Федерации;

2. Способы преступного (открытого или завуалированного) давления на потенциальных участников той или иной организации экстремистской направленности, в том числе:

— средства, приёмы, иные действия, которые используются виновными лицами в целях привлечения кандидатов в состав и деятельность экстремистской организации;

— методы, средства и силы, направленные на побуждение конкретных

¹ Уголовное право. Общая часть. В 2 т. Том 1 : учебник для вузов / И. А. Подройкина [и др.] ; отв. ред. И. А. Подройкина, Е. В. Серегина, С. И. Улезько. 5-е изд., перераб. и доп. М.: Юрайт, 2020.

² Таганцев Н. С. Русское уголовное право в 2 ч. Ч. 1. М.: Юрайт, 2019.

³ Боровиков В. Б. Уголовное право. Общая и Особенная части : учебник для прикладного бакалавриата / В. Б. Боровиков, А. А. Смердов ; отв. ред. В. Б. Боровиков. 2-е изд. М.: Юрайт, 2016.

⁴ Суденко В. Е. Криминалистическое учение о способе совершения преступления. Криминалистика. Пятигорск, 2008. С. 31—39; Бугаев В. А., Аблаева Д. С. Способ совершения преступления и его влияние на квалификацию // Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского. Юридические науки. 2018. № 3.

⁵ Суденко В. Е. Доминирующее значение субъективной стороны в преступлении // Военное право. 2018. № 4 (50). С. 224—231.

⁶ Суденко В. Е. Криминалистические учёты — важнейшее средство борьбы с преступлениями // Право и государство: теория и практика. 2016. № 6 (138). С. 137—140.

лиц к участию в организации экстремистской направленности;

— действия по вербовке кандидатов в экстремистское формирование¹.

Конечно, изложенная группировка способов носит довольно условный характер, но, тем не менее, она наиболее часто встречается в практической деятельности.

Для более точного определения способов воздействия необходимо разграничить такие понятия, как «вовлечение», «склонение» и «вербовка». Данные понятия в уголовном законе имеют место в тех ситуациях, где действия лица направлены на сознание и волю других лиц для возбуждения желания у них принимать участие в совершении преступления.

Термин «вовлечение» в соответствии с Толковым словарем С. И. Ожегова означает побуждение кого-либо либо его привлечение к участию в чем-нибудь. Склонение же обозначает убеждение в необходимости совершения какого-либо поступка, когда вербовка подразумевает привлечение в какую-либо конкретную организацию.

Нередко о способе совершения преступления можно судить по результатам осмотра места происшествия².

Говоря о следообразовании относительно рассматриваемого вида преступления, можно указать, что в данном случае характерными являются следующие следы:

1) наличие следов вербовки либо иного вовлечения лица (переписки, общение);

2) финансовые операции с банковскими картами и счетами;

3) деятельность различных организация (религиозных, общественных и т.п.), оставляющая следы в виде

графиков встреч, планов, литературы определённой направленности;

4) следы, указывающие на международную деятельность преступной организации, то есть за пределами территории Российской Федерации;

5) следы, свидетельствующие о деятельности на территории нашей страны иностранных организованных организаций и сообществ, в том числе и участием российских организованных преступных групп и преступных сообществ;

б) следы других различных преступлений экстремисткой или террористической направленности.

Помимо приведённого требуется рассматривать типичные следственные ситуации, которые так или иначе присущи первоначальному этапу раскрытия и расследования преступлений экстремистской направленности. К указанным ситуациям следует отнести:

— первая ситуация, когда создание организации экстремисткой направленности правоохранительным органам известно;

— вторая ситуация, при которой у правоохранительного органа имеются криминалистически значимые сведения и признаки, подтверждающие организацию (создание) деятельности экстремисткой направленности и содержащиеся в соответствующих криминалистических учётах³;

— третья ситуация означает, что в правоохранительных органах отсутствует конкретная информация об организации приведённой выше деятельности, однако имеются отдельные признаки, указывающие на подготовку и/или совершение преступлений террористической или экстремистской направленности.

В завершение данного изложения следует отметить, что способ совершения преступления фокусирует внимание на основных элементах криминалистической характеристики, то есть на имеющихся

¹ Выстропов В. Г. Систематизация способов преступлений, связанных с организацией деятельности экстремистских организаций, и их влияние на исходные следственные ситуации // Известия ТулГУ. Экономические и юридические науки. 2018. № 2-2.

² Суденко В. Е. Тактика осмотра места железнодорожного происшествия // Мир транспорта. 2017. Т. 15. № 1 (68). С. 210—222.

³ Суденко В. Е. Криминалистические учеты в системе борьбы с преступлениями // Вестник Юридического института МИИТ. 2016. № 4(16). С. 21—26.

данных, которые отражают определенные особенности совершения конкретного преступления. Таким образом, актуализируется рассмотрение элементов криминалистической характеристики, так как это составляет теоретическую основу при планировании первоначального этапа расследования преступлений различной направленности. При этом немаловажное значение для целей борьбы с преступлениями экстремистской направленности имеют криминалистические учётные лиц, способов, орудий и средств совершения преступлений, в том числе экстремистской направленности.

Библиография

1. Боровиков, В. Б. Уголовное право. Общая и Особенная части : учебник для прикладного бакалавриата / В. Б. Боровиков, А. А. Смердов ; отв. ред. В. Б. Боровиков. 2-е изд. — М.: Юрайт, 2016. — 532 с.
2. Бугаев, В. А. Способ совершения преступления и его влияние на квалификацию / В. А. Бугаев, Д. С. Аблаева // Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского. Юридические науки. — 2018. — № 3.
3. Выстропов, В. Г. Систематизация способов преступлений, связанных с организацией деятельности экстремистских организаций, и их влияние на исходные следственные ситуации / В. Г. Выстропов // Известия ТулГУ. Экономические и юридические науки. — 2018. — № 2-2.
4. Суденко, В. Е. Взаимодействие правоохранительных органов различных государств по борьбе с организованной преступностью / В. Е. Суденко // Вестник Юридического института МИИТ. — 2019. № 1 (25). — С. 37—47.
5. Суденко, В. Е. Доминирующее значение субъективной стороны в преступлении // Военное право. — 2018. — № 4 (50). — С. 224—231.
6. Суденко, В. Е. Криминалистические учётные — важнейшее средство борьбы с преступлениями / В. Е. Суденко // Право и государство: теория и практика. — 2016. — № 6 (138). — С. 137—140.
7. Суденко, В. Е. Криминалистические учётные в системе борьбы с преступлениями // Вестник Юридического института МИИТ. — 2016. — № 4(16). — С. 21—26.
8. Суденко, В. Е. Криминалистическое учение о способе совершения преступления. Криминалистика / В. Е. Суденко. — Пятигорск, 2008.
9. Суденко, В. Е. Международное сотрудничество правоохранительных органов по борьбе с организованной преступностью / В. Е. Суденко // Военное право. — 2019. — № 1 (53). — С. 378—384.
10. Суденко, В. Е. Специфика расследования преступлений, совершённых организованными преступными группами и преступными сообществами, в том числе на объектах транспортной инфраструктуры / В. Е. Суденко // Ученые записки Крымского федерального университета им. В. И. Вернадского. Юридические науки. — 2019. — Т. 5. — № 2. — С. 217—224.
11. Суденко, В. Е. Тактика осмотра места железнодорожного происшествия / В. Е. Суденко // Мир транспорта. — 2017. — Т. 15. — № 1 (68). — С. 210—222.
12. Суденко, В. Е. Транспортные преступления: особенности квалификации // Транспортное право и безопасность. — 2016. — № 11(11). — С. 15—20.
13. Таганцев, Н. С. Русское уголовное право в 2 ч. Ч. 1 / Н. С. Таганцев. — М.: Юрайт, 2019. — 414 с.
14. Уголовное право. Общая часть. В 2 т. Том 1 : учебник для вузов / И. А. Подройкина [и др.] ; отв. ред. И. А. Подройкина, Е. В. Серегина, С. И. Улезько. — 5-е изд., перераб. и доп. — М.: Юрайт, 2020. — 299 с.

О рассмотрения военными судами гражданского иска по уголовному делу (на примерах судебной практики)

© Харитонов Станислав Станиславович,
кандидат юридических наук, профессор

© Смирнов Дмитрий Витальевич,
кандидат юридических наук

Аннотация. В статье приведены примеры из практики военных судов о возмещении виновными военнослужащим ущерба, причиненного преступлением.

Ключевые слова: военные суды, гражданский иск, военнослужащий, возмещение ущерба от преступления.

On consideration by military courts of a civil claim in a criminal case (based on examples of judicial practice)

© Kharitonov S. S.,
Candidate legal sciences, professor

© Smirnov D. V.,
Candidate of Legal Sciences

Resume. The article provides examples from the practice of military courts on compensation by guilty servicemen for damage caused by a crime.

Key words: military courts, civil claim, serviceman, compensation for damage from a crime.

Общеизвестно, что предъявление воинской частью в рамках уголовного дела гражданского иска о возмещении имущественного вреда, причиненного преступлением, осуществляется в уголовно-процессуальной форме. Данные вопросы в той или иной степени рассматривались военными юристами.

Инструкция об организации в Вооруженных Силах Российской Федерации представительства в судах определяет, что при защите интересов воинской части, признанной потерпевшим, гражданским истцом по уголовному делу, представитель воинской части выполняет ряд действий, в том числе:

— предъявляет гражданский иск после возбуждения уголовного дела и до окончания судебного следствия при разбирательстве данного уголовного дела в суде первой инстанции после установления, в том числе экспертным путем, суммы имущественного вреда, причиненного преступлением, либо предъявления обвинения в

окончательной редакции лицу, действиями которого причинен установленный материальный ущерб;

— совершает действия, предусмотренные процессуальным законодательством в рамках полномочий, определенных доверенностью, в целях защиты имущественных интересов воинской части;

— в установленный срок обжалует судебные акты при наличии соответствующих оснований;

— незамедлительно осуществляет работу по подаче искового заявления к лицам, причинившим ущерб, в гражданском процессуальном порядке в случае оставления гражданского иска судом в рамках уголовного дела без рассмотрения либо прекращения уголовного дела по нереабилитирующим основаниям¹.

¹ П. 19 Инструкции об организации в Вооруженных Силах Российской Федерации представительства в судах, утвержденной приказом Министра обороны Российской Федерации от 20 марта 2020 г. № 150.

С учетом указанных требований полагаем важным знание представителями военных частей в судах принимаемых военными судами решений, формирующих судебную практику, для надлежащей подготовки документов.

В случае постановления оправдательного приговора в связи с отсутствием в деянии подсудимого состава преступления гражданский иск подлежит оставлению без рассмотрения.

По приговору гарнизонного военного суда, оставленному без изменения апелляционным определением окружного военного суда, Х. оправдан по ст. 351 УК РФ в связи с отсутствием в его действиях состава преступления, и военному прокурору отказано в удовлетворении гражданского иска о взыскании с оправданного суммы в счет возмещения причиненного материального ущерба.

Отменяя приговор по кассационному представлению прокурора и кассационной жалобе потерпевшего в части решения, принятого по гражданскому иску, и отставляя гражданский иск без рассмотрения, Кассационный военный суд в обоснование указал следующее.

Согласно ч. 2 ст. 306 УПК РФ при постановлении оправдательного приговора, вынесении постановления или определения о прекращении уголовного дела по основаниям, предусмотренным п. 1 ч. 1 ст. 24 (отсутствие события преступления) и п. 1 ч. 1 ст. 27 (непричастность подозреваемого или обвиняемого к совершению преступления) названного Кодекса, суд отказывает в удовлетворении гражданского иска. В остальных случаях суд оставляет гражданский иск без рассмотрения. Оставление судом гражданского иска без рассмотрения не препятствует последующему его предъявлению и рассмотрению в порядке гражданского судопроизводства.

На необходимость оставления гражданского иска без рассмотрения в случае постановления оправдательного приговора за отсутствием состава преступления указывается и в

разъяснениях, данных в п. 39 Постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 29 ноября 2016 г. № 55 «О судебном приговоре» и в п. 30 Постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 13 октября 2020 г. «О практике рассмотрения судами гражданского иска по уголовному делу».

Поскольку Х. оправдан в связи с отсутствием в его действиях состава преступления, а отказ в удовлетворении гражданского иска препятствует последующему его предъявлению и рассмотрению в порядке гражданского судопроизводства, принятое судом первой инстанции решение является существенным нарушением уголовно-процессуального закона, повлиявшим на исход дела¹.

Поскольку субъектом преступления и причинителем вреда потерпевшему является военнослужащий Минобороны России, совершивший эти деяния при исполнении служебных обязанностей, то возмещение вреда по правилам ст. 1069 ГК РФ должно возлагаться на Российскую Федерацию, от имени которой в суде по уголовному делу должен выступать главный распорядитель бюджетных средств по ведомственной принадлежности — Минобороны России.

Согласно приговору гарнизонного военного суда Н., будучи военнослужащим Минобороны России, и находясь при исполнении служебных обязанностей, нанес подчиненному матросу З. не менее одного удара кулаком в грудь в область солнечного сплетения.

Судом было принято решение о взыскании с Министерства финансов России, привлеченного по делу в качестве гражданского ответчика, за счет казны суммы в

¹ См.: Кассационное определение Кассационного военного суда от 27 января 2021 г. № 77-38/2021, 77-61/2021 URL: https://vkas.sudrf.ru/modules.php?name=sud_delo&srv_num=1&name_op=doc&number=2874874&dello_id=2450001&new=2450001&text_number=1 (Дата обращения 08.07.2021).

счет компенсации потерпевшему морального вреда, причиненного преступлением.

Согласно ст. 1069 ГК РФ вред, причиненный гражданину в результате незаконных действий (бездействия) государственных органов либо должностных лиц этих органов, подлежит возмещению за счет казны Российской Федерации. В соответствии со ст. 1071 ГК РФ в случаях, когда причиненный вред подлежит возмещению за счет казны Российской Федерации, от имени казны выступают соответствующие финансовые органы.

Субъектом, обязанным возместить вред по правилам ст. 1069 ГК РФ, и, соответственно, ответчиком по указанным искам является Российская Федерация, от имени которой в суде выступает главный распорядитель бюджетных средств по ведомственной принадлежности тех государственных органов (должностных лиц), в результате незаконных действий (бездействия) которых физическому или юридическому лицу причинен вред (п. 3 ст. 125 ГК РФ, ст. 6, подп. 1 п. 3 ст. 158 БК РФ) (абз. второй п. 14 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 28 мая 2019 г. № 13 «О некоторых вопросах применения судами норм Бюджетного кодекса Российской Федерации, связанных с исполнением судебных актов по обращению взыскания на средства бюджетов бюджетной системы Российской Федерации»).

В силу ст. 6 БК РФ и подп. 31 п. 10 Положения о Министерстве обороны Российской Федерации, утвержденного Указом Президента РФ от 16 августа 2004 года № 1082, главным распорядителем средств федерального бюджета, предусмотренных на содержание Министерства обороны Российской Федерации и реализацию возложенных на него полномочий, является Министр обороны Российской Федерации.

Поскольку Н. совершил преступление и причинил вред потерпевшему, будучи военнослужащим Минобороны России и при исполнении служебных обязанностей, то субъектом, обязанным возместить вред по правилам ст. 1069 ГК РФ, и, соответственно, ответчиком по иску потерпевшего

является Российская Федерация, от имени которой в суде по настоящему уголовному делу должен выступать главный распорядитель бюджетных средств по ведомственной принадлежности — Минобороны России.

Однако, как следует из материалов уголовного дела, Минобороны России в качестве гражданского ответчика по иску потерпевшего не признавалось, к участию в рассмотрении иска не привлекалось. Иск потерпевшего о компенсации ему морального вреда, причиненного преступлением, разрешен судом без учета приведенных требований закона и без привлечения к участию в деле лица, права и обязанности которого затронуты решением по этому иску.

Установив вышеизложенное, флотский военный суд в апелляционном порядке отменил приговор в части разрешения гражданского иска потерпевшего к Министерству финансов Российской Федерации и направил дело в этой части в тот же суд на новое рассмотрение в порядке гражданского судопроизводства в ином составе судей¹.

Лица, совместно совершившие преступление и причинившие вред при совершении преступления, отвечают перед потерпевшим солидарно.

По приговору гарнизонного военного суда, постановленному в особом порядке принятия судебного решения при заключении досудебного соглашения о сотрудничестве, Б. признан виновным в хищении путем растраты в составе организованной группы с иными лицами, в отношении которых уголовные дела выделены в отдельные производства, принадлежащих Минобороны России материальных средств.

Приговором также удовлетворен гражданский иск, с Б. постановлено взыс-

¹ Обзор судебной практики по уголовным делам (материалам), рассмотренным гарнизонными военными судами, подведомственными Балтийскому флотскому военному суду, в I полугодии 2020 г. (извлечение) // URL: <http://baltovs.kln.sudrf.ru/modules.php?name=document&id=113> (Дата обращения 08.07.2021).

кать в пользу Минобороны России в счет возмещения имущественного вреда, причиненного преступлением.

Разрешая гражданский иск, суд обоснованно исходил из того, что применительно к особому порядку судебного разбирательства под обвинением, с которым соглашается обвиняемый, заявляя ходатайство о постановлении приговора без проведения судебного разбирательства в общем порядке, следует понимать фактические обстоятельства содеянного обвиняемым, форму вины, мотивы совершения деяния, юридическую оценку содеянного, а также характер и размер вреда, причиненного деянием обвиняемого.

В ходе судебного заседания подсудимым Б. не оспаривались характер и размер вреда, причиненного им совместно с другими лицами Минобороны России в результате хищения имущества. При этом Б. в судебном заседании в полном объеме признал исковые требования Минобороны России о взыскании с виновных лиц в счет возмещения причиненного ущерба.

Однако при разрешении гражданского иска суд не учел, что приговором гарнизонного военного суда удовлетворен аналогичный иск Минобороны России к осужденному Г., уголовное дело в отношении которого было выделено в отдельное производство.

При таких обстоятельствах суду следовало указать в приговоре о возложении на Б. в соответствии со ст. 1080 ГК РФ обязанности по возмещению ущерба потерпевшему солидарно с ранее осужденным Г., поскольку согласно указанной правовой норме лица, совместно причинившие вред, отвечают перед потерпевшим солидарно.

Данная позиция полностью согласуется с разъяснениями Пленума Верховного Суда Российской Федерации, изложенными в Постановлении от 13 октября 2020 г. № 23 «О практике рассмотрения судами гражданского иска по уголовному делу». Согласно п. 25 указанного Постановления, если имущественный вред причинен подсудимым совместно с другим лицом, в от-

ношении которого дело было выделено в отдельное производство, либо это лицо освобождено от уголовной ответственности по нереабилитирующим основаниям, то суд возлагает обязанность по его возмещению в полном объеме на подсудимого. При вынесении в дальнейшем обвинительного приговора в отношении лица, дело о котором было выделено в отдельное производство, суд вправе возложить на него обязанность возместить вред солидарно с ранее осужденным лицом, в отношении которого был удовлетворен гражданский иск.

Апелляционным определением окружного военного суда приговор суда изменен¹.

Частичное возмещение виновным материального ущерба, причиненного преступлением, должно учитываться при определении размера подлежащих удовлетворению исковых требований.

По приговору гарнизонного военного суда Р. и Г. осуждены по ч. 4 ст. 160 УК РФ.

Согласно этому же приговору, частично удовлетворен гражданский иск Министерства обороны, в пользу которого в счет возмещения имущественного вреда взыскано, в том числе солидарно с Р. и Г., 1 642 658 руб. 35 коп.

Окружной военный суд, рассмотрев дело в апелляционном порядке по представлению прокурора, приговор в части гражданского иска изменил, указав следующее.

Судом установлено, что осужденные в ходе предварительного следствия частично возместили ущерб, причиненный в результате хищения, в размере 98 500 руб., что подтверждено приобщенной к материалам уголовного дела копией чека-ордера.

При таких обстоятельствах решение суда первой инстанции по заявленному

¹ Апелляционное определение 1-го Восточного окружного военного суда от 20 августа 2020 г. № 22-128/2020 URL: https://1vovs-hbr.sudrf.ru/modules.php?name=sud_delo&srv_num=1&name_op=doc&number=590976&delo_id=4&new=4&text_number=1 (Дата обращения 08.07.2021).

гражданскому иску относительно размера удовлетворенных требований не соответствовало фактическим данным, установленным в ходе судебного разбирательства, в связи с чем суд апелляционной инстанции, изменяя решение гарнизонного суда, гражданский иск в интересах Минобороны России о возмещении материального ущерба удовлетворил частично и взыскал в его пользу солидарно с Р. и Г. 1 544 158 руб. 35 коп. с учетом частичного возмещения осужденным Р. причиненного ущерба¹.

При определении размера компенсации морального вреда суду следует принимать во внимание обстоятельства, указанные в ч. 2 ст. 151 и п. 2 ст. 1101 ГК РФ, и иные заслуживающие внимания обстоятельства.

По приговору гарнизонного военного суда рядовой Д. осужден по ч. 2 ст. 336 УК РФ к 6 месяцам ограничения по военной службе с удержанием из денежного довольствия 10 % в доход государства.

Гражданский иск потерпевшего Е., который являлся для Д. начальником по воинскому званию и должности, о компенсации морального вреда в размере 300 000 руб. судом удовлетворен частично. С осужденного в пользу потерпевшего, с учетом степени вины причинителя вреда, обстоятельств дела, имущественного положения подсудимого, в соответствии со ст. 151 и 1099 ГК РФ, с учетом требований разумности и справедливости, постановлено взыскать 3 000 руб., а в удовлетворении исковых требований в большем размере отказано.

Окружной военный суд, рассматривая дело в апелляционном порядке по жалобе Е., приговор в части гражданского иска изменил, указав следующее.

В соответствии с ч. 2 ст. 151 и п. 2 ст. 1101 ГК РФ размер компенсации мо-

рального вреда определяется судом в зависимости от характера причиненных потерпевшему физических и нравственных страданий, а также степени вины причинителя вреда в случаях, когда вина является основанием возмещения вреда. При определении размера компенсации вреда должны учитываться требования разумности и справедливости. Характер физических и нравственных страданий оценивается судом с учетом фактических обстоятельств, при которых был причинен моральный вред, и индивидуальных особенностей потерпевшего.

Определяя размер компенсации морального вреда, суд первой инстанции формально принял во внимание степень вины причинителя вреда, обстоятельства дела, имущественное положение подсудимого, а также требования разумности и справедливости, изложив в приговоре лишь общие суждения в обоснование своего вывода, не конкретизировав, какие именно обстоятельства явились основанием для принятия такого решения. В то же время судом оставлено без внимания, что Д. в ответ на законное требование своего начальника оскорбил последнего, используя оскорбительные грубые выражения, в том числе ненормативную лексику, а также замахнулся на Е. в присутствии других подчиненных потерпевшего.

Данные фактические обстоятельства, при которых был причинен моральный вред, свидетельствовали о значительности нравственных страданий потерпевшего, в связи с чем суд апелляционной инстанции приговор гарнизонного военного суда изменил и взыскал с Д. в пользу потерпевшего в счет компенсации морального вреда 30 000 руб.²

¹ Обзор судебной практики окружных (флотских) военных судов по уголовным делам в 2019 году, утвержденный Президиумом Верховного Суда Российской Федерации 30 сентября 2020 г. URL: http://severnoyfvvs.mrm.sudrf.ru/modules.php?name=document_sud&id=325 (Дата обращения 08.07.2021)

² Обзор судебной практики окружных (флотских) военных судов по уголовным делам в 2019 году, утвержденный Президиумом Верховного Суда Российской Федерации 30 сентября 2020 г. (http://severnoyfvvs.mrm.sudrf.ru/modules.php?name=document_sud&id=325 (Дата обращения 08.07.2021)).

К вопросу об основаниях и условиях освобождения военнослужащего от уголовной ответственности за уклонение от военной службы

© Шумилин Алексей Владимирович,
курсант Военного университета

Аннотация. В статье на основе теории вопроса и практики применения правовых норм рассмотрены некоторые проблемные вопросы оснований и условий освобождения военнослужащего от уголовной ответственности за уклонение от военной службы.

Ключевые слова: уклонение от военной службы, военнослужащие, уголовная ответственность военнослужащих, основания освобождения от уголовной ответственности, условия освобождения от уголовной ответственности.

On the issue of the grounds and conditions for the release of a serviceman from criminal liability for evading military service

© Shumilin A. V.,
Military University cadet

Resume. Based on the theory of the issue and the practice of applying legal norms, the article examines some problematic issues of the grounds and conditions for the release of a serviceman from criminal liability for evading military service.

Key words: evasion of military service, military personnel, criminal liability of military personnel, grounds for exemption from criminal liability, conditions for exemption from criminal liability.

Общеизвестно, что уклонение от военной службы представляет повышенную общественную опасность¹. Совершенствование имеющегося научно-технического потенциала, изменение средств и способов вооруженной борьбы, небывалое возрастание роли фактора времени требуют от личного состава армии и флота повышенной бдительности, высокого мастерства, боевой слаженности, содержания оружия и техники в постоянной готовности к действию. Распространение уклонений от во-

¹ См., подробнее: Харитонов С. С. Некоторые вопросы квалификации уклонений от исполнения обязанностей военной службы (статьи 337 и 338 УК РФ) // Право в Вооруженных Силах — военно-правовое обозрение. 2020. № 9 (278). С. 41—47; Харитонов С. С. Уклонение от прохождения военной службы военнослужащими, проходящими военную службу по контракту: вопросы квалификации и законности наказания // Право в Вооруженных Силах — военно-правовое обозрение. 2019. № 7 (264). С. 19—22.

енной службы может отрицательно отразиться на комплектовании вооруженных сил, особенно в военное время, когда численность войск является одним из важнейших факторов боеспособности. Учитывая, что обслуживание современной техники и оружия приобретает все более коллективный характер, даже отдельные случаи уклонения военнослужащих от выполнения своих обязанностей способны привести к срыву успешного решения экипажем, расчетом, взводом или иным подразделением поставленной перед ними задачи, снизить их боевую готовность².

² См., подробнее: Воробьев А. Г. Особенности применения статьи 64 УК РФ при назначении уголовного наказания в виде ограничения по военной службе // Право в Вооруженных Силах — военно-правовое обозрение. 2011. № 7. С. 102—104; Зателепин О.К. К вопросу о необходимости сохранения ареста в отношении военнослужащих как уголовного наказания // Право в Вооруженных

Лицо, совершившее преступление, должно быть привлечено к уголовной ответственности и подвергнуто наказанию. Вместе с тем уголовное законодательство, исходя из принципов гуманизма и справедливости, предусматривает возможность освобождения от уголовной ответственности лиц, совершивших преступление. То есть, имеют место обстоятельства, которые свидетельствуют о том, что лицо, или совершенное им преступление потеряли общественную опасность, либо виновный совершил определенные действия, направленные на заглаживание причиненного вреда, помощь следствию, в силу чего цели, стоящие перед наказанием, могут быть достигнуты без привлечения лица к уголовной ответственности.

Освобождение от уголовной ответственности означает освобождение лица, совершившего преступление, от всех уголовно-правовых последствий, предусмотренных за совершенное преступление при наличии предусмотренных законом оснований, если отпала общественная опасность совершенного преступления или лица, его совершившего.

Силах — военно-правовое обозрение. 2005. № 4. С. 17—22; Зюбанов Ю.А. Система наказаний в древнерусском уголовном судопроизводстве // Российское правосудие. 2016. № 11. С. 18—27; Лобов Я. В. Освобождение осужденных военнослужащих от отбывания наказания : дис. ... канд. юрид. наук. М., 1999; Моргуленко Е. А. Командиру о борьбе с неуставными отношениями // Право в Вооруженных Силах — военно-правовое обозрение. 2003. № 6. С. 4—12; Смирнов Д. В. Условия освобождения военнослужащих от уголовной ответственности с назначением судебного штрафа: вопросы возмещения ущерба и заглаживания причиненного вреда // Военное право. 2020. № 3. С. 261—270; Смирнов Д. В., Харитонов С. С. О некоторых спорных вопросах военно-судебной практики по уголовным делам // Право в Вооруженных Силах — военно-правовое обозрение.. 2021. № 4 (285). С. 51—56; Харитонов В.С. О некоторых аспектах функционирования добровольной подготовки граждан к военной службе // Военное право. 2019. № 2 (54). С. 147—149; Шарапов С. Н. Правовые основы освобождения военнослужащих от уголовной ответственности и наказания. М. 1997.

Освобождение от уголовной ответственности имеет ряд признаков:

— во-первых, освобождение лица от уголовной ответственности может иметь место только при наличии в совершенном деянии состава преступления. Освобождение от уголовной ответственности не может применяться к лицу, деяние которого не является преступлением в силу его малозначительности (ч. 2 ст. 14 УК РФ), необходимой обороне (ч. 1, 2 ст. 37 УК РФ), крайней необходимости (ч. 1 ст. 39 УК РФ) и т.п. В этих случаях действия являются общественно полезными, а потому и не признаются преступными;

— во-вторых, освобождение от уголовной ответственности основано на том, что совершенное лицом деяние является уголовно наказуемым. Поэтому предусмотренные законом виды освобождения от уголовной ответственности называются освобождением от нее по нереабилитирующим основаниям. То есть, лицо освобождается лишь от уголовной ответственности, но к нему могут быть применены другие формы юридической ответственности: гражданско-правовая, административная, дисциплинарная и другие;

— в-третьих, освобождению от уголовной ответственности присуща особая процессуальная форма. Она заключается либо в прекращении уголовного дела на стадиях предварительного расследования или судебного разбирательства, либо в отказе в возбуждении уголовного дела;

— в-четвертых, право принятия решения об освобождении от уголовной ответственности принадлежит суду, прокурору, а также следователю и органу дознания с согласия прокурора. При этом, если обстоятельства, исключающие производство по уголовному делу, обнаруживаются в стадии судебного разбирательства, суд постановляет оправдательный приговор. Прекращение дела за истечением сроков давности или вследствие акта амнистии не допускается,

если обвиняемый против этого возражает. В этом случае производство по делу продолжается в обычном порядке.

Освобождение от уголовной ответственности автоматически влечет за собой освобождение от уголовного наказания¹. При этом начальный момент освобождения от уголовной ответственности — стадия предварительного расследования, конечный — судебного разбирательства, но до вынесения обвинительного приговора. После этого речь может идти об освобождении только от уголовного наказания.

Действующее уголовное законодательство предусматривает следующие виды освобождения от уголовной ответственности:

— в связи с деятельным раскаянием (ст. 75 УК РФ);

— в связи с примирением с потерпевшим (ст. 76 УК РФ);

— по делам о преступлениях в сфере экономической деятельности (ст. 76¹ УК РФ);

— с назначением судебного штрафа (ст. 76² УК РФ);

— в связи с изменением обстановки (ст. 77 УК РФ);

— в связи с истечением сроков давности (ст. 78 УК РФ);

— специальные виды освобождения от уголовной ответственности, предусмотренные статьями Особенной части УК РФ.

Освобождение от уголовной ответственности тогда можно признать обоснованным и справедливым, когда оно не препятствует охране прав и свобод личности, всего правопорядка от преступных посягательств и вместе с тем способствует исправлению виновного лица, предупреждению совершения новых

преступлений, иными словами, когда оно соответствует задачам уголовного законодательства и позволяет достичь целей наказания без его реального применения.

Исходя из этого, можно сделать вывод, что первым основанием освобождения от уголовной ответственности является совершение преступления небольшой или средней тяжести. Введение в Уголовный кодекс положения о категориях преступления внесло определенность для следственно-судебной практики в решении данного вопроса. Напомним, что согласно ст. 15 УК РФ преступлениями небольшой тяжести признаются умышленные и неосторожные деяния, за совершение которых максимальное наказание, предусмотренное уголовным законом, не превышает двух лет, а преступлениями средней тяжести — умышленные и неосторожные деяния, максимальное наказание за которые не превышает пяти лет лишения свободы.

Второе основание — отсутствие или небольшая степень общественной опасности лица, совершившего преступление. В отличие от первой данная категория носит абстрактный характер. При определении степени общественной опасности личности преступника уголовно-правовая наука и следственно-судебная практика исходят, прежде всего, из характера и тяжести совершенного преступления, а также обстоятельств, характеризующих поведение (личность) виновного до и после совершения преступления. Круг этих обстоятельств настолько разнообразен, что исчерпывающий перечень их дать невозможно. Вместе с тем некоторые из них прямо указаны в тексте закона и имеют обязательное значение. Это: совершение преступления впервые; добровольная явка с повинной; способствование раскрытию преступления; возмещение причиненного ущерба; заглаживание вреда, причиненного в результате преступления; примирение с потерпевшим; изменение обстановки.

¹ См., подробнее: Харитонов С. С., Шарапов С. Н. О практике назначения военными судами уголовного наказания: наказание должно быть справедливым// Право в Вооруженных Силах — военно-правовое обозрение. 2021. № 5 (286). С. 58—72.

Лишь наличие одного или нескольких указанных обстоятельств в сочетании с преступлением небольшой или средней тяжести могут стать гарантией того, что преступник исправится без реализации уголовной ответственности (ст. 75, 76, 76¹, 76², 77 УК).

И, наконец, третьим основанием является нецелесообразность привлечения виновного к уголовной ответственности. Данное основание (применительно к видам, предусмотренным в статьях 75, 76 УК) является в некоторой степени производным от первых двух. Вполне закономерно, что в случае совершения преступления небольшой или средней тяжести лицом, не представляющим большой общественной опасности, либо вообще не опасным для общества, реализация института уголовной ответственности может оказаться нецелесообразной с точки зрения принципов справедливости и гуманности уголовного законодательства в целом.

Что же касается освобождения от уголовной ответственности в связи с истечением сроков давности (ст. 78 УК), то для него категория совершенного преступления безразлична. По усмотрению суда избежать уголовной ответственности вследствие истечения сроков давности может даже лицо, совершившее преступление, наказуемое смертной казнью или пожизненным лишением свободы. Не требуется для применения ст. 78 УК и совершения виновным каких-либо действий, свидетельствующих об утрате им общественной опасности (явки с повинной, примирения с потерпевшим и т.д.). Главное здесь — именно нецелесообразность привлечения лица к уголовной ответственности после истечения указанных в законе сроков (хотя и здесь лицо может перестать быть общественно опасным, а деяние, которое

оно совершило, относиться к категории небольшой или средней тяжести).¹

Множественность оснований освобождения от уголовной ответственности и их различная юридическая природа вызывают необходимость классифицировать их.

Наиболее очевидный вариант классификации оснований освобождения от уголовной ответственности — их деление на общие и специальные основания. Критерием такой классификации служит структура Уголовного кодекса — наличие в нем Общей и Особенной частей. Общая часть содержит шесть оснований освобождения от уголовной ответственности. Четыре из них объединены в гл. 11 (ст. 75—78), которая так и называется: «Освобождение от уголовной ответственности».

Отдельно говорится об освобождении от уголовной ответственности в связи с актом амнистии (ст. 84), который может быть и основанием освобождения от наказания, а также об освобождении от уголовной ответственности несовершеннолетних в связи с применением принудительных мер воспитательного воздействия (ст. 90). Все названные основания освобождения от уголовной ответственности предусмотрены Общей частью УК РФ, и, соответственно, их можно считать общими основаниями.

Специальными основаниями освобождения от уголовной ответственности следует признать те, которые закреплены в Особенной части УК РФ применительно к конкретным составам преступления (в примечаниях к соответствующим статьям).

Анализ уголовно-правовых и уголовно-процессуальных норм позволяет сделать вывод, что в ряде случаев освобождение от уголовной ответственности и прекращение уголовного дела — право компетентных государственных органов даже при наличии всех

¹ Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации (постатейный) / Под ред. А. И. Чучаева. Изд. испр., доп., перераб. М.: Контакт, 2019.

необходимых формальных предпосылок для принятия такого решения. То есть освобождение от уголовной ответственности не происходит автоматически, а зависит от решения соответствующего органа.

В других случаях законодатель обязывает лицо, ведущее производство по делу, применить институт освобождения от уголовной ответственности, если для этого возникает предусмотренное законом основание. Освобождение от уголовной ответственности осуществляется на безусловных основаниях, независимо от решения органов, ответственных за принятие решения. Здесь уже нет места усмотрению следователя, органа дознания, прокурора либо суда.

Специальные основания освобождения от уголовной ответственности изложены в примечаниях к ст. 337 и 338 УК РФ, согласно которым военнослужащие, впервые совершившие самовольное оставление части (места службы) или дезертирство, предусмотренное ч. 1 ст. 338 УК РФ, вследствие стечения тяжелых обстоятельств, могут быть освобождены от уголовной ответственности.

Под стечением тяжелых обстоятельств следует понимать объективно существовавшие на момент самовольного оставления части (места службы) неблагоприятные жизненные ситуации личного, семейного или служебного характера, воспринимавшиеся военнослужащим как негативные обстоятельства, под воздействием которых он принял решение совершить преступление. К ним могут относиться, в частности, такие жизненные обстоятельства, которые обуславливают необходимость незамедлительного прибытия военнослужащего к месту нахождения близких родственников (тяжелое состояние здоровья отца, матери или других близких родственников, похороны указанных лиц и др.) либо существенно затрудняют его пребывание в части (в месте службы) в силу различных причин (например, из-за

неуставных действий в отношении военнослужащего, невозможности получить медицинскую помощь)¹.

Большой интерес вызывает изучение мнений ученых по вопросам о том, что же следует понимать под стечением тяжелых обстоятельств и чем эти тяжелые обстоятельства отличаются от уважительных причин неявки в срок на службу, о которых указано в диспозициях ч. 1 и 3 ст. 337 УК РФ.

Профессор Ф. С. Бражник считал, что под уважительными причинами несвоевременной явки в часть или к месту службы понимаются объективные обстоятельства, препятствующие явке в часть или к месту службы в назначенный срок (стихийное бедствие, тяжелая болезнь, смерть близкого родственника, задержание органами власти, действия в состоянии крайней необходимости и т.п.)². Об этих же обстоятельствах как уважительных причинах неявки в срок на службу, однако более подробно, писал профессор Х. М. Ахметшин: «болезнь военнослужащего или его близких родственников, стихийное бедствие (пожар, наводнение), прекращение движения транспорта, состояние крайней необходимости, задержание органами власти и т.п.». В 2008 г. этот ученый дополнил свою позицию следующим утверждением: «В отдельных случаях уважительными причинами неявки в срок на службу могут быть признаны и такие обстоятельства, как оказание помощи престарелым родителям в их материальном и бытовом устройстве»³.

Под стечением тяжелых обстоятельств в качестве основания для применения

¹ Бриллиантов А. В., Вагин О. А. Уголовное право России. Части общая и особенная : учебник / под ред. доктора юридических наук, проф. А. В. Бриллиантова. Изд. 3-е, перераб. и доп. М.: Проспект, 2017.

² Бражник Ф. С. Преступления против военной службы : учебное пособие. М., 1999.

³ Ахметшин Х. М. Уклонение от военной службы. Уголовное право Российской Федерации. Преступления против военной службы : учебник. М., 1999.

к военнослужащему примечания к ст. 337 УК РФ за любые деяния, предусмотренные этой статьей, профессор Ф. С. Бражник понимал следующее: «стихийное бедствие, тяжелая болезнь или смерть родственника, известие об угрозе распада семьи или другие тяжкие семейные обстоятельства, требующие личного участия виновного в разрешении сложившейся ситуации». Кроме того, для случаев неявки в часть или на службу в срок без уважительных причин этот же ученый приводил возможные стечения других обстоятельств: «тяжелая болезнь самого военнослужащего, а также обстоятельства, которые не препятствуют своевременной явке, но создают угрозу как самому виновному, так и его близким родственникам (попытки разыскать разграбленное имущество родителей, установить лицо, шантажирующее как виновного, так и его близких, дожидаться приезда жены и детей из-за границы и т.п.)»¹.

По мнению профессора Х. М. Ахметшина, тяжелые обстоятельства, которые позволяют освободить военнослужащего от уголовной ответственности, «могут быть связаны с применением к нему насилия, издевательств со стороны сослуживцев или отдельных командиров, грубым ущемлением его прав и человеческого достоинства. Ими могут признаваться тяжелая болезнь близких родственников или иные сложные ситуации в семье, глубокие переживания в связи с неудачами в службе и личной жизни и т.п.»².

Тщательное изучение мнений указанных ученых, показывает, что причины, названные ими в качестве уважительных при неявке в срок на службу, по содержанию принципиально не отличаются от тех, которые служат основанием для освобождения военнослужащего от уго-

ловной ответственности в соответствии с примечанием к статье 337 УК РФ. Кроме того, во всех случаях эти причины носят оценочный характер, а решение об их наличии либо отсутствии принимает лицо, в производстве которого находится уголовное дело.

Если тяжелые обстоятельства устранены или отпали (например, отпала необходимость ухода за близким родственником), а военнослужащий продолжает незаконно пребывать вне части (места службы), за последующее уклонение от военной службы он подлежит уголовной ответственности на общих основаниях.

Самовольное оставление части (места службы) вследствие стечения тяжелых обстоятельств может совершаться в состоянии крайней необходимости (ст. 39 УК РФ). Например, самовольное оставление части (места службы) вследствие применения к военнослужащему насилия со стороны сослуживцев или командиров, когда в конкретной ситуации у него отсутствовала возможность иным способом сохранить жизнь или здоровье. В этом случае суд постановляет оправдательный приговор ввиду отсутствия в деянии состава преступления.

Судебная статистика свидетельствует о росте актуальности института освобождения от уголовной ответственности с назначением судебного штрафа. В 2017 г. прекращено судами 11 926 уголовных дел с применением судебного штрафа; 2018 — 18 876, а в 2019 г. — 30 678 уголовных дел. Сумма назначенных судебных штрафов в 2018 г. составила 529 990 656 руб., в 2019 г. — 513 553 817 руб.³

В отношении военнослужащих в 2018 г. при рассмотрении уголовных дел военными судами первой инстанции прекращено с применением судебного

¹ Бражник Ф. С. Преступления против военной службы : учебное пособие. М., 1999.

² Ахметшин Х. М. Уклонение от военной службы. Уголовное право Российской Федерации. Преступления против военной службы : учебник. М., 1999.

³ Сводные статистические сведения о деятельности федеральных судов общей юрисдикции и мировых судей за 2017 год; за 2018 год; за 2019 год. URL: <http://www.cdep.ru> (дата обращения: 06.02.2021)

штрафа 958 (всего прекращено 2 018 дел из 5964 рассмотренных) уголовных дел (по 104 делам отказано в применении судебного штрафа), в 2019 г. из прекращенных военными судами первой инстанции 1 892 дел (всего рассмотрено 5 888 уголовных дел) прекращено с применением судебного штрафа 733 дела (по 57 делам отказано в применении судебного штрафа)¹.

В большинстве случаев данный институт применялся по уголовным делам о преступлениях против собственности — 48 %, на втором месте преступления против военной службы — 21 %, на третьем — преступления против государственной власти, интересов государственной службы — 11 %, преступления против жизни и здоровья составляют 7 %, преступления против безопасности движения и эксплуатации транспорта — 3,7 %, преступления против порядка управления — 3,5 %, иные преступления — 5,8 %².

В соответствии с ч. 1 ст. 104.4 УК РФ судебный штраф есть денежное взыскание. Такое взыскание применяется к лицам, которые, как указано в ст. 76² УК РФ, впервые совершили преступление небольшой или средней тяжести. При этом законодатель не называет конкретные составы преступлений. Назначение судебного штрафа возможно лишь при условии, что преступление совершено впервые³. Инициатива в освобождении от уголовной ответственности с применением судебного штрафа может проявиться двояко: в ходе досудебного производства и

исходить от органов расследования, прокурора. Например, 24 марта 2020 г. в Читинский гарнизонный военный суд поступило постановление старшего следователя военного следственного отдела Следственного комитета России по Читинскому гарнизону о возбуждении перед судом ходатайства о прекращении уголовного дела с назначением подозреваемому П. меры уголовно-правового характера в виде судебного штрафа за совершение преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 339 УК РФ⁴. В ходе судебного разбирательства инициатива может исходить от суда при поступлении уголовного дела от органов расследования с обвинительным заключением, обвинительным актом или обвинительным постановлением. Например, уголовное дело в отношении Ф., обвиняемого в совершении преступления, предусмотренного ч. 3 ст. 337 УК РФ, прекращено на основании ст. 25.1 УПК РФ, с освобождением его от уголовной ответственности и назначением меры уголовно-правового характера в виде судебного штрафа в размере 20 000 руб.⁵

Размер судебного штрафа не может превышать половину максимального размера штрафа, предусмотренного соответствующей статьей Особенной части УК РФ. В случае, если штраф не предусмотрен соответствующей статьей УК РФ, размер судебного штрафа не может быть более 250 000 руб.

При этом размер судебного штрафа определяется судом с учетом тяжести совершенного преступления и имущественного положения лица, освобождаемого от уголовной ответственности, и его семьи, а также с учетом возможности получения

¹ Там же.

² Обзор судебной практики военных судов по применению института освобождения от уголовной ответственности с назначением судебного штрафа (утв. Президиумом Верховного Суда Российской Федерации 20.12.2017). URL: <http://vsrf.ru> (дата обращения: 06.02.2021)

³ Обзор судебной практики освобождения от уголовной ответственности с назначением судебного штрафа (статья 76² УК РФ) (утв. Президиумом Верховного Суда Российской Федерации 10.07.2019). URL: <http://www.vsrfr.ru> (дата обращения: 06.02.2021)

⁴ Постановление Читинского гарнизонного военного суда № 1-50/2020 от 21 апреля 2020 г. по делу № 1-50/2020. URL: <https://sudact.ru> (дата обращения: 06.02.2021)

⁵ Постановление Грозненского гарнизонного военного суда № 1-55/2020 от 21 июля 2020 г. по делу № 1-55/2020. URL: <https://sudact.ru> (дата обращения: 06.02.2021)

указанным лицом заработной платы или иного дохода.

Судебный штраф, назначенный в качестве меры уголовно-правового характера не является уголовным наказанием и судимости не образует.

При досудебном производстве органы расследования могут установить обстоятельства, указывающие на возможность освобождения лица от уголовной ответственности с применением судебного штрафа. После этого следователь с согласия руководителя следственного органа либо дознаватель с согласия прокурора (ст. 25.1 УПК РФ) прекращают уголовное дело или уголовное преследование в отношении лица, подозреваемого или обвиняемого в совершении преступления небольшой или средней тяжести, если это лицо возместило ущерб или иным образом загладило причиненный преступлением вред. Поскольку судебный штраф назначается только судом, то органы расследования ходатайствуют об освобождении лица от уголовной ответственности по данному основанию. Следователь подает ходатайство с согласия руководителя следственного органа, а дознаватель — с согласия прокурора. Об этом выносится постановление¹. В условиях Вооруженных Сил Российской Федерации инициатива может исходить только от военных следственных органов, так как военные органы дознания расследование в форме дознания не производят и, следовательно, уголовное дело в военный суд для решения вопроса о применении судебного штрафа не направляют².

В случае неуплаты лицом судебного штрафа, назначенного в качестве меры

уголовно-правового характера, суд по представлению судебного пристава-исполнителя, отменяет постановление о прекращении уголовного дела или уголовного преследования и назначении меры уголовно-правового характера в виде судебного штрафа и направляет материалы руководителю следственного органа или прокурору.

Библиография

1. Ахметшин, Х. М. Уклонение от военной службы. Уголовное право Российской Федерации. Преступления против военной службы : учебник / Х. М. Ахметшин. — М., 1999. — 334 с.
2. Бражник, Ф. С. Преступления против военной службы : учебное пособие / Ф. С. Бражник. — М., 1999. — 281 с.
3. Бриллиантов, А. В. Уголовное право России. Части общая и особенная: учебник; под ред. доктора юридических наук, профессора А. В. Бриллиантова. Изд. 3-е, перераб. и доп. / А. В. Бриллиантов, О. А. Вагин. — М.: Проспект, 2017. — 1184 с.
4. Воробьев, А. Г. Особенности применения статьи 64 УК РФ при назначении уголовного наказания в виде ограничения по военной службе / А. Г. Воробьев // Право в Вооруженных Силах — военно-правовое обозрение. — 2011. — № 7. — С. 102—104.
5. Зателепин, О. К. К вопросу о необходимости сохранения ареста в отношении военнослужащих как уголовного наказания // Право в Вооруженных Силах — военно-правовое обозрение. — 2005. — № 4. — С. 17—22.
6. Зюбанов, Ю. А. Система наказаний в древнерусском уголовном судопроизводстве / Ю. А. Зюбанов // Российское правосудие. — 2016. — № 11. — С. 18—27.
7. Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации (постатейный) / Под ред. А. И. Чучаева. Изд. испр., доп., перераб. — М.: Контакт, 2019. — 841 с.
8. Лобов, Я. В. Освобождение осужденных военнослужащих от отбывания наказания : дис ... канд. юрид. наук / Я. В. Лобов. — М. 1999.
9. Моргуленко, Е. А. Командиру о борьбе с неуставными отношениями // Право в Вооруженных Силах — военно-правовое обозрение. — 2003. — № 6. — С. 4—12.
10. Смирнов, Д. В. Условия освобождения военнослужащих от уголовной ответственности с назначением судебного штрафа: вопросы возмещения ущерба и заглаживания причиненного вреда / Д. В. Смирнов // Военное право. — 2020. — № 3. — С. 261—270.
11. Смирнов, Д. В. О некоторых спорных вопросах военно-судебной практики по уголовным

¹ Шевчук, А. Н. Применение института судебного штрафа в условиях Вооруженных Сил Российской Федерации // Вестник военного права. 2020. № 4. С. 57—64.

² Смирнов Д. В. Условия освобождения военнослужащих от уголовной ответственности с назначением судебного штрафа: вопросы возмещения ущерба и заглаживания причиненного вреда // Военное право. 2020. № 3 (61). С. 261—270.

делам / Д. В. Смирнов, С. С. Харитонов // Право в Вооруженных Силах — военно-правовое обозрение. — 2021. — № 4 (285). — С. 51—56.

12. Харитонов, В. С. О некоторых аспектах функционирования добровольной подготовки граждан к военной службе / В. С. Харитонов // Военное право. — 2019. — № 2 (54). — С. 147—149.

13. Шарапов, С. Н. Правовые основы освобождения военнослужащих от уголовной ответственности и наказания / С. Н. Шарапов. — М., 1997.

14. Харитонов, С. С. Некоторые вопросы квалификации уклонений от исполнения обязанностей военной службы (статьи 337 и 338 УК РФ) / С. С. Харитонов // Право в Вооруженных

Силах — военно-правовое обозрение. — 2020. — № 9 (278). — С. 41—47.

15. Харитонов, С. С. Уклонение от прохождения военной службы военнослужащими, проходящими военную службу по контракту: вопросы квалификации и законности наказания / С. С. Харитонов // Право в Вооруженных Силах — военно-правовое обозрение. — 2019. — № 7 (264). — С. 19—22.

16. Харитонов, С. С. О практике назначения военными судами уголовного наказания: наказание должно быть справедливым / С. С. Харитонов, С. Н. Шарапов // Право в Вооруженных Силах — военно-правовое обозрение. — 2021. — № 5 (286). — С. 58—72.

Военные проблемы международного права. Зарубежное военное законодательство

Основные направления совершенствования международно-правового регулирования применения средств противодействия геноциду в ходе вооруженных конфликтов

© Синяева Нателла Александровна,
кандидат юридических наук, доцент, заведующая
кафедрой конституционного (государственного)
и международного права Венного университета
Министерства обороны Российской Федерации,
© Федулкина Ирина Александровна,
преподаватель кафедры конституционного (гос-
ударственного) и международного права Воен-
ного университета Министерства обороны Рос-
сийской Федерации

Аннотация. В данной статье авторы затрагивают внутренние и внешние факторы, в том числе глобальные вызовы и негативные политические и идеологические факторы, обуславливающие проявления геноцида в вооруженных конфликтах, несмотря на его международно-правовой запрет. Авторы отмечают, что действующие международно-правовые средства защиты жертв геноцида в условиях современных вооруженных конфликтов не совершенны. Отмечая современные тенденции развития международного права, военно-правовой и гуманитарно-правовой доктрин по рассматриваемым аспектам геноцида, авторы отмечают необходимость проведения систематизации признаков и специфики геноцида. Кроме того, авторы обращают особое внимание, что проблемные вопросы качества, результативности, достаточности, соответствия вызовам современности действующих международно-правовых средств защиты жертв геноцида в условиях эскалации локальных вооруженных конфликтов современности пока не получили должного доктринального анализа.

Ключевые слова: геноцид, гуманитарно-правовая доктрина, вооруженные конфликты, массовое преступление, международный контроль.

The main directions of improving the international legal regulation of the use of means of countering genocide in the course of armed conflicts

© Sinyayeva N. A.,
Head of the Department of Constitutional (State) and
International Law of the Military University of the
Ministry of Defense of the Russian Federation, Can-
didate of Law, Associate Professor
© Fedulkina I. A.,
Lecturer, Department of Constitutional (State) and
International Law, Military University of the Minis-
try of Defense of the Russian Federation

Annotation. In this article, the authors address internal and external factors, including global challenges and negative political and ideological factors that cause the manifestations of genocide in armed conflicts, despite its international legal prohibition. The authors note that the existing international legal means of protecting the victims of genocide in the conditions of modern armed conflicts are not perfect. Noting the current trends in the development of international law, military-legal and humanitarian-legal doctrines on the considered aspects of genocide, the authors note the need to systematize the signs and specifics of genocide. In addition, the authors pay special attention to the fact that the problematic issues of the quality, effectiveness, sufficiency, and compliance with the challenges of modernity of the existing international legal means of protecting the victims of genocide in the context of the escalation of local armed conflicts of our time have not yet received a proper doctrinal analysis.

Key words: genocide, humanitarian and legal doctrine, armed conflicts, mass crime, international control.

Вопросы оценки и анализа международно-правовых средств защиты жертв геноцида в условиях современных вооруженных конфликтов не становились предметом диссертационного либо монографического исследования в современной российской международно-правовой литературе. В то же время смежным вопросам посвящено значительное число исследований.

Прежде всего, это общие вопросы военного и гуманитарного права, затрагивающие применение силы в международных отношениях и защиты прав человека, в том числе в вооруженных конфликтах¹, а также уголовно-правовая² и криминологическая³ характеристика геноцида, уголовная ответственность за него⁴.

Так, в диссертации Т. Г. Дадуани выявлены проблемы совершенствования международно-правовых средств борьбы с актами геноцида⁵, а в диссертации А. Ю. Скуратовой изложены и раскрыты актуальные (на 2006 г.) проблемы международно-правовой квалификации группы

преступлений против мира и безопасности человечества, в числе которых автор упоминает и геноцид⁶. В указанных работах проведен глубокий сравнительно-правовой и международно-правовой анализ, однако со времени защиты указанных научных работ прошло более 15 лет и большинство ранее актуальных положений уже утратили своё значение.

Фрагментарно отдельные вопросы зарождавшихся международно-правовых запретов геноцида в ходе вооруженных конфликтов отражены в диссертациях, посвященных геноциду армян в 1915 г.⁷, исламского населения Кавказа⁸ и, особенно, нацистскому геноциду населения СССР и стран Европы в годы Второй мировой вой-

⁶ Скуратова А. Ю. Современные проблемы международно-правовой квалификации деяний в качестве преступлений против мира и безопасности человечества : дис. ... канд. юрид. наук. М., 2006.

⁷ Акопян С. Ю. Этнополитические и международно-правовые последствия геноцида армян в Турции : дис. ... канд. полит. наук. Ростов н/Д, 2006; Карапетян М. С. Геноцид армян 1915—1916 годов в армянской историографии : автореф. дис. ... д-ра ист. наук. Ереван, 1996; Гаспарян Е. А. Геноцид армян и Франция (1915—1918 гг.) : автореф. дис. ... д-ра ист. наук. Ереван, 2000; Даниелян Э. Г. Уцелевшие от геноцида армянские беженцы в Закавказье 1914—1922 гг. (миграция, положение, численность) : автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 1997.

⁸ Халилов А. Х. Геноцид против мусульманского населения Закавказья в 1917—1920 годах в исторических источниках : автореф. дис. ... канд. ист. наук. Баку, 1996; Айшаев О. О. Борьба балкарского народа против политики геноцида и этапы его возрождения (1944—1995) : автореф. дис. ... канд. ист. наук. Нальчик, 1997.

¹ Тарасова Л. Н. Применение силы в международных отношениях и защита прав человека : дис. ... канд. юрид. наук. М., 2007.

² Панкратова Е. Д. Уголовно-правовая характеристика геноцида : дис. ... канд. юрид. наук. М., 2010.

³ Аванесян В. В. Геноцид: криминологическое исследование : дис. ... канд. юрид. наук. М., 2010.

⁴ Вартанян В. М. Уголовная ответственность за геноцид : дис. ... канд. юрид. наук. Ставрополь, 2000.

⁵ Дадуани Т. Г. Проблемы совершенствования международно-правовых средств борьбы с актами геноцида : дис. ... канд. юрид. наук. М., 2012.

ны¹. Актуально исследование Х.А.Х. Хасана о проблемах привлечения к уголовной ответственности лиц (входивших в запрещенную в России группировку ИГИЛ), совершавших геноцид в Ираке².

Принимая во внимание, что геноцид является не чисто правовым, а в большей степени политико-правовым вопросом, его исследование в ходе войн и вооруженных конфликтов следует вести и с позиции политической науки, как это сделано, например, в работах Ю. В. Черновицкой³.

Удачной попыткой обобщения проблем уголовно-правовой регламентации и квалификации геноцида (ст. 357 УК РФ) стала диссертация Г. Л. Москалева⁴. В то же время автор, проследив социально-исторические основания криминализации геноцида, показал генезис этого понятия (не выразив своей новой оригинальной позиции) лишь в одном параграфе остановился на международно-правовых понятиях геноцида и их значении для российского права. Далее автор сосредоточился на юридическом анализе состава геноцида по УК РФ (объект, объективная сторона, субъект и субъективная сторона геноцида, а также отграничение геноцида от иных преступлений). Таким образом, вопросы интерпретации международно-правовых средств защиты жертв геноцида в условиях современных вооруженных конфликтов остались за рамками исследования.

¹ Андреева Е. А. Гитлеровская политика экспансии и геноцида (1933—1940 гг.) : дис. ... канд. ист. наук. М., 2006; Подольский А. Ю. Нацистский геноцид евреев Украины (1941—1944) : автореф. дис. ... канд. ист. наук. Киев, 1996; Розенблат Е. С. Нацистская политика геноцида в отношении еврейского населения западных областей Беларуси. 1941—1944 гг. : автореф. дис. ... канд. ист. наук. Минск, 1999.

² Хасан Х.А.Х. Преступление геноцида в Ираке: проблемы уголовной ответственности : дис. ... канд. юрид. наук. М., 2015.

³ Черновицкая Ю. В. Геноцид как явление политики: Социально-философский анализ : дис. ... канд. филос. наук. М., 2006.

⁴ Москалев Г. Л. Геноцид (ст. 357 УК РФ): проблемы уголовно-правовой регламентации и квалификации : дис. ... канд. юрид. наук. СПб, 2016.

Определенный интерес в плане раскрытия части вопросов, имеющих значение для нашего исследования, представляет работа А. С. Мартиросяна⁵. В целом, в современной российской криминологической и уголовно-правовой литературе вопросы уголовной ответственности за геноцид по современному российскому законодательству исследованы относительно слабо. Тема представлена разрозненной и несистемной совокупностью публикаций⁶, то же относится и к недостаточно исследованным проблемам имплементации конвенционных норм о геноциде в УК РФ⁷.

Таким образом, проблемные вопросы качества, результативности, достаточности, соответствия вызовам современности действующих международно-правовых средств защиты жертв геноцида в условиях эскалации локальных вооруженных конфликтов современности пока не получили должного доктринального анализа.

Данная проблематика требует, по мнению автора, научной проработки нескольких направлений, таких как:

1. Определение теоретического и методологического содержания основных направлений совершенствования международного права и ответственности субъектов правовых отношений за геноцид;
2. Уточнение международно-правового понятия «геноцид», учитывая генезис его развития и трансформации в условиях глобализации и правовой конвергенции, принимая во внимание практику международного уголовного правосудия;
3. Проведение систематизации признаков и специфики геноцида, определяе-

⁵ Мартиросян А. С. Геноцид в решениях современных международных трибуналов : дис. ... канд. юрид. наук. Краснодар, 2014.

⁶ Дохнадзе К. Уголовная характеристика геноцида // Власть и общество (История, Теория, Практика). 2012. № 21-1. С. 62—68; Гранкин И. В. Преступление геноцида в международной уголовной юстиции // Право и государство: теория и практика. 2005. № 6.

⁷ Князькина А. К. Проблемы имплементации конвенционных норм о геноциде в УК РФ // Российский следователь. 2012. № 23. С. 40.

мых современными тенденциями развития международного права, существующих военно-правовых и гуманитарно-правовых доктрин по рассматриваемым аспектам;

4. Определение базовых проблемы, внутренних и внешних факторов, в том числе глобальных вызовов и негативных политических и идеологических факторов, обуславливающих проявления геноцида в вооруженных конфликтах, несмотря на его международно-правовой запрет.

5. Определение основных направлений совершенствования международно-правового регулирования применения средств противодействия геноциду в ходе вооруженных конфликтов;

6. Определение четких критериев проявления геноцида в вооруженных конфликтах как международного, так и немеждународного характера, с целью его предупреждения.

Кроме того, видится необходимым разработать и рекомендовать в рамках институтов ООН юридические обоснования, методические рекомендации, которые были бы направлены на совершенствование действующей регламентации применения международно-правовых средств противодействия геноциду в вооруженных конфликтах.

Указанные направления, по мнению авторов, определяют последующие направления разработки исследуемой проблемы в перспективе и стимулируют к междисциплинарной интеграции международного научного потенциала в целях ее решения и обеспечения процесса совершенствования действующего международного права.

Проанализировав историю человечества, можно прийти к неутешительному выводу, что на каждом её этапе развитие сопровождалось геноцидом. Геноцидом в политическом смысле можно считать известные в истории трагические факты: разрушение Карфагена, убийство армян турками в Константинополе, Альбигойские войны в раннем Средневековье, Варфоломеевская ночь во Франции, фашистские зверства тоталитарных режимов в

Германии и в других странах. Несмотря на столь богатый фактический опыт, впервые термин «геноцид» (*genos* — род (греч.); *caedere* — убивать (лат.)) в отношении соответствующих деяний был использован польским юристом Р. Лемкиным в его работе «Фашистское управление оккупированной Европой» (1944 г.). Автор термина «геноцид» в своей работе также констатировал, что употребление данного термина есть не что иное, как применение «старой практики в современных условиях»¹, а международный правовой статус данный термин получил только после Второй мировой войны в декабре 1948 г. («Конвенция о предупреждении преступления геноцида и наказании за него») как понятие, определяющее тягчайшее преступление против человечества.

К сожалению, и при наличии международно-правовых средств (прежде всего, Конвенции о геноциде) государствам-участникам и ООН во многих случаях не удалось своевременно предпринять меры по предупреждению международных преступлений. Речь идет о преступлениях, которые были совершены в различных странах и регионах мира и которые (по своим признакам) подпадали под квалификацию Конвенции о геноциде 1948 г. Более того, мировое сообщество не смогло обеспечить принцип неотвратимости наказания за совершение указанных преступлений.

В качестве одной из основных причин неэффективности Конвенции о геноциде 1948 г. следует назвать отсутствие почти в течение полувека после принятия Конвенции (до принятия Римского Статута Международного уголовного суда в 1998 г.) международного уголовного суда, создание которого было предусмотрено в ст. VI названной Конвенции.

Сегодня, спустя более чем 70 лет с момента принятия Всеобщей декларации

¹ Lemkin R. Axis Rule in Occupied Europe: Laws of Occupation — Analysis of Government — Proposals for Redress. — Washington: Carnegie Endowment for International Peace, 1944. — Chapter IX: Genocide a new term and new conception for destruction of nations. — P. 79-95.

прав человека, глобальное положение в этой области остается предметом тревоги, озабоченности и острых дискуссий. Устав ООН, провозглашая «веру в права человека», одновременно запрещает вмешательство во внутренние дела любого государства (ст. 2.7), применение силы либо угрозы ее применения в целях, несовместимых с целями ООН (ст. 2.4. Устава).

Эскалация локальных конфликтов последнего десятилетия, включая Юго-Восток Украины и ситуацию в Сирии¹, ставят под сомнение возможность дифференциации «права Женевы», защищающего лиц, находящихся у неприятеля, и «права Гааги», регулирующего собственно ведение военных действий, а также связь между Международным Комитетом Красного Креста и указанными направлениями международного гуманитарного права².

Действующие сегодня международно-правовые средства защиты жертв геноцида в условиях вооруженных конфликтов начали формироваться на базе решений Нюрнбергского процесса, отмечая актуальность которого, Президент России В. В. Путин, указывал на то, что именно этим процессом было определено само понятие геноцид³, а также были выработаны признаки преступления против человечности, которые легли в основу Конвенции о предупреждении преступления геноцида и наказании за него 1948 г.

В соответствии со ст. 2 Конвенции ООН 1948 г. геноцид направлен на умышленное, полное или частичное уничтожение национальной, этнической, расовой

или религиозной группы как таковой, убийство её членов, причинение им серьезных телесных повреждений или умственного расстройства; создание жизненных условий, рассчитанных на её полное или частичное физическое уничтожение; предотвращение деторождения в этой группе, а также насильственную передачу детей в другую группу⁴. Также в Конвенции ООН 1948 г. (ст. IV) закреплено, что лица, совершающие геноцид, подлежат наказанию, будь они официальными, должностными либо частными лицами.

В российском уголовном законе (УК РФ ст. 357) формулировка геноцида полностью соответствует определению, данному в указанной Конвенции, и трактуется как действия по полному либо частичному уничтожению национальной, этнической, расовой или религиозной группы⁵. Как и в Конвенции ООН 1948 г. список таких групп является исчерпывающим, но за его пределами остаются множество иных групп, на которые также нередко направлена агрессия: социальные, политические, гендерно-самоопределяемые⁶, профессио-

⁴ Принята резолюцией 260 (III) Генеральной Ассамблеи ООН от 9 декабря 1948 г. // ООН. Официальный сайт https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/genocide.shtml

⁵ Изменения в ст. 357 УК РФ не вносились с декабря 2003 г., судебная практика по ней минимальна. Лишь в 2020 г. впервые в российском судопроизводстве Солецкий районный суд (Новгородская обл.), сославшись на решения Нюрнбергского процесса, признал геноцидом массовые казни нацистами мирного населения близ деревни Жестяная Горка (уголовное дело было возбуждено по факту находки в 2019 г. поисковиками захоронения с останками свыше 500 чел.). Суд признал геноцидом массовое убийство мирного населения в Жестяной Горке во время войны // ТАСС. 2020. 22 октября <https://tass.ru/obschestvo/9829019>; В Новгородской области открыли мемориальный комплекс в память о жертвах войны // ТАСС. 2020. 22 октября <https://tass.ru/obschestvo/9788475>.

⁶ В Гитлеровской Германии политика геноцида проводилась относительно сексуальных меньшинств в рамках криминализации в 1935 г. § 175 Уголовного уложения однополых сексуальных контактов мужчин. Их подвергали репрессиям,

¹ Посадская А. В., Димова Н. М., Самедов М. Ю. Проблемы нарушения международного гуманитарного права в ходе вооруженного конфликта на примере конфликта в Сирийской Арабской Республике // Гуманитарные проблемы военного дела. 2020. № 3 (24). С. 26—30.

² Гириин О. В. Современные проблемы международной защиты жертв вооруженных конфликтов // Вестник Краснодарского университета МВД России. 2010. № 3. С. 63—67.

³ Путин В. В. Обращение к участникам Международного научно-практического форума «Уроки Нюрнберга» 20 ноября 2020 г. / <http://www.kremlin.ru/events/president/news/64447>

нальные и др., что, как мы полагаем, не в полной мере отвечает задачам современного гуманитарного права.

В философской и гуманитарно-правовой доктрине критерий преднамеренности, а не системных закономерностей вместе с небрежностью правящего режима, признается определяющим в случаях инкриминации геноцида. В то же время, тенденции обыденности и скрытости геноцида как такового, переход его в косвенные формы, ставит задачу рассматривать вопрос о его пересмотре.

Помимо нормативного и доктринального аспектов актуальность темы настоящего исследования обусловлена и потребностью адекватного ответа на вызовы времени. Эскалация геополитической напряженности последних лет показала, что осуждаемый мировым сообществом геноцид, остается спутником локальных вооруженных конфликтов, причем не только в странах третьего мира, но и в Европе.

В августе 2008 г. СК России собрал доказательства, свидетельствующие о совершении руководством Грузии геноцида и массовых убийств граждан Российской Федерации в Южной Осетии. Во время вооруженного конфликта на Юго-Востоке Украины официальный Киев приветствовал публичные призывы к уничтожению этнических русских. СК России располагает информацией о совершении в отношении русскоязычного населения деяний, содержащих признаки преступления, предусмотренного ст. 357 УК РФ. Таким образом, угроза геноцида актуальна и сегодня,

массово депортировали в концлагеря, в которых более 70 % из них не выжили. Также гомосексуалистов убивали в психиатрических стационарах по программе эвтаназии, казнили по приговорам военных трибуналов или отправляли в штрафные батальоны. Такого рода политика, будучи в полной мере геноцидом, в то же время, не охватывается ни действующей Конвенцией ООН 1948 г., ни УК РФ. Nationalsozialistischer Terror gegen Homosexuelle: verdrängt und gesühnt (нем.) / Burkhard Jellonnek, Rüdiger Lautmann. Paderborn: Ferdinand Schöningh Verlag, 2002. 428 s.

особенно при возникновении локальных конфликтов.

Видится актуальным рассмотрение вопроса о расширении классической формулировки Р. Лемкина, предложенной ещё в 1944 г., принимая во внимание уже разработанные, хотя и фрагментарно, международно-правовые, экономические и иные аспекты, а также признание дискуссионности вопроса самой ООН. Кроме того, учитывая ситуацию в Донбассе, автор полагает целесообразным ввести ответственность не только за геноцид как таковой, но и за призывы к нему, что в действующей редакции диспозиции ст. 357 УК РФ не предусмотрено, как и в Конвенции ООН 1948 г.

Уточним, что предложения, изложенные в данной работе, соответствуют текущей позиции ООН (Конвенции о геноциде 1948 г.), ориентированной на предотвращение преднамеренного уничтожения целых групп людей, достаточно значительных (существенных), чтобы оказывать влияние на народность в целом. Требование существенности важно, так как отражает определяющий характер геноцида как массового преступления¹.

Действующий международный подход к правам человека предполагает международный контроль, выводя его из внутренней юрисдикции отдельных государств. Таким образом, если в ходе локального конфликта гибнут либо страдают люди определенной группы, на которую умышленно направлено насилие, то таким образом ущерб причиняется человечеству в целом, что позволяет использовать имеющиеся институты и механизмы, предусмотренные международным правом, чтобы пресечь гибель и страдания указанной группы, так как защита прав человека — вопрос международной безопасности.

Совет Безопасности ООН признает геноцид как массовое нарушение прав чело-

¹ Legal definition of genocide// Office of the UN Special Adviser on the prevention of genocide (OSAPG) https://www.un.org/ar/preventgenocide/adviser/pdf/osa_pg_analysis_framework.pdf

века в ходе вооруженных конфликтов, как прямую угрозу миру. Геноцид признан международным преступлением. При этом в силу положений Конвенции ООН 1948 г. защита от проявлений геноцида возлагается на каждого члена международного сообщества.

В данном случае действуют принципиальные положения международного права о том, что государственный суверенитет и государство в целом — это не только власть, а ещё и ответственность. Они не предоставляют «лицензию» на нарушение прав определенных групп. Внутренний характер вооруженного конфликта не позволяет скрываться за суверенитетом.

Положение о законном применении силы в гуманитарных целях, существующее в современном международном праве, возникло в ходе ряда громких дебатов в начале XXI в.¹ В период после окончания холодной войны между западными странами был очевиден консенсус в отношении того, что рамки международного порядка, закрепленные в Уставе ООН, основанные на суверенитете государств и принципах невмешательства, потребуют пересмотра для борьбы с возникающими угрозами международной безопасности². Под лозунгом «либерального мира» все большее число голосов западных стран заявляло о необходимости институционализации международной системы безопасности, которая подчеркивала бы так называемые общие нормы демократии и прав человека. Именно в этом контексте в 1999 г. была начата военная интервенционная операция Организации Североатлантического договора (НАТО) в Косово. Гуманитарный характер операции НАТО был предметом горячих споров; хотя военная интервенция в Косово была признана ООН законной из-за ее гуманитарных мотивов,

она также была несанкционированной и, следовательно, незаконной в международном праве³. Более того, военная интервенция в Косово продемонстрировала рост разногласий между государствами по вопросу нарушения суверенитета государств во имя "либерального мира" и теми, кто весьма скептически относился к альтруистическим заявлениям интервентов. После событий в Косово на тот момент Генеральный секретарь ООН Кофи Аннан призвал к возобновлению единства в вопросе о целесообразности военного вмешательства в гуманитарных целях. В ответ премьер-министр Канады Жан Кретьен объявил о создании независимой Международной комиссии по вмешательству и государственному суверенитету (ICISS) для решения моральных, правовых, оперативных и политических вопросов, связанных с "примирением, вмешательством в целях защиты человека и суверенитетом". Цель ICISS состояла в том, чтобы разработать альтернативу морализаторским дискурсам либеральных сторонников мира, претендующих на право вмешиваться в соответствии с естественным правом, которое встречало все более внутреннюю оппозицию в развивающихся странах⁴. В 2001 г. ICISS опубликовала свой доклад "Ответственность за защиту", в котором были предложены новые рамки международного порядка, состоящие из трех основных элементов:

1. Государство несет главную ответственность за защиту населения от геноцида, военных преступлений, преступлений против человечности и этнических чисток, а также их подстрекательства;

2. Международное сообщество обязано поощрять государства и оказывать им помощь в выполнении этой обязанности;

¹ Chandler, D. (2004) 'The Responsibility to Protect? Imposing the 'Liberal Peace'' International Peacekeeping 11, 1: p. 59.

² Чернявский А. Г. Правовое значение идеи суверенитета для государства и права. М., 2020. С. 507.

³ Henkin L. (1999) 'Kosovo and the Law of "Humanitarian Intervention" The American Journal of International Law 93, 4: 824—828; Roberts, A. (1999) 'NATO's Humanitarian War over Kosovo' Survival 41, 3: 102—123.

⁴ Thakur, R. (2013) 'R2P after Libya and Syria: Engaging Emerging Powers' The Washington, p. 65.

3. Международное сообщество обязано использовать соответствующие дипломатические, гуманитарные и другие средства для защиты населения от этих преступлений.

С момента своего создания ответственность за защиту (R2P) стала «доминирующим языком легитимности» в международном гуманитарном вмешательстве. Будучи принятой государствами-членами ООН на Всемирном саммите в 2005 г., третий столп R2P¹ теперь обеспечивает меру, с помощью которой государственный суверенитет может быть «законно» нарушен международными субъектами, которые утверждают, что применение силы в гуманитарных целях является правомерным.

Хотя концепция гуманитарного военного вмешательства по-прежнему является даже очень спорной, сам термин был четко определен Хольцгрефе как «угроза силой или ее применение через государственные границы государством (или группой государств), направленная на предотвращение или прекращение широко распространенных и серьезных нарушений основных прав человека лиц, не являющихся его гражданами, без разрешения государства, на территории которого применяется сила»². Определение Хольцгрефе явно совпадает с языком R2P: оба очерчивают некоторую меру гуманитарного произвола («широко распространенные и серьезные нарушения» прав человека Хольцгрефе и категории R2P «геноцид, военные преступления, преступления против человечности и этнические чистки»), и оба подчеркивают вмешательство как неизбежное

¹ Report of the International Commission on Intervention and State Sovereignty "The Responsibility to Protect". International Development Research Centre, Ottawa, 2001; Пленарное заседание высокого уровня шестидесятой сессии Генеральной Ассамблеи ООН (14—16 сентября 2005 г., Нью-Йорк) <https://www.un.org/ru/sections/about-website/copyright/> Дата обращения 12.04.2021.

² Holzgrefe, J. L. (2003) 'The Humanitarian Intervention Debate' in (ed.) Holzgrefe, J. L. and Keohane, R. O, *Humanitarian Intervention: Ethical, Legal and Political Dilemmas*. Cambridge: Cambridge University Press: 15—52

нарушение государственного суверенитета³.

Нужно подчеркнуть, что, хотя в названии Конвенции о геноциде говорится как о предупреждении преступления геноцида, так и о наказании за него, суть ее положений направлена на вторую ветвь этого тандема. Концепция предотвращения повторяется в ст. I: "Договаривающиеся Стороны подтверждают, что геноцид, независимо от того, совершается ли он в мирное или военное время, является преступлением по международному праву, которое они обязуются предотвращать и наказывать". Конечно, наказание и предупреждение тесно связаны. Сдерживающая функция уголовного права поддерживает утверждение о том, что быстрое и надлежащее наказание предотвращает будущие преступления. Кроме того, некоторые из других актов геноцида подразумевают превентивное измерение. Преследование за заговор, попытки и, прежде всего, прямое и публичное подстрекательство-все это направлено на будущие нарушения. Но составители Конвенции не хотели идти дальше по течению, отвергая попытки криминализовать "подготовительные действия", такие как разжигание ненависти и расистские организации.

Библиография

1. Lemkin, R. *Axis Rule in Occupied Europe: Laws of Occupation — Analysis of Government — Proposals for Redress*. — Washington : Carnegie Endowment for International Peace, 1944, — 674 p.
2. *Nationalsozialistischer Terror gegen Homosexuelle: erdrängt und ungesühnt* (нем.) / Burkhard Jellonnek, Rüdiger Lautmann. Paderborn: Ferdinand Schöningh Verlag, 2002, — 428 p.
3. Henkin, L. *Kosovo and the Law of "Humanitarian Intervention"* *The American Journal of International Law* 93, 1999, — 828 p.
4. Holzgrefe, J.L. 'The Humanitarian Intervention Debate' in (ed.) Holzgrefe, J. L. and Keohane, R. O, *Humanitarian Intervention: Ethical, Legal and Political Dilemmas*. Cambridge: Cambridge University Press, 2003. — 350 p.

³ Чернявский А. Г. Суверенитет и международное право: историко-правовые аспекты // *Образование и право*. 2019. № 4. С. 46—54.

5. Roberts, A. 'NATO's Humanitarian War over Kosovo' *Survival* 41, 1999, — 123 p.
6. Report of the International Commission on Intervention and State Sovereignty "The Responsibility to Protect". International Development Research Centre, Ottawa, 2001.
7. Thakur, R. 'R2P after Libya and Syria: Engaging Emerging Powers' *The Washington*, 2013, — 65 p.
8. Chandler, D. The Responsibility to Protect? Imposing the «Liberal Peace» / D. Chandler // *International Peacekeeping* 11. — 2004. — № 1. — 59—81 p.
9. Аванесян, В. В. Геноцид: криминологическое исследование : дис. ... канд. юрид. наук / В. В. Аванесян. — М., 2010. — 235 с.
10. Акопян, С. Ю. Этнополитические и международно-правовые последствия геноцида армян в Турции : дис. ... канд. полит. наук / С. Ю. Акопян. — Ростов н/Д, 2006. — 161 с.
11. Андреева, Е. А. Гитлеровская политика экспансии и геноцида (1933—1940 гг.) : дис. ... канд. ист. наук / Е. А. Андреева. — М., 2006. — 156 с.
12. Айшаев, О. О. Борьба балкарского народа против политики геноцида и этапы его возрождения (1944—1995) : автореф. дис. ... канд. ист. наук / О. О. Айшаев. — Нальчик, 1997. — 22 с.
13. Варганян, В. М. Уголовная ответственность за геноцид : дис. ... канд. юрид. наук / В. М. Варганян. — Ставрополь, 2000. — 166 с.
14. Гаспарян, Е. А. Геноцид армян и Франция (1915—1918 гг.) : автореф. дис. ... д-ра ист. наук / Е. А. Гаспарян. — Ереван, 2000. — 39 с.
15. Гирин, О. В. Современные проблемы международной защиты жертв вооруженных конфликтов / О. В. Гирин // *Вестник Краснодарского университета МВД России*. — 2010. — №3. — С. 63—67.
16. Гранкин, И. В. Преступление геноцида в международной уголовной юстиции / И. В. Гранкин // *Право и государство: теория и практика*. — 2005. — № 6. — С. 98—109.
17. Дадуани, Т. Г. Проблемы совершенствования международно-правовых средств борьбы с актами геноцида : дис. ... канд. юрид. наук / Т. Г. Дадуани. — М., 2012. — 222 с.
18. Даниелян, Э. Г. Уцелевшие от геноцида армянские беженцы в Закавказье 1914—1922 гг. (миграция, положение, численность) : автореф. дис. ... канд. ист. наук / Э. Г. Даниелян. — М., 1997. — 18 с.
19. Дохнадзе, К. Уголовная характеристика геноцида / К. Дохнадзе // *Власть и общество (История, Теория, Практика)*. — 2012. — № 21-1. — С. 62—68.
20. Карапетян, М. С. Геноцид армян 1915—1916 годов в армянской историографии : автореф. дис. ... д-ра ист. наук / М. С. Карапетян. — Ереван, 1996. — 51 с.
21. Князькина, А. К. Проблемы имплементации конвенционных норм о геноциде в УК РФ / А. К. Князькина // *Российский следователь*. — 2012. — № 23. — С. 40—41.
22. Мартиросян, А. С. Геноцид в решениях современных международных трибуналов : дис. ... канд. юрид. наук / А. С. Мартиросян. — Краснодар, 2014. — 166 с.
23. Москалев, Г. Л. Геноцид (ст. 357 УК РФ): проблемы уголовно-правовой регламентации и квалификации : дис. ... канд. юрид. наук / Г. Л. Москалев. — СПб, 2016. — 221 с.
24. Панкратова, Е. Д. Уголовно-правовая характеристика геноцида : дис. ... канд. юрид. наук / Е. Д. Панкратова. — М., 2010. — 200 с.
25. Подольский, А. Ю. Нацистский геноцид евреев Украины (1941—1944) : автореф. дис. ... канд. ист. наук / А. Ю. Подольский. — Киев, 1996. — 18 с.
26. Посадская, А. В. Проблемы нарушения международного гуманитарного права в ходе вооруженного конфликта на примере конфликта в Сирийской Арабской Республике / А. В. Посадская, Н. М. Димова, М. Ю. Самедов // *Гуманитарные проблемы военного дела*. — 2020. — № 3 (24). — С. 26—30.
27. Розенблат, Е. С. Нацистская политика геноцида в отношении еврейского населения западных областей Беларуси. 1941—1944 гг. : автореф. дис. ... канд. ист. наук / Е. С. Розенблат. — Минск, 1999. — 20 с.
28. Скуратова, А. Ю. Современные проблемы международно-правовой квалификации деяний в качестве преступлений против мира и безопасности человечества : дис. ... канд. юрид. наук / А. Ю. Скуратова. — М., 2006. — 198 с.
29. Тарасова, Л. Н. Применение силы в международных отношениях и защита прав человека : дис. ... канд. юрид. наук / Л. Н. Тарасова. — М., 2007. — 201 с.
30. Халилов, А. Х. Геноцид против мусульманского населения Закавказья в 1917—1920 годах в исторических источниках : автореф. дис. ... канд. ист. наук / А. Х. Халилов. — Баку, 1996. — 25 с.
31. Хасан, Х.А.Х. Преступление геноцида в Ираке: проблемы уголовной ответственности : дис. ... канд. юрид. наук / Х.А.Х. Хасан. — М., 2015. — 193 с.
32. Черновицкая, Ю. В. Геноцид как явление политики: Социально-философский анализ : дис. ... канд. филос. наук / Ю. В. Черновицкая. — М., 2006. — 151 с.
33. Чернявский, А. Г. Правовое значение идеи суверенитета для государства и права : монография / А. Г. Чернявский. — М.: Компания КноРус, 2020. — 530 с. .

Политико-правовые аспекты китайской космической программы

© Холиков Иван Владимирович,
доктор юридических наук, профессор, профессор
кафедры международного и европейского права
Института законодательства и сравнительного
правоведения при Правительстве Российской
Федерации

Аннотация. В статье раскрывается содержание космической программы КНР, рассматриваются вопросы правового регулирования деятельности Китая в космосе, оцениваются перспективы этой деятельности в целом, и сотрудничества с Россией, в частности. Особое внимание уделяется недавним изменениям в военном законодательстве КНР, расширяющим возможности Китая по осуществлению своего национального суверенитета, в том числе, в космическом пространстве, а также его амбициозным планам по освоению космоса. Делаются выводы о двойственном характере государственного регулирования космической деятельности КНР и необходимости дальнейшего изучения китайской правовой системы.

Ключевые слова: космическая программа КНР, мирное освоение космоса, космическая промышленность, национальная оборона, военное законодательство, международное сотрудничество.

Political-Legal Aspects of Chinese Space Program

© Kholikov I. V.,
Doctor of Legal Sciences, Professor, Institute of
Legislation and Comparative Law under the Gov-
ernment of the Russian Federation

Abstract. The article reveals the contents of space program of the PRC, considers the issues of legal regulation of China's activity in space, assesses the perspectives of such activity, in general, and cooperation with Russia, in particular. The emphasis is given to the recent changes in the military legislation of the PRC, which expands the China's opportunities to exercise its sovereignty, inter alia, in space, and to its ambitious plans of space exploration. The conclusions on dual nature of state regulation of space activity of PRC and the necessity to further study Chinese legal system are stipulated.

Keywords: space program of the PRC, peaceful space exploration, space industry, national defence, military legislation, international cooperation.

Правительство Китайской Народной Республики официально декларирует, что деятельность Китая в космосе является важнейшей частью общенациональной стратегии развития и основывается на принципах исследования и использования космического пространства исключительно в мирных целях.

Престижные и технически сложные проекты имеют большое идеологическое значение для становления Китая как новой сверхдержавы. Как для её граждан, так и

всего мира они подчеркивают мощь его научно-технического потенциала и способность конкурировать с мировыми индустриальными лидерами — теперь и в космической сфере. В 2015 г. Госсоветом КНР был утвержден национальный праздник — День космонавтики КНР, который отмечается ежегодно 24 апреля.

Хотя формально руководство космической программой Китая осуществляется Государственным космическим управлением (CNSA), в реалии общее руководство

космической деятельностью КНР осуществляется Центральным народным правительством (Госсоветом) и Центральным военным советом. Имеющийся в структуре Госсовета Комитет оборонной науки, техники и промышленности отвечает за организацию координации в области разработки и реализации национальных космических программ как гражданского, так и военного назначения. К его основным функциям относятся следующие:

- планирование научно-исследовательских и опытно-конструкторских работ в области космоса;
- распределение финансовых средств;
- контроль за выполнением контрактов, заключенных научно-исследовательскими учреждениями и предприятиями с военными структурами;
- представление государственных интересов в Международном космическом агентстве и научно-технической организации ООН по мирному использованию верхних слоев атмосферы.

Рабочим органом Центрального военного совета КНР, отвечающим за реализацию программы пилотируемого космоса, а также всех НИОКР военного назначения в этой области, является Управление по разработке новых видов вооружений. В его ведении находятся все вопросы, связанные с выводом космических объектов на орбиту, осуществления слежения за ними и управления их полетом, съема с борта получаемой информации. Непосредственно Управлению подчинены полигоны запуска (четыре космодрома) и приземления космических аппаратов, производственные мощности по подготовке космической техники к полету, наземные и морские пункты слежения за космическими объектами, части и подразделения обслуживания космической аппаратуры.

Кроме того, Комитет оборонной науки, техники и промышленности и Управление по разработке новых видов вооружений отвечают за организацию взаимодействия с CNSA по вопросам вывода на орбиту и эксплуатации искусственных

спутников Земли гражданского назначения, развития международного сотрудничества в области освоения космоса, в том числе подготовки коммерческих запусков иностранных спутников.

В официальные обязанности Государственного космического управления входят государственное управление мирной космической деятельностью и международное сотрудничество с другими государствами в космической сфере. К основным функциям CNSA относятся следующие:

- изучение и формирование политики и норм, регулирующих космическую промышленность;
- изучение и формирование программ развития и планов космической промышленности;
- организация и реализация масштабных космических проектов и программ;
- демонстрация, утверждение, реализация и контроль за космическими научно-исследовательскими проектами гражданского назначения;
- осуществление международного космического сотрудничества и обеспечение участия в деятельности соответствующих международных организаций от лица китайского правительства¹.

Основными открытыми документами, регламентирующими космическую деятельность, являются соответствующие «Белые книги КНР» 2006, 2011 и 2016 годов. В Белой книге КНР о космической деятельности 2016 г. заявлены ее цели — исследование космоса и повышение уровня знаний о Земле и космосе; использование космического пространства в мирных целях, содействие развитию человеческой цивилизации и социальному прогрессу в интересах всего человечества; соответствие потребностям экономического, научного и технологического развития, национальной безопасности и общественного развития; улучшение научных и куль-

¹ <http://www.cnsa.gov.cn/n6758821/index.html> (дата обращения 30.06.2021)

турных показателей китайского народа, защита национальных прав и интересов и укрепление совокупной мощи страны, а также следующие основные принципы:

— *инновационное развитие*. Китай рассматривает независимые инновации в качестве основы развития космической индустрии. Он реализует крупномасштабные научные и технологические проекты в космосе, расширяет научные исследования и технологические инновации, углубляет институциональные реформы, стимулирует инновации и креативность, способствующие быстрому развитию космической промышленности;

— *координированное развитие*. Китай осуществляет рациональное использование различных ресурсов и обеспечивает участие общественных сил в развитии космической программы. Вся космическая деятельность координируется в рамках всеобщего государственного плана для достижения всестороннего развития космической науки и технологий, а также улучшения качества и эффективности освоения космоса, в целом;

— *мирное развитие*. Китай постоянно придерживается принципа использования открытого космического пространства в мирных целях и выступает против его милитаризации и гонки вооружений в космосе. КНР стремится к ответственной разработке и использованию космических ресурсов, принимает эффективные меры для защиты космической среды от загрязнений и гарантирует возможность использования результатов своей деятельности в космосе в интересах всего человечества;

— *открытое развитие*. Китай настаивает на сочетании независимости и самодостаточности с открытостью остальному миру и международным сотрудничеством. Он активно участвует в международных обменах и кооперации на основе равноправия, взаимной выгоды, мирного использования и инклюзивного развития, стремясь к достижению прогресса в космической индустрии в интересах всего че-

ловечества и его долгосрочного устойчивого развития¹.

Работы в рамках космической программы реализуются при взаимодействии нескольких десятков компаний в составе двух «особо крупных государственных высокотехнологических предприятий» — Китайской аэрокосмической научно-технической корпорации (CASC) и Китайской аэрокосмической научно-промышленной корпорации (CASIC). Они работают под надзором правительственной Комиссии по контролю и управлению государственным имуществом и также подчинены Комитету оборонной науки, техники и промышленности. Сегодня эти холдинги представлены в производстве космической техники, стратегических вооружений, тактического оружия (включая крылатые ракеты, средства ПВО, беспилотную авиацию, реактивные системы залпового огня), а также разнообразной гражданской машиностроительной продукции. Принцип их экономической эффективности основан на интеграции военной и гражданской промышленности, причем доля гражданского производства выше. Численность персонала CASC превышает 170 тыс. человек, CASIC — около 137 тыс. человек.

Ожидается, что текущий 2021 г. будет чрезвычайно важным для китайской космической программы. С ним связывается ожидаемый успех экспедиции китайского космического аппарата Тяньвэнь-1 на Марс, который фактически сравнивает возможности КНР и США по проведению исследований дальнего космоса. Очевидно, это будет приурочено к празднованию 100-летней годовщины основания Коммунистической партии Китая (КПК) и наглядно продемонстрирует ее мощь и научный потенциал, которые обеспечивают развитие, стабильность и будущие инновации.

Космическая программа также играет значительную роль в достижении заявлен-

¹ http://www.china.org.cn/government/whitepaper/node_7245058.htm (дата обращения 30.06.2021)

ной Си Цзинпинем цели «социалистической модернизации» к 2035 г.

В случае успеха первой марсианской миссии планируется вторая экспедиция к Марсу с забором проб грунта и их доставкой на Землю в 2030 г., а также экспедиции к Юпитеру в 2029 г. и Венере в 2030 г.

Еще один амбициозный проект в рамках китайской космической программы — это планируемый запуск в 2022 г. китайской орбитальной станции Тяньдун, которую планируется развернуть на высоте 435 км от поверхности Земли на начальный период в 10 лет¹.

Принимая во внимание неясные перспективы финансирования проекта Международной космической станции (МКС) после 2025 г., успешный запуск китайской станции может стать реальной альтернативой МКС. Это значит, что в ближайшее время Китай активизирует усилия по поиску международных партнеров для своего проекта. О стратегической необходимости сотрудничества с КНР по реализации проектов космической станции, а также миссий по исследованию Луны и Марса уже заявил Генеральный директор Европейского космического агентства Ян Ворнер².

В 2021 г. также планируется запуск ракеты многоразового использования Гипербола-2, разработанной частной китайской компанией Глори Спейс Технолджиз³. CASC заявляет о планах запуска государственной многоразовой ракеты к 2025 г.

Россия и Китай традиционно стремятся к развитию сотрудничества в области космических технологий, космической науки и использования космического пространства.

В 1950-е гг. СССР содействовал зарождению ракетной программы Китая, в

1990-е гг. началось сотрудничество в рамках пилотируемой программы. В рамках подписанных соглашений «О сотрудничестве в области исследования и использования космического пространства в мирных целях» (18 декабря 1992 г.) и «О сотрудничестве в области пилотируемой космонавтики» (25 апреля 1996 г.) КНР получила технологии космического корабля Союз, систем жизнеобеспечения, скафандры, прошли тренировки в центре им. Гагарина в «Звёздном городке». Новый импульс сотрудничеству после некоторого спада придало наложение санкций со стороны США и ряда европейских стран в связи с украинским кризисом. В ноябре 2017 г. между Роскосмосом и CNSA была подписана программа сотрудничества в области космоса на 2018—2022 годы. Она включает шесть разделов: изучение Луны и дальнего космоса, космическая наука и связанные с ней технологии, спутники и их применение, элементная база и материалы, сотрудничество в области дистанционного зондирования Земли и другие темы. 9 марта этого года был подписан Меморандум о взаимопонимании между Правительством Китайской Народной Республики и Правительством Российской Федерации о сотрудничестве в области создания Международной научной лунной станции⁴.

Достижения Китая в космосе являются важными компонентами всестороннего укрепления национального могущества, о чем свидетельствуют недавние изменения в военном законодательстве, которое претерпело изменения совсем недавно на фоне ранее имевших место изменений в уголовном законодательстве⁵. Так 1 января 2021 г. вступили в силу поправки в закон

⁴ <https://tass.ru/kosmos/10862181> (дата обращения 28.06.2021)

⁵ См. подробнее: Дамаскин О. В., Холиков И. В. Современное состояние и развитие уголовного права Китайской Народной Республики // Труды Института государства и права РАН. 2018. № 3 (Т. 13). С. 156—180; Холиков И. В., Землин А. И. Основные тенденции уголовно-правового регулирования транспортной деятельности в КНР // Транспортное право и безопасность. 2020. № 2 (34). С. 154—166.

¹ <https://thediplomat.com/2021/01/whats-ahead-for-chinas-space-program-in-2021/> (дата обращения 30.06.2021)

² <https://www.dw.com/en/towards-the-moon-why-europe-wants-to-work-with-china/a-45644847> (дата обращения 28.06.2021)

³ <https://www.globaltimes.cn/content/1167551.shtml> (дата обращения 28.06.2021)

«О национальной обороне», принятые 26 декабря 2020 г. на 13-м Национальном народном конгрессе. Пересмотру подверглось 54 статьи, шесть статей было добавлено и три удалено. Также было изменено название четвертой и пятой глав закона. Обновленная версия закона о национальной обороне включает 73 статьи в 12 главах и определяет национальную оборонную стратегию как «дело всего народа». Закон расширяет полномочия китайских военных по мобилизации и координации деятельности как государственных, так и частных предприятий в области исследований по кибербезопасности, а также электромагнитной и космической тематике.

Представляется, что обновленный закон позволит не только повысить способность Китая осуществлять свой национальный суверенитет на таких территориях, как Гонконг и Тайвань, но и за пределами национальных границ, в том числе в открытом космосе. В нем, в частности, отмечается, что «все национальные структуры, вооруженные силы, политические партии, гражданские группы, предприятия, общественные и другие организации поддерживают и принимают участие в развитии национальной обороны, исполняют обязанности по ее укреплению и обеспечивают реализацию задач в области обороны в соответствии с законом.

Экономические достижения Китая последних 40 лет, возвращение отторгнутых территорий, модернизация армии и в целом рост влияния страны на международной арене способствовали бурному росту национального самосознания китайского населения, а соответственно, и его политических притязаний¹.

Вся государственная деятельность КНР, включая ее космическую программу, ориентирована на реализацию идеи Си Цзиньпина о социализме с китайской спе-

¹ Конуров А. И. Современное состояние и перспективы разрешения проблемы политического статуса Тайваня в свете эволюции позиции США // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Общественные науки. 2020. № 3(840). С. 89.

цификой в новую эпоху, которая была официально внесена в Устав КПК в ходе ее 19-го съезда 24 октября 2017 г.² Космическое пространство идентифицируется как новая сфера безопасности, в связи с чем Китай будет стремиться гарантировать свое постоянное присутствие в нем.

Подводя итог, хотелось бы сказать, что деятельность КНР в космосе направлена на реализацию комплекса экономических, военных и политических задач. Ее государственное регулирование осуществляется как по партийно-идеологической линии Компартии Китая, так и по линии исполнительной власти через Госсовет, Центральный военный совет КНР и Государственное космическое управление, а основными документами, формирующими правовую базу и определяющими вектор ее развития, являются Белые книги КНР о космической деятельности, издаваемые с 2006 г. с периодичностью в пять лет, военное законодательство и подзаконные нормативные правовые акты. При этом, китайская правовая система развивается весьма динамично, что обуславливает необходимость ее дальнейшего основательного изучения, в связи с чем актуализируется потребность подготовки специалистов юридического профиля со знанием китайского языка.

Библиография

1. Дамаскин, О. В. Современное состояние и развитие уголовного права Китайской Народной Республики / О. В. Дамаскин, И. В. Холиков // Труды Института государства и права РАН. 2018. № 3 (Т.13). С. 156—180.
2. Конуров, А. И. Современное состояние и перспективы разрешения проблемы политического статуса Тайваня в свете эволюции позиции США / А. И. Конуров // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Общественные науки. — 2020. — № 3(840). — С. 83—97.
3. Холиков, И. В., Землин А. И. Основные тенденции уголовно-правового регулирования транспортной деятельности в КНР / И. В. Холиков, А. И. Землин // Транспортное право и безопасность. — 2020. — № 2 (34). — С. 154—166.

² http://www.xinhuanet.com/english/2018-03/17/c_137046261.htm (дата обращения 30.06.2021)

Гуманитарное вмешательство в международные отношения и его международно-правовая легитимность

© Чернявский Александр Геннадьевич,
доктор юридических наук, профессор, профессор
кафедры конституционного (государственного) и
международного права Военного университета
Министерства обороны Российской Федерации

Аннотация. В данной статье автор исследует понятие доктрины гуманитарного вмешательства, в том числе одностороннего и его связь с государственным суверенитетом как фундаментальный принцип и основу современного мирового порядка. По мнению автора, цель этого тезиса — определить, является ли вооруженное гуманитарное вмешательство, предпринятое для предотвращения или пресечения существенных нарушений прав человека, законным с позиции норм международного и международного гуманитарного права.

Ключевые слова: гуманитарное вмешательство, доктрина, принципы международного права, права человека, суверенитет, применение силы, злоупотребление.

Humanitarian intervention in international relations and its international legal legitimacy

© Chernyavsky A. G.,
Doctor of Law, Professor, Professor of the Department of Constitutional (State) and International Law of the Military University of the Ministry of Defense of the Russian Federation

Annotation. In this article, the author examines the concept of the doctrine of humanitarian intervention, including unilateral, and its connection with state sovereignty as a fundamental principle and the basis of the modern world order. According to the author, the purpose of this thesis is to determine whether an armed humanitarian intervention undertaken to prevent or suppress significant violations of human rights is legitimate from the standpoint of international and international humanitarian law.

Keywords: humanitarian intervention, doctrine, principles of international law, human rights, sovereignty, use of force, abuse.

Тема гуманитарного вмешательства в международные отношения и его легитимность обсуждалась в течение долгого времени. Концепция государственного суверенитета, проистекающая как из обычного права, так и из Устава ООН, как определяющий принцип межгосударственных отношений, находится в прямом конфликте с законностью доктрины гуманитарного вмешательства из-за принципа невмешательства, который осуждает все формы вмешательства во внутренние дела суверенных государств.

Принцип государственного суверенитета остается одним из фундаментально важных принципов международного права и играет главную роль в поддержании мирового порядка и мира. С другой стороны, растущее международное беспокойство по поводу защиты прав человека и гуманитарных потребностей привело к вооруженному вмешательству одного или нескольких государств во внутренние дела другого государства и к нарушению суверенитета государства-объекта нападения. Две колонны международного права — государ-

ственный суверенитет и забота о правах человека — находятся в некоем противоречии, и самая большая проблема как для теоретиков, так и для практиков — решить эту проблему. Мнения ученых, политиков и государственной практики по-прежнему расходятся по вопросу о том, существует ли право на гуманитарное вмешательство и каков его нормативный диапазон.

С окончанием первого этапа холодной войны и началом второго в мире произошли коренные изменения. Международное сообщество, которое сегодня характеризуется тремя крупными державами (Россия, Китай, США), противостоящими друг другу, столкнулось со многими проблемами, которые привели, скорее всего, к возрождению прежних понятий суверенитета и гуманитарного вмешательства. В центре дискуссии находятся вопросы: почему концепция государственного суверенитета должна быть пересмотрена, имеется в виду классическое понятие (по мнению западных теоретиков), и кто и как может осуществлять гуманитарное вмешательство. По этим вопросам среди теоретиков есть разногласия. Одна точка зрения состоит в том, что вмешательство во имя человечества не может быть допустимым, оправданным или законным. Вторая точка зрения утверждает, что насильственные действия, направленные на прекращение серьезных нарушений прав человека, разрешены международным правом.

Противоречивый характер термина «гуманитарное вмешательство» был причиной того, что авторам стало интересно изучить и проанализировать его в области международного права и особенно в области международного гуманитарного права.

Тема гуманитарного вмешательства требует в целях объективного изучения междисциплинарного подхода, который должен включать кроме прав человека, международных отношений, политики также этику и философию¹, поскольку

этические, правовые и политические условия имеют существенное значение для оценки данной доктрины.

Вообще сам тезис — доктрина гуманитарного вмешательства и его связь с государственным суверенитетом как фундаментальный принцип и основу современного мирового порядка, требует установить: а существует ли правовая и законная основа для гуманитарного вмешательства?

Исследуя правовую основу гуманитарного вмешательства, мы должны исследовать как обычное право, так и Устав ООН. В поисках законной основы для доктрины должен исследоваться и тот факт, существуют ли минимальные обязанности государств по защите прав своих граждан как элементов их суверенитета и каков этот минимум; оправдывает ли несоблюдение этих обязанностей, если они существуют, гуманитарное вмешательство и каким образом оно может быть успешно использовано. В настоящей статье делается попытка найти решение этого вопроса, анализируя эволюцию доктрины и практики гуманитарного вмешательства.

Суверенитет государств является основой межгосударственных отношений на протяжении последних нескольких столетий. Это также основа современного мироустройства. Идея суверенитета восходит к Древнему Риму, где она была сформулирована как власть Императора, и к XVI в., когда Жан Боден определил суверена как правителя, подчиняющегося только естественному закону, божественному закону и закону народов. Суверенитет, по определению Бодена — это самая высокая, абсолютная и вечная власть над гражданами и подданными в Содружестве, величайшая власть командовать.

Гуго Гроций определил суверенитет как власть, действия которой не подлежат контролю со стороны другого человека, так что они могут быть аннулированы действием любой другой человеческой воли. Томас Гоббс считал суверенитет абсолютным, единым, неотъемлемым, основанным

¹ Чернявский А. Г. Фундаментальные основы права: компаративистика в юриспруденции. М., 2019. С. 27.

на добровольном, но безотзывном договоре¹. По мнению ряда исследователей международного права, концепция государственного суверенитета была закреплена в Вестфальских договорах 1648 г., которые положили конец почти трем десятилетиям войны в Европе и положили начало новому порядку, основанному на национальном суверенитете. Вестфальский мир не санкционировал право правителей делать все, что им заблагорассудится на их собственных территориях.

Как идея окончательной и абсолютной власти в государстве, концепция суверенитета признана в Уставе ООН как одна из основных принципов международного права. Принцип суверенного равенства всех государств закреплён в ст. 2 (1) Устава ООН. Запрещение вмешательства во внутренние дела суверенных государств со стороны других суверенных государств, особенно угрозы применения силы, закреплено в ст. 2 (4) Устава. В целях содействия суверенитету государств Устав ООН в ст. 2 (7) гласит, что ничто, содержащееся в настоящем Уставе, не уполномочивает ООН вмешиваться в дела, которые по существу относятся к внутренней юрисдикции любого государства, или требует от Членов передать такие вопросы на рассмотрение в соответствии с настоящим Уставом.

Смысл, цель и пределы суверенитета также были предметом мандата Независимой международной комиссии по вмешательству и государственному суверенитету (далее — ICISS), которая была создана для того, чтобы способствовать глобальным дебатам о взаимосвязи между гуманитарным вмешательством и государственным суверенитетом и обосновывать ответственность международного сообщества действовать в условиях массовых нарушений гуманитарных норм при уважении суверенных прав государств. ICISS также утверждает в своих документах, что госу-

дарственный суверенитет — это концепция, которая лежит в основе как обычного международного права, так и Устава ООН, и остается важным компонентом поддержания международного мира и безопасности, а также защиты слабых государств от сильных. Согласно заключениям ICISS, государственный суверенитет означает компетенцию, независимость и юридическое равенство государств. Каждое государство свободно выбирать свою собственную политическую, экономическую, культурную и социальную систему, а также формулировать внешнюю политику. Объем свободы выбора государств в этих вопросах не безграничен; это зависит от развития международного права (включая добровольные соглашения).

Ограничения принципа государственного суверенитета всегда были и остаются предметом споров, и нередко мы можем услышать идею, что государственный суверенитет в его самом основном смысле пересматривается — не в последнюю очередь силами глобализации и международного сотрудничества. Однако, учитывая сегодняшнее положение в мире, многие понимают, что государства являются инструментами на службе своих народов, а не наоборот.

Одновременно нужно учитывать, что согласно Уставу ООН, суверенитет не является препятствием для действий Совета Безопасности при принятии мер в случаях угрозы миру, нарушения мира или акта агрессии. Кроме того, государственный суверенитет не может быть поводом для неисполнения государствами международных обязательств, как обычных, так и договорных. Суверенитет налагает на государства ответственность за защиту людей и собственности на своей территории.

Однако, несмотря на определяющую роль понятия государственного суверенитета в международных отношениях, оно сталкивается с определенными попытками нового трактования, особенно в первые десятилетия XXI в.

¹ Чернявский А. Г. Правовое значение идеи суверенитета для государства и права. М., 2020. С. 8—9.

Смысл вмешательства как различных форм действий без согласия государства можно определить широко, включая даже словесные замечания, и узко, включая только репрессивное вмешательство одного государства во внутренние дела другого. Многие аналитики считают, что выражение «гуманитарное вмешательство» объединяет два противоречивых термина, но, как мы видим, это выражение или термин используется почти во всей академической и политической литературе. Одновременно можно констатировать, что общепринятого определения «гуманитарного вмешательства» не существует.

Однако попытки дать определение есть, и они как мы видим, являются неким обоснованием для гибридного вмешательства во внутренние дела государств. Так Фернандо Тесон определяет «гуманитарное вмешательство» как пропорциональную трансграничную помощь, включая насильственную помощь, предоставляемую правительствами лицам в другом государстве, которым отказывают в основных правах человека и которые сами были бы рационально готовы восстать против своего репрессивного правительства¹. Или такое, которое звучит следующим образом: теория вмешательства на основе гуманности признает право одного государства осуществлять международный контроль над действиями другого в отношении своего внутреннего суверенитета, когда это противоречит законам человечества². Хотя эти определения не идентичны, они выражают суть доктрины гуманитарного вмешательства. Общими чертами всех определений являются, во-первых, использование вооруженной силы и, во-вторых, обоснование применения силы зависит от нарушений прав человека в государстве-мишени.

Термин «гуманитарный» в этом выражении играет роль оправдания вмешатель-

ства. В 19 веке термин «вмешательство на почве гуманности» использовался для описания операций, связанных с оказанием помощи при вмешательстве во внутренние дела того или иного государства. В конце 1980-х годов термин «право на вмешательство» использовался для обозначения как операций, проводимых отдельными государствами, так и действий, предпринимаемых международными организациями и неправительственными организациями.

В самом деле, термин «вмешательство» в международном праве используется в большей степени применительно к запрещенному вмешательству.

Исходя из существующей практики, видится обоснованным выделить три формы «вмешательства» в зависимости от степени применяемого принуждения: 1) вмешательство как обсуждение, изучение и рекомендательное действие; 2) вмешательство как принятие мер принудительного характера, но без применения силы и 3) вмешательство как применение силы в отношении какого-либо государства.

Основополагающей отправной точкой для любых дебатов о законности применения силы в международном праве является ст. 2 (4) Устава ООН, которая гласит: «Все члены должны воздерживаться в своих международных отношениях от угрозы или применения силы, применения силы против территориальной целостности или политической независимости любого государства, или любым другим образом, несовместимым с целями Организации Объединенных Наций». Ст. 51 и гл. VII Устава ООН официально признают некоторые особые исключения из правила, изложенного выше. Ст. 51 гласит: «Ничто в настоящем Уставе не ущемляет неотъемлемое право на индивидуальную или коллективную самооборону, если вооруженное нападение происходит против члена Организации Объединенных Наций, пока Совет Безопасности не примет меры, необходимые для поддержания международного мира и безопасности...». Гл. VII Устава также предусматривает одно явное

¹ Teson F. Humanitarian Intervention: An Inquiry into Law and Morality at 5, 1988.

² Abiew F. K. The Evolution of the Doctrine and Practice of humanitarian intervention, at 31 (Kluwer, 1999).

исключение из принципа невмешательства, предоставляя Совету Безопасности полномочия применять силу против любого государства-члена, если Совет Безопасности считает, что другие меры, не связанные с применением силы, не являются адекватными для поддержания или восстановления международного мира и безопасности.

Запрещает ли ст. 2 (4) Устава гуманитарное вмешательство? По этому поводу теоретики разделились. Большинство придерживается мнения, что гуманитарное вмешательство незаконно в соответствии с Уставом ООН, утверждая, что ст. 2 (4) не может толковаться каким-либо образом, допускающим гуманитарное вмешательство. Некоторые даже считают, что принцип невмешательства повысился до статуса *ius cogens* — императивной нормы общего применения, отступления от которой не допускаются. Сторонники гуманитарного вмешательства вместо этого заявляют, что это законно согласно Хартии прав человека (Всеобщая Декларация прав человека принята Генеральной Ассамблеей ООН 12 декабря 1948 г.) как одна из основных целей Хартии, а именно — в качестве задачи, к выполнению которой должны стремиться все народы и все государства с тем, чтобы каждый человек и каждый орган общества, постоянно имея в виду настоящую Декларацию, стремились путем просвещения и образования содействовать уважению этих прав и свобод и обеспечению путем национальных и международных прогрессивных мероприятий всеобщего и эффективного признания и осуществления их как среди народов государств — членов Организации, так и среди народов территорий, находящихся под их юрисдикцией.

Существует три основных подхода к толкованию договоров: первый, называемый «объективным», фокусируется на собственном тексте и анализе используемых слов. Второй, «субъективный», касается намерений сторон, подписывающих соглашение. Третий подход рассматривает

объекты и цель договора как ключ к значению договорного положения. Для правильного толкования положения договора необходимо принять во внимание все три подхода, и невозможно исключить любой из них: используемые слова, намерения или цели документа.

Классицисты приходят к выводу, что Хартия запрещает применение силы в гуманитарных целях. По их словам, есть только два исключения из запрета на применение силы: заявление о самообороне или коллективной самообороне и разрешение Совета Безопасности. Первое исключение разрешает применение силы в целях самообороны от вооруженного нападения, а второе позволяет Совету Безопасности действовать в качестве меры принуждения при выполнении его обязанности по поддержанию или восстановлению мира во всем мире.

Классики ссылаются на две Резолюции Генеральной Ассамблеи ООН. Первая из них — это Резолюция 2625, которая предусматривает, что «ни одно государство или группа государств не имеет права вмешиваться, прямо или косвенно, по любой причине во внутренние или внешние дела другого государства». Вторая — Резолюция 3314 Генеральной Ассамблеи от 1974 г. как необязательная рекомендация СБ ООН по определению преступления в виде агрессии. Хотя это определение не является обязательным, оно часто цитируется как аргумент, против военных действий. Согласно этой Резолюции, существует различие между агрессией и агрессивной войной. Только агрессивная война является преступлением против международного мира. Генеральная Ассамблея определила «агрессию» как применение вооруженной силы государством против суверенитета, территориальной целостности или политической независимости другого государства. Никакое оправдание любого характера, будь то политическое, экономическое, военное или иное, не может служить оправданием для агрессии.

Классики также утверждают, что право на самооборону ограничено в Хартии, и исходят из того факта, что, согласно Хартии, государство, принявшее меры в порядке самообороны, должно немедленно информировать Совет Безопасности. Как только Совет Безопасности принимает меры, право на самооборону аннулируется. Учитывая все приведенные выше аргументы, классики пришли к выводу, что гуманитарное вмешательство явно незаконно по Уставу ООН.

В отличие от классиков, реалисты утверждают, что Хартия конкретно утверждает право гуманитарного вмешательства. В отличие от классиков реалисты утверждают, что Хартия подчеркивает право гуманитарного вмешательства. Так, Тесон утверждает, что применение силы запрещено: а) когда оно наносит ущерб территориальной целостности государства-объекта нападения; б) когда это влияет на его политическую независимость; или в) когда это противоречит целям ООН. Первые два критерия объективны, потому что подлинное гуманитарное вмешательство не приводит к территориальному завоеванию или политическому подчинению. Что касается последнего критерия «цели», — заключает Тесон, то гуманитарное вмешательство соответствует одной из основополагающих целей Устава ООН — защите прав человека. Хотя и классики, и реалисты приводят убедительные аргументы в пользу своих взглядов, позиция классицистов является общепринятой. По их мнению, упоминание чего-либо означает исключение всего, что не упоминается, поэтому, по их мнению, якобы разработчики могли специально предусмотреть гуманитарное вмешательство. По мнению реалистов, если положение можно толковать разумно, не оставляя лишних слов, такое толкование предпочтительнее.

Очевидно, что составители Устава ООН намеревались остановить агрессию и нарушения прав человека, но неоднозначно прописали, каковы их намерения в отношении принесения в жертву одной цен-

ности (суверенитет) другой (права человека) в случае вооруженного конфликта под предлогом гуманитарного вмешательства.

Таким образом, мы видим, что сторонники гуманитарного вмешательства утверждают, что дипломатическая практика создала исключение из ст. 2 (4) или сохранила ранее существовавшее исключение, узаконивая применение силы для исправления серьезных нарушений прав человека. Критики этой точки зрения, утверждают, что последующая практика должна быть истолкована как запрещающая гуманитарное вмешательство.

Трактуемое таким образом положение ст. 2(4) Устава дает возможность реалистам выдвинуть пагубный тезис о несостоятельности договоренностей о коллективной безопасности и далее утверждать, что государствам разрешено сохранять свое право на одностороннее вмешательство, когда это необходимо, из-за неспособности Совета Безопасности эффективно выполнять свою роль. По словам Тесона, это применение теории *rebus sic stantibus* (фундаментального изменения обстоятельств) или полного бездействия ООН по исправлению серьезных нарушений прав человека. С другой стороны, классики утверждают, что существует возможность злоупотреблений, если разрешено одностороннее гуманитарное вмешательство, и поэтому допускать его было бы слишком опасно. Практика показывает, что именно так и происходило в Ираке, Косово, Руанде и т.д.

Так, например, в деле о проливе Корфу Международный Суд заявил, что действия ВМС Великобритании представляют собой нарушение суверенитета Албании и что предполагаемое право на вмешательство как проявление политики силы, которая в прошлом приводила к большинству серьезных злоупотреблений и такие, которые не могут найти место в международном праве, какими бы ни были недостатки в настоящее время в международной организации. По словам того же Тесона, это пример отказа Международного суда от

аргумента, основанного на неэффективности деятельности ООН. Реалисты утверждают, что система Хартии никогда не функционировала, как это было задумано составителями. Дело в том, что Совет Безопасности можно парализовать, используя право вето постоянных членов. Есть много примеров того, как ООН не вмешивается в случаи массовых нарушений прав человека. В случае отсутствия помощи со стороны ООН реалисты утверждают, что меры одностороннего применения силы отвечают наилучшим интересам мира.

Конечно на этот аргумент нужно давать конструктивный ответ и возможно его должна дать очередная Генеральная Ассамблея ООН.

Поскольку Устав ООН является договором, принципы толкования договора, изложенные в Венской конвенции о праве международных договоров, в частности, ст. 31 и 32, применимы, чтобы установить, является ли гуманитарное вмешательство законным в соответствии с Хартией. Согласно Венской конвенции о праве международных договоров, договор должен толковаться добросовестно в соответствии с обычным значением слов договора в их контексте с учетом объекта и цели договора. Цель толкования договора должна включать текст договора, его преамбулу и приложения. Если внимательно читать ст. 2 (4) Устава ООН, придавая словам их обычное значение в их контексте и в свете ее целей, вывод не может быть сделан. Взгляд на контекст Хартии не дает ответа на вопрос о законности гуманитарной интервенции в соответствии с ней, поскольку приемлемы оба взгляда на толкование ст. 2 (4).

Анализ преамбулы Устава ООН также не дает решения. В преамбуле говорится, что члены полны решимости «избавить грядущие поколения от бедствий войны», но в то же время «создать условия, при которых могут сохраняться справедливость и уважение к обязательствам, вытекающим из договоров и других источников международного права».

Из-за того, что для поддержания справедливости может быть использована сила, два требования преамбулы находятся в прямом противоречии. Один из них поддерживает законность гуманитарной интервенции, другой — нет. Бесполезны также объект и цель Устава, поскольку две противоположные ценности, мир и справедливость, являются целью ООН. Ст. 32 Венской конвенции о праве международных договоров предусматривает, что в случае, если обычное значение положения в договоре неоднозначно, можно прибегнуть к дополнительным средствам толкования, включая подготовительную работу над договором и обстоятельства его заключения.

Недостаточно документальных свидетельств о предмете подготовки Хартии, поэтому они не могут помочь в понимании истинного значения ст. 2 (4) Хартии. По словам Тесона, существует более общий вопрос: является ли определение первоначального намерения возможным или уместным для наших целей. То, что международное право должно толковаться сегодня в свете намерений составителей Устава 1945 г., является рискованным предложением. Международные договоры, особенно такие органичные, как Устав ООН, следует толковать в соответствии с настоящими целями и ожиданиями международного сообщества. Но даже если признать актуальность исследования первоначального намерения, изучение travaux préparatoires не дает ответа на вопрос, намеревались ли составители сохранить обычные исключения из применения силы, включая гуманитарное вмешательство.

Трудно сделать вывод, является ли гуманитарное вмешательство законным или нет в соответствии с Уставом ООН. Рассмотрение конкретных договоров, предшествовавших Уставу ООН, таких как Пакт Лиги арабских государств, приводит к выводу, что применение силы было запрещено: «применение силы для урегулирования споров, возникающих между двумя или более государствами-членами Лиги, явля-

ется недопустимым, запрещено. Пакт Рио-де-Жанейро 1947 г. (Межамериканский договор о взаимной помощи) и Боготская хартия 1948 г. (IX межамериканская конференция в Боготе)¹ также запрещали применение силы со ссылкой на Устав ООН. Критическая оценка аргументов как классиков, так и реалистов показывает, что аргументы первых более убедительны. Учитывая, что вместе с упомянутыми договорами, можно сделать вывод, что Устав ООН запрещает одностороннее применение силы.

Принято различать формальные и материальные источники права. Формальные источники — это те юридические процедуры и методы для создания правил общего применения, которые имеют обязательную юридическую силу. Материальные источники свидетельствуют о существовании юридически обязательных правил общего применения. Формальных источников в международном праве нет, но взамен есть принцип, согласно которому общее согласие государств создает правила общего применения. Изложением этого принципа является определение обычая в международном праве.

В международном праве не просто определить, где находится закон и является ли конкретное предложение правовой нормой из-за отсутствия законодательной власти и надлежащей системы судов с обязательной юрисдикцией для толкования и расширения закона. Однако международное право существует и может быть определено.

Статут Международного Суда в ст. 38.1 (b) перечисляет источники международного права. Это широко признано как наиболее авторитетное заявление об источниках. Второй источник международного права, перечисленный в Статуте Международного Суда, — это международный обычай как свидетельство общей практики, признанной в качестве закона.

Обычай состоит из двух элементов: объективного «общей практики» и субъективного «принятого в качестве закона», так называемого *opinio iuris*.

Что касается обычаев, то государства, участвуя в процессе нормотворчества, не действуют с основной целью установления международных правил. Их главная забота — защитить некоторые экономические, социальные или политические интересы. Постепенное рождение нового международного правила является побочным эффектом поведения государств в международных отношениях.

Обычай следует отличать от других правил, которым государства могут следовать, не чувствуя юридических обязательств. Это правила вежливости, дружбы или удобства. Таким образом, для того, чтобы существовала норма обычного международного права, должна существовать практика, которой следует большинство государств, полагая, что существует верховенство закона, которое требует такой практики.

В соответствии с вышеизложенным можно сделать определенные выводы:

1. Государственный суверенитет сосуществовал с принципом одностороннего гуманитарного вмешательства с момента создания государственной системы, что одностороннее гуманитарное вмешательство было широко признано законным в соответствии с обычным правом до принятия Устава ООН, в котором концепция суверенитета была пересмотрена.

2. Одностороннее гуманитарное вмешательство не допускается Уставом ООН.

3. Несмотря на попытки западного трактования, доктрина гуманитарного вмешательства не перешла в норму обычного международного права. Доктрина не получила широкой поддержки в государственной практике, в то время как практика после первой холодной войны предполагает, что государства используют более широкую

¹ История дипломатии. Т. 5. Кн. 1. / Под ред. А. А. Громыко и др. — 2-е изд., перераб. и доп. М.: Политиздат, 1974. С. 582—585.

концепцию гуманитарного вмешательства и растущую поддержку этой доктрины.

4. Несмотря на массированное продвижение возможности использования доктрины одностороннего гуманитарного вмешательства, которая также является нарушением норм международного права, решение о ее использовании даже в случаях массовых нарушений прав человека, учитывая, что существует возможность злоупотреблений, должно регулироваться международным правом четко и без возможности интерпретаций.

Библиография

1. Fernando Teson. Humanitarian Intervention: An Inquiry into Law and Morality at 5, 1988.
2. Abiew F. K. The Evolution of the Doctrine and Practice of humanitarian intervention, at 31 (Kluwer, 1999).
3. История дипломатии. Т. 5. Кн. 1. / Под ред. А. А. Громько и др.— 2-е изд., перераб. и доп. — М.: Политиздат, 1974.
4. Чернявский, А. Г. Правовое значение идеи суверенитета для государства и права / А. Г. Чернявский. — М., 2020.
5. Чернявский, А. Г. Фундаментальные основы права: компаративистика в юриспруденции / А. Г. Чернявский. — М., 2019.